

русские
стихи
1950–2000
1-й том

русские стихи

1950–2000 *1-й том*

Лира Абдуллина 657 | Дмитрий Авалиани 798 | Леонид Агеев 616 | Георгий Адамович 32 | Геннадий Айги 571 | Юрий Айхенвальд 397 | Василий Аксёнов 493 | Геннадий Алексеев 494 | Лидия Алексеева 176 | Юз Алешковский 432 | Даниил Андреев 117 | Галина Андреева 520 | Мария Андреевская 658 | Павел Антокольский 58 | Михаил Анчаров 340 | Александр Аронов 577 | Николай Асеев 16 | Белла Ахмадулина 719 | Анна Ахматова 17 | Анна Баркова 75 | Вилен Барский 449 | Агния Барто 119 | Лидия Бартольд 102 | Ефрем Баух 582 | Владлен Бахнов 352 | Игорь Бахтерев 158 | Вагрич Бахчанян 809 | Евгений Бачурин 583 | Юрий Белаш 295 | Валентин Берестов 399 | Симон Бернштейн 373 | Юрий Благов 212 | Вениамин Блаженный 324 | Дмитрий Бобышев 659 | Илья Бокштейн 724 | Лев Болтовский 107 | Владимир Британишский 521 | Иван Бунин 4 | Владимир Бурич 503 | Иван Буркин 271 | Константин Ваншенкин 377 | Виктор Василенко 108 | Александр Вертинский 22 | Юрий Визбор 585 | Николай Вильямс 389 | Леонид Виноградов 663 | Евгений Винокуров 379 | Андрей Вознесенский 522 | Александр Володин 272 | Анри Волохонский 671 | Надежда Вольпин 74 | Александр Вольпин 353 | Сергей Вольф 618 | Владимир Высоцкий 812 | Аркадий Гаврилов 472 | Владлен Гаврильчик 435 | Александр Галич 250 | Михаил Гаспаров 624 | Евгений Герф 725 | Владимир Гершуни 452 | Александр Гитович 177 | Николай Глазков 275 | Глеб Глинка 81 | Василиск Гнедов 23 | Александр Големба 335 | Евгений Головин 820 | Эдуард Гольдернесс 393 | Наталья Горбаневская 675 | Глеб Горбовский 475 | Яков Гордин 625 | Александр Городницкий 528 | Рид Грачёв 628 | Семён Гринберг 821 | Олег Гриценко 679 | Павел Громов 236 | Игорь Губерман 681 | Юлий Даниэль 382 | Юрий Домбровский 178 | Николай Доризо 343 | Сергей Дрофенко 530 | Евгений Евтушенко 508 | Иван Елагин 256 | Михаил Ерёмин 731 | Анатолий Жигулин 456 | Владимир Жилин 531 | Николай Заболоцкий 82 | Павел Зальцман 199 | Борис Заходер 262 | Михаил Зенкевич 6 | Алла Зиминая 88 | Владимир Злобин 44 | Яков Зугман 485 | Георгий Иванов 45 | Иван Игнатов 103 | Олег Ильинский 514 | Илья Иослович 735 | Фазиль Искандер 442 | Владимир Казаков 822 | Василий Казанцев 632 | Михаил Казмичев 62 | Владимир Капелько 738 | Юрий Карабчиевский 827 | Юрий Кашин 460 | Александр Квятковский 12 | Юлий Ким 683 | Семён Кирсанов 121 | Дмитрий Кленовский 36 | Анатолий Клещенко 331 | Борис Климычев 462 | Владимир Ковенацкий 829 | Александр Козлов 837 | Яков Козловский 332 | Вадим Козовой 740 | Александр Кондратов 743 | Герцен Копылов 384 | Наум Коржавин 386 | Владимир Корнилов 403 | Наталья Крандиевская 13 | Михаил Красильников 534 | Станислав Красовицкий 635 | Евгений Кропивницкий 37 | Арон Крупп 746 | Алексей Кручёных 7 | Борис Кузин 91 | Сергей Кулле 688 | Павел Кустов 127 | Александр Кушнер 694 | Николай Ладыгин 93 | Александр Лайко 840 | Константин Левин 354 | Юрий Левитанский 337 | Владимир Леонович 537 | Семён Липкин 187 | Инна Лиснянская 406 | Владимир Лифшиц 213 | Лев Лосев 747 | Владимир Львов 391 | Михаил Львовский 282 | Александр Люкин 283 | Анатолий Маковский 540 | Ефим Мандель 753 | Роальд Мандельштам 515 | Анатолий Мариенгоф 63 | Андрей Марков 95 | Сергей Марков 129 | Вера Маркова 137 | Леонид Мартынов 111 | С. Маршак 9 | Новелла Матвеева 587 | Михаил Матусовский 244 | Александр Межиров 344 | Арво Метс 756 | Юрий Михайлов 550 | Рувим Моран 170 | Александр Морев 593 | Юнна Мориц 758 | Михаил Морозов 61 | Николай Моршен 246 | Владимир Муравьёв 407 | Владимир Набоков 65 | Анатолий Найман 700 | Борис Нарциссов 131 | Виктор Некипелов 408 | Всеволод Некрасов 594 | Ксения Некрасова 201 | Евгений Нестеров 552 | Андрей Николев 54 | Михаил Нилин 606 | Георгий Оболдуев 64 | Юрий Одарченко 96 | Ирина Одоевцева 56 | Лев Озеров 239 | Булат Окуджава 360 | Яков Островский 517 | Алексей Охрименко 347 | Николай Оцуп 51 | Юрий Панкратов 641 | Михаил Панов 299 | Борис Пастернак 24 | Анатолий Передреев 612 | Сергей Петров 191 | Мария Петровых 172 | Людмила Петрушевская 841 | Герман Плисецкий 486 | Владимир Попов 844 | Валентин Португалов 214 | Алексей Прасолов 463 | Юзеф Пресняков 646 | Анна Присманова 34 | Олег Прокофьев 410 | Софья Прокофьева 411 | Арсений Прохожий 392 | Павел Радимов 10 | Евгений Рейн 648 | Алексей Решетов 762 | Роберт Рождественский 518 | Валерий Рубин 847 | Николай Рубцов 703 | Рутман 448 | Давид Самойлов 308 | Генрих Сапгир 412 | Ян Сатуновский 217 | Михаил Светлов 101 | Илья Сельвинский 68 | Светлан Семеновна 848 | Глеб Семёнов 264 | Андрей Сергеев 553 | Роман Сеф 488 | Вадим Сидур 370 | Нонна Слепакова 710 | Борис Слуцкий 285 | Ярослав Смеляков 229 | Юрий Смирнов 556 | Владимир Смоленский 80 | Марк Соболев 266 | Михаил Соколов 849 | Владимир Соколов 422 | Валентин Соколов (З/К) 394 | Михаил Сопин 491 | Виктор Соснора 713 | Игорь Старинин 766 | Николай Стефанович 206 | Елизавета Стюарт 135 | Дмитрий Сухарев 466 | Арсений Тарковский 140 | Олег Тарутин 653 | Александр Твардовский 184 | Мария Терентьева 136 | Алексей Тимаховский 859 | Александр Тимофеевский 565 | Ирина Токмакова 443 | Леон Тоом 333 | Леонид Топчий 232 | Николай Тряпкин 267 | Николай Тuroверов 71 | Владимир Тымнетувге 656 | Эдуард Успенский 767 | Владимир Уфлянд 769 | Николай Ушаков 72 | Алексей Фатьянов 294 | Леонид Фейнберг 60 | Евгений Феокистов 776 | Виктор Филин 718 | Александр Флешин 428 | Лев Халиф 471 | Игорь Холин 313 | Валентин Хромов 567 | Моисей Цетлин 115 | Александр Цыбулевский 430 | Вадим Черняк 613 | Леонид Чертков 569 | Игорь Чиннов 180 | Борис Чичибабин 350 | Сергей Чудаков 777 | Лидия Чуковская 149 | Корней Чуковский 5 | Олег Чухно 786 | Олег Чухонцев 860 | Варлам Шаламов 150 | Николай Шатров 444 | Георгий Шенгели 52 | Вадим Шефнер 240 | Игорь Шклярский 864 | Геннадий Шпаликов 787 | Аркадий Штейнберг 156 | Владимир Щадрин 795 | Илья Эренбург 31 | Валентин Ярыгин 323 | Александр Яшин 233

русские
стихи

1950–2000

1-й том

русские стихи

1950–2000 *1-й том*

2 | Геннадий Айги 571 | Юрий Айхенвальд 397 | Василий Аксёнов 493 | Геннадий Алексеев 494 | Лидия Алексеева
евская 658 | Павел Антокольский 58 | Михаил Анчаров 340 | Александр Аронов 577 | Николай Асеев 16 | Белла
го 119 | Лидия Бартольд 102 | Ефрем Баух 582 | Владлен Бахнов 352 | Игорь Бахтерев 158 | Вагрич Бахчанян 809 |
73 | Юрий Благов 212 | Вениамин Блаженный 324 | Дмитрий Бобышев 659 | Илья Бокштейн 724 | Лев Болтовский
71 | Константин Ваншенкин 377 | Виктор Василенко 108 | Александр Вертинский 22 | Юрий Визбор 585 | Николай
й 522 | Александр Володин 272 | Анри Волохонский 671 | Надежда Вольпин 74 | Александр Вольпин 353 | Сергей
| Александр Галич 250 | Михаил Гаспаров 624 | Евгений Герф 725 | Владимир Гершуни 452 | Александр Гитович
335 | Евгений Головин 820 | Эдуард Гольдернесс 393 | Наталья Горбаневская 675 | Глеб Горбовский 475 | Яков
Гриценко 679 | Павел Громов 236 | Игорь Губерман 681 | Юлий Даниэль 382 | Юрий Домбровский 178 | Николай
л Ерёмин 731 | Анатолий Жигулин 456 | Владимир Жилин 531 | Николай Заболоцкий 82 | Павел Зальцман 199 |
Вугман 485 | Георгий Иванов 45 | Иван Игнатов 103 | Олег Ильинский 514 | Илья Иослович 735 | Фазиль Искандер
Капелько 738 | Юрий Карабчиевский 827 | Юрий Кашин 460 | Александр Квятковский 12 | Юлий Ким 683 | Семён
52 | Владимир Ковенацкий 829 | Александр Козлов 837 | Яков Козловский 332 | Вадим Козовой 740 | Александр
Наталья Крандиевская 13 | Михаил Красильников 534 | Станислав Красовицкий 635 | Евгений Кропивницкий 37
стов 127 | Александр Кушнер 694 | Николай Ладыгин 93 | Александр Лайко 840 | Константин Левин 354 | Юрий
| Владимир Лифшиц 213 | Лев Лосев 747 | Владимир Львов 391 | Михаил Львовский 282 | Александр Люкин 283 |
ариенгоф 63 | Андрей Марков 95 | Сергей Марков 129 | Вера Маркова 137 | Леонид Мартынов 111 | С. Маршак 9 |
с 756 | Юрий Михайлов 550 | Рувим Моран 170 | Александр Морев 593 | Юнна Мориц 758 | Михаил Морозов 61 |
ман 700 | Борис Нарциссов 131 | Виктор Некипелов 408 | Всеволод Некрасов 594 | Ксения Некрасова 201 | Евгений
й Одарченко 96 | Ирина Одоевцева 56 | Лев Озеров 239 | Булат Окуджава 360 | Яков Островский 517 | Алексей
Пастернак 24 | Анатолий Передреев 612 | Сергей Петров 191 | Мария Петровых 172 | Людмила Петрушевская 841
асолов 463 | Юзеф Пресняков 646 | Анна Присманова 34 | Олег Прокофьев 410 | Софья Прокофьева 411 | Арсений
жественский 518 | Валерий Рубин 847 | Николай Рубцов 703 | Рутман 448 | Давид Самойлов 308 | Генрих Сапгир
ненко 848 | Глеб Семёнов 264 | Андрей Сергеев 553 | Роман Сеф 488 | Вадим Сидур 370 | Нонна Слепакова 710 |
й 80 | Марк Соболь 266 | Михаил Соковнин 849 | Владимир Соколов 422 | Валентин Соколов (З/К) 394 | Михаил
авета Стюарт 135 | Дмитрий Сухарев 466 | Арсений Тарковский 140 | Олег Тарутин 653 | Александр Твардовский
| Ирина Токмакова 443 | Леон Тоом 333 | Леонид Топчий 232 | Николай Тряпкин 267 | Николай Туроверов 71 |
наков 72 | Алексей Фатьянов 294 | Леонид Фейнберг 60 | Евгений Феоктистов 776 | Виктор Филин 718 | Александр
15 | Александр Цыбулевский 430 | Вадим Черняк 613 | Леонид Чертков 569 | Игорь Чиннов 180 | Борис Чичибабин
| Олег Чухонцев 860 | Варлам Шаламов 150 | Николай Шатров 444 | Георгий Шенгели 52 | Вадим Шефнер 240 |
р Щадрин 795 | Илья Эренбург 31 | Валентин Ярыгин 323 | Александр Яшин 233

русские стихи 1950–2000

Антология
(первое приближение)

В двух томах

Том 1

Составители
Иван Ахметьев
Герман Лукомников
Владимир Орлов
Андрей Урицкий

Москва, 2010

культурный слой

ВОЛШЕБНЫЙ ХОР

Русские стихи 1950–2000 годов. Антология (первое приближение). В двух томах. Том 1. / Сост. И. Ахметьев, Г. Лукомников, В. Орлов, А. Урицкий. – М.: Летний сад, 2010. – 920 с. – (Культурный слой; Волшебный хор). ISBN 978-5-98856-111-8 ISBN 978-5-98856-110-1 (т. 1–2)

Антология русской поэзии второй половины 20 века (в 2-х томах).

Наряду с широко известными поэтами представлено множество малоизвестных авторов (а также и вовсе неизвестных), публиковавшихся в самиздате и за рубежом. Используются самые разные источники – от рукописей и архивов до интернет-публикаций. Антология снабжена справочным разделом.

Книга поможет увидеть поэтический процесс, происходящий в русской литературе, с новой и неожиданной точки зрения; она будет интересна как любителям и знатокам поэзии, так и тем, кто только открывает для себя богатейший мир русского стиха. В первом томе публикуются авторы, родившиеся до 1939.

дизайн и вёрстка И. Бернштейн

Антология издана благодаря финансовой поддержке Сергея Леонидовича Беляева

© Авторы, наследники. 2010
© И. Ахметьев, В. Орлов, А. Урицкий. Составление, 2010
✉ Г. Лукомников. Составление, 2010
© И. Бернштейн. Оформление, 2010
© «Летний сад». 2010

Предисловие

Необходимость появления антологии русской поэзии второй половины XX века достаточно очевидна. В последние годы возникла реальная возможность подготовить такое издание: с конца 1980-х были опубликованы многие авторы самиздата, «вернулись на родину стихами» эмигранты всех поколений, у официально печатавшихся поэтов тоже многое было извлечено из архива, и об их творчестве можно получить более полное представление. Конечно, эти процессы далеко не завершены, но уже можно попытаться подвести некоторый итог.

В настоящую антологию включены стихи, написанные (или оконченные) с 1950 по 2000 год.

В отношении некоторых не датированных стихотворений у нас нет полной уверенности попадания в указанный хронологический интервал, но по ряду косвенных признаков мы предполагаем, что вероятность этого весьма высока; к тому же таких не совсем ясных случаев относительно немного.

В антологии представлено 576 авторов.

Подборки расположены по годам рождения авторов. В рамках одного года рождения авторы расположены по алфавиту. Авторы, чьи годы рождения неизвестны или известны лишь приблизительно, расположены ориентировочно.

В качестве источников использовались прежде всего авторские книги, однако по мере необходимости также и периодические издания, альманахи, коллективные сборники, антологии, сетевые публикации, бумажные и электронные архивы составителей.

При наличии вариантов текста мы не всегда выбирали наиболее поздний.

Некоторые тексты, предлагаемые в качестве самостоятельных, входят в авторские циклы – эти случаи оговорены в примечаниях и отмечены значком #.

Авторская орфография и пунктуация в целом сохранена; явные опечатки мы исправляли.

В конце каждого тома имеется раздел библиографических справок и примечаний.

Мы осознаём, что наверняка не смогли подробно рассмотреть творчество всех авторов, писавших в обозначенный период. Поэтому оговариваем, что настоящее издание является «первым приближением» к более совершенной версии. Но мы надеемся, что уже сделанный нами отбор в основном представляет собой часть, и довольно значительную, лучших стихов, написанных по-русски за это время.

Антология, безусловно, отражает наши вкусы, знания и представления, которые, однако, в процессе работы заметно для нас изменились: мы узнали много нового и удивительного. Желаем того же читателям!

Мы глубоко признательны всем, кто так или иначе помогал нам в этой работе: Михаилу Айзенбергу, Артему Баденкову, Т. Н. Бедняковой, Валерии Лобанову, Татьяне Нешумовой, М. П. Нилину, Сергею Панову, Евгению Перемышлеву, Евгению Портнову, Анне Сафроновой, Асе Флитман, Михаилу Шейнкеру и многим другим нашим друзьям и коллегам. Особая благодарность – нашему консультанту, оказавшему огромную помощь, но пожелавшему остаться неизвестным.

Составители

Необходимо добавить, что каждый из составителей не согласен с некоторыми решениями составительского коллектива.

Иван Бунин

Ночь

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только Он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.

1952

Корней Чуковский

Радость

Рады, рады, рады
Светлые берёзы,
И на них от радости
Вырастают розы.

Рады, рады, рады
Тёмные осины,
И на них от радости
Растут апельсины.

То не дождь пошёл из облака
И не град,
То посыпался из облака
Виноград.

И вороны над полями
Вдруг запели соловьями.

И ручьи из-под земли
Сладким мёдом потекли.

Куры стали павами,
Лысые – кудрявыми.

Даже мельница – и та
Заплясала у моста.

Так бегите же за мною
На зелёные луга,
Где над синею рекою
Встала радуга-дуга.

Мы на радугу
вска-ра-б-каемся,
Поиграем в облаках
И оттуда вниз по радуге
На салазках, на коньках!

<1942, 1956>

Михаил Зенкевич

* * *

В доме каком-нибудь многоэтажном
Встретить полночь в кругу бесшабашном,
Только б не думать о самом важном,
О самом важном, о самом страшном.
Все представляя в свете забавном,
Дать волю веселью, и смеху, и шуткам, –
Только б не думать о самом главном,
О самом главном, о самом жутком.

1953

Перед судом

Старик, словно облак, кудлатый
Стоял, как средь неба, средь хаты.
Меня оглушило знакомым
Раскатистым майским громом...

«Ты кто? Богомаз, художник?
Аль был стихоплетом, поэтом,
Как все – нечестивец, безбожник.
Но только ты не на этом,
Теперь ты на том свете
Стоишь предо Мной в ответе.
Господь Бог Отец Я есмь,
А ты еси
Здесь пред судом Моим
На небеси.
В миру таких шляется много.
Омойся и стань у порога!»

Тут брызнул ливень лучистый,
Серебряный, теплый, чистый...
Причудилось?
Нет, через ельник
Набрел пред грозой я на пчельник,
Где жил тот безумный отшельник.

1967

Алексей Кручёных

Разлука

Леденящие ночи-разлучницы
страшно близки –
я получаю уже не поцелуи, не письма,
а одни отписки.
Еще вчера –
был Круч
гремуч,
кипуч бураном,
теперь
тону
в дыму махры,
колючках задыханья,
от Танахары – не вижу даже
то-нень-кой те-ни я...

На темном дне пруда
не шелестят
недвижные и скользкие растения...

Зову:
– Дай вволю выплакаться
на твоём плече,
мне будет пусто,
но не помочь –
ничем...

Чу!.. Что это?
Будто листьев дрожанье...
Знакомый шепот:
– А я помогла!
Таня.

Не скули, Алексеенька,
словно зайчика серенький...
Когда по темным морям
ледяными материками
сгинут облака, –
быть может, сама приду к тебе
беспутную душу свою
отрыдать...

Пиджачкам-грухлячкам

Актеришки-халтурщики,
ваша горечь – не горечь,
только горчица и рыжая редька,
не кровь, не злые напасти, –
дешевка подделки, пестрядь расцветки.

Вы бережетесь в жестах, словах,
но – знайте! – без риска,
над пропастью поворота, –
весь ваш театрик давно позачах,
жиденько все, тошно и криворото.

Нет, не такие...

Я видел трагическую –
не было горше и краше девичьего рта, –
настежь глазища,
сердце – навывлет –
воплъ, чернословие!..

А полночь –
все громче и громче
в чугунную доску
колотит –
п о б е р е г и с ь!

На нас
*обрушилось
исчадие ада
в белой рубахе!*

Стремглавно,
в грязи, в распятых,
билась впотьмах,
косы – разметаны...

В исступлении грызлась на плахе,
головую касаясь земли,
вся в позвонках,
пружинах, винтах,
гибче и крепче змеи,

о т ч а я в ш а я с я н а г о т а!..

И, под конец,
взорвалась надзвездной гранатой,
да так,
что весь театр
замертво ахнул...

С. Маршак

Что горит?

– Кажись, пожар? –
Спросил Захар.

– А что горит? –
Промолвил Тит.

– Соседний дом. –
Сказал Пахом.

– Туши пожар! –
Кричит Макар.

– Уж потушили! –
Сказал Василий.

* * *

Воробьи по проводам
Скачут и хохочут.
Верно, строчки телеграмм
Ножки им щекочут.

* * *

Т. Г.

Люди пишут, а время стирает,
Все стирает, что может стереть.
Но скажи, – если слух умирает,
Разве должен и звук умереть?

Он становится глуше и тише,
Он смешаться готов с тишиной.
И не слухом, а сердцем я слышу
Этот смех, этот голос грудной.

1960

Павел Радимов

Август

Август хорош, но засуха сказалась, и листья у липы
Падают вниз на траву, стежку в лесок золотя.
Если по ней и пойдешь, наберешь ты большую корзину
Выросших за ночь грибов: белые жмутся семьей,
Рядом березовики и волвенки, гнездо сыроежек,
С исподом желтым масляк, рыжик на тонкой ноге.
Бабка Аксинья с утра позаботилась с делом домашним
И, подоивши коров, в лес за грибами пошла.
Череседельник в севальник продела, удобней для сбора,
Фартук сверх кофты на ней, словно в собор собралась.
Чинною бабка идет, а за нею грачиные стаи
Криком веселым кричат, будет удача в пути.
Августа солнце по льнам из-за туч полоснуло лучами,
Бабке работа зимой: тонкое прятье волокно.

1959

Кукушка

Осторожны дятла стуки,
По лесам прошла весна.
Полонили чащу звуки,
Птичьим говором полна.

Не хватает лишь кукушки,
Мне любезен томный стон.
Недалеко от опушки
До меня донесся он.

Погадай мне птица сера
Про грядущие года.
У меня все та же вера –
Жизнь любить и петь всегда.

1963

Осенний флаг

Последним клен махнул листом
И бронза наземь пала.
Стояла осень за бугром,
Рябина зреет ало.

Я в этот день бродил в лесу,
Сбирал осеннюю красу,
И слушал там синичий свист,
И красный брал осины лист.

Как будто с флагом шел домой...
О, что за осень, боже мой,
Как розов мелкий бересклет,
Как хорошо, что я поэт!

1964

Песня без слов

Стучится дятел поутру
В березовую кору,
А листья вьются по ветру.
Люблю я эту пору!
Мышонок жметя в нору.
А клен так царственно-хорош,
Но зимних срок идет порошок,
Метели недалече.
Лишь снегири как свечи.
А куст орешника не трожь,
Скорлупка лопнет на ядре.
Здесь хорошо быть на заре:
Сова махнет крылами,
А зайцы под кустами
Лишь ворошат усами,
Да нет грибов, но тишь лесов
Укромный приготовит кров,
Где звуков нет и нету слов.

1965

Александр Квятковский

Колечко

Вступил на кривой мост.
Мурлычет внизу речка.
Серебряный свет звезд.
Поют «Потеряла колечко».

Какаяверху синь!
Звенит и звенит где-то.
Ты тяжесть годов скинь
В медовое легкое лето!

Веселая спит грусть, –
Мы с нею и здесь вместе.
Серебряный свет? Пусть!
Из сердца хорошие вести.

Как кошка, идет сон.
Звезда на воде – мышка.
А песня? Уже – всё:
Колечко потеряно. Крышка!

1951

Наталья Крандиевская

* * *

Вещи есть совсем обычные,
Незаметные, привычные, –
И не думаем о них,
Например, вот эта палочка,
Путевод и выручалочка,
Антигона всех слепых.

Мне она сегодня спутница,
От любой беды заступница,
Шепчет: «Стой, не торопись,
Осторожно, помаленечку
Отыщи ногой ступенечку
И на ней не оступись!

Я в пути твоём разведчица,
Я за каждый шаг ответчица,
Шарю, шарю впереди...
Здесь – ложбинка, здесь – обочина,
Здесь тропа дождем источена,
Ну а здесь – смелей иди!»

1958

* * *

Я во сне отца спросила:
Не тесна ль тебе могила?

Ты, меня опередивший,
Как там, что там? Расскажи!
Мир живущих с миром живших
На минутку увяжи.

Ты молчишь недоуменно,
Ты поверх меня глядишь,
И становится мгновенно
Очень страшной эта тишь.

1958

* * *

И вот опять безмолвный чёлн
Уплыл, рыданием преследуем.
Ток жизни выключен? Не ведаем.
Быть может, ток переключен?

А на кресте венки качаются.
Кругом забвение и тишь.
«Нет, этим дело не кончается», –
Ты убежденно говоришь.

И все же, недоумевая,
Ты долго медлишь у холма,
Где скрылась жизнь, и где сама
Травинка поросль молодая
Непостижима для ума.

1958

* * *

Позабуду я не скоро
Бликов солнечную сеть.
В доме были полотеры,
Были с мамой разговоры,
Я хотела умереть.

И томил в руке зажатый
Нашатырный пузырек.
На паркет, на клочья ваты
Дул апрельский ветерок,
Зимним рамам вышел срок...

И печально и приятно
Умереть в шестнадцать лет...
Сохранит он, вероятно,
Мои письма и портрет.
Будет плакать или нет?

В доме благостно и чинно:
В доме – всё наоборот,
Полотеры по гостиной
Ходят задом наперед.
На степенных ликах – пот.

Где бы мне от них укрыться,
В ванной что ли, в кладовой,
Чтобы все же отравиться?
Или с мамой помириться
И остаться мне живой?

1958

* * *

Там, в двух шагах от сердца моего,
Харчевня есть – «Сиреневая ветка».
Туда прохожие заглядывают редко,
А чаще не бывает никого.

Туда я прихожу для необычных встреч.
За столик мы, два призрака, садимся,
Беззвучную ведем друг с другом речь,
Не поднимая глаз, глядим – не наглядимся.

Галлюцинация ли то, иль просто тени,
Видения, возникшие в дыму,
И жив ли ты, иль умер, – не пойму...
А за окном наркоз ночной сирени
Потворствует свиданью моему.

1960

* * *

Из бесформенной хляби доносится вдруг:
«Вас приветствует старый, давнишний друг.
Может, вспомните дачу на взморье под Ригой,
Вы разучивали в то лето Грига.
И особенно нравилась вам когда-то
В ми-миноре стремительная соната».

Этот голос врасплох. И в ответ я молчу.
Осторожная память погасила свечу.
И на ночь стало все в этом мире похоже.
И откуда тот голос – неведомо тоже.

1960

Николай Асеев

* * * #

Я не могу без тебя жить!
Мне и в дожди без тебя – сушь,
мне и в жары без тебя – стыть,
мне без тебя и Москва – глушь.

Мне без тебя каждый час – с год,
если бы время мельчить, дробя;
мне даже синий небесный свод
кажется каменным без тебя.

Я ничего не хочу знать –
слабость друзей, силу врагов;
я ничего не хочу ждать,
кроме твоих драгоценных шагов.

1960

Сон

Мне снилось: Хлебников пришел в Союз поэтов,
пророк, на торжище явившийся во храм...
Нагую истину самим собой поведав,
он был торжественно беспомощен и прям.

Вокруг него теснились мытари угрюмо,
но он, как облако, меж ними прошумел
о толстодушии бывшего толстосума...
А я помочь ему не смог и не сумел!

Я не отрекся, и петух не пел полночь,
но сон прервался и вставать была пора...
А если мыслью и пылинки ты не сдунешь,
то как же ею с места сдвинется гора?

1956–1961

Анна Ахматова

Другая песенка

Несказанные речи
Я больше не твержу,
Но в память той не встречи
Шиповник посажу.

Как сияло там и пело
Нашей встречи чудо,
Я вернуться не хотела
Никуда оттуда.
Горькой было мне услодой
Счастье вместо долга,
Говорила с кем не надо,
Говорила долго.
Пусть влюбленных страсти душат,
Требуя ответа,
Мы же, милый, только души
У предела света.

1957

Приморский сонет

Здесь всё меня переживет,
Всё, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней.
И над цветущею черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,
И всё похоже на аллею
У царскосельского пруда.

1958

Эпиграмма

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!

Летний сад

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,

Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскою помню водой.

В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.

И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.

И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.

А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.

И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

1959

* * * #

И в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок –
Трагический тенор эпохи.

1960

* * * #

Всем обещаньям вопреки
И перстень сняв с моей руки,
Забыл меня на дне...
Ничем не мог ты мне помочь.
Зачем же снова в эту ночь
Свой дух прислал ко мне?
Он строен был, и юн, и рыж,
Он женщиною был,
Шептал про Рим, манил в Париж,
Как плакальщица выл...
Он больше без меня не мог:
Пускай позор, пускай острог...

Я без него могла.

1961

Петербург в 1913 году

За заставой воеет шарманка,
Водят мишку, пляшет цыганка
На заплеванной мостовой.
Паровик идет до Скорбящей,
И гудочек его щемящий
Откликается над Невой.
В черном ветре злоба и воля.
Тут уже до Горячего Поля,
Вероятно, рукой подать.
Тут мой голос смолкает вещей,
Тут еще чудеса похлеще,
Но уйдем – мне некогда ждать.

1961

* * *

Так не зря мы вместе бедовали,
Даже без надежды раз вздохнуть.
Присягнули – проголосовали
И спокойно продолжали путь.

Не за то, что чистой я осталась,
Словно перед Господом свеча,
Вместе с вами я в ногах валялась
У кровавой куклы палача.

Нет! и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл –
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

1961

Бег времени

Что войны, что чума? – конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесен,
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?

1961

* * *

И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной...
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.

1962

* * *

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

Защитники Сталина

Это те, что кричали: «Варраву!
Отпусти нам для праздника...», те
Что велели Сократу отраву
Пить в тюремной глухой тесноте.

Им бы этот же вылить напиток
В их невинно клеветущий рот,
Этим милым любителям пыток,
Знатокам в производстве сирот.

1962

В Зазеркалье

O quae beatam, Diva, tenes
Сургum et Memphin...
Hor.

Красотка очень молода,
Но не из нашего столетья,
Вдвоем нам не бывать – та, третья,
Нас не оставит никогда.
Ты подвигаешь кресло ей,
Я щедро с ней делюсь цветами...
Что делаем – не знаем сами,
Но с каждым мигom нам страшней.
Как вышедшие из тюрьмы,
Мы что-то знаем друг о друге
Ужасное. Мы в адском круге,
А может, это и не мы.

1963

* * *

Я не сойду с ума и даже не умру.

1963

Музыка

Сама себя чудовищно рождая,
Собой любясь и собой давясь,
Не ты ль, увy, единственная связь
Добра и зла, земных низин и рая?
Мне кажется, что ты всегда у края.

1965

Александр Вертинский

* * *

Я всегда был за тех, кому горше и хуже,
Я всегда был для тех, кому жить тяжело.
А искусство мое, как мороз, даже лужи
Превращало порой в голубое стекло.

Я любил и люблю этот бренный и тленный,
Равнодушный, уже остывающий мир,
И сады голубые кудрявой вселенной,
И в высоких надзвездях синий эфир.

Трубочист, перепачканный черною сажей,
Землекоп, из горы добывающий мел,
Жил я странною жизнью моих персонажей,
Только собственной жизнью пожить не успел,

И, меняя легко свои роли и гримы,
Растворяясь в печали и жизни чужой,
Я свою – проиграл, но зато Серафимы
В смертный час прилетят за моею душой!

1952

* * *

Сквозь чашу пошлости, дрожа от отвращения,
Я продираюсь к дальнему лучу.
Я задыхаюсь. Но в изнеможеньи
Я все еще о чем-то бормочу...

Василиск Гнедов

* * *

Но где же вещие идеи
В каких запрятаны комодах
Забыты героические деи
Застыли в канцелярских мордах

1966

* * *

Хотел бы я после смерти вернуться домой
Какая пошла б канитель повсюду
Надо было бы меня превращать в Христа или Будду
Всю жизнь перестраивать на Василисков лад
А ведь это не то что на поминках съесть мармелад

1972

* * *

Берложным медведем иду по снегу
Шерсть вокруг головы моей вьется
Теплом я обязан своему сапогу
Издавна валенком он на Руси зовется
Снег для меня развлечение и только
Солнце бежит в нем белей бриллианта
За щеку хватает свою иголкой
Солнце топчу весьма вероятно
Под носом моим образуется пар
И обращается сразу же в капли
И я не медведь а большой самовар

1973

Борис Пастернак

Хмель

Под ракитой, обвитой плющом,
От ненастья мы ищем защиты.
Наши плечи покрыты плащом.
Вкруг тебя мои руки обвиты.

Я ошибся... Кусты этих чащ
Не плющом перевиты, а хмелем.
Ну так лучше давай этот плащ
В ширину под собою расстелим.

1953

Август

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Оно покрыло жаркой охрою
Соседний лес, дома поселка,
Мою постель, подушку мокрую
И край стены за книжной полкой.

Я вспомнил, по какому поводу
Слегка увлажнена подушка.
Мне снилось, что ко мне на провода
Шли по лесу вы друг за дружкой.

Вы шли толпою, врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне.

Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора,
И осень, ясная как знаменье,
К себе приковывает взоры.

И вы прошли сквозь мелкий, нищенский,
Нагой, трепещущий ольшаник

В имбирно-красный лес кладбищенский,
Горевший, как печатный пряник.

С притихшими его вершинами
Соседствовало небо важно,
И голосами петушиными
Перекликалась даль протяжно.

В лесу казенной землемершею
Стояла смерть среди погоста,
Смотря в лицо мое умершее,
Чтоб вырыть яму мне по росту.

Был всеми ощутим физически
Спокойный голос чей-то рядом.
То прежний голос мой провидческий
Звучал, нетронутый распадом:

«Прощай, лазурь Преображенская
И золото второго Спаса,
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа.

Прощайте, годы безвременщины.
Простимся, бездне унижений
Бросающая вызов женщина!
Я – поле твоего сраженья.

Прощай, размах крыла расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира, в слове явленный,
И творчество, и чудотворство».

1953

* * *

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Все время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

Я вывел бы ее закон,
Ее начало,
И повторял ее имен
Инициалы.

Я б разбивал стихи, как сад.
Всей дрожью жилок
Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок.

В стихи б я внес дыханье роз,
Дыханье мяты,
Луга, осоку, сенокос,
Грозы раскаты.

Так некогда Шопен вложил
Живое чудо
Фольварков, парков, рощ, могил
В свои этюды.

Достигнутого торжества
Игра и мука –
Натянутая тетива
Тугого лука.

1956

Заморозки

Холодным утром солнце в дымке
Стоит столбом огня в дыму.
Я тоже, как на скверном снимке,
Совсем неотличим ему.

Пока оно из мглы не выйдет,
Блеснув за прудом на лугу,
Меня деревья плохо видят
На отдаленном берегу.

Прохожий узнается позже,
Чем он пройдет, нырнув в туман.
Мороз покрыт гусиной кожей,
И воздух лжив, как слой румян.

Идешь по инею дорожки,
Как по настилу из рогож.
Земле дышать ботвой картошки
И стынуть больше невтерпеж.

1956

В больнице

Стояли как перед витриной,
Почти запрудив тротуар.
Носилки втолкнули в машину.
В кабину вскочил санитар.

И скорая помощь, минуя
Панели, подъезды, зевак,
Сумятицу улиц ночную,
Нырнула огнями во мрак.

Милиция, улицы, лица
Мелькали в свету фонаря.
Покачивалась фельдшерица
Со склянкою нашатыря.

Шел дождь, и в приемном покое
Уньло шумел водосток,
Меж тем как строка за строкою
Марали опросный листок.

Его положили у входа.
Все в корпусе было полно.
Разило парами иода,
И с улицы дуло в окно.

Окно обнимало квадратом
Часть сада и неба клочок.
К палатам, полам и халатам
Присматривался новичок.

Как вдруг из расспросов сиделки,
Покачивавшей головой,
Он понял, что из переделки
Едва ли он выйдет живой.

Тогда он взглянул благодарно
В окно, за которым стена
Была точно искрой пожарной
Из города озарена.

Там в зареве рдела застава,
И, в отсвете города, клен
Отвешивал веткой корявой
Больному прощальный поклон.

«О господи, как совершенны
Дела твои, – думал больной, –
Постели, и люди, и стены,
Ночь смерти и город ночной.

Я принял снотворного дозу
И плачу, платок теребя.
О боже, волнения слезы
Мешают мне видеть тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознать.

Кончаясь в больничной постели,
Я чувствую рук твоих жар.
Ты держишь меня, как изделие,
И прячешь, как перстень, в футляр».

1956

Снег идет

Снег идет, снег идет.
К белым звездочкам в буране
Тянутся цветы герани
За оконный переплет.

Снег идет, и всё в смятеньи,
Все пускается в полет,
Черной лестницы ступени,
Перекрестка поворот.

Снег идет, снег идет,
Словно падают не хлопья,
А в заплатанном салопе
Сходит наземь небосвод.

Словно с видом чудака,
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака.

Потому что жизнь не ждет.
Не оглянешься и святки.
Только промежутки краткий,
Смотришь, там и новый год.

Снег идет, густой-густой.
В ногу с ним, стопами теми,
В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,

Может быть, проходит время?
Может быть, за годом год
Следуют, как снег идет,
Или как слова в поэме?

Снег идет, снег идет,
Снег идет, и всё в смятеньи:
Убеленный пешеход,
Удивленные растенья,
Перекрестка поворот.

1957

Следы на снегу

Полями наискось к закату
Уходят девушек следы.
Они их валенками вмяты
От слободы до слободы.

А вот ребенок жался к мамке.
Луч солнца, как лимонный морс,
Затек во впадины и ямки
И лужей света в льдину вмерз.

Он стынет вытекшею жижей
Яйца в разбитой скорлупе,

И синей линией лыжи
Его срезают на тропе.

Луна скользит блином в сметане,
Все время скатываясь вбок.
За ней бегут вдогонку сани,
Но не дается колобок.

1957

Единственные дни

На протяжении многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

И целая их череда
Составилась мало-помалу –
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,
Дороги мокнут, с крыш течет
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

1959

Илья Эренбург

* * *

Да разве могут дети юга,
Где розы плещут в декабре,
Где не разыщешь слова «вьюга»
Ни в памяти, ни в словаре,
Да разве там, где небо сине
И не слиняет ни на час,
Где испокон веков поныне
Все то же лето тешит глаз,
Да разве им хоть так, хоть вкратце,
Хоть на минуту, хоть во сне,
Хоть ненароком догадаться,
Что значит думать о весне,
Что значит в мартовские стужи,
Когда отчаянье берет,
Все ждать и ждать, как неуклюже
Зашевелится грузный лед.
А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода,
Что даже не было печали,
Но только гордость и беда.
И в крепкой, ледяной обиде,
Сухой пургой ослеплены,
Мы видели, уже не видя,
Глаза зеленые весны.

1958

Георгий Адамович

* * *

Н. Р.

Ночью он плакал. О чем, все равно.
(Многое спутано, затаено.)

Ночью он плакал, и тихо над ним
Жизни сгоревшей развеялся дым.

Утром другие приходят слова,
Перебираю, что помню едва.

Ночью он плакал... И брезжил в ответ
Слабый, далекий, а все-таки свет.

* * *

Остров был дальше, чем нам показалось.
Зеркало озера, прозрачный снег,
С неба снежинки... ну, самая малость...
Лишь обещаьем заоблачных нег.

С неба снежинки... а впрочем, какому
Летом и снегу небесному быть?
В памяти только... сквозь сонную дрему...
Воображение... к ниточке нить.

Остров и снег. Не в России, а где-то,
Близко глядеть, а грести – далеко.
Было слепое и белое лето,
Небо, как выцветшее молоко.

Что ж, вспоминай, это все, что осталось,
И утешения лучшего нет.
С неба снежинки, сомнения, жалость,
За морем где-то, за тысячи лет.

* * *

Был вечер на пятой неделе
Поста. Было больно в груди.
Все жилы тянулись, болели,
Предчувствуя жизнь впереди.

Был зов золотых колоколен,
Был в воздухе звон, а с Невы
Был ветер весенен и волен,
И шляпу срывал с головы.

И вот, на глухом перекрестке
Был незабываемый взгляд,
Короткий, как молния, жесткий,
Сухой, будто кольта разряд,

Огромный, как небо, и синий,
Как небо... Вот, кажется, все.
Ни красок, ни зданий, ни линий,
Но мертвое сердце мое.

Мне было шестнадцать, едва ли
Семнадцать... Вот, кажется, все.
Ни оторопи, ни печали,
Но мертвое сердце мое.

Есть память, есть доля скитальцев,
Есть книги, стихи, суета,
А жизнь... жизнь прошла между пальцев
На пятой неделе поста.

* * * #

Окно, рассвет... Едва видны, как тени,
Два стула, книги, полка на стене.
Проснулся ль я? Иль неземной сирени
Мне свежесть чудится еще во сне?

Иль это сквозь могильную разлуку,
Сквозь тускло-дымчатые облака,
Мне тень твоя протягивает руку
И улыбается издалика?

Анна Присманова

Вода

Луна, покинув пригород в цвету,
неслышно приближается к уроду,
который майской ночью на мосту
стоит и смотрит на речную воду.

Он только что со скрипкой говорил,
и смутному отдавшись тяготенью,
застыл у неподатливых перил,
одолеваемый верблюжьей тенью.

Как мало равновесья изнутри
в хребте его, немного слишком веском,
когда он лунной ночью, в два иль в три,
висит над влажной тусклостью и блеском.

Его смятенье выдано струной.
Как вкрадчиво весна томит калеку!
Весной вода беседует с луной
и заливает губы человеку.

1956

Простота

Внимая лишь серебряной трубе,
лишь журавлям, летящим мимо, мимо –
такой, уже не помня о себе,
забудет даже собственное имя.

Юродивый над нивой не кружит.
Он любит луг, кусаемый овечкой:
пока на жадном солнце он лежит,
вся жизнь его сгорает желтой свечкой.

Друзья, не наступите на него:
он скрытен, точно гусеница в мае.
Он может быть не знает ничего,
зато должно быть много понимает.

Идет ли дождь иль зверь – не все ль равно:
такая мудрость учит и ученых.

Он заменяет мясо и вино
жеваньем слив и яблочек моченых.

Закутанный в овечий свой наряд,
не шевеля ни мыслью, ни рукою,
зимою предается он покою.
Завидую ему я много крат...

Но что же? мне соседи говорят,
что и сама я сделалась такою.

1956

Теленок #

Лето. Над затоном мелким
крепко солнышко печет.
Все – на дне лесной тарелки –
камешки наперечет.

Трепетен над рощей зной.
В роще мается теленок.
Стон его предсмертный звонок,
на его сетчатке гной.

Муха в этот гной впускает
свой голодный хоботок.
Жизнь из смерти извлекает
для себя целебный ток.

Над теленком – с коркой хлеба
пятилетнее дитя,
светит солнце, с сини неба
две косички золота.

Это маленькая Вера
с тумбочками ног в траве,
с взором сумрачным и серым,
с первой мыслью в голове.

1950-е

Дмитрий Кленовский

* * *

Я много молчал и ждал,
То верил, а то не верил.
Я словно всю жизнь стоял
У плотно закрытой двери.

Я знал, что за ней ответ
На все, что во мне боролось.
Сквозь щель пробивался свет
И слышался чей-то голос.

Но я уловить не мог,
Как я ни хотел, ни слова.
Таким и в могилу лег:
К нездешнему неготовым.

Так дети порой молчат,
Прислушиваясь напрасно,
Как взрослые говорят
О чем-то для них неясном.

Но вот обернулись к ним
И что-то должно случиться –
А кончится все одним:
Что спать им велят ложиться.

1962

Евгений Кропивницкий

Женщина с коровой

Вот и женщина с коровой
По тропинке пробирается:
Меж кустов рога качаются...
Хорошо! – Туман лиловый,
Солнце сквозь туман ласкается.

1952

* * *

На дворе тепло и тихо,
Небосвод грозово-хмур.
Петухи дерутся лихо,
Вероятно из-за кур.

На шоссе выходят гуси,
Важно шествуют – их пять.
В порыжелом автобусе
Едут граждане гулять.

Там река и там купанье:
Голых тел там без числа.
Хохот, визги, восклицанья,
Взмахи пьяного весла.

1952

В пруду

Расширила жабры и стала:
Куда еще можно поплыть?
У берега смерть ожидала:
Там некто задумал удить.

Но помнила памятью тайной
Про то, как сорвался крючок...
Уплыла... О, этот случайный
И острый крючок и толчок!

Теперь осторожность, неспешность
Движений... Мерцает вода...
Воды завлекательна нежность...
Что ж, плыть?.. но зачем?.. и куда?..

1952

Серебряные птицы

Я вижу из своей светлицы
Поля и голубой туман.
Летят серебряные птицы
За аэропланом аэроплан.

Не сосчитать: их мнозе, мнозе,
Их, вероятно, штук с полста.
Их гул торжественен и грозен,
Хоть не одна до них верста.

Куда летят? С какою целью?
Ученье это или что?..
В полете их мне нет веселья –
К чему они? зачем? почто?

Нет, птиц обычных перелеты
Безмерно радуют меня:
Люблю ворон косые взлеты
На склоне золотого дня;

Люблю их стаи, что маячат,
Когда дожди, когда туман...
Аэроплан! – что это значит? –
К чему, зачем аэроплан?

Так! выдумали и летают.
Вот – далеко они видны...
Но для чего? – Никто не знает.
А впрочем, верно для войны.

1953

В изо-студии

Вот следы былой культуры:
Бюсты, торсы разные.
Это – фавны праздные,
Это, кажется, амурсы.

Это, может быть, лемуры –
(Очень безобразные!)
Это – (дело ясное!) –
Троглодит... (Какой он хмурый!)

И срисовывают эти
Бюсты, торсы разные,
Лики несуразные –

Дети школ. Простые дети.
Пыжуются, стараются,
Сходства добиваются.

1954

Чертова кукла

Ах, какая странная:
Глазки оловянные,
С толстеньким животиком,
С выкрашенным ротиком;
Под глазами синяки...
Вот бы дать ей тумаки!

1954

Девочка

Как тебя мне жалко:
Ты тонка, как палка,
Тонки ноги, руки.

А твои подруги
Толсты и упруги.

Шейка тонка очень,
Тусклый взгляд порочен.

У тебя подруги
Пышны и упруги,
Смелы и нахальны.

Смотришь ты печально,
Под глазами круги,
Как былинки руки,
Талья тонка-тонка.

А подруги звонко
Весело смеются.

К тебе тайно жмутся
Во дворе, в бараке
Юноши во мраке.

Ты слаба до муки.

А твои подруги
Пялят свои груди:
Поглядите, люди!

Голос твой не звонок,
Стан и слаб, и тонок,

Ты тонка, как палка,
И тебя мне жалко.

1957

* * *

Если хочет оно жить –
Я не стану давить.
Пусть оно себе живет
Незнакомое
Насекомое...
Пусть ползет.

1964

* * *

Осень. Ветер завывает.
Собака лает.
Собака воет.
Сердце ноет.
Не люблю осенний мрак,
Завывающих собак.

1964

* * *

Длинные стихи
Читать трудно
И нудно.
Пишите короткие стихи –
В них меньше вздора
И прочесть их можно скоро.

1964

* * *

Вся жизнь во мне:
То страшно мне,
То не страшно мне,
То приятно мне,
То неприятно мне.

1965

* * *

Девушка с лицом суровым
Кто вы?
Что вы?
Для чего вы?
Отчего вы так суровы?

1965

* * *

Ю. В.

Приехал толстый гражданин,
Широкоплечий, бородатый
И с шевелюрою мохнатой,
Приехал толстый гражданин.
На небе был ультрамарин,
А тучки были, как из ваты.
Какой роскошный гражданин
Широкоплечий, бородатый!

1967

Лимонов

Лимонов, Лимонов,
Вы лучше лимонов,
Не только лимонов,
Но и апельсинов,
Но и мандаринов.

1970

* * *

Приходил художник Замараев,
Не одобрил живопись мою...
И стою один я у сараев,
И стихи печальные пою.

Поглядел художник Замараев,
И нашел, что все совсем не так.
Объяснял мне долго Замараев,
Что писать мне следует и как.

Я стою печально у сараев
И стихи печальные пою...
Караул!! – художник Замараев
Не одобрил живопись мою.

1973

* * *

Твое тело плотью пахло,
Я дышал тобой всю ночь.
Жаром женских излучений
Исцелил свою я плоть.

Мне на утро легче стало,
Хворь моя как бы прошла.
Я вздохнул уже живее
И домой к себе ушел.

И пока я шел, встречались
Люди. Видел я дома
И сады, и тротуары,
И туманный серый пруд.

1974

Пропаж Бальмонта

Пропал Бальмонт – любимый мой поэт.
А он лежал, я знаю, на рояле.
Увы, увы, Бальмонта книжки нет...
Ужели черти оную украли?

Кто взял ее, кто книжку утаил? –
Я совершенно этого не знаю.
Бальмонт всегда мне был особо мил,
Он нужен мне, его я вспоминаю.

Пропал Бальмонт! О, солнечный поэт!
Я без него осиротел в печали.
Увы, увы – Бальмонта книжки нет.
А ведь она лежала на рояле.

1977

* * *

Кекс противный, кекс невкусный
В магазине я купил.
Испекают же такое
Да еще и продают!

Наплевать! Займусь стихами.
Полюбился мне хорей.
Он давно мне полюбился –
Первый стих мой был хорей.

Все поэты им писали
Пятистопный же хорей
Написал я, сочиняя
Первые свои стихи.

Но люблю четырехстопный
Так же очень я хорей –
Он звучит оптимистично
И прозрачно и легко.

1977

Владимир Злобин

Дом с балконом

Мысли брось – они мучительны –
О спасении души.
Все мальчишки отвратительны,
Все девчонки хороши.

Кипарисы стыннут длинные
У кладбищенских ворот.
На балконах дамы чинные
Вышивают круглый год.

Мимо них проходят важные
Пожилые господа
И на шармы аванажные
Взор бросают иногда.

Дамы кротко улыбаются,
Прячут вышивку в мешок.
И бесшумно открываются
В доме двери на звонок.

Все возможно в ночь безлунную.
Не видать кругом ни зги.
Ты вонзись во тьму чугунную,
Дом с балконом подожги.

* * *

Зевают львы, гуляют дачники,
От пирамид ложится тень.
В арифметическом задачнике
Журчит вода, цветет сирень.

Неравномерно наполняются
Бассейны лунною рудой.
Павлин в дельфина превращается,
Паук становится звездой.

А босяки и математики
Сидят в тюрьме и видят сон,
Что оловянные солдатики
Цветочный пьют одеколон.

Георгий Иванов

* * *

На полянке поутру
Веселился кенгуру –
Хвостик собственный кусал,
В воздух лапочку бросал.

Тут же рядом камбала
Водку пила, ром пила,
Раздевалась догола,
Напевала тра-ла-ла,
Любовалась в зеркала...

– Тра-ла-ла-ла-ла-ла-ла,
Я флакон одеколону,
Не жалея, извела,
Вертебральную колонну
Оттирая добела!..

* * *

Торжественно кончается весна,
И розы, как в эдеме, расцвели.
Над океаном блеск и тишина,
И в блеске – паруса и корабли...

...Узнает ли когда-нибудь она,
Моя невероятная страна,
Что было солью каторжной земли?

А впрочем, соли всюду грош цена:
Просыпали – метелкой подмели.

* * *

Владимиру Маркову

Полутона рябины и малины,
В Шотландии рассыпанные втуне,
В меланхоличном имени Алины,
В голубоватом золоте латуни.

Сияет жизнь улыбкой изумленной,
Растит цветы, расстреливает пленных,
И входит гость в Коринф многоколонный,
Чтоб изнемочь в объятьях вождельных!

В упряжке скифской трепетные лани –
Мелодия, элегия, эвлега...
Скрипящая в трансцендентальном плане,
Немазанная катится телега.
На Грузию ложится мгла ночная.
В Афинах полночь. В Пятигорске грозы.

...И лучше умереть, не вспоминая,
Как хороши, как свежи были розы.

* * *

Я твердо решился и тут же забыл,
На что я так твердо решился.
День влажно-сиренево-солнечный был,
И этим вопрос разрешился.

Так часто бывает: куда-то спешу
И в трепете света и тени
Сначала раскаюсь, потом согрешу
И строчка за строчкой навек запишу
Благоуханье сирени.

1953

* * *

Солнце село, и краски погасли.
Чист и ясен пустой небосвод.
Как сардинка в оливковом масле,
Одиночная тучка плывет.

Не особенно важная штучка
И, притом, не нужна никому,
Ну, а все-таки, милая тучка,
Я тебя в это сердце возьму.

Много в нем всевозможного хлама,
Много музыки, мало ума,
И царит в нем Прекрасная Дама,
Кто такая – увидишь сама.

* * *

Иду – и думаю о разном,
Плету на гроб себе венок,
И в этом мире безобразном
Благообразно одинок.

Но слышу вдруг: война, идея,
Последний бой, двадцатый век...
И вспоминаю, холодея,
Что я уже не человек,

А судорога идиота,
Природой созданная зря, –
«Урра!» из пасти патриота,
«Долой!» из глотки бунтаря.

* * *

Листья падали, падали, падали,
И никто им не мог помешать.
От гниющих цветов, как от падали,
Тяжело становилось дышать.

И несло светозарное пение
Над плескавшей в тумане рекой,
Обещая в блаженном усении
Отвратительный вечный покой.

1955

* * *

Свободен путь под Фермопилами
На все четыре стороны.
И Греция цветет могилами,
Как будто не было войны.

А мы – Леонтьева и Тютчева
Сумбурные ученики –
Мы никогда не знали лучшего,
Чем праздной жизни пустяки.

Мы тешимся самообманами,
И нам потворствует весна,
Пройдя меж трезвыми и пьяными,
Она садится у окна.

«Дыша духами и туманами,
Она садится у окна».
Ей за морями-океанами
Видна блаженная страна:

Стоят рождественские елочки,
Скрывая снежную тюрьму.
И голубые комсомолочки,
Визжа, купаются в Крыму.

Они ныряют над могилами,
С одной – стихи, с другой – жених...
...И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

1957

* * *

Голубая речка,
Зябкая волна,
Времени утечка
Явственно слышна.

Голубая речка
Предлагает мне
Теплое местечко
На холодном дне.

* * *

Жизнь пришла в порядок
В золотом покое.
На припеке грядок
Нежатся левкой.

Белые, лиловые,
И вчера, и завтра.
В солнечной столовой
Накрывают завтрак.

...В озере купаться
– Как светла вода! –
И не просыпаться
Больше никогда.

* * *

Волны шумели: «Скорее, скорее!»
К гибели легкую лодку несли,
Голубоватые стебли порея
В красный туман прорастали с земли.

Горы дымились, валежником тлея,
И настигали их с разных сторон, –
Лунное имя твое, Лорелея,
Рейнская полночь твоих похорон.

...Вот я иду по осеннему саду
И папиросу несу, как свечу.
Вот на скамейку чугунную сяду,
Брошу окурок. Ногой растопчу.

* * *

О нет, не обращаюсь к миру я
И вашего не жду признания.
Я попросту хлороформирую
Поэзией свое сознание.

И наблюдаю с безучастием,
Как растворяются сомнения,
Как боль сливается со счастьем
В сияньи одеревенения.

* * *

То, что было, и то, чего не было,
То, что ждали мы, то, что не ждем,
Просияло в весеннее небо,
Прошумело коротким дождем.

Это все. Ничего не случилось.
Жизнь, как прежде, идет не спеша.
И напрасно в сиянье просилась
В эти четверть минуты душа.

* * *

За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.

– В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому, домой.

1958

* * *

А что такое вдохновенье?
– Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

Над кипарисом в сонном парке
Взмахнет крылами Азраил –
И Тютчев пишет без пометки:
«Оратор римский говорил...»

* * *

Вечер. Может быть, последний
Пустозвонный вечер мой.
Я давно топчусь в передней –
Мне давно пора домой.

В горле тошнотворный шарик,
Смерти вкус на языке,
Электрический фонарик,
Как звезда, горит в руке.

Как звезда, что мне светила,
Путеводно предала,
Предала и утопила
В Средиземных волнах зла.

Николай Оцун

* * *

Против воли, через силу
Пусть они или оне
Не приходят на могилу,
Вспоминая обо мне.

Только ты, одна живая
Для меня среди живых,
Приходи, не забывая
Корма для друзей моих.

Чтобы, разбирая крошки
(Звуки с воли за стеной)
Долго клювики и ножки
Копошились надо мной.

* * *

Неизбежное сигнал дает,
Но безумие останови-ка!
Только широко открытый рот
Для огромного, как небо, крика.

И такое из недвижных глаз
Горестно ликующее: поздно,
Словно в первый и последний раз
Жизнь свою оплакал, но бесслезно.

1958

Георгий Шенгели

* * *

Это, видно, смерть приходила –
Мутной кошкой на песьих ногах.
За порог осторожно ступила,
Точно делала выбор впотьмах.

Были тут и жена, и приятель;
Будний вечер, простой разговор;
Кошки не было: то на кровати
Легкой складкой замялся ковер,

И кроватьная тонкая ножка
Напряженно продвинулась вкось;
В полутьме же – бесспорная кошка,
И сознание испугом зажглось.

Дело в том, что в «семейных преданьях»,
В сердце детское вдунувших мглу,
Тот же морок при всех умираеньях
Возникал под столом иль в углу.

Может быть, это древний наш тотем,
Благодатный спаситель от крыс.
Если так – поскорее воротим
Ускользнувшего друга! Кис-кис!

1950

Сон

Я в лодчонке плыву по холодной хрустальной реке.
Это, верно, Иртыш. А направо ступенчатый город
Низбегает к воде. И баркасы лежат на песке,
И на барке подплывшей скрипуче работает ворот.

А поодаль шумит аккуратно подстриженный сад,
И воздушное здание – замок Английского клуба –
Раздвигает листву; на веранде бильярды стоят
И зеленым сукном отражаются в зеркале дуба.

Там бывал я и знаю: там ряд ослепительных зал;
В синем бархате штор голубеют просторные окна;
Там звенит серебро; там пластронов сверкает крахмал
И сигарного дыма клубятся и тают волокна...

Там, наверно, отец... Бородой вороною струясь,
К «золотому столу» он садится, громадный и властный,
И мелок по сукну заплетает небрежную вязь,
И большая рука управляет колодой атласной...

Ах, туда бы, к отцу! Он придвинет мне теплый лафит,
Он расспросит меня; он мне денег без счета отвалит.
Все расписки мои он движеньем бровей устранил;
Мне он жизни вдохнет, – неисчерпную силою налит.

Все он может!.. Одно лишь, одно недоступно ему:
Он не видит меня, уносимого светлой стремниной,
Равнодушной рекою, – куда-то, – в полярную тьму,
Из которой назад не вернулся еще ни единый.

1955

Педагогика

Раз – топором! И стала рдяной плаха.
В опилки тупо ткнулась голова.
Казненный встал, дыша едва-едва,
И мяла спину судорога страха.

Лепечущие липкие слова
Ему швырнули голову с размаха,
И, вяло шевелясь, как черепаха,
Вновь на плечах она торчит, жива.

И с той поры, взбодрен таким уроком,
Он ходит и косит пугливым оком,
И шепчет всем: «Теперь-то я поэт! –

Не ошибусь!» – И педагогов стая
Следит за ним. И ей он шлет привет,
С плеч голову рукой приподнимая.

1955

Андрей Николев

* * *

Озеро на прогалине
вы не встречали, не
замечали в лесу?
Ели су-
мрак простерли.
Тлеет костер ли
там иль то фонарик?
Запахом гари
тянет чуть-чуть.
О одинокое озеро
и в охотничьей позе ро-
весник мой... Не хочу,
это не я, а он
по привычке мечтает,
не я, а зеленый склон
в вечере тает.

1950

* * *

Как много в мире есть простого
обычным утром в пол-шестого!
Бог, этот страшный Бог ночной,
стал как голубь, совсем ручной:
принимает пищу из нашей руки,
будто бывать не бывало былой тоски.
Тикают ходики так умильно,
кушая завтрак свой простой, но обильный.
Для еды, правда, еще рановато –
не везде убралась туманная вата,
и трава вся в слезах (твои ли ноги
шли вчера по ней без меня, без дороги?),
и восходит всюду, справа и слева,
то, что всходить должно: солнце и посевы –
и такая свежесть, и так все просто,
будто мы считать умеем всего лишь до ста.

1947–1955

* * *

Шорохи в ветвях древесных,
их значенье неизвестно –
мы не верим в бестелесных,
все не может быть иначе.
Набегают, набегают
в зеленеющем движеньи
холодеющие звуки.
Сунул я в карманы руки –
полное пренебрежение
к шорохам, деревьям, значит?
К этой тайне горько-сладкой?
Я не знаю, кто здесь гадкий,
я иль мир, или мы оба –
все не может быть иначе...
Неужели так до гроба
одиноких дум круженье,
свод небес почти постылый,
если ж Бог, то только с тыла?

1947–1955

* * *

По тем ступеням, по которым
теперь спускаюсь шагом скорым,
был и подъем по ним ничтожен?
На тех ступенях, на которых
разношуршащий этот ворох
стопою шаткой потревожен?
По тем ступеням, по которым –
ничтожен тоже, ну так что же:
хорош опавших листьев шорох
на тех ступенях, на которых.

1947–1955

Ирина Одоевцева

* * *

Далеко за арктическим кругом,
Распластав поудобней хвосты,
Рассуждали тюлени друг с другом,
Называя друг друга на «ты».

Согласились разумно тюлени:
Жизнь спокойна, сытна, весела
И полна восхитительной лени,
Много холода, мало тепла,
Ни надежд, ни пустых сожалений.

Жизнь от века такую была...

А про ландыши, вешнее таянье,
Иступленное счастье, отчаянье
Сумасшедшая чайка врала
Перед тем, как на льду умерла.

1950

* * *

Г. И.

Лепестками вечности
Вьются мотыльки,
Холодком беспечности
Тянет от реки.

Квакают лягушки на
Топком берегу.
Вспоминаю Пушкина.
Вспомнить не могу,
Что, зачем и почему,
С целью какой
В роковой его судьбе.

Ты о нем с тоской
Бредил, умирая.

Неужели ни ему,
Ни ему и ни тебе,
Не увидеть рая?

1958

* * *

Г. И.

Но была ли на самом деле
Эта встреча в Летнем саду
В понедельник, на Вербной неделе,
В девятьсот двадцать первом году?

Я пришла не в четверть второго,
Как условлено было, а в пять.
Он с улыбкой сказал: – Гумилева
Вы бы вряд ли заставили ждать.

Я смутилась. Он поднял высоко,
Чуть прищурившись, левую бровь.
И ни жалобы, ни упрека.
Я подумала: это любовь.

Я сказала: – Я страшно жалею,
Но я раньше прийти не могла. –
Мне почудилось вдруг – на аллею
Муза с цоколя плавно сошла.

И бела, холодна и прекрасна,
Величаво прошла мимо нас,
И все стало до странности ясно
В этот незабываемый час.

Мы о будущем не говорили,
Мы зашли в Казанский собор
И потом в эстетическом стиле
Мы болтали забавный вздор.

А весна расцветала и пела,
И теряли значенья слова,
И так трогательно зеленела
Меж торцов на Невском трава.

1964

Павел Антокольский

Вы встретитесь

Вы встретитесь. Я знаю сумасбродство
Стихийных сил и ветреность морей,
Несходство между нами и сиротство
Неисправимой верности моей.

И вот в отчаянье и нетерпенье
Ты мчишься вниз и мечешься летя,
Вся в брызгах света, в радугах и в пене,
Беспечное, беспутное дитя.

Перед тобой синее зыбь морская,
Там злющие чудовища на дне,
А над тобою, весело сверкая,
Смеется злое солнце обо мне.

Но ты мелеешь и с внезапной грустью,
Продрогшая от гальки и песка,
Бессильная, ползешь к морскому устью,
Мне одному понятна и близка.

1964

Гадалка

Ни божеского роста,
Ни запредельной тьмы.
Она актриса просто,
Наивна, как подросток,
И весела, как мы.

Цыганка Мариула
Раздула свой очаг,
Смугла и остроскула,
С лихим клеймом разгула
И с пламенем в очах.

А вот еще приманка!
Развернут в ночь роман.
Заведена шарманка.
Гадает хиромантка,
Девушка Ленорман.

Но грацией, и грустью,
И гибелью горда,
Но руки в тщетном хрусте
Заломлены... Не трусьте
Гадалки, господа!

<1974>

Двойники

С полумесяцем турецким наверху
Ночь старинна, как перина на пуху.

Черный снег летает рядом тише сов.
Циферблаты электрических часов

Расцвели на лысых клумбах площадей.
Время дремлет и не гонит лошадей.

По Арбату столько раз гулял глупец.
Он не знает, кто он – книга или чтец.

Он не знает, это он или не он:
Чудаков таких же точно миллион.

Двойники его плодятся как хотят.
Их не меньше, чем утопленных котят.

1975

Леонид Фейнберг

Кипарис

Засунут в дерн зубчатым основанием,
Ты в небо падаешь, как в водоем,
И, как фонтан качается дыханьем –
Киваешь нам бессильным острием.

Брезгливый или слишком осторожный,
Ты ветви накрепко к себе прижал,
И гладкий ствол твой плотно вложен в ножны,
Как сабля, как чуть выгнутый кинжал.

Рукой раздвину твой чехол мохнатый
И загляну: там душноватый сон.
Там – сумерки. Там – мрак отяжелен
Густой смолой и чащей суковатой.

И столько мертвой хвои там гниет,
Такою рухлядью твой шелк подстелен,
Что чудится: чтоб зеленела зелень,
Подбили войлоком ее испод.

Ни клевер, ни полынь – по бездорожью
Не доползет до стебля твоего.
Ты колкий сор рассыпал по подножью,
И на сажень все глухо и мертво.

И все ж природы вечная привычка:
Чуть на немного отступили мы –
Взгляни: из хвои, из мохнатой тьмы
С проворным визгом выпорхнула птичка.

1952

Михаил Казмичев

* * *

Они молчат, затоптаны, замучены.
Их нет уже, – кто помнит имена?
И солнце жжет ленивые излучины
Степных дорог, и в небе тишина.

Они молчат, свободные и страстные.
Они убиты, и не зреет месть!
И верещат вокруг одни безгласные,
Которым удалось на прутик сесть.

1951

Михаил Морозов

* * *

Пусть тревожней, пусть бездомней
Станет суетной порой, –
Призадумайся и вспомни
Волгу осенью сырой.

Там, росой осеребранный,
Над лесами круг луны,
И плывут в воде студеной
Темной рыбы табуны.

Там под лапой корневища
Отмель лунная – светла;
Там как шорохи кладбища
Всплески дальнего весла.

Все таинственней, все глуше
Веет воздух над рекой,
И шумит в лицо и в уши
Лесом пахнувший покой...

Милый друг, когда бездомней
Станет сумрачной порой –
Не печалься: спи и помни
Волгу осенью сырой.

Георгий Оболдуев

Не зря

Ништо, мой друг, ништо: мы выпрем,
Протянем очередь звена.
Не зря мы закалёны вихрем,
Которому не грош цена.

Не зря мы были, есть и будем –
Бездельники и колдуны.
Без нас неинтересны людям
Избытки собственной мошны.

Спокойно бодрствуй на причале:
Ещё настанет час весны...
Не зря два мира нас рожали,
Не зря долбали две войны.

1950

Владимир Набоков

* * *

Минуты есть: «Не может быть, – бормочешь, –
не может быть, не может быть, что нет
чего-то за пределом этой ночи»,
и знаков ждешь, и требуешь примет.

Касаясь до всего душою голой,
на бесконечно милых мне гляжу
со стоном умиления и, тяжелый,
по тонкому льду счастья хожу.

1953

* * * #

Вечер дымчат и долог:
я с мольбою стою,
молодой энтомолог,
перед жимолостью.

О, как хочется, чтобы
там, в цветах, вдруг возник,
запуская в них хобот,
райский сумеречник.

Содроганье – и вот он.
Я по ангелу бью,
и уж демон замотан
в сетку дымчатую.

1953

Сон #

Есть сон. Он повторяется, как томный
стук замурованного. В этом сне
киркой работаю в дыре огромной
и нахожу обломок в глубине.

И фонарем на нем я освещаю
след надписи и наготу червя.

«Читай, читай!» – кричит мне кровь моя:
Р, О, С, – нет, я букв не различаю.

1953

* * * #

Зимы ли серые смыли
очерк единственный? Эхо ли
всё, что осталось от голоса? Мы ли
поздно приехали?

Только никто не встречает нас. В доме
рояль – как могила на полюсе. Вот тебе
ласточки. Верь тут, что кроме
пепла есть оттепель.

1956 (?)

Какое сделал я дурное дело

*Какое сделал я дурное дело,
и я ли развратитель и злодей,
я, заставляющий мечтать мир целый
о бедной девочке моей.*

О, знаю я, меня боятся люди,
и жгут таких, как я, за волшебство,
и, как от яда в полом изумруде,
мрут от искусства моего.

Но как забавно, что в конце абзаца,
корректору и веку вопреки,
тень русской ветки будет колебаться
на мраморе моей руки.

1959

С серого севера

С серого севера
вот пришли эти снимки.

Жизнь успела не все
погасить недоимки.

Знакомое дерево
вырастает из дымки.

Вот на Лугу шоссе.
Дом с колоннами. Оредежь.
Отовсюду почти
мне к себе до сих пор еще
удалось бы пройти.

Так, бывало, купальщикам
на приморском песке
приносится мальчиком
кое-что в кулачке.

Всё, от камушка этого
с каймой фиолетовой
до стеклышка матово-
зеленоватого,
он приносит торжественно.

Вот это Батово.
Вот это Рожественно.

1967

* * *

Как любил я стихи Гумилева!
Перечитывать их не могу,
но следы, например, вот такого
перебора остались в мозгу:

«...И умру я не в летней беседке
от обжорства и от жары,
а с небесной бабочкой в сетке
на вершине дикой горы».

1972

* * *

В ничтожнейшем гиппопотаме
как много есть нежности тайной!
Как трудно расстаться с цветами,
увядшими в вазе случайной!

1973

Илья Сельвинский

Цыганская

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Да медвежий мех...

Там, за белой пылью,
В замети скользя,
Небылицей-былью
Жаркие глаза...

Былью-небылицей
Очи предо мной...
Так быстрее же, птицы!
Шибче, коренной!

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Да медвежий мех.

А глаза сияют,
Ласкою маня.
Не меня встречают.
Ищут не меня,

Только жгут без меры
Из-под темных дуг...
Гей, чубарь мой серый,
Задушевный друг!

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Черные да Серый,
Да медвежий мех.

Я рыдать не стану,
В дурь не закучу –
Я тебя достану,
Я тебя умчу!

Припадешь устами,
Одуришь, как дым...

В полынью с конями
К черту угодим!

Эх вы, кони-звери,
Звери-кони, эх!
Вороны да Серый,
Да медвежий мех...

1954

Лесная бьль

В роще убили белку,
Была эта белка – мать.
Остались бельчата мелкие,
Что могут они понимать?
Сели в кружок и заплакали.

Но старшая, векша лесная,
Сказала мудро, как мать:
«Знаете что? Я знаю:
Давайте будем линять!
Мама всегда так делала».

1960

Молитва

Народ!
Возьми хоть строчку на память,
Ни к чему мне тосты да спичи,
Не прошу я меня обрामить:
Я хочу быть всегда при тебе.
Как спички.

1962

Femme de quarante ans

Ц. А. В.

Бальзак воспел тридцатилетнюю,
А я бы женщину под сорок:
Она блестит красою летнею,
Но взгляд уже осенне-зорок;

Не опереточная венщина,
Пленяющая всех саврасых,
Здесь очаровывает женщина,
Перед которой мир без масок;

Она живет в обидной ясности,
А ум бесстыдно гол, как сабля,
И тайный запашок опасности
В ней тонко чует волчья капля;

У ней в кулечках вся оконница,
Давно она уже не плачет...
Но если

за тобою

гонятся,

Она тебя в постели спрячет.

1962

Два цензора

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
– Ворон! У меня печать,
Что могу я запрещать?

Ворон ворону в ответ:
– Разумеется, мой свет,
Всего нельзя, но к этому надо стремиться.

1962

Океанское побережье

Пепел сигары похож на кожу слона:
Серо-седой, слоистый, морщинистый, мощный.
За ним открывается знойная чья-то страна,
Достичь которую просто так – невозможно.

Но аромат словно запах женских волос, –
Так пахнут на солнце морские сушеные стебли
Под жарким жужжаньем хищных, как тигры, ос...
И все это, все это – в толстом сигарном пепле.

1965

Николай Туроверов

* * *

Мороз крепчал. Стоял такой мороз,
Что бронепоезд наш застыл над яром,
Где ждал нас враг, и бедный паровоз
Стоял в дыму и задыхался паром.
Но и в селе, раскинутом в яру,
Никто не выходил из хат дымящих, –
Мороз пресек жестокую игру,
Как самодержец настоящий.
Был лед и в пулеметных кожухах;
Но вот в душе, как будто, потеплело:
Сочельник был. И снег лежал в степях.
И не было ни красных и ни белых.

1950

Баллада

Страшное дело. Черная ночь.
С ведьмой жила черноокая дочь.
Дева была холоднее чем лед.
А под окошком, всю ночь напролет,
Старая ведьма водила коня:
Конь мой потом не глядел на меня.

1953

Николай Ушаков

Обратная сторона пластинки

Игле, как кляче молотящей,
ходить по кругу все трудней,
но льется голос,
уводящий
в мелодию минувших дней.

Старик не слушает,
а плачет,
на стол склонился головой, –
в пустом стакане
тройка скачет
с актеркой
в шапочке глухой.

Дорога,
столбики расставя,
бежит,
никем не занята,
но муфточка из горностая
мешает целовать в уста.

1956

* * *

Резиденты и шпионы
сеют малую войну.
Резиденты и шпионы
рвут отсталую страну.

Там бесплодная скала,
там в снегах высокогорных
мертвых воинов тела
в шубах красных,
в шубах черных.

Бубен битвы отгремел.
Вражьи замолчали станы.
Шубы, губы, даже раны
стали белые, как мел.

Битва стала морем льда,
только валит сквозь теснину
сумасшедшая вода
всадника с конем в долину.

Тащит всадника с конем,
а потом всё тише,
глаже,
вносит
осторожно даже
в изумрудный водоем.

Там зеленая волна,
там на лоне мягких склонов
травы носят имена
резидентов и шпионов.

1959

Надежда Вольпин

На взморье

Чайка качается на волне.
Дети кидаются в море доверчиво.
Ходим бездомные, бродим до вечера,
Тянем бездумно ладони к луне –
К этой истоптанной, к этой исчерченной
Американским бутсом луне!
Чайка качается на волне.

Томно морю при хворой луне.
Не доучились мы звездной грамоте;
Так вот и будем тянуться без памяти
Жадной ладонью к избыбшей луне...
Чайка качается ль на воде?

Морю холодно без луны...
Шли на нее – с Мичигана, с Витима ли –
Не заслонили, не защитили мы,
Околдовали с Геклы да с Ильменя,
Сетью опутали несветимую,
Чайка повисла над гребнем волны.
Дети... Где дети?

Дубулты, 1973

Анна Баркова

Старуха

Нависла туча окаянная,
Что будет – град или гроза?
И вижу я старуху странную,
Древнее древности глаза.

И поступь у нее бесцельная,
В руке убогая клюка.
Больная? Может быть, похмельная?
Безумная наверняка.

– Куда ты, бабушка, направилась?
Начнется буря – не стерпеть.
– Жду панихиды. Я преставилась,
Да только некому отпеть.

Дороги все мои исхожены,
А счастья не было нигде.
В огне горела, проморожена,
В крови тонула и в воде.

Платьишко все на мне истертое,
И в гроб мне нечего надеть.
Уж я давно блуждаю мертвая,
Да только некому отпеть.

1952

Юродивая

Кабы в пестром платье идиоткой
Мне сейчас по улице брести,
Хохотать бы резко, во всю глотку,
Тварью, Богом избранной, цвести.

И плевать беспечно в проходящих,
И крестить бы вывеску «Кино»,
Пением молитв тревожить спящих,
В каждое заглядывать окно.

И носить на голове скуфейку,
Позабывать про обувь, про белье.

Выпросив у бедного копейку,
Отдавать богатому ее.

Перед подлецом среди народа
Становиться на колени в грязь.
И, как я, такого же юрода
Величать: Царевич, Светлый Князь.

Русская юродская судьбина,
Почему она меня влечет?
Потому что в жилах половина
Крови древних странников течет.

1954

* * * #

Что всего ужасней между всеми
Пытками? (А их на свете тьма.)
Темной поздней чувственности бремя,
Беспользый мрачный жар ума.

1954

Я

Голос хриплый и грубый, –
Ни сладко шептать, ни петь.
Немного синие губы,
Морщин причудливых сеть.

А тело? Кожа да кости,
Прижмусь – могу ушибить,
А все же: сомненья бросьте,
Все это можно любить.

Как любят острую водку, –
Противно, но жжет огнем,
Сжигает мозги и глотку
И делает смерда царем.

Как любят корку гнилую
В голодный чудовищный год, –
Так любят меня – и целуют
Мой синий и черствый рот.

1954

* * *

Днем они все подобны пороху,
А ночью тихи, как мыши.
Они прислушиваются к каждому шороху,
Который откуда-то слышен.

Там, на лестнице... Боже! Кто это?
Звонок... К кому? Не ко мне ли?
А сердце-то ноет, а сердце ноет-то!
А с совестью – канители!

Вспоминается каждый мелкий поступок,
Боже мой! Не за это ли?
С таким подозрительным – как это глупо! –
Пил водку и ел котлеты!

Утром встают. Под глазами отеки.
Но страх ушел вместе с ночью.
И песню свистят о стране широкой,
Где так вольно дышит... и прочее.

1954

* * *

Загон для человеческой скотины.
Сюда вошел – не торопись назад.
Здесь комнат нет. Убогие кабины.
На нарах бирки. На плечах – бушлат.

И воровская судорога встречи,
Случайной встречи, где-то там, в сениях.
Без слова, без любви. К чему здесь речи?
Осудит лишь скопец или монах.

На вахте есть кабина для свиданий,
С циничной шуткой ставят там кровать:
Здесь арестантке, бедному созданию,
Позволено с законным мужем спать.

Страна святого пафоса и стройки,
Возможно ли страшней и проще пасть –
Возможно ли на этой подлой койке
Растлить навек супружескую страсть!

Под хохот, улюлюканье и свисты,
По разрешенью злого подлеца...

Нет, лучше, лучше откровенный выстрел,
Так честно пробивающий сердца.

1955

* * *

Опять казарменное платье,
Казенный показной уют,
Опять казенные кровати –
Для умирающих приют.
Меня и после наказания,
Как видно, наказание ждет.
Поймешь ли ты мои терзания
У неоткрывшихся ворот?
Расплющило и в грязь вдавило
Меня тупое колесо...
Сидеть бы в кабаке унылом
Алкоголичкой Пикассо...

* * *

Восемь лет, как один годочек,
Исправлялась я, мой дружок.
А теперь гадать бесполезно,
Что во мгле – подъем или бездна.
Улыбаюсь навстречу бедам,
Напеваю что-то несладно,
Только вместе ни рядом, ни следом
Не пойдешь ты, друг ненаглядный.

1955

* * *

О, если б за мои грехи
Без вести мне пропасть!
Без похоронной чепухи
Попасть к безносой в пасть!

Как наши сгнули, как те,
Кто не пришел назад.
Как те, кто в вечной мерзлоте
Нетленными лежат.

1972

Российская тоска

Хмельная, потогонная,
Ты нам опять близка,
Широкая, бездонная,
Российская тоска.

Мы строили и рушили,
Как малое дитя.
И в карты в наши души
Сам черт играл шутя.

Нет, мы не Божьи дети,
И нас не пустят в рай,
Готовят на том свете
Для нас большой сарай.

Там нары кривобокие,
Не в лад с доской доска,
И там нас ждет широкая
Российская тоска.

1974

Шутка

В переулке арбатском кривом
Очень темный и дряхлый дом
Спешил прохожим угрюмо признаться:
«Здесь дедушка русской авиации».
А я бабушка чья?
Пролетарская поэзия – внучка моя.
Раньше бабушки внучка скончалась –
Какая жалость!

1975

Владимир Смоленский

Стансы

Закрой глаза, в виденье сонном
Восстанет твой погибший дом –
Четыре белые колонны
Над розами и над прудом.

И ласточек крыла косые
В небесный ударяют щит,
А за балконом вся Россия,
Как ямб торжественный звучит.

Давно был этот дом построен,
Давно уже разрушен он,
Но, как всегда, высок и строен,
Отец выходит на балкон.

И зоркие глаза прищуря,
Без страха смотрит с высоты,
Как проступают там, в лазури,
Судьбы ужасные черты.

И чтоб ему прибавить силы,
И чтоб его поцеловать,
Из залы, или из могилы
Выходит улыбаясь мать.

И вот, стоят навеки вместе
Они среди своих полей,
И, как жених своей невесте,
Отец целует руку ей.

А рядом мальчик черноглазый
Прислушивается, к чему –
Не знает сам, и роза в вазе
Бессмертной кажется ему.

Глеб Глинка

Зависть

Остроноса, угла, лыса
На тропинку вышла крыса.

А потом беда к беде,
Словно дождик по воде.

Журавлины длинны ноги
Не нашли пути-дороги.

Расширяются круги...
Всё не так, как у других.

Стихия

Ветер ежился и хмыкал,
Беспорядочно, вне норм,
Писком птичьим, львиным рыком
Разворачивался шторм.

Загоняя в пятки душу,
Торжеством победы пьян,
Опрокинулся над сушей
Первобытный океан.

Непонятно, ёлки-палки,
Как же так, в двадцатый век?..
И стоит средь поля жалкий,
Беззащитный человек.

Николай Заболоцкий

Прощание с друзьями

В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений,
Давным-давно рассыпались вы в прах,
Как ветки облетевшие сирени.

Вы в той стране, где нет готовых форм,
Где все разъято, смешано, разбито,
Где вместо неба – лишь могильный холм
И неподвижна лунная орбита.

Там на ином, невнятном языке
Поет синклит беззвучных насекомых,
Там с маленьким фонариком в руке
Жук-человек приветствует знакомых.

Спокойно ль вам, товарищи мои?
Легко ли вам? И всё ли вы забыли?
Теперь вам братья – корни, муравьи,
Травинки, вздохи, столбики из пыли.

Теперь вам сестры – цветики гвоздик,
Соски сирени, щепочки, цыплята...
И уж не в силах вспомнить ваш язык
Там наверху оставленного брата.

Ему еще не место в тех краях,
Где вы исчезли, легкие, как тени,
В широких шляпах, длинных пиджаках,
С тетрадами своих стихотворений.

1952

Сон

Жилец земли, пятидесяти лет,
Подобно всем счастливый и несчастный,
Однажды я покинул этот свет
И очутился в местности безгласной.
Там человек едва существовал
Последними остатками привычек,

Но ничего уж больше не желал
И не носил ни прозвищ он, ни кличек.
Участник удивительной игры,
Не вглядываясь в скученные лица,
Я там ложился в дымные костры
И поднимался, чтобы вновь ложиться.
Я уплывал, я странствовал вдали,
Безвольный, равнодушный, молчаливый,
И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой.
Какой-то отголосок бытия
Еще имел я для существованья,
Но уж стремилась вся душа моя
Стать не душой, но частью мирозданья.
Там по пространству двигались ко мне
Сплетения каких-то матерьялов,
Мосты в необозримой вышине
Висели над ущельями провалов.
Я хорошо запомнил внешний вид
Всех этих тел, плывущих из пространства:
Сплетенье ферм, и выпуклости плит,
И дикость первобытного убранства.
Там тонкостей не видно и следа,
Искусство форм там явно не в почете,
И не заметно тягостей труда,
Хотя весь мир в движенье и работе.
И в поведенье тамошних властей
Не видел я малейшего насилья,
И сам, лишенный воли и страстей,
Все то, что нужно, делал без усилья.
Мне не было причины не хотеть,
Как не было желанья стремиться,
И был готов я странствовать и впредь,
Коль то могло на что-то пригодиться.
Со мной бродил какой-то мальчуган,
Болтал со мной о массе пустяковин.
И даже он, похожий на туман,
Был больше материален, чем духовен.
Мы с мальчиком на озеро пошли,
Он удочку куда-то вниз закинул
И нечто, долетевшее с земли,
Не торопясь, рукою отодвинул.

1953

Под дождем #

Мой зонтик рвется, точно птица,
И вырывается, треща.
Шумит над миром и дымится
Сырая хижина дождя.
И я стою в переплетенье
Прохладных вытянутых тел,
Как будто дождик на мгновенье
Со мною слиться захотел.

1955

Над морем

Лишь запах чабреца, сухой и горьковатый,
Повеял на меня – и этот сонный Крым,
И этот кипарис, и этот дом, прижатый
К поверхности горы, слились навеки с ним.

Здесь море – дирижер, а резонатор – дали,
Концерт высоких волн здесь ясен наперед.
Здесь звук, задев скалу, скользит по вертикали,
И эхо среди камней танцует и поет.

Акустика вверху настроила ловушек,
Приблизила к ушам далекий ропот струй.
И стал здесь грохот бурь подобен грому пушек,
И, как цветок, расцвел девичий поцелуй.

Скопление синиц здесь свищет на рассвете,
Тяжелый виноград прозрачен здесь и ал.
Здесь время не спешит, здесь собирают дети
Чабрец, траву степей, у неподвижных скал.

1956

Где-то в поле возле Магадана

Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.
От солдат, от их луженых глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.

Вот они и шли в своих бушлатах –
Два несчастных русских старика,
Вспоминая о родимых хатах
И томясь о них издалека.
Вся душа у них перегорела
Вдалеке от близких и родных,
И усталость, сгорбившая тело,
В эту ночь снедала души их.
Жизнь над ними в образах природы
Чередую двигалась своей.
Только звезды, символы свободы,
Не смотрели больше на людей.
Дивная мистерия вселенной
Шла в театре северных светил,
Но огонь ее проникновенный
До людей уже не доходил.
Вкруг людей посвистывала вьюга,
Заметая мерзлые пеньки.
И на них, не глядя друг на друга,
Замерзая, сели старики.
Стали кони, кончилась работа,
Смертные доделались дела...
Обняла их сладкая дремота,
В дальний край, рыдая, повела.
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой.

1956

Казбек

С хевсурами после работы
Лежал я и слышал сквозь сон,
Как кто-то, шальной от дремоты,
Окно распахнул на балкон.

Проснулся и я. Наступала
Заря, и, закованный в снег,
Двуглавым обломком кристалла
В окне загорался Казбек.

Я вышел на воздух железный.
Вдали, у подножья высот,
Курились туманные бездны
Провалами каменных сот.

Из горных курильниц взлетая
И тая над миром камней,
Летела по воздуху стая
Мгновенных и легких теней.

Земля начинала молебен
Тому, кто блистал и царил.
Но был он мне чужд и враждебен
В дыхании этих кадил.

И бедное это селенье,
Скопление домов и закут,
Казалось мне в это мгновенье
Разумно устроенным тут.

У ног ледяного Казбека
Справляя людские дела,
Живая душа человека
Страдала, дышала, жила.

А он, в отдаленье от пашен,
В надмирной своей вышине,
Был только бессмысленно страшен
И людям опасен вдвойне.

Недаром, спросонок понуры,
Внизу, из села своего,
Лишь мельком смотрели хевсуры
На мертвые грани его.

1957

Можжевеловый куст #

Я увидел во сне можжевеловый куст,
Я услышал вдали металлический хруст,
Аметистовых ягод услышал я звон,
И во сне, в тишине, мне понравился он.

Я почувал сквозь сон легкий запах смолы.
Отогнув невысокие эти стволы,
Я заметил во мраке древесных ветвей
Чуть живое подобье улыбки твоей.

Можжевеловый куст, можжевеловый куст,
Остывающий лепет изменчивых уст,
Легкий лепет, едва отдающий смолой,
Проколовший меня смертоносной иглой!

В золотых небесах за окошком моим
Облака проплывают одно за другим,
Облетевший мой садик безжизнен и пуст...
Да простит тебя Бог, можжевельный куст!

1957

Городок

Целый день стирает прачка,
Муж пошел за водкой.
На крыльце сидит собачка
С маленькой бородкой.

Целый день она таращит
Умные глазенки,
Если дома кто заплачет –
Заскулит в сторонке.

А кому сегодня плакать
В городе Тарусе?
Есть кому в Тарусе плакать –
Девочке Марусе.

Опротивели Марусе
Петухи да гуси.
Сколько ходит их в Тарусе,
Господи Иисусе!

«Вот бы мне такие перья
Да такие крылья!
Улетела б прямо в дверь я,
Бросилась в ковыль я!

Чтоб глаза мои на свете
Больше не глядели,
Петухи да гуси эти
Больше не гадали!»

Ой, как худо жить Марусе
В городе Тарусе!
Петухи одни да гуси,
Господи Иисусе!

1958

Алла Зими́на

Веретено

У меня веретено –
Веретенце!
Да работает оно
Только в солнце.
Если ж пасмурный денек
Или вечер:
Веретенце скок да скок –
И на печке.

Над сосною пролетел
Белый ворон.
Отчего ты, ворон, бел,
А не черен?
Белый ворон мне в ответ:
«Над сосною
Время красит в белый цвет –
Сединою».

Я спросила кузнеца
Молодого:
Кто из вас кует сердца,
Как подковы?
Он сказал: «С ума сошла
Ты с сердцами –
Мы имеем здесь дела
С жеребцами!»

Я на озеро ходила,
Поглядела я на дно,
Там под вечер утопила
Я свое веретено.
Оттого ль, что непогода
Мне работать не дает?
Оттого ль, что белый ворон
Сердце ночью мне клюет?
Оттого ль, что счет не знаю
Ни началам, ни концам?
Оттого ль, что не нужна я,
Не нужна я кузнецам?

Воркута, 1957

Иван, не помнящий родства

Жил на Руси по воле Божьей
И рос как сорная трава
Простой калика переходной –
Иван, не помнящий родства.

Он не боялся расстояний,
Не ведал горечи труда –
Питался жалким подаяньем
Без ложной примеси стыда.

С детьми в деревне был он дружен,
Простонародием любим,
И хоть России не был нужен –
Однако ангелом храним.

И даже баба из подвала,
Когда его вели в тюрьму,
Ему калачик подавала
И в ноги кланялась ему.

Леший

Мы пойдем за белыми грибами в лес,
Но смотри в четыре глаза, милый мой,
Чтобы к нам в лукошко леший не залез,
Чтоб не занесли его к себе домой.

Будет проклипать тогда он белый свет,
И забьется в темный угол под кровать,
Только ничего там кроме пыли нет,
Ни одной травиночки не увидеть.

Ночью окончательно он загрустит:
«Доигрался старый дурень до тюрьмы!»
И начнет зеленой лапой пол скрести,
Чтобы отнесли его обратно мы.

И придется топтать в тьму кромешную
И дышать лесной осенней влагою,
Потому что тоже были лешими,
Потому что сами жили в лагере.

Прохожий

Вдоль дороги шел прохожий, по обочине,
Мимо шумных и умолкших деревень,
Низко кланялся он людям озабоченным,
Улыбаясь говорил им: «Добрый день!»

Что-то в нем сердца людские сразу трогало,
Будто был давно он каждому знаком.
И запомнилась рубаха его строгая
И что шел он вдоль дороги босиком.

Борода его густая, как черемуха,
Завитками белоснежными цвела.
Опирался он на стебель от подсолнуха,
А веревка подпояскою была.

И глаза блестели ласково, как вишенки,
Из-под мягкой бахромы его ресниц.
Шел прохожий, вознося хвалу Всевышнему
За чудесный летний день и пенье птиц.

И когда он поравнялся с забегаловкой,
Где дрались с остервененьем мужики
И насмешничали, сидя на завалинке,
Ребятишки и седые старики,

Он сказал им: «Добрый день!» – и все услышали,
Хоть был голосом он громким не богат.
И тотчас же разошлись бойцы притихшие,
Да и деды увели домой внучат.

Выйдя в поле, где цветы и злаки мирные,
Он сказал, в лучах закатного огня:
«Лет семьсот, всего семьсот хожу по миру я...
Боже мой! Я нужен здесь, не кличь меня!»

Тут качнулись подорожники и донники,
И взмолились медуница и полынь:
«О, Господь, не забирай от нас Угодника!»
А крапива тихо молвила «Аминь!»

Борис Кузин

К 19-му съезду партии

Всех съездов было восемнадцать
У нашей партии родной,
Теперь их будет девятнадцать
У нашей самой дорогой.
И наше общее желанье
Оно, конечно, как всегда, –
Включиться в соцсоревнованье
За дальнейшее повышение производительности труда.

* * *

Отзвонил, – и долой с колокольни.
А куда? – Невелик пяточок
Бела света. А все же спокойней:
Отзвонил и пошел... И – молчок.

Небеса все равно голубые,
Только скупы под ними поля.
Поглядишь, – это все же Россия,
А послушаешь, – нет, не твоя.

От молчанья, вытья, заиканий
Заповедная высохла речь,
И одни умудрились цыгане
Хоть останки ее убережь.

Да как лаяли, лают собаки,
И гуляет залиvistый мат, –
Самосевом взошедшие маки
По приволью заброшенных гряд.

1973

* * *

Под низким потолком все снится ложь да ложь,
Египетская тьма, египетские казни,
Густой настой греха, брожение неприязни.
Мурлычет рыжий кот. Рогожин точит нож.

А за окном земля вся в голубых снегах,
Трубит восторгом твердь и херувимской славой,
И слаб произнести людской язык шершавый
Слова, держащие стихию в берегах.

1973

* * *

В черной грязи, в белой пыли
Стоптано столько сапог.
Шли сапоги... На́ смерть, – а шли,
Сами шагали, без ног.

Черный палач белый калач
Держит, а руки в крови.
Бедный палач! Мама, не плачь!
Это ведь все от любви.

Чёрны дела. Совесть бела.
Только давным уж давно
Нету ее. А ведь была.
Что же в замену? – Говно.

Белая ночь. Черные дни.
Ладно, чего еще там...
Все отбери, лишь сохрани
Братство тюремное нам.

1973

* * *

«О, Мери, Мери, не Мериме ли
Был автор оперы “Кармен”?»
– Возможно, Нелли. А не Бизе ли?
«А это разве не тот же хрен?»

* * *

Я круг своих запросов сузил:
Остались кухня и санузел.

Николай Ладыгин

Осенний сон

Не сова ли била в осень
Лапой? И опал
Лист от сил
Ее?

Не дремуч умер день,
Нет, сам он – заря, разномастен.
Колер елок,
Как
Еж, тот же,
Золотисто вот сито лоз.

Теша, манила калина, машет:
Я алая!
И ладили да кадили дали,
И нет еще тени,
Но сыро. Голубое обуло горы. Сон.

Марево

О вера моя, о марево,
Вы ропот, то порыв,
Как
Ветер, орете в
Окно. Так шуми, зимушка, тонко,
Намути туман,
Намаши игру пурги и шамань.

Будил ли дуб,
Носил ли сон
Мечты (быт чем
И хорош) – и летели шорохи,
И летят ели,
Ажур кружа.

Тучами зима чуть
Тени кинет –
Меркнет стен крем,
И от сугроба бор густой,
Как
Немота, томен

Или
Суров. О Русь!
Я нем. И меня,
Как
Будто тот дуб,
Обуло грёзой озёр голубо.

Но сыми зимы сон
И радугу дари,
И кумира дари муки.
О вера моя, о марево.

Начало зимы

Мело полем.
Оно,
Как
Лед, угрюмое. Реомюр гудел.
И лад, и вывихи вы видали.
Но синел клен, и сон
Липы выпил.
Мок сук, и куском
Алым звень. Не взмыла,
А летела
Заря. Раз! –
И розами – зима. Зори
Алели. Милела,
Ты, выть
Низин.
Вон, в тине, в зареве вера звенит вновь.
А ну, летите, Луна!
Были миги милы б,
Али сон. А зима, гуляя лугами, заносила
Дороги и город.

Андрей Марков

Вечный пламень

Смешная утварь – голова.
Она как тыква изошренна.
Как полуночная сова,
она остра и извращенна.

Разбита мира скорлупа,
и кротким некуда деваться.
Смешная доля у клопа:
плясать, кусать и издеваться.

Пусть он приплюснут и вонюч,
и слеп как крот, и глух как камень,
но в сердце у него живуч
неугасимый яркий пламень.

Гиппомонада

Черная гиппомонада
вышла из бездны времен
и говорит, что не надо
ей ни гербов, ни знамен.

Черная гиппомонада
вышла из дали веков
и говорит, что не надо
ей ни вождей, ни полков.

Черная гиппомонада
вышла из чащи лесов
и говорит, что не надо
ей большинства голосов.

Черная гиппомонада
вышла на берег одна.
Ей не нужна канонада,
ей ненавистна война.

Черная гиппомонада
бодро бежит без подков,
и ничего ей не надо,
кроме жиров и белков.

Юрий Одарченко

* * *

Поздравляю всех молящихся
С тем, что молятся.
Поздравляю розы чайные
С тем, что колются.
Поздравляю всех трудящихся
С тем, что трудятся.
Получившего пощечину
С тем, что судится.
Поздравляю неудачников,
Коль не клеится.
Продавца гуммиарабика,
Если клеится!
Поздравляю, низко кланяюсь
Встречным всем наперечет.
Поздравляю, низко кланяюсь
Всем, кто дышит и живет.

* * *

В аптеке продается вата,
Пенициллин и аспирин.
В аптеку входит бесноватый
И покупает апельсин.

Он покупает по рецепту,
Прописанному Сатаной,
И, расплатившись с фармацевтом,
Идет уверенно домой.

Луна сквозь облачную вату
Играет зеркалом витрин.
Грызет, кривляясь, бесноватый
Свой ядовитый апельсин.

* * *

На самом дне в зеленом жбане
В перелицованном жупане,
Не говоря ни да ни нет
Сидит подстриженный поэт.

Над ним плывут по небу тучки,
Но он сложил спокойно ручки
И прикусил себе язык,
Сказав, что к этому привык.

И лебеди в порочном страхе,
И дева в ситцевой рубахе,
И розы, звезды, соловей,
И с ними Дядька Чародей

Бегут в неистовом испуге
К уравновешенной супруге
Сказать, что стриженный поэт
Не говорит ни да ни нет.

* * *

Идут поэт и попрошайка
В обнимку через Красный мост,
За ними едет таратайка
И зазывает на погост.
Поэту холодно и зябко,
Он ходит в летнем пиджаке.
На попрошайке – просто тряпка
И две дыры на башмаке.
От смерти черные перилы
Их отделяют в эту ночь,
Но нету у поэта силы
Предсмертный ужас превозмочь.
А друг его на таратайке
Уже умчался на погост...
Идет поэт без попрошайки
В сияньи через Красный мост.

* * *

Как нежно ветер над полем стелется.
На нем равноправные лежат мертвецы.
Слегка по утру завеет метелица.
Рцы, Господи праведный, рцы!

Никто не верует да и не молится
Тебе, о Господи, лишь мертвецы.
Над ними месяц на землю клонится.
Рцы, Господи праведный, рцы!

* * *

Стоят в аптеке два шара:
Оранжевый и синий.
Стоит на улице жара
И люди в парусине.

Вхожу в аптеку и шары
Конечно разбиваю,
В участке нет такой жары,
А цвет сейчас узнаю.

Горит оранжевый просвет
На синей пелерине.
Отлично выспался поэт
На каменной перине.

* * *

Желтый Ангел пролетел по небу,
Рисовую веткой погрозил.
Спелый колос золотого хлеба
Протянул ему Архангел Михаил.

Леший, сидя у лесной тропинки,
Яд варил для камышовых стрел
И сказал пришедшим на поминки:
Посмотрите, хлеб уже созрел.

Зарево зари еще беспечной
Нежным светом землю озарит.
В нищенских дворах Замоскворечья
Не для нас ли петел прокричит?

Но теперь заря уже настала,
Михаил в сиянии стоит,
Желтый ангел, опустив забрало,
С диким криком на Восток летит.

Песнь о северном судаке

В каком-то доме был чердак,
Где умер северный судак.
Двоюродные братья и даже просто братья!

На песчаном откосе лежит судак.
Это не выдумка – это так!
Не на серебряном подносе,
А на песчаном откосе.

Лежит он смирно на боку,
Теперь не нужны судаку
Двоюродные братья и даже просто братья –
Судак в Божественных объятьях.
Он умер, не убит,
И чешуя его блестит,
И ангелы на чердаке
Поют о мертвом судаке.

* * *

Сидят надменные вельможи
На тронах. Их пятнадцать тут.
Один сказал: «Великий Боже,
Ведь нам, пожалуй что, капут».

Другой взглянул на статуэтку
Из кости желтого слона,
Поставил в книжечке отметку
И возразил: «еще весна».

А третий молвил: «миловзоры!»
Четвертый, пятый и шестой
Чертили пальцами узоры
На слое пыли вековой.
Седьмой, восьмой и два девятых
(Они ведь были близнецы)
Жевали пряники из мяты
И все молчали мудрецы.

Одиннадцатый и другие
Вдруг крикнули: «банзай, банзай!»
И за слова свои благие
Живыми были взяты в Рай.

* * *

Меня не любят соловьи
И жаворонки тоже.
Я не по правилам пою
И не одно и то же.

В лесу кукушка на вопрос
Охотно отвечает,
И без ошибки смертный час
По просьбе отмечает.

Но если сто семнадцать раз
Вам пропоет кукушка,
Не отвечайте ей тотчас:
Какая же ты душка!

Наверно, врет кукушка.

* * *

Я болен страшною болезнью:
Не сифилисом, не чумой –
Еще страшнейшею болезнью –
Пошел я по миру с сумой.

Встречать знакомых мне не стыдно –
«Ах, здравствуйте! Я очень рад.
На бал собрались? это видно.
Но что за странный маскарад?»

А я протягиваю руку
И мне, смеясь, суют пятак.
Я спешно пожимаю руку
И ухожу на свой чердак.

Там в щелях шепчут тараканы –
Ну что, повесится ли он?
Заглядывают мне в карманы
И видят – денег миллион.

На эти деньги покупаю
Вина, селедки, папирос.
И в тишине своей читаю
Безумный гоголевский «Нос».

Михаил Светлов

* * *

Никому не причиняя зла,
Жил и жил я в середине века,
И ко мне доверчивость пришла –
Первая подруга человека.

Сколько натерпелся я потерь,
Сколько намолчались мои губы!
Вот и горе постучалось в дверь,
Я его, как можно, приголубил.

Где-то рядом мой последний час,
За стеной стучит он каблуками...
Я исчезну, обнимая вас
Холодеющими руками.

В вечность поплывет мое лицо,
Ни на что, ни на кого не глядя,
И ребенок выйдет на крыльцо,
Улыбнется: – До свиданья, дядя!

1962

* * *

Кирсанов мог один насцать,
как не насцут одиннадцать.

* * *

У теннисистки
ни тени сиськи.

Лидия Бартольд

* * *

Был автобус битком,
Ехал понемножку,
Парень с розовым лицом
Вскинул вдруг гармошку.

Он не плохо играл,
Пел не слишком громко,
И кондуктор смолчал,
Посмотрел в сторонку.

И взвилась, всем близка,
Древняя, степная,
Азиатская тоска,
Удаль воровская.

И шофер молодой
Оживился сразу:
На шоссе, под горой,
Лихо поддал газу.

Не асфальт под тобой,
Не в резине шины,
Это тройкой ночной
Стала вдруг машина.

Темь да глушь, палый лист,
Узкая дорога...
Полуночный жуткий свист
У лесного лога...

Эх-ма, нам бы так,
Гикаем да свищем,
Вынимаем за пятак
Нож из голенища...

Все примолкли, чуть дыша,
Сердцем с песней слиты...
В каждом русская душа,
Все в душе – бандиты.

Иван Игнатов

* * *

Он уходил со всех сторон,
Не обобрав и не поправ.
Стоял как мумия его поклон,
Кивал безжизненно его совет,
Повис безжизненно ее рукав,
Мелькнул на лестнице ее берет,
Прошла задворками ее любовь.
И неотступно – ни вбок, ни взад –
Как радиола и крик «халат»,
Зубами впившееся в плоть ее
Ее тащилось бытие.

* * *

Птицы пели на опушке,
На Литейном, у щеки.
Мы давно с тобою мушки,
Дети, рыбки, старики.
Нам тепло с тобою в сетке,
Изучая суть реки.
Твой глазок поет на ветке,
Остальное – пустяки.
Остальное на аркане
Уведет с собой денек,
Остальное на экране
Затуманит вечерок.

Сика-лиса

Енике-беники
Сика-Лиса...
(Детская считалка)

Сика-Лиса не сторожит на площадках.
Темные брови подняв, не проплывет над жилищем покинутым.
Не колыхнется в колодце заброшенном.
И в сердце изогнутом.
Не плачет на корточках...
Сика-Лиса. Сика-Лиса.

* * *

Как в астрономии бесчеловечно.

.....

Поэт на Лиговке

Искривленной от стыда
Улицы намека...
В ожидании суда
Люди ходят вбок.

А поэту от суда
Избавленья нет –
И ведет его беда
Лиговкой сует.

А за Лиговкой сует –
Лиговка тягот,
И бредет по ней поэт
В поисках красот.

А за Лиговкой сует
Лиговкой скорбей
Пробирается поэт
В поисках людей.

Он растекся от сует,
От скорбей продрог,
Протоптал свой краткий срок
В поисках дорог.

Но на миг из тьмы дорог
В самый черный час
На него наводит Бог
Треугольный глаз.

* * *

Щипцы нацелив, пустота
К тебе ползет из дыр...
(Не бойся: эта ночь – не та
И этот дом – не мир.)

Но эта персть... Но жгучий глаз,
Набухший подозреньем,

Ночной неистовый рассказ
И злоба с угрызеньем.

И эта проволока душ –
Игла в мозгу титанки –
Пустая смерть, которой туш
Играют лесбиянки.

И сочлененья и крючки...
(Но этот дом – не мир,
В котором Дух надел очки,
Но не закончил пир.)

И шляпки, щетки на полу
В чудовищном алькове.
И та зажавшая иглу
С петлею наготове.

* * *

Ветвей сосредоточенность.
Воды серьезность.
Вы, ангелы дорог безлюдных,
О, научите меня
Молчанью жизни!
Я не хочу играть.

* * *

Порхают чертики и ангелочки,
Молчание глаголит с высоты,
Подмигивая нам из точки
Безумия. А мы, его сыночки,
Растим, растим его цветочки
И прячем бережно.
О них не знаешь ты?

Тень друга

Мой старый друг припал к окну
И вслед смотрел на тьму.
Махал руками, неуклюже, долго.
И дождик моросил.
И я махнул ему...
– «Нет, я не преступил
Законов дружеского долга».

Да, торопясь... И этот дождь...

Печаль.

Муть. Сумерки. Река.

Заборы и река.

Надолго!

Окно уж далеко. Мы уходили вдаль.

И спутница сказала: «Долго

Его мы не увидим... Или никогда?»

И стерся след. Но он глядел из дали.

– «Нет, я не виноват. Я не забыл тогда».

Но этот жгучий след... Его следа,

Следа его мы с ней не отыскивали.

Как быть теперь? Как жить?

Как пересилить мрак того мгновенья?

За что перестрадать? Кого перелюбить?

Куда послать пустые сожаленья?

Судьба моя как сон. Не к ней мольба.

Я грань добра и зла по воле мечу.

Но в грозном громе крыл у судного столба

За тот несчастный миг как я отвечу?

Память

Крупинки памяти, я не отдам вас даром.

Когда беспамятство разверзнет зев,

Ему отвечу я ударом на удары,

На гранях памяти не онемев.

Я в память памяти спою пустую песню,

Чтоб шепот памяти еще услышать мне,

Полузабывшему в пучинах бессловесных,

Полусгоревшему в ее огне.

В утробах памяти чудовищной вселенной

Мое не предусмотрено житье.

И кто найдет в ее душе нетленной,

В ее безмерных снах ничтожество мое!

Но, уходя в ее глухие реки,

Последней памяти я сберегу глоток –

Молчанье глаз твоих, беспамятных навеки,

И сбившийся назад поношенный платок.

Лев Болтовский

На смерть Сталина

Морозное и вьюжное
прошло. Но падал снег.
Не жизни – смерти нужный
скончался человек.

Наивные, как дети,
ушли народы в плач.
Впервые на планете
оплакан был палач.

Виктор Василенко

* * *

Я пишу плохие стихи.
У них грубая одежда.
Ритм проваливается на каждом слове,
как идущий по рыхлому снегу.
Слова мои кажутся корявой прозой,
и размеры, строгие и нежные,
такие красивые у других поэтов,
здесь исковерканы и разорваны.
Но я ничего не могу исправить.
То, о чем я рассказываю,
не может быть
передано
другими словами.

1952

* * *

Я вычерпываю ложкой
тюремную баланду.
Я ем жадно, прикрывая миску
всей грудью,
низко опустив голову, –
и так делают все.
Рука моя опирается
на выщербленный,
изъеденный рубцами,
тюремный стол.
Мы едим жадно.
В эти минуты
в столовой молчание.
Нет разговоров.
Все ушли в еду.
И когда ложка
погружается в остывающую
баланду,
где плавают редкие хлопья
подмороженного картофеля,
тонкие листья капусты, –
в эти минуты,
если бы кто-нибудь сказал,

что нас поведут
расстреливать,
и тут мы
не оглянулись бы
на говорившего.

1953

Сибирский экспресс

Д. Самойлову

Было в переименованной Вятке.
Стояли у железнодорожной насыпи.
Зловеще блестели рельсы.
Нам велели
повернуться спиной –
и мы слышали
приближающийся поезд.
Был вечер.
Заря горела над крестами елового леса,
холодная, как лед, жаркая, как кровь!
Чернела водокачка.
Чернели вдали
товарные составы.
Медленно приближался поезд.
Мы стояли к нему спиной.
Мы ждали.
Я повернул голову,
и меня ослепили окна вагонов.
В них горел электрический свет.
Осторожно проходили вагоны.
Паровоз неохотно набирал скорость.
Вагоны проплывали беззвучно.
Сквозь их окна смотрела жестокая заря,
мешаясь с электрическим светом.
Было страшно!
Мы стояли,
жалкие, усталые –
ведь нас гнали в тюрьму по окраинам города.
В самом городе нельзя было видеть заключенных.
Наваливалось на плечи молчанье.
Безмолвствовали стражи.
Безмолвствовали собаки.
Они помогали стражам.
От них и от нас ложились на снег тусклые тени.
Мы пропускали поезд.
Вижу, как сейчас:

поезд шел беззвучно,
в окнах стояли
хорошо одетые мужчины и женщины;
ленивым, равнодушным взглядом
проводжали они нас.
Ни сочувствия, ни жалости
не отражалось в их лицах!
Вижу, как сейчас,
молодую женщину
с накинутым на полные плечи
шелковым цветным платком
и рядом подтянутого военного.
Они курили и смотрели на нас безразлично.
«Что смотришь?» – крикнул конвоир
и больно ударил меня прикладом.
Боль обожгла.
А уже проходили последние вагоны.
И вспомнились слова великого поэта:
«Молчали желтые и синие,
в зеленых плакали и пели».
Но в составе не было зеленых вагонов.
Проходил дальневосточный экспресс –
роскошный, великолепный,
уходил в сторону Сибири!
Нас же вели в лагеря Заполярья:
кого на Воркуту,
кому предназначалась Колыма;
меня – в неизвестную еще мне Печору.
Никто еще не знал своего направления!
Раздалась команда,
и мы поползли через железнодорожное полотно,
скользя, оступаясь
из-за камней и мокрого, ледящего снега!
С нами переходило через железнодорожный путь
и жестокое молчание.
Еще горели, готовясь исчезнуть, красные огни
последнего вагона уходившего экспресса.
Из Сибири
навстречу ему и нам плыли
жестокие, равнодушные,
безмолвные облака.
Еще пылала заря,
холодная, как кровь,
тусклая, как лед!

Абезь – Москва
1950–1987

Леонид Мартынов

Ночью по Замоскворечью

Ночью
По Замоскворечью
Белая машина мчалась
И остывшей хлебной печью Якиманка намечалась,
Будто булочник-кондитер, седовласый пекарь хлеба,
Кончил дело, руки вытер
И уставился на небо.

Небо
Темное огромно,
И в ночи мерцают с юга
Тепловозная Коломна, Циолковская Калуга,
И ружейная планета, в золотых медалях Тула,
Тоже блещет зиму – лето
В небе внуковского гула.

Этих звезд
Не признавая,
Подвернулась на ухабе
И очнулась мостовая, сонно охая по-бабьи
Там, где в узком переулке
Под мучнистой лунной пылью
Дремлют домики-шкатулки
С кардамоном и ванилью.

Но блеснул
Замшелый глобус
В ржавом сквере на Болоте,
Белый внуковский автобус громыхнул на повороте
И взвился как будто в воздух,
Чтоб увидеть издалече
С тверди неба в этих звездах
Тишину Замоскворечья.

1950

* * *

Будто
Впрямь по чью-то душу
Тучи издалёка

С моря движутся на сушу
С запада, с востока.

Над волнами
Временами
Ветер возникает,
Но волнами,
А не нами
Грубо помыкает.

Он грозитя:
«Я возвышу,
А потом унижу!»
Это я прекрасно слышу
И прекрасно вижу.

Возвышеньё,
Униженьё,
Ветра свист зловещий...
Я смотрю без раздраженья
На такие вещи.

Ведь бывало и похуже,
А потом в итоге
Оставались только лужи
На большой дороге.

Но чего бы это ради
Жарче керосина
Воспылала в мокрой пади
Старая осина?

Я ей повода не подал.
Зря зашелестела.
Никому ведь я не продал
Ни души, ни тела.

Огненной листвы круженьё,
Ветра свист зловещий...
Я смотрю без раздраженья
На такие вещи.

1955

Дрема луговая

Господи Иисусе, чудно под Москвой,
В Рузе и в Тарусе, в дреме луговой!

Дрема луговая! Это к ней вчера
Не переставая липла мошкара.
Сока из надлома не дал бледный хвощ.
Чувствовала дрема: утром будет дождь!

То-то белокрыльник вовсе изнемог!
Будет в серый пыльник кутаться восток.
Смерчик еле зримый, предрассветно мглист,
Пронесется мимо, как мотоциклист.

Глухо тарарахнет предрассветный гром,
Там, где в гнездах пахнет пухом и пером.

И взлетит от грома
Мошек целый рой,
Как с аэродрома,
С дремы луговой!

* * *

Намеренья.
Легко ли разгадать их!
Что это? Клятва в дружбе до конца?
Иль, может быть, сплетаются в объятьях
Два дьявольски упорные борца?

Один другого повалить стремится,
Прижать коленкой, превратить в раба,
Но, глядя на улыбочные лица,
Никто не знает, что идет борьба.

А может быть, что даже от испуга
Сцепились так, и, будто столп за столп,
Стремятся удержаться друг за друга
Среди потока беспокойных толп.

Завет Верлена

Мне
На заре
Верлен приснился
И, чтобы сон мой объяснился,
Сказал мне русским языком:

«Поэзия – не что иное
Как похождение шальное,

Когда ты крадешься, объятый
Передрасветным ветерком,
Чтоб мяты аромат и тмина –
Ничто не пролетело мимо.
Все остальное – писанина!
Скажи им русским языком!»

1970

* * *

Галилей
Ослеп от старости
Или от трубы подзорной?

Галилей
Ослеп от ярости.
Ибо жил как поднадзорный.

Поздний час

Рабочий день
Уже лежал в постели,
От сдержанной усталости зевая.
Я вышел. Тротуары опустели,
Часы показывали что хотели:
Одни – вперед, другие – отставая.
Прошла старуха, лихо напевая.
Какие-то младенцы пролетели –
Возможно, что Амуры. Надевая
Непроданные всякие вещицы –
Пальто, колготки, кофточка и платья, –
В безлюдных магазинах продавщицы
Плясали. Что еще могло случиться,
Какие провести мероприятия
Задумал кто – не мог предугадать я!

* * *

«Грибы мигрируют, – сказал мне жук с рогами, –
Они уходят с троп, где топчут их ногами,
В лес, где деревья, для защиты леса
Касаясь неба листовыми лбами,
Своими шелестящими губами
Сосут космическое звездное железо».

Моисей Цетлин

Глушь

Блажен, кто средь разбитых урн,
На невозделанной куртине,
Прославит твой полет, Сатурн,
Сквозь многозвездые пустыни.
Владислав Ходасевич. 1912

Прошлым годом
Меня судьба
Случайно занесла
В Олонецкую глушь.
Я шел по улице
Рочдельских пионеров.
За ней тянулася
Улица Лассаля.
На площадь выйдя
Розы Люксембург,
Увидел бюст ее
На городском бульваре
Перед артелью Швейной.
Потрескавшийся весь
И потемневший
За полстолетия.
Горбинка на носу,
Открытый взор
Напомнили забытый
Образ Розы.
Я вспомнил мрамор
Чопорных вельмож,
Безносых и безглазых,
В опустевших
Дворянских парках,
В золоте листвы
Иль под дождем осенним.
Вспомнил юность, –
Наивную восторженность
И план
Монументальной пропаганды.
Подумал о Фурье
И Кампанелле,
И о Сатурне тоже.
Мне стало тяжело дышать.
Вихляющей походкой

Юнец ко мне
Какой-то подошел,
С копной слежавшихся
Волос до плеч,
С тупым и наглым взором
Рыжих глаз.
Мне захотелось
Пнуть его ногой.
Я повернул
К разбитому ларьку,
Понурых двух
Увидев инвалидов.
Мы молчаливым
Обменялись взглядом.
Бутылку взяли на троих.
Я долго, пьяный,
Плакал перед Розой,
Проя прощать меня,
За что – и сам не знаю.
Какая-то швея
Меня к себе
С бульвара увела.
Очнувшись на скамье
Подгнившей вновь,
Холодную зарей,
Не смея глаз поднять,
Побрел, сутулясь,
К станции глухой.

1974

Увертюра

Бегите всех, кто вам творит добро.
Нет мстительней кристальных душ на свете.
Пред ними вы всегда, как червь, в ответе.
Ищите зла. Оно, как мир, старо.
Миф подло лгал. Возмездия не будет.
Идите в мир. Дышите полной грудью.

1979

Даниил Андреев

Шабаш

Вот,
Сплошь
Полная древними призраками,
Бьет
Счет
Полночь над башенным рвом.
Блеск
Рамп
Сразу сменяется сумерками...
Стих
Треск
Джазов, юркнув,
как
гном.

Груз
Тумб
В поступи люда развинчивающейся,
Ритм
Румб
В памяти бьется, звеня...
Так
Прочь
Бросив запреты развенчивающиеся,
Мглит
Ночь
Броккена – злой
свет
дня.

Шарф
Мглы
Вьется за каждую женщиною –
Знак
Ляв,
Мечущихся до зари,
Чтоб
К нам
Жался квартал поножовщиною,
Чтоб
Мрак

Царствовал час,
 два,
 три.

 Лов,
 Рыск
В парках, бульварах, на набережной:
 Там
 Туп
Говор упрямой любви,
 Там
 Скрип
Пьяной гармоники судорожный:
 Всхлип
 Губ
Пряный: – Целуй,
 – Мни,
 – Рви.

 Вон
 Клумб
Нежные поросли вытоптаны;
 Гной
 Чувств
Приторен, как хлороформ...
 Так
 Рвет
Похоть – столетьями выкованный
 С душ
 Гнет
Будничных уз,
 пут,
 норм.

 Вот
 Тишь
Сходит на слизь человеческую,
 В сон
 Плит,
В чадную муть вещества...
 Лишь
 Здесь
Древняя правда фаллическая
 Всё
 Длит
Час своего торжества.

1950

Агния Барто

Какие адреса бывают

Очень трудно почтальонам.
Ходим, ходим по районам.
Ищем адрес три часа.
А какие адреса?

Л е н и н г р а д .
Домище новый,
Наверху восьмой этаж.
Для Анюты Ивановой.
Три звонка –
И в дверь отдашь.

Г о р о д Х а р ь к о в .
Рядом с баней.
Пионеру Ване.

М о с к в а .
Дом два.
Налево от ворот.
Кожевенный завод.

Очень трудно почтальонам!
Ходим, ходим по районам,
Ищем адрес три часа,
А какие адреса?

Где Анюта Иванова?
Где кожевенный завод?
Где тут баня?
Где тут Ваня?
Где «налево от ворот»?

Но поймите и меня

Я считаюсь эгоистом, –
Спит сестренка за стеной,
Я же с гиканьем, со свистом
В дом врываюсь как шальной.

Но поймите и меня!
Не успел я слезть с коня.

Не качайте головой,
Я же всадник, верховой!

А недавно было дело, –
Я пропал средь бела дня.
Мама даже похудела.
Но поймите и меня!

Мне кричат: – Сережа, где ты? –
Но в ответ я ни гугу.
Я лечу вокруг планеты
И ответить не могу.

И вчера мне зря попало,
Я не думал о плохом,
У меня овца пропала,
Я как раз был пастухом.

Я носился среди скал,
Я овцу везде искал.
– Ты куда? – кричит соседка. –
Здесь же лестничная клетка!

Я сказал ей: – Тетя Женя,
Нет у вас воображенья.
Здесь высокая скала. –
Но она не поняла.

На меня из-за овцы
Раскричались все жильцы.

Я и сам не знаю толком:
Виноват я или нет?..

А однажды был я волком,
За девчонкой мчался вслед.
И совсем она не знала,
Эта девочка с косой,
И совсем она не знала,
Что она была лисой.

1963

Семён Кирсанов

Осенний рисунок

Обгорели
акварели
за лето.
Мы знали то.

Сад, где шел ты, –
красно-желтый.
Листьями
он выстелен.

Это жук ли?
Как пожухли
крылышки!
Нет силушки!

Вот рисунок:
лес и сумрак
с пасмурными
пасмами.

Это осень,
это очень
старая
история.

Погостили.
Поостыли.
Съехали.
До смеха ли?

Не такими
у реки мы
в мае шли...
Ты знаешь ли?

Резкий ветер
ветки вертит
тополю
и – по полю!

Нет и птичек.
Их не кличьте.

Видите ли? –
вылетели.

<1958>

Дождь #

Зашумел сад, и грибной дождь застучал в лист,
вскоре стал мир, как Эдем, свеж и опять чист.

И глядит луч из седых туч в зеркала луж –
как растет ель, как жужжит шмель, как блестит уж.

О, грибной дождь, протяни вниз хрусталия нить,
все кусты ждут – дай ветвям жить, дай цветам пить.

Приложи к ним, световой луч, миллион линз,
загляни в грунт, в корешки трав, разгляди жизнь.

Загляни, луч, и в мою глубь, объясни – как
смыть с души пыль, напоить сушь, прояснить мрак?

Но прошел дождь, и ушел в лес гроыхать гром,
и, в слезах весь, из окна вдаль смотрит мой дом.

1960

Циклоп

Горе одинокому,
горе одноокому
злому великану.

Что ему осталось?
Колотить под старость
кулаком по камню.

Катится с утесов
каменная осыпь,
завывает ветер.

Камни осыпаются,
в страхе просыпаются
маленькие дети.

Страшно, будто режет он
мальчиков со скрежетом.
Режет и хоронит.

А циклоп всю ночь
(чем ему помочь?)
охает и стонет.

Никого не режет он,
не хоронит.
Охает и стонет.

<1962>

Русская песня

Как из клетки горлица,
душенька-душа,
из высокой горницы
ты куда ушла?

Я брожу по городу
в грусти и слезах
о голубых, голубых,
голубых глазах.

С кем теперь неволишься?
Где, моя печаль,
распустила волосы
по белым плечам?

Хорошо ли без меня,
слову изменяя?
Аль, моя любезная,
вольно без меня?

Волком недостреленным
рыщу наугад
по зелёным, зелёным,
зелёным лугам.

Посвистом и покриком
я тебя зову,
ни ау, ни отклика
на мое ау.

Я гребу на ялике
с кровью на руках

на далёких, дáлеких,
далеки́х реках...

Ни письма, ни весточки,
ни – чего-нибудь!
Ни зеленой веточки:
де, не позабудь.

И я, повесив голову,
плачу по ночам
по голубым, голубым,
голубым очам.

<1968>

Строки в скобках

Жил-был – я.
(Стоит ли об этом?)
Шторм бил в мол.
(Молод был и мил...)
В порт плыл флот.
(С выигрышным билетом
жил-был я.)
Помнится, что жил.

Зной, дождь, гром.
(Мокрые бульвары...)
Ночь. Свет глаз.
(Локон у плеча...)
Шли всю ночь.
(Листья обрывали...)
«Мы», «ты», «я»
нежно лепеча.

Знал соль слез.
(Пустоту постели...)
Ночь без сна
(Сердце без тепла) –
гас, как газ,
город опустелый.
(Взгляд без глаз,
окна без стекла.)

Где ж тот снег?
(Как скользили лыжи!)
Где ж тот пляж?
(С золотым песком!)

Где тот лес?
(С шепотом – «поближе».)
Где тот дождь?
(«Вместе, босиком!»)

Встань. Сбрось сон.
(Не смотри, не надо...)
Сон не жизнь.
(Снилось и забыл.)
Сон как мох
в древних колоннадах.
(Жил-был я...)
Вспомнилось, что жил.

<1968>

Сон во сне

1

Кричал я всю ночь.
Никто не услышал,
никто не пришел.
И я умер.

2

Я умер.
Никто не услышал,
никто не пришел.
И кричал я всю ночь.

3

«Я умер!» –
кричал я всю ночь.
Никто не услышал,
никто не пришел...

<1969>

Никударики

Время тянется
и тянется,
люди смерти
не хотят,

с тихим смехом:
«Навсегданьца!»
никударики
летят.

Не висят на ветке
яблоки,
яблонь нет,
и веток нет,
нет ни Азии,
ни Африки,
ни молекул,
ни планет.

Нет ни солнышка,
ни облака,
ни снежинок,
ни травы,
ни холодного,
ни теплого,
ни измены,
ни любви.

Ни прямого,
ни треуголого,
ни дыханья,
ни лица,
ни квадратного,
ни круглого,
ни начала,
ни конца.

Никударики,
куда же вы?
Мне за вами?
В облака?
Усмехаются:
– Пока живи.
Пока есть еще
«пока».

<1969>

Павел Кустов

В пушном павильоне

Мне эти шкурки не дают покоя.
Так и манят: а ну, еще взгляни!
А может быть, в тайге твоей рукою
Настреляны когда-нибудь они?

Плохой промысловик, я все же знаю,
С чем выходить на белку и лису.
Опять в воображенье – глушь лесная,
Где ты стоишь с берданкой на весу.

Как из-под шапки ласково смотрела
И замедляла ты свои шаги,
Когда я в пору зимнего отстрела
Шел за тобой все дальше в глубь тайги!

Я не бежал по следу сиводушки
И дробь на сковородке не катал.
В рассветный час в какой-нибудь избушке
К твоим губам я жадно припадал.

Я помню, как покорно ты вздыхала,
Глядела виновато каждый раз.
Потом, схватив берданку, убегала
И была в цель, прищулив левый глаз.

Кто мне теперь расскажет – с кем и где ты?
В каких таких далеких поясах?
А может быть, опять весну и лето
Прокоротала где-нибудь в лесах?

Полна избушка лисьих шкур и пищи.
Надежный кров спасает от дождя.
И только всё глаза кого-то ищут
И меркнут, никого не находя.

1955

Одуванчик

Все вокруг повяло от жары.
Треснула земля на узких стёжках.
Только одуванчика шары
Целый день стоят на тонких ножках.

От зари стоят и до зари
На полянах, каждому знакомых.
Словно матовые фонари
Для трудолюбивых насекомых.

Всякий раз, когда брожу я тут,
Мне по вечерам невольно мнится:
Вот сейчас, наверно, ток дадут
И поляна светом озарится!

<1957>

Сергей Марков

Зуб великана

Зубов желтеющий оскал
Чудесно сохранило время,
И обруч бронзовый сковал
Мечом рассеченное темя.

Но череп, грузный, как руда,
Назад в могилу не вернется.
Я взял из крепкого гнезда
Резец степного полководца.

Его нельзя носить в кольце
Иль в рукояти тонкой трости,
И место для него – в ларце
Из древней, мамонтовой кости.

Там – много всякого добра,
От забайкальского опала
До пули из винтовки «Гра»,
Что чудом в сердце не попала!

1950

* * *

Оставила тонкое жало
Во мне золотая пчела;
Покуда оно трепетало,
Летунья уже умерла.

Но как же добились пощады
У солнца и ясного дня
Двуногие, скользкие гады,
Что жалили в сердце меня?

1954

* * *

Раньше я знал такие преграды
Только в тревожном сне,
Оледенелые водопады
Вставали навстречу мне.

Справа и слева были откосы,
Где – смерть на каждом шагу,
Словно живые, желтые осы
Лежали на вечном снегу.

Все это было утренней ранью,
В пору скитальческих лет,
Я за тобой, как за красною ланью,
Шел через весь хребет.

1959

* * *

Подобно синей колыбели
Качался небосклон.
Тому, кто пережил метели,
Не страшен вечный сон.

Я видел в тундре, сквозь хрустальный
Колеблющийся свет,
Высокой нарты погребальной
Неизгладимый след.

1966

Змея

Змея в малиннике сухом
Свернулась в скользкий жгут.
Ей незачем ползти в мой дом,
Ей хорошо и тут.

И что ей радость иль печаль?
Бесчувственный клубок,
Как бирюзовая спираль,
Проводит смертный ток.

1968

Борис Нарциссов

Не могу

...Он знает петушиное слово...

Впетуши ты скажинное слово –
И сейчас же рассеется ночь,
И конец будет царствия злого,
Упыри кувыркнутся и – прочь!

Упыри-то – они разнообразны,
А сидят они, может, во мне.
Ну, а прочим, которым обидно –
Успокойтесь: бывают вонне.

Вот немного еще – и припомню,
Шевельну языком и скажу.
А вот лезет на ум все не то мне,
А вот сел и копною сижую.

Не могу. Позабыл. Не машина.
Не колдун. В голове, как засов.
Или больше уж нет петушинных,
Этих самых, которые – слов?

* * *

Заглянул к себе в подвал, –
А оттуда – скверной сыростью.
Я давно их не топтал:
Вот, успели снова вырасти.

Беловаты, как грибы.
Я сравнил бы их с опенками.
Натянули туго лбы,
Заплелись ногами тонкими.

Притаились, пауки!
Не моргнут глаза их кроличьи...
Все как будто двойники,
Все Борисы Анатольичи.

Южас

Он открылся, огромный и пыльный,
Позабывтый чердак предо мной.
Полусвет – но какой-то мыльный:
Светло-серый, тусклый дневной.

Свет из круглых и низких окон –
Только в небо: вниз не взглянуть.
За каймой паутинных волокон
На стекле столетняя муть.

А на камне (зачем он тут брошен?)
Голый мальчик один сидит.
Он слепой. И рот перекошен.
Он оставлен, брошен. Забыт.

И вот, телом тщедушным тужась,
Он кричит однотонно и громко,
Как машина, голосом ломким, –
Только: «Южас, южас...» и «Южас!»

Ведогонь

Нехороший наш край, гниловатый:
По болотам комар да слепень.
Зарастает, как пухлою ватой,
Белой цвелью березовый пенъ.

Подосиновик с тонкой ногою,
Да багульная одурь от трав.
Солнце пухнет за вербой нагою,
На закате в калину запав.

А зайдет – все как будто, как было:
Та же ель и поленница дров.
Только темень муругой кобылой
Заезжает понуро на двор.

А посмотришь – почмокав устами,
Закачался уже, как туман,
Растекаясь внизу под кустами,
Головастый болотный губан.

Вот смотри на такое в окошко.
– Вам-то что, а мне с ними тут жить...
Я и сам уже начал немножко
Ведогонью по лесу кружить.

* * *

Ночью в сарае темно.
Двери от ветра в размахе.
Белое, в длинной рубахе,
Изредка смотрит в окно.

Некого ночью пугать-то:
Скрывшись, – опять на чердак;
Где-то под крышей горбатой,
Там, где уютнее мрак,

Снова белеет. А ветер
Ломится в дверь чердака,
Пробует окна, пока
Серым восток не засветит.

Размахай

По пустым чердакам,
По углам нежилым,
Гонит он паукам
Их мушиный калым.
А потом разойдется, взметнется и пляшет,
И мучными мешками по сумеркам машет.
Так от пыли тогда хоть чихай, не чихай:
Самый страшный из всех – господин Размахай.

А какой из себя?
И не пробуй смотреть:
Над душою скребя,
Будет в четверть и треть
Он в тебя заползать, мельтешить и мотать,
Как белесый заспинный, укрядчивый тать.
Так, как будто пустяк: все чихун да смешки,
Ан, глядишь, ты и сам – как мучные мешки.

Кот

Андрею Фесенко

Сильный насморк у кота
И простуда живота.
Расчихался старый кот
И хвостом сердито бьет.
Он не хочет молока,
Не причесаны бока,

Скисла рожица, как гриб:
Кот совсем, совсем погиб!

Ну, а кто виноват?
Ходит кот ночью в сад,
И не так уже давно
Подглядели в окно:
В ранний час, поутру,
По сыру, по мокру,
По дорожке с песком –
Ходит кот босиком.

Усышкин

Этой комнаты жильцы боялись
И хранился в ней ненужный хлам,
А случайный новый постоялец
Извинялся: «Не ходите там:

Кто увидит серого лакея,
Беспрерывно вскоростях помрет!..»
Как сейчас вот, вижу вдалеке я
Коридор с дверьми и поворот.

В тупике, за этой самой дверью
Будет пыльный сероватый свет,
Паутины бархатные перья
И пришельцу праздному ответ:

«Не тревожь нас, в сумерках навеки...»
Но вот это тянет, как магнит:
Мутный ужас бродит в человеке,
И зовет, и манит, и велит.

Я вхожу в ту комнату послушно:
Пыль, шкафы, густая тишина.
От засохшей плесени здесь душно
И, как тусклый лед, стекло окна.

И свистящим вздохом, еле слышно,
Стариковский шепот позади:
«Так-то, брат Усышкин,
Так вот и ходи...»

Елизавета Стюарт

* * *

Гонят стадо утром ранним
Через сонное село.
На окне цветут герани,
Бьется бабочка в стекло.

Ходят ходики хромая,
А из рамки на меня
Смотрит важная, немая
Деревенская родня.

Все как прежде, все как прежде.
Только места нет надежде –
Одиноко и светло.

Бьется бабочка в стекло...

1958

Черный ворон

Жаркий полдень. И пахнет сосной.
Облачка проплывают мимо.
Черный ворон на вышке лесной
Говорит со своей любимой.
Боже мой, как же он говорит,
Осеняя ее крылами!
В черном вороне, мрачном на вид,
Разгорается нежное пламя.
То свирельный, то флейтовый звук,
Бормотанье, беспмятство, трели...
Удивленно толпятся вокруг
Присмирившие сосны и ели.
И подруга предчувствует власть
Этой песни и крыл колыханье,
А у ворона нежность и страсть
Перехватывают дыханье.
Он глядит на далекий простор,
Чуть прикрыв синеватые веки...
Черный ворон, взамен «Nevermore»,
В этот раз обещает:
«Навеки»!..

Мария Терентьева

Музыка

Было в бараке темно и скученно,
Многие после работы спали,
А пальцы мои исполняли беззвучно
Концерт Чайковского на одеяле.

По нарам пальцы мои летели,
И в них восторг, протест и терпенье...
Мне слышалось не завыванье метели,
А первый гром – торжество избавленья.

Метель шагала от края до края,
Шагала, сугробами укрывая.
Мне слышалось, где-то скрипки звучали
И, будто в апреле, капли стучали.

Сверкали люстры в концертном зале,
Немая музыка каждый вечер
Меня, как птицу, ввысь поднимала
И вниз, и вниз бросала, калеча.

Не трикотаж распускать, не нити
Вязать, крутить крестом и на пальцах, –
Меня по волнам судеб, событий
Несли уже сумасшедшие пальцы.

И я гребла локтями, ладонями
Против течения, против течения,
Чтобы, пробив пространства ледовые,
Музыка вырвалась из заточения.

Вера Маркова

* * *

Ногтем на полях беседы:
«Складывали в штабеля.

Хоронить не могли.
Ослепли от снега».

День был тих
И остался тих.
Только где-то
На самом краю неподвижной памяти
Комариным звоном запели стекла.

1964

* * *

Я ненависть нянчила на руках.
Качала ее,
Пеленала ее...
Кормила
Презренным лицом
И шорохом крови.

А теперь она
Идет на меня, качая улицы,
В ногу, в ногу, в ногу,
И сквозь рупор
В упор:
...ый, ый, ый.

1964

* * *

А так ли трудно расчеловечиться
По волчьим законам,
По нраву овечьему?
Надо лишь думать шумом, шумом,
Спрессованным, утрамбованным шумом.

Всё громче, всё ниже по косогорам –
Сверчки в сумерках –
Думаем хором.

А долго ли снова вочеловечиться?
Недолго,
Недолго,
Не дольше вечности.

1964

* * *

Жили-были
Маленькие глиняные человечки,
Величались: «Мы – настоящие!»,
А им отвечали: «Вы – недобитки!»

Тарарах – в мусорный ящик.
Но мертвые не имут срама.
Маленькие глиняные человечки –
Сыновья Адама.

1979

* * *

Охалка осенних листьев.
С чем ты тягаешься, книга, книга?

1979

* * *

Небо неторопливо.
Улиткой выставит рожки и втянет.
С детства знакомая игра.

Любит стоять за спиной.
Дышит, шепчет,
А оглянешься – нет никого.

Не спешит.
Знает, за кем последнее слово.

1981

Заклинание огнем и бурей

Заклинаю черным размахом бури,
Заклинаю червонным огнем,
Берегите серые, тусклые будни,
Ваш родной, ваш мышинный дом!

Не стыдитесь праха. Вы – дети праха!
У богов не гостите. Недолго гостить.
Короткими перебежками страха
Не стыдитесь дыханье свое защитить.

Когда гроза свою трубку раскурит,
Не обещайте: полыхнем!
Заклинаю вас черным размахом бури,
Заклинаю червонным огнем.

1982

* * *

Я по дорогам памяти сквозной
Люблю скитаться, щурясь близоруко,
И вереницу тех, что были мной,
По росту расставляю, словно кукол.

Займи у самой маленькой, займи
Щепотку зоркости и удивленья.
Спроси у той, бегуньи лет семи,
Как ей жилось – до светопреставленья.

Займи у этой, не познавшей лжи,
Отмах руки, необратимость речи.
А этой все по чести доложи.
Она тебя возьмет к себе на плечи.

1983

Арсений Тарковский

* * *

Тянет железом, картофельной гнилью,
Лагерной пылью и солью камсы.
Где твое имечко, где твои крылья,
Вий над Россией топорщит усы.

Кто ты теперь? Ни креста, ни помина,
Хлюпает плот на глубокой реке,
Черное небо и мятая глина
Непропеченной лепешки в руке.

Он говорит: подымите мне веки! –
Слободы метит железным перстом,
Ржавую землю и ольхи-калеки
Метит и морит великим постом.

Он говорит: подымите мне веки! –
Как не поднять, пропадешь ни за грош.
Дырбала-арбала, дырбала-арбала,
Что он бормочет, еще не поймешь.

Заживо вяжет узлом сухожилия,
Режется в карты с таежной цингой,
Стужей проносится по чернобылью,
Свалит в овраг, и прощай, дорогой.

1946–1956

Юродивый в 1918 году

За квелую душу и мертвое царское тело
Юродивый молится, ручкой крестясь посинелой,
Ногами сучит на раскольничьем хрустком снегу:

– Ай, маменька,
тятенька,
бабенька,
гули-агу!
Дай Феде просвирку,
дай сирому Феде керенку,
дай, царь-государь,
импелай Николай,

на иконку!
Царица-лисица,
бух-бух,
помалей Алалей,
дай Феде цна-цна,
исцели,
не стрели,
Пантелей!

Что дали ему Византии орлы золотые,
И чем одарил его царский штандарт над Россией,
Парад перед Зимним, Кшесинская, Ленский расстрел?
Что слышал – то слушал, что слушал – понять не успел.

Гунявый, слюнявый, трясет своей вшивой рогожей,
И хлебную корочку гложет на белку похоже,
И красногвардейцу все тычется плешью в сапог.
А тот говорит:

– Не трясись, ешь спокойно, браток!

1957

Румпельштильцхен

Румпельштильцхен из сказки немецкой
Говорил:

– Всех сокровищ на свете
Мне живое милей!
Мне живое милей!
Ждут подземные няньки,
А в детской –
Во какие кроты
Неземной красоты,
Но всегда не хватает детей!

Обманула его королева
И не выдала сына ему,
И тогда Румпельштильцхен от гнева
Прыгнул,
за ногу взялся,
Дернул
и разорвался
В отношении: два к одному.

И над карликом дети смеются,
И не жалко его никому,
Так смеются, что плечи трясутся,
Над его сумасшедшей тоской

И над тем, что на две половинки –
Каждой по рукаву и штанинке –
Сам свое подземельное тельце
Разорвал он своею рукой.

Непрактичный и злобный какой!

1957

Иванова ива

Иван до войны проходил у ручья,
Где выросла ива неведомо чья.

Не знали, зачем на ручей налегла,
А это Иванова ива была.

В своей плащ-палатке, убитый в бою,
Иван возвратился под иву свою.

Иванова ива,
Иванова ива,
Как белая лодка, плывет по ручью.

1958

Греческая кофейня

Где белый камень в диком блеске
Глотает синьку вод морских,
Грек Ламбринуди в красной феске
Ждал посетителей своих.

Они развешивали сети,
Распутывали полавки
И, улыбаясь точно дети,
Натягивали пиджаки.

– Входите, дорогие гости,
Сегодня кофе как вино! –
И долго в греческой кофейне
Гремели кости
Домино.

А чашки разносила Зоя,
И что-то нежное и злое
Скрывала медленная речь,

Как будто море кружевное
Спадало с этих узких плеч.

1958

Малютка-жизнь

Я жизнь люблю и умереть боюсь.
Взглянули бы, как я под током бьюсь
И гнусь, как язь в руках у рыболова,
Когда я перевоплощаюсь в слово.

Но я не рыба и не рыболов.
И я из обитателей углов,
Похожий на Раскольниковца с виду.
Как скрипку, я держу свою обиду.

Терзай меня – не изменюсь в лице.
Жизнь хороша, особенно в конце,
Хоть под дождем и без гроша в кармане,
Хоть в Судный день – с иголкой в гортани.

А! Этот сон! Малютка-жизнь, дыши,
Возьми мои последние гроши,
Не отпускай меня вниз головою
В пространство мировое, шаровое!

1958

Серебряные Руки

Девочка Серебряные Руки
Заблудилась под вечер в лесу.
В ста шагах разбойники от скуки
Свистом держат птицу на весу.

Кони спотыкаются лихие,
Как бутылки, хлопает стрельба,
Птичьи гнезда и сучки сухие
Обирает поверху судьба.

– Ой, березы вы мои, березы,
Вы мои пречистые ручьи,
Расступитесь и омойте слезы,
Расплетите косыньки мои,

Приоденьте корнем и корою,
Положите на свою кровать,
Помешайте злобе и разбою
Руки мои белые отнять!

1959

У лесника

В лесу потерял я ружье,
Кусты разрывая плечами;
Глаза мне ночное зверье
Слепило своими свечами.

Лесник меня прячет в избе,
Сижусь за кружкою чая,
И кажется мне, что к себе
Попал я, по лесу блуждая.

Открыла мне память моя
Таинственный мир соответствий:
И кружка, и стол, и скамья
Такие же точно, как в детстве.

Такие же двери у нас
И стены такие же были.
А он продолжает рассказ,
Свои стародавние были.

Цигарку свернет и в окно
Моими посмотрит глазами.
– Пускай их свистят. Все равно.
У нас тут балуют ночами.

1960

Первые свидания

Свиданий наших каждое мгновенье,
Мы праздновали, как богоявление,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.

Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!» –
Я говорил и знал, что дерзновенно
Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевую тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.

А в хрустале пульсировали реки,
Дымилась горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И – Боже правый! – ты была моя.
Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полновзвучной силой
Наполнилась, и слово *ты* раскрыло
Свой новый смысл и означало: *царь*.

На свете все преобразилось, даже
Простые вещи – таз, кувшин, – когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.

Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы поднимались по реке,
И небо развернулось пред глазами...

Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

1962

Полевой госпиталь

Стол повернули к свету. Я лежал
Вниз головой, как мясо на весах,
Душа моя на нитке колотилась,
И видел я себя со стороны:
Я без довесков был уравновешен

Базарной жирной гирей.

Это было

Посередине снежного щита,
Щербатого по западному краю,
В кругу незамерзающих болот,
Деревьев с перебитыми ногами
И железнодорожных полустанков
С расколотыми черепами, черных
От снежных шапок, то двойных, а то
Тройных.

В тот день остановилось время,
Не шли часы, и души поездов
По насыпям не пролетали больше
Без фонарей, на серых ластах пара,
И ни вороньих свадеб, ни метелей,
Ни оттепелей не было в том лимбе,
Где я лежал в позоре, в наготе,
В крови своей, вне поля тяготенья
Грядущего.

Но сдвинулся и на оси пошел
По кругу щит слепительного снега,
И низко у меня над головой
Семерка самолетов развернулась,
И марля, как древесная кора,
На теле затвердела, и бежала
Чужая кровь из колбы в жилы мне,
И я дышал, как рыба на песке,
Глотая твердый, слюдяной, земной,
Холодный и благословенный воздух.

Мне губы обметало, и еще
Меня поили с ложки, и еще
Не мог я вспомнить, как меня зовут,
Но ожил у меня на языке
Словарь царя Давида.

А потом

И снег сошел, и ранняя весна
На цыпочки привстала и деревья
Окутала своим платком зеленым.

1964

* * *

Я в детстве заболел
От голода и страха. Корку с губ
Сдеру – и губы облизну; запомнил
Прохладный и солоноватый вкус.

А все иду, а все иду, иду,
Сижу на лестнице в парадном, греюсь,
Иду себе в бреду, как под дуду
За крысоловом в реку, сяду – греюсь
На лестнице; и так знобит и эдак.
А мать стоит, рукою манит, будто
Невдалеке, а подойти нельзя:
Чуть подойду – стоит в семи шагах,
Рукою манит; подойду – стоит
В семи шагах, рукою манит.

Жарко

Мне стало, расстегнул я ворот, лег, –
Тут затрубили трубы, свет по векам
Ударил, кони поскакали, мать
Над мостовой летит, рукою манит –
И улетела...

И теперь мне снится

Под яблонями белая больница,
И белая под горлом простыня,
И белый доктор смотрит на меня,
И белая в ногах стоит сестрица
И крыльями поводит. И остались.
А мать пришла, рукою поманила –
И улетела...

1966

Жизнь, жизнь

I

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

II

Живите в доме – и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети

И жены ваши за одним столом, –
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподнимаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.
Я каждый день минувшего, как крепью,
Ключицами своими подпирал,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошел, как сквозь Урал.

III

Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль над степью;
Бурьян чадил; кузнечик баловал,
Подковы трогал усом, и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас, в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стременах.

Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла.
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.

1965

* * *

Третьи сутки дождь идет,
Ковыряет серый лед
И вороне на березе
Моет клюв и перья мнет
(Дождь пройдет).
Недаром к прозе
(Всё проходит)
сердце льнет,
К бедной прозе на березе,
На реке и за рекой
(Чуть не плача),
к бедной прозе
На бумаге под рукой.

1966

Лидия Чуковская

* * *

Как на ладони, как на блюде,
Одoleвая забытье,
Вдруг поднесли чужие люди
Мне детство зимнее мое,
Я их об этом не просила,
Ни пианиста, ни кларнет,
Но музыка сама включила
Над прошлым стосвечовый свет –
И звуки, щупая дорогу,
Как фары, иглами огней,
Нашли полянку-недотрогу
И тишину и след саней.

1959

* * *

Маленькая, немощная лира.
Вроде блюдца или скалки, что ли.
И на ней сыграть печали мира!
Голосом ее кричать от боли.
Неприметный голос, неказистый,
Еле слышный, сброшенный со счета.
Ну и что же! Был бы только чистый.
Остальное не моя забота.

1968

* * *

Сверкнет, начищенный до блеска,
Валютный купол в небесах,
Над злым разором деревенским
Подъемля красоту и страх.
Сияя искреннею верой
И показухой золотой...
Нет, лучше купол неба серый
Над серой, серой, серой, серой,
Над Богом брошенной землей.

Варлам Шаламов

* * *

Луна, точно снежная сойка,
Влетает в окошко ко мне
И крыльями машет над койкой,
Когтями скребет по стене.

И бьется на белых страницах,
Пугаясь людского жилья,
Моя полуночная птица,
Бездомная прелесть моя.

* * *

Я жаловался дереву,
Бревенчатой стене,
И дерева доверие
Знакомо было мне.

С ним вместе много плакано,
Переговорено,
Нам объясняться знаками
И взглядами дано.

В доме кирпичном, каменном
Я б слова не сказал,
Годами бы, веками бы
Терпел бы и молчал.

* * *

Память скрыла столько зла
Без числа и меры.
Всю-то жизнь лгала, лгала.
Нет ей больше веры.

Может, нет ни городов,
Ни садов зеленых,
И жива лишь сила льдов
И морей соленых.

Может, мир – одни снега,
Звездная дорога.
Может, мир – одна тайга
В пониманье Бога.

* * *

Не откроем песне двери,
Песня нынче не нужна.
Мы не песней горе мерим
И хмелеем без вина.

Камнем мне на сердце ляжет
Гул тяжелый хоровой.
Песни русская протяжность,
Всхлипы, аханье и вой...

* * *

Засыпай же, край мой горный,
Изогнув хребет.
Ночью летней, ночью черной,
Ночью многих лет.

Чешет ветер, как ребенку,
Волосы ему,
Светлой звездною гребенкой
Разрывая тьму.

И во сне он, как собака,
Щурит лунный глаз,
Ожидая только знака
Зарычать на нас.

* * *

Он сменит без людей, без книг,
Одной природе веря,
Свой человеческий язык
На междометья зверя.

Руками выроет ночлег
В хрустящих листьях шалых
Тот одичалый человек,
Интеллигент бывалый.

И выступающим ребром
Натягивая кожу,
Различья меж добром и злом
Определить не сможет.

Но вдруг, умывшись на заре
Водой ключевой,
Поднимет очи он горе
И, точно волк, завоюет...

Лиловый мед

Упадет моя тоска,
Как шиповник спелый,
С тонкой веточки стиха,
Чуть заледенелой.

На хрустальный, жесткий снег
Брызнут капли сока,
Улыбнется человек,
Путник одинокий.

И, мешая грязный пот
С чистой слезинки,
Осторожно соберет
Крашенные льдинки.

Он сосет лиловый мед
Этой терпкой сласти,
И кривит иссохший рот
Судорога счастья.

1954

* * *

Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.

Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землей.

Зимний день

Свет, как в первый день творенья,
Без мучительных светил
И почти без напряженья
Пресловутых вышних сил.

Будто светит воздух самый,
Отражая светлый лед,
И в прозрачной райской драме
Освещает людям вход.

Там стоят Адам и Ева,
Не найдя теплей угла,
Чем у лиственницы – древа
Знания добра и зла.

* * *

Велики ручья утраты,
И ему не до речей.
Ледяною лапой сжатый,
Задышается ручей.

Он бурлит в гранитной яме,
Преодолевая лед,
И холодными камнями
Набивает полон рот.

И ручья косноязычье
Непонятно никому,
Разве только стае птичьей,
Подлетающей к нему.

И взъерошенные птицы
Прекращают перелет,
Чтоб воды в ручье напиться,
Уцепясь за хрупкий лед...

Чтоб по горлу пробежала
Капля горного питья,
Точно судорога жалоб
Перемерзшего ручья.

1954

* * *

Все молчит: зверье, и птицы,
И сама весна.
Словно вышла из больницы –
Так бледна она.

В пожелтевшем, прошлогоднем
Травяном тряпье
Приползла в одном исподнем,
Порванном белье.

Из ее опухших десен
Выступает кровь.
Сколько было этих весен,
Сколько будет вновь?

Ястреб

С тоской почти что человеческой
По дальней сказочной земле
Глядит тот ястреб узкоплечий,
Сутулящийся на скале.

Рассвет расталкивает горы,
И в просветленной темноте
Тот ястреб кажется узором
На старом рыцарском щите.

Он кажется такой резьбою,
Покамест крылья распахнет,
И нас поманит за собою,
Пересекая небосвод.

1954

Тост за речку Аян-Урях

Я поднял стакан за лесную дорогу,
За падающих в пути,
За тех, что брести по дороге не могут,
Но их заставляют брести.

За их синеватые жесткие губы,
За одинаковость лиц,
За рваные, инеем крытые шубы,
За руки без рукавиц.

За мерку воды – за консервную банку,
Цингу, что навязла в зубах.
За зубы будящих их всех спозаранку
Раскормленных, сытых собак.

За солнце, что с неба глядит исподлобья
На то, что творится вокруг.
За снежные, белые эти надгробья,
Работу понятливых вьюг.

За пайку сырого, липучего хлеба,
Проглоченную второпях,
За бледное, слишком высокое небо,
За речку Аян-Урях!

* * *

Сосен светлые колонны
Держат звездный потолок,
Будто там, в садах Платона,
Длится этот диалог.

Мы шагаем без дороги,
Хвойный воздух как вино,
Телогрейки или тоги –
Очевидно, все равно...

1963

* * *

Я хочу, чтоб средь метели
В черной буре снеговой,
Точно угли, окна тлели,
Ясной вехой путевой.

В очаге бы том всегдашнем
Жили пламени цветы,
И чтоб теплый и нестрашный
Тихо зверь дышал домашний
Средь домашней темноты.

1963

Аркадий Штейнберг

* * *

Мы лишь бродяги на земле,
Мы только странники.
Свистя, хожу навеселе,
Немного пьяненький,
Немного пьяненький,
Слегка обиженный,
Слегка обиженный,
Не бритый-стриженный.

Я сигаретой плащ прожег,
Скидаю с плеч его.
Так выпить хочется, дружок,
Но выпить нечего!
И выпить нечего,
И нету курева,
И нету курева
У Мишки Гурьева!
И мучит дурь его.

Мы одиночки-москвичи,
Отцы-пустынники,
Нас полечили бы врачи,
Да нету клиники,
Одни рецептики
Да антисептики,
Бумаги-справочки
Да печки-лавочки.

Ночами пусто на Руси –
Глухая просека.
Ни пешехода, ни такси,
Ни даже песика,
Ни духа псиного
И ни бензинного,
Ни человеческого, –
И выпить нечего.

Проженный плащ скидаю с плеч,
Устали косточки,
Хочу немедленно прилечь
На перекресточке...

* * *

Я не был никому врагом,
А это очень плохо,
Особенно когда кругом
Враждебная эпоха.

* * *

Фронтовики, наденьте ордена!..
А что же я надену? Вот те на!
Я смолodu покрасоваться рад,
Но у меня от всех моих наград
Осталась только тень, осколок тьмы –
Квитанция Лефортовской тюрьмы.

* * *

Если погашена лампа и вновь зажжена,
Прежним ли пламенем, новым ли светит она?..

**Стихи, сочиненные во сне
ночью на 13 марта 1981 г.**

В белесом густом тумане
Лесной тропой
Скользят бесшумные лани
На водопой...

Игорь Бахтерев

Лу

Ода петру ефремычу, представителю самых опасных предводителей, начинается с уведомления:

каждому, кому предоставится возможность огласить оду, предстоит дренькать струной, шлепать по клавишам, колотить ложкой по кастрюле, ладонью по чему попало, сопровождая этими или другими звуками многочисленные знаки припенания, которые ясно обозначены.

Предложение выполнять неукоснительно

**первая часть –
вычетаний , сочленений , сочетаний .**

Лу – спичка □
Лу – высота пуха □
круг бедности ,
куб разности □
Клуб вычетаний □
Юность – в любви к праздности □
частица участия ,
единица желаний
и пустота □
возможно полнейшая □

Но остается утренняя исповедь □
А еще причастие □
Причастность к сочленению ,
к сочетанию □
Затем спор Всевышнего
при всеобщем одиночестве □

Зачем же он в пустоте ,
когда осталось вычетание □
Сочетание □
Сочленение □

Когда стынет и стонет – Лу □
Хранительница прозрачных птиц □
Небесных рыб □
Воздушных лясеветов □
Помнится , постоянный хранитель – Лу ,
только она □

Впереди выклубок созвездий ,
клубок надземных соборов □
Но у бедняг
страшно развились пяги :
пчесл □
Рыбл □
И сяды □
И всё на чреслах □
Тонких претонких □
Длинных предлинных □

В том безводном омуте □
кто-то обратился к содействию □
Длинных колёс □
Тонкого бинокля □
Без которых невозможно □

А дальше –
прелесть безволосой кобылицы □
Соревнование безногих горбунов □
На волосатых волосефетах ,
под грубое пение лютни □

В завершение – укромность ,
угрюмость □
Преданность многострунной ,
вечно иностранной рыбе □
Прозванной – Лу □
По-нашему : злупанькой □
Затем , верность бедности ,
преданность посеребрянной тыкке □
Горестным корсарам ,
густому пространству □
И всё для жителей Номи □

Но главное – возвращение вперед □
где черствая тыква □
Везде □
Для всех □
Для каждого □

Найдите !
Лу – жестикуляция безруких □
Говор немых □
Сговор безучастных □
Дзень исповеди □
Бзесь причастия □
Мечты и днище
туркменской Евы □
Предсмертной девы □

Значит Лу высота пуха □
Она же – гром созвездий □
Потом единица желаний □
Потом исчисление
и вычетание □
Горестных морсаров □
Грозных тыкв и букв □
Потом грязных точек ,
гундосых греческих курцаров □

Сочетание □
Сочленение □
Соревнование горбатых □

Тогда всё и объяснилось :
Лу – оно , всегда – оно □
Лу – спичка □
и оно неповторимо □
Оно исключительно спичка □
Только спичка □
Личико критика ,
скачка на тачках
и на точках □

Праздных ,
сквозных ,
разных □
Прачка в неопознанных стоках □
Так кто же то самое – Лу ,
кто оно ?

строчка фелаха ,
тачка в бочке ,
печь с течью
в пещере ничтожных вод □
Гладких единиц □
Ничтожных услуг □
И всё это – Лу □
Оно ужасно ,
однодневно ,
односложно □

Знайте !
Лу – вечерняя исповедь ,
причастие □
И участие □
Устные причитания
усатых кабалеро □
Жестикуляция
безпупых ,
безногих ,
безрогих □

А впереди стрельбище безоружных □
Безлуких □
Скачка безлошадной прачки
на двухголовом верблюде □
Стачка в трехкомнатном овраге □

И снова скачки :
безбровых □
безхвостых □
безротых □
На шкафах □
На комодах □

На трех чреслах □
на двух паломниках ,
даже повойниках □

Наконец – прелюдия ,
с беззвучной одышкой □
Потом гуцул □
Всех превосходящий □
непрерменно падающий □
Затем воспитание гуцула
прелесть гуцула
темя
тело
пепел гуцула □

И скачки безлошадных
на безногих ведьмедах ,
на безколесых велосипедах □
Многоголовых прачках □
На многококих
многооких рыбаках □
Рыбах из прекрасного Номи □

Потом корсары ,
потом единица желания □
Велосипед ,
велосипед ,
воссед □
И высота пуха □*
Кубок мудрости в гнезде понятий □
И всё это вместо слухов :
дворовых
паровых
портовых
ковровых – атмосферических ,
всяких □

* Усиление голоса до крика

А из за угла –
трепет и мечта эвенка □
время – эвенка □
И снова , непременно , эвенк □

Глупость ,
грубость ,
прелесть □ ...
И еще кубкообразного ежа □

Мудрость греческих каблуков □
Грязных корсаров □
грозного простора ,
трепет над проспектом
радость над пропастью □
Лепет одряхлевшей эвенковой супруги □

Она мечта ВР плюс – Лу ,
которое кашляет □
Без мечты ВЗ плюс Лу ,
которое чихает □
С приложением Ы □
При минусе – Лу ,
которое фыкает □

Потом разлука с Номи □
Прогулка –
от ночного Урала
до мечты об Урале □
Где индустриализация □
Паспортизация □
Канализация □

Причастие грузных пабубков □
Пастухов
пидтухов
цесарок □

Из пробирок
из курлюров
мимолетных усекирок □

И прочее :
в кустах
в лесах □
Среди саженцев □
В негромких но быстрых перелесках □
С белой шапочкой □
Синими волками □
Зеленой бабушкой □
С лиловатыми конями самого Гаврилова □

**вторая часть –
равенств , тождества двумыслия .**

Он – Лу □
Единый ,
единожды повторяемый □
Одним голосом ,
двумя ,
тремя ,
четырьмя ,
пятью ...
и так далее □

Не в ледяном предбаннике ,
в отдаленном пространстве □
Где ютится карзина □
с грустным петухом ,
который не Лу ,
а – Ру □
Это в отдаленном пространстве □
Где ютится карзина ,
с грустным петухом □
Отдаленный шар ,
прямо над ним □

Потому что Ру – пидтух ,
обыкновенный воздухоплаватель ,
который плывёт □
Частично потухая □

В ту дождливую ночь
причастие отправлял – он □
Ни пидтух ,
ни Гаврилов □
Только – он □
Тогда , разбиваясь в крах ,
Лу и становится – им ,
обязательно им □
Именно тогда те двое и вошли □
В подвал входят жандармы □

А гаврилов , который Ру ,
сел на жеребенка
огромного , уморительного
и вылетел прочь □

Только превращенный к тому времени □
Петр Ефремыч поступил иначе □
Поступил по-другому □
Он сидел без рук □
без живота ,
в пустом углу □
И без внутренностей □
Сидел , сидит и кваркает :
Лу , Лу , Лу ...
Еще и еще – Лу !

Ну , дед , ты и даешь , ну и бубнишь □ В одной квартире с
подобным не окажись □ Весь свет проклянешь □
Как так ? влипаете , сударь □ Я же не тот , а значит совсем
другого значения □ Я парфенон , слышь : парфенон –
обыкновенный □
Да , ну ? Тогда , дед , прости □ Вали – продолжай □
Покуда я тебя не заподозрил ...

Вот он и сидит и глядит
и кваркает :
Лу , Лу , Лу ...
Брук бру бру □
Ак га гу □
Бясь , бясь □
И опять :
Лу Лу Лу □

Да потому что он сам – Лу □
И его жена Петрясовна ,
бывшая береза □
И его детки :
финь , фень и кобла ,
бывшие кастрюли ,
обыкновенные лунтики
или лунники □
У петра ефремыча круглый зад ,
мелкая проседь □
И всё же он – Лу □
Все они – Лу □
Даже Гаврилов ,
который – Ру □
Все таковские □
Когда скакали
и скачут □
И будут скакать
потухая патухами □

Всегда и везде □
На безбровых □
Безпалых □
верблюдах
ведьмедах
волосатых велокикедах □

А теперь Петр Ефремыч
лежит после жирного стола □
постной скатёрки □
Лежит-бренчит и кваркает :
Лу Лу Лу □

Вот прежний Лу медленно в пол и врос
продолжая кваркать □
Разрывая длинное горло :
Скорее уходите вон □
Подальше вперед
в прошлое !
Жандармы , конечно , исчезают □
Уходят и те в зеленых фуфайках □
Не таков Гаврилов ,
который , как прежде , взмывает □
Возможно на исповедь □

Ура-ура ! Петру Ефремычу ,
который всегда и везде – Лу □
всегда уезжает ,
и всегда и везде на волосатом □
то двухколесном □
то одноколесном □
А за ним всегда бегут кости собаченок ,
махонькие скелетики □
Потом они распадаются □
то ли от брошенной склянки
то ли от нагана □

Ура ему !
Который всегда великий □
Всегда апостол Вермеер □
Всегда понимается
на волосатой , крылатой
матечиклетке □
За крышу , за трубу □
Даже выше □
Еще выше – в далекую пустоту □
Возможно полнейшую □
Это чтобы спасти фень и финь □
Но главное коври □
Там где грешный ,
на красивом воздушном шаре □
от грубости порозовевший – педтух □

Ура знаменитому петру !
Он очень опасен – ефремыч □
Очень – очень !
Везде и для всех □
Особенно :
кто скачет на двухголовом верблюде □
на лиловой кобылице без ног □
кто увидит утро с причастием □
день с причастием □
вечер с причастием □
Единицу желаний
и ночь □

Клуб праздности □
Кубок радости □
Бег бедности □
Век вольности □
Никому ненужных карцаров □
Из казармы Волынского полка □
Откуда монах Гаврилов □

Кас зарм и гры □
Цвет и бец □
Бень финь ковра □
Бень □
Финь □
Ковра □
Бру ру ак га гу □
Бясь бясь □

И еще раз – виват !
два раза ура !
Ему , который гуцул □
Который эвенк □
Который Кцы из Номи □

Который Всевышний
Великий – знаменитый □ *
Который – Лу □

** Понижение голоса до шепота*

Тут горло и пространство
разрываются □
Снова улетает Гаврилов □
укатывает на грустном патухе Ковра □
И дважды неповторяемая ода –

она завершается для меня □ для вас □
для всех □
Не на время – навсегда □

1954–1984
Пулковское шоссе

Рувим Моран

* * *

Задумайся, задумайся
Над жизнью над своей,
Замученный без умысла
Рабочий муравей.

Как холку жесткой лямкою
Ты до кости протер
И, ртом беззубым шамкая,
До финиша допер...

Что было там, что не было –
Какой в том нынче прок?
Хоть все тебя и гневало,
Не шел ты поперек.

Бродил вокруг да около,
Не грешен и не свят.
Вот тут-то и в жестокую
Был переделку взят!

Эх ты, Обская губа,
Эх ты, жлобская судьба,
Матерная ругань
За Полярным кругом,
Суки да урки,
Мужики, придурки,
Яко благ, яко наг,
Одним словом – Облаг.

Балан твоя соломинка,
Тащи, дурак, тащи!
От кирочки да ломика
Трещи, костяк, трещи!

Все вытерпи и выстои,
Как должно муравью,
Дождись своей амнистии
И в кучу марш свою!

Опять тебе соломинки
По холмикам нести.

Балан как будто тоненький,
А холка – до кости.

Виновная, безвинная,
Душа, ты ждешь суда.
Тропинка муравьиная,
Куда ведешь, куда?..

1966

* * *

Давно не слышал я гудков
Столь неразгаданно печальных,
Не видел плещущих платков
На дебаркадерах причальных.

Как баржа, отплывает Плес
С пейзажем вечным Левитана.
Крепчает шлепанье колес,
Смолкает рупор капитана.

Лишь баба, влезшая на борт,
Все причитает так по-русски –
Корзину с вишней при погрузке
Помял матрос, гундосый черт,

И та на кожухе колесном
Исходит соком...
 Вдалеке,
Край неба разодрав о сосны,
Закат разлился по реке.

Но вот темнеет тон свекольный,
И, как предчувствие беды,
Выходит прямо из воды
Затопленная колокольня.

Волна, толкаясь в низкий свод,
Проходит через первый ярус,
Сквозь сердце горечью плывет,
И капель радужный стеклярус
Вечерний ветер с гребня рвет.

1970

Мария Петровых

Дальнее дерево

От зноя воздух недвижим,
Деревья как во сне.
Но что же с деревом одним
Творится в тишине?

Когда в саду ни ветерка,
Оно дрожмя дрожит...
Что это – страх или тоска,
Тревога или стыд?

Что с ним случилось? Что могло б
Случиться? Посмотри,
Как пробивается озноб
Наружу изнутри.

Там сходит дерево с ума,
Не знаю почему.
Там сходит дерево с ума,
А что с ним – не пойму.

Иль хочет что-то позабыть
И память гонит прочь?
Иль что-то вспомнить, может быть,
Но вспоминать невмочь?

Трепещет, как под топором,
Ветвям невоготу, –
Их лихорадит серебром,
Их клонит в темноту.

Не в силах дерево сдержать
Дрожащие листки.
Оно бы радо убежать,
Да корни глубоки.

Там сходит дерево с ума
При полной тишине.
Не более, чем я сама,
Оно понятно мне.

1959

* * *

Пылает отсвет красноватый
На летней пашне в час заката.
До фиолетового цвета
Земля засохшая прогрета.
Здесь каждый пласт огнем окован –
Лиловым, розовым, багровым,
И этот крепкий цвет не сразу
Становится привычен глазу,
Но приглядишься понемногу,
На алый пласт поставишь ногу,
И с каждым шагом все бесстрашней
Идешь малиновою пашней.

1957

* * *

– Черный ворон, черный вран,
Был ты вором или не крал?
– Крал, крал.
Я белее был, чем снег,
Я украл ваш краткий век.
Сколько вас пошло травой,
Я один за всех живой.
– Черный ворон, черный вран,
Был ты вором или ты врал?
– Врал, врал.

* * *

Пусть будет близким не в упрек
Их вечный недосуг.
Со мной мой верный огонек,
Со мной надежный друг.

Не надо что-то объяснять,
О чем-то говорить, –
Он сразу сможет все понять,
Лишь стоит закурить.

Он скажет: «Ладно, ничего», –
Свеченьем золотым,
И смута сердца моего
Рассеется как дым.

«Я все же искорка тепла, –
Он скажет мне без слов, –
Я за тебя сгореть дотла,
Я умереть готов.

Всем существом моим владей,
Доколе ты жива...»
Не часто слышим от людей
Подобные слова.

1967

* * *

Судьба за мной присматривала в оба,
Чтоб вдруг не обошла меня утрата.
Я потеряла друга, мужа, брата,
Я получала письма из-за гроба.

Она ко мне внимательна особо
И на немые муки торовата.
А счастье исчезало без возврата...
За что, я не пойму, такая злоба?

И все исподтишка, все шито-крыто.
И вот сидит на краешке порога
Старуха у разбитого корыта.

– А что? – сказала б ты. – И впрямь старуха.
Ни памяти, ни зрения, ни слуха.
Сидит, бормочет про судьбу, про Бога.

1967

* * *

О сердце человекье, ты все в кровоподтеках,
Не мучься, не терзайся, отдохни!
Ты свыкнешься с увечьем, все дело только в сроках,
А как тепло на солнце и как легко в тени!
Не мучься, не терзайся, родное, дорогое,
Не мучься, не терзайся, отдохни!
Увечья не излечит мгновение покоя,
Но как тепло на солнце и как легко в тени!

1968

* * *

Идешь и думаешь так громко,
Что и оглянешься не раз,
И – молча: «Это не для вас,
А для далекого потомка,
Не бойтесь, это не сейчас».

И – молча: «Неужели слышно?»
Давно бы надо запретить,
Столь громко думая, ходить.
Живем не по доходам пышно,
Ходящих время усадить

Иль уложить, поя снотворным, –
Пусть в омуте утонут черном,
В глухом беспамятном бреду,
Назло их мыслям непокорным.
Но я пока еще иду.

1971

* * *

Озираясь, в дверь пролез.
Не красавец, не урод,
Но из комнаты исчез,
Испарился кислород.
Этот гость лишен примет,
Но дышать невмоготу.
От него сойдешь на нет,
Превратишься в пустоту.
Озирается, как вор.
Он хвастун и жалкий враль.
Примиряться с ним – позор,
Расплеваться с ним не жаль.

1975

Лидия Алексеева

В Брайант-парке

Подводным светом голубеют бары,
То вспыхнет пурпуром, то гаснет вход,
А ветер, подметая тротуары,
Поземку черной копоты несет.

И глядя сквозь мерцающие двери
В тепло и свет и молодость свою,
Уснул бродяга в облетевшем сквере,
Скользнув лицом на темную скамью.

* * *

На стволах студеный зимний глянец,
В серых ветках ветер затяжной,
На пустой скамейке двое пьяниц
Сели тесно, к северу спиной.

Вот один откинулся и замер,
Вижу локоть выгнутой руки, –
А другой следит и пьет глазами
И считает долгие глотки.

Им обоим нет дороги к дому
И никто им на земле не рад...
Оторвался первый и второму
Молча, нежно, отдает, как брат.

Александр Гитович

Перед циклоном

На море – штиль. Вода мертва от зноя,
А в небе равномерно-голубом
Лишь облачко одно плывет тайком,
Пленяя нас прохладной белизною.

И так нарядно-женственно оно,
Что только рыбаки и мореходы
Определят: какой оно породы
И сколько злобы в нем заключено.

1964

Юрий Домбровский

* * *

Меня убить хотели эти суки,
Но я принес с рабочего двора
Два новых наостренных топора.
По всем законам лагерной науки
Пришел, врубил и сел на дровосек;
Сижу, гляжу на них веселым волком:
«Ну что, прошу! Хоть прямо, хоть проселком...»
– Домбровский, – говорят, – ты ж умный человек,
Ты здесь один, а нас тут... Посмотри же!
– Не слышу, – говорю, – пожалуйста, поближе! –
Не принимают, сволочи, игры.
Стоят поодаль, финками сверкая,
И знают: это смерть сидит в дверях сарая –
Высокая, безмолвная, худая,
Сидит и молча держит топоры!
Как вдруг отходит от толпы Чеграш,
Идет и колыхается от злобы.
«Так не отдашь топор мне? Не отдашь?!
Ну, сам возьму!» – «Возьми!» – «Возьму!..» – «Попробуй!»
Он в ноги мне кидается, и тут,
Мгновенно перескакивая через,
Я топором валю скуластый череп,
И – поминайте как его зовут!
Его столкнул, на дровосек сел снова:
«Один дошел, теперь прошу второго!»

И вот таким я возвратился в мир,
Который так причудливо раскрашен.
Гляжу на вас, на тонких женщин ваших,
На гениев в трактире, на трактир,
На молчаливое седое зло,
На мелкое добро грошовой сути,
На то, как пьют, как заседают, крутят,
И думаю: как мне не повезло!

Чекист

Я был знаком с берлинским палачом,
Владевшим топором и гильотиной.
Он был высокий, добродушный, длинный,
Любил детей, но выглядел сычом.

Я знал врача, он был архиерей;
Я боксом занимался с езуитом.
Жил с моряком, не видевшим морей,
А с физиком едва не стал спиритом.

Была в меня когда-то влюблена
Красавица – лишь на обертке мыла
Живут такие девушки, – она
Любовника в кровати задушила.

Но как-то в дни молчанья моего
Над озером угрюмым и скалистым
Я повстречал чекиста. Про него
Мне нечего сказать: он был чекистом.

Игорь Чиннов

* * *

Был веселый, живой соловей,
А теперь – заводного мертвей.
Впрочем, нет, чуть живей: от червей.

Он лежит и гниет, как навоз,
Под кустом отцветающих роз,
И роса на кусте – вроде слез.

Слезы скоро просушит мороз.

В том, что вечного нет ничего,
Тоже нового нет ничего.

* * *

Я проживаю в мире инфузорий
(Дом ноль-ноль минус в Тупике Микробов).
Я казначей Содружества Бактерий.

Мы там – танцуем – танец – стрептококков.
Я улыбаюсь голубой Бацилле,
Большой поклоннице литературы.

Я пью коктейль с ценителями гноя,
Разбавленный питательным бульоном,
И что-то вроде столбняка находит.

Звезда Бактерий блещет надо мною.

* * *

Как надоели римские гробницы!
Ну, были римляне, поумирали,
А мы живем, гуляем и глазеем,
Кусаем уголки горячей пиццы
И пьем вино и воду «минерале»
И бегаем по мраморным музеям.

Стоят богини, вовсе неодеты,
На них глядят Ромео и Джульетты
(Порфирный пол и звонкие шаги),
А желтая бумажка от конфеты –
Как мотылек, у мраморной ноги.

* * *

Ну а ночью – пандемониум:
Завывают: улюлю!
И лежу – святым Антонием:
Искушения терплю.

Многокрылое чудовище
Прогнусило: – Согреси! –
Полукрысы-полуовощи,
Полуптицы-полувши.

Скачет, пляшет ведьма рыжая,
И козел-хамелеон
Звезды слизывает, прыгая,
И чернеет небосклон.

Жаба-мышь по телу катится,
Омерзительный гибрид,
И мокрица-каракатица
Душу бедную чернит.

Погнались, шипя и квакая...
Но по струям дождевым,
Как по лестнице Иакова,
Подымусь, мерцающая лаково,
В горний Иерусалим!

* * *

Существа из далеких галактик
С нами выпьют на ты, я уверен,
И по-русски споют нам про чубчик,
Кучерявый, с прононсом просвирен,
Как советовал Пушкин-арапчик.

Уроженцы кометы Галлея
Обожают святая Россия.
Им сказали в Святом Ленинграде,
Что поют при церковном обряде
Про китайца в саду, в огороде.

А в созвездии Пса, где не лаёт
Каждый третий, проверено всеми:
На Руси при царе Николае
Проживали в Москве и Батуми
Люди с пёсьими все головами.

И турист из Большого Шакала
Знал: Москва при царе состояла
Из одной деревянной матрешки.
Потому-то она и сгорела.
Но пришел царь Сталтан или Мушкин
И построил две новых матрешки.

* * *

Надо ли было сказать в крематории
О биографии, темной истории?

В траурной рамке, «с глубоким прискорбием...»
Глухо звучал неторжественный реквием.
Что же, душа, – наслаждайся бессмертием.

Мы возвращались туманными рощами.
Скучно паслись беловатые лошади,
Влажно рыжели невзрачные озими.

Надо ли было сказать в эпитафии
Правду о марихуане и мафии?

Жил он, замученный злыми пороками,
Между аптеками и дискотеками,
Между полицией, неграми, греками.

Как надоели убийцы, убитые,
Разные мертвые, быстро забытые!

* * *

К человечеству с прощальным словом
Обратиться бы... Да лень.
Вот в лесу осиново-сосновом
Проплывает светотень.

Облака легки, светло-воздушны
(Да, но в семь совсем темно).
Люди были, в общем, равнодушны.
Я не плачу: все равно.

Да и что скажу я им, скажите?
Замечтаюсь, замолчу.
Вот жучок, лесной подлунный житель,
Пробирается к лучу.

Хлопотуньи белка или птица
Корм искать обречены.
Лучше у медведя научиться:
Завалиться до весны.

Люди... В общем, милых было мало.
(Я и сам не очень мил.)
Посмотри, как даль затрепетала,
Свет за тучей просквозил.

О дожде прохладном, о негромком
Громе... Воздух – благодать.
Современникам или потомкам
Я не знаю, что сказать.

* * *

Больше не с кем говорить,
Больше не о чем жалеть.
Нам вернут былую прыть,
Коль возьмут большую плеть.

Брось, уедем в Трапезунд,
Там не жарче, чем в аду.
Если там начнется бунт,
Переедем в Катманду.

Если выйдем из тюрьмы,
То рассказ напишем мы.
Если будет он сожжен,
То полезем на рожон.

Глянь на карту. Грустно, гру...
Сверху Темза, снизу – Нил.
Мне о русских кенгуру
Дядя книжку подарил.

В этой книжке снимков нет,
Неразборчива печать.
Мне с тобой, дружок-сосед,
Даже не о чем молчать.

Александр Твардовский

* * *

В краю, куда их вывезли гуртом,
Где ни села вблизи, не то что города,
На севере, тайгою запертом,
Всего там было – холода и голода.

Но непременно вспоминала мать,
Чуть речь зайдет про все про то, что минуло,
Как не хотелось там ей помирать, –
Уж очень было кладбище немилое.

Кругом леса без края и конца –
Что видит глаз – глухие, нелюдимые.
А на погосте том – ни деревца,
Ни даже тебе прутика единого.

Так-сяк, не в ряд нарытая земля
Меж вековыми пнями да корягами,
И хоть бы где подальше от жилья,
А то – могилки сразу за бараками.

И ей, бывало, виделись во сне
Не столько дом и двор со всеми справками,
А взгорок тот в родимой стороне
С крестами под березами кудрявыми.

Такая то краса и благодать,
Вдали большак, дымит пыльца дорожная,
– Проснусь, проснусь, – рассказывала мать, –
А за стеною – кладбище таежное...

Теперь над ней березы, хоть не те,
Что снились за тайгою чужедальнею.
Досталось прописаться в тесноте
На вечную квартиру коммунальную.

И не в обиде. И не все ль равно,
Какою метой вечность сверху мечена.
А тех берез кудрявых – их давно
На свете нету. Сниться больше нечему.

1965

* * *

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех моих просчетов.
Я их припомню наизусть,
А не по вашим нотам.

Мне проку нет, – я сам большой, –
В пустой самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.

1966

* * *

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

1966

* * *

Старуха готовила немцам закуски
И кланялась низко, мол, кушайте, гости.
А вслух говорила негромко по-русски
Другие слова, задыхаясь от злости.

Она предрекала им сроки расплаты
За все их вины и за все свои слезы.
– Ужо, погодите, побьем вас, проклятых,
Дойдем до Берлина и всех вас – в колхозы.

1968

* * *

Что делать нам с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречает в шестьдесят восьмом.

1968

* * *

В случае главной утопии, –
В Азии этой, в Европе ли, –
Нам-то она не гроза:
Пожили, водочки попили,
Будет уже за глаза...

Жаль, вроде песни той, – деточек,
Мальчиков наших да девочек,
Всей неоглядной красы...
Ранних весенних веточек
В капельках первой росы...

1969

* * *

Когда выйдешь за порог,
Да в ночную завируху,
Заслонив рукою ухо,
И крупа, не то горох
Рубанет в лицо и в руку. –

Ах, как мне в ночи рябой,
Когда я да непогода,
Да тропа – за сбоем сбой, –
Ах, как любо мне с тобой
Ненадежной той тропой
Пробираться, блядь-природа!

1969

Семён Липкин

Вильнюсское подворье

Ни вывесок не надо, ни фамилий.
Я все без всяких надписей пойму.
Мне камни говорят: «Они здесь жили,
И плач о них не нужен никому».
И жили, оказалось, по соседству
С епископским готическим двором,
И даже с ключарем – святым Петром,
И были близки нищему шляхетству,
И пан Исус, в потертом кунтуше,
Порою плакал и об их душе.

Теперь их нет. В средневековом гетто
Курчавых нет и длинноносых нет.
И лишь в подворье университета,
Под аркой, где распластан скудный свет,
Где склад конторской мебели, – нежданно
Я вижу соплеменников моих,
Недвижных, но оставшихся в живых,
Изваянных Марию, Иоанна,
Иосифа... И слышит древний двор
Наш будничный, житейский разговор.

1963

Моисей

Тропою концентрационной,
Где ночь бессонна, как тюрьма,
Трубой канализационной,
Среди помоев и дерьма,

По всем немецким, и советским,
И польским, и иным путям,
По всем печам, по всем мертвецким,
По всем страстям, по всем смертям, –

Я шел. И грозен и духовен
Впервые Бог открылся мне,
Пылая пламенем газовен
В неопалимой купине.

Зола

Я был остывшею золой
Без мысли, облика и речи,
Но вышел я на путь земной
Из чрева матери – из печи.

Еще и жизни не поняв
И прежней смерти не оплавав,
Я шел среди баварских трав
И обезлюдевших барачков.

Неспешно в сумерках текли
«Фольксвагены» и «мерседесы»,
А я шептал: «Меня сожгли.
Как мне добраться до Одессы?»

1967

Взгляд

Я спросил у поэта-кавказца,
Старой дружбою с ним умилен,
Отомстит ли он, если удастся,
За угон малосильных племен?

Но, дыша перегаром эпохи,
Всех вина, никого не вина,
Голубые глаза выпивохи
Он оставил тогда на меня.

Этот взгляд был такой безучастный,
И разумный такой, и дурной,
Что я понял, как все мы несчастны,
Но не понял, что будет со мной.

1972

* * *

Доболеть, одолеть странный страх,
Догореть, докурить сигарету,
Истребить себя, – так второпях
В автомат опускают монету.

Но когда и внутри и вокруг
Обостряется жизни напрасность,

У нее появляется вдруг
Полудетская мрачная страстность.

А потом начинается свет
Где-то исподволь, где-то подспудно,
Мысль прочнеет, как плоть, как предмет,
И волнуется чисто и чудно.

1977

Короткие рассказы

О том, как был с лица земного стерт
Мечом и пламенем свирепых орд

Восточный град, – сумел дойти до нас
Короткий выразительный рассказ:

«Они пришли, ограбили, сожгли,
Убили, уничтожили, ушли».

О тех, кто ныне мир поверг во мрак,
Мы с той же краткостью расскажем так:

«Они пришли как мор, как черный сглаз,
И не ушли, а растворились в нас».

1979

Военная песня

Что ты заводишь песню военну.
Державин

Серое небо. Травы сырые.
В яме икона панны Марии.
Враг отступает. Мы победили.
Думать не надо. Плакать нельзя.
Мертвый ягненок. Мертвые хаты.
Между развалин – наши солдаты.
В лагере пусто. Печи остыли.
Думать не надо. Плакать нельзя.

Страшно, ей-богу, там, за фольварком.
Хлопцы, разлейте старку по чаркам,
Скоро в дорогу. Скоро награда.
А до парада плакать нельзя.

Черные печи да мыловарни.
Здесь потрудились прусские парни.
Где эти парни? Думать не надо.
Мы победили. Плакать нельзя.

В полураскрытом чреве вагона –
Детское тельце. Круг патефона.
Видимо, ветер вертит пластинку.
Слушать нет силы. Плакать нельзя.
В лагере смерти печи остыли.
Крутится песня. Мы победили.
Мама, закутай дочку в простынку.
Пой, балалайка, плакать нельзя.

1981

* * *

Жил в Москве, в полуподвале,
Знаменитейший поэт.
Иногда мы с ним гуляли:
Он – поэт, а я – сосед.

Вспоминал, мне в назиданье,
Эвариста Галуа,
И казалось: мирозданье
Задевает голова.

Говорил, что в «Ревизоре»
Есть особый гоголин.
В жгучем, чуть косящем взоре
Жил колдун и арлекин.

Фосфор – белый, как и имя, –
Мне мерцал в глазах его.
Люцифер смотрел такими
До паденья своего.

1989

Сергей Петров

Элегия

В желтеющей листве прозрачность кожи.
Сучки – собрание костей сухих.
В траве, как в сваляной рогоже,
кузнечиков покоятся останки.
Улитки, будто маленькие танки,
переползают через них.

Окончен летний бой, и после перепалки
не отыскать жука-броневика.
Вдали галдят на птичьем вече галки.
Зима – рукой подать – недалеко.
Я осень узнаю по сгорбленной походке,
по вою в дымовой трубе,
по свисту в бронхах, по дурной погодке
и по туманной жалости к себе.
А листьев желтизна печальна, как в чахотке,
румянец их пятнистый нездоров.

Обочь дорог полно еще даров,
даров болезненных, багряных ягод.
Как сгустки крови, на кустах застыв,
они висят.
Но вдруг еще порыв,
припадок кашля, и они полягут
в сырую землю. Старый сук скрипит,
а веточка от ветерка дрожит.
Болезнь во мне созрела, видно, за год.

А осень, скорбная и пьяная вдовица,
подкованным тяжелым сапогом
мне по-мужицки хочет в грудь вдавиться,
и затоптать, и след прихлопнуть батогом.

1941–1959

* * *

Из дома, как из черепной коробки,
где много дум, и дыма, и забот,
мы вышли в сад. День пережит за год.
Ум перешит на новый лад, и вот

в саду ползут задумчивые тропки.
Из Божьей трубки облаков колечки
плывут по высям расписным.
Как деревянные овечки,
стоят скамейки. Сядем, посидим.
Что было днем, уже забыто,
как сто веков назад. Не вспоминай, не тронь!
И пруд стоит, как тихое корыто.
Навстречу вечеру лицо твое открыто,
как чистая прохладная ладонь.

1944–1965

* * * #

Присели кроткие церквушки,
как бы озябшие зверюшки.

Но мнится: только их спугни,
как в россыпь ринутся они,
покажут крохотный, с вершок,
невинный хвостика пушок,
Господни робкие зайчатки.

И в русских искренних снегах,
как бы в неписанных веках,
их лапок вижу отпечатки.

1955

Алкоголь

Хожу я ужинать в столовую,
куда валят под вечер лавою.
Откупорив белоголовую,
я в рюмке, словно в море, плаваю.

Сиди да знай себе поикивай,
соседу всякому поддакивай,
что ходим-де под дамой пиковой,
что фарт у нас-де одинаковый.

А выйду – почему-то улица
во всю длину свою бахвалится.
Пускай за домом дом сутулится,
да только нет, шалишь! – не свалится.

Пусть путь и вымощен, но немощи
не будет ниоткуда помощи,
хотя от горя я не нем еще,
хотя со счастьем не знаком еще.

Как насекомые, пиликаая,
и тикая, и даже звякая,
таится тишина великая,
а в тишине и нечисть всякая.

И сколько хожено и гажено!
И сколько ряжено и сужено!
И есть ли где такая скважина,
куда забиться прямо с ужина?

1958

* * *

Я стал теперь такая скука,
такой житейский профсоюз,
что без повестки и без стука
я сам в себя зайти боюсь.

А ну как встретят дружной бранью? –
За то, что сдал, за то, что стих,
за то, что опоздал к собранью,
к собранью истин прописных.

1966

Тело

Было тело, ходило тело,
пило-ело, зябло, потело.
Спускалось под землю,
в выси летело,
делало дело,
достигало предела.
Было тело, жило тело,
баклуши било, толстело, худело.
Было тело, любило тело,
кружило, дружило,
крутило-вертело,
билось, тряслось, рвалось, хотело,
в поры дудело, трубило, свистело.
Было тело, гудело тело.

От жарких мыслей вовсю размышлялось,
по кинам да по бабам до спазмы шлялось...

Было тело, жило тело,
и жить ему не осточертело.

Поехало тело греться на юг,
а там его солнышком тюк да тюк!
И пало тело, как с туком тюк,
и стукнулось так, что пришел каюк.

Тело – было, тело – жило.
Тело срок свой отслужило.
Тело руки
крестом сложило
и обязанности
с себя сложило.

1964–1966

* * *

Я не сею, и не жну,
и не заседаю,
и персидскую княжну
в воду не кидаю.

Я по Волге не ездок
и совсем не Разин.
Я наверное бы сдох,
если б не был разен.

Нынче этак, завтра так,
а потом разэдак!
То потомок на пятак,
то на грошик предок.

Говорят, что я блажной.
Очень может статься.
Но персидскую княжной
нечего кидаться.

1968

* * *

Приходит гость из Гатчины,
как приговор от них, –
бобровый, молью траченный
расстрига-воротник.

Метет он бородищею,
язык тяжел, как пест,
и в нем судьба Радищева
и Аввакумов перст.

И доля дуралеева
лелеет, точно мзду,
в себе звезду Рылеева,
Полярную звезду.

Несчастьем одураченный,
но чем-то вечно юн,
ершистый, молью траченный,
страдающий ворчун.

Бредя походкой шаткою,
он с болью – как с собой –
собольей машет шапкою,
как на судьбу рукой.

1969

* * *

Под шапками каштанов старых
на грядках лавочек, чисты,
пенсионеры на бульварах,
как бледноглазые цветы.

Из полинялых незабудок,
как бы открыв тихонько дверь,
смирненно смотрится рассудок
в такое краткое Теперь.

От рук, трудами удрученных,
от мудрых рук куда-то вбок,
как пончик, катится внучонок,
стряпухи-жизни колобок.

1970

Второй плес

Тишь озерная развернута, как плат.
Монастырь спиной бежит по краю.
Здесь душа плыла прямой дорогой к раю,
радовалась на старинный лад.

Небо, как и встарь, ладошкой накрывает
в лодке рыбака, согнутого в дугу,
женщину одну, которая срывает
тихие цветы на тихом берегу,

и того святого, что на фреске высох –
знать, пришелся мир не по плечу,
и веселых девок белобрых,
у собора бьющих по мячу.

Накрывает и тихонько гладит:
если трудно, не печалься, друг!
Не беда! Господь-де всё уладит.
Видишь, как уладил всё вокруг!

Нищие с сумой и толстосумы
вместе пробирались на Валдай,
вместе возводили к небу думы,
и ходил на час к несчастным рай.

1971

Госпоже душе

Слушай, душенька, – спи или кушай,
не любуйся, голуба, со мной,
не кидайся на шею кликушей:
я по самые губы сумной.

Иль не слышала слова такого, –
это значит, что сам я не свой,
и готов отыграть Хлестакова,
дрожью драить себя, как дресвой.

Ты, Психейка, со мной не актерствуй,
я, чай, издавна тертый калач –
ляг на язву мне корочкой черствой,
а еще, дорогая, не плачь.

1972

* * *

На Московском ходит Вася.
Звезды на небе густы.
Парк Победы, раздавайся,
раздвигай свои кусты!

Страсти некуда деваться,
страсть ворчлива, как свекровь.
Томка – добрая деваха,
может выдержать любовь.

Ну а как пойдут потомки?
Ведь в потемках не видать.
И проходит страх по Томке,
как большая благодать.

Темный час нам – тень от вальса,
а объятья так просты!
Парк Победы, раздавайся!
Раскорячивай кусты!

1973

* * *

Сегодня о тебе подумал в первый раз
как о далекой и ненужной вещи,
как о простом предмете без прикрас,
так именно – не легче и не резче.

Сам Бог давным-давно мне думать так велел,
но я Ему был непослушен в этом.
А как подумал, так и пожалел,
что где-то стала ты таким предметом.

1974

* * *

Шла коляда из Новагорода,
а дед-пасечник шел на пчельник.
Подводило сердце от голода,
приводило время в сочельник.

И какого ляда колядовать?
Где голодному кобелю блядовать?

По рукам трепыхались елочки,
брань посыпалась с верхней полочки.
Воссия свет разума миру
то ли в Лондоне, то ли в Кирове.

А работушка-матушка обмерла.
Так давай от души, вали из горла,
и поужинашь, как положено ж.
Рождество Твое, Христе Боже наш!

1975

Собор Смольного монастыря

Стоит небесная громада голубая,
пять медных солнц над ней вознесены.
А век вертится рядом, колукая
кусочки сини со стены.

Чуть слышится барочный образ трелей,
певучих завитков намеков.
Но музыка молчит. Вколочен в гроб Растреллий,
а день как тряпка серая намок.

Кто мчится напрямик, а кто живет окольной,
кто на банкете пьет, а кто так из горла.
По-вдовьи толст собор без колокольни –
она, воздушная, в девицах умерла.

Воспоминание о ней – как о кадавре,
на чертеже она рассечена.
Сестра ее на променаде в Лавре,
как дама в робе, все еще стройна.

А церковь вдовья ушла подальше
от медного болвана на скале
и, вроде позабытой адмиральши,
стоит облезлым небом на земле.

1975

Павел Зальцман

Авлида

(Вертунет)

Мы готовимся к отплытью
Целый год. Целый год.
Но, подвергнутый заклатью,
Замер флот. Замер флот.

О жестокие планеты,
Наложившие запреты!
Ветру нету, ветрунету,
Вертунету, вертунет.

Вы от нас хотите жертвы
Каждый час. Каждый час.
Воскресите же из мертвых
Сами нас. Сами нас.

Глаза наши смелы,
Летят из них стрелы,
Колите Бога,
Он недотрога.

Бог просыпается,
Гроза рассыпается.
Вздымайтесь, тучи,
В синие кручи,
Слетайтесь, ветры,
На наши жертвы.

Хватит, хватит строгостей!
Флот красивый, трогайся!
В брызгах, во влаге
Щелкают флаги.

Голубые ветры веют,
Надувают паруса.
Явственеют, явственеют,
Явственеют чудеса.

1950

Она возвращается с педсовета на край города

Одна, хромая,
В пустом трамвае
Не так смела.
А ночью город

Ножом распорот,
Кругом – смола.

В углу трамвая –
Несет, качая –
Портфель, очки.
На ней галоши,
Пыльник, не ношен
Совсем почти.

На остановке
Стоят два Вовки –
Конец, кольцо.
Кепки у Вовок
До самых бровок,
Закрыв лицо.

Среди ограды
Проезд на склады –
Свернуть туда?
Нет. А направо
Только канава
И в ней вода.

Она – хромая –
Бежит, хромая.
Они за ней.
Бежит с трамвая,
А ночь немая,
Ночь без огней.

* * *

Мы любим Бёклина, мы солидарны с тем,
Кто любит запах листиков лимонных.
Они торчат из-за решеток стен,
На солнце – розовых, в тени – зеленых.
Нас манит в тень холодный вестибюль,
Цветные зайчики паркета.
В японском ящичке коллекция тех пуль,
Которых песенка давно пропета.
Шипящий шланг, зеленая вода,
И тонкие следочки на паркете...
Нам так хотелось бы туда,
Где женщины пока что дети.

1954

Ксения Некрасова

* * *

Не пропускай, читатель,
мимо глаз
людей, чей рысий взгляд
меж лиц, покоем осененных,
вдруг промелькнет, –
как острие клыка.

* * *

Под вечер солнце соками земными
из рек дымящихся
и радужных озер
досыта напилось,
и, бражности не выдержав земной,
оно шатнулось раз, другой
и село, вытянув лучи,
на край приятнейшей земли.

Дневное кино в будни

Перед началом сеанса –
играли скрипки.
И абажуры на блестящих ножках
алели изнутри,
как горные тюльпаны.

Старушки чопорно под абажурами сидели
и кушали халву
по дедовской старинке –
чуть отодвинув пальчик от руки,
и на груди у них желтели кружева
и бантики из лент,
что отмерцали на земле.
А девушки без рюшей и без кружев,
лишь с ободками нежных крепдешин
вкруг смуглых шей,
чуть набок голову склонив
и глаз кокетливо скосив,
мороженое
в вафельных стаканах
откусывали крупными кусками

и, не жуя, глотали льдистые куски.
А скрипки все тихонечко играли,
и люди молча отдыхали,
и красные тюльпаны зажигали
по залу
венчики огней,

и толстый кот
ходил между рядами,
поставив знаком восклицанья
пышный хвост.

1954

О себе

Угодно было солнцу
и земле –
из желтых листьев
и росы
сверчка, поющего стихом,
на свет произвести.

Изба

В доме бабушки моей
печка русская – медведицей,
с ярко-красной душой –
помогает людям жить:
хлебы печь,
да щи варить,
да за печкой
и на печке
сказки милые таить.

Платье

Мне подарили
бархатное платье.
А раньше
два только платья
было у меня:
льняного полотна
и шерстяное.
Мне подарили бархатное платье.
Я тут же
и примерила его,

и в зеркало увидела себя.
Средь отраженного окна
гранитный высился дворец,
пушистый звук
серебряных снегов,
в замерзших окнах
люстры тлели,
росли березы у стены.
И чудно было сочетание:
я в платье бархатном,
дворец
и белый снег
в ветвях и на земле.
Такой казалась я себе
нарядной!

И с этим чувством
шла я
по Москве.
И все идущие
навстречу мне
несли на обновленных лицах
светинку радости моей.
И что-то мне
хотелось людям дать –
добро ли совершить
иль написать стихи.

* * *

На сосновом табурете
блюде чайное, как море,
с голубой водой стоит.
Ходит по морю синица
с черным глазом на боку.
За окошком снег идет –
птица в комнате живет.

Утро

Выходят из зданий
рабочие люди,
одетые прочно:
в брезенты и сукна,
в сапогах на гвоздях,
с инструментом в руках.
И от лиц после сна
веет влажностью трав.

собаки синие на глиняных ногах.
И золотые петухи при входе.
И женщины прекрасней пчел
с оранжевыми тальями

проходят

и очарованно подходят
к корзинам ягод
с сердцем птиц
и птичьим оком
ряд обводят.
Мальчишка достал
из корзины скворца.
Птица округлое сизое веко
содвинула вверх.
Таинственны птичьи глаза,
как неизвестность законов.
Комочек пуховой жизни
умиляет детей и взрослых,
даже старуха,
пробующая незабудки,
тянется ковшиком рук,
стараясь коснуться
взъерошенных перьев.
А женщины красивей ос
с оранжевыми тальями проходят
и стрекозиным глазом
ряд обводят,
где ягоды напоминают
сердца птиц.

1957

О себе в будущем

Будет холм надо мной,
как над всеми,
хорошо бы
на краю села...
Крестик небольшой
в ногах поставить
в честь того,
что русская была.

Николай Стефанович

* * *

Очнешься вдруг на крайнем рубеже,
Вне всяких дат и возрастов... Упрямый
Последний луч цепляется за рамы,
Дробясь на стеклах, вилке и ноже.

А наверху, на пятом этаже
Играют хроматические гаммы,
И та же пыль, и отблеск тот же самый,
Когда-то мною виденный уже.

Мгновенье это, пахнущее хвоей,
Пронизанное светом, как кристалл, –
Оно во всех подробностях такое,
Каким его я в детстве потерял.

И на полу, на чайнике, на кресле
Горят огни, которые воскресли.

* * *

Валерьяны снотворные капли,
Колыбельные капли дождя.
Схоронили, промокли, прозябли,
Оглянулись, домой уходя.

И осталось в холодной могиле
Только тело, чужое, ничье...
Слава Богу, что это зарыли
Не меня, а кого-то еще.

Ночь

Обшарпанный и неуклюжий,
Весь город кажется утопией,
Когда задумчивые лужи
С ночных домов снимают копии.

Когда делиться больше не с кем
Тревожным запахом жасмина,

А улиц некие отрезки
Ночуют в темных магазинах.

Как дым, летящий из трубы,
Над миром Путь простерся Млечный...
В такую ночь до жизни вечной,
Быть может, пять минут ходьбы.

* * *

«В каких-то травах невысоких,
– О плоть! покорно будешь ты
Струить разнузданные соки
Своей загробной тошноты.

Во тьме отчаянной и тесной,
Где только плесень и вода,
Ну что ты сделаешь тогда?» –
И плоть ответила:
– Воскресну!

* * *

Все звезды сад к себе привлек,
И в радостном смятении
Ласкают старый флигелек
Ветвей косматых тени.

И вновь, как сотни лет назад,
Дремучему туману
О чем-то листья шелестят...
Войду однажды в этот сад
И тоже вечным стану.

* * *

До чего ж характер
Труден и не прост
У слепых галактик,
У безумных звезд.

Мрачная эпоха,
Произвол планет...
Хорошо, что плохо,
Если Бога нет.

* * *

Если в мир возвратятся усопшие,
А могилы растают, как дым, –
Воскресение это всеобщее
Нам покажется очень простым.

Ни архангелов белых, ни ладана,
Только встреча, и то второпях,
В переулке, нежданно-негаданно,
С тем, кого схоронили на днях...

Все свершится совсем не торжественно,
Словно тут ни к чему торжество, –
Будет скромным второе пришествие,
Мы не сразу заметим его.

* * *

Старику сидеть у склада,
Охраняя вход,
А ему домой бы надо,
Ведь хозяйка ждет.

Бесконечнее столетий
Бег таких минут...
Почему нигде на свете
Лишь меня не ждут?

Остается выть, оскалясь,
В мутной мгле, в снегу...
Дед, ступай, тебя заждались, –
Я постерегу.

1969

* * *

Был зов трубы, зловещий звон металла,
Но знаменье последнего Суда
Нам ровно ничего не доказало, –
По-прежнему отходят от вокзала
Согласно расписанию поезда.

Ларьки торгуют, бьют часы на башне,
Дождь моросит, а я домой бреду
В осенней мгле дорогою всегдашней,

Не ведая, что Суд свершился Страшный
И это всё уже в аду...

* * *

Март сменяет февральскую вьюгу,
Лето сменится белой зимой...
Будем лгать и себе, и друг другу,
Что мы движемся тоже по кругу,
А не в пропасть летим по прямой.

1975

* * *

Смерть кольцом окружает единым,
Шелестя, как летучая мышь, –
Не отбросишь ее сульфидином
И распятем ее не смутишь.

Пусть оттуда ни звука, ни строчки,
И течет ядовитая мгла
В каждой радуге, в каждом листочке,
Все же смерть не поставила точки –
Не смогла...

* * *

Ужаснее, чем сказочные черти,
Ужаснее всех чанов со смолой –
Зарытой плоти трупное бессмертье,
Придавленное душною землей.

Ведь этого уже не превозмочь, –
Из гроба никуда не выйдет Лазарь
И не очнется Иаира дочь,
И все мы станем плесенью безглазой,

Какой-то отвратительной заразой,
Но в эту тьму кромешную и ночь,
Как запах резеды, как свет и разум,
Прекрасная, ты явишься помочь?

Зовем тебя, – таинственная, где ж ты?
Иныя бо не имамы надежды.

* * *

Как в начале бытия
До колючей дрожи
Темноты боялся я
В час глухого забвения
Ночью непогожей.

Беззащитное дитя,
Я твердил: – О Боже,
Уповаю лишь на тя... –
И сегодня, жизнь спустя,
Я твержу все то же.

1976

* * *

Перед ней, пред гордою,
Таю, как свеча,
Ни к селу, ни к городу
Что-то бормоча.

Взор лазурной нежностью
Полоснет, скользя, –
Нет, подобной внешности
Разрешать нельзя.

Тут со всею строгостью,
Тут, как за разбой:
Хороша до подлости, –
Жаль, что в нашем Кодексе
Нет статьи такой.

1976

* * *

– Точу ножи-ножницы, правлю бритвы! –
Голос, из прошлого долетев,
Вдруг прозвучал, как слова молитвы,
Произнесенные нараспев.
Годы проносятся и столетья,
Согнуты спины и взор угас,
Но старики – это бывшие дети...
Добрый точильщик, ты помнишь нас?

* * *

Мы не люди давно, мы – товарищи
По несчастью, по лжи, по цепям.
Страшен взор, подозрительный, шарящий,
Что за нами скользит по пятам.

Нас не голодом душат, не жаждою,
Но какой-то кромешной тоской, –
Всё трудней нам с минутою каждою...
Что случилось, – собратья, сограждане, –
Как дошли мы до жизни такой?

* * *

Раскрытое окно в вечернем храме,
Кругом молились, кланялись, крестясь,
Тонуло все в душистом фимиаме,
И вдруг весна с туманами, с ветвями
В окно неудержимо ворвалась.

Но богомольцы слушали молебен,
Торжественные зовы ектеньи,
А вешний мир был так великолепен,
Так были звезд загадочны огни.

Я чувствовал и радость и тревогу,
Апрель внезапно в кровь мою проник, –
И в храме многолюдном в этот миг,
Быть может, только я молился Богу...

1977

* * *

Жизнь беспомощно пятится:
– Обновленья не жди.
Беспорядок, сумятица,
И озноб, и дожди.

Чья-то дверь приотворена,
Запах мокрый белья...
Это – старость Печорина,
Это – вечность моя.

Юрий Благов

* * *

Мы за смех.
 Но нам нужны
Подобнее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

Владимир Лифшиц

Австрияк

Зажигалку за трояк
Продад пленный австрияк.

Он купил себе махры.
На скамеечке курил.
Кашлял. Гладил нам вихры.
«Киндэр, киндэр», – говорил.

По хозяйству помогал.
Спать ходил на сеновал.
Фотографии, бывало,
Из кармана доставал:

Вот на нем сюртук, жилет.
Вот стоят она и он.
Вот мальчишка наших лет,
По прозвищу «Майнзон».

И какое-то крыльцо.
И какой-то почтальон.
И опять – ее лицо.
И опять – она и он...

Шли солдаты. Тлел закат
У штыков на остриях.

Был он больше не солдат –
Узкогрудый австрияк.

И сапожное он знал,
И любое ремесло.
А потом исчез. Пропал.
Будто ветром унесло.

Где мотался он по свету?
Долго ль мыкался в плену?..

Вспоминаю не про эту,
А про первую войну.

1971

Валентин Португалов

* * *

Осень...
Ветер сильный
Подстегивает: живей!..
С лапки на лапку ссыльный
Прыгает соловей.

Ссыльный – сосланный, –
За́ что? Прó что? –
 никому не известно.
А ему не только в тюрьме тошно,
Ему и на воле – тесно.

Друзей нету. Они в лесу.
Далеко, будто нет на свете.
И соловей, обронив слезу,
Свистит в ветер.

Ветер листья пасет:
– Живей!
На горку и с горки!.. –
И плачет, и плачет соловей
Плачем горьким.

*

...Так вот и живем в птичьем положении:
С лапки на лапку, с ветки – на ветку,
Покамест не спрячут, в виде личного одолжения,
К чертям собачьим в клетку.

Радио

Мы живем в нетопленном бараке,
Голодны всегда мы, как собаки,
По-собачьи ветру подвываем,
Золото стране мы добываем.

Радио поставили в бараке,
Чтобы мы «культурно отдыхали»,
Чтобы мы не слишком горевали.
Чтобы мы о доме забывали.

Радио поставили в бараке,
Маленькую черную коробку.

Там, на вахте, нажимают кнопку:
Радио поет, что канарейка.
Гложет нам сердца тоска-злодейка.

От того классического пенья
Сам дневальный ходит серой тенью.
Под дырявым одеялом лежа
(Это вам не оперная ложа!),
Вшивые почесывая спины,
Матерятся наши лознгрины.
Радио поет, что канарейка...

Фаусты лежат на верхних нарах,
Размышляют о волшебных чарах:
Вот бы знать магическое слово,
Чтобы кашу «косануть» в столовой.
Фаусты прилипли к верхним нарам,
Греются они пердячим паром,
Счастье им великое досталось:
Ближе к Богу и теплее малость.
Радио поет, что канарейка...

Музыка нам разывает души:
Хошь не хошь – ее ты должен слушать.
От проклятой музыки от этой
Фаусты рыдают до рассвета.
Радио поет, что канарейка...

Радио то плачет, то смеется.
Мой товарищ с жизнью расстается.
А коробке чертовой нейметя:
«Люди гибнут за металл...» – несется.

Люди гибнут за металл, товарищ!
Люди гибнут ни за что, товарищ!
Неужели каблуком, товарищ,
По шарманке черной не ударишь?!

Дядя Вася

Зоренька-огнёвка занялася
Над тайгой, над белыми лесами...
Помирал на Атке дядя Вася,
Старичок с колючими усами.

Помирал он в лагерной больнице.
Вздрагивал. Рукою трогал шею...
Все ему хотелось, словно птице,
Пролететь над Родиной своею.

Он лежал тихонько и не охал,
Только жажда старика томила...
А в ногах сидел Лутохин Леха,
Знаменитый лагерный «лепила».

Стыли окна, серые от грязи.
Был барак больничный сердцу тесен:
Помирал поэт Василий Князев,
Не допев своих последних песен.

Только веки красные моргали,
Только губы серые шептали:
«Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!»
И замолкли старческие губы.
Кончился поэт Василий Князев...
...Над могилой не рыдали трубы,
С плачем люди не кидались наземь.

Только Леха, лагерный «лепила»,
Выпил триста грамм денатурата,
И его всю ночь в падучей било
От ненужной жалости треклятой.
И рассвет,

пролившись как вода,

Видал:

Леха пьяными губами

Все шептал:

«Никогда...
никогда...
никогда...
никогда
коммунары
не будут рабами...»

Ян Сатуновский

* * *

Мне говорят:
какая бедность словаря!
Да, бедность, бедность;
низость, гнилость барачков;
серость,
сырость смертная;
и вечный страх: а ну, как...
да, бедность, так.

* * *

Я хорошо, я плохо жил,
и мне подумалось сегодня,
что, может, я и заслужил
благословение Господне.

1959

* * *

Осень-то, ёхсина мать,
как говаривал Ваня Батищев,
младший сержант,
родом из глухомани сибирской,

павший в бою
за свободу Чехословакии.
Осень-то, ю-маю,
все деревья в желтой иллюминации.

1959

* * *

До чего мне нравятся озорные девки,
что прилюдно драются в речке возле церкви,
так что поп
с молитвою
путает «едриттвою».

До чего мне нравится здешняя природа,
и сыны, и дочери здешнего народа –
Монино,
Железнодорожная,
Перово.

1961

* * *

Чужая, чужая, чужая,
обманом прокралась в мой сон,
и точит, и мучит, и жалит,
и жизнь мою
ставит вверх дном,
бесстыдница,
руки мне лижет,
теперь присосалась к груди, –
уйди, я тебя ненавижу...
Куда же ты? Не уходи.

1962

* * *

Перед глазами стена
(с окнами, дело не в том;
дело не в том, что – дом,
и что соседи в нем,
вёдра, помои, переберут, перемоют,
мол, он, да она, муж, да жена, одна сатана;
дело не в том.
Стена).

1962

* * *

Ни на русого,
ни на чернявого
не науськивай меня,
не натравливай,
и падучего бить,
лежащего,
не научивай,
не подначивай.

Я люблю
Шевченко
и Гоголя.

Жаль,
что оба они
юдофобы были.

1962

* * *

Все реже пью, и все меньше;
курить почти перестал;
а что касается женщин,
то здесь я чист, как кристалл.
Поговорим о кристаллах.
Бывают кристаллы – Изольды и Тристаны.
Лоллобриджида,
Мэрилин Монро.
Кристалл дерево
и кристалл вино.
У нас в университете кристаллографию
преподавал профессор Микей,
Александр Яковлевич.
Его посадили в 37-м.
Когда его выпустили, он
нет не могу.
А вы говорите Лоллобриджида.

1963

* * *

Далеко от Днепропетровска,
на невзятых подступах к Москве
между Фейгиной и Островской
наша мама лежит в песке.
Мы ей
мертвой
глаза закрыли,
сколотили гроб
из досок,
на веревках спустили,
зарыли
в этот серый сырой песок,

и поставили черный камень,
черный камень, на глазу бельмо.
И живем теперь сами, без мамы;
курим, ленимся, пьем вино.

1963

* * *

Я Мойша з Бердычева.
Я Мойзбер.
А, может быть, Райзман.
Гинцбург, может быть.
Я плюнул в лицо
оккупантским гадинам.
Меня закопали в глину заживо.
Я Вайнберг.
Я Вайнберг из Пятихатки.
Я Вайнберг.
За что меня расстреляли?
Я жид пархатый дерьмом напхатый.
Мне памятник стоит в Роттердаме.

1963

* * *

Я теперь стал регулярно бриться,
меняю носки
и носовые платки.
Это за границей самоубийства,
а от нас какой-нибудь час
до Москвы.
Ночью падал снег
чернее копоты.
Шел и шел до самого утра.
Плотники потрогали –
а он еще тепленький.
Плотники на это мастера.

1964

* * *

На носу декабрь. На дворе снежок.
Под снежком ледок, как заметил Блок.

Вот и Блока нет, Пастернака нет,
одинокое мне в ледяной стране.

1964

* * *

Было,
и осталось,
и забыть не могу,
как я шел со станции
в крови и в снегу.
Шла навстречу
девочка,
ребенок лет пяти.
Смахнула меня веничком
со своего пути.

1966

* * *

Помню ЛЦК – литературный центр конструктивистов.
Констромол – конструктивистский молодец.
Помню стих: «в походной сумке Тихонов, Сельвинский,
Пастернак».

Зэк был констриком, но с новолетовским уклоном.
Как-никак, а без Маяковского никак.
Зэк был зэк, и по естественным законам
зэка кончили в колымских лагерях.

Помню ЛЦК – литературный центр конструктивистов.
Констромол – конструктивистский молодец.
Помню стих: «в походной сумке Тихонов, Сельвинский,
Пастернак».

1966

* * *

Ха и Вэ –
Хармс
и Введенский.

Пасха.
Воскресает лес.

Ржавый пень –
и тот воскрес.

Но эти двое –
не воскреснут.

1967

* * *

Коробка скоростей.
Коробка скоростей.

Барабанные перепонки гусиных лапок
фиксируют:
– короткое!..
– короткое!..
– курцшлюсс!

Водитель водит носом по стеклу.
Кузнечик в кузов пуза уложил
окоченевшие конечности караульного начальника.
Карнач! Карнач! Карнач!

1967

* * *

Хочу ли я посмертной славы?
Ха,
а какой же мне еще хотеть!

Люблю ли я доступные забавы?
Скорее нет, но может быть, навряд.

Брожу ли я вдоль улиц шумных?
Брожу,
почему не побродить?

Сижу ль меж юношей безумных?
Сижу,
но предпочитаю не сидеть.

1967

* * *

Жил в Ростове человек – мальчик Юрочка.

Он от солнышка
до подсолнушка
все на свете превзошел,
все до зернышка.

Я хотел бы стать таким же, как Юрочка.

1967

* * *

Она не хотела пилить дрова.
Она в о о б щ е не хотела пилить дрова.
Она хотела колоть дрова.

А я не хотел колоть,
я хотел пилить дрова,
пилить, пока была цела пила.

1968

* * *

Двухцилиндровый двигатель спаренного механизма.
Двухцилиндровый, двухтактный, клапаны – ну!

А теперь асинхронно.
Теперь асинхронно.
Да,
теперь асинхронно.

1968

* * *

Бабушка поднимается бодрая, с давлением,
с рвением
берется за домашние дела,
а напередни
важно поддала.

Вот и дед закашлялся с добрым утром.
Закури-ка, старче,
сигарету с фильтром.

1968

* * *

Знаю, что люди – звери,
только не знаю, все ли.
Может быть, эти – не звери?
Может быть, дети – не звери?
Знаю, не знаю,
верю, не верю.

1968

* * *

Похожа на Лёльку Шувалову.
Какая Лёлька Шувалова?
Лёльки Шуваловой можбыть уже на свете нет.
Лёльке Шуваловой сто лет в обед.

Старик, ты опять за свое? Опять штучки-дрючки?
У тебя – хвороба,
у дочки подружка,
сидят, разговаривают.
Выдумал: Лёлька Шувалова, Лёлька Шувалова.

1969

* * *

Я маленький человек.
Пишу маленькие стихи.

Хочу написать одно,
выходит другое.
Стих – себя – сознает.
Стих – себя – диктует.

1969

* * *

Нет, Марцинковский не тот человек.
И Вервинский не тот человек.

Им нравятся
крупные
и средние женщины
с русским характером,
с низким центром тяжести.

А, вы думаете, Липисиц – тот человек?

1969

* * *

Поэзия – не пророчество, а предчувствие.
Осознанные предчувствия

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ.

1969

* * *

«Завернувши в карту мира жена мужа хоронила»;
русская народная природная песня,
цена рубль тридцать копеек.

1970

Христианин

Отдам азы́м ю́ду.
А сам?
Сам уйду в чем Бог дал –
в бечёвочках.

1970

Художник Володя Яковлев

То есть до чего
поразительно:
вместо приблизительной точности
точная приблизительность.

1970

* * *

Мужественно: утром пить водку натошак (предпочитаю кофе).
Мужественно: состоять, по меньшей мере, референтом
замминистра.

Вот так. Тик и так.

А я вхожу с авоськой, соль, мыло, лук.

На, пырни меня своими всевидящими, всененавидящими.

1970

* * *

Бурные, долгие годы не смолкающие аплодисменты.

1970

* * *

А покамест работа мысли
доставляет эстетическое удовольствие,
давайте прикинем: что, если
обратиться к области совести?

1971

* * *

И та же чертовня из-за забора,
и та, или не та,
коза,
или корова,
и теткин говорок («таё-моё»);
но лейтенант – не тот;
тот был майор.

1971

* * *

Савва, помню, Голованевский
с Нэськой дружил,
с балагулиной Нэськой.

Это была такая Джина Лоллобриджида,
такая Джина,
такая Мария Магдалина,
такие
библейские волосы были у Нэски,
были... Вы понимаете по-немецки?

1973, Днепропетровск

* * *

Лунная ночь глубока,
сказал один японец.
Нет, сказал, конечно, не так.
Наверно, не так и подумал.

1975

* * *

Главное иметь нахальство знать, что это стихи.

1976

* * *

Фонари, светящие среди бела дня
в этот серенький денек.
Ждущие, зовущие, не щадящие меня –
ну, что же ты умолк? – говори;
или нет, не так.
– Фонари, светящие среди бела дня
в этот серенький денек.
Ждущие, зовущие, не щадящие меня фонари, –
ну, опять умолк?

1976

* * *

Дóма-не-дóма,
сонные щебеты сена-соломы,
как я хотел раствориться в России,
не растворила...

1977

* * *

В апреле прилетают жаворонки,
взгляну на небо голубое,
по утрам бывают заморозки,
глаза и зубы обезболю.
Может быть, я еще в лес похожу, на ежей погляжу,
может быть, я еще двадцать, ну, тридцать вещиц напишу,
чувствую: в жизни моей перелом наступил,
хрустнуло; на меня костолом наступил.

1978

* * *

Отвоевался, отвоевал,
помер Иван, пролетарий всех стран...

1980

* * *

Пошел в магазин,
купил маргарин.
А там говорят:
– Сам, сам виноват!

Вроде было ведро, вроде нет.
Тёмно было, только первый снег.
Первая любовь, последняя любовь –
все забыл, не помнит ничего...

1981

* * *

Да, главное слово – последнее слово.
Но первое слово главней второго.
А Бунин хотел (или, может быть, Блок)
Чтоб были стихи из неглавных слов.

1982

Ярослав Смеляков

Жидовка

Прокламация и забастовка,
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.

Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая не мать, не жена –
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она.

Брызжет кляксы чекистская ручка,
Светит месяц в морозном окне,
И молчит огнестрельная штучка
На оттянутом сбоку ремне.

Неопрятна, как истинный гений,
И бледна, как пророк взаперти, –
Никому никаких снисхождений
Никогда у нее не найти.

Только мысли, подобные стали,
Пронизали ее житие.
Все враги перед ней трепетали,
И свои опасались ее.

Но по-своему движутся годы,
Возникают базар и уют,
И тебе настоящего хода
Ни вверху, ни внизу не дают.

Время все-таки вносит поправки,
И тебя еще в тот наркомат
Из негласной почетной отставки
С уважением вдруг пригласят.

В неподкупном своем кабинете,
В неприкаянной келье своей,
Простодушно, как малые дети,
Ты допрашивать станешь людей.

И начальники нового духа,
Веселясь и по-свойски грубя,

Безнадежно отсталой старухой
Сообща посчитают тебя.

Все мы стоим того, что мы стоим,
Будет сделан по-скорому суд –
И тебя самое под конвоем
По советской земле повезут.

Не увидишь и малой поблажки,
Одинаков тот самый режим:
Проститутки, торговки, монашки
Окружением будут твоим.

Никому не сдаваясь, однако
(Ни письма, ни посылочки нет!),
В полутемных дощатых бараках
Проживешь ты четырнадцать лет.

И старухе, совсем остролицей,
Сохранившей безжалостный взгляд,
В пообревшее лоно столицы
Напоследок вернуться велят.

В том районе, просторном и новом,
Получив как писатель жилье,
В отделении нашем почтовом
Я стою за спиною ее.

И слежу, удивляясь не слишком –
Впечатленьями жизнь не бедна, –
Как свою пенсионную книжку
Сквозь окошко толкает она.

1963

Слепец

Идет слепец по коридору,
тая секрет какой-то свой,
как шел тогда, в иную пору,
армейским посланный дозором,
по территории чужой.

Зияют смутные глазницы
лица военного того.
Как лунной ночью у волчицы,
туда, где лампочка теснится,
лицо протянуто его.

Он слышит ночь, как мать – ребенка,
хоть миновал военный срок
и хоть дежурная сестренка,
охально зыркая в сторонку,
его ведет под локоток.

Идет слепец с лицом радара,
беззвучно, так же как живет,
как будто нового удара
из темноты все время ждет.

1967

Старший санитар

Прекрасен старший санитар!
Он полупьян и сыт,
как будто школьный медный шар,
лицо его блестит.

Большое пузо на весу
клокочет в полусне,
для интеллекта – на носу
квадратное пенсне.

Подбриты брови той «Невой»,
которой черт не рад,
и отливает синевой
наглаженный халат.

Он по-культурному живет,
зато наверняка
тебе печенку отобьет
совсем без синяка.

Он в результате жизни всей
снискал среди других –
и зависть всех своих друзей
и ненависть больных.

Как грустно это, что везде
таится как кошмар,
и в черной майской борозде,
и на предутренней звезде,
свой старший санитар.

1967

Леонид Топчий

Банкет

Ложка – нож,
Ну и что ж?
Ложка – вилочка.
На столе лежит хамса
Рядом с килечкой.
Каша манная,
Ночь туманная,
Иссушила, извела,
Окаянная.
– Хватит, братцы, пировать,
Есть говядину.
Плясуну пятнадцать лет
Сроку дадено.
Гармонисту и певцу
Чуть поменее –
Очутились на войне
В окружении.
– Эй, ребята,
Шире круг.
Где подруги?
Без подруг.
И пошли туда-сюда
Кособочиться.
Веселись, моя душа,
Плакать хочется.

Александр Яшин

Сухое вино

Он любил сухое вино,
всю жизнь только сухое –
натуральное,
кисловатое, как сама земля,
и окрыляющее, как ветер гор.

Сухие грузинские вина после войны
шли под номерами,
этикетки их напоминали солдатские погоны;
с красочных молдавских этикеток
слетали длинноногие добрые аисты;
лучшее армянское
называется золотой лозой – воскеваз.

Сухое – оно не дурманит голову,
не отяжеляет рук и ног
и в сердце вселяет любовь к людям,
а не злобу,
желание творчества,
а не отвращение от дел.

...Всю жизнь только сухое!

Но по нужде ему приходилось пить
все, что бог пошлет,
что поставят товарищи,
все – от самогонки до «сучка»,
от терпкого вермута в сельских чайных
до маслянистого,
с глицерином,
разливного портвейна
в городских забегаловках.

А когда жил в Заполярье,
приходилось пить даже спирт,
чтобы не замерзнуть на оленьих перегонах, –
спирт, легкий, как огонь,
холодный, как северное сияние, –
и уже привык,
чтобы время от времени
что-то обжигало ему горло и душу
до слез, до придыхания.

Так всю жизнь.
Хотя сердцем он был привязан
только к сухому
и любил лишь его,
как всю жизнь любят свою жену,
и только ее одну.

1964

Ясный день

В изморози, что в пене,
Голые ветви берез.
Роща – как стадо оленей,
Сгрудившихся в мороз.

А день до того наряжен,
Что и сказать не могу.
Тени от палисадин –
Лесенкой на снегу.

В солнечном одеянье –
Милые вы мои! –
Кажутся снегирями
Серенькие воробьи.

1964

Ночная уха

Садись, коли пришла!
Ты думала, я струшу, –
Мол, как бы не взяла
Мою с собою душу?

Стоит, как видишь, дом.
Смеялась:
На́ день строю!..
Один я ныне в нем:
Леса, леса кругом –
Куда мне с ней, с душою?

Что раньше, что теперь
Тебя ли мне бояться?
Уж это так, поверь!
Захочешь повидаться –
Не закрываю дверь.

Вахтером в час ночной
У вас там
Петр иль Павел?
Сегодня – выходной:
Апостол в проходной,
Наверно, ключ оставил?

Давай уху варить.
Поужинаем плотно,
Я выпил бы охотно,
Чего греха таить...
Уж очень беззаботно
С тобой мне было жить.

Повесим котелок,
Мягка в реке водица.
Где ерш да окунек,
Там к месту и плотица.

Ольховый уголек
Для запаха положишь,
Есть перец и лучок...
Потом бы я прилег.
А разве ты не можешь?

Мне сроду не понять,
Что ты уже бесплотна.
Ах, если б раньше знать,
Что жизнь так мимолетна!

Я губ твоих и глаз
Не стал бы сторониться.
Почаще бы ушица
Готовилась у нас.

1966

Павел Громов

* * *

Про реформу правописания
и про то, как сидел на печи,
про мое про самое раннее
на прощание похлопчи.

Черным выведено – аго, яго,
красным – ого, его, так вот:
обожди еще, добрый Яго,
на дворе восемнадцатый год.

* * *

В детстве было все, чего не снесть,
из брусники захладелый квас,
к этому я устремлялся весь –
по лугам потом коса прошла –
был потом сосновый сухостой,
к лирике любви мне не избыть.
Лягушонка я потом косою
шваркнул – и никак мне не забыть.

Рыбье сердце

Все равно, куда бы ни пошел ты,
помнишь, как об доски лодки билась,
отливалась зеленью и желтым
и бескостой вдруг сдалась на милость.

Как под голову ей нож всадили,
вдоль хребта по ней прошли так плавно,
о глубинах темных и об иле,
о мальках не вспомнили подавно.

Как верстак рыбачий плавно трясся,
рыбье как потом нутро раскрылось,
как делили розовое мясо,
и как рыбье сердце билось, билось.

Детская забава

В карманы камни собирали,
Водой точеные и ветром,
По водной глади их старались
Пустить скользящим рикошетом.
Я брежу – временем источен, –
Побольше б волн поднять кружками,
Скользнуть по глади черной ночи
И полететь на дно, как камень.

* * *

Мертвенный покой свой возмущая,
Брежу мыслью – детской и простой:
Стать бы придорожным иван-чаем,
Засиять грошовой красотой.

И когда безжалостное пламя
Бобылю польется прямо в грудь,
Узкими зелеными губами
Желтый воздух без конца тянуть.

Острою, бездумной и высокой
Головой медлительно качать.
Из песчаной почвы злые соки
Жирною, босой ногой сосать.

Розовыми, пыльными глазами
За прохожими следить, пока,
Жалкой красотой прельстясь, на память
Не сорвет случайная рука.

А потом, забывшись, вдруг уронит,
Незачем совсем меня беречь,
Где-нибудь на придорожном склоне
Будет солнце беспощадно жечь.

И рассыплюсь, горестно и щедро,
Пылью бледной, звонкой и сухой,
На небо взлечу в объятьях ветра
Звездную горячею трухой.

* * *

Я опять к поэтам моим пришел,
От стихов снова пьян –
То ли остров, то ли отмель, то ли мол,
То ли просто душевный изъян.

А как были поэты мои хороши –
Обо всем говорили вслух,
Обо всем для тела и для души,
Аж захватывало дух.

Только я-то уже совсем другой –
Я видал в глаза ничто,
Я держусь за поэтов сухой рукой,
И я знаю – не сбудется то.

Про нее

Есть рубище, есть и вретище,
Есть потных дней чехарда,
Остается – помереть еще.
Повидал все прочее, да.

Что касасемо лошади – скакалося.
Всем болел и не дул в ус,
А что смерть – такой малости,
Прямо скажем, не боюсь.

Суну в нос все пойла и брашна ей,
Что когда едал и пивал.
Есть на свете более страшное,
Чем ее тупой оскал.

Жизнь была для меня нелюбкою.
Неуклюж я, неловок, не спор.
Может, есть еще более хрупкие,
Впрочем, это другой разговор.

Стыдно было все, неловко ли,
В небеленое влезу рядом,
Просто в ритме между подстановками
Старт иль финиш – не все ль равно.

Лев Озеров

Вместо речи

Пренебрегая словесами,
Жизнь убеждает нас опять:
Талантам надо помогать,
Бездарности пробьются сами.

1962

* * *

Саратов. Пристань. Понедельник.
Цыганка в туфельках модельных
С чужим ребенком на спине.
– Она не будет ждать, послушай! –
Я удивлен. Идет ко мне.
Я ночь не спал. И с ходу – случай:
Мне говорят со стороны
О том, что жжет так беспощадно,
О чем не говорят. И жадно
Ловлю слова. Они страшны,
Хотя совсем неприхотливы.
На Волгу тихую смотрю,
Смотрю, и на кругах олифы
Я вижу летнюю зарю.
– Не будет ждать! – кричит цыганка
Истошно, горестно, на ней
Браслет огромный, как баранка,
Слепит все жарче, все больней.

1966

Вадим Шефнер

Коврик

Когда я был
Беспризорным шкетом –
В вагонах ездил
Не по билетам.

Порой – под полкой.
Порой – на подножке.
Хитрее мухи,
Проворней кошки.

Однажды лежал
На крыше теплушки,
Под голову – локоть
Вместо подушки.

И тут же – старик
В халате ватном,
С лицом задумчивым
И приятным.

Вот коврик свой
На крыше вагона
Старик расстелил,
Чтобы класть поклоны.

И долго он кланялся
Тихой тенью,
Глазами – к солнцу,
Спиной – к движенью.

О долгой жизни
Просил он бога,
О том, чтоб счастливой
Была дорога.

Но вырос мост
За его спиною,
Летя бесшумной
Птицей стальнойю.

«Нагнись! Нагнись!» –
Закричал я дико.

Но мост настиг его
Раньше крика.

Удар и стон –
И в огне заката
На крыше – лишь коврик
Зеленоватый.

1957

Грешники

В грехах мы все, как цветы в росе,
Святых между нами нет.
А если ты свят – ты мне не брат,
Не друг мне и не сосед.

Я был в беде, как рыба в воде,
Я понял закон простой:
Там грешник приходит на помощь, где
Отвертывается святой.

1962

Электронная сказка

Скромная звезда печали
Смотрится в мое окно.
Все, о чем мы умолчали, –
Все ей ведомо давно.

Все, чем это сердце бьется,
Все, о чем забыть хочу,
Прямо к ней передается
По незримому лучу.

Там я взвешен и исчислен,
Спрограммирован дотла,
Там мои читают мысли,
Знают все мои дела.

Там в хрустальных коридорах
Крылья белые шуршат,
У светящихся приборов
Там дежурные не спят.

Из иного измеренья,
Из холодного огня
Ангел долгого терпенья
Грустно смотрит на меня.

Может, скоро в дали дальней,
Сверив час и сверив год,
Он с улыбкою прощальной
Кнопку черную нажмет.

1964

Фантастика

Как здесь холодно вечером, в этом безлюдном саду,
У квадратных сугробов так холодно здесь и бездомно,
В дом, которого нет, по ступеням прозрачным взойду
И в незримую дверь постучусь осторожно и скромно.

На пиру невидимок стеклянно звучат голоса,
И ночной разговор убедительно ясен и грустен:
«Я на миг, я на миг, я погреться на четверть часа». –
«Ты навек, ты навек, мы тебя никуда не отпустим.

Ты все снился себе, а теперь ты к нам заживо взят.
Ты навеки проснулся за прочной стеною забвенья.
Ты уже на снежинки, на дымные кольца разъят,
Ты в земных зеркалах не найдешь своего отраженья».

1969

* * *

У ангела ангина,
Он, не жалея сил,
Берёг чьего-то сына,
Инфекцию схватил.

В морозном оформлении
За домом тополя,
В неясном направленьи
Вращается Земля.

До рая не добраться
С попутным ветерком,
И негде отлежаться –
Летай под потолком.

Земная медицина
Для ангела темна.
Ангина ты, ангина,
Чужая сторона!

1969

Хрестоматийный мальчик

Голландский бедный мальчик
У грани пенных вод
Дрожит и горько плачет,
А с места не сойдет.

По щиколотку в тине
Стоит он день-деньской,
Промоину в плотине
Закрыв своей рукой.

Уже припухли гланды
И боль в его груди,
Но сгинут Нидерланды,
Лишь руку отведи.

Побита будет дамба
Соленою волной –
Тогда аминь и амба
Всему, что за спиной.

.....

Невесел на картине
Продрогший паренек;
Что он хрестоматиен,
Ему и невдомек.

Он никого не учит,
Ничьих похвал не ждет,
Он этот частный случай
В закон не возведет.

С усталостью во взоре,
С надеждой и тоской
Он сдерживает море
Немеющей рукой.

1973

Михаил Матусовский

Подмосковные вечера

Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра.
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

Речка движется и не движется,
Вся из лунного серебра.
Песня слышится и не слышится
В эти тихие вечера.

Что ж ты, милая, смотришь искоса,
Низко голову наклоня?
Трудно высказать и не высказать
Все, что на сердце у меня.

А рассвет уже все заметнее.
Так, пожалуйста, будь добра,
Не забудь и ты эти летние
Подмосковные вечера.

1955

* * *

Ты надела свой плащ
Темно-синенький.
Вновь исчезли из чащ
Подосиновики.

Как в намеках прямых
Или косвенных,
Столько луж дождевых
В мелких оспинах.

Липы в чащах густых
Дремлют, всхлипывая.
Положенье у них
Явно липовое.

До чего же густа
Кисть рябиновая,

В ней одна кислота
Аскорбиновая.

Тропка тоненькая
Дышит лирикою –
То антоновкою,
То папировкойю.

...Вы должны в кузовок
Взять по случаю
Небосвод грозовой
С этой тучею.

Тот подлесок рябой,
Листья в прожелти –
Захватите с собой
Всё, что сможете.

1975

* * *

Целую ночь соловей нам насвистывал.
Город молчал, и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.

Сад был умыт весь весенними ливнями.
В темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными!
Как же мы счастливы были тогда!

Годы промчались, седыми нас делая.
Где чистота этих веток живых?
Только зима да метель эта белая
Напоминают сегодня о них.

В час, когда ветер бушует неистовый,
С новою силою чувствую я:
Белой акации гроздь душистые
Невозвратимы, как юность моя.

1976

Николай Моршен

* * *

Он прожил мало: только сорок лет.
В таких словах ни слова правды нет.
Он прожил две войны, переворот,
Три голода, четыре смены власти,
Шесть государств, две настоящих страсти.
Считать на годы – будет лет пятьсот.

* * *

С глазами-бусинками примитивной твари
Большая крыса кверху животом
На пыльном и горячем тротуаре
Лежала с переломанным хребтом.

А мимо люди шли. Переступали
Через нее – уже в который раз –
И каблуки мелькали и мелькали,
Как молоты, у самых крысьих глаз.

В блестящих глазках не был виден ужас,
Но в глубине он дрожью нарастал
И пробегал от усиков и ушек
До длинного и мерзкого хвоста.

И было как-то жутко и тоскливо,
И смерть особенно страшила нас.
Но мы болтали. Стоя, пили пиво...
Мелькали каблуки у крысьих глаз.

* * *

На Первомайской жду трамвая.
Вокзал гудит передо мной.
Калека-нищий, завывая,
Сидит у самой мостовой.

Трамвай подходит, но не мой.

Идет безбровый и прыщавый
Полудешевой пудры слой,

А рядом чубчик кучерявый
И зуб с коронкой золотой.

Трамвай подходит, но не мой.

Платочек в серенький горошек
Людской выносится волной
И, пометавшись у подножек,
Вдруг исчезает на одной.

Трамвай подходит, но не мой.

Тень на сугробе под часами
В высокой шапке меховой.
Она с другими голосами
Смеется за моей спиной.

Который час? Уже восьмой.

Гудят заводы. На вокзале
Всем шепчет серое пальто:
«Ты, вы, они, мы опоздали!»,
И, глядя с ужасом на то,
Как ужас искажает лики,
Которых нет передо мной,
Я вдруг мычу нелепым криком,
Как раненый глухонемой,

И просыпаюсь. Боже мой!

* * *

Есть Бог, есть мир. Они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога.
Н. Гумилев

С вечерней смены, сверстник мой,
В метель, дорогою всегдашней
Ты возвращаешься домой
И слышишь бой часов на башне.

По скользоте троттуарных плит
Ты пробираешься вдоль зданья,
Где из дверей толпа валит
С очередного заседанья.

И, твой пересекая путь,
Спокойно проплывает мимо

Лицо скуластое и грудь
С значком Осоавиахима.

И вдруг сквозь ветер и сквозь снег
Ты слышишь шепот вдохновенный.
Прислушайся: «...живут вовек».
Еще: «А жизнь людей мгновенна...»

О строк запретных волшебство!
Ты вздрагиваешь. Что с тобою?
Ты ищешь взглядом. Никого!
Опять наедине с толпою.

Еще часы на башне бьют,
А их уж заглушает сердце.

Вот так друг друга узнают
В моей стране единовѣрцы.

* * *

По тропинке по лесной
Два солдата шли весной.
Их убили, их зарыли
Под зеленою сосной.

Кто убил и почему
Неизвестно никому –
Ни родному, ни чужому,
Разве Богу одному.

Через год иль через два
Прорастет кругом трава,
Все прикроет, припокоит,
Приголубит трын-трава.

У тропинки у лесной
Запоет гармонь весной:
«Слышу, слышу звуки польки,
Звуки польки неземной».

Сад и лес

Вазоны, газоны,
Запретные зоны,
Кусты по ранжиру,
Цветы для блезигу.

Тут грядки, там клумбы,
Тут гравий, там травы,
И штампы, как тумбы, –
Равнение направо!

А лес – это схватка,
Ходынка и хаос,
И слабым не сладко
Там жить задыхаясь.

однаковнимательныйвзорвнемувидитпре
лестьумаистрогостьлюбви

Однако внимательный взор в нем увидит
прелесть ума и строгость любви.

Однако внима-
тельный взор в нем уви-
дит прелесть ума
и строгость любви.

* * *

Ледники и морены
мощно
вытачивали в земной коре
осязаемые формы
задолго до рождения первого скульптора.

Муссоны и пассаты
звучно
выпевали в земном воздухе
внятные мелодии
задолго до рождения первого музыканта.

Восходы и закаты
сочно
выписывали в земном небе
яркие полотна
задолго до рождения первого живописца.

И только стихи рождались
вместе с человеком,
вслепую,
неизвестно где.
Пример – Гомер.

Александр Галич

Облака

Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино.
А я цыпленка ем табака,
Я коньячку принял полкило.

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака.
Им тепло, небось, облакам,
А я продрог насквозь, на века!

Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял!
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям.

До сих пор в глазах снега наст!
До сих пор в ушах шмона гам!..
Эй, подайте ж мне ананас
И коньячку еще двести грамм!

Облака плывут, облака,
В милый край плывут, в Колыму,
И не нужен им адвокат,
Им амнистия – ни к чему.

Я и сам живу – первый сорт!
Двадцать лет, как день, разменял!
Я в пивной сижу, словно лорд,
И даже зубы есть у меня!

Облака плывут на восход,
Им ни пенсии, ни хлопот...
А мне четвертого – перевод,
И двадцать третьего – перевод.

И по этим дням, как и я,
Полстраны сидит в кабаках!
И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

1962

Городской романс (Тонечка)

Она вещи собрала, сказала тоненько:
«А что ты Тоньку полюбил, так Бог с ней, с Тонькою!
Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,
А что у папы у ее топтун под окнами.
А что у папы у ее дача в Павшине,
А что у папы – холоуи с секретаршами,
А что у папы у ее пайки цековские
И по праздникам кино с Целиковскою!
А что Тонька-то твоя сильно страшная –
Ты не слушай меня, я вчерашняя!
И с доскою будешь спать со стиральнойю
За машину за его персональную...

Вот чего ты захотел, и знаешь сам,
Знаешь сам, да стесняешься,
Про любовь твердишь, про доверие,
Про высокие про материи...
А в глазах-то у тебя дача в Павшине,
Холоуи да топтуны с секретаршами,
И как вы смотрите кино всей семейкою,
И как счастье на губах – карамелькою!..»

Я живу теперь в доме – чаша полная,
Даже брюки у меня – и те на молнии,
А вина у нас в доме – как из кладезя,
А сортир у нас в доме – восемь на десять...
А папаша приезжает сам к полуночи,
Топтуны да холоуи тут все по струночке!
Я папаше подношу двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков!

А как спать ложусь в кровать с дурой с Тонькою,
Вспоминаю той, другой, голос тоненький.
Ух, характер у нее – прямо бешеный,
Я звоню ей, а она трубку вешает...

Отвези ж ты меня, шеф, в Останкино,
В Останкино, где «Титан» кино,
Там работает она билетершею,
На дверях стоит вся замерзшая.

Вся замерзшая, вся продрогшая,
Но любовь свою превозмогшая!
Вся избывшая, вся простывшая,
Но не предавшая и не простившая!

Мы не хуже Горация

Вы такие нестерпимо ражие,
И такие, в сущности, примерные,
Всё томят вас бури вернисажные,
Всё шатают паводки премьерные.

Ходите, тишайшие, в неистовых,
Феями цензурными заняньканы!
Ну, а если – ни премьер, ни выставок,
Десять метров комната в Останкине!

Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют благостно и святочно,
Но стоит картина на подрамнике,
Вот и все!
А этого достаточно!
Там стоит картина на подрамнике –
Этого достаточно!

Осудив и совесть, и бесстрашие
(Вроде не заложишь и не купишь их),
Ах, как вы присутствуете, ражие,
По карманам рассовавши кукиши!

Что ж, зовите небылицы былями,
Окликайте стражников по имени!
Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы Несторы и Пимены.

Их имен с эстрад не рассиропили,
В супер их не тискают облаточный,
«Эрика» берет четыре копии,
Вот и все!
А этого достаточно!
Пусть пока всего четыре копии –
Этого достаточно!

Время сеет ветры, мечет молнии,
Создает советы и комиссии,
Что ни день – фанфарное безмолвие
Славит многодумное безмыслие.

Бродит Кривда с полосы на полосу,
Делится с соседской Кривдой опытом,
Но гремит напетое вполголоса,
Но гудит прочитанное шепотом.

Ни партера нет, ни лож, ни яруса,
Клака не безумствует припадочно,
Есть магнитофон системы «Яуза»,
Вот и все!
А этого достаточно!

Есть, стоит картина на подрамнике!
Есть, отстукано четыре копии!
Есть магнитофон системы «Яуза»!
И этого достаточно!

Песня-баллада про генеральскую дочь

Он был титулярный советник,
Она генеральская дочь...

Постелилась я, и в печь – уголек,
Накрошила огурцов и мясца,
А он явился, ноги вынул и лег –
У мадам у его – месяца.

А он и рад тому, сучок, он и рад,
Скушал водочки – и в сон наповал!..
А там – в России – где-то есть Ленинград,
А в Ленинграде том – Обводный канал.

А там мамынька жила с папонькой,
Называли меня «лапонькой»,
Не считали меня лишнею,
Да им дали обоим высшую!

Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты угольком даешь на-гора года!
Дала двадцать лет, дала тридцать лет,
А что с чужим живу, так своего-то нет!
Кара-ган-да...

А он, сучок, из гулевых шоферов,
Он барыга, и калымщик, и жмот,
Он на торговской дает будь здоров, –
Где за рупь, а где какую прижмет!

Подвозил он раз меня в «Гастроном»,
Даже слова не сказал, как полез,
Я бы в крик, да на стекле ветровом
Он картиночку приклеил, подлец!

А на картиночке – площадь с садиком,
А перед ней камéнь с Медным Всадником,
А тридцать лет назад я с мамой в том саду...
Ой, не хочу про то, а то я выть пойду!

Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты мать и мачеха, для кого когда,
А для меня была так всегда нежна,
Что я самой себе стала не нужна!
Кара-ган-да!..

Он проснулся, закурил «Беломор»,
Взял пинжак, где у него кошелек,
И прошлепал босиком в коридор,
А вернулся – и обратно залег.

Он сопит, а я сижу у огня,
Режу мелко на водку лучок...
А ведь все-тки он жалеет меня,
Все-тки ходит, все-тки дышит, сучок!

А и спи, проспись ты, мое золотце,
А слезы – что ж, от слез – хлеб не солится,
А что мадам его крутит мордою,
Так мне плевать на то, я не гордая...

Ой, Караганда, ты, Караганда!
Если тут горда, так и на кой годна!
Хлеб насущный наш дай нам, Боже, днесь,
А что в России есть, так то не хуже здесь!
Кара-ган-да!..

Что-то сон нейдет, был, да вышел весь,
А завтра делать дел – прорву адскую!
Завтра с базы нам сельдь должны завезть,
Говорили, что ленинградскую.

Я себе возьму и кой-кому раздам,
Надо ж к празднику подзаправиться!
А пяток сельдей я pošлю мадам,
Пусть покушает, позабавится!

Пусть покушает она, дура жалкая,
Пусть не думает она, что я жадная,
Это, знать, с лучка глазам колетса,
Голова на низ чтой-то клонится...

Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты угольком даешь на-гора года,
А на картиночке – площадь с садиком,
А перед ней камéнь...
Ка-ра-ган-да!..

1966

Счастье было так возможно

Когда собьет меня машина,
Сержант напишет протокол,
И представительный мужчина...
И представительный мужчина
Тот протокол положит в стол.

Другой мужчина – ниже чином,
Взяв у начальства протокол,
Прочтет его в молчаньи чинном...
Прочтет его в молчаньи чинном
И пододвинет дырокол!

И продырявив лист по краю,
Он скажет: «Счастья в мире нет –
Покойник пел, а я играю...
Покойник пел, а я играю, –
Могли б составить с ним дуэт!»

Из беседы с туристами из Западной Германии #

...А уж пыль-то вы пускать мастера!
Мастера вы!
Да не те времена!
Мы на проценты сравним, мистера,
Так и нет у вас, пардон, ни хрена!..
Потому что всё – у вас –
Напоказ.
А народ для вас – ничто и никто.
А у нас – природный газ,
Это раз.
И еще – природный газ...
И опять – природный газ...
И по процентам, как раз,
Отстаете вы от нас
Лет на сто!

Иван Елагин

* * *

Сколачивали тучи в складчину
В горах вечернюю грозу,
Весь потемневший и взлохмаченный,
Лес беспокоился внизу.

И там, где камни наворочены,
Там, над дорогою кривой,
Осины сбились у обочины,
Тряся испуганной листвою.

По небу отсветами плещется
Жар-птицы молнии перо.
Пошло трещать, земля-помещица,
Твое зеленое добро!

И над бобровую запрудю,
Ворвавшись в мертвый бурелом,
Как будто палицей орудуя,
Прошел многоэтажный гром!

И вновь, вверху, собравшись с силами,
По тучам с грохотом полез,
И наконец, ударив, выломил
Ворота всех семи небес.

И сразу, через все пробоины,
Сверкая, зыблясь и галдя,
Пошли, колоннами построены,
Косые полчища дождя.

* * *

На скамейке без подстилки
Спишь, свернувшись колобком,
И порожние бутылки
У скамьи стоят рядком.

Ангел в синем вицмундире
Наклонился над плечом.
Он с дубинкой в этом мире,
Как он в мире том с мечом.

Он заявит строгим тоном,
Наказанием грозя,
Что, согласно всем законам,
На скамейке спать нельзя.

И пойдешь ты, ковыляя,
Под деревьями в тени.
Так изгнание из рая
Происходит в наши дни.

Амнистия

Еще жив человек,
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в тридцать восьмом.

Вероятно, на пенсию вышел.
Живет на покое
И дело привычное бросил.

Ну, а если он умер, –
Наверное, жив человек,
Что пред самым расстрелом
Толстой
Проволокою
Закручивал
Руки
Отцу моему
За спиной.

Верно, тоже на пенсию вышел.

А если он умер,
То, наверное, жив человек,
Что пытал на допросах отца.

Этот, верно, на очень хорошую пенсию вышел.

Может быть, конвоир еще жив,
Что отца выводил на расстрел.

Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.

Я слышал,
Что все эти люди
Простили меня.

* * *

Идет замедленный человек,
Угасающий человек.
Он мается целый век,
Пугается целый век.

Сорок костюмов снашивает,
Семьдесят пар башмаков,
Счастье выпрашивает
У лошадиных подков.

Едва он на свет явлен,
Совсем еще мал, гол –
А уже на него составлен
Первый протокол.

Еще он роста цыплячьего, –
Розовощекий комочек, –
А что-то уже втолмачивает
В него педагог-начетчик.

А выйдет в путь человеческий,
Шагнет за порог – и глядь –
Уже государство на плечи
Ему навалило кладь!

И только какая-то женщина,
Говорившая вычурно,
Как гайка, была безупречно
К нему привинчена:

Да умерла намедни.
Он называл ее Глашей.
И вот он идет замедленный,
Идет погасший.

* * *

Женщина в блеске свечей
Сидит, опершись на локоть.
Это из тех вещей,
Которые хочется трогать.

Казалось, чего уж проще –
Так же и у моллюска.
А тронешь – на ощупь
Под блузкой –

Музыка
Каждый мускул.

Глаза в нее погружаю
И чувствую, что дурею.
Меня заряжает,
Как батарею.

Многие мне страны
Были в пути обещаны,
И все-таки самой странной
Страною была женщина.

Томит миражем
В пустыне,
Пока не ляжем
И не остынем

В ее трясине,
В ее болоте,
В низинах
Ее плоти.

* * *

Залезаю в коробку железную,
Нажимаю кнопку полезную
И поднимаюсь над бездною!

И вот я в каменном
Фамильном гнезде
Готовлюсь к экзаменам
По автомобильной езде.

Готовлюсь у стенки
С квадратным вырезом,
Где небо оттенка
Ириса
Посередине с Сириусом.

* * *

Счетчики на стоянках,
Счетчики на стоянках,
А летчики
Женятся на китайках,
На китайках!

И никакого отношения
Одно к другому не имеет.
Но я уже принял решение,
И эти строчки окаменеют!

Ходили предки в оперетку
И власть поругивали власть,
А я подбросил вверх монетку,
И она позабыла упасть!

Стала, может быть, луною
И всплывает надо мною.

Не понять и не постичь,
Отчего порой прицепится
Несусветнейшая дичь,
Сумасшедшая нелепица!

И над вечным вопросом
Сокрушается бедный умишко:
Может быть, у алжирского дея под носом
Действительно шишка?

* * *

Каменоломня старая в цвету.
Зеленая вода в гранитной раме.
Две голые студентки на плоту
Стоят с огромными баграми.

Как этот камень раскален и дик!
Какие райские виденья!
И кажется, что только миг
Остался до грехопадения.

* * *

Веку убийства
Пришлись ко двору,
А я забился
В мою конуру.

В дверь не поверю!
Удар сапога
Вышибет двери –
И вся недолга.

Мой дом – моя крепость?
Что за нелепость!..

Мой дом – моя будка,
Мой дом – моя щель.
Вечером жутко
Ложиться в постель.

Какой я хозяин
Колу и двору?
Так вот припаян
Острожник к ядру.

Мой дом – берлога,
Мой дом – нора,
Где над порогом
Тень топора.

* * *

Где-то вверху, за холмы уходя,
Гром грохотал тяжело.
Шлепают крупные капли дождя
О ветровое стекло.

Может быть, так же, сквозь дождь, Одиссей
В море смотрел с корабля.
Кинулась сразу махиною всей
Мне под колеса земля.

Крупные капли дождя тяжелы,
Наискось бьют по стеклу.
Сосен стволы выплывают из мглы
И уплывают во мглу.

День, поскорее приди и рассей
Этот ненастный покров.
Может быть, так же кружил Одиссей
Возле чужих островов.

Верно, казалось, что рядом встают
Стены Итаки во тьме.
Моря ночного чудовищный спрут
Ерзал уже по корме.

С шумом и там подымались и тут
Щупальцы смерти самой.
Но хорошо, что хоть в песнях поют,
Что он вернулся домой.

Борис Заходер

Селезень

Улетает Селезень
В дальнюю сторонку –
За морями Селезень
Ищет Селезенку...

Что ж ты ищешь, Селезень,
В том краю далеком?
Селезенка, Селезень,
У тебя под боком!

1954

Гносеология

– Что мы знаем о лисе?
– НИЧЕГО!
(И то – не все!..)

Стихи

Стихи нам что-то говорят.
Но не всегда.
Не всем подряд.

Две любви

Люблю я
Женщину одну –
Люблю ее,
Как ветчину
И борщ по-флотски:
Плотски.

Но есть
Еще одна деваха,
И я люблю ее,
Как Баха
Или Бетховена:
Духовенно.

Краткое содержание

Шел – и встретил женщину.
Вот и все событие.
Подумаешь, событие!..
А не могу забыть ее.

Не могу забыть ее,
А она – забыла.
Вот и все событие...
Вот и все, что было...

1964

Омофон

Она мне нравится, –
Воскликнул я.
А нам не нравится, –
Сказала вся семья.

Совет современнику

Переливай
Из пустого в порожнее.
Только,
Пожалуйста,
Поосторожнее!

1965

* * *

Рассуждай о химерах
На конкретных примерах!

1986

Глеб Семёнов

* * *

Не пытайтесь, не уснете:
ночь исходит свистом –
на одной дрожащей ноте,
медленным и чистым.

Ах, с восторгами июня
никакого сладу! –
Будто девочки-шалуны
по ночному саду

всё ходили да шутили,
вздумали смеяться, –
по свистулке проглотили
и дышать боятся.

Ополчение

Памяти Миши Святловского

Добровольчество –
добрая воля к смерти.
М. Цветаева

Пришел навестить, а казарма
в торжественных сборах с утра.
И осень в окне лучезарна,
и – вроде прощаться пора.

Ну, выпьем давай на дорожку –
чтоб немцу скорее капут.
Тебе уже выдали ложку,
винтовку – сказали – дадут.

Построили, как на ученье,
на подвиг тебя повели...
На полчища шло ополчение,
очкарики, гении шли.

Шли доблестно, шли простодушно,
читали стихи на ходу...

Как выстоять ей, безоружной
душе, в сорок первом году?

И вот – на каком-нибудь фланге
серо от распластанных тел.
По небу полуночи ангел
летел, и летел, и летел.

А я, в три погибели скрючен
(не так же ли на смех врагу?),
готовлю бутылки с горючим
и правды принять не могу.

Баллада о силе духа

С цветочками зайдите, осчастливьте!
Приличное лицо состройте в лифте, –
а ну как не отплакалась вдова.
Но, выкормыши века показного,
чего же вы – ввалились и ни слова:
такая малость вроде бы – слова!

Гуськом через прихожую, как дети.
А в комнате, в хозяйском кабинете,
где вы бывали раз не меньше ста,
под тою же картинкой, на диване,
в своей всегдашней позе перед вами
сидит – примяв подушки – пустота.

Не отшатнетесь, нет, не хватит духа.
Вас выручит железная старуха –
поправит книгу, вытрет край стола,
турнет легонько киску, чтоб не лезла,
и, опустившись в горестное кресло,
– Ну как живете, – спросит, – как дела?

* * *

Уходит жизнь моя в песок.
Целую тихий твой висок.

Марк Соболев

Старинная песенка

А парадный-то подъезд – под колоннами,
а по-черному другой, в уголку...
И все выше лед ползет по наклонному,
заслонившему окно козырьку.

Лед ползет по козырьку по железному,
тени в клеточку на нем скрещены...
Отсекли меня сюда, словно лезвием,
от веселой необъятной страны.

Предоставлена мне тут келья скромная,
по-монашески простая еда.
А судьбу мою вершат люди с ромбами,
приведут ее незнамо куда.

Непонятно мне, кому не потрафила –
в тонкой папке ничегошеньки нет,
разве только три моих фотографии:
фас и профиль, комсомольский билет.

...Но когда-нибудь, увенчанный лысиной,
по тропиночке бродя с посошком,
я припомню письмецо, что написано
моим самым наилучшим дружкойм.

Как сидели с ним вдвоем у приятеля
поздним вечером того декабря;
на гитаре он играл обаятельно,
всеми пальцами за душу беря.

Как входил он в тот подъезд под колоннами,
а меня-то через дверь в уголку...
Ой ты лед, ползучий лед по наклонному,
заслонившему окно козырьку!

1975

Николай Тряпкин

* * *

К востоку, всё к востоку
Стремление земли.
В. А. Жуковский

Бабочка белая! Бабочка белая!
В травах горячих земля.
Там, за притихшей лесною капеллою,
Слышится всхлип журавля.

Речка бежит, загибая за просеку,
Желтый погнавши листок.
Бабочка белая с черненьким носиком!
Лето пошло на восток.

Чуешь, как мир убегает в ту сторону –
Горы, леса, облака?
Сосны гудят – и старинному ворону
Прошлые снятся века.

Сколько жилось ему смолоду, смолоду
В гулкой лесной глубине?!
Ты же погибнешь по первому холоду.
Много ль держаться и мне!

Думы наплыли, а сосны качаются,
Желтый кружится листок.
Речка бормочет. Глаза закрываются.
Время бежит на восток...

Пусть же послышится песня знакомая
Там, за Вечерней Звездой.
Может, и мы здесь июльскими дрёмами
Завтра проведем с тобой.

Годы промчатся, как соколы смелые,
Мир не устанет сиять...
Бабочка белая! Бабочка белая!
Кто бы родил нас опять!

1960

* * *

Комарики-мухи,
 Комары.
Убегали девки
 За дворы.
Ай да ночка-темень!
 Благодать.
Что у них там было...
 Не видать.
А парнишки – тоже,
 Ох, воры!
Комарики-мухи...
 Комары...
За кусты – к девчонкам:
 Ай-та-та!..
Только нам не видно
 Ни черта.
А хромушки старые –
 Вослед.
Да ведь ночь такая –
 Спасу нет.
Комарики-мухи...
 Эка жись!
Только зря в крапиве
 Пережглись...
Комарики-мухи,
 Комары.
Положком закрыли
 Все дворы...
Только видел тополь-
 Старина,
Да и тот не понял
 Ни хрена.

1966

Цены повышаются...

Цены повышаются, цены повышаются,
 Дорожает век.
Цены повышаются, женщины ругаются
 И скребут сусек.

Цены повышаются, облака снижаются,
 Дождик моросит.
Облака снижаются, люди укрываются
 В свой домашний скит.

Цены повышаются, двери запираются,
Гавкает Трезор.
Сумерки сгущаются, женщины пугаются,
Смотрят из-за штор.

Цены повышаются, цены повышаются...
Маятник стучит...
Кто-то появляется, кто-то приближается,
За углом стоит.

1981

Речитатив

– Тук, тук! Что в горбу?
– Денежки.
– Тук, тук! Кто наклал?
– Дедушка.
Из народных баек

Нет денег в горбу у меня,
Несподобленная в детстве была:
Дедушка был старенький,
Папочка был пьяненький,
Мамочка не зналася,
Где-то все терялася.
Про себя я только помню,
Что в соседях росла,
Что в соседях росла,
Деток нянчила,
Старшим завтрак подавала
Да на поле выбегала,
Да на поле выбегала,
Жучек скликивала,
Колосочки подбирала,
Птичек спугивала.

Нет денег в горбу у меня,
Незадачливая в жизни была:
Муженечек был – Степашечка,
Размалевана рубашечка,
Все-то рыскал по шалманчикам
Да по дружеским карманчикам.
А сама я не копила –
Простовата была,
На работе не хитрила –
Все-то скромничала.

Деток было пятеро,
Что имела – тратила:
Свекру – на бутылочку,
Мужу – на посылочку, –
Да по тем ли адресочкам
В ту ли сторону,
Где голубке не живется,
Только ворону,
Где Макар гулял –
Да телят растерял,
Да и сам-то пропал
За калиточкой.

.....

– Тук, тук! Что в горбу?
– Червячок сидит.
– Тук, тук! Где нашла?
– Не заметила.

1982

* * *

Ах, речка моя! Ах, лодка моя!
Ах, песня моя – пирога!
Раскрашу тебя, излажу тебя
У хатки моей – у порога.

У хатки моей – семьсот сторожей,
А струны – в сплошном переборе.
Ах, песня моя! Ах, лодка моя!
Ах, крылья – вселенские зори!

По челке волны черкают челны,
Червонится зыбь речная.
По строчке моей промчись веселей,
Пирога моя расписная!

Над строчкой моей горит Водолей,
Восходы плывут и закаты.
Ах, муза, вперед! Вон – тучка встает.
А тучка – перо Гайаваты.

1984

Иван Буркин

Русская зима

Стоял декабрь,
мороз спешно организовывал зиму,
и русские глаза,
привыкшие к любым видам,
гостеприимно принимали
новый пейзаж:
бескрайние поля,
заносимые тишиной и холодом.
Мой отец стоял посреди декабря,
и я видел, как в воздухе
замерзали его теплые слова.

Злоумышленник

Как-то раз я был свидетелем
странного зрелища.
У стихотворения Пушкина
сидел господин с рыжими бакенбардами
и, как гайки, отвинчивал рифмы.
Еще один злоумышленник,
подумал я.

На всякий случай

Ночь
заботливо собирает
оконный мед и
нектар фонарей.
В тишине,
натянутой, как струна,
я отхожу от окна,
подаю руку
своей тени и,
на всякий случай,
говорю
почти сонные слова:
– Давай простимся до...

Александр Володин

* * *

А что природа делает без нас?
Кому тогда блистает снежный наст?
Кого пугает оголтелый гром?
Кого кромешно угнетает туча?
Зачем воде качать пустой паром
и падать для чего звезде падучей?..
Ни для кого? На всякий случай?..
Вода бесплодно по березам льется,
глухой овраг слепой водой залит.
В надежде роща только обернется –
он тут как тут. Остолбенеv, стоит.
Ну, пусть сидит. Пьет водку и смеется.
Но роща тут же примет должный вид:
осмысленно замельтешились сосны,
и лопухи, как никогда, серьезные,
и, космоса превозмогая косность,
к нему звезда падучая летит.

* * *

З. Гердту

Правда почему-то потом торжествует.
Почему-то торжествует.
Почему-то потом.
Почему-то торжествует правда.
Правда, потом.
Но обязательно торжествует.
Людям она почему-то нужна.
Хотя бы потом.
Почему-то потом.
Но почему-то обязательно.

Из дневника

Выпил в семь утра,
потом допил.
Вредно для нутра,
зато – допинг.

Мне уже пора,
а вам рано.
Что же до нутра,
так там – рана.

Берегу ее,
пою водкой.
Вот житье мое.
Живу вот как.

* * *

Как бел был снег, как реки чисты,
как небо в этих реках сине.
Валютные специалисты
носили доллары в торгсины.
А по небу аэропланы
а по земле автомобили
а пионеры в барабаны
а диверсантов посадили
а ввысь строительные краны
а вглубь большие котлованы
а люди в среднем меньше пили
а мы чтоб сказку сделать былью
преодолеть пространство и простор
нам разум дал стальные руки-крылья
а вместо сердца пламенный мотор.

Элегия

Я пошел в учрежденье за нужной и важной бумагой,
в неподвижной толпе достоял и ура! получил!
А уж думал, что жизнь одолела меня. И однако!
Все еще потекает мне расположенье светил.

А потом за вторую бумагой стоял, что намного важнее,
и опять повезло. Устоял. И ура. И достал.
А без этих бумаг я ничто, я погибну, в дерьме я!
И однако! Я обе! Бумаги! В толпе! Потерял!

То куски моей жизни один за другим отлетают.
Как зачумленного, покидают бумаги – права
на прописку на этой земле. Отрываюсь от стаи.
Куда ручки мои, куда ножки мои, голова!..

* * *

Солнечным сиянием пронизан,
ветром революции несом,
над землей парил социализм
с получеловеческим лицом.

1979

* * *

Простите, простите, простите меня!
И я вас прощаю, и я вас прощаю.
Я зла не держу, это вам обещаю.
Но только вы тоже простите меня!

Забудьте, забудьте, забудьте меня!
И я вас забуду, и я вас забуду.
Я вам обещаю, вас помнить не буду,
но только вы тоже забудьте меня!

Как будто мы жители разных планет.
На вашей планете я не проживаю.
Я вас уважаю, я вас уважаю,
но я на другой проживаю. Привет!

* * *

Незрелой юности мучения
перестают иметь значение.

Весьма заметные удачи
и развлечения вечерние
уходят, так или иначе,
перестают иметь значение.

И неба светлое свечение,
и речек сильное течение
перестает иметь значение,
перестает иметь значение...

Николай Глазков

Примитив

Москва. Декабрь. Пятьдесят первый год.
Двадцатый, а не двадцать первый век.
Я друг своих удач, и враг невзгод,
И очень примитивный человек.

А за окном обыкновенный снег,
Его бы мог сравнить я с серебром.
Зачем? Я примитивный человек,
Который платит за добро добром.

Который понимает, что зимой
Снег популярен – потому воспет.
А я предпочитаю летний зной
И вешних яблонь белоснежный цвет.

Мне счастье улыбалось иногда,
Однако редко; чаще не везло,
Но я не обижался на года,
А возлюбил поэта ремесло.

Чтоб так же, как деревья и трава,
Стихи поэта были хороши,
Умело надо подбирать слова,
А не кичиться сложностью души.

Я по примеру всех простых людей
Предпочитаю счастье без борьбы!
Увижу реку – искупаюсь в ней,
Увижу лес – пойду собирать грибы.

Представится мне случай – буду пьян,
А не представится – останусь трезв,
И женщины находят тут изъян
И думают: а в чем тут интерес?

Но ежели об интересе речь,
Я примитивность выявлю опять:
С хорошей бабой интересно лечь,
А не игру в любовь переживать.

Я к сложным отношениям не привык,
Одна особа, кончившая вуз,

Сказала мне, что я простой мужик.
Да, это так, и этим я горжусь.

Мужик велик. Как богатырь былин,
Он идолищ поганых погромил,
И покорил Сибирь, и взял Берлин,
И написал роман «Война и мир»!

Прекрасно отразить двадцатый век
Сумел в своих стихах поэт Глазков.
А что он сделал, сложный человек?..
Бюро, бюро придумал... пропусков!

1951

Иван-да-Марья

Одет в рубашку синюю Иван,
А Марья в ярко-желтый сарафан.

Иван да Марья держатся на стебле,
Тая в себе идею вечной любви.

Брожу один по лесу целый день я
И радуюсь премудрости растенья!

1952

* * *

А вы бы могли бы
Постичь изречение:
Лишь дохлые рыбы
Плывут по течению!

1953

Про чертей

В чертей хоть верьте, хоть не верьте,
Но я скажу вам не шутя:
Мне начали являться черти
От многодневного питья.
Они являлись мне ночами
Из тьмы безграмотных веков

И с подоконника кричали:
– Глазков, Глазков, Глазков, Глазков!

Те черти вовсе обнаглели
И сразу после пьянваря
Расположились на постели,
Мне ничего не говоря.
Они в количестве немалом
Обрушивались на кровать,
Барахтались под одеялом
И, так сказать, мешали спать.

Нечистый этот шум, однако,
Меня нисколько не смущал:
Я пил живительную влагу,
Когда потребность ощущал.
Что черти мелкие поэтам?
Их не должны пугаться мы!..
Но как-то раз перед рассветом
Ко мне явился сам князь тьмы.

Он, серый, словно весь из дыма,
Стал дуть что было адских сил –
И я весомо, грубо, зримо
Смертельный холод ощутил...
С тех пор... Да сгинет сила злая!
Я самому себе не враг –
И водку не употребляю,
А лишь по праздникам коньяк.

1954

Дождь

Струился дождь неутомимый
По головам и крышам,
Когда я с женщиной любимой
Из дома вышел.

Дождь лился и стекал по стеклам,
Куда ему угодно;
Но женщина под ливнем мокла
Довольно неохотно.

И я сказал:
– Дождь! Не иди!
Ты видишь: я иду!

С любимой я, а не один,
Имей ее в виду!

Поэта дождь послушался
И капать перестал,
Лишь ручейки да лужицы
Омыли тротуар.

Тогда любимая, смеясь,
Спросила вдруг:
– Какая связь
Между дождем и словом? –
И я хотел ответить ей,
Что я, поэт, сильнее дождей...
Но дождь закапал снова.

1954

* * *

Пусть другой, беспутный и распутный,
В вечном волокитстве век влачит,
И ту женщину, что недоступней,
Больше уважает, любит, чтит.

Для него та женщина – царица,
Ей простится глупость, грубость, ложь.
Он на ней жениться согласится,
А потом не ставит ни во грош...

Я поэт, люблю вино и солнце
На всемирной ярмарке невест.
Женщина, что долго не дается,
Мне довольно скоро надоест.

Только та, готовая отдаться,
Будет мне близка и дорога...
Я поэт – и не люблю редакций,
Где со мной валяют дурака,

Потому что очень мне досадно
Тратить время на такой журнал,
Где тупой ответ литконсультанта
Заменяет светлый гонорар!

1955

* * *

Давно хотел сложить стихи про то,
Что не люблю я зимнего пальто.
Ношу его из-за проклятой стужи,
В пальто мне плохо, без него мне хуже!

1958

* * *

Таёт снег, лежащий на крыше,
Ибо так установлено свыше.

1958

* * *

Не знаю сам, к чему все клонится,
Но я тоскую в эти дни.
Приди ко мне, мою бессонницу,
Как ты сумеешь, разгони.

Приди ко мне, простая женщина,
Зачем зову, не знаю сам.
Мне счастье не было завещано,
И я тебе его не дам.

1959

* * *

Стихи лишь те войдут в века,
В которых крепость коньяка!

1961

* * *

Поглядеть велит сам бог нам
На сирень перед окном,
Потому что передохнем,
Если не передохнём!

1961

О литературных влияниях

И. Френкелю – автору песни
«Давай закурим!»

Илюша Френкель, фронтовой поэт,
Однажды мне сказал: – Давай закурим! –
И я курил все двадцать девять лет!
А мы тут о влияниях толкуем,
Напрасно называем имена!..

Есенин, Маяковский, Северянин
И Блок не оказали на меня
Столь долгого и вредного влиянья!

1963

* * *

Рассчитывая на успех,
Желая отразить эпоху,
Поэт сложил стихи для всех,
Жена прочла, сказала: – Плохо!

Тогда одной своей жене
Поэт сложил стихи другие.
И оказалось, всей стране
Потребны именно такие!

1968

Цветущие деревья

Вот она, Адамья, Евья
Радость радужных примет.
Красоту свою деревья
Понимают или нет?
Мне клялись веселым маем
Вишни, яблони в цвету:
Понимаем, понимаем,
Понимаем красоту!

1970-е

* * *

Всеми фибрами своих колес
Мчался в век прогресса паровоз,
Но, как ретроград и мракобес,
В век прогресса паровоз исчез!

1978

* * *

И неприятности любви
В лесу забавны и милы:
Ее кусали муравьи,
Меня кусали комары.

* * *

Все, которые на крыше
Жизнь свою пропировали,
К звездам все-таки не ближе,
Чем живущие в подвале.

* * *

На пир в ауле
Отцы нам дали
Напареули
И цинандали!

* * *

Давным-давно
Темным-темно;
Но все равно
Смотрю в окно.

* * *

Луна на дереве висела,
Ей было весело висеть.
Она, как рыба, там блестела,
И было дерево как сеть.

Михаил Львовский

* * *

На Тихорецкую состав отправится.
Вагончик тронется, перрон останется.
Стена кирпичная, часы вокзальные,
Платочки белые, платочки белые,
Платочки белые...
Платочки белые, глаза печальные.

Одна в окошечко гляжу, негрустная,
И только корочка в руке арбузная.
Ну что с девчонкою такую станется?
Вагончик тронется, вагончик тронется,
Вагончик тронется...
Вагончик тронется, перрон останется.

Начнет выпытывать купе курящее
Про мое прошлое и настоящее.
Навру с три короба – пусть удивляются.
С кем распрощалась я, с кем распрощалась я,
С кем распрощалась я...
С кем распрощалась я, вас не касается.

Откроет душу мне матрос в тельняшечке,
Как тяжело на свете жить бедняжечке.
Сойдет на станции и распрощается.
Вагончик тронется, вагончик тронется,
Вагончик тронется...
Вагончик тронется, а он останется.

На Тихорецкую состав отправится,
Вагончик тронется, перрон останется.
Стена кирпичная, часы вокзальные,
Платочки белые, платочки белые,
Платочки белые...
Платочки белые, глаза печальные.

1961

Александр Люкин

Лошадь

Если тихо везла –
Били ее,
Просто со зла –
Били ее,
За скрип колеса –
Били ее,
Не хватало овса –
Били ее,
Били ее и так,
Без причины,
Парни, бабы, мужчины.
А она все везла и везла.
Бедная кляча!
Уж такая была –
Не могла иначе.

Горе

В. Мамонтову

Орденом наградили.
Почет и слава.
Идем с фотографом.
Но, увидав нас,
Она,
Доярка
Мякинина Клава,
Спряталась.
В платок
Рябое лицо уткнула
И плачет, плачет
Навсхлип,
Навзрыд.
– Да что ты, Клава? –
И чуть продохнула:
– Не красивая, –
Говорит.

* * *

С прилавка упала картошина,
И я вспотел.
Ох, как я тогда был голоден,
Как есть хотел!

Желудок мой в муках корчился,
Он орал,
Он сохся. И я не выдержал,
Я украл.

Лет по пять тогда сидели
С такой виной.
Мы эту картошину ели
Вдвоем с женой.

Мишка

Штопает мать
Голубые штанишки
И напевает
Тихонечко Мишке:

– Вырастешь, Мишка,
Большой-пребольшой,
Сильный, красивый
И добрый душой.

Будешь строителем
Иль комбайнёром
И перестанешь
Сигать по заборам.

Цыпок не будет,
Сопельки утрешь.
Девки увидят:
«Ай парень хорош!»

И подойдет тут
Одна красавица!..

Мишка сидит без штанов,
Улыбается.

Борис Слуцкий

Голос друга

Памяти поэта Михаила Кульчицкого

Давайте после драки
Помашем кулаками:
Не только пиво-раки
Мы ели и лакали,
Нет, назначались сроки,
Готовились бои,
Готовились в пророки
Товарищи мои.

Сейчас все это странно,
Звучит все это глупо.
В пяти соседних странах
Зарыты наши трупы.
И мрамор лейтенантов –
Фанерный монумент –
Венчанье тех талантов,
Развязка тех легенд.

За наши судьбы (личные),
За нашу славу (общую),
За ту строку отличную,
Что мы искали ощупью,
За то, что не испортили
Ни песню мы, ни стих,
Давайте выпьем, мертвые,
За здоровье живых!

1952

Бухарест

Капитан уехал за женой
В тихий городок освобожденный,
В маленький, запущенный, ржаной,
В деревянный, а теперь сожженный.

На прощанье допоздна сидели,
Карточки глядели.
Пели. Рассказывали сны.

Раньше месяца на три недели
Капитан вернулся – без жены.

Пироги, что повара пекли –
Выбросить велит он поскорее,
И меняет мятые рубли
На хрустящие, как сахар, леи.

Белый снег валит над Бухарестом.
Проститутки мерзнут по подъездам.
Черноватых девушек спрашивая,
Ищет он, шатаясь день-деньской,
Русую или хотя бы крашеную,
Но глаза чтоб серые, с тоской.

Русая или, скорее, крашеная
Понимает: служба будет страшная.
Денег много и дают – вперед.
Вздрагивая, девушка берет.

На спине гостиничной кровати
Голый, словно банщик, купидон.

– Раздевайтесь. Глаз не закрывайте, –
Говорит понуро капитан.

– Так ложитесь. Руки – так сложите.
Голову на руки положите.

– Русский понимаешь? – Мало очень.
– Очень мало – вот как говорят.

Черные испуганные очи
Из-под черной челки не глядят.

– Мы сейчас обсудим все толково.
Если не поймете – не беда.
Ваше дело – не забыть два слова
Слово «нет» и слово «никогда».
Что я ни спрошу у вас, в ответ
Говорите: «никогда» и «нет».

Белый снег всю ночь валом валит,
Только на рассвете затихает.
Слышно, как газеты выкликают
Под окном горластый инвалид.

Слишком любопытный половой,
Приникая к щелке головой,

Снова,
Снова,
Снова

 слышит ворох
Всяких звуков, шарканье и шорох,
Возгласы, названия газет
И слова, не разберет которых –
Слово «никогда» и слово «нет».

Говорит Фома

Сегодня я ничему не верю:
Глазам – не верю.
Ушам – не верю.
Пощупаю – тогда, пожалуй, поверю,
Если на ощупь – всё без обмана.

Мне вспоминаются хмурые немцы,
Печальные пленные 45-го года,
Стоявшие – руки по швам – на допросе.
Я спрашиваю – они отвечают.

– Вы верите Гитлеру? – Нет, не верю.
– Вы верите Герингу? – Нет, не верю.
– Вы верите Геббельсу? – О, пропаганда!
– А мне вы верите? – Минута молчанья.
– Господин комиссар, я вам не верю.
Всё пропаганда. Весь мир – пропаганда.

Если бы я превратился в ребенка,
Снова учился в начальной школе,
И мне бы сказали такое:
Волга впадает в Каспийское море!
Я бы, конечно, поверил. Но прежде
Нашел бы эту самую Волгу,
Спустился бы вниз по течению к морю,
Умылся его водой мутноватой
И только тогда бы, пожалуй, поверил.

Лошади едят овес и сено!
Ложь! Зимой 33-го года
Я жил на тощей, как жердь, Украине.
Лошади ели сначала солому,
Потом – худые соломенные крыши,
Потом их гнали в Харьков на свалку.
Я лично видел своими глазами
Суровых, серьезных, почти что важных
Гнедых, караковых и буланых,

Что он заменится другим,
Где многое исправлено.
Табачный дым над залом плыл,
Клубился дым махорочный.
Матрос у стойки водку пил,
Занюхивая корочкой.
И баба сразу два соска
Двум близнецам тянула.
Не убирая рук с мешка,
Старик дремал понуро.
И семечки на сапоги
Лениво парни лускали,
И был исполнен старый гимн,
А пассажиры слушали.
Да только что в глазах прочтешь?
Глаза-то были сонными,
И разговор все был про то ж,
Беседы шли сезонные:
Про то, что март хороший был
И что апрель студёный,
Табачный дым над залом плыл –
Обыденный, будённый.
Матрос еще стаканчик взял –
Ничуть не поперхнулся.
А тот старик, что хмуро спал, –
От гимна не проснулся.
А баба, спрятав два соска
И не сходя со стула,
Двоих младенцев в два платка
Толково завернула.
А мат, который прозвучал,
Неясно что обозначал.

* * *

Всем лозунгам я верил до конца
И молчаливо следовал за ними,
Как шли в огонь во Сына, во Отца,
Во голубя Святого Духа имя.

И если в прах рассыпалась скала,
И бездна разверзается, немая,
И ежели ошибочка была –
Вину и на себя я принимаю.

* * *

Завяжи меня узелком на платке.
Подержи меня в крепкой руке.
Положи меня в темь, в тишину и в тень,
На худой конец и про черный день.
Я – ржавый гвоздь, что идет на гроба.
Я сгожусь судьбине, а не судьбе.
Покуда обильны твои хлеба,
Зачем я тебе?

* * *

Созреваю или старею –
Прозреваю в себе еврея.
Я-то думал, что я пробился.
Я-то думал, что я прорвался.
Не пробился я, а разбился,
Не прорвался я, а сорвался.
Я, шагнувший ногою одною
То ли в подданство,
То ли в гражданство,
Возвращаюсь в безродье родное,
Возвращаюсь из точки в пространство.

* * *

Владиславу Броневскому
в последний день его рождения
были подарены эти стихи

Покуда над стихами плачут,
пока в газетах их порочат,
пока их в дальний ящик прячут,
покуда в лагеря их прочат, –

до той поры не оскудело,
не отзвенело наше дело.
Оно, как Польша, не згинело,
хоть выдержало три раздела.

Для тех, кто до сравнений лаком,
я точности не знаю большей,
чем русский стих сравнить с поляком,
поэзию родную – с Польшей.

Еще вчера она бежала,
заламывая руки в страхе,
еще вчера она лежала
почти что на десятой плахе.

И вот она романы крутит
и наглым хохотом хохочет.
А то, что было,
то, что будет, –
про это знать она не хочет.

Ремонт пути

Электричка стала. Сколько
будет длиться эта стойка?
Сколько поезд простоит?
Что еще нам предстоит?

Я устал душой и телом.
Есть хочу и спать хочу.
Но с азартом оголтелым
взоры вокруг себя мечу.

Любопытство меня гложет:
сколько поезд простоит?
Сколько это длиться может?
Что еще нам предстоит?

Все вокруг застыли словно:
есть хотят и спать хотят,
но замшелые, как бревна,
связываться не хотят.

Очи долу опускает,
упадает голова,
та, в которой возникают
эти самые слова.

Случай

Этот случай спланирован в крупных штабах
и продуман – в последствиях и масштабах,
и поэтому дело твое – табак.
Уходи, пока цел.

Этот случай случится, что б ни случилось,
и поэтому не полагайся на милость

добродушной доселе судьбы. Уходи.
Я сказал тебе, что тебя ждет впереди.

Уходи, пока цел.
Забирай все манатки.
Измени свою цель.
Постригайся в монахи.
Сгинь, рассейся, беги, пропади!
Уходи!

Исключений из правила этого нету.
Закатись, как в невидную щелку – монета,
зарасти, как тропа, затеряйся в толпе,
вот и все, что советовать можно тебе.

Проверка

Щенок гоняется за воробьем,
но воробей ему не поддается,
и вместе с птицей над щенком смеется
вся сложность мира,
весь его объем.

Мироустройство знает, что щенок
охрипнет, взмокнет и собьется с ног,
устанет, выдохнется и умается,
но воробей проклятый не поймается.

Под солнцем южным, на большом ветру
щенка гоняют, воробья гоняют,
проигрывают
в энный раз
игру,
до энной доли
что-то уточняют.

Заповедь самому себе

Важно не примкнуть к победителям,
не приветствовать их парад.

Это чем почтенье к родителям
предпочтительнее стократ,
и чем верность в браке полезней,
и чем стойкость во время болезней,
и приятней, чем скромность сама.
Это поумнее ума.

Эта штука сильнее «Фауста»:
не понравится. Позабавится
не любовью, а злобой к себе.
Эта штука равна судьбе.

* * *

Запах лжи, почти неуследимый,
сладкой и святой, необходимой,
может быть, спасительной, но лжи,
может быть, пользительной, но лжи,
может быть, и нужной, неизбежной,
может быть, хранящей рубежи
и способствующей росту ржи,
все едино – тошный и кромешный
запах лжи.

* * *

Когда ухудшились мои дела
и прямо вниз дорожка повела,
я перечел изящную словесность –
всю лирику, снискавшую известность,
и лирика мне, нет, не помогла.

Я выслушал однообразный вой
и стон томительный всей мировой
поэзии. От этих тристий, жалоб
повеситься, пожалуй, не мешало б
и с крыши броситься вниз головой.

Как редко радость слышались и смех!
Оказывается, что у них у всех,
куда ни глянь, оковы и вериги,
бичи и тернии. Захлопнув книги,
я должен был искать других утех.

1977

Алексей Фатьянов

За Рогожской заставой

Тишина за Рогожской заставою,
Спят деревья у сонной реки.
Лишь составы идут за составами
Да кого-то скликают гудки.

Почему я все ночи здесь полностью
У твоих пропадаю дверей,
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей.

Тот, кто любит, – в пути не заблудится.
Так и я никуда не пойду –
Все равно переулки и улицы
К дому милой меня приведут.

Подскажи, расскажи, утро раннее,
Где с подругой мы счастье найдем?
Может быть, вот на этой окраине
Или в доме, в котором живем?

Не страшны нам ничуть расстояния.
Но куда ни привел бы нас путь,
Ты про первое наше свидание
И про первый рассвет не забудь.

Как люблю твои светлые волосы,
Как люблюсь улыбкой твоей,
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей!

1957

Юрий Белаш

Пехота

Пехоту обучали воевать.
Пехоту обучали убивать.

Огнем. Из трехлинейки. На бегу.
Все пять патронов – по знакомой цели:
По лютому заклятому врагу
В серо-зеленой, под ремень, шинели.

Гранатую. Немного задержав
К броску уже готовую гранату, –
Чтоб, близко у ноги врага упав,
Сработал медно-желтый детонатор.

Штыком. Одним движением руки.
Не глубоко: на полштыка, не дале,
А то бывали случаи – штыки
В костях, как в древесине, застревали.

Прикладом. Размахнувшись от плеча.
Затыльником – в лицо или ключицу.
И бей наверняка, не горячась:
Промажешь – за тебя не поручиться.

Саперною лопаткою. Под каску.
Не в каску, а пониже – по виску,
Чтоб кожаная лопнула завязка
и каска покатила по песку.

Армейскими ботинками. В колено.
А скрючится от боли – по лицу, –
В крови чтобы, горячей и соленой,
Навеки захлебнуться подлецу.

И наконец – лишь голыми руками.
Подсечкою на землю положи
И, скрежеща от ярости зубами,
Вот этими руками – задуши!

С врагом необходимо воевать.
Врага необходимо убивать.

Он

Он на спине лежал, раскинув руки,
в примятой ржи, у самого села, –
и струйка крови, черная как уголь,
сквозь губы приоткрытые текла.

И солнце, словно рана пулевая,
облило свежей кровью облака...

Как первую любовь,
не забываю
и первого
убитого
врага.

Фронтвой этюд

Мы хотели его отнести в медсанвзвод.
Но сержант постоял, поскрипел сапогами:
– Все равно он, ребята, дорогой помрет.
Вы не мучьте его и не мучайтесь сами... –
И ушел на капэ – узнавать про обед.

Умиравший хрипел. И белки его глаз
были налиты мутной, густеющей кровью.
Он не видел уже ни сержанта, ни нас.
Смерть склонилась сестрой у его изголовья.
Мы сидели – и молча курили махорку.

А потом мы расширили старый окоп,
разбросали по дну его хвороста связку,
и зарыли бойца глубоко-глубоко
и на холм положили пробитую каску.
Возвратился сержант – с котелками и хлебом.

* * *

Солнце с неба мутного стекло.
Снег скрипит, как битое стекло.
Падают в окоп снежинки легкие,
и мороз покалывает легкие...

Но внезапно – снег разрыв,
ухнет пушечный разрыв!
И опять в железном этом мире
не напомнит ничего о мире.

Лейтенант

Мы – драпали. А сзади лейтенант
бежал и плакал от бессилия и гнева.
И оловянным пугачом наган
семь раз отхлопал в сумрачное небо.

А после, как сгустилась темнота
и взвод оплошность смелостью исправил,
спросили мы: – Товарищ лейтенант,
а почему по нас вы не стреляли?..

Он помолчал, ссутулившись устало.
И, словно память трудную листая,
ответил нам совсем не по уставу:
– Простите, но в своих я не стреляю...

Его убили пару дней спустя.

Перекур

Рукопашная схватка внезапно утихла:
запалились и мы, запалились и немцы, –
и стоим, очумелые, друг против друга,
еле-еле держась на ногах...

И тогда кто-то хрипло сказал: «Перекур!»
Немцы поняли и закивали : «Я-а, паузе...»
И уселись – и мы, и они – на траве,
метрах, что ли, в пяти друг от друга,
положили винтовки у ног
и полезли в карманы за куревом...

Да, чего не придумает только война!
Расскажи – не поверят. А было ж!..
И когда докурили – молчком, не спеша,
не спуская друг с друга настороженных глаз,
для кого-то последние в жизни –
мы сигарки, они сигареты свои, –
тот же голос, прокашлявшись, выдавил:
«Перекур окончен!»

У Лизки Тимофеевой

четыре мальчишки:
Серега, Ванька, Рудольф и Герман.
Родились они от разных солдат,
ночевавших в Лизкиной избе во время войны.

Старшие колотят младших: – Фашисты проклятые! –
Лизка колотит старших: – Не обижайте братиков! –
Но когда соседские пацаны начинают дразниться:
– Ваша мать потаскуха! –
и старшие и младшие Тимофеевы, сжав кулачки,
одним строем идут на обидчиков:
– Наша мамка хорошая!

Лиза утирает подолом разбитые носы – и плачет:
– Ну чем я виноватая!..

* * * #

Ночью в атаке «ура» не кричат.
А почему – не понятно.

* * * #

Они штыки вогнали в грудь друг
другу с ходу.

* * * #

По улице – пулеметный огонь.
Прижались к стене.
А на ней –
контур детской руки
с обведенными пальцами.

* * * #

Поля –
как солдатские головы,
подстриженные под машинку.

Михаил Панов

Чулибряга

(к вопросу о правде)

Это было в Чумандрине, в восемнадцатой стране.

Люлька Бац

вбегает, запыхавшись;

ее скорый пробормот (вмято, мимоходом):

– Шукор-юкор

филь ды-ды.

(Так... К слову.)

Но рыжевласая

Акварель Куда –

встрепенулась.

Побледнела.

Руки у нее дрожат...

Срывающимся голосом:

– Тулифаки курди-бас!

Хнимпли убержоты!

И по лестнице

спешит,

тарахтит!

Дует улицей!

Бе-гом!

Ах, бегом-босиком!

Прибежала – поезд рывкнул и отходит.

Все-таки успела. Видит –

у окна в вагоне

весела, толста,

о-о!

кругла –

Комбинация Пoblёкши.

И Акварель

успела крикнуть ей

в плывущее окно:

– Фивритония цуряф!

Та в ответ, улыбаясь, как фалега:

– Вурга-га!

Пильхипепа!

Схватила Акварель за сердце.

Радостно бьется. Уф! С плеч!

Напрасно боялась!

Домой!

Люльке Бац она, смеясь:

– Пильхепа! Вурга-га!

Люлька промолчала,
но с сомнением подняла густую бровь.

Тут

к ним

в гости

шасть, икая,

крепкорожий,
наглый Грыжа Интервью.

Он кутила,
он верзила,
он – с вокзала,
поддипала

Комбинации Пoblёкши...

Комбинацию Пoblёкши
кучеряво провожал.

(Грыжа? Он везде.

Бегаёт Грыжа вокруг, там, здесь,
фиксирует действительность,
выматывает ей жилы.)

Грыжа знает всё.

И, оказывается, всё не так.

Пoblёкши крикнула в окно:

– Хильпипеха! Га-га-вурга!

Вот как.

По-настоящему-го.

А у бедной Акварели,

значит,

с бегу –

одышка и ослышка.

Заплакала Акварель.

Ладонью слёзы утирает.

Льются, льются сквозь пальцы...

А помочь? Нечем!

Нечем!

Улифюк!

* * *

Все хорошо в природе,

Но красота природы –

вода*.

* С. Т. Аксаков. Собр. соч. в 3 томах. Том 3, стр. 286.

* * *

Ива у вод.
Ива у быстрых вод.
Упруго рвется
в ветре.
Круги ветвей.
Ветвями –
круги воды.
Всюду щуки света,
щуки тени.
Скользят в ветвях.
Вдруг
настают,
вдруг
ныряют.
Волны ивы – дрожат, стригут реку.
Листья реки – крутят, волнуют иву.
По камням – торопко...
Ива, ива.
Щуки тени,
щуки света.
Пастью, остью, хребтом.
В льющейся,
быстрой иве.
В лиственной,
быстрой реке.
Сёстры:
ива хочет стать рекой,
река – ивой.

В честь А. Е. Крученых

Ль?
Фус.
Дыш?
Фпак.
Шузипатра вакха.
Чш?
Хт.
Ульс?
Фльдик.
Упферлиди кумба
Ц.
Ц.
Ц.
Ц.
Гвр – дзр.

Макушка

Я тихохонько с балкона,
я скорёхонько по стенке.
и пинпиндикулярно к ней,
и по карнизу лазьмя лаживала,
крепкою ногой: топ!
Прыг – на крышу,
тихо сиживала.
Носом – влево, носом – вправо,
носиком своим.
Нюхивала, где обед.
С крыши – порх, кругами лётывала
к аппетитному окошечку,
где всего вкусней.
Глазом быстро все задвижки отмыкала,
в кухню – прыг!
Вкусное едала, крепкое пивала,
но не всё: скромно –
хозяям оставляла,
но, правда, немного.
А потом – фрр! – из окошка скакивала,
и хватъ – за пролетный самолет.
Ох, туда-сюда он круто вёртывал,
чтоб меня, девчонку, сбить.
Сбросить. Прекратить.
А я – за колесо,
а я – на крыло,
а я – в кабину,
самолетчикам рожи корчивала,
хи-хи-хи им смеивала.
А они меня конфетами
смеючись
вкусно кармливали.
А я им фигу казывала
и – порх, фр, бум –
на облако перелётывала,
ух, взбивала его,
ух, мягчила
и на нем домой, –
к собственному Гришеньке.

* * *

И простой дождь
иногда
бывает серебристо прекрасен.*

* Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч. Том 2, стр. 195.

* * *

Я – винтик?
Ввинчиваюсь
 в тысячезвездное небо;
и небо, черное,
сверкая
 вихрями,
вращается
вокруг меня.

Атака

С портфелем толстый тюлень,
некрепко сжимая пухлый кулак,
говорит: Надо помнить, как было.
Из песни слова не выкинешь.
Мы непременно
 в атаку шли
с громким возгласом: «За него!
За победу!»
Об этом незачем теперь забывать.

Да, надо вспомнить.

Ждем! Был спирт! Много.
Все дымится в глазах. Желто дымится.
Вправо щель,
влево щель.
Может быть, до конца земли.
Застонало, замирая, слева...
снова застонало...
Из земли
 стали выбегать –
люди – скорчившись – вперед; падают,
бегут!
Стон: будто в воздухе
щель, щель. Тонкая. Сквозь всё.

Огромное поле, под снегом, в буграх:
вдалеке, в том конце, из гула-огня
построена смерть.

– «А ну, ребятки, – сказал старшина, –
слева, глядите, уже пошли!
И мы, давай, ребятки, давай!»
Выскочить
 на скользкий глинистый край

(все дымится в глазах) –
видеть: падают, бегут...
Бежать! Стреляя! Тянуть:
а-а-а-а-а!

Не наполнить неба!
Не наполнить (нет!)
бескрайней земли –
криком!
Но тянуть, захлебываясь, тянуть:
а-а-а-а-а!
Бежать!
Сквозь падающих!
Через лежащих!

Слева –
бежит, бежит,
упал – покатился...
Справа –
рукой за глаза,
кровь
сквозь пальцы. Бежит – пал...

Все
желтое!
Снег желт!
Небо желто!
Все бежит, со мной, на меня –
желто!
Бежит!
Крик: а-а!

Ворваться!
Работать!

.....

А в полковых швальнях, редакциях, прачечных,
в трибуналах, в обозной финчасти
(мне говорили)
и правда – частенько провозглашали, подняв:
– За него!
Пили из стаканов. Выпьют – закусят. И снова кричат:
– За него!
И снова кричат: – За него! За него! За него!
Из песни слова не выкинешь. Было.
Мне говорили.

1958

* * *

Н. М. Кучичиа
кудлатая, сопатая,
фырча
 закапывает яйца
в сухой песок.
(А яйца – крапинкой.)
Хвостом усердно засыпает.
Не пронеслось и двух недель –
и вылупились, побрели,
задумчиво качая утиными носами,
бледные и нежные
докладчики
 с бумажками в руках. Кучичиата.
Нельзя их, маленьких,
ни шмякнуть о землю,
ни повалить в песке,
ни отобрать у них бумажку с буквами.
Нежные. Не вынесут. Подохнут.

Спеш!

Вчера *сегодня*
 было *завтра*.
Завтра *сегодня*
 будет *вчера*.
И только *сегодня*
сегодня –
 сегодня.
Вскочи на него! Пришпорь!
В путь!

Зов

Быстро меркнет небо.
В котловину
 падают
 тени
тесно одна к другой.
По дороге –
 треск военных повозок.
Гонят коней
без криков,
молча:
 приказ – отступить.

На склонах гор
уже стучат
немецкие автоматы.
Вдруг – затор.
Лошади сбились, в пене, храпят,
постромки запутались, рвутся...
Застрелить коней,
колёса, обломки – в канаву!
Снова поток быстрых повозок:
приказ –
отступать.
На склонах гор стучат, стучат автоматы:
пустынно-зловеще,
в огромном
вечернем небе.
Треск быстрых повозок...
Из канавы, сбоку –
издали слышно –
голос:
– Не оставьте, братцы...
В живот
ранен.
Лежит,
смотрит в небо:
– Не оставьте, братцы...
Несется треск повозок, настороженные лица,
взгляды уперты в одно:
в следующий,
может быть, –
смертный шаг.
– Не оставьте, братцы...
Стремительно падает тьма.
По единственному спасенью, по разбитой дороге
летят военные быстрые таратайки.
Тягачи
увозят пушки.
Идут в одиночку солдаты,
покрытые пылью, как мертвецы.
– Не оставьте,
братцы...
...Тридцать лет
голос
зовет:
– Не оставьте,
братцы...
Под этот зов
пролетает, уходит
жизнь.

1973

Оборвано

Чтобы ветвиться гибче и красивше,
Я скло вонзил между собой и миром.
Прозрачностью себя огородивши,
Я стеклотару возгласил кумиром.

Сравнимый с фешенебельным сортиром,
С гаремной почивальней у калифши,
И с навалившимся метро-ампиром –
Мой мир стеснен. У Бенедикта Ливши...

Ца? Цы? (Це-це?) Нет, муха. Я забыл,
Я все забыл. Стекло... прильнул... Вперивши
Голодный взор во все, что вне сортира,

Смотрю-смотрю. И ангел-шестикрыл?..
Да, шестикрылый... Горестно и сиро
Совет: взлети! А как? И вострубивши –

Лягушками, бусами

В поселке Ак-Тепе
под Ашхабадом
с неба падали лягушки! Их ливня лило!
Смерч высосал пруд, завертел –
и рассыпал лапчатым дождиком*.
А то было: пронесся дождь (где-то, не помню)
зубными щетками.
Стояла аптека...
Смерч.
Ясно?
А в королевстве Бум-бу-бряс
дождь шел (и долго)
жареными пирожками.
Бывают дожди
селедками.
Бывают дожди
монетами.
Бывают дожди
бусами.**
А я вчера... на меня
шел дождь
чистыми ясными каплями.
И вообще мне часто везет.

* «Неделя» № 27, 1974.

** Из разных журналов. Скушно их перечислять.

Давид Самойлов

Из детства

Я – маленький, горло в ангине.
За окнами падает снег.
И папа поет мне: «Как ныне
Собирается вещий Олег...»

Я слушаю песню и плачу,
Рыданье в подушке душу,
И слезы постыдные прячу,
И дальше, и дальше прошу.

Осеннею мухой квартира
Дремотно жужжит за стеной.
И плачу над брэнностью мира
Я, маленький, глупый, больной.

1956

* * *

А. А.

Я вышел ночью на Ордынку.
Играла скрипка под сурдинку.
Откуда скрипка в этот час –
Далёко за полночь, далёко
От запада и от востока –
Откуда музыка у нас?

1960

Сороковые

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.

И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

1961

* * *

Музыка, закрученная туго
в иссиня-черные пластинки, –
так закручивают черные косы
в пучок мексиканки и кубинки, –
музыка, закрученная туго,
отливающая крылом вороньим, –
тупо-тупо подыгрывает туба
расхлябанным пунктирам контрабаса.
Это значит – можно все, что можно,
это значит – очень осторожно
расплетается жесткий и черный
конский волос, канифолью тертый.
Это значит – в визге канифоли
приближающаяся поневоле,
обнимаемая против воли,
понукаемая еле-еле

в папиросном дыме, в алкоголе
желтом, выпученном и прозрачном,
движется она, припав к плечу чужому,
отчужденно и ненапряженно,
осчастливленная высшим даром
и уже печальная навеки...
Музыка, закрученная туго,
отделяющая друг от друга.

1962

Названья зим

У зим бывают имена.
Одна из них звалась Наталья.
И было в ней мерцанье, тайна,
И холод, и голубизна.

Еленю звалась зима,
И Марфою, и Катериной.
И я порою зимней, длинной
Влюблялся и сходил с ума.

И были дни, и падал снег,
Как теплый пух зимы туманной...
А эту зиму звали Анной,
Она была прекрасней всех.

1965

* * *

И всех, кого любил,
Я разлюбить уже не в силах!
А легкая любовь
Вдруг тяжелеет
И опускается на дно.

И там, на дне души, загустевает,
Как в погребке зарытое вино.

Не смей, не смей из глуби доставать
Все то, что там скопилось и окрепло!
Пускай хранится глухо, немо, слепо,
Пускай! А если вырвется из склепа,
Я предпочел бы не существовать,
Не быть...

Выезд

Помню – папа еще молодой,
Помню выезд, какие-то сборы.
И извозчик – лихой, завитой.
Конь, пролетка, и кнут, и рессоры.

А в Москве – допотопный трамвай,
Где прицепом старинная конка.
А над Екатерининским – грай.
Все впечаталось в память ребенка.

Помню – мама еще молода,
Улыбается нашим соседям.
И куда-то мы едем. Куда?
Ах, куда-то, зачем-то мы едем...

А Москва высока и светла.
Суматоха Охотного ряда.
А потом – купола, купола.
И мы едем, всё едем куда-то.

Звонко цокает кованый конь
О бульжник в каком-то проезде.
Куполов угасает огонь,
Зажигаются свечи созвездий,

Папа молод. И мать молода,
Конь горяч, и пролетка крылата.
И мы едем незнамо куда, –
Всё мы едем и едем куда-то.

1966

* * *

Л. Ч.

Полночь под Иван-Купала.
Фронта дальние костры.
Очень рано рассветало.
В хате жили две сестры.

Младшая была красotka,
С ней бы было веселей,
Старшая глядела кротко,
Оттого была милей.

Диким клевером и мятой
Пахнул сонный сеновал.
На траве, еще не мятой,
Я ее поцеловал.

И потом глядел счастливый,
Как светлели небеса,
Рядом с этой некрасивой, –
Только губы и глаза...

Только слово: «До свиданья!» –
С легкой грустью произнес.
И короткое рыданье
С легкой грустью перенес.

И пошел, куда не зная,
С автоматом у плеча,
«Белоруссия родная!..» –
Громким голосом крича.

1973

* * * #

И жалко всех и вся. И жалко
Закушенного полушалка,
Когда одна, вдоль дюн, бегом –
Душа – несчастная гречанка...
А перед ней взлетает чайка.
И больше никого кругом.

1977

* * *

Рученьки мои устали,
Ноженьки мои устали,
Голова моя устала,
Сердце ноет от печали.

Песенка моя забылась,
Лесенка моя сломалась,
Душенька моя замерзла,
Сам не знаю, что осталось.

1986

Игорь Холин

* * *

Кто-то выбросил рогожу,
Кто-то выплеснул помои,
На заборе чья-то рожа,
Надпись мелом: «Это Зоя».

Двое спорят у сарая,
А один уж лезет в драку...
Выходной. Начало мая.
Скучно жителям барака.

* * *

«Мороз сегодня крепкий», –
Поеживаясь зябко,
Один, который в кепке,
Сказал другому, в шапке.
А тот в ответ на это:
«А ты что ж думал, лето?»

* * *

Дамба. Клумба. Облезлая липа.
Дом барачного типа.
Коридор. Восемнадцать квартир.
На стенке лозунг: МИРУ – МИР!
Во дворе Иванов
морит клопов, –
он – бухгалтер Гознака.
У Макаровых пьянка.
У Барановых драка.

* * *

Я в милиции конной служу,
За порядком в столице слежу,
И приятно на площади мне
Красоваться на сытом коне.

* * *

На кухне две соседки
Вели заядлый спор.
Одна кричала едко:
«Твой муж Андрюшка – вор!»

Другая тотчас метко
На это ей в ответ:
«А у тебя, соседка,
И вовсе мужа нет!»

* * *

Мы все отчасти проститутки.
Вот я, ведь дома не был сутки...
А где я был? У Нюрки спал.
А что жене своей сказал?
Сказал, чтоб не было скандала:
«Дела, начальство задержало».

* * *

Лицо – икона. Сутул.
Упрям, как мул.
Ум – бритва.
Разговор с ним – битва.

* * *

Умерла в бараке 47 лет.
Детей нет.
Работала в мужском туалете.
Для чего жила на свете?

* * *

Л. Кропивницкому

Пили. Ели. Курили.
Пели. Плясали. Орали.
Сорокин лез целоваться к Оле.
Сахаров уснул на стуле.
Сидорова облевали.

* * *

Ю. Васильеву

Рыба. Икра. Вина.
За витриной продавщица Инна.
Вечером иная картина:
Комната,
Стол,
Диван.
Муж пьян.
Мычит:
– Мы, бля-я...
Хрюкает,
Как свинья.
Храпит.
Инна не спит.
Утром снова витрина:
Рыба. Икра. Вина.

* * *

Пейзаж прост:
Улица,
Мост,
Дом.
В нем уют,
Добытый с большим трудом
Горбом.
Муж лег на диван,
Уснул,
Газета выпала из рук...
Читал про Ливан
И Ирак.
Рядом жена,
Живот растет.
Думает:
Вдруг война –
Заберут,
Убьют.
Обняла его,
Зарыдала...
Он
Бормотал сквозь сон
Что-то об экономии металла.

* * *

За окном видна луна,
Я скучаю, я одна,
30 лет мне,
Я девица,
Право, лучше удавиться.

* * *

Познакомились у Таганского метро,
Ночевал у нее дома.
Он бухгалтер похоронного бюро,
Она медсестра родильного дома.

* * *

Умер
Всемирно известный поэт
В этот день
Зарезали свинью
Для поминок
Об усопшем
Говорили
Великий человек
О свинье
Отзывались
Жесткое мясо

* * *

На днях у Сокола
Дочь
Мать уюкала
Причина скандала
Деж вещь
Теперь это стало
В порядке вещей

* * *

Иванов круши
Иванов пляши
Иванов стой
Иванов строй

* * *

Камера
Инженера Крамера
В ней
Идет обработка людей
В смысле
Единства идей
Тук
Тук
Тук
Работает ультразвук
У Нилина
Лишняя извилина
Жилину
Добавить извилину

1959

* * *

Пилот
Готовился
В космический полет
Проходил обучение
В камере
Спецназначения
Внимание
Погружаюсь
В поток электронов
Ощущаю
Недостаток ионов
Вхожу в область
Неизведанных сфер
Давление
Миллион атмосфер
Температура пока
ТЧК
ТЧК
ТЧК
Стоп
Вынули труп
Лицо – губка
Вместо уха
Телефонная трубка

* * *

Я не люблю
Фальши
Я не люблю
Нечистоплотных людей
Я не люблю
Лицемеров
Я не люблю
Хамства
Я не люблю
Предательства
Родные
И близкие
Считают меня
Шизофреником

* * *

По Африке гуляет
Морозный ветер
В России жара 90 гр.
В Америке
Женщина
Родила
Подводную лодку
Мне все равно

1965

* * *

Женщины
Вы покупаете детям
Игрушки
Купите поэта
Это
Обойдется
Намного дешевле
2 р 60 коп в сутки
Поэт
Нужная вещь

* * *

Привет товарищ Рыбников
Я к вам товарищ Рыбников
А вы товарищ Рыбников
Ко мне товарищ Рыбников

* * *

Химический цех
Слышится
Смех
Сима
Доносится
Голос из дыма
Вадим
Отзывается дым
Открывается
Кран
Наполняется
Чан
Разливается
Смесь
Выполняется
План

* * *

Я к женщине в лесу
Приник
Звенела
Даль
Журчал
Родник
Синели облака скользя
Она сказала мне
Нельзя
Она лежала
И молчала
Живот рукою прикрывала
И я лежал
Морча
Урчал
Потом уснул
Не хватило напора
Может
Разморило лето

А может
Это
Ну это
Мара Квиора

* * *

Магазин
Грампластинок
Выбор
Новинок
Песенка
Любовь Гения
В механическом
Исполнении
Состав
Хора
33 авиадвигателя
Соло фрезы
Взыыыыыы

* * *

Если на войне
Тишина
Мы
Расправляемся
Со вшами
Как расправляются
С нами
Если обстрел
Вроде кур
В курятнике
Втягиваем головы
В ватники

* * *

Командир батареи
Безусый парнишка
Рассматривал в бинокль
Поле
Утыканное
Ромашками
И васильками
Затем

Вдохнув
Полной грудью
Окопную вонь
Крикнул
Огонь
И все полетело
Вверх тормашками

* * *

Ни звезды
Ни креста
Ни черта
Волосы
Вместо травы
Торчат
Из земли
На братской могиле

* * *

Вы не знаете Холина
И не советую знать
Это такая сука
Это такая блядь
Голова
Пустой котелок
Стихи
Рвотный порошок
Вместо ног
Ходули
В задницу ему
Воткнули
Сам не кует
Не косит
Есть за троих просит
Как только
Наша земля
Этого гада носит

* * *

У Холина рога
На поясице
Вы что
Хотите в этом убедитьсяся

Внимание
Снимаю брюки
Прочь
Руки
Суки

* * *

Где это запропастился
Холин
Холин
Болен
Он живет по спирали
Вы
Едва ли
Да
Мы живем
Под прямым углом

* * *

Не кажется ли вам
Холин
Что вы мудак
Не кажется
Но возможно
Что это так

* * *

Ире Холиной

Раз в подводном царстве
Рак сидел на царстве
В этом царстве Осьминог
Слова вымолвить не мог
В этом царстве Кашалот
Плавал задом наперед
Но однажды Карась
Крикнул Раку: «С трона слась!»
Испугался Рак и уполз в подводный мрак
Раз в подводном царстве
Был Карась на царстве
Не могу про Карася
Нет чернил, бумага вся.

Валентин Ярыгин

* * *

И когда, о, когда уходить мне придется навеки,
Что мне ваше ничто! Если рая не стою, то – в ад,
Где, хотя из смолы, но струятся и пенятся реки.
Где, хотя для костров, но тяжелые сосны шумят.

1954

* * *

Брезгливая злая гримаса
Застыла вопросом: куда
Они так бегут, так стремятся,
Ползут, не жалея труда?
Каким кому вымазан медом
Его соблазняющий кус?
Манто, телевизор с комодом,
Шелка для кальсон и рейтуз.
Чудесная вещь – пианино,
Чтоб тоже, пока не легла,
Пройтись поэтичная Нина
По клавиатуре смогла.
Всего не охватишь в природе,
К чему так стремятся, спеша...
Одна ты, забытая, бродишь
Ненужная больше душа.

1958

Б. Я. Я. – моему современнику

И я пекусь о современности!
Но, чуть потянешься за нею,
церковка беленькая вспомнится,
покажет пруд лебяжью шею.
И вновь в зеницах замороженных
былое месяца сиянье
поверх квадратов огороженных,
где что-то месят марсиане.

Вениамин Блаженный

* * *

Это жалкое ложе, где мы совершали
То, что ведомо даже скоту,
Эти жалкие нары с барачными вшами –
У меня на особом счету.

Ты лежала на сбившейся в ком телогрейке,
Но сияло во мраке лицо,
Потому что нежданному другу навеки
Подарила себя, как кольцо.

Нет, скоту не понять этой тайной гордыни –
Проникать в сокровенную суть
И касаться со стоном сокрытой святости,
Словно кончил паломник свой путь.

Мы и сами не знали, как это случилось,
Но в глубинах и чресел и глаз
Что-то тайно вершилось, и тайно лучилось,
И счастливыми делало нас.

Сны

Мне снятся сны один другого краше –
То лошадь с искалеченной губой,
С врожденною неспешностью монаршей
Бредущая тоскливо на убой;

То ворон – он встревожен и взъерошен,
И кажется клюв, как нож из-под плаща,
И, как конвой, сопровождает лошадь
В закатных окровавленных лучах.

Мне снятся ведьмы с голыми очами, –
Когтистые, как в сказке повелось,
Белками утомительно вращая,
Они, как кости, выпятили злость.

И снится дьявол, маленький и ловкий;
При шпаге, в треугольной шляпе – он
Сидит верхом на грешнице-плутовке
Во всем величье, как Наполеон.

Мне снится дьявол и в ином обличье:
Огромный рот, открытый до ушей,
Бессчетно пожирает что-то птичье,
А на загровке, как у волка, шерсть.

И снится Бог... Но то, что было Богом, –
Шумело ливнем, пряталось травой
И было в поле молчаливым стогом,
И было многим – только не собой...

1971

* * *

Так явственно со мною говорят
Умершие, с такою полной силой,
Что мне нелепым кажется обряд
Прощания с оплаканной могилой.

Мертвец – он, как и я, уснул и встал –
И проводил ушедших добрым взглядом...
Пока я жив, никто не умирал.
Умершие живут со мною рядом.

1974

* * *

Я мертвых за разлуку не корю
И на кладбище не дрожу от страха, –
Но матери я тихо говорю,
Что снова в дырах нижняя рубаха.

И мать встает из гроба на часок,
Берет с собой иголку и моток,
И забывает горестные даты,
И отрывает савана кусок
На старые домашние заплаты.

1979

* * *

Меня изматывают постепенно,
Преследуя, как дичь свою охотник,
Карательные органы вселенной:
Господь и сонмы ангелов Господних.

Пренебрегая прочим мирозданьем
И весь во власти буйного азарта,
Господь мне уделил свое вниманье –
Дремучее вниманье динозавра...

А ангелы! их перья, словно пики,
На мне мгновенно оставляют раны,
И тешат эту свору мои крики,
И всё кругом, как в сказке, окаянно...

И дело близится к такой развязке,
Что настигает ужас даже Бога,
И все рассеивается, как в сказке, –
И остается труп на поле боя...

1983

* * *

По праву старика, а стало быть по праву
Беспамятной грозы, идущей на покой,
Я замахнусь на вас, бредущую ораву,
Я замахнусь на вас тяжелою клюкой...

Бредете вы за мной ордою мелконогой,
А я уже давно шагнул за тот предел,
Где, лапти развязав, сидят и дремлют боги
И каждый тучный бог при грозной бороде...

Сидят, как мужики, а может как цыгане,
Закинув в синеву задумчивые лбы,
Путей своих земных не ведая заране,
Угрюмо матерясь посланцами судьбы.

На небе облака, как кряжистые срубы,
Заходит в березняк неслышный ветер мглы,
А боги и во сне, как кони, белозубы
И так гудит их кровь, что клонятся стволы.

1985

* * *

Отяжелели веки у отца
И под глазами загустели тени,
И он не походил на мертвеца,
А походил на ангела в смятенье.

На ангела со сломанным крылом
Он походил – и в небе где-то рядом
Стоял Господь, как нищий за углом,
И на отца смотрел скорбящим взглядом.

1993

* * *

Последний волк на территории цивилизованного государства,
На территории общества,
Где есть сортиры, бардаки, общественные
Учреждения.

Последний волк принюхивается к запаху
Поредевшего леса,
Прячет в лапы усталую голову,
Он спит или мертв.

* * *

А он одной ногой стоял в гробу,
Стоял в гробу ногою старика,
И потому не проклинал судьбу,
А созерцал какого-то жука.

Какой-то жук в обличье мудреца
Не обращал вниманья на живых,
Но сторонился полумертвеца,
Словно боясь разрядов грозовых...

Какой-то жук – а может быть, не жук:
Сновал-сновал бессмысленно он сам
И незаметно перешел между,
Где смертных приобщают к небесам.

Где тот же жук, но только неживой
В сиянии загадочной красоты
Рогатую кивает головой
И гладит тонкой лапкою усы.

* * *

Был горбун и суров и потешен,
И на грузном могильном горбу:
«Многогрешен, Господь, многогрешен», –
Написал, заклиная судьбу.

Эта надпись написана мелом,
Сочинили ее старику,
Когда милым был занят он делом,
Милым делом на грешном веку.

Был горбун совратителем девок,
Низвергал их с любовных высот
И умело подстреливал белок,
То бишь целок подстреливал влет.

Но и девки его не прощали,
И в мятежные сны горбуна
Озорные частушки кричали
И швыряли охапки говна.

* * *

Как это дивно было – сразу
Рукою робкою потрогать
Случайно пролитую фразу,
Как будто пролит черный деготь.

Как будто пролит мед янтарный
Из кубка праздничного Бога,
И все на свете благодарны,
Что меда яркого так много.

И много черного, густого,
Чей свет так трепетно искрится.
– Так вот оно какое, слово,
На сохранившейся странице!

Вечный мальчик

Я так был наивен, я так был застенчив,
Смущался наличием тонкого прутика,
И самое-самое место у женщин
Казалось мне венчиком цветика-лютика.

Казалось, что женщины этот цветочек
Засушенным держат в сонетах Волошина,
А если приспичит по малости очень,
Пипикают девственно в вазы цветочные.

И бродят мужчины с большими глазами,
Попыхивая дорогими гаванами,
И бледные пальцы целуют у дамы, –
Ах, как им приятен обряд целования!..

А позже сонеты читают учтиво,
Возвышенными восхищаясь глаголами...
Какое прекрасное тонкое чтиво –
И запах цветочный дурманит им головы!..

* * *

Проститутка ведет за собою утят –
Это всё ее мальчики, всё ее крестники...
Старикашки от приступа страсти кряхтят,
Теребят свои вялые детские пестики.

А мальчишек и вовсе шалее орда
И, вприпрыжку спеша за доступною дамою,
Говорят они шепотом слово – да, да,
Это страшное слово, страшное самое.

* * *

...И женщина эта с лицом из железа,
И женщина эта с лицом из металла –
Она ублажала железного беса,
И груди ее громыхали устало.

Они громыхали составом товарным
На рельсах, на шпалах, на всех перегонах,
И пахло горелым, и пахло угарным,
Горело, как топка, греховное лоно.

И женщина эта казалась машиной
В своем равнодушно-железном цинизме,
И то, чем она занималась с мужчиной,
Казалось игрой рычагов в механизме.

* * *

Я не совсем уверен,
Что тебе нужны были твои пышные плечи,
Грудь, поднимавшаяся от вздохов,
Густая корона волос.

Когда все это изрядно поизносилось и досталось могильщикам,
На кладбище осталась счастливая девочка,
Вот она перескакивает с одного могильного холмика на другой;
В руке ее легкий сачок,
Она ловит бабочек, лето, смерть.

* * *

Я помню все подробности этой несостоявшейся встречи:
И то, как женщина поправляла у зеркала прическу
(Перед тем, как измять ее на подушке),
И то, как она подтянула чулки
(Перед тем, как снять юбку).

Мы сели с нею в лодку с пробитым дном –
И нас затопила волна...
– Волна – это ты, – сказала она.
– Волна – это ты, – сказал я.

И все же мы оба уцелели
И даже обменялись многозначительными улыбками,
Как два фокусника, обманувшие публику.

К тому же кое-что мы заметили друг у друга –
Так девочка доверчиво показывает мальчику копилку –
И он сует в нее свою монетку.

Иногда девочка помогает ему нащупать прорезь – вот сюда...

«Теперь это наша общая копилка».

* * *

Если бы меня полюбила самая лучшая женщина –
Скажем, Алла Демидова, –
Я научился бы ходить по проволоке –
И кричал с высоты девятого этажа:
«Аллочка, а ты не забыла выключить свет в туалете?..
И пожалуйста, не покупай на ужин рыбные консервы, –
Сколько раз я тебе говорил, что у меня от них изжога...»

Анатолий Клещенко

Четвертый день

Четвертый день Петров лежит на нарах,
Закрытый одеялом до бровей,
Затылком стриженным на чунях старых,
Четвертый день.

И с каждым – лиловей
Открытый лоб.

Три дня его фуфайку
Дневальный носит – малость велика.

Три дня соседи получают пайку,
Баланды три литровых черпака,
И меж собою делят без обмана.

Он на поверку не встает три дня.

Дневальный – вор по кличке Пол-Ивана –
Кричит:

– Большой в бараке у меня!

Вахтер скользит по одеялу взглядом.

Уйдет – смеется.

Смех, как ругань, груб.

Четвертый день лежит в бараке труп.

С еще живыми рядом.

Яков Козловский

Такса

Сев в такси,
Спросила такса:
– За проезд
Какая такса?

А водитель:
– Денег с такс
Не берем совсем.
Вот так-с!

Лесной дорогой

Справа лес все чаще,
Конь несется рысью,
Услыхав, что в чаще
Ветер фыркнул рысью.

Беглое ударение

Поклонившийся погосту,
От селенья за версту,
Шел я по́ мосту, по мб́сту,
По скрипучему мосту́.

Много ль надо человеку –
Отдышаться б на веку,
Глядя на́ реку, на ре́ку,
На спокойную реку́.

Дым печной тянулся к дыму,
И клонилось потому
Солнце на́ зиму, на зи́му,
На морозную зиму́.

Леон Тоом

* * *

Освобождают,
милуют,
прощают
и мудрых старцев,
и слепых котят.
Активируют,
судимости снимают...
Того гляди,
и нас освободят.

Вот-вот и нам,
случайно уцелевшим,
не профильтрованным
сквозь Страшный Суд,
ни за что и ни про что
не сидевшим,
того гляди,
чего-нибудь дадут.

Дадут всего,
на все потрафят вкусы,
у всех нащупав
слабую струну.
Дадут и колбасы
и кукурузы,
дадут всего,
но только не страну!

1956

* * *

От любви неразделенной
он не умер, нет.
В комнатухе захламленной
он лежит, одет.

Рыжий и жестковолосый,
сумрачный с лица...
Но откуда эти слезы,
слезы без конца?

Столько влаги, столько соли –
льет как из ведра...
И при этом нету боли,
нету ни черта.

Нету мрака, но и свету
нету – вышел весь...
Нету, нету, нету, нету –
вот и всё, что есть.

* * *

Я помню – было, было, было,
взаправду – не во сне,
что счастье прямо в руки плыло,
не от меня – ко мне.

Но не дошло, проплыло мимо,
уплыло наобум...
Спешу на помощь, дисциплина,
верни мне ясный ум.

Но дисциплина в этом деле
бессильнее всего.
Ей не часы нужны – недели,
чтоб вникнуть в существо.

Она врачует постепенно
покоем, сменой мест,
трудом...
А тут нужна мгновенность,
тут нужен Красный Крест.

Не так ведь и страшна преграда,
и я бы мог еще
опять воскреснуть, только надо
обнять твое плечо.

Александр Големба

* * *

Вдоль заплеванных аллей и осенних желтых змиев
губернатор Фундуклей прибывает в город Киев,
прибывает в город Киев губернатор Фундуклей
вдоль осенних желтых змиев и заплеванных аллей.

У шикарного ландо лакированная дверца,
губернатор от и до валерьянку пьет от сердца,
валерьянку пьет от сердца губернатор от и до,
лакированная дверца у шикарного ландо.

Подпирая крепкой шпалой синий рельсовый прокат,
лист шуршит хрустливо-палый, хлопотливо-языкат,
шепчет лист хрустливо-палый, хлопотливо-языкат,
подпирая толстой шпалой смерть и гибель напрокат.

Вихри все со смертью схожи. Деловит и густобров,
настежь бьет из аванложи в грудь Столыпина Богров.

* * *

Восковые свечи в Божьем
храме, где земной поклон,
отражаемый подножьем
ионических колонн.
Как они темны и тонки,
теплящиеся в тоске,
на Полянке иль Волхонке,
иль в Ордынском тупике.
Им таиться в душах сонных,
обрученных с тишиной...
Это я не о колоннах,
а о вечности свечной.
Мы не бревна в пилораме,
мы скорей как боль в груди,
восковые свечи в храме
всей вселенной посреди.

* * *

В городах, где живут люди Запада, – порядок большой.
В городах, где живут люди Запада, – отдыхаю душой.
Говорят мне, что грязен Восток и жесток,
говорят, что в крови его травы...
В этом смысле, пожалуй,
люди Запада правы...
Отчего ж мне милей мой жестокий Восток?

Память

Голубком подстреленным ковыляет облако,
грудь его забрызгана синим молоком.
Память – это колокол с языком из войлока,
память – это комнатка с низким потолком,
соучастница разгула,
догоревшая свеча
или камера-обскура
на соломинке луча!

* * *

Птица катится капелькой ртутной
над базаром вещей и клевет,
начинается сдержанно-мутный,
омерзительно мутный рассвет.

Эта птица, как песня ребенка,
бликом света на города лбах.
Это боль на души шестеренках
заскрипит, как песок на зубах.

Не играйте с печалью в прятки,
вы теперь уже не малыши.
Ах, какие у нас непорядки
в часовом механизме души.

Юрий Левитанский

Воспоминанье о красном снеге

Я лежал на этом снегу
и не знал,
что я замерзаю,
и лыжи идущих мимо
поскрипывали
почти что у моего лица.
Близко горела деревня,
небо было от этого красным,
и снег подо мною
был красным,
как поле маков,
и было тепло на этом снегу,
как в детстве
под одеялом,
и я уже засыпал,
засыпал,
возвращаясь в детство
под стук пролетки
по булыжнику мостовой,
на веранду,
застекленную красным,
где красные помидоры в тарелке
и золотые шары у крылечка –
звук пролетки,
цоканье лошадиных подков
по квадратикам
красных булыжин.

Диалог у новогодней елки

– Что происходит на свете? – А просто зима.
– Просто зима, полагаете вы? – Полагаю.
Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
в ваши уснувшие ранней порою дома.

– Что же за всем этим будет? – А будет январь.
– Будет январь, вы считаете? – Да, я считаю.
Я ведь давно эту белую книгу читаю,
этот, с картинками выюги, старинный букварь.

– Чем же все это окончится? – Будет апрель.
– Будет апрель, вы уверены? – Да, я уверен.
Я уже слышал, и слух этот мною проверен,
будто бы в роще сегодня звенела свирель.

– Что же из этого следует? – Следует жить,
шить сарафаны и легкие платья из ситца.
– Вы полагаете, все это будет носиться?
– Я полагаю, что все это следует шить.

– Следует шить, ибо сколько вьюге ни кружить,
недолговечны ее кабала и опала.
– Так разрешите же в честь новогоднего бала
руку на танец, сударыня, вам предложить!

– Месяц – серебряный шар со свечою внутри,
и карнавальные маски – по кругу, по кругу!
– Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку,
и – раз-два-три,
 раз-два-три,
 раз-два-три,
 раз-два-три!..

* * *

Сплю я. Но сон мой странен.
Холодно мне. Знобит.
То ли я пулей ранен,
то ли совсем убит.

Вот он я, среди поля.
В небе горит звезда.
Девочка моя, Оля,
Ты не ходи сюда.

Здесь еще пули свищут,
взрывы то там, то тут.
Скоро меня отыщут.
Скоро меня найдут.

Дальняя канонада.
Зарево впереди.
Это тебе не надо.
Ты сюда не ходи.

Это не в самом деле.
Это не наяву.

Это не пуля в теле –
это я так живу.

Всё у меня в порядке.
Скоро меня спасут.
Скоро на плащ-палатке
в тыл меня унесут.

Кто-то склонится возле
койки, где я лежу...
Всё это после, после
я тебе расскажу.

.....

Лотерейный билет

Когда на судьбу вы в обиде
и сделать нельзя ничего,
билет лотерейный купите
за тридцать копеек всего.
Надеждой отчаянье скрасьте,
запомните номер его.
Вы можете выиграть счастье
за тридцать копеек всего.
А если опять не попали
в счастливыцы – ну, что же с того?
Ведь вы свой билет покупали
за тридцать копеек всего.
У вас за стеною метели,
у вас за окном – ничего.
А что ж вы, а что ж вы хотели
за тридцать копеек всего...

Михаил Анчаров

Кап-кап

Тихо капает вода –
Кап-кап.
Намокают провода –
Кап-кап.
За окном моим беда,
Завывают провода.
За окном моим беда –
Кап-кап.

Капли бьются о стекло –
Кап-кап.
Все стекло заволочло –
Кап-кап.
Тихо-тихо утекло
Счастья моего тепло.
Тихо-тихо утекло –
Кап-кап.

День проходит без следа –
Кап-кап.
Ночь проходит. Не беда –
Кап-кап.
Между пальцами года
Просочились – вот беда.
Между пальцами года –
Кап-кап.

1955

**Песенка про психа
из больницы имени Ганнушкина,
который не отдавал санитарам
свою пограничную фуражку**

Балалаечку свою
Я со шкапа достаю,
На Канатчиковой даче
Тихо песенку пою.

Солнце село за рекой
За приемный за покой.
Отпустите, санитары,-
Посмотрите, я какой!

Горы лезут в небеса,
Дым в долине поднялся.
Только мне на этой сопке
Жить осталось полчаса.

Скоро выйдет на бугор
Диверсант – бандит и вор.
У него патронов много –
Он убьет меня в упор.

На песчаную межу
Я шнурочек привяжу –
Может, этою лимонкой
Я бандита уложу.

Пыль садится на висок,
Шрам повис наискосок,
Молодая жизнь уходит
Черной струйкою в песок.

Грохот рыжего огня,
Топот чалого коня...
Приходи скорее, доктор!
Может, вылечишь меня...

1955

Белый туман

Звук шагов, шагов
Да белый туман.
На работу люди
Спешат, спешат.
Общий звук шагов,
Будто общий шаг,
Будто лодка проходит
По камышам.

В тех шагах, шагах –
И твои шаги,
В тех шагах, шагах –
И моя печаль.
Между нами, друг,
Всё стена, стена.
Да не та стена,
Что из кирпича.

Ты уходишь, друг,
От меня, меня.
Отзвенела вдруг
Память о ночах.
Где-то в тех ночах
Соловьи звенят,
Где-то в тех ночах
Ручеек зачах.

И не видно лиц –
Всё шаги одни.
Всё шаги, шаги,
Всё обман, обман.
Не моря легли,
А слепые дни,
Не белые снеги,
А седой туман.

1964

Николай Доризо

Огней так много золотых

Огней так много золотых
На улицах Саратова.
Парней так много холостых,
А я люблю женатого.

Эх, рано он завел семью!..
Печальная история!
Я от себя любовь таю,
А от него – тем более.

Я от него бежать хочу,
Лишь только он покажется:
А вдруг все то, о чем молчу,
Само собою скажется?

Его я видеть не должна –
Боюсь ему понравиться.
С любовью справлюсь я одна,
А вместе нам не справиться!

1953

Александр Межиров

* * *

Мы под Колпином скопом стоим,
Артиллерия бьет по своим.
Это наша разведка, наверно,
Ориентир указала неверно.

Недолет. Перелет. Недолет.
По своим артиллерия бьет.
Мы недаром присягу давали.
За собою мосты подрывали, –
Из окопов никто не уйдет.
Недолет. Перелет. Недолет.

Мы под Колпином скопом лежим
И дрожим, прокопченные дымом.
Надо все-таки бить по чужим,
А она – по своим, по родимым.

Нас комбаты утешить хотят,
Нас великая Родина любит...
По своим артиллерия лупит –
Лес не рубят, а щепки летят.

1956

* * *

Всё хорошо, всё хорошо...
Из мавзолея Сталин изгнан,
Показан людям Пикассо,
В Гослитиздате Бунин издан.
Цветам разрешено цвести,
Запрещено ругаться матом. –
Все это может привести
К таким печальным результатам...

1962

* * *

Что ж ты плачешь, старая развалина, –
Где она, священная твоя
Вера в революцию и в Сталина,
В классовую сущность бытия...

Вдохновлялись сталинскими планами,
Устремлялись в сталинскую высь,
Были мы с тобой однополчанами,
Сталинскому знамени клялись.

Шли, сопровождаемые взрывами,
По всеобщей и ничьей вине.
О, какими были б мы счастливыми,
Если б нас убили на войне.

1971

* * *

Возле трех вокзалов продавали
Крупные воздушные шары,
Их торговки сами надували
Воздухом, тяжелым от жары.

Те шары летать умели только
Сверху вниз – и не наоборот.
Но охотно покупал народ, –
Подходили, спрашивали:
– Сколько?..

А потом пришел работник МУРа,
На торговку хмуро поглядел,
Сигарету «Прима» в зубы вдел
И сказал: – А ну смывайся, шкура.

Сигаретой он шары прижег,
Ничего торговка не сказала,
Только жалкий сделала прыжок
В сторону Казанского вокзала.

На земле вокзалы хороши!
Слушай голоса гудков усталых!
От души смеются на вокзалах,
На вокзалах плачут от души.

Вижу, вижу смутно, как в тумане:
В темном, непротопленном углу
Чутко дремлют пестрые цыгане
В рухляди, на каменном полу.

Без тебя не жить на белом свете,
Не дышать, не петь, не плакать врозь,
Мой вокзал! Согрей меня в буфете,
На перроне гулком заморозь.

* * *

Строим, строим города
Сказочного роста.
А бывал ли ты когда
Человеком просто.

Всё долбим, долбим, долбим,
Сваи забиваем.
А бывал ли ты любим
И забываем.

Короткие гудки

Евгению Храмову

Мы уже распрощались на лето, которое нам предстояло,
Но за миг до того, как обычный прервать разговор,
На рычаг положить телефонную трубку устало,
Он сказал то, чего позабыть не могу до сих пор.

Разговор был обычным, о том и о сем, и о лете,
И закончился полностью, мы попрощались. Как вдруг
Он сказал то, чего и не думал сказать – и на свете
Неожиданно все изменилось вокруг.
Он сказал торопливо слова милосердные эти
И гудками короткими выдал невольный испуг.

Алексей Охрименко

Батальонный разведчик*

Я был батальонный разведчик,
А он – писаришка штабной.
Я был за Россию ответчик,
А он спал с моею женой...

Ой, Клава, родимая Клава,
Ужели судьбой суждено,
Чтоб ты променяла, шалава,
Орла на такое говно?!

Забыла красавца-мужчину,
Позорила нашу кровать,
А мне от Москвы до Берлина
По трупам фашистским шагать...

Шагал, а порой в лазарете
Со смертью в обнимку лежал,
И плакали сестры, как дети,
Ланцет у хирурга дрожал.

Дрожал, а сосед мой – рубака,
Полковник и дважды Герой,
Он плакал, накрывшись рубахой,
Тяжелой слезой фронтовой.

Гвардейской слезой фронтовою
Стрелковый рыдал батальон,
Когда я Геройской звездой
От маршала был награжден.

А вскоре вручили протёзы
И тотчас отправили в тыл...
Красивые, крупные слезы
Кондуктор на литер пролил.

Пролил, прослезился, собака,
Но все же содрал четвертак!
Не выдержал, сам я заплакал,
Ну, думаю, мать вашу так!

* Написано в соавторстве с Сергеем Михайловичем Кристи (1921–1986) и Владимиром Фёдоровичем Шрейбергом (1924–1979).

Грабители, сволочи тыла,
Как носит вас наша земля!
Я понял, что многим могила
Придет от мово костыля.

Домой я, как пуля, ворвался
И бросился Клаву лобзать,
Я телом жены наслаждался,
Протез положил под кровать...

Болит мой осколок железа
И режет пузырь мочево́й,
Полез под кровать за протезом,
А там писаришка штабной!

Штабного я бил в белы груди,
Сшибая с грудей ордена...
Ой люди, ой, русские люди,
Родная моя сторона!

Жену-то я, братцы, так сильно любил,
Протез на нее не поднялся,
Ее костылем я маненько побил
И с нею навек распрощался.

С тех пор предо мною все время она,
Красивые карие очи...
Налейте, налейте стакан мне вина,
Рассказывать нет больше мочи!

Налейте, налейте скорей мне вина,
Тоска меня смертная гложет,
Копейкой своей поддержите меня –
Подайте, друзья, кто сколь может...

<1950>

Сосудик

Сосудик в мозге оборвался – ах!
Товарищ в морге оказался – ах!
Надо бы почище облачить его,
Надо на кладбище оттащить его...

Есть для этой цели у покойника друзья,
Которым, бывало, довериться нельзя,
Они сегодня, конечно, тут как тут,
Суетятся и поют:

Сосудик в мозге оборвался – ах!
Приятель в морге оказался – ах!
Надо бы почище облачить его,
Надо на кладбище оттащить его...

Есть для этой цели подружки у него,
Которые, бывало, не стыдились ничего,
Они сегодня, конечно, тут как тут,
Плачут и поют:

Сосудик в мозге оборвался – ах!
Красавец в морге оказался – ах!
Надо бы почище облачить его,
Надо на кладбище оттащить его...

Но есть в этом доме женщина одна,
Может, любовница, а может, жена,
Дело не в этом, а главное в том –
Она его любила и думает о нем:

Как же так случилось, что скончался он,
Что со мною даже не прощался он,
А теперь вот надо хоронить его,
Жить одной мне без него...

Борис Чичибабин

* * *

Уже картошка выкопана,
и, чуда не суля,
в холодных зорях выкупана
промокшая земля.

Шуршит тропинка плюшевая:
весь сад от листьев рыж.
А ветер, гнезда струшивая,
скрежещет жостью крыш.

Крепки под утро заморозки,
под вечер сух снежок.
Зато глаза мои резки
и дышится свежо.

И тишина, и ясность...
Ну, словом, чем не рай?
Кому-нибудь и я снюсь
в такие вечера.

<1957>

Вечером с полочки #

Придет черед, и я пойду с сумой.
Настанет срок, и я дойду до ручки.
Но дважды в месяц летом и зимой
мне было счастье вечером с полочки.

Я набирал по лавкам что получше,
я брился, как пижон, и, Бог ты мой,
с каким я видом шествовал домой,
неся покупки вечером с полочки.

С весной в душе, с весельем на губах
идешь-бредешь, а на пути – кабак.
Зайдешь – и все продуешь до полушки.

Давно темно, выходишь, пьяный в дым,
и по пустому городу один –
под фонарями, вечером, с полочки.

* * *

Меня одолевает острое
и давящее чувство осени.
Живу на даче, как на острове,
и все друзья меня забросили.

Ни с кем не пью, не философствую,
забыл и знать, как сердце влюбчиво.
Долбаю землю пересохшую
да перечитываю Тютчева.

В слепую глубь ломлюсь напористой
и не тужу о вдохновении,
а по утрам тряусь на поезде
служить в трамвайном управлении.

В обед слоняюсь по базарам,
где жмот зовет меня папашей,
и весь мой мир засыпан жаром
и золотом листвы опавшей...

Не вижу снов, не слышу зова,
и будням я не вождь, а данник.
Как на себя, гляжу на дальних,
а на себя – как на чужого.

С меня, как с гаврика на следствии,
слетает позы позолота.
Никто – ни завтра, ни впоследствии
не постучит в мои ворота.

Я – просто я. А был, наверное,
как все, придуман ненароком.
Все тише, все обыкновеннее
я разговариваю с Богом.

1965

Владлен Бахнов

* * *

Ах, что за славная земля
вокруг залива Коктебля, –
колхозы, бля, совхозы, бля, природа!
Но портят эту красоту
сюда приехавшие ту-
неядцы, бля, моральные уроды.

Спят тунеядцы под кустом,
не занимаются трудом
и спортом, бля, и спортом, бля, и спортом.
Не видно даже брюк на них,
одна девчонка на троих
и шорты, бля, и шорты, бля, и шорты.

Девчонки вид ужасно гол, –
куда смотрели комсомол
и школа, бля, и школа, бля, и школа!
Хотя купальник есть на ней,
но под купальником, ей-ей,
все голо, бля, все голо, бля, все голо.

Сегодня парень виски пьет,
а завтра планы выдает
завода, бля, родного, бля, завода.
Сегодня парень – в бороде,
а завтра где? – в НКВДе!
Свобода, бля, свобода, бля, свобода!..

Пусть говорят, что я свою
для денег написал статью, –
не верьте, бля, не верьте, бля, не верьте!
Нет, я писал не для рубля,
а потому что был я бля,
и есть я бля, и буду бля до смерти!

1963

Александр Вольпин

О сограждане, коровы и быки!

О сограждане, коровы и быки!
До чего вас довели большевики...
...Но еще начнется страшная война,
И другие постучатся времена...
...Если вынесу войну и голодок,
Может быть, я подожду еще годок,
Посмотрю на те невзрачные места,
Где я рос и где боялся так хлыста,
Побеседую с останками друзей
Из ухтинских и устьвымских лагерей, –
А когда пойдут свободно поезда,
Я уеду из России навсегда!
Я приеду в Византию и в Алжир,
Хоть без денег, но заеду я в Каир,
И увижу я над морем белый пар,
За скалою, у которой Гибралтар!
...И настолько ведь останусь я дитя,
Чтобы в Лувре восторгаться не грустя!
И настолько ведь останусь я аскет,
Чтоб надеяться на что-то в сорок лет,
И настолько ведь останусь я собой,
Чтобы вызвать всех католиков на бой!
...Но окажется, что Запад стар и груб,
А противящийся вере – просто глуп,
И окажется, что долгая зима
Выжгла ярость безнадежного ума,
И окажется – вдали от русских мест
Беспредметен и бездушен мой протест!..
...Что ж я сделаю? Конечно, не вернусь!
Но отчаянно напьюсь и застрелюсь,
Чтоб не видеть беспощадной простоты
Повсеместной безотрадной суеты,
Чтоб озлобленностью мрачной и святой
Не испортить чьей-то жизни молодой,
И вдобавок, чтоб от праха моего
Хоть России не досталось ничего!

Караганда–Москва,
апрель 1952 – октябрь 1953

Константин Левин

* * *

Нас хоронила артиллерия.
Сначала нас она убила.
Но, не гнушаясь лицемерия,
Теперь клялась, что нас любила.

Она выламывалась жерлами,
Но мы не верили ей дружно
Всеми обугленными нервами
В натруженных руках медслужбы.

За нас молились леди Англии
И маркитантки полковые.
Нас интервьюировали б ангелы,
Когда бы были таковые.

Мы доверяли только морфию,
По самой крайней мере – брому.
А те из нас, что были мертвыми –
Земле, и никому другому.

Тут всё еще ползут, минируют
И принимают контрудары.
А там – уже иллюминируют,
Набрасывают мемуары...

И там, вдали от зоны гибельной,
Циклюют и вошат паркеты,
Большой театр квадригой вздыбленной
Следит салютную ракету.

А там по мановенью файеров
Взлетают стаи лепешинских,
И фары плавят плечи фрайеров
И шубки дамские в пушинках.

Бойцы лежат. Им льет регалии
Монетный двор порой ночью.
Но пулеметы обрыгали их
Блевотиною разрывною!

Но тех, кто получил полсажени,
Кого отпели суховеи,

Не надо путать с персонажами
Ремарка и Хемингуэя.

Один из них, случайно выживший,
В Москву осеннюю приехал.
Он по бульвару брел, как выпивший,
И среди живых прошел, как эхо.

Кому-то он мешал в троллейбусе
Искусственной ногой своею.
Сквозь эти мелкие нелепости
Он приближался к Мавзолею.

Он вспомнил холмики размытые,
Куски фанеры по дорогам,
Глаза солдат, навек открытые,
Спокойным светятся упреком.

На них пилоты с неба рушатся,
Крестами в тучах застревают...
Но не оскудевает мужество,
Как небо не устаревает.

И знал солдат, равны для Родины
Те, что заглотаны войною,
И те, что тут лежат, схоронены
В самой стене и под стеною.

1946–1984

Памяти Фадеева

Я не любил писателя Фадеева,
Статей его, идей его, людей его,
И твердо знал, за что их не любил.
Но вот он взял наган, но вот он выстрелил –
Тем к святости тропу себе не выстелил,
Лишь стал отныне не таким, как был.

Он всяким был: свехтрезвым, полупьяненьким,
Был выученным на кнуте и прянике,
Знакомым с мужеством, не чуждым панике,
Зубами скрежетавшим по ночам.
А по утрам крамолушку выискивал,
Кого-то миловал, с кого-то взыскивал.
Но много-много выстрелом тем высказал,
О чем в своих обзорах умолчал.

Он думал: «Снова дело начинается».
Ошибся он, но, как в галлюцинации,
Вставал пред ним весь путь его наверх.
А выход есть. Увы, к нему касательство
Давно имеет русское писательство:
Решишься – и отмаешься навек.

О, если бы рвануть ту сталь гремящую
Из рук его, чтоб с белою гримасою
Не встал он тяжело из-за стола.
Ведь был он лучше многих остающихся,
Невыдающихся и выдающихся,
Равно далеких от высокой участи
Взглянуть в канал короткого ствола.

* * *

Был я хмур и зашел в ресторан «Кама».
А зашел почему – проходил мимо.
Там оркестрик играл, и одна дама
Все жрала, все жрала посреди дыма.

Я зашел, поглядел, заказал, выпил,
Посидел, погулял, покурил, вышел.
Я давно из игры из большой выбыл
И такую ценой на хрена выжил...

1969

* * *

Когда я стану плохим старикашкой,
Жадно питающимся кашкой,
Больше овсяной, но также иной,
То и тогда позабуду едва ли
Там, на последнем своем перевале,
Нашу любовь в Москве ледяной.

Преувеличиваю? – Малость.
А что еще мне в жизни осталось?
А вот что в жизни осталось мне:
Без тени преувеличенья
Изобразить любви течение –
Коряги, тина, мусор на дне.

* * *

Проходит пять, и семь, и девять
Вполне ничтожных лет.
И все тускней в душе – что делать? –
Серебряный твой след.

Я рюмку медленно наполню,
Я весел, стар и глуп.
И ничего-то я не помню,
Ни рук твоих, ни губ.

На сердце ясно, пусто, чисто,
Покойно и мертво.
Неужто ничего?
Почти что,
Почти что ничего.

1978

Конь

Мне тебя любить нельзя,
И тебе меня не надо.
Длинные твои глаза
Пострашнее звездопада.

Проходи же стороной,
Я с тобой не баловался,
Я кобылкой вороной
Просто так полюбовался.

Свежим сеном похрустел,
В торбе мордою похрупал,
Ни страстей, ни скоростей,
Проходи ж, играя крупом.

Там, гарцуя при луне,
Силушкой другие пышут.
О тебе и обо мне
Не напишут, не напишут

Русской прозою литой,
Содержательной и честной,
Знаменитый Лев Толстой
И Куприн весьма известный.

* * *

Кто, как Лидия Степановна,
Непугевого поймет?
Оступившегося, пьяного
Мягкой ручкой обоймет.

Отведет соседа хворого
К знаменитому врачу,
Где не надо, врежет здорово
Безыдейную речу.

Тихо сбьчится, такая ведь,
На удар – двойной удар.
Ни армян не даст обхаивать,
Ни евреев, ни татар.

А когда блеснут на улице
Синих глаз ее огни,
При народе расцелуется,
Но чтоб что-нибудь – ни-ни.

А когда, хвала всевышнему,
Сабантуй к ней входит в дом,
Пироги какие с вишнями,
С яблоками, с творогом!

Нет стола на свете лучшего!
Ресторациям – хана!
Выручать, учить, приючивать
Кто сумеет, как она?

Но кого же станет жечь она,
Иссушать, сводить с ума?
Добродетельная женщина –
Как бесснежная зима.

* * *

Остается одно – привыкнуть,
Ибо все еще не привык.
Вью, стало быть, круче выгнуть,
За зубами держать язык.

Остается – не прекословить,
Трудно сглатывать горький ком,
Философствовать, да и то ведь,
Главным образом, шепотком.

А иначе – услышат стены,
Подберут на тебя статьи,
И сойдешь ты, пророк, со сцены,
Не успев на нее взойти.

* * *

Хорошо сидел солдатский ватник
На некрепких молодых плечах.
Много лучше, чем венгерский батник.
Ну да не о том твоя печаль.

По тому, как ты орал и верил,
Что поднимешь взвод, развеешь страх,
Было ясно, это – офицерик;
Но, конечно, не в больших чинах.

Ватничек был туго подпоясан
Выданным в училище ремнем.
Завтра все-таки пройдем по Яссам,
Ежели сегодня не умрем.

Не прошли солдатики. Над ними
Только звезды, звезды без числа.
Никого ты больше не поднимешь
Против наступающего зла.

А твоя чадит еще лампада,
Не засыпала тебя лопата,
Вышло – доползти и одолеть
Марево санроты и санбата,
Санлетучек и госпиталей.

Жизнь прошелестела, прошумела,
Протекла, процокала, прошла.
И придурковато-очумело
Шепчешь ты: «Хреновые дела».

Доедай остынувшую кашу
И учти, пустая голова,
Женщины тебе уже не скажут
Сладкие и стыдные слова.

Так что горделиво и спесиво
Не глядись в грядущие года.
Говорили? И на том спасибо,
Но – уже не скажут никогда.

Булат Окуджава

* * *

Настоящих людей так немного!
Всё вы врете, что век их настал.
Посчитайте и честно и строго,
сколько будет на каждый квартал...

Настоящих людей очень мало:
на планету – совсем ерунда,
на Россию – одна моя мама,
только что она может одна?

1956

* * *

Не клонись-ка ты, головушка,
от невзгод и от обид.
Мама, белая голубушка,
утро новое горит.

Всё оно смывает начисто,
всё разглаживает вновь...
Отступает одиночество,
возвращается любовь.

И сладки, как в полдень пасеки,
как из детства голоса,
твои руки, твои песенки,
твои вечные глаза.

1957

До свидания, мальчики

Б. Балтеру

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли,
повзрослели они до поры,

на пороге едва помаячили,
и ушли, за солдатом солдат...
До свидания, мальчики!

Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат,
и себя не щадите,
и все-таки
постарайтесь вернуться назад.

Ах война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб – разлуки и дым.
Наши девочки платица белые
раздарили сестренкам своим.
Сапоги – ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки,
мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идете войной наугад...
До свидания, девочки!

Девочки,
постарайтесь вернуться назад.

* * *

Куда вы подевали моего щегла?
А может быть, он сам наутек от меня?
Вот и конь мой рвется из-под седла.
Чем вы соблазнили моего коня?

Степью ли хрустящей? Песней ли раки?
Торбой ли под мордой, чтоб вволю зерна?
Голубой ли ящерицей апрельской реки,
что к копытам липнет так, задарма?

О река, упала ты на белый песок,
неба разметала платок голубой;
платье твое ситцевое – в ромашках всё,
руки твои теплые – под головой.

И сама ты теплая, на всё щедра:
на горечь, на сладость, на любить – не любить,
щедра, как крылья моего щегла,
как коня моего ускакавшего прыть.

<1959>

* * *

Эта женщина! Увижу и немею.
Потому-то, понимаешь, не гляжу.
Ни кукушкам, ни ромашкам я не верю
и к цыганкам, понимаешь, не хожу.

Напророчат: не люби ее такую,
набормочут: до рассвета заживет,
наколдуют, нагадают, накукуют...
А она на нашей улице живет!

1959 (?)

* * *

Глаза, словно неба осеннего свод,
и нет в этом небе огня,
и давит меня это небо, и гнет –
вот так она любит меня.

Прощай. Расстаемся. Пощады не жди!
Всё явственней день ото дня,
что пусто в груди, что темно впереди –
вот так она любит меня.

Ах, мне бы уйти на дорогу свою,
достоинство молча храня!
Но, старый солдат, я стою, как в строю...
Вот так она любит меня.

1959 (?)

* * *

Горит пламя, не чадит,
надолго ли хватит?
Она меня не щадит –
тратит меня, тратит.

Быть недолго молодым,
скоро срок догонит.
Неразменным золотым
покачусь с ладони.

Потемнят меня ветра,
дождичком окатит.

А она щедра, щедра –
надолго ли хватит?..

Дежурный по апрелю

Ж. Б.

Ах, какие удивительные ночи!
Только мама моя в грусти и тревоге:
«Что же ты гуляешь, мой сыночек,
одинокий, одинокий?»»

Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звезды и крупнее и добрее...
Мама, мама, это я дежурю,
я – дежурный по апрелю!

«Мой сыночек, вспоминаю все, что было,
стали грустными глаза твои, сыночек...
Может быть, она тебя забыла,
знать не хочет? Знать не хочет?»»

Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звезды и крупнее и добрее...
«Что ты, мама! Просто я дежурю,
я – дежурный по апрелю...»»

1960

Песенка о моей жизни

А как первая любовь – она сердце жжет.
А вторая любовь – она к первой льнет.
А как третья любовь – ключ дрожит в замке,
ключ дрожит в замке, чемодан в руке.

А как первая война – да ничья вина.
А вторая война – чья-нибудь вина.
А как третья война – лишь моя вина,
а моя вина – она всем видна.

А как первый обман – да на заре туман.
А второй обман – закачался пьян.
А как третий обман – он ночи черней,
он ночи черней, он войны страшней.

1957–1961

* * *

Всю ночь кричали петухи
и шеями мотали,
как будто новые стихи,
закрыв глаза, читали.

Но было что-то в крике том
от едкой той кручины,
когда, согнувшись, входят в дом,
стыдясь себя, мужчины.

И был тот крик далек-далек
и падал так же мимо,
как гладят, глядя в потолок,
чужих и нелюбимых.

Когда ласкать уже невмочь,
и отказаться трудно...
И потому всю ночь, всю ночь
не наступало
утро.

1961

Грузинская песня

М. Квливидзе

Виноградную косточку в теплую землю зарю,
и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву,
и друзей созову, на любовь свое сердце настрою.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

Собирайтесь-ка, гости мои, на мое угощение,
говорите мне прямо в лицо, кем пред вами слыву.
Царь небесный пошлет мне прощение за прегрешенья.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

В темно-красном своем будет петь для меня моя Дали,
в черно-белом своем преклоню перед нею главу,
и заслушаюсь я, и умру от любви и печали.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

И когда заклубится закат, по углам залетая,
пусть опять и опять предо мной проплывут наяву
белый буйвол, и синий орел, и форель золотая.
А иначе зачем на земле этой вечной живу?

* * *

П. Луспекаеву

Ваше благородие, госпожа разлука,
мне с тобою холодно, вот какая штука.
Письмецо в конверте погоди – не рви...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

Ваше благородие, госпожа чужбина,
жарко обнимала ты, да только не любила.
В шелковые сети постой – не лови...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

Ваше благородие, госпожа удача,
для кого ты добрая, а кому иначе.
Девять граммов в сердце постой – не зови...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

Ваше благородие, госпожа победа,
значит, моя песенка до конца не спета!
Перестаньте, черти, клясться на крови...
Не везет мне в смерти,
повезет в любви.

1967

Песенка о Моцарте

И. Балаевой

Моцарт на старенькой скрипке играет,
Моцарт играет, а скрипка поет.
Моцарт отечества не выбирает –
просто играет всю жизнь напролет.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба – то гульба, то пальба...
Не оставляйте стараний, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Где-нибудь на остановке конечной
скажем спасибо и этой судьбе,
но из грехов нашей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба – то гульба, то пальба...

Не расставайтесь с надеждой, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

Коротки наши лета молодые:
миг – и развеются, как на кострах,
красный камзол, башмаки золотые,
белый парик, рукава в кружевах.
Ах, ничего, что всегда, как известно,
наша судьба – то гульба, то пальба...
Не обращайтесь вниманья, маэстро,
не убирайте ладони со лба.

* * *

Ю. Домбровскому

Разве лев – царь зверей? Человек – царь зверей.
Вот он выйдет с утра из квартиры своей,
он посмотрит кругом, улыбнется...
Целый мир перед ним содрогнется.

1969

Батальное полотно

Сумерки. Природа. Флейты голос нервный. Позднее катанье.
На передней лошади едет император в голубом кафтане.
Белая кобыла с карими глазами, с челкой вороною.
Красная попона. Крылья за спиною, как перед войною.

Вслед за императором едут генералы, генералы свиты,
славою увиты, шрамами покрыты, только не убиты.
Следом – дуэлянты, флигель-адъютанты. Блещут эполеты.
Все они красавцы, все они таланты, все они поэты.

Всё слабее звуки прежних клавесинов, голоса былые.
Только цокот мерный, флейты голос нервный да надежды злые.
Все слабее запах очага и дыма, молока и хлеба.
Где-то под ногами и над головами – лишь земля и небо.

Сумерки погасли. Флейта вдруг умолкла. Потускнели краски.
Медленно и чинно входят в ночь, как в море, кивера и каски.
Не видать, кто главный, кто – слуга, кто – барин, из дворца ль, из хаты...
Все они солдаты, вечностью объята, бедны ли, богаты.

1973

Старинная солдатская песня

Отшумели песни нашего полка,
отзвенели звонкие копыта.
Пулями пробито днище котелка,
маркитантка юная убита.

Нас осталось мало: мы да наша боль.
Нас немного, и врагов немного.
Живы мы покуда, фронтовая голь,
а погибнем – райская дорога.

Руки на затворе, голова в тоске,
а душа уже взлетела вроде.
Для чего мы пишем кровью на песке?
Наши письма не нужны природе.

Спите себе, братцы, – все придет опять:
новые родятся командиры,
новые солдаты будут получать
вечные казенные квартиры.

Спите себе, братцы, – все начнется вновь,
все должно в природе повториться:
и слова, и пули, и любовь, и кровь...
Времени не будет помириться.

1973

Я пишу исторический роман

В. Аксёнову

В склянке темного стекла
из-под импортного пива
роза красная цвела
гордо и неторопливо.
Исторический роман
сочинял я понемногу,
пробиваясь как в туман
от пролога к эпилогу.

Были дали голубы,
было вымысла в избытке,
и из собственной судьбы
я выдергивал по нитке.

В путь героев снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал.

Вымысел – не есть обман.
Замысел – еще не точка.
Дайте дописать роман
до последнего листочка.
И пока еще жива
роза красная в бутылке,
дайте выкрикнуть слова,
что давно лежат в копилке:

каждый пишет, как он слышит.
Каждый слышит, как он дышит,
как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить...
Так природа захотела.
Почему?
Не наше дело,
Для чего?
Не нам судить.

1975

Пожелание друзьям

Ю. Трифонову

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты –
ведь это всё любви счастливые моменты.

Давайте горевать и плакать откровенно
то вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не нужно придавать значения злословью –
поскольку грусть всегда соседствует с любовью.

Давайте понимать друг друга с полуслова,
чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
Давайте жить, во всем друг другу потакая, –
тем более, что жизнь короткая такая.

1975

* * *

После дождичка небеса просторны,
голубей вода, зеленее медь.
В городском саду – флейты да валторны.
Капельмейстеру хочется взлететь.

Ах, как помнятся прежние оркестры,
не военные, а из мирных лет!
Расплескалася в улочках окрестных
та мелодия... А поющих нет.

С нами женщины. Все они красивы.
И черемуха – вся она в цвету.
Может, жребий нам выпадет счастливый:
снова встретимся в городском саду.

Но из прошлого, из былой печали,
как ни сетую, как там ни молю,
проливается черными ручьями
эта музыка прямо в кровь мою.

1985

* * *

И. Бродскому

На странную музыку сумрак горазд,
как будто природа пристанище ищет:
то голое дерево голос подаст,
то почва вздохнет, а то ветер просвищит.

Всё злей эти звуки, чем ближе к зиме
и чем откровеннее горечь и полночь.
Там дальние кто-то страдают во тьме
за дверью глухой, призывая на помощь.

Там чьей-то слезой затуманенный взор,
которого ветви уже не упрячут...
И дверь распахну я и брошусь во двор:
а это в дому моем стонут и плачут.

1989

Вадим Сидур

* * *

Часто соседи
Зовут меня Абрам Яковлевич
Имени моего запомнить не могут
Но отца имени не забывают
Юлю
Называют иногда Зинаида Ивановна
Так мою маму звали
Говорят про моих стариков
Хорошие люди были
Мы даже у них учились

* * *

Дмитрий Абрамыч
Вы уже шапку надели
Говорит сосед
Валентин Петрович
И я хорошую шапку имею
Но от вас не скрою
Носить боюсь
Оторвут с головою

* * *

Маленькая девочка
В сером байковом платье
Стриженная наголо
Иногда я
Украдкой гладил
Бархатную шерстку
На ее круглой голове
Мы сидели рядом
В детском саду
Тайно держась за руки
Под столиком
Я любил ее безумно

* * *

Много спермы с тех пор утекло
Из тела моего изверглось
Я мог быть
Отцом
Миллиардов жителей
Миллионов планет
Превзойти Создателя
Изваявшего
Только Адама и Еву

* * *

Я – цветок осенний
Всю жизнь на мне гадали
Лепестки обрывали
Да – нет
Любит – не любит
Будет – не будет
Один лепесток остался
НЕТ
НЕ ЛЮБИТ
НЕТ
НЕ БУДЕТ
НЕТ
Теперь все ясно
Пришла пора прощаться
Освобождать место
На перенаселенной
Планете

* * *

До моего рождения
Мать моя болела туберкулезом
Холерой
Тифом
У нее была нулевая кислотность
В период беременности мною ужасная малярия
Принимала хинин
Родившись я не мог пить горького материнского молока
Отец перед тем как зачал меня
Едва не умер вместе с матерью от голода
Он заболел желтухой
Покрылся фурункулами
Его почти доконала тропическая лихорадка

У меня с рождения колит
Туберкулез с десяти лет
Излечило нервное потрясение
В день войны объявления
В детстве перенес
Дифтерит скарлатину коклюш
Корь
Свинку
Воспаление среднего уха
Делали прокол в барабанной перепонке
Аденоиды
Гланды
Ангина и грипп постоянно
Опухали суставы
Сломал левую руку
Перерезал артерию и сухожилия на правой
Голодал в тридцатые сороковые
Боле л азиатской лихорадкой попотачи
Пендинская язва разъедала мое тело
Инфекционный полиартрит
Дизентерия
На фронте плеврит
Воевал с температурой сорок
Тяжело ранен
Контужен
Пуля выбила верхнюю челюсть слева
Прошла сквозь гайморову полость
Почти оторвала язык
Разорвалась в углу нижней челюсти справа
Остеомиелит
Ложный сустав
С тех пор живу без зубов
В девятнадцать лет ИОВ*
Гипертония с молодости
Инфаркт в тридцать шесть
Боле л пиореей
Была гонорея
Простатит
Аденома
Многие болезни позабыл
Ослабела память
Как вы чувствуете себя сейчас
спросил доктор
Я – цветок осенний
Ответил пациент
Мечтаю о любви

* ИОВ – инвалид Отечественной войны

Симон Бернштейн

* * *

Со ступеньки на ступеньку
И с уступа на уступ
Я уступчив. Что ж, частенько
Неуступчив тот, кто туп.

* * *

Кого-то еще трогают
Дождливые слова
А я уже их пробую
На сырость, как дрова

Атлантика

Стонут чайки над водами.
Мы плывем пароходами.
Над водой чайки стонут.
Горизонт полусогнут.

Чайки стонут над нами.
Море ходит волнами.
Громыхаем мы чайниками
И любимся чайками.

* * *

Я нашу холмистую улицу,
Зеленую, очень люблю:
На велосипедах сутулятся
Мальчишки, крича «Ай-люлю!»

Собаки с веселым лаем
За велосипедами бегают вслед:
«Мальчишек за штаны хватаем!
Норовим укусить велосипед!»

Детишки в колясочках важные,
Девчонки, играющие в «класс»,
Высокие змеи бумажные,
Почти исчезнувшие с глаз.

На открытом окне девушка
С книгой открытой сидит,
На скамье у парадного дедушка
Не дремлет, а просто спит.

По радио со двора фабричного
Порывами, то тихо, то слышней,
Доносится то рондо скрипичное,
То «Танец четырех лебедей».

Под деревьями пары целуются
Вечерами, когда темно...
Я нашу зеленую улицу
Люблю уже давно!

* * *

Мне нравятся девчонки эти,
Которые уже не дети,
Но и не взрослые еще,
Их полукруглое плечо,
Полуоткрытый детский рот
И частый в чувствах поворот.

* * *

Каждый мужчина хочет
Оставить в истории след.
Каждая женщина хочет,
Чтоб ей посмотрели вслед.

* * *

Всю страну облетело фото:
На какой-то кобыле кто-то.
А потом это фото забыли:
Мало ль кто на какой-то кобыле!

Никому не скажешь?

О, милая,
Могила я.

* * *

Заплетала косу
Девушка в окне.
Бросил папиросу,
Подошел к стене

Дома, что напротив,
Насмотреться влать.
Так, без «за» и «против»
Возникает страсть,

Возникает жажда
Тела и души.
Это знает каждый,
Кто любить спешил.

В цирке

(Акро-стих)

Выступают акробаты,
Акробатская семья:
Акробатя,
Акробатья,
Акромать
И акро – я!

* * *

Идет, играет бедрами,
Довольная собой.
Идет, играет ведрами –
Они полны водой.

А я стою, как дурочка,
Раскрывши немо рот.
Она – петух, я – курочка,
А не наоборот.

Моментальный портрет

Она дымила броско
Дешевой папироской
И отстранялась ловко
Надушенной головкой.

Вступающему в брак

Одумайся, дурак!

Портрет

Салатик,
Компотик,
Халатик,
Животик.

Романс

Как жаль,
Что шаль,
Что рожь,
Что ложь.

Размышление на берегу моря

В этом мире мы вдвоем –
Я и этот водоем.

* * *

Что такое горе,
Знают только люди,
У которых больше
Ничего не будет.

Бандурист

Пел,
Слеп,
Дел
След.

Константин Ваншенкин

* * * #

Спят по скворечникам скворцы.
И сплошь в пупырышках – озябли! –
Плывут по грядкам огурцы,
Как маленькие дирижабли.

Играет где-то гармонист,
Но очень тихо – прямо чудо:
Он, вероятно, гуманист
Иль просто далеко отсюда.

Да, звук гармонии каждый раз
Все приглушеннее, все тише.
Начни я слушать лишь сейчас,
Я ничего бы не услышал.

Он словно из небытия,
А вот совсем пропал он вроде,
И лишь случайно знаю я,
Что вообще он есть в природе.

Уже темно в любом окне,
Мерцают стекла под луною,
Да телевизор в глубине,
Как пруд, блеснет голубизною.

1964

Осень

Сидя в доме у окна,
Наблюдаете оттуда,
Как качается сосна,
И все шире амплитуда
Колебаний той сосны.
Вы ученая такая.
Дождь шумит не умолкая,
Листья с веток снесены.

Ветер дует тяжело,
Заполняя рябью лужи.

И сквозь мокрое стекло
Я смотрю на вас снаружи.
Мокрых листьев кутерьма,
Ветер, холод, дождь осенний.
В гуще этих отношений
Зарождается зима.

1967

Евгений Винокуров

* * *

Там валуны, шершавые на ощупь,
Там тьма, и глушь, и травы по плечам.
Там в полдень рощи,
Как старухи, ропшут
И, словно дети,
Плачут по ночам.

Мы в том краю солдата схоронили.
Трещал сушняк, ручей гремел навзрыд.
Под рыхлым пнем, светящимся от гнили,
Сырою ночью был наш друг зарыт.

Тот низкий холм
Уже трава покрыла,
Его теперь и не отыщешь днем...

Лишь по ночам горит его могила
В краю пустынном голубым огнем.

1952

* * *

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире,
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.

Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Плывает свод бездонный,
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1953

Незабудки

В шинельке драной,
Без обуви
Я помню в поле мертвеца.
Толпа кровавых незабудок
Стояла около лица.

Мертвец лежал недвижно,
Глядя,
Как медлил коршун вдалеке...

И было выколото
«Надя»
На обескровленной руке.

1957

Серебряный Бор

Когда мне вдруг захочется
Увидеть сразу весь мир –
Я закрываю глаза.

В детстве,
Наморщив лоб,
Я бродил по Серебряному бору.
Надо мной скрипящие сосны,
Раскачиваясь, с трудом
Размешивали кронами
Белесоватое небо.
Я удивлялся, когда в ответ
На брошенный камень
В пруду раздавался всплеск.

О, великий закон, по которому
Следствие непременно

Вытекает из причины!
Я утвердился в нем
За несколько десятилетий
Своей жизни.
Я спокоен. Все правильно.
Цепь прочна.

Но почему, когда я закрываю глаза,
Я вижу весь мир?

1959

* * *

Вот стою я на Тверском бульваре,
миру непонятный человек.
У меня в потертом портсигаре
папиросы слабые – «Казбек».

Кончилась вторая мировая.
Мир подписан. Наша правота.
Я стою один, передвигая
папиросу в самый угол рта.

Разные идут по миру толки.
Опадают поздние цветы...
У меня от нежинской махорки
пальцы словно йодом облиты.

Торжество победы пожинаяю,
трудно щурюсь на прощальный свет...
Ничего еще не понимаю:
то ли праздник в мире, то ли нет.

1975

Юлий Даниэль

* * *

Сердце с домом, сердце с долгом разлучается,
Сердце бедное у зависти в руках,
Только вспомню, как цыганки закачаются
На высоких, сбитых набок каблуках.

Вы откуда, вы откуда, птицы смуглые,
Из каких таких просторов забрели?
И давно ли вас кибитки, лодки утлые,
До московских тротуаров донесли?

Отвечают мне цыганки – юбки пестрые:
«К вольной воле мы весь век наш держим путь,
А захочешь – мы твоими станем сестрами,
Только всё, что было-не было, забудь!»

Отвечаю я цыганкам: «Мне-то по сердцу
К вольной воле заповедные пути,
Но не вырваться, не кинуться, не броситься:
Видно, крепко я привязан – не уйти».

И звучат в ушах, зовут и не кончаются
Речи смутные, как небо в облаках,
И идут-плывут цыганки, и качаются
На высоких, сбитых набок каблуках.

На библейские темы

Да будет ведомо всем,
Кто
Я
Есть:
Рост – 177;
Вес – 66;
Руки мои тонки,
Мышцы мои слабы,
И презирают станки
Кривую моей судьбы;
От роду – 40 лет,
Прожитых напролет,
Время настало – бред
Одолеваю вброд:

Против МЕНЯ – войска,
Против МЕНЯ – штыки,
Против МЕНЯ – тоска
(Руки мои тонки);
Против МЕНЯ – в зенит
Брошен радиоклич,
Серого зданья гранит
Входит со мною в клинч;
Можно меня смолоть
И с потрохами съесть
Хрупкую эту плоть
(Вес – 66);
Можно меня согнуть
(От роду – 40 лет),
Можно обрушить муть
Митингов и газет;
Можно меня стереть –
Двинуть машиной всей,
Жизни отрезать треть
(Рост – 177).
– Ясен исход борьбы!..
– Время себя жалеть!..
(Мышцы мои слабы)
Можно обрушить плеть,
Можно затмить мне свет,
Остановить разбег!..
Можно и можно...
Нет.
Я ведь – не человек:
(Рост – 177),
Я твой окоп, Добро,
(Вес – 66),
Я – смотровая щель
(Руки мои тонки),
Пушки твоей ядро
(Мышцы мои слабы),
Камень в твоей праще.

1966

Герцен Копылов

* * *

Я снизу вылез,
я был внизу.
Мой путь извилист:
я вверх ползу.
Галоп на брюхе,
на бедрах рысь.
Подобно мухе
ползу я ввысь.
Меня пинают,
а я ползу,
напоминая
змею гюрзу.
Таков мой навык:
бросок, укус –
и снова наверх
пролег мой курс.
К верхам партийным,
на штурм высот
по серпантинам
меня несет.
Юлю, как виллис,
как червь ползу,
я наверх вылез –
а был внизу.
Я был как ветошь.
Я был как вошь.
Я стану светоч.
Я буду вождь.

Философствую о времени

Время вспять не течет.
Но в сторону сворачивает.
Встретив запруду, оно
растекается вширь.
И замирает, медленно прибывая.
Тогда кажется, что время стало.
Что ничего не происходит.
И никогда не произойдет.
А все дело-то в том,
что ось времен
лежит на комплексной плоскости.
Время не останавливается,
а испытывает мнимые приращения.
От мнимых приращений
равнение падает, а энтропия растет.
И вот

 в один прекрасный миг
оно перехлестывает через насыпь,
воздвигнутую хранителями времени.
Оно переваливает
и устремляется по действительной оси,
унося на своей белогривой шее
мусор и мразь застоя,
старые, давно ненужные дороги
и самих хранителей времени.
Мальчишки бегут рядом с потоком.
Пускают кораблики.
Швыряют камнями в хранителей.
Травка зеленеет.
Солнышко блестит.

Наум Коржавин

Вариации из Некрасова

...Столетье промчалось. И снова,
Как в тот незапамятный год –
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони – всё скачут и скачут.
А избы горят и горят.

1960

* * *

Ты летишь, и мне летится.
Правлю, прямо курс держа.
Только ты летишь, как птица,
Я – как толстый дирижабль.

Не угнаться за тобою,
Не избыть твоих границ.
Вот ты движешься с толпою
Легких птиц, бездомных птиц.

Мне б сейчас к тебе спуститься:
Вот вам сердце, вот и дом.
Только я увы! – не птица,
Тут не сесть мне нипочем.

И гудят моторы резко.
Я скрываюсь в облаках...
А внизу, свернув на Невский,
Ты летишь на каблуках.

1964

Памяти Герцена*
Баллада об историческом недосыпе
(Жестокий романс
по одноименному произведению В. И. Ленина)

Любовь к Добру разбередила сердце им.
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда все пошло.

И, ошалев от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир трезвон.
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.

А тот со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать, –
Чем потревожил крепкий сон Желябова,
А тот Перовской не дал всласть поспать.

И захотелось тут же с кем-то драться им,
Идти в народ и не страшиться дыб.
Так родилась в России конспирация:
Большое дело – долгий недосып.

Был царь убит, но мир не зажил заново.
Желябов пал, уснул несладким сном.
Но перед этим побудил Плеханова,
Чтоб тот пошел совсем другим путем.

Все обойтись могло с теченьем времени.
В порядок мог втянуться русский быт...
Какая сука разбудила Ленина?
Кому мешало, что ребенок спит?

На тот вопрос ответа нету точного.
Который год мы ищем зря его...
Три составные части – три источника
Не проясняют здесь нам ничего.

Да он и сам не знал, пожалуй, этого,
Хоть мести в нем запас не иссякал.
Хоть тот вопрос научно он исследовал, –
Лет пятьдесят виновного искал.

* Речь идет не о реальном Герцене, к которому автор относится с благоговением и любовью, а только об его сегодняшней официальной репутации. (Прим. автора.)

То в «Бунде», то в кадетях... Не найдутся ли
Хоть там следы. И в неудаче зол,
Он сразу всем устроил революцию,
Чтоб ни один от кары не ушел.

И с песней шли к Голгофам под знаменами
Отцы за ним, – как в сладкое житье...
Пусть нам простятся морды полусонные,
Мы дети тех, кто не доспал свое.

Мы спать хотим... И никуда не деться нам
От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
Нельзя в России никого будить.

1972

* * *

Ах ты жизнь моя – морок и месиво.
След кровавый – круги по воде.
Как мы жили! – Как прыгали весело –
Карасями на сковороде.

Из огня – в небеса ледовитые...
Нас прожгло. А иных – и сожгло.
Дураки, кто теперь нам завидует,
Что при нас посторонним тепло.

1975

Николай Вильямс

Незнакомец

По вечерам Гниипи нежится –
течет налаженный уют.
Покойники не первой свежести
лежат на улицах, гниют;
сочится кровь из щели в здании,
от крови вверх струится пар –
то зданье общества «Дознание»,
идет, наверно, семинар.
Из окон книзу хищно свесились
копыта, когти и тела;
висит плакат «Долой ответственность
за уголовные дела»;
прохожий с перебитой мордою
трусливо держит свой карман,
и тихо плавает над городом
вонючий розовый туман.
А в нужный час, сверкая орденом,
начальству душу веселя, –
веселый малый с мятым орденом –
подходит к ресторану «Бля».
И он сидит, и пьет до полночи.
Внезапно он приходит в раж.
Служебным рвением исполнившись,
он вынимает карандаш.
Он из кармана рвет наручники,
свисток себе пихает в рот...
Ни лом, ни нож, ни бритва лучшая,
ни гиря гада не берет!
Перед конвойными-гориллами
напротив Сени я стою,
а Сеня, сука криворылая,
сидит и шьет мне статью.
Зачем я жил, зачем гулял же я,
зачем я в «Бля» пришел с ножом,
зачем полушку я одалживал,
зачем заказывал боржом?

1950-е

Коммунисты поймали парнишку

Коммунисты поймали парнишку,
Притащили в свое КГБ:
– Ты скажи нам, кто дал тебе книжку,
Руководство в подпольной борьбе?

Ты зачем совершал преступления,
Клеветал на наш ленинский строй?
– Срать хотел я на вашего Ленина! –
Отвечает им юный герой.

– Пусть мне очередь в лагерь настала –
Лагерь и тюрьмы не боюсь!
Скоро стаи акул капитала
Растерзают Сове́йский Союз,

И свободного общества образ
Нашим людям откроет глаза;
И – да здравствует частная собственность! –
Он, зардевшись, в лицо им сказал.

Машинистка-подпольщица Клава
Горько плачет во мраке ночей,
Вспоминая, как парень кудрявый
Пролетарских клеймил палачей.

Песня-искра родилась в народе –
Пой-гори, никогда не сгорай!
Парня этого звали Володя,
Он уехал сегодня в Израиль.

1969

* * *

Из трубы, трубы высокой номер пять,
Вылетает ясный сокол погулять,
Но вернулся ясный сокол весь в крови
И исчез в трубе высокой номер три.

Владимир Львов

* * *

В комнату вошел застенчивый, робкий,
провел рукой по невыросшим волосам.
Задумчиво на папиросной коробке
спичкой нарисовал паруса.

Вчера извлекли последние пули
и дали бумагу, что инвалид.
Высокий, худой, все время курит
и почти ничего не говорит.

* * *

Девка крепкая одна,
дело было –
высунулась из окна,
окно мыла.

Чтой-то ёкнуло в груди:
крута кромка...
«Ты гляди, не упади!» –
кричу громко.

Блещет ясное стекло,
тряпку – в вёдра.
С верхотуры донесло:
– Гуляй бодро!

Арсений Прохожий

* * *

Жизнь прекрасна,
Небо ясно,
Воздух чист...
Трехпрограммный репродуктор –
Оптимист.

1968

* * *

Ворона серотелая
Летает не спеша,
Твоя осиротелая
В ней каркает душа.

* * *

Жил-был зайчик, ел морковку...
А потом как взял винтовку!

1974

* * *

Арсений Прохожий –
На чёрта похожий,
Но в чем-то немного
Похожий на Бога.

Он жил неумело:
Трясли, словно грушу...
Черт взял его тело...
Бог взял его душу...

1975

Эдуард Гольдернесс

* * *

Она ушла. Ушла и не вернется.
Замолкнул в отдаленье звук шагов...
Всё тише, всё больше сердце бьется, –
Она ушла, ушла и не вернется!
Ни мыслей нет других, ни чувств, ни слов:
Она ушла. Ушла и не вернется...

Валентин Соколов (З/К)

* * *

Я план курил, пил водку, резал вены...
Я жить хотел, но жизнь не шла ко мне...
Вокруг меня тесней сдвигались стены,
И надзиратель царствовал в стране.
Он страшен был... На морде протокольной
Клеймо цинизма шлепнула тюрьма...
Мне было жутко, холодно и больно.
Я план курил, чтоб не сойти с ума.

1954

* * *

Выпьешь водки – потеплеет
Где-то около души.
Люд рабочий пить умеет
На последние гроши.
А назавтра пусто, гадко.
И противно, жутко жить...
Ищешь, где б занять десятку, –
Хлеба черного купить...

1956

* * *

Домишки серые, канавы –
Обычный скучный серый вид...
Вон на углу стоит легавый,
В свисток залиvisto свистит.

Кого-то, видно, обокрали,
Кого-то ловят, скопом бьют...
Прошли три крашенные крали
И с ними верткий проститут.

1956

* * *

Начальство ругалось, краснело
И взглядами грозно блистало.
Начальство, бесспорно, хотело,
Чтоб наша страна процветала.
Грядущее розовым видя,
Наш путь указуя перстами,
Над строгими папками сидя,
Начальство менялось местами...

1957

МОТЫЛЬ

Два глаза черные, моля,
Смотрели в профиль нар.
Бараком били *мотыля** –
Удар, еще удар.

На кулаках летал мотыль.
Барак орал, ярел:
– Он, говорят, украл *костыль**
И потихоньку съел!

И каждый бил больней, сильней,
В лицо, в живот и в грудь.
А в окнах ночь плыла темней,
И нарастала жуть.

И вдруг нависла тишина
Замком у ярых губ.
Решетка. Белая луна.
Тупые лица. Труп.

1959

* * *

Противно невероятно
Даже в себе самом
Грязные пятна, грязные пятна –
Как это неприятно!
В небе грохочет гром

* «Мотыль» на лагерном жаргоне – человек, укравший часть хлебной пайки, довесок – «костыль».

А кажется: во мне
Баба нагая уляжется
На мутной дневной волне
И ждет разделить со мной похоти
Засушенный мертвый цветок
Прошу вас: так громко не грохайте
Меня по темени сапогами
Я русло для потока времени
Мои глаза кишат богами

1961

* * *

Я у времени привратник
Я одетый в черный ватник
Буду длиться, длиться, длиться
Без конца
За вас молиться
Не имеющих лица

* * *

Я раб прораба
Хлеб машины
Устал я
Боль в моих хрящах
И захожу я в магазины
Совсем не грезя о вещах
Мне б хлеба крошку
Пива кружку
Окрошку б мне
И при луне
Подружку –
Маленькую крошку –
И я б доволен был вполне

* * *

Стало мое личико
Заметно бледнеть
Из белого яичка
Вылупилась смерть

Юрий Айхенвальд

Стихотворение на чужой строке

Однажды ты придешь в поту и пыли,
Оглохший от разрывов и побед.
Тебе заявят: «Мы вас не забыли!» –
И школьник поднесет тебе букет.

Ты с кровью оторвешь воспоминанья,
Ты будешь счастлив тем, что не погиб.
И будет радость первого свиданья
Как трепет распускающихся лип.

Потом в локтях протрется гимнастерка,
И ты зашить отдашь ее жене,
Потом пойдешь работать на Трёхгорку,
Как будто бы и не был на войне.

Потом начнешь разыскивать, как милость,
Кому бы рассказать про ордена.
Потом поймешь, что жизнь не изменилась.
Потом начнется новая война.

1950

* * *

По всей Караганде разбросаны
Весною дохлые собаки.
Везде поля водой обсосаны,
Везде мужчины цвета хаки.
Где голубыми полотенцами
Убогая накрыта «качка»,
Ребенка ссыльными чеченцами
Пугает ссыльная казачка.
Но вот на малую на толику
Ты получаешь развлечение:
Там пьяницы с глазами кроликов
Поют о сроках заключения.
А с неба парит жар неистовый,
И все прохожие суровы,
Да тычут в землю в каменистую
Носами мокрыми коровы...

Тутаевское чудо

В двадцать лет
я не сидел бы за решеткой,
краснофлотского
не знал бы матерка, –
я писал бы,
что сухи, как звук трещотки,
летом крылья
у шального мотылька,
и что весь в сквозных промоинах апрель,
и что камень точит вешняя капель,
а высокая, седая синева
так возвышенна,
что в сущности права...
Но река течет
близ города Тутаева,
пять церквей в том городке
и три пивных.
Чем грехи свои от Господа утаивать,
лучше выпить по пол-литра на троих!
Всю их жизнь я пережил и перевызубрил,
все зазубрины, узоры на пути,
как она давным-давно
и словно сызнова
беззащитно и беспмятно летит...
– Человек, ты кто по имени-по отчеству?
от какой такой войны твои кресты?
Если каждый
одинок от одиночества,
почему мы все –
как листья у листвы?
А река течет
близ города Тутаева,
и куда она впадает –
все равно...
Может, прямо в облаках она растаяла,
может, море – как
открытое окно...

1966

Валентин Берестов

Весенняя сказка

Дружно
Ударилась
Рыбы
Об лед –
И на реке
Начался
Ледоход.

1957

Зяц-барабанщик

За уши зайца
Несут к барабану.
Зяц ворчит:
– Барабанить не стану!
Нет настроения,
Нет обстановки,
Нет подготовки,
Не вижу морковки!

1966

Фантики

Собирать я начал в восемь лет
Фантики – обертки от конфет.
Полюбил я пестрые картинки
И копил их, бережно храня.
И впервые поважней начинки
Сделались обертки для меня.

Но богатства подлежат обмену,
А не то они теряют цену.
Споры, уговоры, как на рынке:
– Что глядишь? Меняйся! То на то!
И важней начинки и картинки
Оказалось сам не знаю что.

1968

Скамья над рекой

Поцеловала. Села. Он садится.
Глядят, не видя, в сторону мою.
Для них, больших, я что-то вроде птицы,
Нечаянно присевшей на скамью.

По радио сказали: лед с верховья
Уже идет. Я ледохода жду.
И что мне эти двое с их любовью!
Не стыдно, так целуйтесь на виду.

А по льду вешки всё еще маячат,
Блестят следы полозьев и колес.
И страшно мне, что на скамейке плачут
Он и она. И не боятся слез.

1969

На чужой стороне

Хватило мальчишеских сил.
Я реку мою переплыл.
И вот я на том берегу!
Зубами стучу на бегу.
Вступаю в неведомый край...
Ракита. Корыто. Сарай.
Крапива. Горшки на плетне.
Один на чужой стороне!

1969

Искалочка

Если где-то нет кого-то,
Значит, кто-то где-то есть.
Только где же этот кто-то
И куда он мог залезть?

Талант

Мальчишку, шевелящего ушами,
Мы всячески спасали от невзгод.
И сами никогда не обижали.
А то попросишь – и не шевельнет.

Ранняя слава

«Поэт! Поэт!» – кричали вслед.
Поэту было мало лет.
Он не мечтал о славе.
Мечтал он о расправе
Со всеми, кто поэту вслед
Кричал: «Поэт! Поэт! Поэт!»

1970

* * *

О чем поют воробушки
В последний день зимы?
– Мы выжили, мы дожили,
Мы живы, живы мы!

1971

* * *

Все жду, когда на улицу отпустят,
Кручусь, верчусь у взрослых под ногами.
И наконец не просто отпускают,
А выгоняют из дому меня.
Беда! Мороз весну остановил!
Лопаткой лед ломаю. Каблуком
Бужу ручьи, освобождаю лужи,
Да так, что брызги ржавые летят.
И, весь в грязи, промокший и голодный,
Иду домой. Стою в углу, как веник.

1973

Гололедица

Не идетя и не едетя,
Потому что гололедица.
Но зато
Отлично падаетя!
Почему ж никто
Не радуется?!

* * *

Вот двое влюбленных на лоне природы
Читают стихи и жуют бутерброды.
Две толстых вороны на ветках сухих
Сидят и внимательно слушают их.
Уходят... И вслед за четою влюбленной
На место свиданья слетают вороны,
И крошки клюют на примятой траве,
И долго стоят голова к голове.

Милитарист

Что-то грустно. На сердце тоска.
Не ввести ль куда-нибудь войска?

1979

Расширение кругозора

На кочку влез болотный хмырь:
«Какая даль! Какая ширь!»

Кошмар

Все до ужаса было знакомо.
Стенгазета. Приказов доска.
Рядом с ней объявление месткома
И еще два каких-то листка.
На плакате по ленте багровой
Почему-то славянская вязь:
«Человек человеку корова», –
Прочитал. И проснулся, смеясь.

1994

* * *

Впервые в России за столько веков,
Жестоких и чуждых морали,
Живем мы под властью таких дураков,
Которых мы сами избрали.

1995

Владимир Корнилов

* * *

Будь мужчиной и молчи.
Будь, хоть нелегко.
Гбря словом не мельчи,
Хоть и велико.

Ткнись в подушку головой
И молчи, пока
Безнадежная любовь,
Как трава, горька.

Грозных молний не мечи,
Пей невкусный чай.
Будь мужчиной и молчи,
Тютчева читай.

1960

Жена Достоевского

Нравными, вздорными, прыткими
Были они испокон.

Анна Григорьевна Сниткина
Горлица – среди ворон.

Кротость – взамен своенравия,
Ангел – никак не жена.
Словно сама Стенография,
Вся под диктовку жила.

Смирная в славе и в горести,
Ровно, убого светя,
Сниткина Анна Григорьевна
Как при иконе – свеча.

Этой отваги и верности
Не привилось ремесло.
Больше российской словесности
Так никогда не везло.

1965

Екатерининский канал

На канале шлепнули царя –
Действо супротивное природе.
Раньше убивали втихаря,
А теперь при всем честном народе.

На глазах у питерских зевак
Барышня платочком помахала,
И два парня, русский и поляк,
Не смогли послушаться сигнала.

Сани – набок... Кровью снег набух...
Пристяжная билась, как в припадке...
И кончался августейший внук
На канале имени прабабки.

Этот март державу доконал.
И хотя народоволке бедной
И платок сигнальный, и канал
Через месяц обернулись петлей,

Но уже гоморра и содом
Бунтом и испугом задышали
В Петербурге и на всем земном
Сплюснутым от перегрузок шаре.

И потом, чем дальше, тем верней,
Все и вся спуска за бесценок,
Президентов стали, как царей,
Истреблять в «паккардах» и у стенок.

В письма запечатывали смерть,
Лайнеры в Египет угоняли...
И пошла такая круговерть,
Как царя убили на канале.

1972

Натюрморт

У раскидистой ивы,
В ста шагах от полка,
«Запорижское» пиво
Охлаждала река.

Разложив помидоры
С огурцами и лук,
Осторожно, как воры,
Мы сидели вокруг.

В давнем пятидесятом
Мог проступок такой
Обернуться дисбатом
И уж точно – губой.

Но, однако, строптиво
С полночи до утра
Запрещенное пиво
Пили мы у Днепра.

Полбутылки загрузим,
О своем погрусим,
Помидором закусим,
Огурцом похрусим.

.....
.....

После армии долго
Шли не ходко дела,
Все же как самоволка
Жизнь была мне мила.

Пил я пиво с задором,
Ел с блаженным лицом
Огурец с помидором,
Помидор с огурцом.

1999

Инна Лиснянская

Дни

Зачем, опершись о порог,
Часа эдак три иль четыре
Трет замшевой тряпкой сапог
Тишайший сосед по квартире?

Зачем в коммунальном аду,
Где все наши песенки спеты,
Выкрикивает какаду
Название центральной газеты?

Зачем тугодум-управдом,
На восемь настроив будильник
И сунув его в холодильник,
В шкафу удавился стенном?

Как сны, обрываются дни,
Но есть жесточайший порядок
И в том, что безумны они,
И в том, что они без загадок.

1972

* * *

Все, что мной пережито, – рассказано.
Слезы – это не бисер метать.
И, людскою насмешкой наказана,
Я в глухую ушла благодать.

Хуже нет быть до доньшка понятой
Или выплаканной до конца,
И в траву с головою приподнятой
Я спускаюсь с гнилого крыльца.

Пробираясь крапивными дебрями,
Подхожу к одинокой сосне.
Ничего я не знаю о дереве,
И оно – ничего обо мне.

2000

Владимир Муравьев

Весенние стихи

Живу я теперь на севере
Моей необъятной страны,
Где елки в кубы измерены
И на смерть обречены.

На юге в цветах панели,
И только здесь по весне
На робкую майскую зелень
Ложится пушистый снег.

Дома совсем недавно
Пламенем на ветру
Шальная любовь прожгла мне
Пиджак, рубашку и грудь.

Но, видя, что дело скверно,
Добрые люди затем
Меня привезли на север,
Чтоб я не сгорел совсем.

И вот сижу и мечтаю
Под елкой на мокром пне,
И думы мои охлаждает
Врачующий майский снег.

1951

Виктор Некипелов

Алабушево

Не обижены судьбою,
Одарила нас удача:
Финский домик под Москвою –
То ли ссылка, то ли дача!

Всё по чину и по сану,
По родимому закону:
В уголках – по таракану,
В потолках – по микрофону.

А на все четыре розы –
Елки, палки, галки, грузди!
Если вспять пошли морозы –
Значит, нет причин для грусти.

Наслаждаемся природой,
Крутим пленку с Окуджавой,
Умиленные заботой
Нашей матери-державы.

С каждым днем нежнее, ближе,
Узнаю ее натуру!
Кто-то топает по крыше –
Проверяет арматуру...

Ну и ладно, жребий брошен!
Мы живем и в ус не дуем,
По углам – буры накрошим,
Потолкам – покажем дулю!

Хоть без очень четкой цели,
Но живем своим укладом.
Если сильно дует в щели –
Затыкаем самиздатом!

Есть вопросы, нет ответа!..
Спорим, курим, ждем мессию,
Чтоб, проникшись высшим светом,
Вместе с ним спасать Россию.

А она не шьет, не строчит,
Пьет и пляшет – губы в сале.

А она совсем не хочет,
Чтобы мы ее спасали!

1971
Поселок Алабушево,
Московской области

Первая камера

Она и не пар, и не камень,
Она и не шар, и не куб,
То воском плывет под руками,
То стынет металлом у губ.

Я знаю: другие – заполнясь
Дыханьем моим и бедой –
Скользнут сквозь меня, не запомнясь,
Несомые черной водой.

Но этой – голодной и нервной,
Теперь до последнего дня
Мне снится – как женщине первой,
Когда-то растлившей меня.

Той рыхлой и доброй солдатке
С рябым белоглазым лицом,
Когда-то зазавашей на святки –
Попотчевать сладким винцом...

Вот так же и камера эта,
Где даже и мухи – рабы:
Ослепнув от вечного света,
Живут по щелям, как клопы, –

Теперь меня хочет и злится,
И стыдные шепчет слова.
Я должен схитрить – раздвоиться,
Распасться на два существа.

Чтоб эта постыдная смычка
С прожорой лихой и рябой
Однажды – не стала привычкой,
Хотя бы и стала судьбой.

11–13 июля 1973
Камера № 1 Владимирских КПЗ

Софья Прокофьева

* * *

Хочет вещь
На место лечь,
Где вчера лежала,
Под одеяло.
А там лежит другая,
Видна нога нагая.
Лежит себе, как первая,
С голубыми нервами,
Новая, счастливая,
С серебряным отливом.
Вся в клятвах без счету,
Спит, крыло под щеку.
А как же я
Твоя?
Куда теперь?
Зачем здесь дверь?

1956

Генрих Сапгир

Радиобред

Лежа, стонет.
Никого нет.
Лишь на стенке черный рупор.
В нем гремит народный хор.
Дотянулся, дернул шнур!
Вилка тут, розетка там.
Не верит своим
Ушам:
Шум,
Треск,
Лязг металла.
Радио забормотало:

«Последние известия.
Экстренное сообщение!
...На месте
Преступления.
...Большинством голосов.
...Градусов
Мороза.
...Угроза
Атомного нападения.
Эпидемия...
Война...
Норма перевыполнена!»

Снова хор. На фоне хора
Соло авиадвигателя.
Рев
Реактивной авиации.
Взрыв
Оваций!

Больной глядит остекленело.
Рука
Судорожно сжала одеяло.
Из дверей – издали
Показался некто.
– Доктор!
Надо
У меня проверить гайки.
Диктор:

«Лунная соната.
Исполняется на балалайке».

Разговоры на улице

Жена моя и теща
Совсем сошли с ума
Представь себе
Сама
Своих двоих детей
Нет главное – коробка скоростей
У нее такие груди
На работе мы не люди
Она мне говорит
А я в ответ
Я – нет и нет
Оттого что повар и
Перепродает товары
Еще увижу с ним – убью
Мать
Твою
Уважаю, но отказываюсь понимать
Да что тут понимать
Сделала аборт
В ресторане накачался
Не явился на концерт
У бухгалтера инфаркт
Присудили десять лет
Смотрят а уж он скончался
Я и сам люблю балет.

Голоса

Вон там убили человека,
Вон там убили человека,
Вон там убили человека,
Внизу – убили человека.

Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем. Посмотрим на него.

Мертвец – и вид, как есть мертвецкий.
Да он же спит, он пьян мертвецки!
Да, не мертвец, а вид мертвецкий...
Какой мертвец, он пьян мертвецки –

В блевотине валяется...
В блевотине валяется...
В блевотине валяется...
.....

Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги

И выноси его на двор.
Вытаскивай его на двор.
Вытряхивай его на двор!
Вышвыривай его на двор! –

И затворяй входные двери.
Плотнее закрывайте двери!
Живее замыкайте двери!
На все замки закройте двери!

Что он – кричит или молчит?
Что он – кричит или молчит?
Что он – кричит или молчит?
Что он? – кричит или молчит?..

1958

Ночью

На Тишинском рынке ночью –
Тишина.
В Замоскворечье –
Ни души.
И на площади Свердлова
У колонн –
Никого.
Иду к заводу Лихачева.
Ни Лихачева,
Ни завода –
Вода
И больше ничего.

Лишь собака лает где-то
Возле Университета.

Боров

Сидоров
Решил зарезать борова.
Боров
При виде Сидорова
Все понял –
Закричал от страха.
Побежал,
Волоча по снегу брюхо.
Сидоров – за ним:
– Убью,
Мать твою!

Боров
Припустился вдоль заборов.
Верещит отчаянно.
Удирая от хозяина,
Сало
Забежало
Во двор Егорова.
Сидоров и Егоров
Ловят борова.

Сидоров со свиньей
Разговаривает,
Держит нож за спиной,
Уговаривает:
– Мой хороший,
Мой родной...
Егоров по башке – поленом!
Хряк
Брык
В снег.

Сидоров прижал коленом
Брюхо,
В душу погрузил клинок,
Располосовал от уха до уха!
Вот как у нас!..
Кровь хлещет в таз.

И лежа в луже крови,
Похрюкивает боров.
Доволен другом Сидоров –
Помог ему Егоров.

Киносеанс

В церкви выключили свет.
Люди ждут,
А света нет.
Зашумели зрители:
– Мы любви не видели!
– Сапожники!
– Тише вы, безбожники!

Безбожники внесли икону.
Осветила половину
Дома.
Сразу стало меньше шума.
Тут со сцены говорят:
– Прослушайте доклад
На антирелигиозную тему.
– Я раньше был
Священником,
Стал
Кинемехаником.
Всё, граждане, один
Обман...

Длинный свист.
Вскочили с мест:
– Врешь, картина
Без обмана!
– Тащи его за хвост
С экрана!
– Лови!
– Хватай его за холку!
Директор клуба втихомолку
Схватил жену кинемеханика.
Она молчала, словно рыба.
В будке кинемеханика
Хохотала Танька...
В общем, была паника!
В это время дали свет.
Стало ясно:
Бога нет.

Ночь

Веч
Маш
Машинистка печ
Нач

Точ
Пр
Прошу Вас дать мне рас
Мать спит за шир
Шор
Сосед бос
Торчит ч
Стучит маш
Он зовет Маш, Маш
А под окнами шур
Маш
Тиш
Проснется Шур
Нет
Выключ
Свет
Ночь
Тысячи Маш
Тысячи Шур
Тысячи шор
Тысячи мур
Тысячи кош
Тысячи крыш
Лун
Стелется туч
Он
Впился зубами в плеч
Она
Мучь мучь
Тиш
Лишь за шир
Шор
В коридор
Мур
А под окнами шур
Маш

* * *

– Да?
– Нет
– Нет?
– Нет!
– Нет?!
– Да

* * *

Обнимаю
Держу
Прижимаю
Мою!

Все равно

Пусть

Лишь бы

* * *

Чулки
Кресло
– Тебе известно?
Скажи честно
– Да мне известно
Что я прекрасна

* * *

– Что
Ты?

Что ты что ты
Лучше не спрашивай
Привыкай понемножку

* * *

Это ты дорогая?
Нет
Другая

Это она

Нет
Но похожа на

Может быть это
Война?

Из Катутла

С яблоком голубем розами ждал я вчера Афродиту
Пьяная Нинка и чех с польскою водкой пришли

Жрица культа

Дремлют дачники московские
Кира я и Брусиловские
Парни с лыжами прошли
По вагонам путешествуя
Вдруг вошла танцующая шествующая
Из совсем другой игры

Будет Авель помнить Каина
Вы
Забыли про хозяина
Сталин мой отец и брат
У старухи голос мхатовский
Книппер-чеховский
Ахматовский
И замасленный бушлат
И кривясь улыбкой странною
Держит пальму ресторанную
Будто зонтик или флаг
Приближаются кошачие
Рыже-серые незрячие

Будешь помнить
Или как?
Усмехнулась понимающе
Посоветуйте
Товарищи
В общем можете идти

На часы гляжу растерянно
Как плышет в другую дверь она
Время
Ровно без пяти
Рядом девушки хихикают
Огоньки в окошке прыгают
Наше дело сторона
Но была она
Вошедшая
Пьяная и сумасшедшая
Величава и страшна

Петя

в дет саду
дети в кроватки
кто уплыла
кто улетела
все на виду
а воспитательница
гладит кота
вдруг воспитательница
крикнула: вставай

в дет саду
дети вскочили
чижики-чижики
робышки-во
кто кого!
какие глаза
тателю сказ
– А Петя спит
он – матрос
он описал
весь матрас

в дет саду
сняли штаны
все как один
он опоздал
и замарал
в дет саду
по коридору
сидя в ряду
все дружно ду
– Петя в горшочке
голову всю
можно его
я нарисую ?

– так хорошо?
вот голова
сверху горшочка
Петя не плачет
это король
в красный горошек

в дет саду
140 ду
Петя бунтовал
на третьем году

все гуля
где им веля
делают то
казано что
время поспа
время посра
Петя бы ра
Петя не мо
Петя! ура
сделай им мо

море им сделай!

Гусеница

Долго я следил за ней.
А она с утра до ночи –
То сама себя длинней,
То сама себя короче.

Бутерброд

Чудак математик
В Германии жил.
Он хлеб с колбасою
Случайно сложил.
Затем результат
Положил себе в рот.
Вот так
Человек
Изобрел
Бутерброд.

Ли-мон

Что за «ли»?
Что за «мон»?
В звуках нету смысла.
Но едва шепнут:
«Ли-мон...» –
Сразу станет кисло.

Владимир Соколов

Сумерки

Кто виноват, шофер иль мы?
Как рассчитали время странно...
К зиме всегда темнеет рано, –
И что б нам выехать до тьмы!

Там, неподвижно колеся,
От нас налево и направо,
Такие разные леса.
Такие смешанные травы.

Такие льны – хоть тут же слезть,
Такая даль, какая есть.

А мы в застегнутых пальто.
Сквозь ветра влажные удары
Летим и видим только то,
Что нам показывают фары.

* * *

Все прозрачно в мире –
Это свойство
Голубых, больших осенних дней.
Птиц охватывает беспокойство:
Гнезда их становятся видней.

Все открыто пристальному взору –
Дно речное, паутинки нить.
Очень любит осень в эту пору
Отобрать, отсеять, отцедить.

И, следя за дном, за цепью уток –
В час такой, давно ли слеп и глух, –
Я и сам, как это утро, чуток,
Обращенный в зрение и слух.

Я ловлю, раскидываю сети,
Только вовсе мне не до игры.
Я и сам как будто на примете
У большой и пристальной поры.

Я молчу, тревогою объятый:
Эта осень видит всё насквозь.
Мой сосед стоит у ближней хаты,
У него в руке доска и гвоздь.

Тоже смотрит долго, сокровенно
И вздыхает: – Ну, брат, я решил.
Я сегодня валенки надену.
Понимаешь, вовремя подшил.

Он смеется: что, придумал строчку?
Или снова юноша влюблен?
Надевает валенки – и точка.
Думает, что жизнью умудрен.

1956

* * *

Спасибо, музыка, за то,
Что ты меня не оставляешь,
Что ты лица не закрываешь,
Себя не прячешь ни за что.

Спасибо, музыка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не причуда,
Что для кого-то ты ничто.

Спасибо, музыка, за то,
Чего и умным не подделать,
За то спасибо, что никто
Не знает, что с тобой поделать.

1960

Муравей

Извилист путь и долог.
Легко ли муравью
Сквозь тысячу иголок
Тащить одну свою?

А он, упрямец, тащит
Ее тропой рябой
И, видимо, таращит
Глаза перед собой.

И думает, уставший
Под ношею своей,
Как скажет самый старший,
Мудрейший муравей:

«Тащил, собой рискуя,
А вот, поди ж ты, смог.
Хорошую какую
Иголку приволок».

1961

* * *

...Птица малая лесная.
А. Пушкин

Все чернила вышли, вся бумага,
Все карандаши.

На краю бузинного оврага
Стой и не дыши.
Сквозь туман просвечивает зелень,
Клейкая пока.
Где-то здесь, среди ее расселин,
Он наверняка.

Вот! Ни с чем, конечно, не сравнимый
Сколок с пенья льдин.
Первый, пробный, но неоспоримый,
Вот еще один.
Вот опять! Раскатисто и тесно.
Тишь...

В листьях куста
Происходит перемена места –
Веточка не та.

И покуда тишь не раскололась
Льдиною на льду,
Есть во всем
Извечный жаркий голос:
«Что же ты, я жду».
Замиранье целого оврага,
Листьев и души.
Все чернила вышли, вся бумага,
Все карандаши.

1966

Венок

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поет за него.

Как он ликует божественно
Там, где у розовых верб
Тень твоя, милая женщина,
Нежно идет на ущерб.

Истина не наказуема.
Ты указала между.
Я ни о чем не скажу ему,
Я ни о чем не скажу.

Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.

1966

* * *

Пластинка должна быть хрипящей,
Заигранной...

Должен быть сад,
В акациях так шелестящий,
Как лет восемнадцать назад.

Должны быть большие сирени –
Султаны, туманы, дымки.
Со станции из-за деревьев
Должны доноситься гудки.

И чья-то настольная книга
Должна трепетать на земле,
Как будто в предчувствии мига,
Что все это канет во мгле.

1967

* * *

Белые гнёзда снега
Тают под переклик
Птиц, осадивших небо
Пристанционных лип.

Насыпью, там, где тает
Наст под березняком,
С грохотом пролетает
Ветер порожняком.

Там, перед ним – перроны,
Встречные города,
Встречные перегоны,
Встречные поезда.

Солнце по всем Россиям
Фабрик и деревень.
И облака на синем
Белые, как сирень.

1968

* * *

Ты говоришь, что все дела:
Тянуться вверх, идти на дно.
Но ты со мною не пила
Мое печальное вино.

Мне интересен человек,
Не понимающий стихов,
Не понимающий, что снег
Дороже замши и мехов.

И тем, что, жизнью обделен! –
Живет, лишь гривной дорожа,
Мне ближе и больнее он,
Чем ты, притвора и ханжа.

Да и пишу я, может быть,
Затем лишь, бог меня прости,
Чтоб эту стенку прошибить,
Чтоб эту душу потрясти.

1975

* * *

На остановке автобусной,
В черном осеннем пальто...
Не понимаю я – что бы с ней
Связывало? Да ничто.

Так почему же по городу
Осенью, а не весной
Еду в обратную сторону
Я у нее за спиной?

Так отчего же, – встревоженный
Чувствуя косвенно взгляд,
На остановке непрошеной
Я выхожу наугад?

И в молодой неизвестности,
В лиственный канув обвал,
Долго шатаюсь по местности,
Где никогда не бывал.

1978

* * *

Валентину Никулину

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек.

Я давно уже ангел, наверно,
Потому что, печалью томим,
Не прошу, чтоб меня легковерно
От земли, что так выглядит скверно,
Шестикрылый унес серафим.

1988

Александр Флешин

Невзначай

(тема с преувеличением)

Где сажали-сеяли,
там он вроде сена.
Только тут на Севере
знают чаю цену.

Странники промерзшие
под звездой слепую,
что сюда заброшены
дивною судьбою,

веря в силу темную
варева крутого,
за заварку скромную
всё отдать готовы.

А разжиться где же нам?
Разве что случайно...
Чай в краю заснеженном
дорог чрезвычайно!

1976, Вежайка

* * *

Я день-деньской на мир-мирской
Гляжу проникновенно.
Но не с надеждой, не с тоской,
А просто так, наверно.

Я не спешу его постичь,
Проникнуть в суть явлений.
Я не люблю купоны стричь
С моей блаженной лени.

Знать не желаю ничего
Сокрытого от взгляда.
Приемлю видимость его –
Мне лишнего не надо.

1983

* * *

Ем я листья и коренья,
Стойко мокну под дождем,
Постигая суть смиренья
Эмпирическим путем.

Снасть чиню, латаю крышу,
Саламандр творю в печи.
Всё, что можно слышать, слышу,
Преломляю все лучи.

Жизнь проста, запросы мелки;
Чуть стемнеет – спать ложусь.
Пребывая в Погорелке,
В центре мира нахожусь.

1984, Погорелка

* * *

В декабре печаль бела,
холодна и беспредельна...
В общий ров меня свела
жизнь тропинкою отдельной.

1988

* * *

Ты мне в душу не влазь –
Неча сердце ранить!
Мне Советская Власть
Дорога как память.

Александр Цыбулевский

* * *

Мы скоро, только до того угла!
Она и он так убеждали взрослых,
Вершивших свои взрослые дела.
И отпустили двух светловолосых.

А улица старалась как могла.
Ей запах лип прибавил необъятность.
Ах, пять минут до этого угла,
Ах, пять минут – и повернуть обратно.

* * * #

В автобусе за струйками воды
Видны холмы сиреневого цвета.
Поет слепой. И мальчик-поводырь
Берет, не глядя, мелкую монету.

А это верный признак, что старик
Останется один. У влаги пресной
Солоноватый привкус. Мир велик.
Уйдет мальчишка. Не об этом песня.

* * *

Лежит собака на газете.
За нею темный двор ночной.
Склад угольный и дровяной.
Блестит трамвайный путь прямой.
Еще пожить на этом свете.
Лежит собака на газете.
Ах, боже мой.

* * * #

Электрик был недолго болен
И умер в час, в три похоронен.
Помощник до смешного мал –
Какой-нибудь Кемал, Камал.

Светоначалником по праву
Он стал и плачет от души.
Свети, мигай, мигай Джейнаву –
Как крылья бабочки, маши.

* * *

Кораблик в море и в кафе серьга –
Сближалось все, что врозь и не похоже,
Но не соединялись берега –
Два одного по существу того же.

То лето выдыхает зимний пар,
А тут зима прельстительнее лета.
Постреливает гравием бульвар,
И нищенствует пес у парапета.

И кажется, еще я не встречал
Тебя – тогда: так эти волны брызжут;
Впервые слышу, как скрипит причал,
И самый блеск волны впервые вижу.

Так вот оно, великое нигде,
Во всем его разгуле и просторе.
Все время кто-то ходит по воде.
Ну что еще могу сказать о море?

Просто

Заглохший сад. Старинный дом.
Звезда в пруду не гаснет, не дробится.
...Старинный том, и в томе том
Когда-то кем-то загнута страница.

Вид из окна

Летом тут город пустеет –
Становится, как в лесу.
Кто знает, когда темнеет,
В котором точно часу?

Любовницы это знают
На целом свете одни.
И лифты их поднимают,
И в комнату входят они.

Юз Алешковский

Песня о Сталине

Товарищ Сталин, вы большой ученый –
в языкознание знаете вы толк,
а я простой советский заключенный,
и мне товарищ – серый брянский волк.

За что сижу, воистину не знаю,
но прокуроры, видимо, правы,
сижу я нынче в Туруханском крае,
где при царе бывали в ссылке вы.

В чужих грехах мы с ходу сознавались,
этапом шли навстречу злой судьбе,
мы верили вам так, товарищ Сталин,
как, может быть, не верили себе.

И вот сижу я в Туруханском крае,
где конвоиры, словно псы, грубы,
я это все, конечно, понимаю
как обостренье классово́й борьбы.

То дождь, то снег, то мошкара над нами,
а мы в тайге с утра и до утра,
вы здесь из искры разводили пламя –
спасибо вам, я греюсь у костра.

Вам тяжелей, вы обо всех на свете
заботитесь в ночной тоскливый час,
шагаете в кремлевском кабинете,
дымите трубкой, не смыкая глаз.

И мы нелегкий крест несем задаром
морозом дымным и в тоске дождей,
мы, как деревья, валимся на нары,
не ведая бессонницы вождей.

Вы снитесь нам, когда в партийной кепке
и в кителе идете на парад...
Мы рубим лес по-сталински, а щепки –
а щепки во все стороны летят.

Вчера мы хоронили двух марксистов,
тела одели ярким кумачом,
один из них был правым уклонистом,
другой, как оказалось, ни при чем.

Он перед тем, как навсегда скончаться,
вам завещал последние слова –
велел в евоном деле разобраться
и тихо вскрикнул: «Сталин – голова!»

Дымите тыщу лет, товарищ Сталин!
И пусть в тайге придется сдохнуть мне,
я верю: будет чугуна и стали
на душу населения вполне.

1959

Окурочек

Вл. Соколову

Из колымского белого ада
шли мы в зону в морозном дыму.
Я заметил окурочек с красной помадой
и рванулся из строя к нему.

«Стой, стреляю!» – воскликнул конвойный,
злобный пес разодрал мой бушлат.
Дорогие начальнички, будьте спокойны,
я уже возвращаюсь назад.

Баб не видел я года четыре,
только мне наконец повезло –
ах, окурочек, может быть, с «Ту-104»
диким ветром тебя занесло.

И жену удавивший Капалин,
и активный один педераст
всю дорогу до зоны шагали вздыхали,
не сводили с окурочка глаз.

С кем ты, сука, любовь свою крутишь,
с кем дымишь сигареткой одной?
Ты во Внукове спяну билета не купишь,
чтоб хотя б пролететь надо мной.

В честь твою зажигал я попойки
и французским поил коньяком,
сам пьянел от того, как курила ты «Тройку»
с золотым на конце ободком.

Проиграл тот окурочек в карты я,
хоть дороже был тыщи рублей.
Даже здесь не видать мне счастливого форта
из-за грусти по даме червей.

Проиграл я и шмутки, и сменку,
сахарок за два года вперед,
вот сижу я на нарах, обнявши коленки,
мне ведь не в чем идти на развод.

Пропадал я за этот окурочек,
никого не кляня, не виня,
господа из влиятельных лагерных урок
за размах уважали меня.

Шел я в карцер босыми ногами,
как Христос, и спокоен, и тих,
десять суток кровавыми красил губами
я концы самокруток своих.

«Негодяй, ты на воле растратил
много тыщ на блистательных дам!» –
«Это да, – говорю, – гражданин надзиратель,
только зря, – говорю, – гражданин надзиратель,
рукавичкой вы мне по губам...»

1965

Владлен Гаврильчик

* * *

Шкандыбаю мимо окон
На свиданье у Невы.
Над макушкой вьется локон,
Представитель головы.
В ожидании свиданья
Сердце радостно трясется
С приближением Невы.
Над макушкой локон вьется,
Представитель головы.
Я кентавром прогарцую,
Даме ручку поцелую,
Здрасьте нежное скажу,
Колоссально погляжу,
И с любовью я и Вы
Погуляем вдоль Невы.

1965

* * *

Человек, томим талантом,
Бабу снежную слепил.
И в стремлении галантном
Эту бабу полюбил.
Со словами обращался
К ней. И с ней совокуплялся.
Но она стоит одна –
Ни гу-гу и холодна.
Вьюга злится. Вьюга кружит
То над крышею, то низко.
Человек лежит простужен
С отморозенной пиписькой.
Ах, Наталья. Ах, каналья.
Толстомордая она,
Словно баба холодна.

1965

* * *

Славен город Замудонск,
Что на речке на Моче.
Реют флаги Замудонска
На пожарной каланче.
Там живут не англичане,
Там живут замудончане.
Не татары, не чухонцы,
А простые замудонцы.
Там сияет штукатурко-
Ю родильный комбинат,
Где во славу Замудонска
Замудончиков родят.
Славен город Замудонск,
Ширится его движенье
За обильное всегда
Замудонцев размноженье.

1965

* * *

То был народное гулянье.
Кругом вращались карусель
И громкий радиопродуктор
Повсюду рассыпала трель.

Все колоссально веселились,
И все чего-нибудь сказаль.
Среди мороженых сияло
Детей невинные глаза.

Направо человек из фрака
Руками быстро шевелить.
О! Это есть карош, поскольку
Здесь биль концерт происходит.

Я кушать пиво и сосиска.
Затем гуляла там и тут.
Отважно прыгать на качели
И храбро ехать с парашют.

Когда настать темно немножко,
Ракеты в небо айн, цвай, драй.
Настало мне такой хороший,
И я шепталь: Давай, давай!

Я со слезами говорить:
Ах, жизнь, я есть тебя любить!

1965

* * *

Колбасники, едритвою,
Сошлись на карнавал.
Колбасник там колбасницу,
Едритвою, едритвою,
На танец приглашал.
Колбасник и колбасница,
Едритвою, едритвою,
Танцуют краковяк,
Колбасник вдоль колбасницы,
Едритвою, едритвою,
Вьется, как червяк.
Колбасник-то колбаснице,
Едритвою, едритвою,
Пардон, прошу в буфет,
И пара на колбаснике,
Едритвою, едритвою,
Сверкающих штиблет.
Колбасник и колбасница,
Едритвою, едритвою,
Сидят в руке рука.
И девушки премилые,
Едритвою, колбасницы,
Их личика румяные,
Ну, прям, окорока.

1966

* * *

Молодые организмы
Залезают в механизмы,
Заряжают пулеметы,
Отправляются в полеты.
И растаивают в дали,
Нажимая на педали.

1966

* * *

Японский Бог, благославляя землю,
Кругом рассеял вишен лепестки.
Я, изумленный, радостно приемлю
Твоих грудей невинные соски.

В моей душе симфония играет,
Большое нечто происходит в ней:
Любимая моя меня лобзает
И посвящает в таинство грудей.

Различные условности забыты,
Одежды сняты, с тела снят запрет,
Ты гредишь, и глаза твои закрыты,
Моей любви божественный предмет.

Ах, если бы еще летать я мог,
Японский Бог, японский Бог!

1967

9-го февраля тысяча 900 шестьдесят 8-мова года

Нынче зима.
Температура окружающего воздуха
Минус 12 градусов.
Любовь Андреевна в государственном
Банке насчет премии.
Где-то в Китае происходит
Культурная революция.
А я
Такой хороший Гаврильчик.

1968

* * *

Секретарь парткома грянул:
– Сатана там правит бал!..

1968

* * *

Я прибыл к тебе на предмет поцелуя
В хорошем костюме с цветами в кульке.
Тебя я застал исключительно злую
С какой-то бумажкой, зажатой в руке.

Ты грозно вращала большими глазами,
Была ты вся бледная, словно яйцо,
И, бьют орошая свой пышный слезами,
Бумажку пихала мне прямо в лицо.

1969

* * *

Мальчик рылом роет книжку,
Поразительно прозрачен,
Он, собой являя мышку,
Прозябанью предназначен.

Бедный мальчик с рожей постной,
Ты какашка, ты несносный.

Видишь, солнышко сияет,
Все ликует, все смеется,
Быстро девочки шныряют,
Улыбаясь и шая,
Телесами шевеля.

Все прелестно, все красиво,
Там мужчины дуют пиво,
Там народ спешит в кино,
Там транзистор, там гитара.
Где ни плюнь – повсюду пара.
Всюду радости вино.

Но без всяких дураков
Мой совет тебе таков:

Нежный,
Тонкий,
Умный,
Кроткий,

Выпей, мальчик, рюмку водки –
И на улицу скорей.

Ты ж мужчина –
Царь Зверей!

1974

* * *

Матросики дерутся,
Милиция свистит.
А звездочка с звездой
На небе говорит.

Ребенок спит в кровати
И сосочку сосет
Во сне, и телевизор
О нежности поет.

Вот швейная машинка
Мерцает при луне,
Цветы благоухают...
И грустно, грустно мне.

Зачем такие драки,
Ужасный мордобой,
Такая некультурность.
Зачем? О, Боже мой!

1980

* * *

В праздник наш революционный
Все гуляют вдоль Невы.
В общем дружном хороводе
И конторские на взводе,
И фабричные кривы.

На трудящихся со стенки,
Ручкой делая привет
И лукаво улыбаясь,
Смотрит дяденьки портрет.

Флаги алые трепещут
На Балтийском на ветру.
Все народы видят нашу
Славу, Мощь и Красоту.

В праздник наш революционный
Все ликуют, все поют...
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают.

1982

* * *

Мы смотрели кино про агента,
Про гестапо и про СС.
У фашиста черная лента
Проходила лицо через.

Замирала ты тише мыши,
Когда кадр отчаянный был,
Тот, где агент, прыгая с крыши,
Метко пулю фашисту всадил.

Из кино возвращаясь, молчала
Ты, плечом прижимаясь ко мне,
И о чем-то заветном мечтала,
Что-то грезила при луне.

В заключение ты, мой ангел,
Мне сказала, платок теребя:
«Если будешь таким, как агент,
Я смогу полюбить тебя».

1982

* * *

Прихрю с работы счастливый, усталый.
Потертое в угол поставлю кайло.
С любовью похлопаю бабу по крупу.
В гавану пройду и умою хайло.

Затем порубаю. Воткну телевизор.
Пацанку усталой рукой теребя,
Внимательно, с гордостью и уваженьем,
Я стану смотреть телефильм про себя.

А в день выходной соберемся семейством,
Пойдем в зоопарк, чтобы там, так сказать,
Железной рукой приобщиться к культуре,
Зверей посмотреть и себя показать.

1985

Фазиль Искандер

Орлы в зоопарке

Орлы, что помнят свои битвы поименно,
Дряхлеют за вольерами и спят,
Как наспех зачехленные знамена
Разбитой армии владельцев небосклона,
Небрежно брошенные в склад.

Вдруг вымах крыл! Так что шатнулась верба
За прутьями. Что вспомнилось, орел?
Плеснув, в бассейне вынырнула нерпа,
Но зоопарк не понесет ущерба:
Кругом железо, да и сам тяжел.

Другой срывается на гром аэропорта,
Все перепуталось в опальной голове.
Он, крылья волоча, шагает гордо,
Приказа ждет, а может быть, рапорта,
На босу ногу в дачных галифе.

Послеатомный сон

Кажется, цел небосвод.
Но не уверен, не спору.
Тихо и страшно плывет
Айсберг по Черному морю.

Некто, последний, один.
Машет руками нескладно.
Над полыньей среди льдин.
Что в полынье? Непонятно.

Хохот безумца и страх
Душу во сне сотрясает.
Дочь его с рыбой в зубах
Из полыньи выползает.

Ирина Токмакова

Где спит рыбка

Ночью темень. Ночью тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?
Лисий след ведет к норе,
След собачий – к конуре.
Белкин след ведет к дуплу,
Мышкин – к дырочке в полу.
Жаль, что в речке, на воде,
Нет следов твоих нигде.
Только темень, только тишь.
Рыбка, рыбка, где ты спишь?

Плим

Ложка – это ложка,
Ложкой суп едят.
Кошка – это кошка,
У кошки семь котят.

Тряпка – это тряпка,
Тряпкой вытру стол.
Шапка – это шапка,
Оделся и пошел.

А я придумал слово,
Смешное слово – плим.
Я повторяю снова:
Плим, плим, плим.

Вот прыгает и скачет
Плим, плим, плим!
И ничего не значит
Плим, плим, плим.

Николай Шатров

* * *

Березка, русская березка,
Ты, если выразить цветистой
Не девушка, а папироска,
Окутанная дымом листьев.

Безразличный сонет

Есть много мудрых на земле вещей.
Вот, например, вино и папиросы,
Ловить в реке на удочку лещей
И отвечать на праздные вопросы.

Ах, все равно мне: похлебать ли щей,
Иль бегать за мечтой златоволосой,
Над золотом чахнуть, словно царь Кашей,
Иль броситься на рельсы под колеса...

Поверить в Бога и познать себя
Довольно скучно и довольно сложно.
Так и живешь, минуты торопя...

Иначе жить на свете – невозможно,
Иначе надо изменить весь мир,
Командовать... а я – не командир.

1952

Кого я люблю

Я кошку люблю за то, что спит со мною она.
Собаку люблю за то, что как собака верна.
Тебя люблю за то, что ты у меня одна.

Как кошка со мной ты спишь,
Как собака – верна навек.
Но, однако, во сне храпишь
Немножко, как человек.

1952

Последняя просьба

Когда умру, друзья, придите на могилу
И выпейте вина за упокой души...
Я трезвый жизнь любил, и жизнь меня любила,
Но, чтобы опьянеть, – все средства хороши!

Когда умру, друзья, не плачьте надо мною,
Скажите: «*Был он Человек*
В наш страшный и жестокий век».
И что-нибудь еще, такое же смешное.

1953

Кибернет

Пифийствовал кубизм. Не за горами эра
Железных роботов, чудовищных машин...
Ты отжила свое, Елена дней Гомера!
Фантом иной любви – пружинная Венера –
Реальная мечта сегодняшних мужчин.

Сознаемся теперь: Петрарка был разиней,
А Данте мямлею (свой случай упустил)...
Божественная грудь скрывается в резине!
Бессмертную жену мы купим в магазине:
Блядь с темпераментом в сто лошадиных сил!

Здесь совершенно все: фигура – Афродиты,
Мадонны голова, а волосы Нана...
Такую красоту с витрины укради ты?!
Она работает по принципу магнита
И в фотоэлемент с рожденья влюблена.

Не знает старости искусственная кожа
И не умеет лгать магнитофонный рот!
Вот кто воистину уж создана для ложа,
Чтоб упоить тебя в вибрационной дрожи!
Она всего на рубль энергии берет.

Достигнут идеал невинного разврата!
По винтикам жену ты можешь разобрать
И чудо совершить невинности возврата,
Возобновляя вмиг мгновенную утрату,
На брачную постель нести ее опять.

И ревность кончилась, как тайные измены;
Лишь запирай на ключ прекрасный манекен,

Покорная Кармен не будет делать сцены:
Ты заплатил, она оправдывает цену.
Давая, ничего не требует взамен.

Волшебный аппарат! Святая проститутка!
Пластмассовая плоть и в вакууме душа,
Возвышенная страсть без сердца и желудка.
Конструкции венец! О, мне немного жутко:
Не слишком ли она, пожалуй, хороша?!

Вдруг в пароксизме ласк, до ужаса похожих
На настоящие, в нее войдет наш дух?
О, Дьявол! Что вдруг ОН колыхнет этот кожих...
Как всех земных людей, на всех греховных ложах,
Как всех иных существ, как всех в слияньи двух?

Как знать – а вдруг она жива, но лишь иначе,
Чем хитроумные и глупенькие мы...
И сквозь ее глаза в нас смотрит некто зрячий,
Нацелив щупальцы и радуясь удаче,
Тот всемогущий ОН – хозяин вечной тьмы.

И в страшный час безумств, в момент самозабвенья,
Припав к живой душе холодным мертвым ртом,
Святую нашу кровь струя по черной вене,
ОН вместе с ней сосет Исуса откровенье
И с новой силою сражается с Христом!

1956

* * *

Переименуйте «Правду» в «Истину»,
Будет та же самая газета.
Мы живем в стране такой таинственной,
Что не рассказать и по секрету.

Тут поэты пишут заявления,
А прозаики строчат доносы...
И одни непризнанные гении
Задают дурацкие вопросы.

1967

* * *

Этим утром гул пчелиный,
Проблеск солнца в облаках...
Этой ночью молчаливой
Я лежал в твоих руках.

От земли тянуло медом,
И спокоен, как жених,
Богом был тебе я отдан,
На руках лежал твоих.

Для тебя нарочно сделан,
Сброшен с неба в мир большой...
Вот он рай – слиянье с телом,
Переполненным душой.

1970

* * *

Посмотри-ка: вот жучок!
Наклонись сюда ко мне.
Видишь, серый пиджачок
С крапинками на спине.

Поднимается пола
И другая вслед за ней.
А под ними два крыла.
Если б так же у людей?

Рутман

Песня о часовых поясах

Сверят стрелки вахта и конвой,
Втянется в ворота хвост колонн.
Ровно в десять лагерный отбой
Прогремит над проволокой зон.

Рельс о рельс колотится: отбой!
Зэк в барак торопится: отбой!
Рельсовый, простуженный, стальной
Благовест плывет над Колымой.

Вам вступать, Игарка и Тайшет!
Завернись в бушлат, Караганда!
Рельсовый заржавленный брегет
Вызвонит недели и года.

Тень до середины доползла,
Тень перевалила за Урал...
В свой черед вступает Дубровлаг
В колыбельный лагерный хорал.

Песням неродившимся – отбой!
Звездам закатившимся – отбой!
Я не сплю в московской тишине:
Через час – подъем на Колыме.

<1967>

ОДИНО АЯ ПТИЦА

ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС
 ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС
 ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС ЛЕС
 ЛЕ ЛЕ ЛЕ ЛЕ ЛЕ ЛЕ ЛЕ
 ПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕ
 ПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕ
 ПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕПОЛЕ

упражнение для заикания

будьте внимательны
 будьте настоячивы
 будьте бббдительны
 будьте оосторожны
 будьте ссчастливы
 будьте ппппрокляты
 будьте ссспокойны
 будьте зzzззнакомы
 будьте вvvvвежливы
 будьте уuuуверены
 будьте зzzзздоровы
 будьте лllllлюбезны
 будьте дdddddобры

песня летней птицы

лиле

лето
лето
лето ли
то ли лето
то ли
то ли
ли ле
ли ле
ли лето
лето ли
ли лето ли
то ли лето ли
лето ли то ли
лето

С В Е Т Т Е Н Ь Т Е Н Ь С В Е Т
С В Е Т Т Е Н Ь Т Е Н Ь С В Е Т
С В Е Т Т Е Н Ь Т Е Н Ь С В Е Т
С В Е Т Т Е Н Ь Т Е Н Ь С В Е Т
С В Е Т Т Е Н Ь Т Е Н Ь С В Е Т
С В Е Т Е Н Ь Т Е Н Ь В Е Т
С В Е Т Н Ь Т Е Н Ь Е Т
С В Е Т Ь Т Е Н Ь Т
С В Е Т Т Е Н Ь

Строка из Библии

ибо жизнь наша это жизнь трав
трав ибо жизнь наша это жизнь
жизнь трав ибо жизнь наша это
это жизнь трав ибо жизнь наша
наша это жизнь трав ибо жизнь
жизнь наша это жизнь трав ибо
ибо жизнь наша это жизнь трав

Владимир Гершуни

* * *

Микрозорким
маревоверам –
магам
марев, озёр грёзоверам.

* * *

Я нем – меня
лишил
Амур ума,
а муза – разума!
Да рад
я и музе безумия!

* * *

Я аж орала, рожая!

* * *

Аве Ева –
мадам Адам!

* * *

Мы доломались. Сила – молодым.
Они – вино,
мы – дым.

Джо-вождь*

Вот идол гор, тренер троглодитов,
Сосо – вор, кровосос,
туподум и мудопут.

* Джо – так называл Сталина Черчилль. <Прим. авт.>

* * *

– Нагло бог оболган!
– Нам бог – обман!
– Тише, поп опешит!

* * *

Я, дядя,
тети раритет
и рефери
мам,
пап
и бэби,
решу, как акушер:
матушку – к шутам!
Опеленала нелепо.
А папа –
цыц!
И ребенка так не бери.

* * *

Гол, а налог
тащат!

* * *

Наган,
цени в себе свинец!

* * *

Умыло Колыму
алым. Омыла
Воркуту кровь.

* * *

Ропот древ. Тверд топор –
и летят ели!

* * *

Сóлоп зебр без полос.

Ошибка смерти

– Я не мру, чур меня!

* * *

Мир озарим и разорим!

* * *

Язу я
переп-
льл...

* * *

Меня истина манит сияньем.

* * *

Вид у лешака шелудив.

* * *

Мир берестой отсеребрим...

Кролик и Удав

Весь зоопарк смешил до коллик
борец за правду – смелый Кролик,
сказавший прямо, что неправ
его глотающий Удав.

* * *

Мы вошли когда-то в Прагу, а
не пора ли в Никарагуа?

Счастлиное диссидентство

(Милодекламаця)

Досиденты* репетируют арестанцы,
диссидеды смотрят с мукоризной,
как диссидеточки играют в тюремек.
Миниатюрьмы одеты в грешётки.

– Бродители, снимите с них намордники
и пойте нам сюрренады!

– Ах, затейники застенники,
теребята зубияки, резвята, демчурки!

Ну какие же из вас арестократы?

И что это за мрачная хромантика?

Прекратите эти эпигонки!

Не балуйтесь вы столь компрометчиво,
исполняя свои увертюрьмы:

за рискованной этой скокофонией

будет долгая скукофония

невеселой камерной музыки –

те бессонные бесонаты

прокурортов и зонаториев.

Не спешите с барачными узами

и не стройте из себя компрометеев!

Эх, играли бы вы лучше в резолюцию,

да учили бы конспиранто...

– Ах, бродители теребители, зудянки, хвороньё!

Прекратите это кровокарканье!

Мы просили спеть нам сюрренады,

а вы заливааете хромансы,

помпулярные, точно ложунги

дидактической бормотургии

чернобравого дохладчика.

Лучше камерная скукофония,

чем спасительная хилософия,

хамжеская, как хвостливая

ликовальня конституциков,

их хвасторг и флаголепие

и бровурные уратории –

крикатуры на сотрутничество

гегемонстров и клоакеров

трибунного портвейнгеноссе,

витринного Бонапарда

в его живом циркофаге.

1978

* Современ. фольклор: среди диссидентов различают *досидентов*, *сидентов* и *отсидентов*. <Прим. авт.>

Анатолий Жигулин

Утиные Дворики

Утиные Дворики – это деревня.
Одиннадцать мокрых соломенных крыш.
Утиные Дворики – это деревья,
Полынная горечь и желтый камыш.

Холодный сентябрь сорок пятого года.
Победа гремит по великой Руси.
Намокла ботва на пустых огородах.
Увяз «студебекер» в тяжелой грязи.

Утиные Дворики...
Именем странным
Навек очарована тихая весь.
Утиные дворики...
Там, за курганом,
Еще и Гусиные, кажется, есть.

Малыш хвостиком играет у хаты.
Утиные Дворики...
Вдовья беда...
Всё мимо
И мимо проходят солдаты.
Сюда не вернется никто никогда...

Корявые вербы качают руками.
Шуршит под копной одинокая мышь,
И медленно тают в белесом тумане
Одиннадцать мокрых
Соломенных крыш.

1966

* * *

Соловецкая чайка
Всегда голодна.
Замирает над пеною
Жалобный крик.
И свинцовая
Горькая катит волна
На далекий туманный
Пустой материк.

А на белом песке –
Золотая лоза.
Золотая густая
Лоза-шелюга.
И соленые брызги
Бросает в глаза,
И холодной водой
Обдает берега.

И обветренным
Мокрым куском янтаря
Над безбрежием черных
Дымящихся вод,
Над холодными стенами
Монастыря
Золотистое солнце
В тумане встает...

Только зыбкие тени
Развеянных дум.
Только горькая стылая
Злая вода.
Ничего не решил
Протопоп Аввакум.
Все осталось как было.
И будет всегда.

Только серые камни
Лежат не дыша.
Только мохом покрылся
Кирпичный карниз.
Только белая чайка –
Больная душа –
Замирает, кружится
И падает вниз.

1973

Памяти друзей

Имею рану и справку.
Борис Слуцкий

Я полностью реабилитирован.
Имею раны и справки.
Две пули в меня попали
На дальней, глухой Колыме.
Одна размозжила локоть,
Другая попала в голову
И прочертила по черепу
Огненную черту.

Та пуля была спасительной –
Я потерял сознание.
Солдаты решили: мертвый,
И за ноги поволокли.
Три друга мои погибли.
Их положили у вахты,
Чтоб зеки шли и смотрели –
Нельзя бежать с Колымы.

А я, я очнулся в зоне.
А в зоне добить невозможно.
Меня всего лишь избили
Носками кирзовых сапог.
Сломали ребра и зубы.
Били и в пах, и в печень.
Но я все равно был счастлив –
Я остался живым.

Три друга мои погибли.
Больной украинский священник,
Хоть гнали его от вахты,
Читал над ними псалтырь.
И говорил: «Их души
Скоро предстанут пред Богом.
И будут они на небе,
Как мученики – в раю».

А я находился в БУРе.
Рука моя нарывала,
И голову мне покрыла
Засохшая коркой кровь.
Московский врач-«отравитель»
Моисей Борисович Гольдберг
Спас меня от гангрены,
Когда шансы равнялись нулю.

Он вынул из локтя пулю –
Большую, утяжеленную,
Длинную – пулеметную –
Четырнадцать грамм свинца.
Инструментом ему служили
Обычные пассатижи,
Чья-то острая финка,
Наркозом – обычный спирт.

Я часто друзей вспоминаю:
Ивана, Игоря, Федю.
В глухой подмосковной церкви
Я ставлю за них свечу.
Но говорить об этом
Невыносимо больно.
В ответ на расспросы близких
Я долгие годы молчу.

1987

Юрий Кашин

* * *

Литфонда пляж – зверинца клетка,
Где представители писательских пород
Подходят изредка к границе-сетке
И с интересом смотрят на народ.

1984, Коктебель

* * *

Утро. Очень рано.
Во всем, повсюду – осень.
В молоке тумана
Стоят по брюхо лоси...

1985

* * *

Мой утолив любовный пыл,
Сказала, прикрывая грудь:
«О том, что было, позабуди!»
Забыл, забыл, уже забыл...

1990

* * *

Любимая моя проста.
Портрет ее таков:
Четыре лапы, полхвоста
И полный рот зубов!

1991

* * *

Брак паучий упрощен:
Сделал дело – самка съела.

Нам спасает наше тело
Их надежда на еще.

1993

* * *

Туман в глазах зеленеет. Это
Я увидел – наступает лето.

1994

* * *

Исходят пухом тополя
В стремленьи жить.
Но заасфальчена земля –
Не прошибить.

1994

* * *

Я ближних слышу каждый вздох.
И в каждом вздохе: «Чтоб ты сдох!»

1996

* * *

Пью жизни скисшее вино.
Одно отрадно – видно дно!

2000

* * *

У метро под дождем старый нищий,
Биографии факт не тая,
Пел, на водку прося или пищу:
«Комсомольская юность моя...»

2000

Борис Климычев

Венера

До костей я продрог. За киосками вскоре
Я окурочок нашел, раздобыл и огня.
«Что ты сделал для фронта?!» – плакат на заборе
Тыкал пальцем огромнейшим прямо в меня.
Что я сделал для фронта? Мне было двенадцать,
В кочегарке под домом я спал у котла,
В полшестого велел кочегар выметаться,
А весна по-сибирски колючей была.
Покурил и к картинной пошел галерее,
Там бесплатно пускают, но есть там старик:
Если ноги в грязи, он – ругаться скорее,
Поднимает зазря он отчаянный крик.
Ну и пусть! Но зато там картина такая:
Возле моря по склонам взбегают сады,
И лежит под деревьями тетка нагая,
А над ней золотистые зреют плоды.
Я на тетку на эту смотрел без подвоха,
Я об этом не очень-то думал тогда,
Просто сильно устал, просто было мне плохо
И хотелось шагнуть прямо в раму, туда.
Я плодов бы наелся, помылся бы в море,
Попросил бы у тетки рублевку взаймы,
Табаку бы купил и зажил бы без горя
На холмах, где вовек не бывает зимы.

* * *

Сосед ступает с трешки на пятерку,
Ворота подпирает четвертным.
И по всему видать, соседу горько,
Что из трубы зазря выходит дым.
Опять обводит двор он цепким взглядом,
Бойтся упустить чего-нибудь,
Накрыл сенцо брезентом у ограды,
Осталось пленку всю с теплиц свернуть.
Голо вокруг.
Наверно он и лето
Свернул в рулон, унес от лишних глаз
И положил его за печкой где-то,
Как истинный хозяин,
Про запас.

Алексей Прасолов

Сказка

У обрыва ль, у косы,
Где певучее молчанье,
Обронила ты часы...
Сказка летняя в начале.

Все речные духи вдруг
Собрались в подводном мраке
И глядят на четкий круг,
На светящиеся знаки.

Поднести боясь к огню
Замурованную душу,
Каждый выпростал клешню
И потрогал. И послушал.

Под прозрачный тонкий щит
Не залезть клешнею черной.
Духи слушают: стучит
Непонятно и упорно.

Выжми воду из косы
Злою маленькой рукою.
Говорил я про часы,
Да сказалось про другое.

Сверху – зыбью облака.
Сверху – солнечная пляска,
Но темна и глубока
Человеческая сказка.

Опусти пред нею щит,
И тогда услышим двое,
Как на дне ее стучит
Что-то теплое, живое.

1964

* * *

Я услышал: корявое дерево пело,
Мчалась туч торопливая, темная сила
И закат, отраженный водою несмело,
На воде и на небе могуче гасила.

И оттуда, где меркли и краски и звуки,
Где коробились дальние крыши селенья,
Где дымки – как простертые в ужасе руки,
Надвигалось понятное сердцу мгновенье.

И ударило ветром, тяжелою массой,
И меня обернуло упрямо за плечи,
Словно хаос небес и земли поднимался
Лишь затем, чтоб увидеть лицо человечесьё.

1965

* * *

Лес расступится – и дрогнет,
Поезд – тенью на откосах,
Длинно вытянутый грохот
На сверкающих колесах.

Раскатившаяся тяжесть,
Мерный стук на стыках стали,
Но, от грохота качаясь,
Птицы песен не прервали,

Прокатилось, утихая,
И над пропастью оврага
Только вкрадчивость глухая
Человеческого шага.

Корни выползли ужами,
Каждый вытянут и жилист,
И звериными ушами
Листья все насторожились.

В заколдованную небыль
Птица канула немая,
И ногой примятый стебель
Страх тихонько поднимает.

1966

* * *

В этом доме опустелом
Лишь подобье тишины.
Тень, оставленная телом,
Бродит зыбко вдоль стены.

Чуть струится в длинных шторах
Дух тепла – бродячий дух.
Переходит в скрип и шорох
Недосказанное вслух.

И спохватишься порою
И найдешь в своей судьбе:
Будет все твое с тобою,
Да не весь ты при себе.

Время сердце не обманет:
Где ни странствуй, отлучась,
Лишь сильней к себе потянет
Та, оставленная, часть.

1968

* * *

Нет, лучше б ни теперь, ни впредь
В безрадостную пору
Так близко, близко не смотреть
В твой зрак, ночная прорубь.

Холодный, черный, неживой...
Я знал глаза такие:
Они глядят, но ни одной
Звезды в них ночь не кинет.

Но вот губами я приник
Из проруби напиток –
И чую, чую, как родник
Ко мне со дна стремится.

И задышало в глубине,
И влажно губ коснулось,
И ты, уснувшая во мне,
От холода проснулась.

1968

Дмитрий Сухарев

Север

Взял я сито и слова просеял,
Мелкий мусор ветром унесло,
Но осталась горсть хороших слов,
Поглядел я – а они про Север.
Север!
Не любой, но о котором
Так и помню:
Небосвод высок,
Снизу Рома возится с мотором,
Уточка летит наискосок...

1958

Пристань

У нас и пристань есть. Она
Собой являет три бревна.
Здесь ждут, кому судьба дала
В Кашире важные дела:
Тому купить сукно, холстец,
Тому на фабрику, на ТЭЦ.

У нас на пристани молчат.
Ребята смотрят на девчат,
А те не смотрят на ребят –
Сидят, былинки теребят.
А малолетний и седой
Следят за чуткою водой.

У нас под пристанью в тиши
Живут мудреные ерши,
А возле лодки, невдали,
Порой берут и голавли.
Они клюют на пескаря,
Едва затеплится заря.

А на заре у нас всегда
Дымит, туманится вода.
Тогда река мягка как пух,
И слово, молвленное вслух, –

Беззвучней мысли, хоть оно
И вправду произнесено.
И вправду – слушай и молчи,
И утро звуком не мельчи:
Лови щекою ветерок,
Внимай рождению тихих строк, –
А катер явится в свой срок,
А катер явится в свой срок.

Не карамель

Загадку задал мне
Старик Иван Степаныч:
В цветочках, а не луг,
Под крышей, а не клуб,
С начинкой, а не карамель.

– Автобус! – крикнул я. –
Везет детишек в лагерь!

Степаныч аж затрясся,
Повизгивал,
Слезливые глаза ладонью растирая,
Закашлялся,
Вдруг посинел и умер.

Теперь лежит
С Филипповной своею рядом.
Никто к ним не заглянет.
Пришел бы сын, да больно далеко
Ему шагать из братской той постельки.

Прости, Степаныч! Так я и не знаю
Ответа на твою загадку:
В цветочках, а не луг,
Под крышей, а не клуб,
С начинкой, а не карамель.

1965

Поедем в Бухару

Поедем в Бухару,
К узбекам в гости, а?
Поедем по жару,
Погреем кости, а?

По дыни!
 У лотка
Шершавую возьмешь,
Прижмешь ее слегка
И – нож в нее!
Сладка...

А хочешь, в Исфару
Поедем по урюк.
Урючин знойный сок
Прозрачен и упруг.

Губами придави –
Под сонной кожурой
Он ходит как живой!
Глаза закрою – и
Растаю,
Воспарю...

Поедем в Исфару!
По горы!

 По горам
Полазаем!
Вели –
Я телеграмму дам,
Бельишко соберу.

Ведь я родился там,
Пойми, родился там.

Не знаю, где умру...

1965

Черными горами

А мне красться не судьба
Черными горами,
Не студить чумного лба
Черными ветрами,
Ни при звездах и луне,
Ни под черной тучей
Не толкать ладонью мне
Двери нескрипучей.

Ничего мне не понять
На высоком ложе,
Поцелуем не унять
Чьей-то дивной дрожи,
Не цепляться за плечо
На краю обрыва –
Отчего так горячо?
Отчего счастливо?

Не срывался я, хмельной,
В пустоту обвала,
Ничего того со мной
Сроду не бывало,
Не бывало до сих пор
И не будет случай –
Не бывает черных гор,
Двери нескрипучей.

И не снится мне обрыв
Прямо с кручи горной,
Где сидит, глаза прикрыв,
Старый ворон черный;
Старый ворон, черный вран –
Все он ждет, зевая,
Пока вытечет из ран
Моя кровь живая.

1975

Самолетик

Целовались в землянике,
Пахла хвоя, плыли блики
По лицу и по плечам;

Целовались по ночам
На колючем сеновале
Где-то около стропил;

Просыпались рано-рано,
Рядом ласточки сновали,
Беглый ливень из тумана
Крышу ветхую кропил;

Над Окой цветы цвели,
Сладко зонтики гудели,
Целовались – не глядели,
Это что там за шмели;

Обнимались над водой
И лежали близко-близко,
А по небу низко-низко –
Самолетик молодой...

1975

Две женщины

Две женщины проснулись и глядят –
Проснулись и глядят в окно вагона.
Две женщины умылись и сидят –
Друг дружку наряжают благосклонно.

Две тайны примеряют кружева,
Им так охота выглядеть красиво!
Одна из них пять платьев износила –
Она пять лет на свете прожила.

Одна пять лет на свете прожила
И повидала разного немало.
Другая – пять смертей пережила
И пятый свой десяток разменяла.

Две ясности, две хитрых простоты
Играют в дурачка на нижней полке,
А сам дурак лежит на верхней полке,
Заглядывая в карты с высоты.

Там на заход валетик желторотый,
Там на отбой четыре короля,
Там козырями черви под колодой,
Там за окном летучая земля.

И карты сообщают так немного,
И так земля летучая легка,
И так длинна, так коротка дорога,
Что можно спать, не слушая гудка.

1977

Лев Халиф

* * *

– Из чего твой панцирь, черепаха? –
Я спросил и получил ответ:
– Он из пережитого мной страха
И брони надежней в мире нет.

1950-е

Аркадий Гаврилов

* * *

Скрипит до утра
Незакрытая форточки створочка,
Пугая во тьме
Хуже всякого черта рогатого.
У Бога за пазухой
Всегда согревается корочка
Для нищего духом...
Но кто питает богатого?

1975

* * *

“No! I am not Prince Hamlet”.

T. S. Eliot

The Love Song of J. Alfred Prufrock

Что легче – умереть, не зная, что за гробом,
Иль жить, как все – безропотно ярмо
Нести, прислушиваться к жалобам утробы,
Прислуживаться и глотать дерьмо?..

О, Господи! Какой я к черту Гамлет!
Я русский мальчик с выгоревшей челкой.
Мы все такие. Задаваться нам ли
Вопросами? Нам нужно с комсомолкой
В свой срок в подъездах темных обжиматься.
Потом жениться. А потом убраться.

1975

Ворона

Напротив – дерево без кроны,
Засохшее давным-давно.
На дереве сидит ворона
И смотрится в мое окно.

И я гляжусь в обличье птичье,
В глаза с нездешней хитрецей,

И все-то в ней мне симпатично:
И тело в перьях, и лицо.

Но вот сидеть ей надоело –
Что можно высмотреть в окне?
Она снялась и улетела,
И стало одиноко мне,

Как будто бы на целом свете
Нет никого родней ее...
А по двору гуляет ветер
И треплет нижнее белье.

1978

* * *

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
М. Ю. Лермонтов

Мне не надо ни терема,
Ни коня, ни девицы –
Умереть бы, как дерево,
Где случилось родиться,
И лежать бы, как водится,
На погосте у храма
Рождества Богородицы
Под землей и ветрами,
Под февральскими вьюгами
И под ливнями с громом
По дороге на Юрьево
В километре от дома.

1978

Натюрморт

На старенькой веранде –
Бутылки на окне.
Вот так же у Моранди
Они на полотне
Стоят – художник строит
Из них и лад, и ряд,

Но в темное нутро их
Не проникает взгляд.

1979

Весь мир во мне

Весь мир во мне – и травы, и деревья,
И разные цветы растут во мне,
И города, и малые деревни
Построены внутри, а не вовне.

Вместивший всё – от бабочек до звезд –
Живет во мне, никем не обнаружен,
Огромный мир... Но что тогда снаружи
Поет, и плачет, и к себе зовет?

1980

* * *

Тайно стихи пишу –
Словно курю анашу –
Затем их сую в стол –
Будто патрон в ствол.

1985

* * *

Мы жили в первом этаже,
А Бог жил выше.
Его давно там нет уже –
Куда-то вышел.

И хоть прошли уже года,
Мы всё не верим,
Что Бога нет, и иногда
Подходим к двери.

1987

Глеб Горбовский

Фонарики

Когда качаются фонарики ночные,
и темной улицей опасно вам ходить,
я из пивной иду,
я никого не жду,
я никого уже не в силах полюбить.

Мне девка ноги целовала, как шальная,
одна вдова со мной пропила отчий дом...
А мой нахальный смех
всегда имел успех,
а моя юность пролетела кувырком!

Сижу на нарах, как король на именинах,
и пайку серого мечтаю получить.
Гляжу, как кот, в окно,
теперь мне все равно,
я раньше всех готов свой факел погасить.

Когда качаются фонарики ночные,
и черный кот бежит по улице, как черт,
я из пивной иду,
я никого не жду,
я навсегда побил свой жизненный рекорд...

1953

Юность

Пили водку, пили много,
по-мужицки пили – с кряком.
А ругались только в бога,
ибо он – «еврей и скряга».

Кулаки бодали дали,
кулаки терзали близи.
На гвозде висевший Сталин
отвернулся в укоризне.

Пили водку, пили смеси,
пили, чтоб увидеть дно!

Голой жопой терся месяц
о немытое окно.

1954

* * *

Ни хороший я, ни плохой –
просто был в этот вечер пьян.
Потерял меня пароход,
обронил меня в океан.

Окунулся я – и смотрю:
спит зеленая тишина.
На полотнищах моих брюк
рыба светится, как луна.

В волосах сидит существо,
молча лапками шебаршит.
Из друзей моих – никого,
хоть бы жалостный какой жид.

Ни ларька вокруг, ни столба,
дно заросшее – нет пути.
Значит, всплыть – уже не судьба?
Значит, пропадом пропади?

...Пусть воды вокруг – толщина,
лишь бы, Господи, – тишина,
тишина вокруг и покой...
Изумительный
я какой!

1957

На танцах

Ты – танцуешь! И юбка летает...
Голова улеглась на погон.
И какая-то грусть нарастает
с четырех неизвестных сторон.

Ударяет в литавры мужчина,
дует женщина страшно в трубу...
Ты еще у меня – молодчина,
что не плачешь, кусая губу.

Офицерик твой, мышь полевая,
спинку серую выгнул дугой.
Ничего-то он, глупый, не знает,
даже то, что он – вовсе другой...

1959

* * *

А землю трогает снежок.
И все не тает... А пора бы!
За щеки вставив пирожок,
идут смышленные прорабы.

Они задумали завод,
они поднять его решили
среди пружинистых болот,
где – до того – лягушки жили.

И просиял небесный свод,
и вздрогнул лес, как от щекотки!
Они задумали завод
по производству белой водки.

Сейчас начнут повелевать,
сейчас закурят для начала.
И наш завод начнет вставать
и озираться одичало!

1959

* * *

Все, что я хотел на свете –
это делать строчки эти!
Но пришлось колоть дрова,
но пришлось пасти скотину,
на вокзалах – воровать
чемоданы и корзины...
Но пришлось сидеть в тюрьме,
сочинять блатные песни...
Но пришлось ходить в дерьме,
есть буханочную плесень...
Но пришлось спасать башку
от лягавых и фашистов...
Пить из горлышка тоску
и гнить в болотах мшистых...

Сибирячить, латышить,
сахалинить, ленинградить...
И случалось спать у бляди.
...А вообще – хотелось жить!

1959

Каково?

Каково на свете птицам
без орудий производства
строить гнезда и кормиться
без основ животноводства?

Каково зверью на свете
убивать без револьверов,
не читать, как чтут в газете
твой грабеж больших размеров?

Каково ползучим гадам,
вечно лежа, и ни разу,
ковыряя носом падаль,
не надеть противогаза?

Каково на свете людям –
мы и спрашивать не будем.

1959

* * *

Я сижу за оконной рамой,
мне не хочется шевелиться...
Родила меня – просто мама,
а могла бы родить – птица.

1960

* * *

Н. Р.

В саду цветы полузавяли,
еще немного и – мертвы.
Меж туч светило, как в провале,
моей не греет головы.

Боюсь осенних помрачений,
когда вот-вот – и грянет снег...
Боюсь, как всякий злой, вечерний
и одинокий человек.

1960

* * *

Мы сидели чинно в парке,
ели пряники, молчали.
Пароход шипел и харкал
ниже парка – на причале.
Кто-то ерзал на гармошке
упоительно и тошно.
На деревьях пели кошки
одиноко и тревожно.
А на пристани у кассы
мы расстались, как на сцене.
Ели пряники напрасно –
без идеи и без цели.
Пароход затем отчалил,
увозя твою прическу.
Я остался на причале –
молодой и трезвый в доску!

1960

* * *

Конкретно я любил Любашу,
абстрактно я любил Анюту.
Я иногда любимых спрашивал:
– А с кем я спать сегодня буду?

Любаша скидывала кофточку,
ложилась плотно, как в могилу.
Анюта сбрасывала крылышки...
Анюты не существовало.

1960

В ресторане

– Если можно, принесите сигарет!
Уберите также крошки со стола.

А вот этот непочтительный брюнет –
почему он нависает, как скала?

Вы решили, что я сник и одинок.
Вы сказали, что я гопник – не поэт.
Я разбавлю вам горчицею вино...
Если можно, принесите сигарет!

Я вас очень попрошу курить под стол.
А иначе – я вам... что-нибудь спою.
Я сыграю вашей кепочкой в футбол!
Отойдите: я с утра не подаю.

...На столе салат завял, как овдовел.
В лимонаде молча сдохли пузыри.
На эстраде человечек заревел,
словно что-то вырвал – с корнем изнутри!

Я встаю, слегка ощупав свой бюджет.
Уходи отсюда, Глебушка-дружок!
– Если можно, принесите сигарет...
А брюнету мы запишем тот должок.

1960

Песенка про постового

У помещенья «Пиво-Воды»
стоял советский постовой.
Он вышел родом из народа,
как говорится, парень свой.

Ему хотелось очень выпить,
ему хотелось закусить.
Хотелось встретить лейтенанта
и глаз подлюке погасить.

Однажды ночью он сменился,
купил полбанки коньяку.
И возносился, возносился –
до потемнения в мозгу.

Деревня древняя Ольховка
ему приснилась в эту ночь:
сметана, яйца и морковка,
и председателя дочь.

Потом он выпил на дежурстве,
он лейтенанта оттолкнул!
И снилось пиво, снились воды, –
как в этих водах он тонул.

У помещенья «Пиво-Воды»
лежал довольный человек.
Он вышел родом из народа,
но вышел и... упал на снег.

1960

Песенка про шофера

Он вез директора из треста
на «Волге» цвета изумруд.
Не суждено было до места
доехать тем, кого везут.

На самом резком повороте
хватил шофера паралич.
В предсмертной жалобной икоте
упал на руль шофер Кузьмич.

Директор делал выкрутасы,
баранку рвал у мертвеца...
Но ни одна на свете трасса
ведь не бывает без конца.

Она кончалась магазином,
где ювелир, как изумруд,
стоял, роскошный рот разинув,
сказав: «Сейчас меня убьют...»

Вот так убили ювелира, –
убил его мертвяк-шофер.
И поэтическая лира
на том кончает разговор.

1960

* * *

Лежу на дне коньячной речки, –
то рыбы надо мной, то жабы,
то восхитительные речи
руководителей державы.

Я ощущаю толщу фальши,
хлебнув – утешного – истошно!
И посылаю всех – подальше.
И засыпаю осторожно.

1961

В подвальчике

Владимиру Бахтину

Это плачет дождь – и только,
по тебе или по мне.
Металлические столики –
в нечаянном вине.

Это розовый комарик
набухает на виске.
Это бегают сударик
с полотенцем на руке.

На лице твоём порода
чуть наметила скулу...
Это плачет непогода,
слезы льются по стеклу.

Нас никто не замечает,
кроме Бога. Ты не плачь.
А головушкой качает
дядя Коля. Он – стукач.

1961

* * *

На перроне ходят люди,
ждут отправки: кто – куда.
Рядом в каменной посуде –
кипяченая вода.
Пожелайте, воробьишки,
мне ни пуха, ни пера.
Пассажиры точат книжки,
как жуки... Стоит жара.
И шибает из вагона
всем, чем пахнет человек.
Вот пакетик от бекона
на путях окончил век,

вот неясная старушка
помочилась между шпал...
Вот земля – моя подушка,
на которой я поспал.

1963

* * *

На колымском тракте – трактир:
пьет проезжий преступный мир.
Пролетают с воплем машины,
тянут бешеный свой пунктир.
...А в трактире – преют плешины.
Вышла девушка на крыльцо,
кровью вымазано лицо...

1962

Поединок

Мне говорят: «Бери топор,
пойдем рубить кого попало!»
А я багряных помидор
хочу, во что бы то ни стало!

Мне предлагают: «На – деньгу.
Купи жену, купи машину».
А я кричу кукареку!
Поскольку так душа решила.

Мне шепчут: «Сочини словцо
про дядю Васю... Вот чернила».
А я зажал в дверях яйцо
и улыбаюсь, как горилла.

Меня хватают за рукав:
«Пойдем в кабак! Попарим душу!»
А я в ответ на это: «Гав!!»
И зубы страшные – наружу.

...Зовут, скулят. Устали звать.
Молчат угрюмою гурьбою.
А я хочу поцеловать
вот это небо голубое!

1967

* * *

В час есенинский и синий
я повешусь на осине.
Не Иуда, не предатель,
не в Париже – в Ленинграде,
не в тайге, не в дебрях где-то –
под окном у Комитета...
...Что мне сделают за это?

1968

* * *

Б. Тайгину

На лихой тачанке
я не колесил,
не горел я в танке,
ромбы не носил,
не взлетал в ракете,
утром, по росе...
Просто жил на свете,
мучился, как все.

1970

* * *

Выцветшие мелочи,
утлый дачный быт.
Надпись на тарелочке:
слово «Общепит».

Что-то неудачное,
шрамом на лице,
мрачное, барачное
в том сквозит словце.

Что-то тускло-мнимое,
как сухая ржа,
злое, но родимое,
с чем срослась душа.

1991

Яков Зугман

* * *

Несчастье поселивший
Божницею в углу,
Как кот на пепелище,
Зароюсь я в золу...

Лежу в промерзшем доме,
Где не коснуться стен,
Холодные ладони
Сжимая меж колен.

Не разожгу поленья,
От холода дрожа,
И не боюсь презренья,
Как нищий – грабежа,

Как донор – вида крови,
Как смерти наяву.
Мне все понятно, кроме
Того, что я живу.

Живу, когда сломали
Последний мой запрет,
Живу, хотя словами,
Как рубищем, одет.

Не плачу и не спорю,
Не жду и не ропщу.
Органный рокот горя
В душе своей ращу.

Меж темными печами
Хрустит в золе стекло.
Тепло моей печали,
Последнее тепло...

1971

Герман Плисецкий

* * *

Я жил в Ленинграде, на Малой Морской,
в подвале, на уровне ног.
Галоши и клеши я видел с тоской,
а выше я видеть не мог.

Потом там пивную открыли. В подвал
спустившись, я с кружкой сидел
на том самом месте, где прежде лежал,
и в то же окошко глядел.

Сенатская площадь, Собор, Фальконет,
Дворец, Александровский столп –
все будто бы рядом, и будто бы нет...
Лишь топот мятущихся толп!

Василий Алексеич

Памяти дяди

Ты приходил, как вор, в цековский дом
в отсутствие родителей партийных,
не занятый общественным трудом
небритый завсегда мей мест питейных.

А в доме том в те годы по ночам
стучали в дверь – то далеко, то близко.
Но не стрелял никто и не кричал:
шла тихая химическая чистка.

Перед окном был Кремль. Поверх голов
церквей и всей пречистенской рутины
я видел: верхолаз взамен орлов
крепил на башнях звездные рубины.

Ты приходил с гитарой за плечом –
свидетельством беспутности и дара.
О чем ты пел, брэнча струной, о чем?
Я не запомнил. Я читал Гайдара.

О чем хотел сказать? Не знаю я.
О чем-нибудь, в чем мы души не чаем?

И бабка православная моя
тебя поила четвертинкой с чаем.

Потом ты сгинул, потонул, пропал
в тех далях, о которых думать зябко.
В войну пришло письмишко на Урал,
и плакала тайком от мамы бабка.

И всё. Навеки выбыл адресат,
чтоб мама больше не стыдилась братца.
Запомнилось: «свобода» и «штрафбат»,
«отечество», «возможность оправдаться».

И всё. Как просто спичку погасить –
почти как птичку выпустить из клетки!
И бабки нет, и некого спросить,
а за окном мелькают пятилетки.

Давно все решено, Василий. Но
порою отменяются решенья.
Мне, в виде исключения, дано
божественное право воскрешенья.

Пусть, кости нам колесами дробя,
с тяжелым скрипом катится Расея –
я силой слова оживлю тебя,
сын деда моего, сын Алексея!

1976

Автоэпитафия

Жил я в Химках. Гладил кошку.
Спал с женою. Ел картошку.
Водку пил. С женою ладил.
Ел пельмени. Кошку гладил.

Роман Сеф

* * *

Слава мамам и папам
Нашей славной страны,
По далеким этапам
Их помянут сыны.
Будет песня стучаться
В подголовник косо́й,
Нас поднимет начальство
С самой первой росой,
Плюхнут каши на донце,
Соберут на развод,
И увидим мы солнце,
Выходя из ворот,
И обнявшись с друзьями,
Я скажу им: Ну что ж!
Мир устроен не нами,
Но чертовски хорош!

1958

* * *

Кошка пролезла в калитку,
Почтальон бросил в ящик открытку,
И соседка,
Что наверху,
Включила электроплитку.
Я их зарифмовал,
Воедино связал их куплетом,
А они продолжали жить,
Ничего не зная
Об этом.

1960

Саня

Саню взяли на мосту ровно в полвосьмого,
Двое в штатском подошли: «Просим погулять!»
И по улице Лесной повезли родного
На машине ММЖ 30–25.

Чемоданчик с барахлом – вся экипировка,
Жизнь его пошла на слом, жизнь – на волоске,
Но надежда все же есть, есть татуировка,
Ленин – слева на груди, прямо на соске.

Кто же в Ленина стрельнет? Это невозможно,
Разве только что Каплан, да и та давно...
А что жизни нет совсем – это слишком сложно,
Жизнь она, конечно, есть, даже где темно.

Но в затылок заползла маленькая пуля,
Подписали протокол, двинули в упор.
Это сделал не со зла третьего июля
Сидоров Иван Кузьмич, гвардии майор.

1981

* * *

Моя соседка шьет пальто
И тихо дружит со Всевышним,
Пускай неграмотна, зато
Ей лет за девяносто
С лишним.
Проста, разумна и добра,
Тоскует
В мире окаянном;
Ей пишет иногда сестра,
Живущая за океаном.

1997

* * *

Вагоны – это стулья,
А паровоз – кровать,
А если ты не веришь,
То можешь
Не играть.

Кибернетические стихи

В самом весёлом краю
Живут самые весёлые люди.
В самом весёлом кра (банг!!!)
Живут са (тр-р-рах!) весё
(тлиньш-ш-ш).
(Это сломалась машина,
которая пишет эти стихи.)

Всасасасасаса

ве

ве

ве

ве

ве

ве

ве

ве

Кра кра кра

кра кра

кра кра кра

у-у-у-у-у-у-у-у

(Это мчится машина,
В которой сидит механик,
Он едет чинить машину,
Которая пишет эти
Стихи.)

Михаил Сопин

* * *

Дым над осенью,
Резкий и синий.
Едкой гарью октябрь напоен.
Дым. И дождь
По военной России,
Проникающий в сердце мое.
Дождь:
По горьким солдатским усмешкам,
По глазам,
По стальному стволу.
Догорают избы головешки.
А над полем – кувшин на колу...
Кони. Кони.
Блестят, как тюлени.
Где-то справа машины гудят.
Прикрываю руками колени,
Меж лопаток –
Мурашки дождя.
И не знаю – зачем,
Но запомню:
Что-то слышно
В недалёней пальбе.
Что-то думают мокрые кони
О своей
И о нашей судьбе.
Начинается новая эра,
Отсекая дороги назад.
Я рождаюсь вот здесь,
В сорок первом,
Мертвым сверстникам
Глядя в глаза.

1980-е

* * *

Моим родимым – Леночке с Вадимом

Бой глуше. Дальше. Стороной.
Я обречен державной кликой
Беззвучно плакать
Над страной
В период гласности великой.
Чем больше павших и калечных,
Тем громче слава о войне.
И страшно то,
Что страх во мне
Истлел.
Испеплился.
Навечно.
К тому и шли, мечту веков
Осуществив впервые в мире!
Дым разнесло, в державном тире –
Ни белых, ни большевиков.
Кто устремился к грабежу,
Кто – к ностальгии о тиране.
Прижав ладонь к тяжелой ране,
Один на бруствере лежу.
Мне, отшагавшему в строю,
Сценарий ясен:
Враг дал дёру.
Приспело время мародеру –
По душу смертную мою.

1991

* * *

К исходу день.
Хлеб черный есть на ужин.
Я никому –
И мне никто не нужен:
Ни друг, ни враг,
Ни раб, ни господин.
Я в этот мир,
Прекрасный и позорный,
Распяленный свободой поднадзорной,
Один пришел
И отойду один.

1998

Василий Аксёнов

* * *

Я разобью театрик без рампы и кулис,
Входите без билетов – приехал к вам артист!
Расскажет вам историю
Про шхуну из надежд,
Которую построили
Четырнадцать невежд.
Корабль из речки меленькой
Отчалил в океан,
Четырнадцать бездельников
И капитан Иван...
На деревенской улице театр без стен и крыш,
Артист играет весело, а получает шиш.

Геннадий Алексеев

Какой-то парень

Какой-то парень там стоял. Там, у ларька.
О чем-то думал он, пред ним была река.
Он пиво пил и на реку глядел –
там что-то было, что-то плавало в воде.
Какой-то парень там стоял и вот ушел.
Он выпил пиво и ушел. И хорошо.

Сфинксы

Спросил я как-то этих каменных невеж:
скажите честно мне, скажите – там, на Ниле,
вам было лучше во сто крат, чем на Неве?
что вы молчите? неужели вы забыли?
вы не хотите отвечать? но это свинство!
Молчали сфинксы.

Безумцы

Эти безумцы
бегают по стенам,
как мухи,
и пьют керосин
вместо пива.

Эти безумцы
могут погубить нас!

Верно,
эти безумцы могут!

Караул!
эти безумцы нас погубят!

Но, быть может,
не эти?

Верно, не эти.
Это безобидные безумцы –
бегают себе по стенам
и пьют керосин вместо пива.

Между прочим,
они не безумцы –
просто у них не хватает денег на пиво,
а от керосина
не только по стенам,
по потолку бегать будешь!

Но где же те безумцы,
которые нас погубят?

Их надо поискать –
пошарить за шкафом,
залезть под кровать,
заглянуть за портьеры.

1967

Моя комната

В моей комнате
стоит шкаф орехового дерева
на шкафу сидит деревянный Буратино с длинным носом
он дразнит моего кота
который тихонечко воет от злости.

В моей комнате
солнце бывает только вечером
под вечер оно изрядно устает
и я не пристаю к нему с разговорами.

В моей комнате
казнили Марию Стюарт
и Марина Цветаева тоже умерла в моей комнате.

Вчера я подметал пол
и обнаружил под столом чугунное ядро
оказывается Бородинская битва
тоже произошла в моей комнате.

Кто-то распустил слух
что в моей комнате
расстреляли Николая Второго и его семью.

Я не монархист.
Но это ложь.

1967

Отошел

– Ты, голубчик, от нас отойди!

Отошел.

– Отойди подальше!

Подальше отошел.

– Еще дальше!

Ушел совсем далеко.

– Вот там и стой!

Стою,

жду чего-то,

олух царя небесного.

Не найдут

Страшно как-то
хочется спрятаться

подпрыгну
ухвачусь за край
подтянусь на руках
влезу на антресоль
заруюсь в старые журналы
и затихну

будут искать
будут аукать

так им и надо!

главное не чихать
тогда и не найдут

1969

* * *

о эта девочка с собакой!
где эта девочка с собакой?
а вот и девочка с собакой!
кто эта девочка с собакой?
здесь эта девочка с собакой
какая девочка с собакой
какая девочка
и какая собака?
вот эта девочка
а где же ее собака?

Знакомство

лет десять
она шла впереди

в руках у нее была сетка
в сетке лежало нечто округлое
завернутое в газету

пытался ее догнать
но безуспешно
пробовал ее окликнуть
но никакого результата
ждал – может оглянется
но она не оглядывалась

наконец она остановилась
обернулась
и уставилась на меня

почему вы меня преследуете? –
сказала она сердито –
я Юдифь
у меня в сетке голова Олоферна
хотите посмотреть?

она развернула газету
и показала
отрубленную голову Олоферна
я чуть в обморок не упал

так мы познакомились

с тех пор
идем рядом

я несу сетку с головой Олоферна
она идет налегке

голова довольно тяжелая
надо сказать

1973

Реальный случай

внимательно разглядывая
перегрызающего мне горло
я обнаружил у него на темени
небольшое отверстие
и дунул в него

перегрызающий перестал грызть
и задумался

– чистейший вымысел!
скажут одни
– вполне реальный случай!
скажут другие

возникнет дискуссия

Последняя надежда

Человек обнял водосточную трубу
он страстно прижимается к ней
это его надежда

человека тянут в сторону
его хотят оторвать от трубы
его пытаются разлучить
с единственной надеждой

человек сопротивляется
он отчаянно цепляется за трубу
он не намерен расставаться
с возлюбленной надеждой

человека наконец отрывают
вместе с куском помятой трубы
у человека еще есть остаток
спасительной надежды

человека куда-то увозят
в обнимку со ржавой жестяной трубой
не так-то просто у человека
отнять последнюю надежду

1979

* * *

Богомазу
удалась икона Богоматери.
На радостях он выпил.
Выпив,
озлился
и плюнул
в прекрасное и печальное лицо Марии.
Слюна текла по ее щекам,
как слезы.

Богомаз упал перед ней
ничком
и долго молил о прощении.

Младенец,
ничего не понимая,
испуганно прижимался к матери.

– Не бойся, –
сказала Мария
и погладила Христа
по светлым прямым волосам, –
не бойся –
дяденька не злой,
дяденька немного выпил –
только и всего.

Глухонемые хулиганы

Два глухонемых хулигана
три глухонемых хулигана
четыре глухонемых хулигана
хватит?
можно еще.

Пять глухонемых хулиганов
шесть глухонемых хулиганов
семь глухонемых хулиганов
теперь достаточно.

Семеро здоровенных
глухонемых хулиганов –
это целая толпа.
Безобразничают они скромно:

не матерятся,
не пристают к девушкам,
не пугают старушек –
просто стоят на мосту
и чего-то ждут,
а на мосту стоять не положено.
Милиционер свистит,
но они не слышат,
потому что они глухонемые,
и получается безобразие.

Семеро совершенно глухих
и безнадежно немых хулиганов
ждут на мосту
какого-то чуда.
Но если вам кажется,
что их всё же
слишком много,
можно оставить только шестерых
или пятерых,
можно ограничиться четырьмя
или даже тремя.

Давайте оставим на мосту
двоих глухонемых хулиганов,
одному будет скучно
ждать чуда.

Лошадь на Невском

Лошадь на Невском.
Идет себе шагом,
тащит телегу.

Лошадь пегая
и абсолютно живая.

И машины косятся на нее
со злой завистью,
и машины обгоняют ее
со злорадством.
– Эй, – кричат, – лошадь!
– Ха, – кричат, – лошадь!
А лошадь идет себе шагом
и не оборачивается.

Такая живая
и такая хорошая.

На платформе

Стоял на платформе,
глядел на проносящиеся мимо поезда.
Ехать
никуда не хотелось.
Хотелось стоять на платформе
и глядеть
на проносящиеся мимо поезда.

Они проносились
один за другим
и в ту,
и в другую сторону.

Один за другим,
один за другим
они проносились,
один за другим
и в ту, и в другую
они проносились,
и в ту,
и в другую сторону.

О, как мелькали окна их вагонов!

С платформы уходить
не хотелось.
Совсем не хотелось.

Накатило

Накатило,
обдало,
ударило,
захлестнуло,
перевернуло вверх тормашками,
завертело,
швырнуло в сторону,
прокатилось над головой
и умчалось.

Стою,
отряхиваюсь.
Доволен – страшно.

Редко накатывает.

* * *

Когда сосны
несутся за окнами сломя голову,
и в вагоне пусто,
мне кажется,
что леса в панике
и остановить их бегство
уже невозможно.

Поэтому я побаиваюсь
ранних электричек.

Разрушенный мир

Ползают на коленках,
что-то собирают,
складывают в кучку.
Что – спрашиваю – собираете?
– Осколки, – отвечают, –
осколки разрушенного мира.
Неужто, – изумляюсь, –
мир уже разрушен? –
– Увы, – говорят, –
разрушен полностью.
Так я и знал, – думаю, –
что его разрушат
слишком был хрупок!
Так я и знал,
что его погубят
слишком был незащищен!
Так я и знал,
что его не станет
слишком уж был хорош!
Ползаю на коленках,
помогаю собирать осколки
погибшего мира.

А зачем вам, – спрашиваю, –
эти осколки?
На память, – отвечают, –
на память!

Владимир Бурич

* * *

Я люблю все естественное:
Хлеб из теста.
Дом из теса.

Я еще об асфальт не истерся.

Заповеди города

Уходя, гашу свет.
Перехожу улицу на перекрестках,
Сначала смотрю налево,
Дойдя до середины – направо.
Берегусь автомобиля.
Берегусь листопада.
Не курю,
Не сорю,
Не хожу по газонам.
Фрукты ем мытые,
Воду пью кипяченую,
Перед сном чищу зубы.
Не читаю в темноте и лежа,
Так дожил до двадцати шести лет.
И что же?
Хранить свои деньги в сберегательной кассе?

* * *

Чего я жду от завтрашнего дня?

Газет

Теорема тоски

В угол локтя
вписана окружность головы

Не надо
ничего
доказывать

* * *

Мир наполняют
послевоенные люди
послевоенные вещи

нашел среди писем
кусоч довоенного мыла
не знал что делать
мыться
плакать

Довоенная эра –
затонувшая Атлантида

И мы
уцелевшие чудом

Чистая случайность

Солнце сменяет Луну
Солнце сменяет Луна

Одно Солнце
Одна Луна

Чистая случайность
только задержавшая развитие
человеческого воображения

* * *

Дуешь в волосы своего ребенка
Читаешь названия речных пароходов
Помогаешь высвободиться пчеле из варенья

Каким предательством ты купил все это?

* * *

Книги не заменят отца и мать
Книг не заменят жена и сын

Я зашел
в пахнувший клеем
тупик

Путь гражданина

Донес плевков до ближайшей урны
Подклеил на стенде оторвавшуюся газету
Прикрыл ладонью розу на солнцепеке
Купил стакан воды постовому

Пришел домой
честно взглянул
в лицо
своей
тарелке супа

* * *

Самолет прошел в темноте
наступая спящим на грудь

* * *

Чертят «классы»
играют в пятнашки
между нами
как между столбами
на которых покоится небо

не подозревая
что мы обсуждаем
преимущества светлого пива
перед темным

Ночь

Я лежу на спине
и смотрю в потолок
с ушами полными слез

* * *

Я иду за водой
и о дно моего ведра
головами бьются ромашки

* * *

Я заглянул к себе ночью в окно

И увидел
что меня там нет

И понял
что меня может не быть

* * *

Середина жизни

мысли в зените

Все происходит четко и однозначно
как в операционной
с бестеневым освещением

Германия-1984

Я захотел заглянуть в пасть зверю

а увидел
маленькие домики под красной черепицей
высунувшихся из окон старушек
детей идущих в кирху на концерт Баха
желтые кусты форзиций бледно-розовые соцветия
очитков
кружку пива стоящую на тротуаре
рядом с мастером укладывающим плиты

Он подмигнул мне
и весело крикнул:
– Рус сдавайся!

* * *

Я в городской психиатрической больнице
Приходите ко мне со своими страхами
маниями
сновидениями
музыкальными галлюцинациями
я расскажу вам про химизацию народного хозяйства

Деадаптация

Я уже не запоминаю названия звезд
Это мне не пригодится

Я уже не запоминаю названия стран
Это мне не пригодится

Я уже не запоминаю названия городов
названия площадей

Это
мне
не пригодится

Я стараюсь помнить твое лицо
цену на хлеб
и номер своей квартиры

* * *

Вот и лицо привыкло к бритью

Но пора умирать

* * *

Профессии развращают –
машинистка вытирает боты чистой бумагой
мельник ходит в муке по колению
редактор не смеется над Швейком
не плачет над Бедной Лизой

* * *

Проходят годы
и молодеют
лица на фотографиях

Евгений Евтушенко

Свадьбы

А. Межирову

О, свадьбы в дни военные!
Обманчивый уют,
слова неоткровенные
о том, что не убьют...
Дорогой зимней, снежною,
сквозь ветер, бьющий зло,
лечу на свадьбу спешную
в соседнее село.
Походочкой расслабленной,
с челочкой на лбу
вхожу,
 плясун прославленный,
в гудящую избу.
Наряженный,
 взволнованный,
среди друзей,
 родных,
сидит мобилизованный
растерянный жених.
Сидит
 с невестой – Верою.
А через пару дней
шинель наденет серую,
на фронт поедет в ней.
Землей чужой,
 не местною,
с винтовкою пойдет,
под пулю немецкою,
быть может, упадет.
В стакане брага пенная,
но пить ее невмочь.
Быть может, ночь их первая –
последняя их ночь.
Глядит он опечаленно
и – болью всей души
мне через стол отчаянно:
«А ну давай, пляши!»
Забьли все о выпитом,
все смотрят на меня,

Частушечное

Топну правою ногой,
топну левою.
У меня теперь другой.
Что хочу, то делаю.

Сколько желтого песку
в туфельки насыпалось!
Сколько раз мы целовались,
а я не насытилась!

А мой старый хахалёк
пьет да горько плачется.
Финки синий холодок
в голенище прячется.

Он идет навстречу мне,
клетчатая кепочка.
Не боюсь, не жмусь к стене:
«Как живешь ты, Кешечка?»

Где ты яблоко сорвал?
Дай-ка половиночку...»
А он яблоко бросает,
вынимает финочку.

В пыли яблоко лежит.
За ним не нагибаюсь.
Он и злится и дрожит,
а я улыбаюсь.

«Ты всади мне в сердце нож
смертную расплатой,
только милого не трожь –
он не виноватый...»

1956

* * *

Б. Ахмадулиной

Со мною вот что происходит:
ко мне мой старый друг не ходит,
а ходят в праздной суете
разнообразные не те.
И он

 не с теми ходит где-то
и тоже понимает это,
и наш раздор необъясним,
и оба мучаемся с ним.
Со мною вот что происходит:
совсем не та ко мне приходит,
мне руки на плечи кладет
и у другой меня крадет.
А той –

 скажите, бога ради,
кому на плечи руки класть?
Та,
 у которой я украден,
в отместку тоже станет красть.
Не сразу этим же ответит,
а будет жить с собой в борьбе
и неосознанно наметит
кого-то дальнего себе.
О, сколько нервных
 и недужных,
ненужных связей,
 дружб ненужных!
Во мне уже осатаненность!
О, кто-нибудь,
 приди,
 нарушь
чужих людей
 соединенность
и разобщенность
 близких душ!

1957

* * *

К. Шульженко

А снег повалится, повалится,
и я прочту в его канве,
что моя молодость повадится
опять заглядывать ко мне.

И поведет куда-то за руку,
на чьи-то тени и шаги,
и вовлечет в старинный заговор
огней, деревьев и пурги.

И мне покажется, покажется
по Сретенкам и Моховым,
что молод не был я пока еще,
а только буду молодым.

И ночь завертится, завертится
и, как в воронку, втянет в грех,
и моя молодость завесится
со мною снегом ото всех.

Но, сразу ставшая накрашенной
при беспристрастном свете дня,
цыганкой, мною наигравшейся,
оставит молодость меня.

Начну я жизнь переиначивать,
свою наивность застыжу
и сам себя, как пса бродячего,
на цепь угрюмо посажу.

Но снег повалится, повалится,
закружит все веретеном,
и моя молодость появится
опять цыганкой под окном.

А снег повалится, повалится,
и цепи я перегрызу,
и жизнь, как снежный ком, покатится
к сапожкам чьим-то там, внизу.

1966

Олег Ильинский

Курдоят

Говорят, что Курдоят померла,
Говорят, что наплодила ребят,
Говорят, что приходил Тамерлан,
Говорят, что видел Ной Арарат.
Говорят, что Курдоят – это ложь,
Говорят, что Арарат – это миф,
Говорят, что снег идет без калош,
Говорят, что Курдоят – Суламиф.
Наши степи широки, как моря,
От Кызыла до снегов лопаря,
Тамерлан неистребим, как трава,
Курдоят не померла, а жива,
Над пустыней Гоби звезды стоят
И лопочут: Курдоят, Курдоят.

1980

Вспять поверни

Возьми картон и напиши дворы,
Счастливые, в зеленом переливе,
С наплывами дичающей коры,
Тенистые деревья вековые,
И ветки, наклоненные к окну,
И тихих кровель сонную волну,
Верни предместья на сто лет назад,
Пускай в своей наивности бывалой
Воркующей элегией сквозят
Конюшни, чердаки и сеновалы.
И посели в непуганом краю
Какую-нибудь крепкую семью.
Балкон скрипит подгнившей половицей,
И летние проскальзывают дни,
А ты и плоский камень сохрани
Перед крыльцом, чтобы в седло садиться.

1989

Роальд Мандельштам

Новая Голландия

Запах камней и металла,
Острый, как волчьи клыки,
– помнишь? –

В изгибе канала
Призрак забытой руки
– видишь? –

Деревья на крыши
Позднее золото льют.
В Новой Голландии
– слышишь? –
Карлики листья куют.

И, листопад принимая
В чаши своих площадей,
Город лежит, как Даная,
В золотоносном дожде.

Диалог

– Почему у вас улыбки мумий,
А глаза, как мертвый водоем?
– Пепельные кондоры раздумий
Поселились в городе моем.

– Почему бы не скрипеть воротам?
– Некому их тронуть, выходя! –
Золотые метлы пулеметов
Подмели народ на площадях.

Качания фонарей

Белый круг ночной эмали,
Проржавевший от бессонниц
И простудного томленья
Перламутровой луны,
Плыл, качаясь, в желтом ветре
И крылом летучей мыши
Затыкал глазницы дому:
Погасившему огни.

За окном – рябые лужи
(Запах лестницы и кошек)
И серебряный булыжник
В золотистых фонарях.
А за стенкой кто-то, пьяный,
В зимней шапке и калошах.
Тыкал в клавиши роялю
И смеялся.

Ночь листопада

Было падло.
Листья падали,
Ночь оплыла стеаринами.
Золотые горы падали
Пахли – хиной, мандаринами.

Пали тени.
Пали сумерки.
Лампы – цитрусы,
Цитраты – мы.
Ночью, ветрами простуженной,
В лужах – пыл денатуратовый.
Было падло.

1955

Тряпичник

Туман, по-осеннему пресный,
От ветра шатается. – Пьян.
Пришел ко двору неизвестный.
Воскликнул:
– Тряпье-бутыл-бан!

Приму ли диковинный вызов –
Нелепый татарский девиз.
(Ворона, бродившая низом,
Стремительно ринулась ввысь.)

– О, думаю, мудрая птица
Не любит дворовых тревог!
Но, молча,
 швыряю
 в бойницу
Бутылку и рваный сапог.

1957

Яков Островский

Матрешка

Подарили человеку подарок –
Расписную такую матрешку.
Простовата матрешка немножко,
И узор пожалуй что яркок.

Ну, дареному-то в зубы не смотрят,
Не в игре играть против правил.
Окрестил ее хозяин Мотрей.
На комод ее хозяин поставил.

Тихо медленные годы проходят,
Над хозяином плывут и над куклою.
И стоит себе Мотря на комодке.
С ребятишками внутри.

Круглая...

1971

Полстолетия тому назад

День начинался коврижкой домашней,
Запахом сдобы в громадной квартире,
Старой шелковицей, змеем бумажным
Где-то вверху, в перевернутом мире.

Важный старьевщик вышагивал к дому.
Ведро паяли, кастрюли лудили.
И не по серому – по голубому
Брички, колесами кверху, катили.

Я просыпаюсь от странного звука:
Темный старьевщик стоит среди ночи,
Лудит головки солдатам и куклам,
Точит ножи и что-то бормочет.

1989

Роберт Рождественский

Мелочь

Осень выдалась
шикарная.
Захмелевший от ходьбы,
в незнакомый лес шагаю я
по стихи,
как по грибы.
Я дышу
настырным воздухом.
Две строки уже нашел.
И собака
машет хвостиком,
как заправский дирижер.

* * *

Возвратившись из небытия,
прозвучит фамилия моя.
Девушка в коротеньком пальто
спросит удивленно:
«Это кто?..»
А ее приятель-аспирант
показать ученость будет рад.
Скажет,
в сторону махнув рукой:
«Что-то помню...
Вроде, был такой...»

С юности зачитанный до дыр,
он потом ушел в разряд:
“и др...”»

Позавчера

Е. Евтушенко

Пятидесятый.
Карелия.
Бригада разнорабочих.
Безликое озеро.
Берег, где только камни растут.

Брезент, от ветра натянутый,
вздрагивает и лопочет.
Люди сидят на корточках.
Молча обеда ждут.
Сидят они неподвижно.
Когда-то кем-то рожденные.
Ничейные
на ничейной, еще не открытой земле.
Нечаянно не посаженные.
Условно освобожденные.
Сидят и смотрят, как крутится
крупя в чугунном котле.

* * *

Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле...
Что-то я делал не так?
Извините:
жил я впервые
на этой Земле.
Я ее только теперь ощущаю.
К ней припадаю.
И ею клянусь.
И по-другому прожить обещаю,
если вернусь...

Но ведь я
не вернусь.

* * *

Е. Евтушенко

Такая жизненная полоса,
а может быть, предназначенье свыше:
других
я различаю голоса,
а собственного голоса
не слышу.
И все же он, как близкая родня,
единственный,
кто согревает в стужу.
До смерти будет он
внутри меня.
Да и потом
не вырвется наружу.

Галина Андреева

* * *

Дорога тянется вдоль сумрачных окраин,
почти погасла узкая заря,
утихомирилась воронья стая,
холмы и снег, начало января.

В автобусе темно, на стеклах иней,
до дому ехать полтора часа.
Пока что можно вспомнить чье-то имя
или стихи попробовать писать,

Чтоб избежать раздумий невеселых,
ненужных разговоров, странных встреч, –
глядеть в окно на внуковский поселок,
дома в сияньи новогодних свеч.

Потом опять равнина, и в тумане
за огоньками разноцветных дач
шагают вдалеке, как марсиане,
столбы высоковольтных передач.

Владимир Британишский

* * *

В нашем вновь обретенном ленинградском доме
бомбой была проломлена крыша,
мы ее кое-как залатали, но еще долгие годы
все время текло.

Огромное пятно на стене
иногда напоминало по форме
Африку,
временами – Южную Америку,
после самых больших дождей
его можно было сравнить
разве что с древним сверхконтинентом
Гондваной.

А потом Гондвана распалась
и перестала существовать.

Андрей Вознесенский

Осенний воскресник

Кружатся опилки,
груши и лимоны.
Прямо
на затылки
падают балконы!

Мимо этой сутолоки,
ветра, листопада
мчатся на полуторке
ведра и лопаты.

Над головоломной
ка-
та-
строфой

мы летим в Коломну
убирать картофель.

Замотаем платъица,
брючины засучим.
Всадим заступ
в задницы
пахотам и кручам!

1953

Гойя

Я – Гойя!
Глазницы воронок мне выклевал враг,
слетая на поле нагое.

Я – Горе.

Я – голос
войны, городов головни
на снегу сорок первого года.

Я – Голод.

Я – горло
Повешенной бабы, чье тело, как колокол,
 било над площадью голой...

Я – Гойя!

О, грозди
возмездья! Взвил залпом на Запад –
 я пепел незваного гостя!

И в мемориальное небо вбил крепкие звезды –
как гвозди.

Я – Гойя.

1957

Лешенька

Здесь Чайльд-Гарольды огородные
на страх воронам и ворам.
Здесь вместо радио – юродивый
врет по утрам и вечерам.

Пока мы бегали в столовку,
туманный, как палеолит,
юродивый с татуировкой
чуть не упер теодолит.

Он весь дрожал от изумления,
познав чужое божество.
Он трепетал,
 как заземление
от бьющей молнии в него!

Кругом бульдозеры былинные.
Но будущее чуял он,
дурак, болотная былиночка,
антенка сдвинутых времен.

1958

Тишины!

Тишины хочу, тишины...
Нервы, что ли, обожжены?
Тишины...

чтобы тень от сосны,
щекоча нас, перемещалась,
холодящая словно шалость,
вдоль спины, до мизинца ступни.

Тишины...

Звуки будто отключены.
Чем назвать твои брови с отливом?
Понимание –
молчаливо.

Тишины.

Звук запаздывает за светом.
Слишком часто мы рты разеваем.
Настоящее – неназываемо.
Надо жить ощущением, цветом.

Кожа тоже ведь человек,
с впечатленьями, голосами.
Для нее музыкально касанье,
как для слуха – поет соловей.

Как живется вам там, болтуны,
чай, опять кулуарный авралец?
Горлопаны, не наорались?
Тишины...

Мы в другое погружены.
В ход природ неисповедимый.
И по едкому запаху дыма
мы пойдем, что идут чабаны.

Значит, вечер. Вскипает приварок.
Они курят, как тени тихи.

И из псов, как из зажигалок,
светят тихие языки.

1963

* * *

Зое

Живу в сторожке одинокой,
один-один на всем свету.
Еще был кот членистоногий,
переползающий тропу.

Он, в плечи втягивая жутко
башку, как в черную трубу,
вещал, достигнувши желудка,
мою пропащую судьбу.

А кошка – интеллектом уже.
Знай, штамповала деток в свет,
углами загибала ушки
им, как укладчица конфет.

1969

* * *

В толпе меж рынком и кинотеатром
я встретился с кентавром.
Мототележка продолжала тело,
а может, тело продолжало тару?
Он над толпою ехал, осовело
прохожих раздвигая, как копьем,
мифологическим словарем.
Граждане расступались.
Все мы пьем.

1972

* * *

В. Шкловскому

– Мама, кто там вверху, голенастенький –
руки в стороны – и парит?
– Знать, инструктор лечебной гимнастики.
Мир не может за ним повторить.

1972

* * *

Стихи не пишутся – случаются,
как чувства или же закат.
Душа – слепая соучастница.
Не написал – случилось так.

1973

Сон

На площади судят нас, трех воров.
Я тоже пытаюсь дознаться – кто?
Первый виновен или второй?
Но я-то знаю, что я украл.

Первый признался, что это он.
Второй улики кладет на стол.
Меня прогоняют за то, что вру.
Но я-то помню, что я украл.

Пойду домой и разрою клад,
где жемчуг теплый от шеи твоей...

И нет тебя засвидетельствовать,
чтобы признали, что я украл.

1973

* * *

Тетку в шубке знал весь городок.
Она с детства нас пугала ссыльными.
Тетя крест носила и свисток,
чтобы вдруг ее не изнасиловали.
Годы шли. Ее не изнасиловали.
Не узнала, как свистит свисток!
И ее и шубы срок истек.
Продали каракуль черносливный,
где, как костка, продран локоток.

1977

Александр Городницкий

Кладбище на Таймыре

Все побережье тусклым светом залито.
Ни хвороста, ни леса для избы.
На каменной поверхности базальта
Стоят непогребенные гробы.

По доскам, прогнивающим и вздутым,
Шуршит пурга и ударяет дождь.
Куда уж тут последнего приюта –
И просто-то приюта не найдешь!

Они лежат в приборном мерном гуде,
Мужья кому-то, братья и отцы.
Сюда приходят очень редко люди,
И каждый день – голодные песцы.

Но если скажут, что за час до смерти,
Упав лицом на жесткий холод льда,
О доме вы припомните, – не верьте –
О доме вы не вспомните тогда.

Вы вспомните слепащий ветер нордовый,
Седое небо в тучах штормовых
И землю, не приемлющую мертвых
И стойко изводящую живых.

1957

Перекаты

Всё перекаты да перекаты –
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты, –
Плыву вперед по абрису.

А где-то бабы живут на свете,
Друзья сидят за водкою...
Владеют камни, владеет ветер
Моей дырявой лодкою.

К большой реке я наутро выйду,
Наутро лето кончится,

И подавать я не должен виду,
Что умирать не хочется.

И если есть там с тобою кто-то, –
Не стоит долго мучиться:
Люблю тебя я до поворота,
А дальше – как получится.

Всё перекаты да перекаты –
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты, –
Плыву вперед по абрису.

1960

* * *

С детства идолопоклонник,
Никогда не знавший Бога,
В общей маршевой колонне
Как и все шагавший в ногу,
Я запомнил ритуалы
Пионерского парада, –
Галстук шелковый и алый,
И плечо соседа рядом.
Я не слышал пенья скрипки,
А привык внимать покорно
Крику яростно и хрипло
Указующего горна.
Я любил не пенье птичьё
Из окрестного тумана,
А надутое величье
Призывного барабана.
Где вы, символы отваги,
Те учебные тревоги,
Наши крашенные флаги,
Наши гипсовые боги?
Ах, костров забытый запах,
Детский хор над общим горем:
«Дан приказ ему на Запад»,
«По долинам и по взгорьям»!
Длится песенка лихая,
И стучится в сердце долго,
Постепенно затихая
От таблетки валидола.

1991

Сергей Дрофенко

Песенка о дождях

Ранний дождь шипуч и свеж.
Он на всё годится.
Хочешь – выпей, хочешь – съешь.
Сытная водица!

Как мальчишка, скачет он,
пробежал и скрылся.
Глядь – прозрачный небосклон
солнцем заискрился.

Поздний дождь совсем не то.
Скучен он, невесел.
Он на тучу лег в пальто.
В дырку ноги свесил.

Как на печке, он лежит.
Мается полгода.
Ставит грелки и брюзжит.
Скверная погода...

Замоскворечье

Старые улицы Замоскворечья.
Особняки.
Арки, ворота, жильё человечье.
Близость реки.
Вот я брожу по твоим переулкам.
Лязгнул засов.
Тянет меня к музыкальным шкатулкам,
бою часов.
Пусть покричит перед боем кукушка,
скроется прочь.
Рядом помолится богу старушка.
Спустится ночь.
Есть еще камни, калитки, заборы.
Держитесь вы,
скверы, скворечни, подвалы, соборы,
иной Москвы.

Владимир Жилин

Листва тополей

У кривых тополей листва светлей,
у прямых тополей – темней.
Вот и минуло столько ночей и дней,
сколько листьев у тех ветвей.

...Я еще там, наверно, до жизни был,
рвал антоновку из окна.
И морской командир у нас гостил,
и его золотая жена.

Как-то раз я остался с ними один
(видно, не было мне и трех),
и едва лишь обнял ее командир,
прошептала ему упрек:

«У тебя такой некрасивый кадык –
разглядела только сейчас.
Вот возьму и брошу тебя, командир,
мне, ты знаешь, не в первый раз...»

Тут Большой Поцелуй я впервые узрел,
как Затмение Солнца – дикарь.
Никогда я горше с тех пор не ревел,
ибо вдруг – приоткрылась даль

одиночества и грядущих бед,
стало страшно за целый свет!..
А она прижимала меня к себе,
от душистых волос я ослеп.

И смущенно мне кортик совал командир –
утешали они, как могли.
Так вот я до жизни еще угодил
прямо в грозный космос любви.

Ну а что касается тополей,
бормочу уже много дней:
у кривых тополей листва светлей,
у прямых тополей – темней.

Дерево разговора

Ветка дивного случая:
черный теленок, вьюга,
кони в ночи измучены –
кто их повел по кругу?..

То вдруг темнела, страшная,
то расцветала крона –
взрослые выращивали
Дерево Разговора.

И, завладев, несломанное,
тесной комнатухой,
в спальню проросло оно
и шелестит над подушкой,

прямо над одеялом
яблоко наливают,
яблоком небывалым
даль мою высветляет.

Там гляжу я на грустные
лиственные своды:
где они, бывшие взрослые,
где они, садоводы?

* * * #

О Газырь,
утонувший в грязи!
Все теперь там асфальтом залито.
Только память в груди моей – золото.
Право, золото!
Даже то, что теленок осмелился,
как цветы, сжевать комбинацию –
мол, к чему на веревке болтаться ей?
И жена моя юная
длинную
мне тогда закатила истерику:
чтоб мы плюнули,
чтоб мы кинули
тот Газырь,
утонувший в грязи,
где ее комбинации лакомы
и телятами
пожираются.
(А ведь правда – ты пахла травой.)

* * *

Стоит меж нами некая стена.
Тебя я вижу, ясно понимаю
и все-таки прекрасно понимаю:
нас разделяет некая стена.
Билет в трамвае жадно отрываю:
а вдруг счастливый? Ты звонишь с утра.
Я говорю: «Я ждал звонка с утра –
билет счастливый оторвал в трамвае».
И ты счастливым смехом за стеной
смеешься так серебряно, так чисто.
Но я-то знаю, что в любые числа
с тем смехом остаешься за стеной.
И мы уже так свыклись со стеной,
что все страшной расстаться со стеной.

Грушевый дог

Века добрососедства смыла тьма.
Вражда внезапно помутила разум.
И вот Сухум – мингрелы от абхазов
бегут, бросая отчие дома.
Забывтый пес в пустом дворе привязан...
Но груша рясный урожай дала,
и шлепались в траву плодов тела,
и зверь взахлеб заглатывал их сразу.
Длина цепи была ему пределом –
он как бы выжрал идеальный круг.
Я отвязал его – и первым делом
пес прыгнул в царство запредельных груш.
И полетела по следам горячим
вся геометрия к чертям собачьим.

* * *

Они называют меня стариком, стариком, стариком,
а я не старик, старик, старик.
Я просто с горы качусь кувырком, ком, ком,
и надо мне сдерживать крик, крик, крик.
И я расшибусь весь, в пух, в прах,
мне это известно из лучших старинных, зачитанных книг,
и скатертью снежной лягу на тех пирах, горах, мирах...
А вы мне – старик, старик, старик.

Михаил Красильников

Лесник

В тайге погода аховая,
Но ветер сник.
Идет, ружьем помахивая,
Седой лесник.

Капканы на тропе сними –
Попался волк.
Лесник уходит с песнями
В далекий лог.

Мети, пурга неистовая,
Набегом орд!
Идет старик, посвистывая,
По гребням гор.

* * *

«Я не знаком с гносеологией», –
Сказал мужик, снимая онучи.
«Что наш удел – вноси налоги и
Влезай на печь, дела окончив.
Но не могу смолчать, одобряя
Я бессмыслицу такую:
Что вещи только иероглиф
Того, чего не существует.
Возьмем полати. На полатях
Я отдыхаю по ночам.
Они – реальное понятие».
На что агностик отвечал:
«Пойми, мужик, ты защищаешь
Весьма сомнительную ценность.
И этим самым совершаешь
Непозволительный трансцензус.
Полати – суть удобный символ...»
На что мужик ответил чинно:
«Но я на ярмарке в Касимове
Купил для них кусок овчины!»
Так был агностик опозорен,
Который мудрость Канта вызнал.
Мужик смотрел на вещи в корень,
С позиций материализма.

* * *

Били человека неизвестно за что,
Кулаками били и палкой.
Улица смотрела на него из-за штор,
А кто сердобольный – плакал.

Я не плакал. Не мог настроиться,
С папиросы в пепельницу стряхивая пепел,
Пускал в потолок табачные кольца
Одно другого нелепей.

Годы на столе валялись в беспорядке,
Я перебирал их, клея биографию, –
Если ничего – записывал в тетрадку,
Не понравится – снова правь ее.

И били. Но сквозь поленные жесты их
Откуда-то появился туман.
И самые ретивые любители происшествий
Скоро разошлись по домам.

1958

* * *

С утра крутился снег намокший
И таял на плечах подолгу.
А где-то по соседству Мокша
Стремилась превратиться в Волгу.

Я видел этот снег когда-то.
И каждый штрих полузабытый
Подсказывал похожесть даты
И повторяемость событий.

Я видел этот снег намокший,
Таящий ветра терпкий запах,
Но та река была не Мокшей.
И та река текла на запад.

А день рванулся с колеса дней
И стало ясно – все он смеет.
И где-то рядом Медный Всадник
Топтал поверженного змея.

Декабрьский ветер снова дует.
Зажат мордовскими лесами,

Через кордоны лет иду я
Кривыми невскими мостами.

1 декабря 1958

* * *

Латыш, играющий на коклес,
Досуг свой посвящает дайнам.
А между тем далекий Котлас
Кричит: Латыш! Консервы дай нам! –

Тогда латыш, отбросив коклес,
Надев спецовку цвета серого,
Последний взгляд бросает окрест
И ловко делает консервы.

Затем пакует их как грузди.
Умело складывает в ящик,
Запаковав, берет и грузит
В вагон, давно уже стоящий.

Иди, латыш, играй на коклес,
Твори народное искусство.
Я повезу консервы в Котлас,
Чтоб там была к столу закуска.

1961

* * *

Звеня от каждого толчка,
Визжала, выла, гнула линия
И со стремительностью ливня
Неслась на станцию Мучкап.
Вагон не признавал потерь –
Со всей камышинской веткой
Разъезд захватывая ветхий
В распахнутую настежь дверь,
По скатам ноздреватый снег,
Мостов решетчатые клетки.
И все, что я не смог заметить,
Он брал с собой, спеша к весне.

1963

Владимир Леонович

* * *

Ветреной ночью платан шелестит.
Легкая бездна навстречу летит.

Набережная гонит и гнет
этот ночной, этот душный полет.

Вот в мостовых простонало столбах,
дух захватило, скрипит на зубах...

Мальчик растет и смеется во сне.
Встань поутру, позабудь обо мне.

* * *

Век бы жил на этой просеке,
да еще один бы век,
где молоденькие сосенки
гнет-погнет и ломит снег.

Я бы глупое и нежное
деревце освободил:
бремя влажное и снежное
все бы стряхивал-ходил.

По рассвету-свету тихому
не хлопал бы дверьми,
научился бы по-ихнему
собеседовать с зверьми.

Баловал их солью-сахаром,
поил бы молоком,
был их лекарем и знахарем –
ходили бы гуськом

зверь за зверем за зверьком...

Чужая

Крепдешинная красotka,
впрочем, мать двоих детей,
впрочем, честная сексотка,
вплоть до сломанных костей
преданная идеалам
и двоим сироткам малым,
впрочем, сыновьям врага,
заключенным в детском доме.
Сорок лет над пармой Коми
воет вещая пурга.
В переломанных костях
ревматическая стужа
и вина в чужих смертях,
впрочем, и родного мужа.
Как ковыль-трава, седа,
над записками колдуя,
из последних сил себя
ненавидит молодую!
Только этим и жива,
как над каменной кручей
та бесплотная трава –
скудной влагою летучей.
В заключении сидит –
в тихом доме престарелых,
на детей, ковыльно-белых,
с отчуждением глядит:
все в нее... Свиданье длится
нестерпимо долгий час.
Мукой с ними поделиться
нету сил... Дает наказ:
сжечь ее – не хоронить,
прах предать пурге полночной
воркутинской, правомочной
с прахом прах соединить.

* * *

В Калязине душном шиповник цветет,
в Калязине влажном высок и опасен
разлив подземельных блуждающих вод –
при малом дожде оплывает Калязин.

Зачем на зубах эта терпкая вязь –
зеленая каменнокислая слива –
и странное чувство – никак не зовясь –
у теплого моря удушье прилива.

Лягушки звенят в потопленном бору,
такие лиловые и голубые!
Когда, я не знаю – весной, поутру –
а только не вынесу этой судьбы я.

И пальцем не тронут, никто не убьет,
а только не вынесу – жизни родимой...
В Калязине душном шиповник цветет,
неделю стоит, кисловатый, сладимый.

Белоруково

Тощая прожорливая сквозистая земля,
холмики, проталинки, сивые поля.
Солнышко насупясь поглядит на супесь,
исподлбья глянет, из-под февраля.

Первый лед на речке, пожня под рекой,
где сивун-подшорсточек никчемный-никакой.
Сивая плаксивая сивун-трава.
Не о сенокосе ли болит голова?

Поутру-морозцу – чу! – тетерев гулит,
рассыпает по оврагу ландышевую трель.
Травушку не хают, водушку не хулят,
хоть сивун те, хоть лишай, земляная цвель.

Семь домов, десяток душ, четыре коровенки.
Лён-заводик развалился и давно затих.
Прошлого останки, полова-одонки –
кабы только не обидеть стариков моих...

Стариков-слабаков зайцы залягают...
Все бегом ты, бабка Ольга – панешь на бегу!
Добегут до пенсии – дальше не смогают,
но велит им родина через не могу.

Анатолий Маковский

Голубь

Голубь голубь ты летишь
Я тебя не накормил
Голубь ты меня простишь
День сегодняшний не мил

Станешь весело клевать
Стану весело смотреть
И опять не понимать
Как вас птиц не пожалеть

Потому что два крыла
Это пол– еще –мечты
Голубь голубь тень орла
Синий с искрами почтарь

Из «Колхозного цикла»

I

Нынче еду я на машине
И дорога мой кузов сечет.
И сидит там в углу девица,
Как в табачном костюме черт.

Я смотрю на нее, на осень.
Я люблю гобелен берез.
Но вообще-то люблю не очень
И Россию и русский лес.

Но мне нравится этот заяц
Слишком смахивающий на кенгуру,
Потому что он так петляет
И охоту превращает в игру.

6-7-8

Деревня – это три холма
И за забором – море грязи
Избушка, отделенье связи
Не шире моего письма

Здесь как в раю наивна жизнь
Как в зоопарке свиньи бродят
Собаки лают на чужих
И охраняют огородик.

Довольно современный клуб
Но, к сожалению, не топят.
Библиотека также тут
В которую так мало ходят.

За исключением малышей
Да заключенных на свободе.
Я там в фуфайке, словно шейх
Читал Руслана грустный подвиг.

Мне очень близок Черномор
И замок с неизвестным садом.
А папираса Беломор
Так хороша за виноградом.

1975

* * *

Я пять лет общался с народом;
было плохо и хорошо.
Пару раз дали по морде.
Пальтишко я сам прожег.

* * *

Отец был пьяница
а мать начальница

* * *

Подвел меня один меценат
В самое трудное время
Такая значит ему и цена
В Сибири все люди вредные

Хоть были здесь декабристы
Но местное население
Пьяное и завистливое
В конце концов вам насолит

Предложил мне сам работу
И я пришел на почтамт
С ним встретиться. Он взял водки
И начал мораль читать

– Ты с ними? – Усы Шевченко.
– За что ты любишь жидов? –
Киваю и отмечаю:
Кулак его многопудов.

– Мы скоро от них очистим
Россию. Изгоним зло. –
И выпил я с этим фашистом
Сюда раз меня занесло

Пусть мечется на такси он
С гризетками в ресторан
Я поклонюсь: спасибо
И дальше пойду Аристотель

Кавказ

Я был в горах на даче адмирала.
Он моряков – в атаку подымал.
И та скала, где Демон пролетал раз,
Ему служила как бы ординарцем.

Кавказ – Парнас открыточного типа,
Но грозно соответствует ему.
Седой хозяин, как Ермолов, тихо,
Советским, светским чаровал умом.

Он рассказал, как бился муж Тамары
С английским рыцарем по имени Ричард,
Как Плиев ловко обошел мадьяров,
Как Берия на маршалов кричал.

Потом – сорвался, стал ругать Хрущева,
Единственно, кто в партии велик.
Но угостил чудесным нас харчо он,
Европу опрокинувший старик.

А там внизу ручей грозился Лермонтову
И Хетагурова цитировал порой.
На треугольниках – дежурили олени
Переходил границу Чайльд-Гарольд.

* * *

Знаю я, что есть Бог на небе
И он долго меня любил
Но святым никогда я не был
Персонаж отрицательный Игрек

Так зачем же к Его иконам
Перед смертью я припаду
– Милый Бог, ты прости, я помню:
Что-то красное жжет ладонь

Капуста

Агрегат на хорошей рассаде
В синем поле, как пароход.
На борту его – сидят корсары,
С ними – девушка из райкома.

И глядят купцы из колхоза,
Как работают их рабы.
А на лицах рабов – угроза,
Комсомолку хотят убить.

И зачем я завербовался?
И теперь неудобно бежать.
Эту девушку в темпе вальса
Если грохнут, то будет жаль.

Если грохнут, да если трахнут...
Я – Есенин, их – двадцать шесть.
В синем поле краснеет трактор
И – капустных ростков нашествие.

* * *

Треугольник электровоза
Движется на моем пути
Я совсем ошалел от мороза.
Приготовь-ка чаю, партиец.

Коммунист мой поставит чайник –
Он как Лемешев запоет.
И пока я состав встречаю,
Приготовит закуску, пирог.

Мы закусим, икнем, закурим.
Я начну коммунистов ругать.
У начальника дома куры,
А у меня только По Эдгар.

Коммунист не спеша улыбнется,
Скажет: «Запах опять с утра.
Анатолий, тебе придется
Встать на лыжи, пройти в аппаратную».

Я как Нансен, в тайге на лыжах.
Хорошо, что волков нет пока,
А не то б приключение вышло
В духе По «Золотого жука».

Там остался один только череп.
Ну, а здесь – может, томик стихов.
Как в Сибири погиб ученый
Меж советских и просто волков.

Прогулка

Под вечер лыжи так скользят
Из синевы навстречу – елки
Борис Веницкий

Под вечер лыжи так скользят
Из синевы навстречу елки
Я тормознул бы, но – нельзя
Вдруг водка кончится в поселке

И я спешу, как браконьер,
Который подстрелил жар-птицу
А за кустом – милиционер
Мужик здоровый, с аппетитом

А в морду – театральный снег
Шестиугольнее евреев
И рысь – коммиссионный мех,
В снегу купается свирепо

Ленин и шаман

Ходит Ленин по Сибири,
Из ружьишка уток бьет.
А шаману-то обидно,
Притаился средь болот.

Только Ленин глаз прищурит –
И готов нажать курок,
Как шаман присвистнет чуть –
И летит домой чирок.

Ленин хмурится. То смотрит –
Не сместили ли прицел,
То проклятия бормочет
На латинском языке

И картавя пустит слово –
В сочиненьях не найдешь.
А шаман хохочет снова,
Дальше Ленина ведет.

Дома там наверно Надя
Уж давно накрыла чай.
А здесь – будь оно неладно –
То ли порох, то ли чо...

И конечно он не станет
Кроткой Наде говорить,
Что давно товарищ Сталин
Их обоих ненавидит.

У него другая хватка:
Неугоден – так убрать.
И наверное несладко,
Если заполучит власть.

Их теперь осталось трое
На подмену Ильича:
Киров, Сталин или Троцкий.
Вот и ссорятся сейчас.

Киров вышел из народа,
Знает душу работяг.
Ну а те – другого рода,
Быть диктатором хотят.

Правда есть еще Бухарин,
Он крестьянству вроде мил,
Но его в брошюре Сталин
С кулаками заклеил.

Фрунзе и Орджоникидзе –
Крепкие большевики.
Но уса́тый в голенищах
Обошел и не таких.

Да и сам хорош он, Ленин
Взял Плеханова и пнул,
И других интеллигентов,
Горячая, оттолкнул.

Отменил многопартийность,
Комиссаров обогрел,
Что ремнями перетянуты,
Держат кисть на кобуре...

И задумался картавый,
Положив ружье на пень.
И шаману ясно стало:
Надо Ленина топить.

И взлетел на ту сосну он,
Под которой вождь сидел,
Мордой вроде бы осунут,
А душою – прикипел:

Ведь Сибирь – страна лесная,
Ей ли роботами стать.
И не химия нужна ей,
А учение Христа.

Но его тогда, шамана,
Позабудут, колдуна...
А – решил он – все равно нам –
Пусть охотится, коль надо!

Только пусть идет на волка
Иль убить сумеет рысь,
Или ночью за совою,
Когда жгут ее шары.

А не уток безобидных –
Он же все же демократ.
И притом – живут безбедно
Из Кремля можно украсть.

Ведь в Москву идут не даром
С подношеньем ходоки.
Не ему, так командармам;
Есть у партии сынки.

Вот когда в Москве я буду,
Расспрошу, где Мавзолей, –
Нужно свиснуть новый бубен,
Старый ободрал о ель.

* * *

Старичок, а, старичок
Покурить оставь бычок

Понимаешь, я на воле
Понимаешь, мне хана
Поезд мчится в чистом поле
Патрули у полотна

Можно счас конечно прыгнуть
Там в купе сидит стрелок
А овчарка хуже рыси
А вторая – тоже волк

Слушай, дедушка, ты добрый
Отхлебни пока глоток
Мы с тобой покурим долго
До пришествия ментов

А они уже на стреме
Видишь – тот сосновый лес
Не Фома и не Ерема
К нам спешат наперерез

Машинист притормозил уж
И наверное состав
Прикурнет у той осины
Если точно рассчитать

Я к осине прислонюся
Как к распятию христов
И шесть выстрелов мы пустим
Перед тем, как быть ничто

Ну давай – допьем, отец
Я люблю такую жизнь
Будешь в церкви там – в Москве, что ль
Если вспомнишь – помолись

Да зайди пожалуй в гости
Очень скромная семья
Передай привет от Кольки
Что шумел тогда в сенях.

Курский вокзал

Я люблю этот Курский вокзал,
Потому что там рядом Музей.
И китайский изысканный зал
Мне являет буддийских друзей.

И цветной узбекский ковер,
В нем – картинки из Шах-Намэ.
Если был бы я Багдадский Вор,
Улететь бы на нем сумел.

И иные там есть чудеса,
Например – кашмирова шаль.
И китайская опять же лиса
Заколдует мою печаль.

А теперь столица – не та.
Да и сам я теперь – не тот.
В урны, если пришла темнота,
За бутылкой лезешь пустой.

Что поделаешь, беднота
Основное богатство мое.
А музей, кстати – тоже не там.
И не школьники, а послы ходят в нем.

Хлеб

Серая с глазами кадровичка
Ты меня от голода спасла
Хлеб идет навозный и коричневый
И до газировки – три часа

Я стою усталым кочегаром
Справа – печь, налево – вагонет
И бросаю словно как на нары
Тунеядству выпеченный хлеб

Сколько их чай десять миллионов
Если зачеркнуть рабочий класс
Да еще таких как я милордов
Что за них работают сейчас

Доживу быть может рассчитаюсь
Боже как обычно терпелив
Серый хлеб в канаве собирая
Вспомню серый взгляд и трудовик

Композитор Шерстнёв

Снова был на хате инвалида.
Выпили. Он взял аккордеон
И сыграл – примерно, как Феллини
В ненародном фильме Амаркорд.

Я сидел и вспоминал те годы,
Что была хрущевскою Москва.
И старик ходил за мной, как Моцарт.
По студенткам все его таскал.

О, как пел рояль в военных пальцах!
Гайден, Бах, Шопен, Бетховен, Лист –
Если вы в раю сейчас скитаетесь,
Скоро к вам прикатит инвалид.

Кто-то подарит ему коляску
И архангел тормознет педаль.
Что ж, целуйте, гурии, колеса,
Раз Господь к блаженным не педант.

А на этом мире неудачном –
Или он – чистилище и ад? –
Поиграть как следует не дали...
И – не надо, ярославский Бах!

Вышли с тем, кто взял ему бутылку:
Чем умнее, тем я боле хмырь.
А на память – бросили ботинки,
Что Ван-Гог не вынес из тюрьмы.

Юрий Михайлов

* * *

Пора, пора, гудок гудит.
Спешу. Скорей к заводу!
Дед на завалинке сидит
И пьет сырую воду.

– Скажи мне, дед, когда и где
Ты годы потерял в труде.
Оставь на пару дней гужи
И по привычке деда
О днях минувших расскажи,
О прошлом мне поведай.

Как рос в деревне капитал,
Как богател купчина,
Как злой помещик угнетал,
Как в избах жгли лучину.
Как ты соху свою чинил
На истощенном поле.
Как ты былину сочинил
О завидной доле.
Скажи про то, как воевал,
На Перекопский лазал вал,
Как первые комбеды
Вел по пути победы.
Как избран был потом в губком
Деревней бедной той,
И как боролся с кулаком
Совместно с бедной.

Молчит старик, и глух и нем.
Он воду пьет. Я дыню ем.

* * *

О зачем, зачем, о боги,
Буги-вуги губят ноги?
То сгибают их в дугу,
То подкосят на бегу.
Нужно их убить запретом.
Лучше их убить декретом
И издать его при этом

С исключительным секретом.
А журналам и газетам
Осенью, зимой и летом
Выступить с таким советом:
В танце этом есть разврат.
Пляшут, слушают его ли,
Далеко от райских врат
Ты уходишь поневоле.

* * *

Неправда, все идут вперед.
И я иду, и он идет,
И ты идешь, тебя ведут.
Сегодня взяли мы редут.
Преодолеем завтра ров,
Как стадо доенных коров.
А послезавтра – бастион.
Мы все: и ты, и я, и он.

Оставь. Довольно. Надоел.
Ты, видно, хорошо поел.
Я ж голодал уже пять дней.
И речи с каждым днем нудней.

Нубийская пустыня

Пески текли барханами,
Ветрами перемытыми.
Над шахами, над ханами
Вставали пирамидами.
 Где раньше жизнь бурливая
 Кипела всеми гулами,
 Легли пустыни Ливии
 Сухими саксаулами.
Но вечерами серыми
В песках, где высох низ реки,
Зелеными химерами
Бродили долго призраки.
 Когда восход окрасится
 Лучами солнца гордыми,
 В далекие оазисы
 Они сбегали ордами.

Евгений Нестеров

* * *

Не надо биться об лед решений.
Какая чушь!
Хочу у кромки моих крушений
Поставить чум.

Пусть в барабаны, как бег оленей,
Стучит зима.
И пусть три тысячи сто поколений
Сойдут с ума.

Когда на тропке заледенелой
Вдохну твой смех,
Моя душа станет доброй и белой,
Такой, как снег.

1979

* * *

В старом парке, возле гаража
Одинокая собачка жила.
Шкурка – точно вата на клею.
Воду талую пила по весне.
Кто-то в миске ей похлебку принес.
Есть не стала. Аппетита, что ли, нет?
Рядом умная бродила ворона,
Важно черным хвостом поводя.
А кругом была грязь непролазная,
И за грязью – чащоба берез
Без единого листика еще.
(Помнишь, осенью кленовые листья
Ты хотела собрать, да забыла?)
За одно только ласковое слово
Стала нас собачка сторожить
И облаяла прохожего чужого.
Мы с тобою пережили лето, осень,
Зиму, вот уже весна.
Никогда и никого на свете
Не люби так больше. Не смей.

Андрей Сергеев

На мотив Баядерки

Жизнь на курортах,
Легкий и красивый труд.
Он был фотограф
Из артели Изумруд.

Снимал он в Хосте
И в Сухуме снимал,
К знакомым в гости
Не хаживал.

Копил копейку,
Капиталы копил.
На пароходе-Победе
В Америку уплыл.

Где ты, фотограф,
Позабывший Кавказ?
А он в Нью-Йорке
Слушает джаз.

1960 (?)

На даче

Сигети в восторге от Буси Гольдштейна
Клемперер поцеловал руку Брюшкову
А я больше всех люблю Льва Оборина
Нейгауз про него сочинил стишок
«Велик Оборин он и робок и Лев»
Если прочитать справа налево –
То же самое что слева направо
«Велик Оборин он и робок и Лев»
Я не знал что Нейгауз пишет стихи
Конечно Нейгауз Игумнов и Гольденвейзер
Большие виртуозы но какие-то не наши
Вот Миля Гилельс и Лиза Гилельс
Получили первые премии в Варшаве
Но самая талантливая Роза Тамаркина
Такая молодая и вдруг умерла
Оксана Петрусенко тоже умерла
Говорят неудачный аборт от Ворошилова

Знаете он в Киеве был на маневрах
Мне наркоматская массажистка говорила
Мейерхольд зарезал Зинаиду Райх
Шпиллер повесилась из-за Козловского
Теперь ему назначили спецхрану
В Кратове у дачи Лемешева в выходной
Забрали четыре машины лемешисток
Из-за него утопились Пашкова и Целиковская
Пришлось отменить премьеру у Вахтангова
«Ромео и Джульетта» постановка Охлопкова
Музыка Хренникова слова Исаковского
Неправда мы были на этой премьере
Пашкова играла Сакко – Целиковская Ванцетти
Не Сакко и Ванцетти а Монтекки и Капулетти
«Сакко и Ванцетти» это карандаши
Карандаши что-то совсем не пишут
На обложках пушкинских тетрадок вредительство
У моря из дуба выходят белогвардейцы
Вещий Олег вылитый Бухарин
А если перевернуть тетрадку с Калининным...
В учебнике истории для пятого класса
На пуговице у Ленина фашистский знак
Не верите сами посмотрите в лупу
Какая гадость кому это нужно
Мы живем никому не мешаем
Почитайте «Гитлер и Германия» Эрнста Генри
Как же почитайте ее изъяли
Вы читали окончание «Тихого Дона»?
Говорят Шолохов пишет не сам
Говорят говорят мало ли что говорят
Про других ничего такого не говорят
Правильно что писателей надо критиковать
Здорово Ильф и Петров придумали
«Критиковать значит крыть и ковать»
Старостин подковал вратаря Замору
Ему запретили бить с правой ноги
Эйзенштейна опять крыли и ковали
Любовь Орлова развелась с Александровым
Вдова Чкалова и вдова Серова
Снимаются в картине «Свинарка и пастух»
Я думала вдова Чкалова выйдет за Белякова
Правда у Серовой роман с Симоновым?
Что вы что вы подымай выше
Я слыхала что Молотов любит балерин
Давайте лучше заведем патефон
Только не Козина – тембр такой приятный
Такой лиричный и вот оказалось
Утесова не надо у самого голоса нет
А тянет за собой эту пищалку Эдит

Говорят на даче у них написано
«Нам песня строить и жить помогает»
Заметили в «Сулико» неприличное слово?
«В поисках уйдя далеко» Ничего себе
В других песнях у него то же самое
«Служили два друга в нашем полку»
«Широка страна моя родная» не лучше
«Много в ней лесов полей и рек»
Скоро будет страшно подойти к патефону
Да что вы Утесов такой душевный
Жить не могу без его «Парохода»
И «Легко на сердце от песни веселой»
Давайте поставим «Эх хорошо»
Нам ведь на самом деле хорошо
Столько молодежи все такие талантливые
Везде занимают первые места
Будем честными время ласковое.

1973

Песня на улице

Переулками, переходами
Мы бродили с друзьями по-двое.

Говорили о всякой всячине,
Все на свете переиначивали.

Тосковали о жизни праведной,
Толковали о Блоке, Нарбуте.

Рассуждали вокруг да около,
Темнота размышленьям способствовала.

А потом дорогами разными
Разошлись, разбрелись, растолкались мы,

Разошлись, расщепились на атомы,
А тогда-то, тогда-то, тогда-то мы –

Мы счастливыми были, умными,
Наша жизнь прошла переулками.

Юрий Смирнов

* * *

В полынне ночного неба
Звезд не часто.
Опустил рога троллейбус,
Спит начальство.

Спит пожарная охрана,
Сдав техминимум.
Князь Пожарский спит у храма
Рядом с Мининым.

Звезды светятся не часто,
Всех не видно.
За невидимых отчасти
Мне обидно.

Очень стоящие звезды
Есть меж ними.
Это мы не знаем просто
Их по имени.

1960

* * *

Однажды загорелась
Пожарная охрана.
Пожарник набирает ог.
– Пожарная охрана?
– Пожарная охрана.
– Горит пожарная охрана!
– Кто говорит?
– Пожарная охрана.
– Говорит или горит?
– И горит и говорит...

1962

* * *

Я изучаю микромир.
Я постигаю макромир.
Я надеваю полимер
И отступаюсь в мокрый мир.

И хлещут ветки по лицу.
Взывает лес к покою дач.
Я попадаю в полосу
Моих зеленых неудач.

У стационарного буфета,
Где пьют перцовку под боржом,
«Канадский бобрик» и «бабетта»
Стоят и мокнут под дождем.

Их судят все, тем паче мамы,
Концы сводящие с трудом.
Им непонятней панчен-ламы
Вот эти двое под дождем...

1962

* * *

По утрам в поликлиники
Спешат шизофреники.
Среди них есть ботвинники
И кавказские пленники,

Короли и карасики,
Паучки и личинки...
А приятель мой – часики,
Только что из починки.

Дождик серенький-серенький
В землю пальчиком тыкает.
Мы гуляем на скверике,
А приятель мой тикает.

Я смеюсь обаятельно,
Представляя, как ловко
Я однажды приятелю
Отломаю головку.

1962

* * *

В анфиладах комнат
Белые люди
Мне простукали ребра
И проверили слух.
У меня не оказалось плоскостопия.
Я не дальтоник.
Меня признали годным к смерти.

1962

* * *

Когда венецианский дож
Сказал ей: «Дашь или не дашь?» –
Она почувствовала дрожь,
Потом превозмогла мандраж.

Она тирану уступила,
Он был настойчив, как таран,
Он был вынослив, как стропила,
И ей понравился тиран.

А было время Возрождения,
Народ был гол и необут,
Но ведь теряешь убежденья
В момент, когда тебя

1963

* * *

Ну какая от поэта прибыль?
Посчитают пусть плановики...
Надо мною птицы, словно рыбы,
Синие раскрыли плавники.

Вывески читаю и афиши –
Незнакомой жизни письма.
Головы кариатид, а выше –
Голубая с виду глубина.

1966

* * *

Что выдělываюг голуби
В вышине над головой
Между стен, как будто в проруби
Беспредельно голубой!
...Что выдělываюг голуби
Над Бутырскою тюрьмой.

1967

* * *

Благословен правитель слабый.
При нем и тишь и благодать.
Весь век сидит на печке с бабой,
Не кличет воинов на рать.

Он знает цену ратной славы.
Что слава? – дым и мишура.
Но распадается держава,
И не поделать ни хера.

1967

* * *

Выси бледные светлы –
Наступила осень, –
Подпирают их стволы
Корабельных сосен.

Ночью яблоки стучат
По железной крыше.
Громы дальние звучат,
Как приказы свыше.

Мы с утра гулять идем
За дорогой в чаще.
По пути аэродром
Видим настоящий.

И кружится самолет,
Словно лист осенний,
Даже виден был пилот
Несколько мгновений.

Жгут на дачах листья, сор,
Собирают ветки.
Дети смотрят на костер,
Как смотрели предки.

1967

* * *

Крещенские морозы
Принес январь.
И щеки, словно розы,
Цветут, как встарь.

После отмены бога
И вслед за сим
Случалось не много
Подобных зим.

Сугробы у обочин,
Кругом снега
Напоминают очень
Собой стога.

А в синеве молочной
Косматый шар
Почти вишневый, точно
Из печки жар.

Не выхожу из дома,
Гляжу в окно.
Мне все вокруг знакомо
Давным-давно.

Вот дровяного склада
Глухой забор –
Подобие посада,
Еще б дозор.

Услышу пилорамы
Высокий звук.
Обыденность как драму
Пойму не вдруг.

Распиленные ровно,
Белей, чем мел,
Березовые бревна –
Как груды тел.

Найду ли объяснение
Всего верней:
Мы тоже ведь растенья,
Хоть нет корней.

Пред неживой природой
Мы все родня.
Она пребудет годы,
Мы – меньше дня.

Уходят поколенья,
Дела и сны.
Мы все в процесс горенья
Вовлечены.

1968

* * *

И я уйду, когда приспееет время.
Страхну с себя людских желаний бремя
И стану принадлежностью земли.
Частицы, что недавно были мною,
Размытые весеннею водою,
Ветра развеют в прахе и пыли.

Я распадусь, как древняя держава,
Что долго в страхе недругов держала.
Стихи мои останутся одни.
Так после поражения Египта
Остались целы только манускрипты.
Со временем погибли и они.

1968

* * *

Я видел сон,
Что вижу сон,
Что вижу сон,
Что вижу сон,
Но не запомнился мне он,
Последний этот сон.
Я просыпаюсь раз – во сне,
Я просыпаюсь два – во сне,
Я просыпаюсь три – во сне,
Лишь на четвертый раз вполне.

* * *

Белый южный городок,
Тихий, полусонный.
Был тут как-то Геродот
Собственной персоной.

Время медленно плывет
Через толщу зноя.
Вызревает нежный плод
Под листвой резною.

Из промышленности есть
Двадцать восемь тиров.
Пульки шлепаются в жесть,
В полосатых тигров.

Ремонтируют часы,
И в тени навеса
Расположены весы –
Три копейки с веса.

Безмятежна синь небес.
Жители гуляют.
Уточнят сперва свой вес,
После постреляют.

Как заметил древний грек,
Городишко пыльный,
Раз в сто лет бывает снег,
Да и то несильный.

1969

* * *

Завелто сидлобоки
Дугаба теримбо.
– Цени свои пороки, –
Говаривал Рембо.

Зашил он в пояс деньги
И золотой песок.
Трапази ма туэнте
Зимбалы посуок.

1972

* * *

Этот сон зеленый неужели
Вдруг пройдет, как все проходят сны?
Станут углем сумрачные ели,
Янтарем – тягучий сок сосны.

Да и мы с железками своими
Образуем отложений слой
Вроде тех, что нынче носят имя –
Каменноугольный, меловой...

Небеса над толщею слоеной
Будут в звездах, словно решето,
А меж ними – дух неутомный,
Воплотиться ищущий во что.

1973

* * *

Вышел в мокрые деревья,
Только кончилась гроза,
И гляжу без недоверья
Звездам в чистые глаза.

Свет сиреневый сочится,
И луны неровный круг.
Чувствую себя частицей
Мира сущего вокруг.

Не царем слепой природы,
Не творения венцом...
Кажется – стоял бы годы
С запрокинутым лицом.

1974

* * *

Когда душа от тела отлетает,
Куда потом девается она?
В пустом холодном космосе витает
Иль где-то близко, только не видна?

1974

Дирижабль

В синеве над моею страной,
Ждавшей хлеба и керосина,
Он летел, серебристый, большой,
К животу прижимая корзину.

Он парил нереальнее сна,
Каплей двигался по небосводу,
И тогда забывала страна
Про лишенья свои и невзгоды.

Эта радость, по-детски чиста,
По домам не таилась укромно –
Сетью схвачена пустота,
Облако в авоське огромной!

Сколько заданных сверху голов,
Сколько глаз, блестящих от счастья!
Мастодонт тридцатых годов
Вымер начисто в одночасье...

Вспомнил радость далекого дня,
Ощувивши кожей дряблой:
Истекает жизнь из меня,
Словно гелий из дирижабля.

1975

* * *

Прелесть пустынного парка.
Лишь одинокий старик
Листьями палыми шаркал,
Прутья кустарника стриг.

Да изнывая без дела
Или преследуя цель –
Чтобы не заржавела, –
Некто крутил карусель...

1976

Александр Тимофеевский

* * *

Взад-вперед, взад-вперед,
Вверх и вниз по эскалатору
Чинно движется народ,
Свергнувший эксплуататоров.

1959

Песенка крокодила Гены

Пусть бегут неуклюже
Пешеходы по лужам,
А вода по асфальту рекой.
И неясно проходим
В этот день непогожий,
Почему я веселый такой.

Я играю на гармошке
У прохожих на виду,
К сожаленью, день рожденья –
Только раз в году.

Прилетит вдруг волшебник
В голубом вертолете
И бесплатно покажет кино.
С днем рожденья поздравит
И, наверно, оставит
Мне в подарок пятьсот эскимо.

Я играю на гармошке
У прохожих на виду,
К сожаленью, день рожденья –
Только раз в году.

* * *

Шла женщина однажды по дороге,
Смотрели вниз скучающие боги –
Не знали боги, время как убить –
И женщине той заголили ноги
И мне ее велели полюбить.

Они играли нами и шутили,
Страсть разжигали, а потом тушили.
И умер я. И в землю был зарыт,
Узнавши все, что знать мне надлежит.
А боги, сделав женщину старухой,
Играли с ней, как злые дети с мухой,
И слушали, как на стекле жужжит.

1981

* * *

На проспектах твоих запыленных,
На свету, если свет, и впотьмах,
В грязно-серых и грязно-зеленых,
Просто в грязных и серых домах,
И в огромном квартирном закуте,
Здесь, на третьем моем этаже,
Как-то странно мне думать до жути,
Что со мной все случилось уже.

1981

* * *

Он ищет читателя, ищет
Сквозь толщу столетий, и вот –
Один сумасшедший – напишет,
Другой сумасшедший – прочтет.

Сквозь сотни веков, через тыщи,
А может всего через год –
Один сумасшедший – напишет,
Другой сумасшедший – прочтет.

Ты скажешь: «Он нужен народу...»
Помилуй, какой там народ?
Всего одному лишь уроду
Он нужен, который прочтет.

И сразу окажется лишним –
Овация, слава, почет...
Один сумасшедший – напишет,
Другой сумасшедший – прочтет.

Валентин Хромов

* * *

В тот вечер, возвращаясь с пьянки,
Я оказался под чужим окном.
Товарищ Сталин вешал обезьянку
И медленно пытал огнем.

Потом он вынимал ее кишочки
И пожирал, торжественно урча.
С тех пор я не читал его ни строчки.
Читаю только Ильича.

1956

* * *

Лебедь и блядь – два волшебные слова.
Каждое любо стократ повторять.
Белые перлы их первооснова.
Только послушайте: лебедь и

* * *

Пастернак писал на эсперанто –
Русских слов почти не понимал.
Я в восторге от его таланта –
Смелого и оптимального.

Мимолетность клавиш Софроницкого,
Озаренность скрябинских зарниц
Не успеют на бумагу вылиться –
Просятся на мрамор и гранит.

Застывает бронза обелиска –
Тяжелют локти, пальцы рук...
Лошади на забайкальском прииске
Совершили свой понурый круг.

* * *

Эва, дева,
Треплет сук.
Стук-постук
Идет пастух.

Эх, красиво,
Коза сива
В сарафане синем.

Эх, красиво,
Коза сива
В сарафане синем.

* * *

День вылетел в трубу с трудом.
Луна на цыпочках вошла в притихший дом.
Неужто-нешто без надежды
Мне жить, не вопрошая: где ж ты?

* * *

Я увидел тебя
и споткнулся о воздух.
Что творит дивный возраст –
в небе трубы трубят...

«Гражданин,
отойдите от края платформы!»
Я ужасно проворный –
шаг вперед – два назад.

В небе трубы трубят.
В небе черный квадрат.

Леонид Чертков

Шемякин суд

Рассвет был невелик и к дню не причитался,
Округа спать легла до поздних петухов;
Арзубьев тоже спал, когда к нему стучался
Застенчивый злодей – иуда Пастухов.

А судьи были кто? – сутяга Малафей
(В еловой голове его расселась клёпка),
Любитель сдобных баб – запечный Котофей,
Обжора из обжор, да потрошитель Степка.

Когда столпился сей синклит бесчеловечный
Над бедным мудрецом с звучащей головой –
Россия вымерла, лишь простофиля Вечный
Рыдал как истукан над царскою Москвой.

* * *

Я на вокзале был задержан за рукав,
И видимо тогда, – не глаз хороших ради, –
Маховики властей в движении узнав,
В локомотиве снов я сплыл по эстакаде.

И вот я чувствую себя на корабле,
Где в сферах – шумы птиц, – матросский холод платья,
И шествуют в стене глухонемые братья, –
Летит, летит в простор громада на руле.

1957

* * *

Бесценный аромат прижизненных изданий,
Трагический контраст одежды и лица.
Хотя и невесом – я подожду отца
В подъезде нарсуда, как у подножья зданий.

Я жизнь свою прервал, как долгий перекур,
Когда пришел этап – весны ужасный вестник.

А я лежал в грязи, свернувшись как лемур,
И мысли у людей сбегались на воскресник.

1959

Еще одна басня

Сидел на лавочке седой пенсионер,
Вдруг подошел к нему с ружьем милиционер –
Наставил на него и говорит: молись!
В районе нет житья от вас, пенсионеров –
Мы будем вас ловить и истреблять, как крыс, –
Инструкцию нам дал товарищ Кошеверов.
Тут подошли еще и старика забрали.
И на Клейтук свезли коричневый скелет –
Вы можете сказать, что басня без морали.
А я отвечу Вам – морали больше нет.

1966

* * *

Я сам себя не выражал,
Когда чужих детей рожал.

* * *

Действительно, мы жили как князья,
Как те князья, кого доской давили,
А наверху ордынцы ели-пили,
И даже застонать было нельзя.

1987

* * *

По Ленинграду как по льду
Когда-то в прошлом я иду –
И кажется – ступи в залив –
Придешь в Финляндию ты жив.

Геннадий Айги

Облака

В этой
ничьей деревне
нищие тряпки на частоколах
казались ничьими.

И были над ними ничьи облака,

и там – рекламы о детстве
рахитичных и диких детей;

и музыка о нагоде
гуннских и скифских женщин;

а здесь, на постели, на уровне глаз,
где-то около мокрых ресниц,
кто-то умирал и плакал,

пока понимал я
в последний раз,

что она была мама.

1960

Сон: очередь за керосином

и в ряд стоим – спиной друг к другу:

проталкиваем
передних в лавку:

вода и кровь от матерей
в одежде! –

обнявшись
прыгаем во тьме:

лишь где-то:

лес:

готов как будто
до дна – раскатом – озариться:

меня проталкивают:

«как душу именуешь?»:

сквозь ветер я кричу:

«о может быть Тоска
по может быть единственному Полю?»:

и останавливаемся:

эхо к нам доносится:

друг другу руки мы кладем на плечи:

и так же прыгаем во тьме:

и в вихре мы
белея
открываемся:

как будто сами – место для прихода
кого-то:

словно яркая поляна:

где ветер
как виденье
носится:

нас отовсюду ослепляющее:

и слов не слышно:

ни о чем:

не думается

1966

Запись: Аporhatic

К. Б.

а была бы ночь этого мира
огромна страшна как Господь-не-Открытый
такую бы надо выдерживать
но люди-убийцы
вкраплены в тьму этой ночи земной:
страшно-простая
московская страшная ночь

1976

Лес: встреча-юноша

Просто – выяснение дороги.

Позже – наступает «потом».

Словно мгновенно – и долго – и только что –
озеро явное – некое – было: мерцающе-умно-безмолвно.

И тотчас – давно.

(Рассеянно-чисто.) Не скоро домой-возвращение.

(«Так и душа...» – колыбельною песней: прощанью! –
сложить бы: грустнейшую в мире – из фразы лишь этой:

с чередованием безмолвия
чисто – далёко – безлюдно:

«Так и душа...»)

1977

Без названия

какой же Мощью надо быть
чтоб так Безмолвствовать как будто перед бурей
в столь скудном существе как я

1978

Теперь всегда снега

Н. Б.

как снег Господь что есть
и есть что есть снега
когда душа что есть

снега душа и свет
а все вот лишь о том
что те как смерть что есть
что как они и есть

признать что есть и вот
среди света тьма и есть
когда опять снега
О-Бог-Опять-Снега
как может быть что есть

а на поверку нет
как трупы есть и нет

о есть Муляж-Страна
вопроса нет что есть
когда Народ глагол
который значит нет

а что такое есть
при чем тут это есть
и Лик такой Муляж
что будто только есть
страна что Тьма-и-Лик

Эпоха-труп-такой

а есть одно что есть
когда их сразу нет
– о Бог опять снега! –
их нет как есть одно
лишь Мертвизна-Страна

есть так что есть и нет
и только этим есть
но есть что только есть

есть вихрь как чудом вмиг
нет Мертвости-Страны
о Бог опять снега
душа снега и свет

о Бог опять снега

а будь что есть их нет
снега мой друг снега
душа и свет и снег

о Бог опять снега

и есть что снег что есть

1978

Голод-1947

В честь «Семи крайцаров» Жигмонта Морица

1

Я стоял перед голым столом, на котором лежала *она*.

Пустая изба, – словно ящик каких-то вселенских, пусто
равнодушных, полых часов, – будто выстукали и шорох.

Была еще – мать (странно, – знаю, – не помню).

Хотелось, чтобы было еще более пусто, – хотелось стучать – по
всем голым стенам – долго ходя – молотком или обухом, –
но чтобы – один.

Она лежала – длясь, огромно, «конечно» – при
бесконечности тишины и тряпья: мертво-опустившиеся рваньё-флажки! –
«осторожно», – по краю стола.

И ноги – шерсть в дырах: чулки. Будто взошла – на эти голые
доски – сама, из огорода – из раскаленного марева! – будто – и
тогда была мертвой.

Поевший надолго, рассуждаю, – теперь 1979, – умею.

2

Когда голодный постоянно голоден, год, два, три и так далее,
он и не знает, что он хочет есть, он так – постоянно – живет
лишь своим «состоянием» – как навсегда! – но год, два, три, и
представляется случай, чтобы он *понял*, что он хочет –
есть.

И вот, в то лето, из тех – двух лет, из тех – трех, мне
предстоял – такой, единственный случай, – яркий (был – таковым).

Я продвигался, ноги ее перестали закрывать лицо.

Лицо, огромно-опухшее, бывшее рабоче-красным, лошажье-красным,
осталось таким же огромно-опухшим, но – светилося... – свежо,
призывающе... – крахмально. И, наконец, оно было похоже на
картофель – без ран, без глазков, – только что освобожденный от
кожуры, свежо светящийся! чуть-чуть остывший. (*Никогда не*

забуду, как будто видел вчера, – да, это самые точные слова).

И я невероятно захотел есть.

Притянуться, медленно посыпать солью. Это картофельное, желудочно-прекрасное (о, еще будет «поэзия», буду). *Это – солью, и – есть, это, именно это. Есть.*

1979

**Стихотворение-название:
белая бабочка, перелетающая
через сжатое поле**

1982

Нет мыши

есть

18 ноября 1982

Спокойствие гласного

а

21 февраля 1982

Вечер

И – состояние
цветка одинокого – розы:
как неумелое: в несколько – будто – приемов
объятье – младенца:
без обнимаемого.

1985

Александр Аронов

* * *

Что ж это ты, печальная,
Прижалась к стене?
Буквы на ней печатные,
А слова-то – не.

Приди ко мне берегом,
Поломанным садом,
Стань ко мне передом.
А к другому как?

Что же это делается!
Нечему дивиться.
Красная девица –
Рыжая девица.

1956-й

Среди бела дня
Мне могилу выроют.
А потом меня
Реабилитируют.

Пряжкой от ремня,
Апперкотом валящим
Будут бить меня
По лицу товарищи.

Спляшут на костях,
Бабу изнасилуют,
А потом простят.
А потом помилуют.

Скажут: – Срок ваш весь.
Волю мне подарят.
Может быть, и здесь
Кто-нибудь ударит.

Будет плакать следователь
На моем плече.
Я забыл последовательность,
Что у нас за чем.

Пророк

Он жил без хлеба и пощады.
Но, в наше заходя село,
Встречал он, как само тепло,
Улыбки добрые и взгляды,
И много легче время шло,
А мы и вправду были рады –

Но вот зеркальное стекло:

А мы и вправду были рады,
И много легче время шло,
Улыбки добрые и взгляды
Встречал он, как само тепло,
Но, в наше заходя село,
Он жил без хлеба и пощады.

Песенка о собаке

Когда у вас нет собаки,
Ее не отравит сосед,
И с другом не будет драки,
Когда у вас друга нет.

А ударник гремит басами,
А трубач выжимает медь –
Думайте сами, решайте сами,
Иметь или не иметь.

Когда у вас нету дома,
Пожары вам не страшны,
И жена не уйдет к другому,
Когда у вас нет жены.

Когда у вас нету тети,
Вам тети не потерять.
И раз уж вы не живете,
То можно не умирать.

А ударник гремит басами,
А трубач выжимает медь –
Думайте сами, решайте сами,
Иметь или не иметь.

Веселенькая история

1

Живут это люди.
Где-то на горе.
Будто на верблюде,
На самом горбе.
Небо седое
На плечах несут.
Даже коз не доят –
Так сосут.
Доживают люди
Жизнь до дна.
Парня
 не любит
Девка одна.

2

Теперь это приходит к ним
Дед, борода.
Мне, говорит, охота
Ставить города.
Вот здесь, говорит,
Где глетчер –
Сто домов,
Двести пятьдесят крылечек,
Пятьсот дымов.
А тем-то что – ладно,
Валяй, строй.
Самим, говорят, не сладко –
Первобытный строй.
Повесили фонарики,
Взяли топорик –
Заводы,
Фабрики,
Всё такое.
Ресторан,
Пекарню,
Университет.
А девка
 парню
Нет и нет.

3

Ну, он хорошо.
А слезы-то льются.
В подпольщики пошел.
За революцию.
Каторга.
Ссылка.
Стал он арестант.
Темная посылка,
Бордовый бант.
Наконец, получше нам
Стало вчера.
Посылка получена,
А в ней – ура!
И белые!
И негры!
Свобода,
Душа!
А она
 «нет», – говорит
И ша.

4

Конечно, он нервный.
Рвет пальто.
– Товарищи, – говорит,
Наверно
Что-то не то?
У этой, говорит, Дашки
Изо всех девчат
Соски,
 как карандашики,
В материю торчат.
Тапок на бегу
Сденет, оденет –
И я, говорит, о деле
Думать не могу.
Мне теперь хоть с крыши,
А не только что...
– Ладно, говорят, слышали,
Надень пальто.

5

Ну, тут они его уговаривают братья за строительство,
строить новую жизнь.

– Станем лучше жить –

Дойдет и до тебя.

– Да-ть у нее мужик!

И двое ребят!!

– Брось ты, дура,

Кончай эту муть.

Там уж придумаем

Чего-нибудь.

Это, брат, будет

Не жизнь,

а мед:

И девка полюбит,

И баба поймет...

6

Вот и все вам факты.

И весь сказ.

У нас

вот так-то.

А как у вас?

* * *

Остановиться, оглянуться,
Внезапно вдруг на вираже,
На том случайном этаже,
Где нам доводится проснуться,

Ботинком по снегу скребя,
Остановиться, оглянуться,
Увидеть день, дома, себя,
И тихо-тихо улыбнуться...

Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть:
Остановиться, оглянуться,
И никогда не умирать!

Согласен в даль, согласен в степь,
Скользнуть, исчезнуть, не проснуться –
Но дай хоть раз еще успеть
Остановиться, оглянуться.

Ефрем Баух

* * *

Гулкий короб зимы –
Скарб в нем скудный, особый: сугробы,
Хрупкость вымерзшей тьмы
И полозьев скребущие скобы.

С треском рушится сук,
Обжигая колючею пылью.
Воздух ломок и сух,
Как в гербарии бабочки крылья.

Льда отечный нарост
И дыханье теплыни запечной...
Шерстью смерзшихся звезд
Обдирает лицо мое Млечный.

Тропка наискосок –
К сельской чайной, безжизненно блеклой:
Света желтый брусок
Сквозь горбато оплывшие стекла.

Мне ходить по тропе
И грустить по давнишней обиде,
Вспоминать о тебе,
Тосковать – как по Риму Овидий,

Помнить споры друзей
За студенческим чаем и хлебом.
Кверху дном – Колизей:
Стадиона гудящее небо.

Мне мерещится зной,
Море, лик твой над плавною пеной.
Как скрипуче зимой
Колесо ледяное Вселенной.

Евгений Бачурин

Посвящение Беранже

Я куплю себе последние ботинки,
Заработаю на свой последний хлеб,
Я в последний раз женюсь на блондинке,
А потом, чтоб я оглох,
А потом, чтоб я ослеп, –
Буду жить от вечеринки к вечеринке.

Я в последний раз займу у друга денег,
В час получки захватив его врасплох.
Он в последний раз мне скажет: – Ты бездельник, –
А потом, чтоб я ослеп,
А потом, чтоб я оглох,
Мы продолжим воскресенье в понедельник.

Нелегко тому, кто мнит себя кумиром
Или к власти пробирается чуть свет,
Лучше просто быть случайным пассажиром,
А потом, чтоб я оглох,
А потом, чтоб я ослеп,
Только выпивший не в меру правит миром.

Даже поздняя любовь меня не греет,
Только валится на голову, как снег.
Я в последний раз любви подставлю шею,
А потом, чтоб я оглох,
А потом, чтоб я ослеп,
Я устрою ей последний день Помпеи!

А когда меня настигнет час последний,
Отшумит в душе земной переполох,
На меня костюм наденьте самый летний,
А потом, пусть я ослеп,
А потом, пусть я оглох,
Подымусь я, чтобы выпить по последней.

Если падает перо из рук поэта,
Оставляя за собой прощальный след,
Значит, песенка его недаром спета,
Значит, даже если я оглох,
Значит, даже если я ослеп,
Много выпито и слишком мало съето.
Вот так!

Как хорошо

Как хорошо, когда всё вовремя, всё кстати,
К лицу и к случаю, к добру и ко двору,
Для отдыхающего – ножки полированной кровати,
Для убегающего – ноги кенгуру.

Но не завидую я тем, кто опоздали
На поезд свой, который только что ушел:
Не любят лишних и транзитных пассажиров на вокзале,
Неуютно им и так нехорошо.

А хуже нет, когда торопитесь вы сами,
Опережаете событий череду,
И в результате суматохи
Не в свои садитесь сани,
За что высаживают прямо на ходу.

И есть еще одна причина для протеста,
Когда какой-нибудь находчивый нахал,
Войдя, как фрайер, занимает ваше собственное место,
Вызывая вас на грубость и скандал.

Судьба – индейка, курица – удача,
А между ними вы – как безголовый хек,
Ведь два шага всего бывает от смешного и до плача,
Как сказал один великий человек.

1976

Частушки

– Где вы брали арбузы?
– На углу в магазине.
– А в каком магазине?
– Возле библиотеки.
– А почём вы брали их?
– За кило по тридцать коп.
– А куда вы клали их?
– Мы их клали в портфели.
– В портфелях ж документы?
– А мы сверху ложили.
– Нешто сеток не было?
– А все сетки в прорезах.
Что ни сунь – всё сыплется:
Хоть крупа, хоть арбузы.

1976

Юрий Визбор

* * *

Вставайте, граф! Рассвет уже полощется,
Из-за озерной выглянув воды.
И, кстати, та вчерашняя молочница
Уже поднялась, полная беды.
Она была робка и молчалива,
Но, ваша честь, от вас не утаю:
Вы, несомненно, сделали счастливой
Ее саму и всю ее семью.

Вставайте, граф! Уже друзья с мультуками
Коней седлают около крыльца,
Уж горожане радостными звуками
Готовы в вас приветствовать отца.
Не хмурьте лоб! Коль было согрешение,
То будет время обо всем забыть.
Вставайте! Мир ждет вашего решения:
Быть иль не быть, любить иль не любить.

И граф встает. Ладонью бьет будильник,
Берет гантели, смотрит на дома
И безнадежно лезет в холодильник,
А там зима, пустынная зима.
Он выйдет в город, вспомнит вечер давешний:
Где был, что ел, кто доставал питье.
У перекрестка встретит он товарища,
У остановки подождет ее.

Она придет и глянет мимоходом,
Что было ночью – будто трын-трава.
«Привет!» – «Привет! Хорошая погода!..
Тебе в метро? А мне ведь на трамвай!..»
И продают на перекрестке сливы,
И обтекает постовых народ..
Шагает граф. Он хочет быть счастливым,
И он не хочет, чтоб наоборот.

1962

Рассказ технолога Петухова о своей встрече с делегатом форума

Сижу я как-то, братцы, с африканцем,
А он, представьте, мне и говорит:
В России, дескать, холодно купаться,
Поэтому здесь неприглядный вид.
Зато, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди, говорю, планеты всей,
Мы впереди планеты всей!

Потом мы с ним ударили по триста,
А он, представьте, мне и говорит:
В российских селах не танцуют твиста,
Поэтому здесь неприглядный вид.
Зато, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди, говорю, планеты всей,
Мы впереди планеты всей!

Потом залили это всё шампанским.
Он говорит: вообще, ты кто таков?
Я, говорю, наследник африканский.
Я, говорю, технолог Петухов.
Вот я, говорю, и делаю ракеты,
Перекрываю Енисей,
А также в области балета
Я впереди, говорю, планеты всей,
Я впереди планеты всей!

Проникся, говорит он, лучшим чувством,
Открой, говорит, весь главный ваш секрет!
Пожалуйста, говорю, советское искусство
В наш век, говорю, сильнее всех ракет.
Но всё ж, говорю, мы делаем ракеты
И перекрыли Енисей,
А также в области балета
Мы впереди, говорю, планеты всей,
Мы впереди планеты всей!

1964

Новелла Матвеева

Песенка о бедном придворном

Он самый бедный был из свиты,
И даже красные штаны
Ему не кем-то были сшиты,
А под гипнозом внушены.

Но не за тёмным перелеском,
Но не в глухой полночный час,
А на приёме королевском
Внушенье кончилось как раз.

Пошло веселье тут такое,
Смеялся двор три долгих дня...
И не смеялись только двое –
Король Испании да я.

* * *

Дворник листья неохотно ворошит
Под наплывом облетающих аллей.
Полог неба предвечернего прошит
Обрывающейся ниткой журавлей.
 За рекою, отражённые в реке,
 Люди с вилами подъехали к стогам,
 Точно карлы к великаньим пирогам
 С циклопической вилкою в руке.

Веет свежестью обоих берегов,
Странной яркостью
И сказкой дышит быт.
За телегами по зелени лугов
Тучей ливневою бродит чёрный бык.
 Ухожу среди слабеющих берёз.
 Нет улыбки в их безликой белизне,
 Тем томительнее за сердце берёт
 Эта бледность, равнодушная извне.

Дети кукол рассадили возле пня
И, забыв о них, ушли за бузиной;
Куклы зябнут
И, уставясь на меня,
Отсыревшие, сидят передо мной.

1959

Какой большой ветер!

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домишек сдул крыши,
Как с молока – пену,
 И если гвоздь к дому
 Пригнать концом острым,
 Без молотка, сразу,
 Он сам войдёт в стену.

Сломал ветлу ветер,
В саду сровнял гряды –
Аж корешок редьки
Из почвы сам вылез
 И, подкатясь боком
 К соседнему саду,
 В чужую врос грядку
 И снова там вырос.

А шквал унёс в море
Десятка два шлюпок,
А рыбакам – горе, –
Не раскурить трубок,
 А раскурить надо,
 Да вот зажечь спичку –
 Как на лету взглядом
 Остановить птичку.

Какой большой ветер!
Ох! Какой вихорь!
А ты глядишь нежно,
А ты сидишь тихо,
 И никакой силой
 Тебя нельзя стронуть, –
 Скорей Нептун слезет
 Со своего трона.

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домов сорвал крыши,
Как с молока – пену...
 И если гвоздь к дому
 Пригнать концом острым,
 Без молотка, сразу,
 Он сам уйдёт в стену.

1960–1961

Дома без крыш

Летняя ночь была
Тёплая, как зола...
Так, незаметным шагом,
До окраин я дошла.

Эти окраины
Были оправлены
Вышками вырезными,
Кружевными кранами.

Облики облаков,
Отблески облаков
Плавали сквозь каркасы
Недостроенных домов.

Эти дома без крыш
В белой ночной дали
В пустошь меня зазвали,
В грязь и в глину завели.

На пустыре ночном
Светлый железный лом,
Медленно остывая,
Обдавал дневным теплом.

А эти дома без крыш
В душной ночной дали
Что-то такое знали,
Что и молвить не могли!

Из-за угла, как вор,
Выглянул бледный двор:
Там, на ветру волшебном,
Танцевал бумажный сор...

А эти дома без крыш
В душной ночной дали
Плыли, как будто были
Не дома, а корабли.

Встретилась мне в пути
Между цементных волн
Кадка с какой-то краской,
Точно в теплом море – чёлн.

Палка-мешалка в ней,
Словно в челне весло!

От кораблей кирпичных
Кадку-лодку отнесло.

Было волшебнo всё.
Даже бумажный сор!
Даже мешалку-палку
Вспоминаю до сих пор!

И эти дома без крыш,
Светлые без огня,
Эту печаль и радость,
Эту ночь с улыбкой дня.

1961

Испанская песня

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной сьерры.
А как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвётся в бездну камень серый.

Тишина. Лишь только песню
О любви поёт погонщик,
Только песню о любви поёт погонщик,
Да порой встряхнётся мул,
И колокольчики на нём,
И колокольчики на нём зальются звонче.

Ну скорей, скорей, мой мул!
Я вижу, ты совсем заснул:
Ну поспешим – застанем дома дорогую...
Ты напьёшься из ручья,
А я мешок сорву с плеча
И потреплю тебя и в морду поцелую.

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной сьерры...
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвётся в бездну камень серый.

1961

Пожарный

Жил-был пожарный в каске ярко-бронзовой,
Носил, чудак, фиалку на груди!
Ему хотелось ночью красно-розовой
Из пламени кого-нибудь спасти.

Мечта глухая жгла его и нежила:
Вот кто-то спичку выронит и – вот...
Но в том краю как раз пожаров не было –
Там жил предусмотрительный народ.

...Из-за ветвей следить любила в детстве я,
Как человек шагал на каланче...
Не то чтобы ему хотелось бедствия,
Но он грустил – о чём-то вообще...

Спала в пыли дороженька широкая,
Набат на башне каменно молчал...
А между тем горело очень многое,
Но этого никто не замечал.

Но этого никто не замечал.

1961

* * *

Я мечтала о морях и кораллах.
Я поесть хотела суп черепаший.
Я шагнула на корабль, а кораблик
Оказался из газеты вчерашней.

То одна зима идёт, то другая.
За окошком всё метель завывает.
Только в клетках говорят попугаи,
А в лесу они язык забывают.

А весной я в разлуки не верю
И капли не боюсь морозящей.
А весной линяют разные звери.
Не линяет только солнечный зайчик.

У подножья стали горы – громады.
Я к подножию щекой припадаю.
Но не выросла ещё та ромашка,
На которой я себе погадаю.

Девушка из харчевни

Любви моей ты боялся зря, –
Не так я страшно люблю!
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою.

И если ты уходил к другой,
Иль просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ
 висел на гвозде.

Когда же, наш мимолётный гость,
Ты умчался, новой судьбы ища,
Мне было довольно того, что гвоздь
Остался после плаща.

Течение дней, шелестенье лет, –
Туман, ветер и дождь...
А в доме событие – страшнее нет:
Из стенки вынули гвоздь.

Туман, и ветер, и шум дождя...
Течение дней, шелестенье лет...
Мне было довольно, что от гвоздя
Остался маленький след.

Когда же и след от гвоздя исчез
Под кистью старого маляра, –
Мне было довольно того, что след
Гвоздя
 был виден – вчера.

Любви моей ты боялся зря, –
Не так я страшно люблю!
Мне было довольно видеть тебя,
Встречать улыбку твою!

И в тёплом ветре ловить опять
То скрипок плач, то литавров медь...
А что я с этого буду иметь?
Того тебе – не понять.

1964

Александр Морев

Гойя

Пленных в тыл отвести приказали,
Наших троих в конвой им дали.
Конвойным скучно, шагают трое:
Один с ухмылкой, другой суровый,
А третий – шельма, в глазах – такое!..
Совсем безусый, белесобровый.
А пленных – тридцать,
Тридцать фрицев,
Кутают щеки, носы в башлыки.
Им холодно, охают,
Очень плохо им:
Зима, Россия, большевики!
А трое в ватниках,
Шагают в валенках,
Рукавицы теплые –
На автоматиках!
Только долго вести их очень,
Может, в тыл доберемся к ночи?
И в лесу автоматная очередь
Гулко рассыпалась над Россиєю.
Легли все тридцать,
Тридцать фрицев,
Пленных фрицев –
В мерзлом осиннике.
Руки подняты,
Ноги согнуты,
Души отняты
И не отпеты.
А трое обратно идут, мать их так!
Солнце на автоматиках.

* * *

Если начнется дождь,
все равно буду стоять у букиниста.
Если начнется война,
все равно буду стоять у букиниста.
И если меня не будет,
все равно буду стоять у букиниста –
незримый, как ветер,
шевелить листы пожелтевших книг.

Всеволод Некрасов

И я про космическое

Полечу или нет – не знаю
До луны или до звезды
Но луну я пробовал на язык
В сорок первом году в Казани

затмение
война
тем не менее
луна

белый
свет

белый
снег

белый
хлеб
которого нет

никакого нет

Я давным-давно вернулся в Москву
Я почти каждый день обедаю

А на вид луна была вкусная
А на вкус луна была белая

1959

* * *

Серый серый ветер
Тротуары вытер
Происходит вечер
Без особых вычур
Без особых штучек
И на восемь строчек
За домами туча
Темная как ноца

* * *

Молчу
молчи

Молчу
молчи

Чутьем чутьем

Течем течем

Я думал мы о чем молчим

А мы молчали

Вот о чем

* * *

Евгению Леонидовичу
Ольге Ананьевне

Тут и ель
И сосна
И береза сама
Тут и куст
Тут и лес
Тут и хвоя и лист
Тут и зим
Тут и лет
И – чужак человек –
И чего только нет

А чего
Только
Нет

Нету тут
Чинары

Если тут
Чего нет
Значит
И не надо

* * *

Идут тучи
Оттуда
Откуда-то
Туда
Куда-то
Идут

Идут тучи
Видят
Чудо

И я
Туда хочу

* * *

Утро

Утро есть утро

Это ясно

* * *

Крыши крыши
Что там
Под?

Ничего
Новый год

Окна окна
Что там
В?

Ничего
Вы и вы
С чем вас и поздравляю

С чем?
С чем?

Ни с чем
С новым годом

* * *

Весна весна весна весна
Весна весна весна весна
Весна весна весна весна

И правда весна

* * *

Это там
Это там
Это там
Это там

Это там

Это туман
Это туман
Это туман
Это туман

Это туман

* * *

СЛОВО СОЛОВЕЙ

СЛОВО СОЛОВЕЙ

СЛОВО СОЛОВЬЮ

СЛОВО СОЛОВЬЮ
СЛОВО СОЛОВЬЮ

СЛОВО СОЛОВЬЯ
СЛОВО СОЛОВЬЯ
СЛОВО СОЛОВЬЯ
СЛОВО СОЛОВЬЯ

СНОВА СОЛОВЕЙ

* * *

Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть
Свобода есть свобода

1964

* * *

Первое мая

Потом
Черное море

Потом опять
Первое мая

Из Пушкина

Товарищ верь
Взойдет она

Товарищ прав

* * *

Ну
море волнуется

Море
не волнуйся

Я не утонул

* * *

ХОЛОДНО

ОТКРОЕМ ОКНО

ХОЛОДНО

ЧТО

ЧТО НЕБО НЕТОПЛЕНО

НЕБО НЕТОПЛЕНО

НА НЕБО ПОТЯНУЛО

* * *

Луна

А

Луна

А

Луна

А

Луна

А

Луна

А

А небо

О

* * *

Месяц месяц

Месяц месяц

Месяц месяц

Месяц месяц

Как ты висишь

Кто так висит

Как ты висишь

Разве так висят

* * *

Погоди

Я посмотрю

Как идут
Облака

Как идут дела

* * *

Эрику Булатову

я уж чувствую

тучищу

я хотя
не хочу
и не ищу

живу и вижу

* * *

Малаховка

Тихвинка

Тишинка

Тетенька

– По-твоему я
Тетенька

По-моему я
Твоя мама

* * *

И опять
так захотелось сказать
что

Господи Господи
(Твои эти все
Сокольники то есть)

Окошки
Позабитые досками
Идиотскими

И думалось
Поглядеть философски

Да не удалось

* * *

увидеть
Волгу

и ничему не придти
в голову

ну
можно
такому быть

или Волга не оного
стала

но
воды много

* * *

когда мы ездили на юг
в бинокль увидели
корабль «Люберцы»
удивительно
как повезло кораблю

* * *

речь
ночью

можно так сказать

речь
как она есть

иначе говоря

речь
чего она хочет

* * *

к
п
р
с
т
ф
х
ц
ч
ш
щ
что
вы так испугались

* * *

Всё
всё хорошо
всё хорошо
всё

кроме меня

кроме меня
кроме меня

* * *

Я помню чудное мгновенье
Невы державное течение

Люблю тебя Петра творенье

Кто написал стихотворенье

Я написал стихотворенье

* * *

Пушкин-то

Уж и тут Пушкин
и тут Пушкин
И тут

Пушкин
И Ленин

Пушкин
И Сталин

Пушкин
И Холин

Так кто
Ваш любимый поэт

Пушкин
и Винни-Пух

Из Пушкина

Луна
Луна
Луна
Луна

Дура ты дура

* * *

Ян
Палах

Я не Палах

Ты не Палах

А он
Палах?

А он
Палах

Он Палах

А ты
Не Палах

И я не Палах

1969

* * *

это
не должно повториться

повторяю

это
не должно повторяться

повторяю

это
не должно повториться

это
не должно повториться

это
не должно повториться

повторяю

* * *

Возможно
Это и не совсем то
Но
Хорошего понемножку
Плохого тоже

Но больше хорошего

И даже
Божья коровка

* * *

Вот

Дети видите

будете вы

Лететь

Будете
Лететь
Лететь

Лететь

И видеть

Цель дети

дети цель

дети дети дети

цель

Видите ли вы цель

Видите ли вы

Свою цель дети

Михаил Нилин

* * *

Разговор.

– Кума.
– Что тебе?
– Ничего.

* * *

Из Достоевского.

– Михаил Давыдович,
да вы... –
выдавил, –
да вы
у вдовы
даве
о чём вели речь?

* * *

Коля,
с алкоголем не шути.
Что ты!
Это не шутки.

* * *

Оргии –
парторгу
сигнализируем –
организует.

То самое –
с одной
из бибколлэктора
отёрвой.

Есть
совесть партийная,
нет?

На государственные
средства.

* * *

Обкóм.
Кубометр.
Кум,
покурим.

Наша жизнь.

Комбикормá.

* * *

Простодушная женщина –
как жеребёнок –
имеет девочку,
хочет заочно учиться.
Чёрт-те что.

* * *

Мы вас
разбронировем –
хотя вы
участник
ВОВ.

Во дают.
Я участник.
Что делают
пидорáсы.

* * *

За процветание стран народной демократии –
после этого тоста
хозяева гостей не задерживают...
За Тóню пили,

как же,
пили.
Тоня.

* * *

Еле-елешная
жизнь.
Такие делишки.
Даёшь
жизнеутверждающее искусство.

* * *

У меня всё,
Сёва.

У меня
всё.

* * *

Хорошо и актуально –
вот что
можно сказать
об этой книжке.

* * *

Ступайте,
ваше степенство,
не отсвечивайте тут.

* * *

Товарищ,
закругляйтесь.

В просьбе
прошу
не отказать.

У меня
народ,
товарищ.

* * *

... есть и девки мужское надевают.

* * *

В Афганиста́не не победили,
и Чечню́ не победим,
видимо.

* * *

Её все тра́хают, а помочь никто не хочет.

* * *

... поэт Евтуше́нко
с учительницей из Читы́.

* * *

Олдо́вая
довольно-таки
герла́ :
елду́ видала.

* * *

Пардон,
в парадном
не дам.

* * *

– Выпьешь?
– А есть?

* * *

Единый политдэнь.

* * *

Подозрителен,
наряду с Фэтом,
Щедрин (Салтыков).
Не из армян ли?

* * *

Шестая часть суши, старичок, под русскими.

* * *

Город Николаев,
фарфоровый завод.
А по полю
девчоночка
с ребёночком
идёт (...)
Идиотство какое-то.

* * *

[«НОВЫЙ МИР»]

Нюша, понимаешь,
не можем же мы...
Спишь?

* * *

В победу-то
[пролетариата]
веруете?
Да.

* * *

– Скажите, кто вас звал?
– Сейчас вам отвечу.

* * *

Ничего.
А свояченица –
очень.

* * *

Дяде Игна́ту
в зубы дали
и по балде́.

* * *

Жалобно белели розы.
.....

Эми́лия забыла зонтик
и теперь тревожилась :
дождь, не дай бог,
и тогда она промокнет.

* * *

ветхозаветного партхозактива

* * *

Я обратно очень за тебя рада.

* * *

Ско́тчем, чем.

Анатолий Передреев

В переулке

Что ты шаг ускоряешь, прохожий,
В переулке полночном глухом,
И спешишь по шуршащей пороше,
И стучишь, и стучишь каблуком?!

Что ты ближе стараешься к свету,
Всей спиною меня сторожа?
Я не прячу в кармане кастета,
Не держу воровского ножа.

Я не прячусь за темные стены,
Я не жду в переулках кривых
Ни наручных твоих, драгоценных,
Ни карманных твоих, трудовых.

Просто дело мое молодое,
Просто кружится, падает снег...
Протяни огонек мне в ладонях,
Разреши прикурить, человек!

1961

Кондуктор пригородного

Он был погоней разозленный,
На все застегнутый крючки,
Он так вращал свои зеленые,
Свои казенные зрачки!

Загнать меня, как зайца, в угол,
Поймать меня за воротник!
Такой старательный кондуктор,
Такой исправный проводник.

Ни разу я не увернулся,
Ни разу я не прошмыгнул...
Ни разу он не улыбнулся,
Ни разу он не подмигнул.

1961

Вадим Черняк

Мальчишка

Снега, сугробы, санки...
Метет во все концы.
Дома стоят, как замки –
хрустальные дворцы.

Палатка «Воды – соки»,
скамейка у ворот.
Сев на скамейку,
щеки
мальчишка снегом трет.

Проходят люди мимо,
подняв воротники,
внимательно за ними
следят его зрачки.

И сам еще не знает,
вокруг глаза, он,
что всё запоминает
для будущих времен:

веселых или грубых
проворных продавщиц,
мороженщиц в тулупах,
задорных зимних птиц,
ворота, дворик тесный,
афиши на столбах
про очень интересный
фильм под названием «Крах»,
серебряную змейку
шоссе,
трамваев ряд,
палатку и скамейку,
дома и чей-то взгляд.

...Он как-то на Таганке,
смутив честной народ,
«Снега, сугробы, санки...»
вдруг вслух произнесет.

1967

* * *

Вот мельница, она уж развалилась...

Вот поредевший ельник.
Стоял здесь мельника дом.
А там была запруда,
где сом ходил в глубине.
Спит раскулаченный мельник
под елкою вечным сном.
Нетрудно себе представить,
что он видит во сне.

1975

* * *

Там, почти в первобытной тиши,
где стоял, холодея, в лесу я,
надо мной проносились стрижи,
синеву вкривь и вкось полосую.

На поляне, где плыл птичий крик
и тропинка тянулась по краю,
на короткий, но тягостный миг
я почувствовал, что умираю.

За кустами чернел буревал,
и во всей наготе быстротечной
мир зеленый вокруг бушевал...
Что ему был мой приступ сердечный?!

Воду пил паучок на пенъке,
солнце в чаще лесной колебалось,
шмель гудел, а в далекой реке
рыба неторопливо плескалась.

Так запомнился мне этот день:
запах лета, камней раскаленных,
траектории птичьей и тень
от деревьев на травах зеленых.

1975

* * *

Третий день кружится снег
над тобою, надо мною...
Шумный наш двадцатый век
весь укутан тишиною.

Между туч найдя проём,
жарко нарумянив лица,
за Донским монастырем
солнце медное садится.

Лыжи, елки... Благодать!
Бабы снежные, салазки...
Хочется опять читать
андерсеновские сказки.

Что за мягкая зима!
Снег, как вальс:
кружится, тает.
И Бутырская тюрьма
замок мне напоминает.

Силуэт его красив,
поражает четкость линий.
Башни сумрачный массив,
а над нею – воздух синий.

И в вечерней тишине,
словно из далекой дали,
крик доносится ко мне:
– Антонина! Сколько дали?..

1975

и становилась легкой негой
недельная

 усталость мышц.
Нас охлаждал предбанник пивом,
сквозящим в щели холодком...
Потом всем «банным» коллективом
мы заходили в гастроном...
Любви нас женщины учили,
растаскивали за собой.
Что за кудрявые кадрили
крутили мы на мостовой!
О нас:

 «Ах, как они испорчены!» –
ворчали склочник и добряк.
Так становились мы рабочими.
Вернее,
 нам казалось – так...

1962

* * *

Ты роди мне сына Ваню,
изгрустился я по сыну.
Буду с ним ходить я в баню,
будет он тереть мне спину.
Ты роди мне Ваню-сына,
станет он бедою школы:
от бровей до пяток – синий,
до бровей от пят – веселый.
Ты роди мне чудо-юдо,
пусть он так же любит женщин,
я бранить его не буду –
не сможешь сумасшедшим.
Пусть меня облепят внуки,
словно пчелы – мед столетний,
да не помер бы со скуки
я – Агеев предпоследний.
Ты роди мне сына Ваню...
Он мне гроб – как дом – построит,
он землей меня завалит,
он травой меня укроет.
Не зову я с неба манну,
не хочу я жизни сытной,
а хочу я сына Ваню,
а зову я Ваню-сына...

1964

Сергей Вольф

* * *

Ракетная игрушка
Взлетает в небеса.
Нам жить с тобой, подружка,
Осталось полчаса.

У ней стальные усики
И водород в хвосте.
Снимай скорее трусики
И сыпь ко мне в постель.

1958 (?)

* * *

Сяду я на саночки
И поеду к самочке.

* * *

Шел по улице зверек,
Делал лапкой поперек.

* * *

Моя жена печет блины
Различной формы и длины.

* * *

Мне на плечо сегодня села стрекоза,
Я на нее глядел, должно быть, с полчаса,
И полчаса – она глядела на меня,
Тихонько лапками суча и семеня.
Я с ней по Невскому прошел, зашел в кафе,
Оттуда вышел я немного подшофе,
Она не бросила меня, помилуй бог,
Глядела пристально, сменив лишь позу ног.

Нечто невнятное влекло ее ко мне,
Должно быть что-то, привнесенное извне,
Какой-то запах, или спектр волновой,
Или сиянье над моею головой.
Я дал конфетку ей – смутилась, не взяла,
Ее четыре полупризрачных крыла,
Обозначая благодарность и отказ,
Качнулись медленно и робко пару раз.
Что делать с нею? Отнести ее домой?
Но, вероятно, это ей решать самой.
Просить меня оставить? Но она
Как бы отсутствует, в себя погружена.
Да, способ есть простой прогнать ее с плеча:
Им повести слегка и вздрогнуть сгоряча,
Но вдруг я так необходим ей, что она
Подобным жестом будет сверхпотрясена?
...Сиди, убогая! Войди со мной в метро,
Проедь бесплатно, улыбнувшись мне хитро,
Кати на дачу ты со мною или в бар,
В немой взаимности – мы лучшая из пар,
Когда расстаться нам – решишь ты все сама,
Быть может, нас с тобою разлучит зима
Или внезапное решение,
Тогда
Рубашку скину я, быть может, – навсегда.

* * *

Взлет пузатого жука на дорожке дальней сада
И посадка за горой на мыске во рву,
Кипяченая река, слезы, гордость и досада,
Вяло падает рука в падшую траву.

Светит месяц молодой, заворачивая за день,
Заливные кружева, легкий полумрак,
Купол неба золотой, платиновый светит складень,
Утра скользкая трава, неподдельный страх.

Ускользают меж стволов, зорко крылышки мелькают,
Слышны песни мотыльков, чистящих гнездо,
У самих Пяти Углов из бутылки извлекают,
Ходят плавно меж столов в шляпах и пальто.

С ночи пышные стога, млеет изморозь на стеклах,
У жука торчат рога тенью на стене,
Как легка твоя нога, умножаясь трижды в окнах,
И слегка дрожит рука тенью на стекле.

* * *

Влюбиться в бармена! –
О, этот сладкий ад.
Всегда боржоми, кофе, оранжад
Найдется для писюшки молодой
И джин, не потревоженный водой.

Влюбиться в повара! –
Хинкали каждый день,
Где эвкалипт отбрасывает тень,
На скатерти – сациви с хванчкарой
И хачапури с красною икрой.

В киномеханика!
Феллини и Виго.
Гортанный крик: «Что хочешь, Валико?!»
Забриски пойнт!
И в лоно рук твоих
Ложится чек размером на двоих.

Влюбиться в запонку –
И не принять узор,
Ночами плакать, осознав позор,
И мраморного камня пустота
Отыщет воспаленные уста.

* * *

В.Т.

Вот тупая река
С допотопным названьем Оять,
Непонятым пока,
Значит, следует здесь постоять,
У обрыва, где нудно
Два столетья гниют два бревна,
И болтается утка
На струе,
На всю реку одна.
Под прогнившим мостом
Завалился измотанный лось,
Он продрог под дождем,
Он промок абсолютно насквозь,
Хнычет он и дрожит,
Опасаясь клыков кабана,

И волчица лежит,
Как и он на всю чашу одна.
На кабаньей тропе
Отощавшая бабочка спит,
По истлевшей траве
Слышно, как она нервно храпит,
И пугливый кабан –
Пустотелых лесов господин –
Огибает капкан,
Как и он на округу один.
И медянке невмочь
Дохромать до набухшей воды,
Надвигается ночь,
И туман опадает с гряды,
И плетется кулик,
Под туманом головкой вертя,
И слабеющий крик
Затухает,
На нет исходя.

* * *

Разбитая бутылка на столе,
Размытое пятно на потолке,
Окончен ужин, спит парад-алле,
Чужая милость дремлет в уголке.
Среди стаканов, студня и цветков
Скольжу как по канату в полутьме,
Закончен бой, блуждает вой рожков,
Сопит божок на шелковой тесьме.
Витки теней, и я среди теней
Как тень иду, как мотобот по льду,
Сбит бой часов, и месяцев, и дней,
Ищу секунду – видно, не найду.
А я ведь Вас любил, – шепчу углу, –
Вы помните, как мальчика трясло?
Вы вспомните: матрасик на полу,
Я помню год, и месяц, и число.
Лебяжий пух катился из дверей,
Ломилось солнце, и густел прибор,
И сумерки – прозрачней и светлей –
Сгущались надо мной и над тобой.
Как это просто – дремлет грудь в руке,
Пустой как берег дом, как камень – стол,
Протяжный выкрик сойки вдалеке,
И некто резко в комнату вошел.

* * *

Гусеница в палатке всю ночь проходила по стенке,
Скорость совсем не меняя и не смыкая глаз,
Ей-то в моей палатке не больно, как мне, коленкам,
Но слышно, как благодостный Диззи всем тварям играет джаз.
Гусеница в палатке не слышит смещения ветра,
Не видит, как жизнь спрямляется в темном углу ручья,
Гусеница, ах, гусеница, ты чем-то похожа на вепря,
Как у него – незнанием прочего бытия.
Гусеница золотая, я сейчас распахну тебе стены,
Выпорхни по паутинке и уцепись за мох,
Только не делайся бледной, только останься смиренной,
Тихой и молчаливой – такой тебя видит Бог.
Гусеница, ах, гусеница – такой тебя примет Бог.
Гусеница, ах, гусеница – такой тебя любит Бог.

* * *

Когда из преднебесья, из пустот
Спускается на землю зяблик кроткий,
Он голосом, похожим на фагот,
Коровку вызывает из коробки.
И ходят, запинаясь, по лугам
Две линии, слегка пересекаясь,
Как бы фагот, но как бы и мугам,
То длинный свист, то будто заикаясь.
Поскрипывают клювиком во тьме,
Слегка трещат, боясь заулюлюкать,
И кажется, что разве что зиме
Удастся их унять и убаюкать.

* * *

И в этом маленьком лесу,
И в этом вот саду,
В пустом полуночном часу
Я смерть твою найду.

Я разрублю наискосок
Ее лохматый лик,
Ее протяжный голосок
И непротяжный крик.

Я опущу ее под куст
И, тихо хохоча,
Я нечто извлеку из уст
И сплуну сгоряча.

* * *

Оловянные желоба,
Всхлипы, вскрикивания, ворожба,
Всполох, выверт реки ночной
И прогнивший песок речной.
Два окошка, как зеркала,
Перекрестны во тьме села,
Друг на друга глядят, и вбок,
И один на другого – Бог,
Что лампадкою за стеклом
Слабо светится над углом,
И в калитку, где луч дрожал,
Кто-то, выбежав, вновь вбежал.
В ржавом и жестяном кусте
Отдает оброк красоте –
Волос русый и в спазмах весь –
Хилый фавн, нарожденный здесь.
Он промок от девичьих слез,
Больно колет в паху овес,
И кобыла в хлеву глухом
Дремлет, свесившись над петухом.
Десять кур, обозначив ряд,
Гребешками во тьме горят,
И, звезды замедляя ход,
Накренился небесный свод.

* * *

Трубку мерзкую курить,
Люльку мерзкую качать.
Бабу мерзкую хулить,
А потом в нее кончать!
Пить мочу,
Ходить к врачу,
По себе оставить след...
Не могу
И не хочу, –
Вот и весь кордебалет.

Михаил Гаспаров

Калигула

Пришел веселый месяц май,
Над нами правит цезарь Гай,
А мы, любуясь Гаем,
Тиберия ругаем.

На площадях доносы жгут,
А тюрьмы пусты, тюрьмы ждут,
А воздух в Риме свежий,
А люди в Риме те же.

Недавней кровью красен рот
От императорских щедрот:
Попировали – хватит!
Покойники заплатят.

Кто первый умер – грех на том,
А мы – последними умрем,
И в Риме не боятся
Последними смеяться.

Красавчик Гай, спеши, спеши:
Четыре года – для души,
А там – другому править,
А нам – другого славить.

Яков Гордин

Холодная кровь

Рыбы плывут без света.
Под солнцем зимним и зыбким.
Рыбы плывут от смерти
Вечным путем рыбьим.
И. Бродский. 1958

1

Речное небо пасмурного льда,
У прорубей – дневного света глыбы,
Плывет, не шевелясь, торжественная рыба,
И по ее глазам легко скользит вода.

И, преодолевая пережат,
Она плывет бездумно и бесцельно,
И медленно струятся берега
И водорослей скользкие сплетенья.

Под низким небом пасмурного льда
Вне суеты подвалы мира дремлют.
Плывет она? Иль движется вода? –
Как человека обтекает время.

И в этом мире, где живут ничком,
Земное время не измерить лагом,
И над ее блестящим плавником
Чуть пузырится ледяная влага.

2

Перед закатом пляшут мошки,
Вода в пруду, как керосин.
К мосткам стиральным в час кормежки
Со дна всплывают караси.

Они плывут, блестят, не меркнут,
Водицу жирную жуя,
И, словно медные копейки,
Сияет крупно чешуя.

Они всплывают неподвижно,
Как бы неся худую весть,

В их появлении неслышном
Неотвратимость даже есть.

И пальцы медленные крошат
И сыплют в воду клейкий хлеб,
Как будто он не рыбам брошен,
А брошен времени вослед.

Как будто есть любовь под кровом
И больше не о чем просить,
Как будто в воздухе багровом
Висят на нитках караси.

1962

Воспоминания о Татарском проливе

Я носил шинель по-кавалерийски длинную,
Она задевала снег.
Я ходил, как стальной, по планете глиняной
И ничего не видел во сне.

Солнце вставало со дна пролива,
И под самым солнцем – вдали –
То исчезал, то всплывал торопливо
Остров Сахалин.

Он плыл неподвижно по небу бледному,
Как в памяти – мертвый флот,
Плывущий на якоре, а вослед ему
Вечное небо плывет.

* * *

Не отречение на огне,
Не лобызанье с палачами,
А превращения в окне
Всего страшнее и печальней.

Запомни, милый друг, одно –
И зря портьерой не греми, –
Что мы не властны над окном,
Как властны, скажем, над дверьми,

Что не горение в огне,
И не волнение в бою,

А превращения в окне
Определяют жизнь твою.

1970

* * *

Кого мне вспомнить в эту ночь?
Кому признаться в неприязни?
Себе, бессонному, помочь
Сыскать пути на чертов праздник.

Туда, где властвует крючок,
Такси бульваром пролетело,
Я одаренный новичок,
Мне по плечу сыскное дело.

Взбегу по лесенке крутой,
Вот стол под слюдяным оконцем,
Войду в гороховом пальто
И сяду славным незнакомцем.

И гости станут говорить,
Делить на наших и не наших,
Из медных пуговиц варить
Горячую густую кашу.

И станут думать обо мне,
И косо взглядывать украдкой,
Покуда каша на огне
Клопочет на треноге шаткой,

И скажут: «Подкрепитесь, друг». –
Наложат каши медно-красной.
Я ложку выроню из рук.
И не смогу. Все станет ясно.

1975

Рид Грачёв

Контролеру

Не спрашивай меня,
кто я таков,
Не вороши свирепю
документы.
Не лязгай инструментом –
я готов
сказать, что знаю
в некие моменты.
Кто я?
Никто.
Никто, ничто
и всё:
вагонных рам
[неслышное] дрожанье,
рожденье
сна,
ребеночка
рыданье
у скучного
дорожного окна.

Я состою
из этого стекла,
из этого же самого железа,
из скрипа
одинокого протеза,
из малых волн
огромного тепла.
И если бы не эти галуны,
не этих светлых пуговок охрана,
ты сам бы вспомнил,
как мы все родны,
родством вины,
родством
открытой раны.
Как перед деревом
виновен стол,
перед горой
железо виновато,
перед осиною
виновен кол,

перед землей
вина солдата.

Мы родственны с тобой.
В морской крови,
в такой же лимфе,
как у насекомых.
Но я храню
молекулы любви.
Молекулы любви
тебе знакомы?
Любовь – это такое вещество,
способное
воспламенять предметы,
любовь – это такое
естество,
оно в тебе,
тебе
понятно это?

Открыть тебе?
Понять тебе –
тебя?
– Открытое
оно пребудет в тайне.
Я тихо сторонюсь
небытия
и в этом поезде
случайно.

Как пуговицы твои
в глазах
рябят...
Я в поездах
безмолвствую невнятно.
Что поезда?
Привозят никуда,
увозят
от себя,
тебе
понятно?..

Среди растений

Среди растений,
стриженных в кружок,
среди прямых
и на ногах стоящих –
наклонное,
прозрачное,
дружок,
лишь ты еще
подобна настоящим.

Растения
предохраняют тут
от бесконечных повторений,
от преждевременных потуг,
от преждевременных рождений.

Я слышу крик
твоих наклонных рук,
я жду твоих
волшебных превращений...
Я падаю.
Я твой
наклонный друг.
Наклонный друг
наклонных ощущений.

1962

Собака

Собака я, собака,
ничей приبلудный пес,
держу в приبلудных лапах
приبلудный мокрый нос.

Откуда приبلудился?
Куда бреду, куда?
Наверное, родился
от блуда для блуда.

Блуждаю по задворкам,
по улицам брожу,
и рад бываю коркам,
когда их нахожу.

Лежу, хвостом махаю,
гляжу на сытых дам
и даже вслед не лаю
идушим поездам.

Пуškai себе проходят,
пускай себе идут,
пускай себя находят,
пускай себя блюдут.

Блудливо улыбаюсь,
чтоб дали есть и пить,
и вовсе не стесняюсь
униженно просить.

Ведь я живой собака,
живой прибудный пес,
у колбасы есть запах,
а у меня есть нос.

Я под ноги кидаюсь,
под палку и под нож,
и если не китаец,
меня ты не убьешь.

Хоть я совсем прибудный,
блуждаю и блужу
по выходным и в будни,
и польз не приношу.

Не лаю на прохожих,
не лаю на своих,
не лаю на хороших,
не лаю на плохих.

Гляжу на вещи прямо,
глатаю слезный ком,
зализываю раны
шершавым языком.

1962

Василий Казанцев

* * *

Когда я бежал за последним вагоном,
И поезд неслышно – по шагу, по два –
Наращивал скорость, и полнилась звоном –
«Отстану! Отстану!» – моя голова,

Я трезво подумал: «А может, не гнаться?
Ну, что же, отстану. Подумаешь, цаца.
Другой подожду. И успею вполне.

Ну, вещи – прощай. Да какие там вещи?
Пустой чемоданчик? Бывают похлеще
Потери. И, если припомнить, то мне
Давно уж хотелось – в краю неизвестном
Сойти, осмотреться, покинуть вокзал
И медленно с новым знакомиться местом...»

Но все же – бежал я. И все же – догнал.

Доски

Был белый январь. Ослепительный, жесткий.
По городу нес я сосновые доски.
Они тяжелели, как медные плиты.
Они были инеем тонким покрыты.

Лучились, скрипели. И от удара
Пели вполголоса, как гитары.
Я в комнату внес их. И в комнате стены,
И стол, и бумага запахи мгновенно

Грибами белыми,
Мхами прелыми,
Шишкой палой,
Брусникой алой.

Я доски строгал – и росла постепенно
Розовых стружек шуршащая пена.
Я доски пилил – и искры-опилки
Радугой сыпались из-под пилки...

А ночью мне снились леса корабельные.
Смолкой светились стволы карамельные.
Все было пронизано звоном гитарным.
Себе я казался литым и янтарным.

* * *

Между сосен, тонких, рыжих
Я бегу на быстрых лыжах.
И звенит над головой
Зимний воздух голубой.

А кругом, легки и робки,
На снегу следы и тропки.
Беличьи. И заячьи.
И еще не знаю чьи.

Между сосен, тонких, рыжих
Я на миг замру на лыжах.
В тишине раздастся вдруг
Учащенный сердца стук.

Не от радостного бега.
А от радостного снега.
От тропинок заячьих.
От следов не знаю чьих.

* * *

Сидели два детины
И пили молоко.
Пленительней картины
И выдумать нельзя.

А юная хозяйка,
Румяная, как сайка,
С улыбкою, без слов
Стирала со столов.

Ребятки зубы скалили,
Шутили как могли.
Отпили, снова налили.
«Эх, хорошо пошло!»

Глаза их отмечали:
«Ты, девушка, на во!»

Глаза им отвечали:

«Вы тоже ничего».

Был день молочно-белый.

Сверкал узор окна.

И дверь с морозу пела.

И было – хорошо.

* * *

Этот хочет убедить,

Этот хочет озадачить,

Этот – просто удивить,

Этот – просто одурачить.

Не хочу боготворить –

Ни молчания, ни грома.

Не хочу ругать, корить –

Ни разноса, ни разгрома.

Я приду поговорить.

Ты сегодня будешь дома?

* * *

К утру окреп тончайший лед.

Легчайший путь летит от дому.

Мороз! Как ветром, нас несет

По черно-сине-голубому!

Под гладко-гибким слоем льда,

Как глубь, темны, неуловимы,

Текучи, как сама вода,

Широкоспинные налимы.

Они, как жар в золе, блестят

Сквозь корку дымно-ледяную.

Они, как трещины, летят

От нас по кругу врассыпную –

Завороженные зимой,

Укрывшей все следы и шумы,

Природы замкнуто-немой

Случайно вспугнутые думы.

1974

Станислав Красовицкий

* * *

Мы в длинном как Ладога доме.
И тонет осенняя пустошь,
и проступают на стенах
пустые квадраты картин.

И под немymi шагами
надежно уснет захолустье
и тихо задышит на ладан
навес окружного пути.

И может на долгие годы
угаснет огонь человеческий
все в том же нетопленном доме
пока еще не рассвело.

Я буду лепить в полумраке
до детства сведенные плечи
и крохотное в коленях
оттаявшее тепло.

Похожая на ребенка
на краешке узкой постели,
не скроет неразвитой груди
до блеска промытая прядь.

Уснет добродетель окраин,
на окнах заглохнут метели.
И лишь над асфальтовым полем
два утлых больных фонаря.

Натюрморт

Полупустым оркестром
шла тропинка скрипки,
и на нее сорил неряха-контрабас
окурки, вечера, прогулки, вечеринки –
и все, что говоришь,
порой не разобрав.

И весь оркестр – набор
фанерных натюрмортов.

Но кто поверит в них?
И не поймет любой,
что за окном фойе
и в перелете марта –
окурки, вечера, прогулки и любовь.

Все это тихо спит
в ловушке колоннады.
Пугают снег грачи.
Уже решен разлад.
Но в перелете март.
И верю –
когда надо,
я все верну назад,
и слова не сказав.

Покажется трамвай.
Его фигура – череп.
И скрипкою тропа пересекает двор.
И ею контрабас заканчивает вчёрне
окурки, вечера, прогулки, разговор.

1955

Любовница палача

Он работает где-то в Москве.
Он работает где-то в столице.
Он работает в МВД.
Он похож на хрупкую птицу.

Меня мама спрашивает часто.
Ничего не скажу о нем.
Он похож на воспитателя в яслях.
Он работает палачом.

О, какая страшная читка
срамных знаний в его очах,
о, какая сладкая пытка
быть любовницей палача.

Вот вокруг меня застыли фигуры.
На одной из подмосковных дач,
словно воздух на венском стуле,
задремал, загрустил палач.

Быстрый ветер рассеял тучи
огневых, золотых партэр.

Он сидит, он как бог, только лучше.
Он воздушен как солитер.

Я тела его не ощущаю.
Поцелуй как соленый грибок.
Одному ему разрешаю.
Только он завладеть мною мог.

Я лежу в постели крича.
Он секёт. Я раздета до нитки.
О, какая сладкая пытка
быть любовницей палача.

Я лежу в постели одна.
Ветер студит мои колеса.
Тяжек запах, ни мужа, ни пёса.
Я одна в темноте, одна.

Машинистка

У меня жена машинистка.
Мы живем в столице, в Москве.
У меня жена машинистка.
Ах, жена у меня в голове.
Ах, она у меня белоспинна.
Вы видали ее нагишом?
А деля работу с мужчиной,
помогает ему грошом.
Треск машинки. В сухой орешник
ты попала, моя жена.
Так работай скорей, поспешней –
в нас обоих ночь влюблена.
Ах, скорее, скорей бы криветкой
заползти, задышать на ней.

– Не забудь передвинуть каретку
и машинку поставь к стене.

О, как сладко поползновение
твоих перстней к моим местам.
С жеребьячьей дрожью в коленях
припадаю к твоим устам.
И схватившись за голую ветку,
ты лепечешь в ночной глубине:
– Я сейчас передвину каретку
и машинку поставлю к стене.

1957

Элегия

Я сам киргиз.
Я сам могу
Ступать туда, куда кочуют,
Охотиться лишь не могу,
Повадку волчью не чую.

С тех пор, как твой болезнь плохой
И мне намедни нос прокушал –
Охотный рог уж я не слушал
И в стремя не вступал ногой.

* * *

Кто не хочет блеснуть –
высоко подымается дым,
глядя на это быть летчиками
хочется молодым,
но я стараюсь шагать
такой теневой стороной,
чтоб в сумерках Богом стать
с длинной как дым рукой.
Из дерева щели в небе,
ловя необычных крыс,
бледной личинкой летчика
выхватив бросить вниз,
а девкам задрать пространство
с голых колен на грудь –
Боже, как сладко, радостно
второй головой блеснуть.

* * *

А вдоль дороги – желтая вода.
Больной туман
с деревьями по пояс.
Здесь все – воспоминание.
Тогда
здесь проходил колючий бронепоезд.

Белела ночь.
Просвечивался дым.
В наброшенном дешевом коленкоре
больной туман,
как старый поводырь,
шел впереди дороги через поле.

А поутру
горело над водой.
И там под стоны вывихнутых ставень
лес, как старик
с сургучной бородой,
их провожал
плетнями и крестами.

* * *

И кончено барсучье лето,
напоминавшее весну.
И песня зяблика под ветром
сгорела,
как бикфордов шнур.

Я знаю – жить необходимо,
и жечь дрова,
и что тогда
наутро будет кромка дыма
еще острей,
чем кромка льда.

Лиса придет по хрусту наста
и станет, лап не замочив,
смотреть на крохотное счастье
горящей над водой свечи.

А холм
под лесом и под ветром,
куда ведут ее следы –
белел, как череп белой выдры,
не дотянувшей до воды.

Белоснежный сад

А летят по небу гуси да кричат,
в красном небе гуси дикие кричат,
сами розовые, красные до пят.
А одна не гусыня –
белоснежный сад.

А внизу, сшибая гоп на галоп,
бьется Игорева рать прямо в лоб.
Сами розовые, красные до пят,
бьются Игорева войски
да кричат:

«У татраков оторвать да поймать.
Тртацких девок целоком полонять.
Тртачки розовые, красные до пят,
а тртацкая царица –
белоснежный сад».

Дорогой ты мой Ивашка-дурачок,
я еще с ума не спятил, но молчок.
Я пишу тебе сдалёка, дорогой,
и скажу тебе, что мир сейчас другой.
Я сижу порой на выставке один,
с древнерусския пишу стихи картин.
А в окошке от Москвы до Костромы
все меняется, меняемся и мы.
Все краснеет, кровавеет все подряд.
Но еще в душе белеет
белоснежный сад.

Шведский тупик

Парад не виден в Шведском тупике.
А то, что видно – все необычайно.
То человек повешен на крюке,
Овеянный какой-то смелой тайной.

То забивая бесконечный гол
В ворота, что стоят на перекрестке,
По вечерам играют здесь в футбол
Какие-то огромные подростки.

Зимой же залит маленький каток.
И каждый может наблюдать бесплатно,
Как тусклый лед
Виденья женских ног
Ломает непристойно,
Многokrатно.

Снежинки же здесь больше раза в два
Людей обычных,
И больших и малых,
И кажется, что ваша голова
Так тяжела среди домов усталых,

Что хочется взглянуть в последний раз
На небо в нише, белое, немое.
Как хорошо, что уж не режет глаз
Ненужное вам небо голубое.

Юрий Панкратов

* * *

Крыли крышу,
забивали молотком...
Ели кашу,
запивали молоком.

На отчаянной бричке
прикатил
измочаленный
небритый бригадир.

Он горланил,
объезжая овраг:
– Объявляю, объявляю
аврал!

Но, над домом
занеся грозный камень,
дождик с громом
вколотил гвозди капель.

И слова наперекор
перекрыв,
гром промолвил:
– Перекур! Перерыв!

Словно молния
ударила о брус –
в небе с треском раскололся
арбуз.

Гей, летящая
упряжка дождей!
Гей, упрямство и упорство
людей!

Кто там хнычет:
– Обождем, переждем? –
Мы работаем
под яростным дождем!

Кошара

Раздолье необузданное,
Палатки на ветру,
И горы, как арбузы,
С надрезом наверху.

Мы в поле перебрались
Из-под совхозных крыш
От бабьей перебранки
Поссорившихся крыс.

С утра надев кожанки
И выпив молока,
Работаем кошару
Из бута-плитняка.

Глядит светло и тонко
Целинный городок.
Бормочет баритоном
Чугунный молоток.

Взберись на гору жаркую
И стройку взглядом смерть –
Шевелится кошара,
Тяжелая как шмель.

Летит туман разорванный,
И пахнет гаражом
Покрашенный грозой
Зеленый горизонт.

Тергеш

Под окошками бараны,
Медленно блеющие.
Я живу в косом бараке
Медный, не бреющийся.

Вдоль стены стоят лопаты,
Руки воздевшие.
На полу лежат ребята
Полураздевшиеся.

Над горами лес приподнят –
Он стоит вкопанный.
Я хочу тебя припомнить,
Врисовать в комнату.

Угадайте, капли,
Сколько дней в апреле?

Поглядишься в воду,
Заглядишься в лужицу –
От веселой одури
Голова закружится.

Копоть паровозная,
Станций перезовы.
Над страной березовой
Небо бирюзовое...

Синий день

Это не ива,
Это не верба.
Это наивно,
Это неверно.

Дерево-дерево,
Русая ива,
Девочка, девочка,
Как твое имя?

Зовут меня ивой,
Зовут меня вербой...
Зовут тебя Ирой?
Зовут тебя Верой?

О тонкая веточка,
Синяя ива.
Печальная девочка,
Как твое имя?

Зовут меня Верой,
Зовут меня Ирой.
Зовут тебя вербой,
Зовут тебя ивой?

Но это наивно,
Но это неверно.
А это не ива,
И это не верба.

Юзеф Пресняков

* * *

Пройти сквозь толпу, никого не задеть локтями
проплыть под водой, не вспугнуть неподвижную рыбу
думать о смерти и не нарушить
дыхания уснувшего ребенка

1968

* * *

Что там, за последним вздохом,
стуком сердца моего?
Хорошо там или плохо
или просто ничего?

Не задумывайся, что там,
за последним поворотом.
Камень в яму упадет.
Птица в небе пропадет.

* * *

Опять соловьи? –
Да, опять соловьи.
И луна полна,
и трава зелена и черна.

Но есть и еще кое-что:
два гномика-белокопачника
в лунном свете
рвут одуванчики.
Девочка. Мальчик.
Дети.

* * *

На фоне блёклого сатина
обрывки сонных облаков,
как беззаботная скотина
у беззаботных пастухов.

Темней аттического лавра
сквозное кружево дерев,
и одинокого кентавра
преследует какой-то лев.

А на востоке, из-за дыма,
такая нежная сирень,
как под глазами у любимой
обворожительная тень.

* * *

У меня жена такая –
мне подруга по уму,
я ей сразу сообщаю,
если что-нибудь пойму.

То-то радости вдвоем –
словно выигрыш в заем.

* * *

Она мне говорит:
Вы человек счастливый,
не отпирайтесь, мы следим в окно
уж целый год, и всё же всё равно
нам непонятны, как в плохом кино, –
какие-то оттенки, переливы
– когда бы разобраться помогли вы...

1987 (?)

* * *

Мне кажется, я жил чужою, вялой кровью,
на медленных волах, на медленной арбе,
я даже спал ногами к изголовью,
неловко ноги подтянув к себе.

Назад оглядываюсь: да, прошло немало,
да мало пройдено на жизненном пути;
а между тем, как странно все совпало,
связалось в узелок, уже не расплести.

Евгений Рейн

Сосед Котов

В коммунальной квартире жил сосед Котов.
Расторопный мужчина без пальца.
Эту комнату слева он отсудил у кого-то.
Он судился. Тот умер, а Котов остался.

Каждый вечер публично он мыл ноги
и толковал сообщения из московской газеты «Известия».
И из тех, кто варили на кухне и мылись, многие
задавали вопросы – все Котову было известно.

Редко он напивался, всегда в одиночку, и лазил,
было слышно и страшно, куда-то он лазил ночами,
доставал непонятные и одинокие вазы;
пел частушки, давил черепки с голубыми мечами.

Он сидел на балконе и вниз, улыбаясь, ругался,
курил и сбрасывал пепел на головы проходящих;
писем не получал, телеграмм и квитанций пугался
и отдельно прибил – А.М.КОТОВ – почтовый ящик.

Летом я переехал. Меня остановят и скажут:
– Слушай, Котова помнишь? Так вот, он убийца,
или вор, или платный агент. Я поверю. Мной нажит
темный след неприязни. За Котова нечем вступитьяся.
Если жил человек – рядом голос эпохи огромной
и простые предметы, скажем, ветер, деревья и птицы.
Равнодушие и мелочь показывал, праздновал, помнил.

...Что он прятал? И как за него заступиться?..

* * *

Под северным небом яснее всего,
Что нету совсем ничего. Ничего.

1967

* * *

Темный дождик в переулке,
Негде высушить носки –
Вот про это пели урки,
Умирая от тоски.

Вот про это, вот про это,
Вовсе ни о чем другом.
Никого нельзя проведать,
И никто не пустит в дом.

Черный кофе, черный кофе,
Красно-белое вино,
Дорогие, что вы, что вы,
Разве вам не все равно?

Если я войду, незванный,
Отсыревший до нутра,
И устроюсь возле ванной
До шести часов утра?

Что же делать? Что же делать?
Кто-то запер адреса.
Он же щедро сыплет мелочь
Чаевую в небеса.

Или, может быть, оттуда
Водопадом пятаков
Опускается простуда –
Заработок простаков.

1970

Монастырь

...Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам!
Н. Языков

За станцией «Сокольники», где магазин мясной
и кладбище раскольников, был монастырь мужской.
Руина и твердыня, развалина, гнилье –
в двадцатые пустили строенье под жилье.
Такую коммуналку теперь уж не сыскать.
Зачем я переехал, не стану объяснять.
Шел коридор верстою, и сорок человек,
как улицей Тверскою, ходили целый день.

Там газовые плиты стояли у дверей,
я был во всей квартире единственный еврей.
Там жили инвалиды, ночные сторожа,
и было от пол-литра так близко до ножа.
И все-таки при этом, когда она могла,
с участием и приветом там наша жизнь текла.
Там зазывали в гости, делились рублем,
там были сплетни, козни, как в обществе любом.
Но было состраданье, не холили обид...
Направо жил Адамов – хитрющий инвалид.
Стучал он рано утром мне в стенку костью,
входил, обрубком шарил под письменным столом,
где я держал посуду кефира и вина, –
бутылку на анализ просил он у меня.
И я давал бутылки и мелочь – иногда.
И уходил Адамов. А рядом, занята
рассортировкой семги, надкушенных котлет,
закусок и ватрушек, в неполных двадцать лет
официантка Зоя, мать темных близнецов.
За нею жил расстрига Георгий Одинцов.
Служил он в гардеробе издательства «Гослит»
и был в литературе изрядно знаменит.
Он Шолохова видел, он Пастернака знал,
он с Нобелевских премий на водку получал,
он Юрию Олеше галоши подавал.
Но я-то знал: он тайно крестил и отпевал.
Но дело не в соседях, типаж тут ни при чем, –
кто эту жизнь отведал, тот знает, что – почем.
Почем бутылка водки и чистенький гальюн.
А то, что люди волки, сказал латинский лгун.
Они не волки. Что же? Я не пойму, Бог весть.
Но я бы мог такие свидетельства привести,
что обломал бы зубы и лучший богослов.
И все-таки спасибо за все, за хлеб и кров
тому, кто назначает нам пайку и судьбу,
тому, кто обучает бесстыдству и стыду,
кто учит нас терпенью и душу каменит,
кто учит просто пенью и пенью аонид,
тому, кто посылает нам дом или развал
и дальше посылает белоголовый вал.

1971

Про ворона

Там, где мусорные баки цвета хаки
На Волхонке во дворе стоят в сторонке,
Обитает юный ворон, он проворен.
Он над баками витает и хватает
Апельсиновую дольку, хлеба корку,
А потом попьет из лужи и не тужит.
Он мрачнее, но прочнее человека,
Он-то знает, что прожить ему два века.
И увидит он большие перемены,
Неприменно их увидит, непременно.

Таруса

М. Л.

Пустая гостиница стонет:
Мой номер велик и дощат,
И слышно бывает спросонья,
Когда половицы трещат.

Стоит бесконечная осень
Над медленной русской рекой,
И веет теплом кисло-сладким,
И тянет прохладой грибной.

А жирный чугунок сковородки,
Косое хмельное стекло,
Душистая шерсть одеяла
И днем увлекают в постель.

Зато, когда выйдешь под вечер,
Холодного пива хлебнешь
И сядешь над бойкой водою,
С размаха побрызгав в лицо.

Тогда безутешная ясность
Встает, как ночная заря, –
Как славно пожить здесь до смерти,
Но тут оставаться нельзя.

Должно еще что-то случиться,
А что, разберемся потом.
Граница, гробница, грибница –
Мерещатся ночью слова.

Памяти Аркадия Штейнберга

Одесский известняк, российский дуб мореный,
Кривой могучий клык из стали вороненой,
Приемник «Сателлит» на письменном столе.
Ты где, хозяин их? На этой ли земле
Среди библейских стоп слепого громовержца?
Быть может, поправим разрыв такого сердца?
Ты вёсла не возьмешь, не разовьешь веревку,
Не сносишь в полчаса заморскую обновку,
Не оглядишь картон, грунтованный искусно...
Что вспоминать, как быть?

На этом свете грустно
И пресно без тебя меж службой и крамолой.
Какой ты суп варил, грибной, родной, тяжелый!

Дом Мурузи

Возле храма св. Пантелеймона, у вокзала,
где толпа красавца антиленинца растерзала,
дом доходный, девятиэтажный, в мавританском стиле,
кто с достатком, да и те, кто с блажью, там и жили.
Анфилады зал, гостиных, кабинеты, спальни,
а на именинах, на крестинах так хрустальны
эти баккара, бокалы, рюмки, вазы,
эти броши-розы, броши-лунки, бриллианты, стразы...
Там была квартира в бельэтаже – вид на церковь,
и когда-то в ней бывали даже Фет и Чехов,
Соловьев, Леонтьев, и Бердяев, и Бугаев,
и немало также благородных разгильдяев.
А какие пирожки, эклеры, а ботвиньи!..
Даже анархисты и эсеры не противны.
С этого балкона так удобно виден митинг,
и швейцар расспросит: «Что угодно?» – ражий викинг.
Но куда-то он исчез однажды (говорят, в эсдеки),
под балконом головы задравши, человеки
все кричали: «На-кася и выкуси по-таковски!»
Горячо им возражали Гиппиус и Мережковский.
Но матросы с золотом на ленточках в буром клеше
отзывались об антиленинцах еще плоше.
Были все резоны перелистаны – мало толку,
а ВИКЖЕЛЬ ручищами землистыми разводил, и только.

Олег Тарутин

Финал

Умирал шпион от рака
в городской больнице.
В той стране, которой враг он,
он успел обжиться.
Двадцать лет шпион шпионил,
тюкал в передатчик.
Был не пойман,
был не понят,
был шпион удачлив.
Двадцать лет работал в цехе,
маскировки ради.
Был представлен за успехи
как-то раз к награде.
Выступал в стенной печати,
уважал перцовку.
И женился очень кстати
с целью маскировки.
...Девятнадцать лет бесшумно
прожито в согласье:
ни тревоги, ни измены.
Дочь в десятом классе.
Сын – студент-станкостроитель.
Все семейство в сборе.
И над койкой,
 где родитель,
сглатывают горе.
Потому что у могилы –
дорогой и милый...
А шпион глядит уныло
мимо,
 мимо,
 мимо...
По окну, к стене и двери
тусклым взглядом шарит.
Говорит жене он:
 «Мэри...»,
сыну тихо:
 «Гарри...»
Изумляет словом «леди»
медсестру со шприцем...
Удивительно он бредит
в тишине больницы.

И, сознание теряя,
кисть отбросив тяжко,
что-то в тумбочку вбивает
согнутой костяшкой.
...Две машины с предприятия
и венки от сбора.
И тоска семью охватит,
и уйдет не скоро.
Будет жить семья, трудиться,
папу вспоминая.
В тайнике гниет,
пылится
тайна роковая.
А в стране,
откуда вкрался,
кто взгрустнет, поплачет?
Для чего шпион старался,
для кого шпион старался,
тюкал в передатчик?..

1961

Медичи

У старушки Медичи
были гады-родичи.
Властолюбцы, интриганы,
родич родичу – удав.
Лезли к трону непрестанно,
на приличья наплевав.
Тот, глядишь, проткнутый, стонет,
тот, отравленный, хрипит –
кто кого перебурбонит,
кто кого обвалуит?
Кто – кого?
С таким девизом
долголетия не сыскать.
Гиз не станет дедом Гизом,
Карлу внуков не ласкать.
Под прицелом,
под прицелом
каждый шаг и каждый взгляд.
А она была старуха,
было ей за шестьдесят.
Власть в руках,
а снится ссылка.
И, придя от мессы в дом,

ливром звякала в копилку
на старушечье «потом»...
Ибо знала Медичи,
кто такие родичи.

1963

* * * #

Гражданин по кличке Фуга
не спеша растер плевков.
Жизнью бит, судьбою пуган,
много видел кой-чего...
Весь замшелый, словно леший,
весь лежалый, мятый весь,
а над вытертою плешью –
серый пух, излишний здесь.
Забулдыгам постоянным
возле всех пивных ларьков
этот Фуга окаянный
регулярно портит кровь.
Пристает со всякой мутью
про искусство на распутье...
Лезет в душу с этим Бахом
и с Бетховеном своим,
и кричит, и рвет рубаху,
а еще его пои.
Про какие-то хоралы,
непонятные в упор...
Тут и так свои оралы,
фуги-фиги до-минор!
Он кричит:
– Возьмут кантату –
всех пою под гонорар! –
...Где-то в доме тридцать пятом
у него своя нора.
Где-то в прошлом –
те, кто судит,
где-то в прошлом – колея.
Где-то там, в кошелке судеб,
у него судьба своя.

1964

Владимир Тымнетувге

* * *

Был я невнимательный,
Был неуважительный,
Был я отрицательный,
Стал и буду я положительный.

Ли́ра Абдулли́на

* * *

Это море мне –
Милость царская.
Кому – Черное,
А мне – Карское.

Кому – песенка
Колыбельная,
А мне – лесенка
Корабельная.

Кому – сны к деньгам,
А мне – ночь без сна,
Кому – тишь да гладь,
А мне – два весла.

Мне удачи бы –
Рыбы в неводе.
А что плачу я –
Эка невидаль!

* * * #

Все, что звали мы любовью
В жизни прежней, молодой,
Полоснув живою болью,
Стало мертвою водой.

И душа, больная птица,
Уязвленная душа,
Пригубила той водицы
Из отравного ковша.

Хорошо душа болела.
Отболела. Не болит.
Может, просто не созрела
Для таких больших обид.

Мария Андреевская

* * *

Ельник, пальцы растопырив,
Паутинится в овраге.

В алых блюдах сыроежек
Влага капель налита.

И гирляндами поганок
Ярко вышит мох кудрявый.

Запах трав. Кустов молчанье.
Шорох павшего листа.

1956

Ночью с открытым балконом

Лакает дождик, как больной щенок,
Из лужиц воду с отраженьем листьев.

За темной шевелящейся листвой
Мелькает небо, полное зарниц.

А на земле, внизу, под тополями
Темно и сыро тихому щенку.

1959

Снегурочка

Вот мои руки – холодные, детские –
Могут ли горю помочь?
Чтобы очаг и огонь бы потрескивал
В долгую зимнюю ночь.

Праздник гирляндами им не увенчивать,
Струнами им не звенеть.
Даже озябшего серого птенчика
В варежке не отогреть.

1959

Дмитрий Бобышев

* * *

Со мною девочка идет, Наталья.
Ты словно туфелька, моя Натальюшка,
и словно лодочка, надо льдами –
ты на ледышки, идешь, наталкиваешься.

У школьников в пеналах – марки,
в портфелях мокрые лежат тетради...
Мы школьники с тобою в марте,
на завтраки мы всё потратили.

И улицы для нас проветрены,
начищены, блестят как никелевые.
И все деревья стоят приветливые,
и скоро белые наши каникулы.

О, ракушка на море летняя,
о, как засасывает глубина!
Ты – доньшко мое последнее,
откроешься – и нету дна...

И небо – звездами и медузами,
земля – пещерами и дверями
сквозят, просвечивая донизу,
и кажутся совсем дырявыми.

И девочка над миром тающим,
проветренная и сквозная –
ветрами теплыми, налетающими,
и ты просвечиваешь, я знаю!

1962 (?)

* * *

Иосифу Бродскому

Жизнь достигает порой
такой удивительной плотности,
что лицо разбивается в кровь
о кулак ее милости, скорости, святости, подлости, кротости.

Попроси, и расскажут тебе
летчик, гонщик, погонщик коней и нырятьщик –
может выломать руку в локте
многотонного воздуха ящик
с жутким свистом мимолетающий.

Только ночью, себя от него отделив одеялом,
ты лежишь, семикрыл,
рыжеват, бородат, космоват,
и не можешь понять, кто же ты – серафим или дьявол?
Основатель пустот?, чемпион?, идиот?, космонавт?

1964

* * *

Евгению Рейну

Крылатый лев сидит с крылатым львом
и смотрит на крылатых львов, сидящих
в такой же точно позе на другом
конце моста и на него глядящих
такими же глазами.

Львиный пост.

Любой из них другого, а не мост
удерживает третью существа,
а на две трети сам уже собрался,
и, может быть, сейчас у края рва
он это оживающее братство
покинет.

Но попарно изо рта
железо напряженного прута
у каждого из них в цепную нить
настолько натянуло звенья,
что, кажется, уже не расцепить
скрепившиеся память и забвенье,
порыв и неподвижность, верх и низ,
не разорвав чугунный организм
противоборцев.

Только нежный сор
по воздуху несет какой-то вздор.
И эта подворотенная муть,
не в силах замутить оригинала,

желая за поверхность занырнуть,
подергивает зеркало канала
нечистым отражением.

Над рвом
крылатый лев сидит с крылатым львом
и смотрит на крылатых львов напротив:
в их неподвижно гневном развороте,
крылатость ненавдя и любя,
он видит повторенного себя.

1964

Коготь

Улавливая голыми руками
разрыв пернатого снаряда
(кнутом настигнутого ястреба),

пастух,
как скареда, его в брезент,
в раскрытый раструб,
не вынимая завтрак из мешка,

суёт,
замешкался –
картофелины, хлеб
помолоты резиновым ботфортом –

бой оперения –
туда его, туда –
когтящего...

Улавливая голыми руками
настигнутого ястреба,
пастух,
уже не понимая кто кого
когтит,

суёт его,
суёт его пропеллер или спицы,
неважно,
всё туда, в мешок, в мешок,

поехала клеенка от плаща,
соль из тряпицы высыпалась, гложет
порезы.

Глаз.
Неважно.
Снова глаз
сухой пощечиной крыла его ушиблен.

Шипенье, клюв
и костяной язык
всерьез уже грозят другому глазу.

И – сразу
за спину мешок
с обломком птицы,

спуск ископыченный прошел,
за валунами,
(над валунами вилась ястребица),
за валунами изгородь была,

он уходил, согнувшись,
словно коготь,
прошивший дождевую мешковину.

Так и вошел в околицу села.

1967

Все четверо

Закрыв глаза, я выпил первым яд.
И, на кладбищенском кресте гвоздима,
душа прозрела: в череду утрат
заходят Ося, Толя, Женя, Дима
ахматовскими сиротами в ряд.
Лишь прямо, друг на друга не глядят
четыре стихотворца – побратима.
Их дружба, как и жизнь, не обратима.

1971

Леонид Виноградов

* * *

Мы – фанатики. Мы – фонетики.
Не боимся мы кибернетики.

1958

* * *

Марусь!
Ты любишь Русь?

* * *

Я смело вышел на арену.
Качнулся цирк. И кончен бой.
Мелькнули лица. Как мгновенно
я был туширован судьбой!

Ей мало. Стала гнуть салазки.
Я на ковер покорно лег.
Лежу, не сняв борцовской маски,
спокойно глядя в потолок.

* * *

Михаилу Ерёмину

Небо наклонилось.
Льет, как из ведра.
А с утра ленилось,
капало с утра.

Небо обмелело.
Твердь уже видна.
И всплывает слева
звездочка одна.

* * *

Из-под арки ветер дует.
А у стенки дома – тишь.
Снег скрипит. Трамвай линует
белый лист. Ну, нет, шалишь!

Поперек путей железных
проложу я свой маршрут.
Труд напрасный, бесполезный –
утром дворники сотрут.

* * *

Десять дней спустя,
десять лет спустя
я стрижу опять уголок ногтя.

* * *

Я с фотопортрета
волчьего билета –
хитрый, как змея.
Нет, не я был это,
это был не я.

Или я был это,
а теперь не я?

* * *

Кто-то пашет землю,
косит впрок траву.
Я сему не внемлю.
Я другим живу.

Кто-то на заводе
делает жратву.
Или что-то вроде.
Я другим живу.

Есть еще Создатель.
Он другим живет.
Это мой приятель.
Он меня поймет.

* * *

Сергею Кулле

На мой медный грошик
человечности
отпусти мне, Божик,
кило вечности.

* * *

Когда туда войдешь, то там легко.
А вот войти туда ужасно трудно –
контора невозможно далеко,
и очередь в контору многолюдна.

* * *

Самое святое –
своему сынишке,
у горшочка стоя,
застегнуть штанишки.

И дарить игрушку,
змея вместе ладить.
Милую макушку
мимоходом гладить.

* * *

Мутно небо
скрыло Феба.
Дай мне, Фёкла,
суп из свеклы.

* * *

У березки
ветки-розги.

* * *

Мойры, Майя, Мойры, Майя, –
ничего не понимаю.

* * *

Вербует верба воробьев –
помочь ей вылезть из оврага,
но вдруг взлетает вся ватага.
Шумят березы у краев:
«Осталось-то всего полшага!»
И пенится вода, как брага,
в ручье, поднявшем страшный рев.

И плачет пьяный Огарёв,
в овраг, гремя, скатилась фляга,
других спугнувши воробьев.

* * *

Вороны как хлопья
бумаги сгоревшей.
В поклоне холопьем
трепещет орешник.

* * *

Тропинка прилипла ботинку

* * *

Качнулась ветка.
Очнулась птичка.
Глядит – соседка
снесла яичко.

* * *

Вздыхает жук,
присев на розу:
«Бывало, друг,
здесь тьма навозу».

* * *

Что там за атмосферою?
Сиянье Люциферово.
А выше что? А хер его.

* * *

У кого ключи от рая?
У еврея, мать честная!

* * *

Знает город, знает весь –
Пушкин умер, но не весь.
Но не знаем и поднесь,
сколько там, а сколько здесь.

* * *

На небесной книжной полке,
в недоступной вышине
гениальные обмолвки
попадают одне.

* * *

Красит краской одной хлорофилл
и вьюнок и ползучий лишайник.
Я тебя, мое время, любил.
Ты прошло и теперь не мешай мне.

* * *

Что за гробом?
Рай микроба.

* * *

Эй, невидимый и белый,
с темным пятнышком, большой,
кто ты, к жизни охладель,
именуемый душой?

* * *

Я – паучок. Я паутинку тку
от этого цветка к тому цветку.

* * *

Я – червячок.
Внутри крючок.

* * *

Человек не из фанеры.
Не советую пилить.
Человек имеет нервы.
Может вспыхнуть и вспылить.

* * *

И громко закричала Муза:
«Служу Советскому Союзу!»

* * *

Я не пытал, не убивал.
Я возводил бараки
там,
где зимуют раки.
Всегда я к сроку успевал.

* * *

Рассказать тебе сказку про белого бычка?
Свезли его на бойню, по-нашему – в ЧК.

Рассказать тебе сказку про белого бычка?
Свезли его на бойню, по-нашему – в ЧК.

Рассказать тебе сказку про белого бычка?
Свезли его на бойню, по-нашему – в ЧК.

Рассказать тебе сказку про белого бычка?

* * *

Как помотришь на Россию
с птичьего полета,
так и сбросишь на Россию
птичьего помета.

* * *

Трава и ветер.
Тургенев, сеттер.

* * *

Тяжело коню
плыть, как окуню.

* * *

Ося Б., Ося Б.
много думал о себе.

* * *

Читает телка
«Записки волка».

* * *

Выдает себя желе за
усталое железо.

* * *

Несу с базара сельдерей.
Орут из-за ворот, дверей,
из окон,
с крыш,
через порог:
«Почем творог? Почем творог?»

* * *

Будущее не наступает.
Оно отступает.
Прошлое не отступает.
Оно наступает.

* * *

Игорю Холину

Стоит Крест.
И люди окрест.
И никакого протеста.
А кто-то даже ест.
– А что ест-то?
– Да что-то из теста.
Ну и место.

* * *

Дыр бул щир.
Дар был щедр.

* * *

Меня как будто кто-то удит.
Хвать –
и меня опять
не будет.

* * *

После салюта
взлетает ракета.
После кому-то
влетает за это.

* * *

Говорить-то не с кем.
Разве с Достоевским?

Анри Волохонский

Марсий

Искусство мех содрало со слуги.
Слуга без меха. Ни на что не годен
Искусству мех. Испорчен так что вроде
Хранить вино или сделать сапоги
Бессмысленно: сквозь рвань в большие дыры
Сбежит вино и дождь зальет башмак
Обочь тропы чуть только сделай шаг –
Воротится нога и хлопнув молвит: сыро.
Итак Искусства тщания смешны –
Ни обуви не будет, ни мошны.
Теперь к слуге. Для сладости урока
Посмотрим на слугу. Вон там один такой
На дереве под солнцем невысоким
Подъят на ствол без веток и суков
К костям груди брада смешная липнет
Не шевельнуть и не раззять уста
В остатках шкуры молча блохи гибнут
И мух кругом летает много стай.
Они жужжат, – то садут плотной кучей
То вновь взлетят рассеянно тучей
Червей своих кладут в кровавый хлам
И воют гимн и флейтам и мехам
Снуют повсюду клейкие как рифмы
А в лужах лают синенькие нимфы.

Монумент

Я монумент себе воздвиг не из цемента
И больше он и дольше простоит
Цемент как матерьял не стоит комплимента
Песка в нем сто процентов состоит.

Подверженный злодействию мороза,
Выветриванью, порче всяких вод:
Кислот, дождей, растворов купороса
Он сыпется и долго не живет.

Иных мой дух желает помещений
Ему ничто бетонный обелиск
Зато средь гряд восторженных речений
Его ростки прекрасно привились.

В пространстве слов отыскивает доски
Мой вечный гроб, мой памятник, мой храм
И лишь из них – отнюдь не из известки
Я мощный дом навек себе создам.

И к дивному строенью не из гипса
Придут народы зреть на конуру
Араб, мечтательный пигмей с огромной клипсой
И даже те что рядом с кенгуру.

Чем с пирамид с меня поболе толку
Усмотрит некогда воскресший фараон
Затем что в этот век чугунный смрадный блеклый
Я был трубоч, воитель и препон.

И в час, когда исчезнет все на свете
Сквозь мразь смолы, сквозь щебень кирпича
Вдруг заблестят играя строфы эти
Как Феникс дикий плача и крича.

Рай

(песня)

Над небом голубым
Есть город золотой
С прозрачными воротами
И с яркою стеной

А в городе том сад
Все травы да цветы
Гуляют там животные
Невиданной красы

Одно как рыжий огнегривый лев
Другое – вол, преисполненный очей
Третье – золотой орел небесный
Чей так светел взор незабываемый

А в небе голубом
Горит одна звезда
Она твоя о Ангел мой
Она всегда твоя

Кто любит тот любим
Кто светел тот и свят
Пускай ведет звезда тебя
Дорогой в дивный сад

Тебя там встретит огнегривый лев
И синий вол преисполненный очей
С ними золотой орел небесный
Чей так светел взор незабываемый

1972

Галилея

(песня)

Пою на флейте галилейской лютни
Про озеро похожее на скрипку
И в струнах голос друга или рыбы
Да озеро похожее на птицу

О озеро похожее на цитру
Над небесами где летает небо
Там голубая рыба или птица –
На берегах мой друг доньне не был

Поет ли ветер – это Галилея
Ты слышишь голос – это Галилея
Узнаешь голос друга – Галилея
Привет поющей рыбы – Галилея

На дудке филистимских фортепьяно
На бубне голубого барабана
Пою в огне органа Ханаана
Под пьяный гонг баяна Иордана

Молчи – то аллилуйя Галилеи
Ты слышишь – Галилеи аллилуйя
О лилии белее – Галилея
О пламени алее аллилуйя

О небо – галилейская кифара
О колокол воды как пламень звонкий
Поет мне рыба голубого дара
Да арфа птицы вторит в перьях тонких:

О лилии белее – Галилея
Любви моей алее аллилуйя

1975

Лететью

А завтра я пока
На крылышках тю-тю
Ку-ку да под бока
По небу лететью

Не то чтобы туда
Но тут недалеко
Пока мое тогда
Поет твое легко

Покуда милый ах
Зачем его спроси
Зачем – не поняла
Не надо – не проси

Не надо – так пока
Я перышком тю-тю
Кукаре-рекука
По небу лететью.

1975

* * *

Собаки лают лают лают лаяли

* * *

Почему она танцует?
Почему поет певец?
Почему причин и сует
Не уводит их вдовец?
Почему надежды тусклой
Душ сердца огнем горят?
Почему стезей искусной
Бродят, что ни говорят?
Почему инда Природа
Мать-материю трудов
Не препятствует уродам
Сыпать в образы удов?
Почему их мед на лире
Не удерживает съестъ? –

Потому, что в этом мире
Сверхъестественное есть.

Наталья Горбаневская

* * *

Хоронили управдома,
шли за ним четыре дома,
и старейшие в квартале
три старухи причитали:

Ах, разве знаешь, разве знаешь,
где найдешь, где потеряешь,
об какой корявый сук
обломаешь свой каблук.

1957

* * *

Любовь, любовь! Какая дичь,
какая птичья болтовня.
Когда уже не пощадить,
не пожалеть меня,
то промолчи. Да, промолчи,
не обожги моей щеки
той песенкой, что, заучив,
чирикают щеглы.

Той песенкой, где, вкось и вкривь
перевирая весь мотив,
поэт срывается на крик,
потом на крики птиц,
потом срывается на хрип,
на шепот, на движенье губ,
на темное наречье рыб
и на подземный гул.

Любовь из каждого угла,
всего лишь пища для стихов,
для глупой песенки щегла,
для крика петухов.
Так промолчи. И помолчи.
Коснись рукой моей щеки.
Как эти пальцы горячи.
Как низки потолки.

* * *

Маше Слоним

На пороге октября
с полосы аэродрома
поднимается заря,
как горящая солома.

На пороге зрелых лет,
словно пойманный с поличным,
трепыхается рассвет
над родимым пепелищем.

На пороге высоты,
измеряемой мотором,
жгутся желтые листья
вместе с мусором и сором.

На пороге никуда,
на дороге ниоткуда
наша общая беда –
как разбитая посуда.

1974

* * *

Шел год недобрых предсказаний.
Гадалки, опасаясь мести,
ушли в подполье. Под Казанью
родились сросшиеся вместе
телята. Где-то за Уралом
болота проглотили вышку
нефтедобычи. Небывалым
огнем, забывши передышку,
зашлись камчатские вулканы
одновременно все. На Пресне
распространились тараканы
величиной со сливу. Вести
чудовищные умножались,
едва скрываемые прессой.
Ужас усиливался. Жалость
друг к другу становилась пресной,
почти формальной. На Охте
мать бросила дитя в трамвае
с запиской. Чаше рвали когти
без ничего, без слов. В сарае

в одном нашли самоубийцу
девятилетнего. Загадку
никто не разгадал, не бился
разгадывать. Призыв к порядку
порою свыше издавался,
печатался, передавался
по радио. Но в каждом ухе
звенели только слухи, слухи.

1981

* * *

Там, где Кривокардинальский переулочек
вытекает к петербургским фонарям,
подошел к нам полунущий параноик
со светящимся под глазом фонарем.

Он читал стихи – спасибо, не романы –
и потребовал за них хотя бы франк.
Друг мой долго выворачивал карманы
и сказал: «Закрыто – все ушли на фронт».

И тогда бродяга сел и долго плакал
о себе и об ушедших воевать,
о спартанцах, абиссинцах и поляках,
по дороге поминая твою мать.

Свет неверный расплывался под листвою
безымянного древесного ствола.
«Да не плачь, – взмолился друг мой, – Бог с тобою»,
– я глаза от них обоих отвела.

Я глядела на соседнее аббатство,
я глядела, только чтобы не глядеть
на убожеское братское сиротство,
за подкладкою нащупывая медь.

Я ушла, просыпав мелкие сантимы,
не отёрши ни своей, ничьей слезы,
носовым платком обмахивая стены,
заметая переулками следы.

1983

* * *

Animula vagula, blandula...

Душенька блуждающая, нежная,
бландула, вагула анимула,
твои шутки, шутиха, – безнадёжные,
твой любимый отель – мое немилое

тело. Да и много с нас толку ли?
На торгу, на толкучке суетной
затолкали нас обеих, заторкали.
И куда теперь? Перетасует ли

Парка старая гаданье наново?
И что выпадет – Вытегра, Няндомы,
Кольвань, или Тамань, или Иваново?..
Анимула вагула, бландула.

* * *

В ожидании конца
не толпитесь на пороге.
Всем достанутся чертоги
в доме нашего Отца.

Не дыши в чужое темя
свежей стружкой и смолой.
За надышанною мглой
есть и место, есть и время.

Шестикрылый номерок
от волнения промок,
на ладони у любого
расплывается лилово.

Не толпитесь за чертою,
не томитесь немотою,
в доме нашего Отца
песни не кончаются.

Олег Гриценко

* * *

Ни жены, ни детей,
Только валенки.
Проходил воробей,
Воробушек маленький.

Он на площадь чуть свет
Выскочил с присвистом,
Там держали совет
Три социалиста,

Там стояли возы,
Торг шел по закону,
Там гуляли тузы,
Крытые попоной.

Вошь с блохой в бороде
Мерялись силенкой,
Проходил воробей,
Стираны пеленки.

1958

* * *

– Мой папа – механик,
И пуще позора
Бойтся инспектора
Котлонадзора.
– Мой папа – бухгалтер,
Бойтся ревизии.
– Мой папа-полярник –
Нехватки провизии.
– Мой – критик, скажу вам,
И долгие годы
Трясется как лист
К перемене погоды.
– Мой батюшка – шофер,
Бойтся ГАИ.
– Мой папа – кустарь,
Мильционеры свои.

Но толку в них мало:
Они только фон,
Он знай опасайся
Агента райфо.
– А мой расхититель:
До дрожи телес
Бойтся свидания
С ОБХС.
– У папы здоровья
Сейчас на двоих,
По службе парторг
И боится своих.
– А твой кто?
– Спокойно, мой папа не в счет:
Мой папа на ваших
С прибором кладет.

* * *

Весна, весна, душа томится.
Мгновений сладостных не счесть.
Влекомые любовью птицы
Меня разбудят завтра в шесть.

До той поры, до светлой рани
Земная стерлася межа.
Душа гуляет замирая,
За тело лишь слегка держась.

А утром радостная мова
Летающих к северу семей:
– Вставай, уж пять минут седьмого,
А может быть, еще седьмой!

Игорь Губерман

* * *

Мой небосвод хрустально ясен
и полон радужных картин
не потому, что мир прекрасен,
а потому, что я – кретин.

* * *

По ветвям! К бананам! Где успех!
И престиж! Еще один прыжок!
Сотни обезьян стремятся вверх,
и ужасен вид их голых жоп.

* * *

Бывает – проснешься, как птица,
крылатой пружиной на взводе,
и хочется жить и трудиться;
но к завтраку это проходит.

* * *

Давно пора, ебена мать,
умом Россию понимать!

* * *

Когда мила родная сторона,
которой возлелеян и воспитан,
то к ложке ежедневного гавна
относишься почти что с аппетитом.

* * *

Не стесняйся, пьяница, носа своего,
он ведь с нашим знаменем цвета одного.

* * *

Ты кукуешь о праве и вольности,
ты правительствам ставишь оценки,
но взгляни, как распущены волосы
вон у той полноватой шатенки.

* * *

Свежестью весны благоуханна,
нежностью цветущая как сад,
чудной красотой сияла Ханна
сорок килограмм тому назад.

* * *

Как давит стариковская перина
и душит стариковская фуфайка
в часы, когда танцует балерина
и ножку бьет о ножку, негодяйка.

* * *

Отца родного не жалея,
когда дошло до словопрения,
в любом вопросе два еврея
имеют три несхожих мнения.

* * *

Летят года, остатки сладки,
и грех печалиться.
Как жизнь твоя? Она в порядке,
она кончается.

* * *

Я Россию часто вспоминаю,
думая о давнем дорогом,
я другой такой страны не знаю,
где так вольно, смирно и кругом.

Юлий Ким

Рыба-кит

На далеком севере
Бродит рыба-кит,
А за ней на сейнере
Ходят рыбаки.

Нет кита, нет кита,
Нет кита, не видно.
Вот беда, вот беда,
До чего обидно!

Как-то ночью черною
Вышел капитан,
И в трубу подзорную
Ищет он кита:

«Нет кита, нет кита,
Нет кита, не видно,
Вот беда, вот беда,
До чего обидно!»

Как-то юнга Дудочкин
Бросил в море лот,
И на эту удочку
Клюнул кашалот.

Вот и кит – но что за вид:
Только ребра видно.
Фу, какой – худой такой!
До чего обидно!..

На далеком севере
Бродит рыба-кит,
А за ней на сейнере
Ходят рыбаки.

1959

Губы окаянные

Губы окаянные,
Думы потаенные,
Бестолковая любовь,
Головка забубенная...

Всё вы, губы, помните,
Всё вы, думы, знаете,
До чего ж вы мое сердце
Этим огорчаете!

Позову я голубя,
Позову я сизого,
Пошлю дролечке письмо,
И мы начнем все сызнаова.

1959

Бомбардиры

Генерал-аншеф Раевский сам сидит на взгорье,
Держит в правой ручке Первой степени Егорья.
Говорит он: «Слушайте, что я вам скажу!
Кто храбрее в русском войске, того награжу!»

Драгун побьет улана,
Гусар побьет драгуна,
Гусара гренадёр штыком достанет, –
Хе-хе...
А мы заправим трубочки,
А мы направим пушечки:
А ну, ребята, пли!
Господь нас не оставит...

Генерал-аншеф Раевский зовет командиров:
«Чтой-то я не вижу моих славных бомбардиров?»
Командиры отвечают, сами все дрожат:
«Бомбардиры у трактиру пьяные лежат!»

Генерал-аншеф Раевский сам сидит сердчат,
До своей особы никого не допускает.
Говорит он адъютанту: «Мать твою ядрить!
Бомбардирам у трактиру сена постелить!»

Генерал-аншеф Раевский любит бомбардиров!

1962

Ходят кони

Ходят кони над рекою,
Ищут кони водою,
А к речке не идут –
Больно берег крут.

Ни тропиночки убогой,
Ни ложбиночки пологой.
Как же коням быть?
Кони хочут пить.

Вот и прыгнул конь буланой
С этой кручи окаянной.
А синяя река
Больно глубока.

Волчье детство

Помню я светлую речку,
Помню нетронутый лес.
Ходит, бывало, овечка –
Никто овечку не ест.

Травка, цветы, незабудки,
Мама печет пирожки:
– Кушай, мой мальчик,
Пока твои зубки
Не превратились в клыки.

Я и не знал, и не помнил,
Что значит зуб, а что – клык,
Правда, потом-то я понял,
А уж затем и привык.
Но темной ночью спросонок
Слышу я даже теперь:
– Радуйся, мальчик,
Пока ты волчонок –
Ты не совсем еще зверь...

Куда ты скачешь, мальчик?

Юрию Ряшенцеву

– Куда ты скачешь, мальчик,
Кой черт тебя несет?
И мерин твой хромает,
И ты уже не тот.

– Да что за беда, ей-богу?
Поеду понемногу,
Авось да повезет.

– Чего ты ищешь, мальчик?
Каких таких забав?
Цветочки все увяли,
А травку съел жираф.

– Да что за беда, ей-богу?
Поеду понемногу,
Хотя во всем ты прав, а я неправ.

– Куда ты скачешь, мальчик?
Темно уже в лесу.
Там скачут носороги
С рогами на носу!

– Да что за беда, ей-богу?
Поеду понемногу.
Хоть кости протрясу.

– Куда ты скачешь, мальчик?
Куда ты держишь путь?
Всю жизнь ты то и дело
Скакал – а толку чуть.

– Да что за беда, ей-богу?
Поеду понемногу...
Куда?
Куда-нибудь!

Давайте простимся

Давайте негромко,
Давайте вполголоса,
Давайте простимся светло.
Неделя, другая –
И мы успокоимся:

Что было – то было.
Прошло.
Конечно, ужасно!
Нелепо! Бессмысленно!
О, как бы начало вернуть?
Начало вернуть
Невозможно, немыслимо.
И даже и думать забудь.

Займемся обедом.
Займемся нарядами.
Заполним заботами быт.
Так легче – не так ли?
Так проще – не правда ли?
Не правда ли, меньше болит?
Не будем хитрить
И судьбу заговаривать –
Ей-богу, не стоит труда.
Да-да, господа:
Не «авось», не «когда-нибудь»,
А больше уже
Н и к о г д а.

Ах, как это мило.
Очень хорошо.
Плыло и уплыло.
Было – и прошло.

Подколесин

Все хотят,
Чтоб я вставал и бегал, –
А я хочу сидеть и не вставать!
Все хотят,
Чтоб я чего-то делал, –
А я прошу ко мне не приставать!
Все кричат:
«Ты должен, должен, должен!» –
Я никому не должен ничего!!!
Даже если
Все хотят того же –
То мне уже не хочется того!

Сергей Кулле

* * *

Когда у меня появятся первые сыновья,
я назову их: Петя, Антон, Никифор
и Святополк.
(А дочерям имена
пусть придумывает жена.)
Такой как я,
был до сих пор только я,
и вот придет еще несколько подобных парней.
Они разделят
радости и горести,
мои и чужие
(разделят и приумножат).
Повремените, скоро,
скоро
подспеют на подмогу
новые
хорошие и сильные люди:
Петя, Антон, Никифор
и Святополк, –
мои сыновья,
сыновья!

31.12.1956

Степан Пармонов

Он вернулся с войны
пьяницей, ленивым и грубым.
Не захотел работать,
буянил
и развращал свою большую патриархальную семью.
Его проделки долго терпели,
но всему приходит конец.
Однажды (он пьянствовал двенадцатый день подряд),
придя домой, он, по обычаю,
стал ругаться последними словами
и приставать к невесткам,
и когда его племянник – Игорь –
холодно посмотрел ему в глаза
и процедил сквозь зубы: «В семье не без урода», –
он взял Игоря за ворот кожаной куртки

и больно поколотил бутылкой.
Дедушка Игоря (старый отец Степана) поспешил на помощь
и закричал: «Щенок, немедленно прекрати бузотёрить!» –
Степан ударил своего отца
и сшиб его с ног
(старик стукнулся боком об угол комода,
едва дополз на карачках до кушетки,
повторяя все время:
«Погоди, ты еще утрешь кулаком слёзы, изверг...»).

И тогда младшие братья не выдержали
и, не говоря ни слова (они тоже были на войне),
вытолкали пьяницу за дверь (обитую железом и войлоком)
пинками.
И только прокричали вдогонку:
«Убирайся! Катись! Скатертью дорога!»
(...дорога!..)

Степан молча побрел прочь
и (чуть-чуть протрезвившись сразу)
только поинтересовался на прощанье
«А куда ведет эта дорога?»

1956

* * *

Нам надо много денег на дорогу.
По вечерам я подрабатываю на стороне.
А Маргарита уже отказалась на всю зиму
от кино и пирожных
и ради зарплаты
даже
перевелась на другой завод:
с Арматурного
на Карбюраторный.

1961

* * *

Мы –
товарищи по несчастью.
Вы –
товарищи по бесчестию.

1963

* * *

- Где первые ручьи?
- Они еще в плену.
- А где скворечники?
- Они еще в столярке.
- А где скворцы?
- Они еще в пути.
- А где подснежники?
- Они еще под снегом.

1965

* * *

Где горка для зимы?
Увы, ее уж нет!
А баба снежная?
Ее как не бывало!
Сугробы
около сарая
вдруг улетучились,
как дым.
Далекая лыжня
вдоль смешанного леса
превратилась
в обыкновенную тропу.
А наш каток на озере –
уплыл!
Сначала – по реке.
Потом – по морю.
На юг, на юг,
в нездешние края!
На нем
уже катаются, поди,
другие дети.
У них теперь зима.

1965

Автопортрет

Обыкновенный человек
с обыкновенными глазами
в обыкновенных очках
в обыкновенной шляпе с полями

в обыденной спецодежде
обыкновенные руки обыкновенно в карманах
имея в уме обыкновенные мысли
ходит под Богом

1972

* * *

Да еще бы
увидеть Москву.
Ту Москву,
как сто лет назад.
Да еще бы
увидеть во сне
до слез родное
лицо
Аполлона Григорьева.

1979

* * *

Не хочется
ни помидор, ни квасу,
ни углекислоты.
А хочется:
по коридору,
в классы
и –
с азбукой на ты!

1981

* * *

Что говорит
цветочек о цветочке?

– Какой поганец!

Или того похуже.

1981

* * *

Как холодно
тем,
кому холодно!

Я написал.

Вы, может быть, скажете,
что это –
банальность?

1981

Из Эпитафий

Может быть, можно, –
плакать по маме, –
не знаете?

Был ответ;
но не успел записать.

1981

К Ангелам

Или,
если можно,
помогите.
Или,
если можно,
рассудите.
Или,
если можно,
посмотрите!

1982

* * *

Кувёркаться
в словах –
вот мой идеал.

1982

Из Эпитафий

Сколько было детей на Крестовском
до войны!
Я видел – сотни!
По именам
помню сегодня троих:
Вава, Люся, Пронька.
Вава умерла от голода.
Люся,
ее, надеюсь, эвакуировали,
и она сгинула
где-то в безмерных просторах России.
Пронька
(Василий Пронин), –
его труп
мама его
отнесла на помойку
зимой 1941 / 1942 годов.
(По детям плачу.
По Пронькиной маме воплю.)

1982

Из Эпитафий

Давайте я умру.
А там посмотрим, –
как все будет дальше.

1982

* * *

Идет такой эксперимент,
но только –
на живых:
эксперимент любви.

1983

Александр Кушнер

* * *

Выручает звездный тамбур.
Век стоял и ехал там бы.
Тук-тук-тук да так-так-так,
Ты не плачь, не надо так.
А в вагоне-ресторане
На столах стоят пионы,
А в вагоне-ресторане
Ездят грустные шпионы
(Англичане или финны,
Подрывающие мир).
А в меню одни дельфины
На себе везут пломбир.
В тот пломбир подсыпать яда –
И грустить уже не надо,
Ни по рельсам колесить,
Ни чужой костюм носить.
На руке – узор колючий,
Виноградная лоза.
– Вы случайно не лазутчик?
Только выкатит глаза.
Поезда даны как средство,
Чтобы к нам вернулось детство.
И сосед не виноват,
Что немного мешковат.

* * *

Танцует тот, кто не танцует,
Ножом по рюмочке стучит.
Гарцует тот, кто не гарцует,
С трибуны машет и кричит.

А кто танцует в самом деле
И кто гарцует на коне,
Тем эти пляски надоели,
А эти лошади – вдвойне!

1963

Ваза

На античной вазе выступает
Человечков дивный хоровод.
Непонятно, кто кому внимает,
Непонятно, кто за кем идет.

Глубока старинная насечка.
Каждый пляшет и чему-то рад.
Среди них найду я человека
С головой, повернутой назад.

Он высоко ноги поднимает
И вперед стремительно летит,
Но как будто что-то вспоминает
И назад, как в прошлое, глядит.

Что он видит? Горе неуместно.
То ли машет милая рукой,
То ли друг взывает – неизвестно!
Оттого и грустный он такой.

Старый мастер, резчик по металлу
Жизнь мою в рисунок разверни,
Я пойду кружиться до отвала
И плясать не хуже, чем они.

И в чужие вслушиваться речи,
И под бубен прыгать невпопад,
Как печальный этот человечек
С головой, повернутой назад.

* * *

Но и в самом легком дне,
Самом тихом, незаметном,
Смерть, как зернышко на дне,
Светит блеском разноцветным.
В рощу, в поле, в свежий сад,
Злей хвоца и молочая,
Проникает острый яд,
Сердце тайно обжигая.

Словно кто-то за кустом,
За сараем, за буфетом
Держит перстень над вином
С монограммой и секретом.

Как черна его спина!
Как блестит на перстне солнце!
Но без этого зерна
Вкус не тот, вино не пьется.

* * *

Еще чего, гитара!
Засученный рукав.
Любезная отравка.
Засунь ее за шкаф.

Пушай на ней играет
Григорьев по ночам,
Как это подобает
Разгульным москвичам.

А мы стиху сухому
Привержены с тобой.
И с честью по-другому
Справляемся с бедой.

Дымок от папиросы
Да ветреный канал,
Чтоб злые наши слезы
Никто не увидал.

* * *

Среди знакомых ни одна
Не бросит в пламя денег пачку,
Не пошатнется, впад в горячку,
В дверях, бледнее полотна.
В концертный холод или сквер,
Разогреваясь понемногу,
Не пронесет, и слава богу,
Шестизарядный револьвер.

Я так и думал бы, что бред
Все эти тени роковые,
Когда б не туфельки шальные,
Не этот, издали, привет.
Разят дешевые духи,
Не хочет сдержанности мудрой,
Со щек стирает слезы с пудрой
И любит жуткие стихи.

1966

* * *

Вижу, вижу спозаранку
Устремленные в Неву
И Обводный, и Фонтанку,
И похожую на склянку
Речку Кронверку во рву.

И каналов без уздечки
Вижу утреннюю прыть,
Их названья на дощечке,
И смертельной Черной речки
Ускользящую нить.

Слышу, слышу вздох неловкий,
Плач по жизни прожитой,
Вижу Екатерингофки
Блики, отблески, подковки,
Жирный отсвет нефтяной.

Вижу серого оттенка
Мойку, женщину и зонт,
Крюков, лезущий на стенку,
Пряжку, Карповку, Смоленку,
Стикс, Коцит и Ахеронт.

* * *

Конверт какой-то странный, странный,
Как будто даже самодельный,
И штемпель смазанный, туманный,
С пометкой давности недельной,
И марка странная, пустая,
Размытый образ захолустья:
Ни президента Уругвая,
Ни Темзы, – так, какой-то кустик.

И буква к букве так теснятся,
Что почерк явно засекречен.
Внизу, как можно догадаться,
Обратный адрес не помечен.
Тихонько рву конверт по краю
И на листе бумаги плотном
С трудом по-русски разбираю
Слова в смятенье безотчетном.

«Мы здесь собрались кругом тесным
Тебя заверить в знак вниманья

В размытом нашем, повсеместном,
Ослабленном существованье.
Когда ночами (бред какой-то!)
Воюет ветер с темным садом,
О всех не скажем, но с тобой-то,
Молчи, не вздрагивай, мы рядом.

Не спи же, вглядывайся зорче,
Нас различай поодиночке».
И дальше почерк неразборчив,
Я пропускаю две-три строчки.
«Прощай! Чернила наши блеклы,
А почта наша ненадежна,
И так в саду листва намокла,
Что шага сделать невозможно».

1969

* * *

Расположение вещей
На плоскости стола,
И преломление лучей,
И синий лед стекла.
Сюда – цветы, тюльпан и мак,
Бокал с вином – туда.
Скажи, ты счастлив? – Нет. – А так?
Почти. – А так? – О да!

1969

* * *

Больной неизлечимо
Завидует тому,
Кого провозят мимо
В районную тюрьму.

А тот глядит: больница.
Ему бы в тот покой
С таблетками, и шприцем,
И старшею сестрой.

1969

* * *

Как хорошо, история крутая,
Что ты за мной не гонишься в седле,
Не смотришь в рот, язык мне урезая,
А здесь лежишь, на письменном столе.

Рукой шестого тома Соловьева
Коснусь: казнят. А я вне этих бед,
Я рукавом могу любое слово
Накрыть – и все, и лютой казни нет.

Кричит стрелец от ужаса и хруста
Своих костей, а я над ним, как тень.
Но так ли это? Тягостное чувство
Умней меня и мучает весь день.

1974

* * *

Сентябрь выметает широкой метлой
Жучков, паучков с паутиной сквозной,
Истерзанных бабочек, ссохшихся ос,
На сломанных крыльях разбитых стрекоз,
Их круглые линзы, бинокли, очки,
Чешуйки, распорки, густую пыльцу,
Их усики, лапки, зацепки, крючки,
Оборки, которые были к лицу.

Сентябрь выметает широкой метлой
Хитиновый мусор, наряд кружевной,
Как если б директор балетных теплиц
Очнулся – и сдунул своих танцовщиц.
Сентябрь выметает метлой со двора
За поле, за речку и дальше, во тьму,
Манжеты, застежки, плащи, веера,
Надежды на счастье, батист, бахрому.

Прощай, моя радость! До кладбища ос,
До свалки жуков, до погоста слепней,
До царства Плутона, до высохших слез,
До блеклых, в цветах, элизийских полей.

1975

Анатолий Найман

* * *

Словно ветер дунул наконец-то,
и с небес посыпалась листва,
и лишась последнего соседства,
зачернели прутья естества.

И на этот клен не то осину
прямо выводила колея.
Как через плетеную корзину
я взглянул – и все увидел я.

То, что в книге до сих пор хранилось,
то, что обещалось, то, что снилось,
то, чем только жил я, – и вдали
холмик свежевырытой земли.

1964

На смерть Юрия Галанскова

Не готовьтесь долго к письму,
соберетесь писать – а кому?

Я пока карандаш точил,
стало некому.

Чтоб спасти от шестой зимы,
ангел вывел его из тюрьмы.

А кому детали нужны,
то – к лекарю.

Добивались мать и сестра
гроба белого и креста,
и пристойно себя вели
посторонние.

Милость, Господи, доверши
и куток для его души
хоть на первое время найди
поспокойнее.

Потому что здесь рвы да львы,
жил он гостем у ласки-Москвы,
а потом к свинье под бочок,
и в Мордовию.

Что он видел? – немое кино
про любовь, да и то давно.
Погляди же теперь на него
с любовью.

1973

* * *

О. Димитрию

В лучшей части души, то есть в части, пустой
от чудных интересов и нервного чувства,
к чистой жизни он был предназначен, к святой,
то есть к знанию, сомнение которому чуждо.

В остальной же, больной, худшей части души,
мимолетными фактами мира набитой,
он любил запах сена и даже духи,
то есть мир, но как будто немного забытый,

то есть русские книги, где косят луга,
и немецкий концерт со щеглом и гобоем,
и парижскую живопись, скажем, Дега.
О, как слушал, смотрел, как читал он запоем!

Что ж худого? А то, что – не лучшая часть.
Что, душой от кромешного воя и стужи
отходя, лучшей части он здесь и сейчас
жить мешал, чтобы худшей не сделалось хуже.

Зла, однако, не вспомнит, спасаясь, душа:
худшей частью шепнет неуверенно: «Боже..?» –
и, на выходе свет за собою туша,
лучшей частью поймет и утешит: «Похоже».

* * *

Подождите, я здесь занял очередь –
за таким, в отставке, офицером
с барышней в слезах, наверно, дочерью,
а за мной, не помню, кто-то в сером.

А перед военным – голь безгрешная,
ватник, майка, без просыпу пьянка.
А за серым – личность кагебешная,
глаз железный и на лбу чеканка.

Дальше – одуванчик божий. Далее –
чубчик кучерявый. С челкой в шали
рядом – борода, армяк без талии.
Кто еще стоял? Да все стояли:

я стоял, стоял Хрущев с Булганиным,
Калита Иван – считая деньги,
граф Толстой – кентавр из льва с крестьянином,
а за ним – Емельки, Гришки, Стеньки.

А еще я пропустил вперед себя,
кланяясь бывшему и Европе,
с сумочкой Марину, с торбой Осипа,
с сундучком процентщицу в салопе.

И со мной – ну как же! – вместе заняли
те, чьи имена нежней свирели
для меня, с кем шлялись и тарзанили,
с кем когда-то плакали и пели.

Я стоял! Я отошел – и где они?
Где вы все? Иль демон рифмоплетства
вас зачаровал? Но даже в демоне
что-то ведь заботится о сходстве!

Я к прилавку отходил соседнему –
оказалось, на переучете.
Что же, мне опять стоять последнему?
Что же вы меня не признаете!

1992

Николай Рубцов

Разлад

Мы встретились у мельничной запруды,
и я ей сразу

прямо все сказал!

– Кому, – сказал, – нужны твои причуды?

– Зачем, – сказал, – ходила на вокзал?

Она сказала: – Я не виновата...

– Ну да, – сказал я, – кто же виноват?

Она сказала: – Я встречала брата.

– Ха-ха, – сказал я, – разве это брат?!

В моих мозгах чего-то не хватало:

махнув на все, я начал хохотать!

Я хохотал. И эхо хохотало.

И грохотала мельничная гать.

Она сказала: – Ты чего хохочешь?

– Хочу, – сказал я, – вот и хохочу!

Она сказала: – Мало ли, что хочешь!

Тебя я слушать больше не хочу!

Конечно, я ничуть не испугался.

Я гордо шел на ссору и разлад.

И зря в ту ночь сиял и трепыхался

в конце безлюдной улицы закат!..

1960

В океане

Забрызгана крупно

и рубка, и рында,

но румб отправления дан, –

и тральщик тралфлота

треста «Севрыба»

пошел промышлять в океан.

Подумаешь, рыба!

Подумаешь, рубка!

Как всякий заправский матрос,

я хрипло ругался.
И хлюпал, как шлюпка,
сердитый простуженный нос.
От имени треста
треске мелюзговой
язвил я:
«– Что, сдохла уже?»
На встречные
злые
суда без улова
кричал я:
«– Эй вы, на барже!»
А волны,
как мускулы,
взмыленно,
пьяно,
буграми в багровых тонах
ходили по нервной груди океана,
и нерпы ныряли в волнах.
И долго,
и хищно,
стремясь поживиться,
с кричащей, голодной тоской
летели большие
клювастые
птицы
за судном,
пропахшим треской!

1961

Зимняя песня

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.

Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?

Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное – все забывается,
Светлые звезды горят!

Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...

<1965>

В горнице

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниет совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый день!

Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...

<1965>

Цветы

По утрам умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я: – А как назывались? –
И мерещилось многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались – «анютины глазки».

<1965>

Букет

Я буду долго
Гнать велосипед,
В глухих лугах его остановлю.
Нарву цветов.
И подарю букет
Той девушке, которую люблю.
Я ей скажу:
– С другим наедине
О наших встречах позабыла ты,
И потому на память обо мне
Возьми вот эти
Скромные цветы! –
Она возьмет.
Но снова в поздний час,
Когда туман сгущается и грусть,
Она пройдет,
Не поднимая глаз,
Не улыбнувшись даже...
Ну и пусть.
Я буду долго
Гнать велосипед,
В глухих лугах его остановлю.
Я лишь хочу,
Чтобы взяла букет
Та девушка, которую люблю...

* * *

В полях сверкало. Близилась гроза.
Скорей, скорей! Успеем ли до дому?
Тотчас очнулись сонные глаза,
Блуждает взгляд по небу грозовому.

Возница злой. Он долго был в пути.
Усталый конь потряхивает гривой.
А как сверкнет – шарахнется пугливо
И не поймет, куда ему идти.

Скорей, скорей! Когда продрогнешь весь,
Как славен дом и самовар певучий!
Вон то село, над коим выются тучи,
Оно село родимое и есть...

<1966>

Зимним вечерком

Ветер не ветер –
Иду из дома!
В хлеву знакомо
Хрустит солома,
И огонек светит...

А больше –
 ни звука!
Ни огонечка!
Во мраке вьюга
Летит по кочкам...

Эх, Русь, Россия!
Что звону мало?
Что загрустила?
Что задремала?

Давай пожелаем
Всем доброй ночи!
Давай погуляем!
Давай поохочем!

И праздник устроим,
И карты раскроем...
Эх! Козыри свежи.
А дураки те же.

* * *

Встретил нас Налдеев, встретил нас Шувалов,
Собралась веселая семья:
Вадик Куропаткин, Миша Шаповалов,
Роза Хуснутдинова и я!

Вадик Куропаткин стать марксистом хочет –
Маркса поднимает он на щит.
Миша Шаповалов весело хохочет!
Роза Хуснутдинова молчит...

Про зайца

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой, –
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.

И еще, наверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.

Из восьмистиший

1

В комнате темно,
В комнате беда, –
Кончилось вино,
Кончилась еда,
Кончилась вода
Вдруг на этаже,
Отчего ж тогда
Весело душе?

2

В комнате давно
Кончилась беда,
Есть у нас вино,
Есть у нас еда,
И давно вода
Есть на этаже,
Отчего ж тогда
Пусто на душе?

3

Звездный небосвод
Полон светлых дум,
У моих ворот
Затихает шум,
И глядят глаза
В самый нежный том,

А в душе – гроза,
Молнии и гром!

4

Лунною порой,
Омрачая мир,
Шел понурый строй,
Рядом – конвоир.
А душе в ночи
Снился чудный сон:
Вербы и грачи,
Колокольный звон...

5

Девушке весной
Я дарил кольцо,
С лаской и тоской
Ей глядел в лицо,
Холодна была
У нее ладонь,
Но сжигал дотла
Душу мне – огонь!

6

Постучали в дверь,
Открывать не стал,
Я с людьми не зверь,
Просто я устал,
Может быть, меня
Ждет за дверью друг,
Может быть, родня...
А в душе – испуг.

7

В комнате покой,
Всем гостям почет,
Полною рекой
Жизнь моя течет,
Выйду не спеша,
На село взгляну...
Окунись, душа,
В чистую волну!

Нонна Слепакова

* * *

Зал ожидания детей
Я молчаливо миновала,
Зал выжимания вестей
Из разбитного персонала,
Зал понимания причин,
Непонимания последствий.
Там было четверо мужчин –
Один другого бесполезней.

Кто мял газету, кто притих,
Вникая в истины простые,
Я проходила мимо них
И руки прятала пустые.

Внизу меня встречала мать.
Она мне принесла одеться.
Мне захотелось ей сказать,
Что всё по-старому, как в детстве.

Чулки... Туфля... Еще туфля...
Мне санитарка помогала –
И мы ей дали три рубля.
Не так уж это было мало.

1959–1960

Воскресенье

День прошел с бумажками-обертками,
Лодочными смятыми квитанциями,
Чавкающей лужей под подметками,
В окнах затихающими танцами...
Вот солдат, спеша по увольнительной,
С девушкой расстался удивительной;
Девушка с прическою «бабеттою»,
Девушка с улыбкою победною.
Для нее гремела радиола –
Ты крутись, пластиночка моя,
И цветы с крахмального подола
Улетали в чудные края,

Для нее легко скользила лодка,
Разбивая веслами волну...
Девушка лирически и кротко
Руку опускала в глубину...
Если бы скончаться в воскресенье –
Пролежать красивой, молодой
Всю неделю, длинную, весеннюю...
И воскреснуть в новый выходной!

1961

Мечта

Как-нибудь, когда-нибудь,
Вырвавшись на волю,
Мы с тобой направим путь
К лесу или к полю.

Время даром не губя,
Двинемся тропею.
Я возьму с собой тебя,
Я возьму с собой себя,
Чтобы быть с тобою.

Ну а ты возьмешь сачок,
Удочку и мячик,
Потому что дурачок,
Потому что мальчик.

1965

Последний раз в ЦПКО

Однажды с перепоею, с переругу,
С тоскливого и злого похмела,
Сочтя меня – ну, может, за подругу,
Она ко мне в каморку забрела

И так сказала: «Я ведь не волчица,
Лишь ты при мне, а больше – никого...
Я даже согласилась бы лечиться...
Свези в последний раз в ЦПКО!»

Был день октябрьский, резкий, желто-синий.
Парк впитывался в лиственный подстил.
Никто под физкультурницей-богиней
Помимо нас не мерз и не грустил.

Спеша, считая время по минутам,
Я шла. Она ползла едва-едва,
Семейственным и пасмурным уютом
Окрашивая тощие слова.

Ее уют – придавленный и ржавый,
Аттракционный, инфантильный рай, –
Где все противогаз носили в правой,
А в левой – попрыгучий раскидай...

Мы шли, как шла она тому лет сорок –
При муже, при любви, при «до войне».
Но давних лет осколок или спорок
Не впору был, не пригождался мне.

Смотрела я скучливо и тверезо
На пестрый сор в общественном лесу
И жилки перепойного склероза
На влажном, вспоминающем носу.

И все ж сидела с ней на той скамейке –
На Масляном лугу, к дворцу спиной,
Где муж-покойник снял ее из «лейки» –
Разбухшую, беременную мной.

1996

Виктор Соснора

Рогнеда

На Днепре
апрель,
на Днепре
весна
волны валкие выкорчевывает.
А челны
черны,
от кормы
до весла
просмоленные, прокопченные.
А Смоленск
в смоле,
на бойницах
крюки,
в теремах горячится пожарище.
У Днепра
курган,
по Днепру
круги,
и курган
в кругах
отражается.
Во курган-горе
пять бога-
тырей,
груды в шрамах – военных отметилах,
непробудно спят.
Порубил супостат
Володимир родину Рогнедину.
На передней
короге
в честь предка
Сварога
пир горой – коромыслами дымными.
Но Рогнеда
дичится,
сдвинув плечи–
ключицы,
отвернулась от князя Владимира.
Хорохорятся кметы:
– Дай рог
Рогнеде,

продрогнет Рогнеда под сорочкою. –
Но Владимир
рог не дал
нелюдимою
Рогнеде.
Он промолвил:
– Ах ты, сука непорочная!
Ты грозишь:
в грязи
народишь сынка,
хитроумника, ненавистника,
и сынок
отца
завлечет в капкан
и прикончит Владимира быстренько.
Не брильянты глаза у тебя! Отнюдь!
Не краса –
коса
цвета просового.
От любви
убил
я твою родню,
от любви к тебе, дура стоеросовая! –
Прослезился князь,
преподносит: – на! –
скатный жемчуг в бисерной сумочке.
Но челны
черны,
и княжна
мрачна,
только очи
ворочает
сумрачно.

Скоморохи

В белоцерковном Киеве
такие
скоморохи –
поигрывают гирями,
торгуют сковородками,
окручивают лентами
округлых дунек...
И даже девы бледные
уходят хохотуньями
от скоморохов,
охают
в пуховиках ночью,

ведь ночью очень плохо
девам-одиночкам.
Одним,
 как ни старайся, –
 тоска, морока...
И девы пробираются
к ско-
 морохам.
Зубами девы лязгают
от стужи.
Ночи мглисты.
А скоморохи ласковы
и мускулисты,
и позволяют вольности...

А утром,
утром
у дев уже не волосы
 на лбу,
 а кудри
окутывают клубом
чело девам,
у дев уже не губы –
уста рдеют!

Дождь сыплется...
 Счастливые,
растрепанные, мокрые
смеются девы:
 – В Киеве
 такие скоморохи!

1959

* * *

Догорай, моя лучина, догорай!
Все, что было, все, что сплыло, догоняй.

Да цыганки, да кабак, да балаган,
только тройки –
 по кисельным берегам.

Только тройки – суета моя, судьба,
а на тройках по три ворона сидят.

Кто он, этот караван и улюлюк?
Эти головы оторваны, старик.

А в отверстиях, где каркал этот клюв,
по фонарику зеленому стоит.

По фонарику – зеленая тоска!
Расскажи мне, диво-девица, рассказ,
как в синицу превратился таракан,
улетел на двух драконах за моря...

Да гуляй, моя последняя тоска,
Как и вся больная родина моя!

Новороссийская ночь

Мир умиротворился.
Ночь.
Огни, как зерна риса. Ночь.
Над Новороссийском ночь.
Черна невыразимо ночь.

А море – гоноболь.
 Стекло.
Прожектор – голубой
 циклоп.
Пять рыбаков – пять бурок
 в лодке.
А ну, раздвинет буря локти?
Пять рыбаков.
Пять бурок – стяг.
Кобенится мотор – кабан.
В прожекторе – луче блестят
пять лиц –
пять голубых
камбал.

Такая жизнь

Жалуется жук
драчунам-грачам:
– Я всю жизнь жужжу.
Не могу кричать.

Говорят грачи:
– Уж такая жизнь.
Мы себе кричим.
Ты себе жужжишь.

Певица

Бедный ребенок с лицом алкоголика
в платье чугунного серебра,
как ты жонглировала ладонями
в зале, где люди, как фрукты в корзинах,
фрукты в соломенных воротничках!..

1972

* * *

Не спрашивай, кто я, – не знаю я,
не бес, не Бог.
Я – просто я в бедламе бытия, -
не свят, не плох.

Что ночь бела – я знаю. Ничего.
Сирень. Балкон.
Цепь львиная на мостике... и вот –
белым-бело!

Прощай! Кто ты – не знаю. Не грусти,
лети листвою!..
Как будто птица плачет на груди,
а не лицо!

1974

* * *

Вот и ушли, отстрелялись, солдаты, цыгане,
карты, цистерны винные, женщины множеств,
боги в саду, как потерянные, стоят с сигаретой, уходят,
сад облетает, и листья, исписанные, не колеблет,
что же ты ждешь, как столбы восходящего солнца,
солнце заходит, и больше не озаботит,
магний луны и кипящее море,
и не печалит ни прошлого губ, и ни завтра,
книги уходят, быстробегущий, я скоро!
Все, что любил я у жизни, – книги и ноги.

1999

Виктор Филин

Очарование бабьего лета

Золотая Свадьба Королевы-Осени
Совершается в узком кругу ближней родни.

Снегопад

Изъеденный молью ковер-самолет
На лету рассыпается в пух и прах.

Восход солнца над кирпичным заводом

Каждый день завод выпускает красный кирпич:
Обычный шестигранный – для каменщиков,
И одну кирпичину в виде шара –
Для коллекционеров и знатоков.

Опавшая кудрявая береза

Ну что, коза, допрыгалась на одной ноге? –
Сама теперь бигуди в траве собирай.

Два белых облачка летят в обнимку

– Помнишь, какими глубокими лужами
Были мы с тобой в середине марта?
– А помнишь, как мы грезили в конце марта
Лебедиными озерами летом стать?..

Листопад

Вот еще одной лампочке пора на свалку –
Перегорела в ней зеленая спираль.

Дождливо, холодно и ветрено

Не ласкай меня холодными руками,
И холодными губами целовать не смей!

Белла Ахмадулина

* * *

Я думала, что ты мой враг,
что ты беда моя тяжелая,
а вышло так: ты просто враль,
и вся игра твоя – дешевая.

На площади Манежной
бросал монету в снег.
Загадывал монетой,
люблю я или нет.

И шарфом ноги мне обматывал
там, в Александровском саду,
и руки грел, а все обманывал,
все думал, что и я солгу.

Кружилось надо мной вранье,
похожее на воронье.

Но вот в последний раз прощаешься.
В глазах ни сине, ни черно.
О, проживешь, не опечалишься,
а мне и вовсе ничего.

Но как же все напрасно,
но как же все нелепо!
Тебе идти направо.
Мне идти налево.

1957

* * *

По улице моей который год
звучат шаги – мои друзья уходят.
Друзей моих медлительный уход
той темноте за окнами угоден.

Запущены моих друзей дела,
нет в их домах ни музыки, ни пенья,
и лишь, как прежде, девочки Дега
голубенькие оправляют перья.

Ну что ж, ну что ж, да не разбудит страх
вас, беззащитных, среди этой ночи.
К предательству таинственная страсть,
друзья мои, туманит ваши очи.

О одиночество, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,
как холодно ты замыкаешь круг,
не внемля увереньям бесполезным.

Так призови меня и награди!
Твой баловень, обласканный тобою,
утешусь, прислонясь к твоей груди,
умоюсь твоей стужей голубою.

Дай стать на цыпочки в твоём лесу,
на том конце замедленного жеста
найти листву, и поднести к лицу,
и ощутить сиротство, как блаженство.

Даруй мне тишь твоих библиотек,
твоих концертов строгие мотивы,
и – мудрая – я позабуду тех,
кто умерли или доселе живы.

И я познаю мудрость и печаль,
свой тайный смысл доверяю мне предметы.
Природа, прислонясь к моим плечам,
объявит свои детские секреты.

И вот тогда – из слез, из темноты,
из бедного невежества бывшего
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.

1959

* * *

В тот месяц май, в тот месяц мой
во мне была такая легкость,
и, расстилаясь над землей,
влекла меня погоды летность.

Я так щедра была, щедра
в счастливом предвкушеньи пенья,
и с легкомыслием щегла
я окунала в воздух перья.

Но, слава Богу, стал мой взор
и пронизательней, и строже,
и каждый вздох и каждый взлет
обходится мне все дороже.

И я причастна к тайнам дня.
Открыты мне его явления.
Вокруг оглядываюсь я
с усмешкой старого еврея.

Я вижу, как грачи галдят,
над черным снегом нависая,
как скушно женщины глядят,
склонившиеся над вязаньем.

И где-то, в дудочку дудя,
не соблюдая клумб и грядок,
чужое бегают дитя
и нарушает их порядок.

1959

* * *

Деревни Бёхово крестьянин...
А звался как и жил когда –
все мох сокрыл, затмил кустарник,
размыла долгая вода.
Не вычитать из недомолвок
непрочного известняка:
вдруг, бедный, он остался молод?
Да, лишь одно наверняка
известно.
И не больше вздора
все прочее, на что строку
потратить лень.
Дождь.
С косогора
вид на Тарусу и Оку.

1976

Смерть совы

Кривая Нинка: нет зубов, нет глаза.
При этом – зла. При этом... Боже мой,
кем и за что наведена проказа
на этот лик, на этот край глухой?

С получки загуляют Нинка с братом –
подробности я удержу в уме.
Брат Нинку бьет. Он не рожден горбатым:
отец был строг, век вековал в тюрьме.

Теперь он, слышно, старичок степенный –
да не пускают дети на порог.
И то сказать: наш километр – сто первый.
Злодеи мы. Нас не жалеет Бог.

Вот не с получки было. В сени к Нинке
сова внеслась. – Ты не коси, а вдарь!
Ведром ее! Ей – смерть, а нам – поминки.
На чучело художник купит тварь.

И он купил. Я относила книгу
художнику и у его дверей
посторонилась, пропуская Нинку,
и, как всегда, потупилась при ней.

Не потому, что уродились розно, –
наоборот, у нас судьба одна.
Мне в жалостных чертах ее уродства
видна моя погибель и вина.

Вошла. Безумье вспомнило: когда-то
мне этих глаз являлась нагота.
В два нежных, в два безвыходных агата
смерть Божества смотрела – но куда?

Умеет так, без направленья взгляда,
звезда смотреть иль то, что ей сродни,
то, старшее, чему уже не надо
гадать: в чем смысл? – отверстых тайн среди.

Какой ценою ни искупим – вряд ли
простит нас Тот, кто нарядил сову
в дрожь карих радуг, в позолоту ряби,
в беспомощную белизну свою.

Очнулась я. Чтобы столиц приветы
достигли нас, транзистор поднял крик.
Зловещих лиц пригожие портреты
повсюду улыбались вкось и вкривь.

Успела я сказать пред расставаньем
художнику: – Прощайте, милый мэтр.
Но как вы здесь? Вам, с вашим рисованьем, –
поблажка наш сто первый километр.

Взамен зари – незнаемого цвета
знак розовый помедлил и погас,
словно вопрос, который ждал ответа,
но не дождался и покинул нас.

Жива ль звезда, я думала, что длится
передо мною и вокруг меня?
Или она, как доблестная птица,
умеет быть прекрасна и мертва?

Смерть: сени, двух уродов перебранка –
но невредимы и горды черты.
Брезгливости посмертная осанка –
последний труд и подвиг красоты.

В ночи трудился сотворитель чучел.
К нему с усмешкой придвигался ад.
Вопль возносился: то крушил и мучил
сестру кривую синегорбый брат.

То мыслью занимаюсь я, то ленью.
Не время ль съехать в прежний неуют?
Все медлю я. Все этот край жалею.
Все кажется, что здесь меня убьют.

1982

Илья Бокштейн

Поэма любви

Вдвоем нести любовь
Нам тяжело,
Но одному мне тяжелее вдвое.
Но почему мне так не повезло?
А может, потому,
Что сердце злое.
А может, потому,
Что ум глубок
И женщину
К себе не допускает.
А может, потому,
Что только Бог
Любовью
Совершенной
Обладает.

Тишина

В темном углу под лестницей
чуть светится капля плесени.
Тишина.
Балка обрушится,
если чуть прислушаться.

* * *

В одном ученом дневнике
прочел я имя: «Авиценна»
Душа моя по доброте
моей собаке равноценна.

* * *

я хочу ничего не хотеть
я хочу никуда не летать
я хочу не совсем умереть –
полежа-а-ать

Евгений Герф

* * *

Со всеми теми я расстался.
Один со мною ты остался,
нерасторопный мой дружок,
последний ивовый флажок!

О, как бы нам и не расстаться!

Смотреть бы в небо да смотреть,
да навсегда собой остаться,
не догадаться умереть!

* * *

Свет холодный, восковой
завладел сейчас Москвой.
Свет стеклянный, разливанный,
оловянный, деревянный.
Свет сегодня, посмотри –
гравировка изнутри!
Стеарины белых лип.
Стеариновые стены.
Оттого, что снег налип
этой белой хризантемы
ничего часы не значат,
и синица громко плачет:
«Где мы? Где мы? Где мы? Где мы?»

* * *

Вьюга! К югу аккуратно
дыма пряди наклони!
Дай услышу ароматы
крепкой мяты в эти дни!
Дай попробую отрадный,
твой прохладный валидол!
Дай лицом уйду в громадный
полотняный твой подол!

* * *

Теплота и тишина
век не прекратятся.
Голуби, как горсть пшена,
вдруг озолотятся.
Туча дальняя жирна,
дута, зобовата.
А земля черна, жадна,
мята, бронзовата.

Гляжу на два пропуска, выставленные в окне кабины автобуса

Сажин и Дудукалов
посеяли пропуска.
Огорчил их немало
результат ЦСКА.
Будто взрывом рассажен
март. И сорвана дверь.
Дудукалов и Сажин!
Где вы теперь?

* * *

Вечер. Вышли жители
на свои балконы,
словно небожители
и Наполеоны.
Влажный скинув китель,
важен каждый житель,
как судьбы решитель
и огнетушитель.

* * *

Серпами черными стрижи
на поле падают со стоном,
и поле платиновой ржи
то бьет поклоны до межи,
то молоком бежит топленным.
То – струн подробный перебор,
то – волн тяжелых полыханье,
то похоронный слышен хор,
то – просветленное рыданье,
как будто смертный приговор
в себе таит и оправданье

* * *

Нельзя свободу
рамкою оправить!
Что может быть,
то может и не быть.
Стихи прочесть –
как шахматы расставить,
огня прибавить,
трубку раскурить

Снег на улице Герцена

Где неба сумрачный зигзаг
так опирается весоמו
и вместе невесоמו так
о желтые уступы дома,
где ледяной крахмал колонн
под протекающим карнизом,
вдоль улицы, где под уклон,
запахнет вдруг голландским бризом.
Под цинковый и трубный гром,
отдавшись дробному галопу,
душа рванется вдруг Петром
в открытую морям Европу,
но, пролетев один квартал,
очнется тихою и мудрой
и ржавый вход в полуподвал
осыпет сахарною пудрой.

* * *

Куда продлеваются длины?
Куда улетают дымы?
Куда в голубые глубины
уходим ветвями и мы?
Но это совсем невозможно –
весною оборванный след!
Он дальше пошел осторожно –
дождь в дождь
и снег в снег,
и свет в свет

* * *

Ты пела или говорила?
Что ты скрывала? Что дарила?
Что знаешь ты с того момента,
как это случилось с тобой?
Магнитолента
на мостовой.

* * *

Просим вас сообщать машинисту
о всех фактах обрыва монисто,
нарушении порядка в вагоне
в порядке упадка, агонии,
о времени замедлении,
задымлении,
странностях иного,
о неисправностях подвижного
состава, других чрезвычайных
листьях винных, повинных, печальных, хинных, чайных

* * *

День ледяной.
День разливной.
День, что ни день – то иной.
День нитяной,
линованный.
День водяной,
взволнованный.
День резной.
День сквозной.
День пахнет бензином, весной

* * *

«Цвирк! цвирк!» – расцвиркался ртутный,
нетутный
торопей-воробей.
«Ври! Ври!
Цыдыри!»
Работников искусств
полон куст.
Пуст

Еще не остыла скамья
у радиомагазина.

* * *

Стало золото цветом – гончарное.
Уезжает осенний цирк.
Скачет музыка, радость печальная,
да синичка – кувырк! кувырк!

Жить стало ватно. А было – небесно!
Вышла замуж моя золотая невеста!
За кого – неизвестно.
Снег. Задернута занавеска.

* * *

Это – мне. Вся эта морось,
эта грусть и эта хворость,
этот жесткий бег на месте
позабывтой Богом жести,
шампиньонов аромат,
темнота сырой побелки,
облака сибирской белки.
Вот и сыт. Вот и богат.

* * *

Мокрой листвы царственная,
государственная речь.
Благодарствую за дарственную!
Буду беречь
барбарисов небывалые
карнавалы, карусели,
тополиные обвалы да сели,
двор, дворовые порядки, украдки, оградки,
двор, в котором солнцу тесно, словно тесту в теплой кадке,
синие сирени, красные да серые,
всей моей империи
эсэсэсэсэры
да нежданно ранние, воздушные, нездешние
одуванчики послушные, поспешные.
Ангелы вы мои невинные, невидные,
не вы ли под вечер
зажигаете каштанов панихидные свечи?

Михаил Ерёмин

* * *

Сшивает портниха на швейной машинке,
Подобно дождю, голубое с зеленым,
Дождю, который окном изломан,
Как лодкою камышинки.
Гром за окном покашливает,
Капли дождя к стеклу прилипают,
Полузеленая каждая
И полуголубая.

1957

* * *

Л. Лифшицу

Переплавил не в золото – в никель
Рыжий алхимик снега.
На небе, как в Голубиной книге,
Еврейская грамота березняка.
Равнины черны как равнины,
Заполнены реки щепой от весла,
В совиных глазницах овинов,
Как мышь, зашуршала весна.

1957

* * *

У дынь, как у донных рыб,
Удачный цвет, удлиненная форма,
Омывающий дыни арык
Горной влагой поит корни.
Как шеи гусиные выгнулись ветки
Под тяжестью яблок, под грузом айвы,
Солнце, затеявшее проверку,
Урожайностью удивив.

1958

* * *

По-за кряквой ходит селезень,
То прищелкнет клювом плоским,
То крылом взмахнет, как сеятель,
Глазом ласковым поблескивая.
Камыши стволы топорщат,
Хороня утиный лаз,
Тают лапы гуттаперчевые
От учтивости и ласк,
Чтоб, живущий возле заводи,
Мальчуган нашел гнездо,
Чтоб яишенные завтраки
Подала мать на стол.

1958

Будет куплена новая мебель

М у ж ч и н а

Мой дом всегда боялся привидений,
И потому
Чердак не выстроен,
Подвал не вырыт.

Ж е н щ и н а

Мне нравится твоя большая мебель.
Комод,
Который подобрал сюртук,
Вчера валявшийся на подоконнике.

М у ж ч и н а

Ты видишь,
Дом не достроен.
В таком бояться
Селиться шорохи, скрип половиц и вздохи.

Ж е н щ и н а

И шкаф, который
Так бережно несет хрусталь,
И стол озябший,
Укрытый бархатом.

М у ж ч и н а

И лишь камин порой служил лазейкой
Для шопота
И завываний.

Ж е н щ и н а

И люстра,
Такая нежная, звенящая как будто
Над нами кто-то ходит
И трогает ее прозрачные одежды.

М у ж ч и н а

Старею и уже не помню чья походка.
Единственное,
Что недоступно смерти.
Единственное вечное – походка.

Ж е н щ и н а

И зеркало,
В котором стол упал на спину,
Здрав резные выпуклые ноги.

М у ж ч и н а

Я знаю –
Ты ждешь,
Ты скоро будешь
В моем усталом доме
Хохочущей по пустякам хозяйкой.

1958

* * *

Почему крабы выпучены
И в пучину кинуты?
Из какого теста выпечены
Их тела бисквитные?
Кем крабы пущены
Добывать на дне пищу?
Там актинии пышные
Ловят жизнь беспечную.
Где крабы созданы,
Чтобы, став рослыми,
Стричь клешнями острыми
Плавники и водоросли?

1959

* * *

Сохатый крест рогов как идола
Возносит над кустарником.
Корову не выигрывает, а выпиливает
Из самых нежных мышц соперника.
Гудит в юдоли трубный рог
И ранит бок до соли.
Вдыхают важенки пригожие
Жестокий запах отца и сына.

1959

* * *

Ткань иволги, деленная на клетки птицелова,
В палых листьях спелый ствол гадюки,
По капле цапля в пруд стекает с клюва,
В паутине зеркала различимы слезки-гвоздики
Зяблости не кончиться ни вечером, ни днем
В ягоду западает иголочка-колочка,
Фигура любви расщепляется ножом
Надвое, как логово моллюска.

1959

* * *

Лань изорвала пальчиковыми копытами
Мышинопись на листопаде, сбив лису со следа.
Изрыли угловатые кабаны
Узлы подземных кладовых.
Кроты и корни выпали из почвы.
Пожелтели лесные пригоршни и впадины.
В кустарнике околесицы незрячий почтальон
Теряет письма на когтях шиповника.

1960

* * *

Пути (Происхождение забыто –
Аллея или просека впадает в пруд
С озерной живностью и флорой. На венах
Корней запекшаяся голубая кровь.
В чертополохе белый камень зябко
Плечом поводит.) лиственная мольвь
Подобна «не» в местоимениях
«Некто» и «нежность».

1979

Илья Иослович

* * *

В деревне Малые Мазаи,
Моргая краснотою век,
Со мной беседовал прозаик,
На диво глупый человек.

Он проповедовал мне вещи,
Которые я должен знать,
Чтоб жизнь свою прожить без трещин,
Печататься и процветать.

В деревне Малые Вяземы,
Собою затмевая свет,
В меня вцепился незнакомый
И незначительный поэт.

Ребята шлепали по листьям,
Ребята зарывались в мох,
А я сидел и слушал мысли,
Лукавые, как господь бог.

Слова и запятые путая,
Захлебываясь от стихов,
Я что-то сам внушал кому-то
Возле Ничейных Бережков.

Усердно растопырив уши
С прожилками, как у котят,
Голубоглазые Павлуши
В меня молитвенно глядят.

Он был нам на погибель выдуман,
Великий треск больших идей.
Живут на свете индивидуумы,
Смущают молодых людей.

1958

* * *

Господь нас встретит у ворот
И скажет: Ай-люли!
И до чего паскудный сброд
Прижился на земли.

1959

* * *

Был слышен скрип тугой резьбы,
Вращалось колесо судьбы,
Блестело тускло масло,
А то, что сверху пронеслось,
Вдруг озарило и зажглось,
Блеснуло и погасло.

Еще стоял на речке лед,
Еще горели свечки,
Когда нас вывели вперед
Смешные человечки.

– Пора, Аврелий, мой дружок,
Доесть с повидлом пирожок
И оказаться к месту,
Не говорить ни да, ни нет,
Садиться в черный драндулет,
И далее по тексту.

– Пора, мой добрый друг Данзас,
Прошла пора иных проказ,
И странно быть под богом,
Смотреть вперед и на предмет,
Поднять тяжелый пистолет,
И думать о немногом.

Не нас минует эта щель,
Но положение вещей,
И небеса как твердь,
Смотри сюда, мой друг Дантон,
Нас жизнь теснит со всех сторон,
А впрочем, это смерть.

1987

* * *

Уже никогда мы не будем вместе
На кухне, которой нет,
И не будем читать стихи в подъезде
И в коридоре, где туалет,
А прелестные девушки Света и Лёля
Взвизгивают, а мужчины пьют
Или курят, стоя на длинном балконе,
А внизу производят салют,
И если написаны письма протеста,
То на это есть КГБ,
А люди сделаны из разного теста,
Но противостоят судьбе,
И все сидят на полке у сытого людоеда,
От сторожа до члена политбюро.
И черепаха не может догнать Архимеда,
Но можно ездить в метро.

1994

* * *

Зима, кончается бассейн,
Осталось чуть от жизни всей,
Которой век короткий,
И видно дно коробки.

Проходит жизнь, как божий дар,
Спит на скамейке санитар,
Блестит во мраке фикса,
Мерцают воды Стикса.

2000

Владимир Капелько

* * *

Художнику Борису Молчанову

Оленя мне жалко немножко.
Олень мой устал немножко.
Загнал я оленя немножко.

Уткнулся он в землю рогом.

Достану я тонкий ножик.
Острый, как хиус, ножик.
Белый, как молния, ножик.

Сделаю жертву Богу:

Чтоб удачной была охота.
Чтобы легкой была охота.
Песца мне добыть охота.

Добуду, жене отдам.

1964

* * *

Дремучие длинные дыни
Кожей сизые будто в дыме
На рассвете сивом –
Красиво!

1965 (?)

* * *

На Бийском базаре
Граблями торговали
Корзинами талиновыми
Перьями куриными
Щетками ковыльными
Половиками непыльными

Вениками березовыми
Щуками морожеными
Чешуей толченой
Брусникой моченой
Красными клюквами
Желтыми брюквами
Пилами и сверлами
Табакотом и свеклами
Серой листвяжной
Печенкой говяжьей
Свиньями гладкими
Живыми куропатками
Солеными гвоздями
Копчеными груздями
Груды арбузов
Как бабьи пузы
Орех кедровый кулями
Калеными янтарями
А в сторонке бабка,
Где не так толпливо,
Торгует травкой бабка
С глазами счастливыми

Вадим Козовой

Песня

Посвящается А.М. Ремизову

Калина красная
палена белая
уй дуны прасныя
нонесгорелыя

а-дарит прянь-ником
легнет па-кос тычкам
раздам я странь-никам
мне выши-б рос-тачком

катил ась-покатью
свернул ав-душечку
заплачь ю-с ко-патьяю
да-на палу-шечку

велели пьянь рубить
агни-паклонники
ка-птица нань-небе
ак птит-ся в сонь-нике

кры-лом-па сер-д-чива
лю-бива-с про-ль-летом
я-т дела нечь-его
ть-нинам с-а-коликам

ах-нипа-бе-и-регу
з-гары-ва сне-жжище
к тебе на-веерь бегу
ну-режь-ы-забрежж-еще

бегу даст-думаю
искать устал а-я
куда ищу-моя
да запропалая

калина беелыя
палена краасныя
ду-ша-днис-мел-лая
тва-яж-ни-щас-на-я

Домашнее

дом как дом а нет угла
чтоб не дрогнул ментик
тащат черти спрохвала
под гроб постаментик

ладят крышечку вояк-
ам с крашеной шашкой
тук-и-тук и таки-так
глохнет под фуражкой

чье подкосится былье
а чье и вспылится
тачаночке воронье
воздаст сторицей

по углам хрупочет яд-
ренная скотинка
тише мыши напрокат
сусанинский глинка

холодняк на плацу
да дрязг патефона
растянулся цугом в цуг
дубок ох клейменный

было дело с ветерком
щи хлебал с травкой
чей там кум чей нарком
не хочешь а чавкай

молит квелый гнедых
а молить-то поздно
из угла кадилом вспых-
нул батюшка грозный

черен горский коготок
знай бирочки вяжет
валит пух из берлог
из вражьих лебяжий

от москвы повзвыла до
самых тварь окраин
на цепях ходит дом
ходуном задраен

гнет дракон в драндулет
не горшки штанги

сошел в три дуги на нет
егорка архангел

под набат не бабах-
нет пугач из пушки
попримерзли в ковьях
ушки на макушке

кони стынут на скаку
храпит змий на месте
возничего мала ку-
ча славит без лести

разогнал вурдалак
промеж звезд полозья
нижет по белу так-так
бедаляжи гроздя

в бушлат под рогожу ли
коченей полундра
мир дому где пожили
стелись пухом тундра

тундра слаще нету сна
кому ж встрепенуться
славься смерть уродина
мир без контрибуций

беспросветным занавес
безлюбым пощаду
да неймется ей землис-
той нет с куклой сладу

подымите веки мне
жив звон из могилы
кишат вижу беса нет
без трупного пылу

не хочу туда глядеть
а вокруг эх скука
растреклятая камедь-
комедия с мукой

нет угла для кола
чтобы вбить в паучью –
в чем их наземь прогнала
мать родная – кучу

Александр Кондратов

* * *

...А жить-то надо! Надо жить.
Жевать, желать, тужить, служить,
ходить в кино, носить пальто,
о чем-то говорить: «не то»,
о ком-то помнить, кем-то быть...
Ведь жить-то надо! Надо – жить.

* * *

Говорят, мы с пользой
говорят, мы с пользой
говорят, мы ползали
с пользой впотьмах.

* * *

Задавили на улице гадину
а она ведь любила родину
и луну, и жену, и пиво
и на книжку деньги копила...
Задавили на улице гадину
превратили ее – в говядину.

Надпись на стене казармы

Кругом – устав.
Сижу в казарме я.
Служу, сустав
Родимой армии!

Поединок роковой

На поединок роковой
Семёнов вызвал Иванову:
Он по субботам выходной,
Она работала в столовой.
Тот поединок круглый год
Продлился каждую субботу.

Но вот, переменяв завод,
Семёнов поменял работу.
И начал поединок новый –
Не с Ивановой, а с Блиновой.

Дискобол

Елисеев с хохолком на голове
Был отличный симпатичный человек.
Каждый вечер приходил на стадион.
Каждый вечер над собой работал он,
Превращая свои мускулы в металл,
Елисеев диски круглые метал.
На шестой спартакиаде принял старт
И опять улучшил прежний результат.
На седьмой спартакиаде принял старт
И улучшил снова – новый результат!

Путь

«Сегодня 3, а завтра – 5,
а послезавтра сделай 8 –
вот так спорт надо понимать!» –
учил меня наставник Сосин.
«Сегодня 8, завтра ж ты
достигнешь 9 или 10 –
учти, спортивные мечты
без пота ничего не весят!»
...Я это понял – и сейчас
я делаю 16 раз!

Каток

Николаев Николаеву любил.
Он ее на состязаньях полюбил:
На катке при разноцветных огоньках
Николаева каталась на коньках.
Николаев пригласил ее в кино,
А потом повел в кафе Буратино.
Поженились осенним сентябрем
Николаев с Николаевой вдвоем.

Чужак

Муравьёв писал: «КАЗАК».
И назад читал: «КАЗАК».
Написал потом: «КАБАК».
Прочитал назад: «КАБАК».
...С бородою точно веник
Муравьёв был ши-зо-фре-ник!

Быт

Супруге крикнув: «Цыц ты, сука!» –
Семёнов принял позу лука.
Так он добился от жены
Для йоги полной тишины.

Полумолитва

Том жития прочтен:
каков его итог?
Нырнем мы в Ничто
или берет нас Бог?

Жизнь – путь – еще побудь!
Умрем – а после что?
...Нам ведом только путь
из Никуда в Ничто.

Творя или юля,
нырнем в Ничто, собрат?
...Иль, может быть, Земля
иной планеты ад?

Де профундис (хокку)

Глубже и глубже
яма моя... Вижу днем
звездное небо.

На негодяев

Ножик наточен?
Надо направить на них,
на негодяев.

Арон Крупп

Сигарета

Если женщины и нету,
Я грустить недолго буду,
Закурю я сигарету
И о женщине забуду.

Сигарета, сигарета,
Ты ведь мне не изменяешь,
Я люблю тебя за это,
Да и ты об этом знаешь.
Сигарета, сигарета,
Ты ведь мне не изменяешь,
Я люблю тебя за это,
Сигарета, сигарета.

И зимой, и жарким летом
Я люблю дымок твой тонкий.
Я привержен к сигаретам
Даже больше, чем к девчонкам.

Припев

Ну, а если вдруг случайно
Снова женщина вернется,
Мы закурим с нею «Чайку»,
Голубой дымок взовьется.

Сигарета, сигарета,
Ты ведь мне не изменяешь,
Я люблю тебя за это,
Да и ты об этом знаешь.
Сигарета, сигарета,
Ты ведь мне не изменяешь,
Я люблю тебя за это,
Сигарета, сигарета.

1959

Лев Лосев

Слон

В зоопарке помирает слон.
Он отходит, как корабль на слом.
Ему хоботом уже не шевелить,
ему топотом детей не веселить.

В зоопарке помирает слон.
А директор зоопарка огорчен:
«Где отыщется зверь другой,
чтобы был и умный и большой,
чтоб умел и шевелить и веселить.
Да и кем теперь клетку заселить –
попугаев и мартышек до хрена,
но какой же зоопарк без слона!»

Кантата «Vagina Dentata»

(два хора)

1. Ночью воздух сырой и плотный
напирает на дверь и окно.
2. Не ходи туда. Там темно.
Там живет пиздодуй болотный.
- 1–2. Скоро гости придут за нами,
отведут на советский плац.
Скрип флагштока и клац, клац, клац –
в самом центре пизда с зубами.
1. И товарищ палач Бородулин,
в сером мантиле, с фонарем,
нам навесит таких пиздюлин,
что мы сразу умрем.
2. Глянь: душа твоя, сучка-капризник,
запорхала по темным местам,
как по порховским темным кустам
предвечерняя птичка пиздрик.

В полосе отчуждения

Вот
он
мир
Твой
тварный –
холод, слякоть, пар.
ЛЕНИНГРАД ТОВАРНЫЙ.
Нищенский товар.
Железного каната ржавые ростки.
Ведущие куда-то скользкие мостки.
Мясокомбината голодные свистки.

Пушкинские места

День, вечер, одеванье, раздеванье –
всё на виду.
Где назначались тайные свиданья –
в лесу? в саду?
Под кустиком в виду мышинной норки?
à la gitane?
В коляске, натянув на окна шторы?
но как же там?
Как многолюден этот край пустынный!
Укрылся – глядь,
в саду мужик гуляет с хворостиной,
на речке бабы заняты холстиной,
голубка дряхлая с утра торчит в гостинной,
не дремлет, блядь.
О где найти пределы потаенны
на день? на ночь?
Где шпильки вынуть? скинуть панталоны?
где – юбку прочь?
Где не спугнет размеренного счастья
внезапный стук
и хамская ухмылка соучастья
на рожах слуг?
Деревня, говоришь, уединенье?
Нет, брат, шалишь.
Не оттого ли чудное мгновенье
мгновенье лишь?

* * *

С. К.

И наконец остановка «Кладбище».
Нищий, надувшийся, словно клопище,
в куртке-москвичке сидит у ворот.
Денег даю ему – он не берет.

Как же, твержу, мне поставлен в аллейке
памятник в виде стола и скамейки,
с кружкой, поллитрой, вкрутую яйцом,
следом за дедом моим и отцом.

Слушай, мы оба с тобой обнищали,
оба вернуться сюда обещали,
ты уж по списку проверь, я же ваш,
ты уж пожалуйста, ты уж уважь.

Нет, говорит, тебе места в аллейке,
нету оградки, бетонной бадейки,
фото в овале, сирени куста,
столбика нету и нету креста.

Словно я Мистер какой-нибудь Твистер,
не подпускает на пушечный выстрел,
под козырек, издеваясь, берет,
что ни даю – ничего не берет.

Сон

горе подателю сего
он потерял свой паспорт
а гр
растопчина пригласила нас на топталище
будет адмирал шишков
писатели пушков и пешкин
лифшиц тоже обещал заглянуть
а без паспорта не пустят
паралич слов
ильич красок
а в семь часов америка закрывается
и уже поздно

Песня

В лес пойду дрова рубить,
развлекусь немного.
Если некого любить,
люди любят Бога.

Ах, какая канитель –
любится, не любитя.
Снег скрипит. Сверкает ель.
Что-то мне не рубится.

Это дерево губить
что-то неохота,
ветром по небу трубить –
вот по мне работа.

Он гудит себе гудит,
веточки качает.
На пенечке кто сидит?
Я сидит, скучает.

Нет

Вы русский? Нет, я вирус СПИДа,
как чашка жизнь моя разбита,
я пьянь на выходных ролях,
я просто вырос в тех краях.

Вы Лосев? Нет, скорее Лифшиц,
мудак, влюблявшийся в отличниц,
в очаровательных зануд
с чернильным пятнышком вот тут.

Вы человек? Нет, я осколок,
голландской печки черепок –
запруда, мельница, проселок...
а что там дальше, знает Бог.

* * *

«Земля же
была безвидна и пуста»*.
В вышеописанном пейзаже
родные узнаю места.

* Бытие 1:2

Подражание

Как ты там смертника ни прихорашивай,
осенью он одинок.
Бьется на ленте солдатской оранжевой
жалкий его орден.
За гимнастерку ее беззащитную
жалко осину в лесу.
Что-то чужую я струнку пощипываю,
что-то чужое несу.
Ах, подражание! Вы не припомните,
это откуда, с кого?
А отражение дерева в омуте –
тоже, считай, воровство?
А отражение есть подражание,
в мрак погруженье ветвей.
Так подражает осине дрожание
красной аорты моей.

* * *

Воскресенье. Тепло. Кисея занавески полна
восклицаньями грузчика, кои благопристойны и кратки,
мягким стуком хлебных лотков, т.е. тем, что и есть тишина.
Спит жена. Ей деревья снятся и грядки.

Бесконечно начало вовлечения в эту игру
листьев, запаха хлеба, занавески кисейной,
солнца, синего утра, когда я умру,
воскресенья.

С грехом пополам

(15 июня 1925 года)

...и мимо базара, где вниз головой
из рук у татар
выскальзывал бьющийся, мокрый, живой,
блестящий товар.

Тяжелая рыба лежала, дыша,
и грек, сухожил,
мгновенным, блестящим движеньем ножа
ее потрошил.

И день разгорался с грехом пополам,
и стал он палящ.

Курортная шатия белых панам
тащи́лась на пляж.

И первый уже пузырился и зрел
в жиру чебурек,
и первый уже с вождельем смотрел
на жир человек.

Потом она долго сидела одна
в приемной врача.
И кожа дивана была холодна,
ее – горяча,

клеенка – блестяща, боль – тонко-остра,
мгновенен – туман.
Был врач из евреев, из русских сестра.
Толпа из армян,

из турок, фотографов, нэпманш-мамаш,
папашек, шпаны.
Загар бронзовел из рубашек-апаш,
белели штаны.

Толкали, глазели, хватали рукой,
орали: «Постой!
Эй, девушка, слушай, красивый такой,
такой молодой!»

Толчками из памяти нехотя, но
день вышел, тяжел,
и в Черное море на черное дно
без всплеска ушел.

Как вата склубилась вечерняя мгла
и сдвинулась с гор,
но тонко закатная кровь протекла
струей на Босфор,

на хищную Яффу, на дымный Пирей,
на злачный Марсель.
Блестящих созвездий и мокрых морей
неслась карусель.

На гнудом дельфине – с волны на волну –
сквозь мрак и луну,
невидимый мальчик дул в раковину,
дул в раковину.

Ефим Мандель

* * *

один пижон
имел ПИ жен

* * *

сентябрь
последняя пора маслят
в лесу гуляет бабье лето
и снова гложет жуткая мысль
что стану в будущем скелетом
работ осенних яростный аврал
увидел в муравьиной куче
о вечности им кто-нибудь наврал
а это может быть и лучше

* * *

два старика весну встречали
на солнце грелись и молчали
взгляд одного живой и быстрый
в его зрачках плясали искры
другой застыл в какой-то точке
не видя набухавшей почки
один сказал грустишь сынок
а вспомни в юности всё мог
тебя обуревали страсти
и накануне было счастье
потом чего-то надломилось
и сдался ты судьбе на милость
но сын отцу в ответ ни звука
и по лицу блуждала мука

* * *

камбала оригинальна
рыбам всем ортогональна
нужно чтоб всегда была
в нашем мире камбала

* * *

для бумажек дураков
был придуман дырокол

* * *

идет
священная война
в чем
пятiletнего вина
что на меня
полны злобы
пикируют то фрицы
то клопы
и очень
хочется поестъ
в кармане крошки
не наскрестъ
прохладно
донимают вши
обсикались
и плачут малыши
храпит барак
на грани краха
народ уставший
спит без страха

* * *

пошлю всё к черту
надену шорты
и от подагры
уеду в Гагры

* * *

в Болдино цветут пруды
а вишен черные ряды
зимой погибшие скорбят
полно старух и нет ребят
здесь Пушкин с музою бродил
любил крестьянку и творил
хоть гиды много говорят
но не понять как гении творят

* * *

как ложится с ней в кровать
начинает ворковать

* * *

ну нет леченья
от невлеченья

* * *

расщепля атом
не вреди пернатым

* * *

в кафе сидела девушка
чем хочешь хороша
заманчиво над мочкой
отверстие замочка
открыть
и под косметикой
предстанет кибернетика
чем управляется душа

* * *

в кузнечихинской пивнушке
отучили пить из кружки
одному в могучей кучке
кружка есть
хотя без ручки
с банок пиво
как мочу
солидарно пью
молчу
мне конечно
подфартило
что сейчас
мочи хватило
злобно
материт народ
главарей
ебать их в рот

Арво Метс

* * *

Памяти Эрны
(отрывок)

Трудиться.
Порой улыбаться.
Выйти замуж и рожать детей.
Посылать их, как письма, в будущее.
И превратиться снова в землю.
В жизни таится некий упорный смысл,
который и я ищу.

* * *

Моторы,
собранные нами,
были все
на одно лицо.

Не отличить
работу уголовника
от работы
поэта.

* * *

Бездомная собака
принаравливается к ходьбе.
Делает вид,
будто идет
на невидимом поводке.

Человек отворачивается.
И она постепенно
отстает.

* * *

Далеко,
как в опрокинутом бинокле,
живет моя мама
в деревянном доме.
Возвращается вечером
в холодную комнату,
привычно пошарив рукой
в пустом почтовом ящике.

* * *

Вешая пеленки
на балконе,
вдруг останавливаешься,
ошеломленный мирозданием.

У кончиков пальцев
мерцает звезда.

* * *

Внимательно смотреть
и улыбнуться –
тогда земляника покажется.

* * *

Время и пространство
искривлены
в нашей коммунальной квартире.

Это замечаешь сразу,
как только выходишь
на солнечный свет.

Юнна Мориц

Резиновый ежик

По роще калиновой,
По роще осиновой
На именины к щенку
В шляпе малиновой
Шел ежик резиновый
С дырочкой в правом боку.

Были у ежика
Зонтик от дождика,
Шляпа и пара галош.
Божьей коровке,
Цветочной головке
Ласково кланялся еж.

Здравствуйте, елки!
На что вам иголки?
Разве мы – волки вокруг?
Как вам не стыдно!
Это обидно,
Когда оцетинился друг.

Милая птица,
Извольте спуститься –
Вы потеряли перо.
На красной аллее,
Где клены алеют,
Ждет вас находка в бюро.

Небо лучистое,
Облако чистое.
На именины к щенку
Ежик резиновый
Шел и насвистывал
Дырочкой в правом боку!

Много дорожек
Прошел этот ежик.
А что подарил он дружку?
Об этом он Ване
Насвистывал в ванне
Дырочкой в правом боку!

* * *

В серебряном столбе
Рождественского снега
Отправимся к себе
На поиски ночлега,

Носком одной ноги
Толкнем другую в пятку
И снимем сапоги,
Не повредив заплатку.

В кофейниках шурша,
Гадательный напиток
Напомнит, что душа –
Не мера, а избыток,

И что талант – не смесь
Всего, что любят люди,
А худшее, что есть,
И лучшее, что будет.

1970

* * *

Сыну

Положи этот камень на место,
В золотистую воду,
В ил, дремучий и вязкий, как тесто, –
Отпусти на свободу!

Отпусти этот камень на волю,
Пусть живет как захочет,
Пусть плывет он по синему морю,
Ночью в бурю грохочет.

Если выбросит вал шестикратный
Этот камень на сушу, –
Положи этот камень обратно
И спаси его душу,

Положи за волнистым порогом
Среди рыб с плавниками.
Будешь богом, светящимся богом,
Хоть для этого камня.

Большой секрет для маленькой компании

Под грустное мычание,
Под бодрое рычание,
Под дружеское ржание
Рождается на свет
Большой секрет
Для маленькой,
Для маленькой такой компании,
Для скромной такой компании
Огромный такой
Секрет:
– Ах, было б только с кем...
Ах, было б только с кем...
Ах, было б только с кем
Поговорить!

После войны

В развалинах мерцает огонек,
Там кто-то жив, зажав огонь зубами.
И нет войны, и мы идем из бани,
И мир пригож, и путь мой так далек!..
И пахнет от меня за три версты
Живым куском хозяйственного мыла,
И чистая над нами реет сила –
Фланель чиста и волосы чисты!
И я одета в чистый балахон,
И рядом с чистой матерью ступаю,
И на ходу почти что засыпаю,
И звон трамвая серебрит мой сон.
И серебрится банный узелок
С тряпьем. И серебрится мирозданье.
И нет войны, и мы идем из бани,
Мне восемь лет, и путь мой так далек!..
И мы в трамвай не сядем ни за что –
Ведь после бани мы опять не вшивы!
И мир пригож, и все на свете живы,
И проживут теперь уж лет по сто!
И мир пригож, и путь мой так далек,
И бедным быть для жизни не опасно,
И, господа, как страшно и прекрасно
В развалинах мерцает огонек.

1980

* * *

Одна звезда – фонариком зеленым.
И море обдает холодным звоном
ступни, колени, плечи... Поплыла!
И мой так легок стебель, так светла
моя свобода – пахнет небосклоном, –
как в детстве, у Днепра, где я жила.

Душе возвращено предназначенье –
волны качанье, пенье и свеченье,
и благодати праведная мгла...
Нет цели у природы, есть течение, –
цель придала бы ей ожесточенье,
с которым хорошо идут дела.

1987

* * *

Весело было нам на моих поминках, –
пан студент напевал, молодой настолько,
что мы ходили с ним гулять
к розовым фламинго,
а Дудинцев подточил базис и надстройку!..

На поминках моих было нам весело, –
пан студент напевал...
А и то – благо,
что хрустело – хруп! хруп! – оттепели месиво
и еще не – хряп! хряп! – доктора Живаго.

Было нам весело на поминках моих, –
пан студент напевал, кавалер с форсом!
Был он парень – не мой,
был он многий жених,
но как вспомню про все – шевелю ворсом.

1988

* * *

Журавли собирают пожитки.
Небо в трещинах, как потолок.
Три-четыре хороших снежинки –
И пиши по теплу некролог.
Я и сам, как природа, невесел,
Проморгал свое счастье, гляжу,
И, как будто просроченный вексель,
Желтый лист облетевший держу.
Вы не знаете, что это значит,
Когда воет, как баба, пила
И на маленькой брошенной даче
Мыши нюхают ножки стола.

* * *

От кирпичного завода
На кожевенный завод
Заунывная подвода
По лесам меня везет.
Вот и первые снежинки
Начинают угрожать:
Не сумели паутинки
Дней погожих удержать.
То исклеванный шиповник,
То нахоленный стожок.
И вздыхаешь, как виновник,
Будто мог, да не помог.
Будто эта холодина,
Эта дрожь листвы рябой,
Эта грустная картина
Нарисована тобой.

1974

* * *

Поздняя осень. Дожливо. Темно.
Только волшебный горшочек герани
Радует нас сквозь чужое окно,
Все остальное – терзает и ранит.
Солнце все дальше от знака Весов.
Вялые волны струятся всё тише.
Вниз головой, как летучие мыши,
Спят отражения черных лесов.

* * *

Любимая, стой, не клянись, все равно
Кого-то из нас утомит постоянство.
Но я тебя брошу, как птицу в пространство,
А ты меня бросишь, как камень на дно.

1979

* * *

Темные, как по ночам, облака.
Желтые травы.
Пишешь, читаешь, а душу тоска
Так и буравит.
Трудно вокруг утешенье найти, –
Холодно, сыро...
Вот бы мне женщину лет тридцати,
Вот бы мне сына.

1980

* * *

Невеселое вино,
Дров осиновых шипенье.
Раз нам счастья не дано –
Дай нам, Господи, терпенья.

1987

* * *

Дерево возле пивного ларька,
Ты мне любимой моей показалось.
Я любовался тобою, пока
Пивом канистра моя наполнялась.

Той же прически осенняя медь,
Те же движенья и та же осанка.
Множество милых совпавших примет.
Даже недавно зажившая ранка.

Дерево возле пивного ларька,
Я не решился к тебе прикоснуться

Слабой, дрожащей рукой старика.
Только глядел и боялся очнуться.

1992

* * *

Мы с тобой – огонь и лед.
Лед в огне растает.
Но вода огонь зальет –
Вот что с нами станет.

1992

* * *

Если бы читатели сказали:
– Музу нам свою изобрази, –
Я бы вспомнил девку на вокзале,
Спящую, ботиночки в грязи.

1997

* * *

Друг работал в кочегарке,
Копоть черную глотал,
По ночам стихи Петрарки
Псу бездомному читал.
Друг работал в кочегарке
И, конечно, поддавал,
Сразу после первой чарки
Он вторую наливал.
Друг работал в кочегарке.
В ней и жил, и умер в ней.
Для таких, как мы, у Парки
Нету ниток подлинней.

* * *

Что смерти и сильнее и страшней? –
Лишь наше представление о ней.

1999

Игорь Старинин

* * *

...нашла коса на камень

Камень подвернулся под косу.
Легкая, легко его задела.
Просто мимоходом, навесу –
Только вспыхнуть искорка успела.

Взмах один, а сердце – на куски.
Поражен, пронзен ее сверканьем,
Только вслед успел ей вскрикнуть камень:
– Будь моей, возьми меня в бруски!
Я твое лелеять буду жало!
Подожди!... Но поздно... Убежала.

...Камень, что ж, хорош ты или плох,
Опускайся, погружайся в мох. –
Не придет коса, не надо ждать,
Не с тобой ей искорки рождать.

1969

* * *

Оглянусь на юность –
И отплюнусь.
Посмотрю на зрелость –
Ох, приелось!
Что ж осталось? –
Неужели старость!..
– И куда бы деться...
– Кабы в детство...

Эдуард Успенский

Пластилиновая ворона

Одну простую сказку,
А может, и не сказку,
А может, не простую
Хотим вам рассказать.
Ее мы помним с детства,
А может, и не с детства,
А может, и не помним,
Но будем вспоминать.

Нам помнится, вороне,
А может быть, собаке,
А может быть, корове
Однажды повезло:
Прислал ей кто-то сыра
Грамм, думается, двести,
А может быть, и триста,
А может, полкило.

На ель она взлетела,
А может, не взлетела,
А может быть, на пальму
С разбега взобралась.
И там она позавтракать,
А может, пообедать,
А может, и поужинать
Спокойно собралась.

Но тут лиса бежала,
А может, не бежала,
А может, это страус злой,
А может, и не злой.
А может, это дворник был...
Он шел по сельской местности
К ближайшему орешнику
За новой метлой.

– Послушайте, ворона,
А может быть, собака,
А может быть, корова,
Но тоже хороша!
У вас такие перья,
У вас рога такие!

Копыта очень стройные
И добрая душа.

А если вы споете,
А может быть, залаете,
А может, замычите –
Коровы ведь мычат, –
То вам седло большое,
Ковер и телевизор
В подарок сразу вручат,
А может быть, вручат.

И глупая ворона,
А может быть, собака,
А может... бегемот! –
Как что-то запоет.
И от такого пения,
А может, и не пения
Упал, конечно, в обморок
От смеха весь народ.

А сыр у той вороны,
А может быть, собаки,
А может, и коровы
Немедленно упал.
И прямо на лисицу,
А может, и на страуса,
А может, и на дворника
Немедленно попал.

Идею этой сказки,
А может, и не сказки
Поймет не только взрослый,
Но даже карапуз:
Не стойте и не прыгайте,
Не пойте, не пляшите
Там, где идет строительство
Или подвешен груз.

Владимир Уфлянд

* * *

Я искал в пиджаке монету
нищим дать, чтоб они не хромали.
Вечер, нежно-сиреневый цветом,
оказался в моем кармане.

Вынул. Нищие только пьются.
Но поодаль, у будки с пивом
застеснялись вдруг пыльные пьяницы,
стали чистить друг другу спины.

Рыжий даже хотел побриться,
только черный ему отсоветовал.

И остановилось поблизости
уходившее было лето.

Будто тот, кто все время бражничал,
вспомнил вдруг об отце и матери.

Было даже немного празднично,
если приглядеться внимательней.

1956

* * *

А чем ты думаешь заняться,
когда раздашь все деньги в долг?

Не вздумаешь ли перебраться
в один из южных городов,
где можно жить без денег долго,
карманы фруктами наполнив?

Я знаю: о возврате долга
ты постесняешься напомнить.

Ты предпочтешь один слоняться
по незнакомым городам.

А чем ты думаешь заняться,
когда настанут холода?

1956

* * *

Ореолом решимости окружена,
вдоль больничной ограды, где гуляют калеки,
в тот день от кого-то ушла жена
и пошла к другому – его коллеге.
По дороге купила и ела мороженое,
от улицы взгляда не отрывая.
Отвергнув место, учтиво предложенное,
ехала на площадке трамвая.
Случайно разговор о себе подслушала:
«Лет девятнадцать – больше не дашь».
Открыла сумочку и обнаружила,
что потеряла губной карандаш.

1957

* * *

Что делать, если ты художник слабый?
Учиться в Лондоне, Берлине или Риме?

Что делать, если не хватает славы?
Жениться на известной балерине?

Что делать, если хочешь быть примером?
Писать руководителей портреты?

Что делать, если нет своей манеры?
Писать в чужой?
Чужой присвоить метод?

Что делать, если до тебя сто раз
писали так же? И писали то же?

Что делать?
Стоит ли стараться?

Что делать, если ты плохой художник?

1957

* * *

Сиденье дома в дни торжеств
есть отвратительный
позорный жест,
отталкивающий от вас:
ведь даже старики стоят в воротах,
обозначающий отказ
от всякой принадлежности к Народу.

Уткнувшемуся головой в диван
поэтому необходимо вам:
химеру отогнать толпы орущей
и выбраться на тротуар,
а лучше
включиться в праздничный парад
и понести немного транспарант,
где перечислены ударные цеха.
Или портрет секретаря ЦК.
А после, взяв на плечи пионера,
кричать «ура», вдыхая воздух нервно.
И возвратясь домой,
еще с порога
сказать:
– Я навсегда с таким Народом!

Есть отвратительный, позорный жест –
сиденье дома в дни торжеств.

1957

Исповедальная поэзия зоны

В целом люди прекрасны.
Одеты по моде.
Основная их масса живет на свободе.
Поработают и отправляются к морю.

Только мы нарушаем гармонию.

Потому что содержимся в лагерях.
Одеянием напоминаем нерях.
Мысли спутаны. Воспоминания смутны.
Смотрим в небо, когда появляется Спутник.
Смотрим вдаль, если в поле коровы на выпасе.

Твердо знаем одно: что в итоге нас выпустят.

Ведь никто никогда не издаст запрещения
возвращаться на волю из мест заключения.

Лишь отпустят, мы сразу приступим к работе.
(Заключенные толк понимают в свободе.)

Лично я буду строить дороги железные.

Жизнь,
свободен когда,
можно сделать полезною.

1958

* * *

Крестьянин
крепок костями.

Он принципиален и прост.

Мне хочется стать Крестьянином,
вступив, если надо,
в колхоз.

Судьба у Крестьянина древняя:
жать,
в землю зерно бросать,
да изредка
время от времени
Россию ходить спасать
от немцев, варяг или греков.

Ему помогает Мороз.

Я тоже сделаюсь крепок,
принципиален
и прост.

1958

* * *

Вы – буржуа.
Мы – пролетарии.
Нас более всего в Италии.
Довольно много также в Лондоне.

Мы в высшей степени голодные,
так что от голода качаемся.
Но все-таки не огорчаемся.

Когда возьмем мы в руки власть,
тогда и наедемся всласть.

1958

* * *

Уже давным-давно замечено,
как некрасив в скафандре Водолаз.

Но несомненно
есть на свете Женщина,
что и такому б отдалась.

Быть может, выйдет из воды он прочь,
обвешанный концами водорослей,
и выпадет ему сегодня ночь,
наполненная массой удовольствий.
(Не в этот, так в другой такой же раз.)

Та Женщина отказывала многим.
Ей нужен непременно Водолаз.
Резиновый. Стальной. Свинцовоногий.

Вот ты,
хоть не резиновый,
но скользкий.
И отвратителен, особенно нагой.

Но Женщина ждет и Тебя.
Поскольку
Ей нужен именно Такой.

1958

* * *

Свет зажгли синевато-зеленый.
Взрыв какой-то раздался. И стон.

Это значило: иллюзионный
начинается аттракцион.

Разбегались с арены клоуны.
Исчезали униформисты.
Бормоча:
– Надо быть безголовым,
чтоб дождаться иллюзиониста.
Этот парень в цилиндре блестящем,
окруженный всегда ассистентками,
непрерменно посадит в ящик,
в тесный ящик с фанерными стенками.
Чтобы втиснулся, сложит втрое.
Потеряешь сознание от ужаса.
Будь уверен: ящик откроют,
но тебя в нем не обнаружится.
Или выйдешь (лицо – землистое),
сверхъестественно жаждая пива.

Таковы иллюзионисты.
В том числе знаменитый Кио.

1959

Рассказ женщины

Помню,
в бытность мою девицею
мной увлекся начальник милиции.
Смел. На каждом боку по нагану.
Но меня увлекли хулиганы.

А потом полюбил прокурор.
Приглашал с собой на курорт.
Я была до тех пор домработницей.
Обещал, что сделает модницей.
Подарил уже туфли черные.
Но меня увлекли заключенные.

А потом я жила в провинции,
населенной сплошь украинцами.
И меня, увидав возле дома,
полюбил секретарь райкома.
Подарил уже туфли спортивные.
Но меня увлекли беспартийные.

1959

* * *

Набрав воды для умывания
в колодце,
сгорбленном от ветхости,
Рабочий
обратил внимание
на странный цвет ее поверхности.

– Вот дьявол!

Отработал смену,
устал,
мечтаешь: скоро отдых!

А здесь

Луна,
свалившись с неба,
опять попала в нашу воду.
Теперь попробуй ею вымыться,
чтоб растворился запах пота,
чтоб стал с известной долей вымысла
тот факт,
что смену отработал.

Свою жену он будит
Марью.
Хоть и ночное время суток.
Фильтрует воду через марлю.
Но ведь Луна – не слой мазута.
И от воды не отделима.

Рабочий воду выливает
в соседние кусты малины.
Кисет с махоркой вынимает.
И думает:
– Вот будет крику,
коль обнаружится внезапно,
что лунный у малины привкус,
что лунный у малины запах!

1959

Евгений Феокистов

* * *

Оставив за спиной прощальный крик,
Я шел сквозь тьму по дремлющей природе.
Мои ботинки издавали скрип,
Как дергачи, кричащие в болоте.

У них болтались длинные шнурки,
Свистя и задевая за травинки,
А из травы сияли светляки,
Как фонари, мерцая вдоль тропинки.

Была округа тайнами полна:
Тела зверей мелькали за кустами.
Цикадой сна звенела тишина.
Она прильнула к полночи устами.

Смешалось все: тревога и покой,
И на сомненья не было ответа.
Я шел, махнув на прошлое рукой,
Еще не видя будущего света.

Шел наугад, как издавна привык,
Не отличая выхода от входа.
Вокруг, не замирая ни на миг,
Дышала и ворочалась природа.

Летели надо мною два огня –
Зеленый с красным, радужно и дружно,
И о природе будущего дня
Пророчили, спокойные наружно.

От туч освободившийся простор
Уже светлел и плавился по краю,
Там, где пылал невидимый костер.
А кто его хозяин, я не знаю.

Зачем гадать? Ботинками скрипя,
Я шел сквозь тьму на родину рассвета,
Вел на свиданье с будущим себя,
Прощальный крик оставив без ответа.

Сергей Чудаков

* * *

Пушкина играли на рояле
Пушкина убили на дуэли
Попросив тарелочку морошки
Он скончался возле книжной полки

В ледяной земле из мерзлых комьев
Похоронен Пушкин незабвенный
Нас ведь тоже с пулями знакомят
Вешаемся мы вскрываем вены

Попадаем часто под машины
С лестниц нас швыряют в пьяном виде
Мы живем – возней своей мышиною
Небольшого Пушкина обидя

Небольшой чугунный знаменитый
В одиноком от мороза сквере
Он стоит (дублер и заменитель)
Горько сожалая о потере

Юности и званья камер-юнкер
Славы песни девок в Кишиневе
Гончаровой в белой нижней юбке
Смерти с настоящей тишиною

1958

* * *

В министерстве осенних финансов
Черный лебедь кричит на пруду
О судьбе молодых иностранцев
Местом службы избравших Москву

Вся Москва непотребная баба
Прожигает свои вечера
На столах серпуховского бара
Отдается ее ветчина

Франц Лефорт был любитель стриптиза
«Фсье дьела» он забросил в сортир
И его содержанка актриса
Раздевалась под грохот мортир

Табакерка не выдаст секрета
Охраняет актрису эмаль
Музыкальная тема портрета
До сих пор излучает печаль

В ассамблею на верфь и на плаху
Не пошлет маркитантки рука
Отчего же я морщусь и плачу
Не вдохнув твоего табака

Фотографии девушек взрослых
В письмах к воинам на паспорта
Черный лебедь базарная пошлость
Неземная твоя красота

1962

* * *

Ипполит, в твоём имени камень и конь
Ты возжег в чреве Федры как жженку огонь
И разбился как пьяный свалившийся в лифт
Персонаж неолита жокей Ипполит

Колесницы пошли на последний заезд
Зевс не выдаст товарищ Буденный не съест
Только женщина сжала программку в руке
Чуть качнула ногою в прозрачном чулке

Ипполит мы идем на последний виток
Лязг тюремных дверей и мерцанье винтовок
Автогонщик срывается кончен вираж
Все дальнейшее недостоверность мираж

Я люблю тебя мальчик сказала она
Вожделением к мертвому я сожжена
Мне осталось напиться в ресторане «Бега»
Мне осталась Россия печаль и снега

* * *

С милицейских мотоциклов
Документы проверяют
По наклонной по наклонной
По наклонной я качусь
Я законный я исконный
Ультралюмпенпролетарий
Кроме секса кроме страха
Я лишен гражданских чувств

* * *

Ничего не выходит наружу
Твои помыслы детски чисты –
Изменяешь любимому мужу
С нелюбимым любовником ты

Ведь не зря говорила подруга
Что находишь ты в этом шуте
Вообще он не нашего круга
Неопрятен, живет в нищете

Я свою холостую берлогу
Украшаю с большой простотой
На стене твою стройную ногу
Обвожу карандашной чертой

И почти не добившись успеха
Выпью чаю и ванну приму
В телевизор старается Пьеха
Адресуется мне одному

Надо, надо еще продержаться
Эту пару недель до зимы
Не заплакать и не рассмеяться
Чтобы в клинику не увезли

1962

Сон в стиле Блейка

И еще дала погода
отвратительный прогноз
будет дождь четыре года
и двенадцать лет мороз

И такое время будет
что врагу не пожелать
сено бешеное будет
скот и травы пожирать

Отчего пальба и флаги
и внезапно бьют под дых
это все антропофаги
в странном качестве святых

И с разгоном как на треке
чтобы скорость не унять
все отравленные реки
потекут отравой вспять

Навсегда тупое быдло
победит подобных мне
я проснулся это было
в безобразном русском сне

1967

* * *

Этот бред называемый миром
Рукотворный делирий и сон
Энтомологом Вилли Шекспиром
На аршин от земли вознесен

Я люблю театральную складку
Ваших масок хитиновых лиц
Потирание лапки о лапку
Суету перед кладкой яиц

Шелестящий неслышимым хором
В центре ночи средь белого дня
Волоки по своим корридорам
Лабиринт муравьиный меня

Сложим атомы в микрокристаллы
Передвинем комочки земли
Ты в меня посылаешь сигналы
На усах Сальвадора Дали

Браконьер и бродяга не мешкай
Сделай праздник для пленной души
Раскаленной лесной головешкой
Сумасшедшую кучу вспаши

* * *

Поднимаешь бокал и еще пошалишь
Пусть другого за стенкой приканчивают
Я теперь понимаю что чувствует мышь
Когда воздух из банки выкачивают

Я узнал: человеку отпущен лимит
Интеллекта, свободы прелестной
И ура наконец сумасшедший летит
Из окна психлечебницы местной

Образованы мы обеспечены мы
И без брода не кинемся в воду
Помогите укрыть беглеца из тюрьмы
Помогите борцам за свободу

Мой герой отвечает: какая борьба
Кто виновен и чья здесь заслуга
Раб за горло хватает другого раба
Два дракона сжирают друг друга

Посмотри в микроскоп: эти люди умрут
Сгинут их монументики храмики
Прекращают ослы принудительный труд
Мордобой прекращают охранники

Будет меньше фанатиков больше врачей
Сумасшедший получит уколы
Станет модной моделью в стране палачей
Современный ученый беспольный

Можно вирши твои будет тиснуть в печать
И публично читать завывая
Так чего же тебе извращенно кричать
И бросаться под ноги трамвая

Мало воздуха в банке: включили насос
На зверьке поднимается шкура
Лаборантка в блокнот записала вопрос
Молодая здоровая дура

* * *

Все четвертьтона и полумеры
Холостые залпы в пустоту
Пушкин умирает от холеры
Не доехав Болдина версту

Конского навоза листьев дряни
Слиплось на подметках и ступнях
Осенью еще готовят сани
И стоят одной ногой в санях

Ноги по задрипанной одежке
Вытянул и выгнулся хребтом
Хрипло просит «дайте мне морошки»
Это он успел сказать потом

В измерении божеского срока
На расхристе дьявольских стихий
Догорят в библиотеке Блока
Пушкина бессильные стихи

Синь когда-то отшумевших сосен
Пустота сводящая с ума
Что такое Болдинская осень
Я не знаю в Болдине зима

* * *

Нет, нас воткнули неспроста
не вследствие ошибок в плане
на неудобные места
в постыдном этом балагане

где провоцируя успех
нахально сочетает автор
фальшивку театральных схем
с анатомическим театром

Суфлер бумажную стопу
кривыми пальцами листает
герой безмозглую толпу
духовной родиной считает

и обнажив свое нутро
для похотливого кретина
все так же предает Пьеро
маниакально Коломбина

Дурак в ладошки лупит, взыв,
букет швыряет благодарный
.....
теперь как занавес пожарный
опустят водородный взрыв

Лунная полька

Люди ездят на луну
Едят искусственную икру
Я подумал: Ну и ну!
Все равно ведь я умру.

То, что ты меня берешь
Розовым дрожащим ртом
Не закроет эту брешь
Ждущую меня потом

Это все прогресс и бред
Это есть и это нет
Шаг – прыжок тебя ко мне
На танцующей луне.

* * *

Жизнь щекочущая скука.
В Камасутре я прочел
расщепление бамбука
насаждение на кол

и других событий гамму
я припомнил как умел
поклонение лингаму
море страсти кучи тел.

Но для нас такой излишек
чересчур наверняка
двух стареющих мартышек
в клетке для молодняка.

Вот зачем в часы заката
уходя в ночную тьму
слово аупаришата
не скажу я никому.

1968

* * *

кристалл замерзшего вина
с густым сиянием лиловым
Россия в нем отражена
чудовищем мильонговым

не нахожу что образ свеж
как в отделении смирительном
один творительный падеж
с другим увязанный творительным

по логике см. и цит.
есть колонцифер и апостроф
вмерзает в озеро Коцит
бутылок нераспитый остров

и там где белой вьюги тьма
едва ли смогут иностранцы
заледенеть в последнем трансе
застыть в сошествии с ума

вино застывшее горит
в нем славно грешникам вариться
все это местный колорит
колёр локаль как говорится

1970

* * *

В пальто с какого-то покойника
Приехал полумертвецом
Наверно соловья-разбойника
Напоминаю я лицом

И лагернику в несознанку
Придется раз попался в сеть
Надвинуть шапку невидимку
И свистом внутренним свистеть

* * *

Как новый де Грие, но без Манон Леско
Полкарты аж в Сибирь проехал я легко
И, дело пустяка, проехал налегке
Четырнадцать рублей сжимая в кулаке
Перевернулся мир, теперь другой закон
Я должен отыскать туземную Манон
Разводку, девочку, доярку, медсестру
В бревенчатой избе на стынущем ветру

* * *

Чем питается ссыльный. Чем Бог пошлет
Перелетную птицу стреляет влет
И в болотную рыбу летит динамит
Когда чувствует он аппетит
Что мечтается ссыльному знает черт
Он приехал фланёром на антикурорт
И последние деньги тратит на флирт
С местной дамой по имени спирт

* * *

Не стреляйте я военнопленный
Добивайте я еще живой
Старомарьинский Кривоколенный
Скатертный Медвежий Ножевой

Время шаг печатает солдатский
(В жир асфальта вдавлены следы)
О как был я молод Старосадский
Где же эти старые сады

Я усыновленный и бездетный
Прислоняюсь к вам больной душой
Толмачевский и Старомонетный
С Якиманкой Малой и Большой

* * *

Легкой походкой послетюремной
по белокаменной первопрестольной
о как мне сладок твой воздух гаремный
лепет пасхальный и звон колокольный

* * *

Но я еще найду единственный размер
прямой как шпага и такой счастливый
что почернеет мраморный Гомер
от зависти простой и справедливой.

У мальчика в глазах зажгу пучки огня
поэтам всем с вином устрою ужин
и даже женщина что бросила меня
на время прекратит сношенья с мужем.

Олег Чухно

Тоска

У базара, в центре Краснодара
Умирает муха от удара.
Грузная. Величиной с быка.
Тягостно вздымаются бока.
И стоят, размазывая слезы,
Нищий жук и три слепых березы.

* * *

Бабочка присела у огня.
Зябка повела крылами...
Истины печальная родня. –
Отраженный свет в оконной раме...

Одинок и черен зев свечи...
Разве мрак – единственное слово!..
Отчего ж так пепельно звучит
Лошадиный голос домового?..

* * * #

Что нужды?! – Высохла трава,
Но в глубине ее
Таится мысли голова
И память узнаёт!

* * * #

Застыли почки на челе
Могучего ствола.
Они все ждут, чтоб в этой мгле
Свобода расцвела –

Ввысь опрокинутым мешком
Сквозь выходы планет.
А с гусеницей ты знаком,
Что кушает ранет?

Геннадий Шпаликов

* * *

Лают бешено собаки
В затухающую даль,
Я пришел к вам в черном фраке,
Элегантный, как рояль.

Вы сидели на диване,
Походили на портрет.
Молча я сжимал в кармане
Ледящий пистолет.

Расположен книзу дулом,
Сквозь карман он мог стрелять.
Я все думал, думал, думал –
Убивать, не убивать?

Было холодно и мокро,
Жались тени по углам.
Проливали слезы стекла,
Как герои мелодрам.

И от сырости осенней
Дрожь свою сдержать не мог,
Вы упали на колени
У моих красивых ног.

Выстрел, дым, сверкнуло пламя,
Ничего уже не жаль.
Я лежал к дверям ногами –
Элегантный, как рояль.

Долги

Живу веселым, то печальным
В квартале экспериментальном.
Горжусь я тем, что наши власти
На мне испытывают пластик.

А больше мне гордиться нечем,
Да я ничем и не горжусь, –
Ем поутру с картошкой лечо,
Вспоминаю и тружусь.

Труды приносят мне долги,
Отдохновенья – не приносят.
Долги построились в полки,
Приказа ждут и крови просят.

Я к ним покорно выхожу
И руки кверху подымаю, –
Я их прекрасно понимаю,
Но выхода не нахожу.

Я говорю им: до утра,
Ну что вам стоит, подождите,
А утром я скажу: простите,
Я вас обманывал вчера.

1959

В Ленинграде

Н. Рязанцевой

Любимая, все мостовые,
Все площади тебе принадлежат,
Все милиционеры постовые
У ног твоих, любимая, лежат.

Они лежат цветами голубыми
На городском, на тающем снегу.
Любимая, я никакой любимой
Сказать об этом больше не смогу.

* * *

На меня надвигается
По реке битый лед.
На реке навигация,
На реке пароход.

Пароход белый-беленький,
Дым над красной трубой.
Мы по палубе бегали –
Целовались с тобой.

Пахнет палуба клевером,
Хорошо, как в лесу.
И бумажка наклеена
У тебя на носу.

Ах ты, палуба, палуба,
Ты меня раскачай,
Ты печаль мою, палуба,
Расколи о причал.

* * *

Ах, утону я в Западной Двине
Или погибну как-нибудь иначе, –
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Они меня на кладбище снесут,
Простят долги и старые обиды.
Я отменяю воинский салют,
Не надо мне гражданской панихиды.

Не будет утром траурных газет,
Подписчики по мне не зарыдают,
Прости-прощай, Центральный Комитет,
Ах, гимна надо мною не сыграют.

Я никогда не ездил на слоне,
Имел в любви большие неудачи,
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Батум

Работа нетяжелая,
И мне присуждено
Пить местное, дешевое
Грузинское вино.

Я пью его без устали,
Стакан на свет гляжу,
С матросами безусыми
По городу брожу.

С матросами безусыми
Брожу я до утра
За девочками с бусами
Из чешского стекла.

Матросам завтра вечером
К Босфору отплывать,

Они спешат, их четверо,
Я пятый – мне плевать.

Мне оставаться в городе,
Где море и базар,
Где девочки негордые
Выходят на бульвар.

* * *

Я шагаю по Москве,
Как шагают по доске.
Что такое – сквер направо
И налево тоже сквер.

Здесь когда-то Пушкин жил,
Пушкин с Вяземским дружил,
Горевал, лежал в постели,
Говорил, что он простыл.

Кто он, я не знаю – кто,
А скорей всего никто,
У подъезда, на скамейке
Человек сидит в пальто.

Человек он пожилой,
На Арбате дом жилой, –
В доме летняя еда,
А на улице – среда
Переходит в понедельник
Безо всякого труда.

Голова моя пуста,
Как пустынные места,
Я куда-то улетаю
Словно дерево с листа.

1963

* * *

Бывают крылья у художников,
Портных и железнодорожников,
Но лишь художники открыли
Как прорастают эти крылья.

А прорастают они так:
Из ничего, из ниоткуда.
Нет объяснения у чуда,
И я на это не мастак.

* * *

Тебе со мною скучно,
А мне с тобою – нет.
Как человек – ты штучна,
Таких на свете нет.

Вас где-то выпускают
Не более пяти,
Как спутник запускают
В неведомой степи.

* * *

То ли страсти поутихли,
То ли не было страстей,-
Потерялись в этом вихре
И пропали без вестей
Люди первых повестей.

На Песчаной – все песчано,
Лето, рвы, газопровод,
Белла с белыми плечами,
Пятьдесят девятый год,
Белле челочка идет.

Вижу четко и нечетко –
Дотянись – рукой подать –
Лето, рвы и этой челки
Красно-рыжей благодать.

Над Москвой-рекой ходили,
Вечер ясно догорал,
Продавали холодильник,
Улетали за Урал.

* * *

Людей теряют только раз,
И след, теряя, не находят,

А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит.

А если он уходит днем,
Он все равно от вас уходит.
Давай сейчас его вернем,
Пока он площадь переходит.

Немедленно его вернем,
Поговорим и стол накроем,
Весь дом вверх дном перевернем
И праздник для него устроим.

* * *

Понедельник, понедельник,
Понедельник дорогой,
Ты пошли мне, понедельник,
Непогоду и покой.

Чтобы роща осыпалась,
Холодея на ветру,
И спала – не просыпалась
Дорогая поутру.

* * *

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.

Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем, –
Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно
Я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата,
Душу не мути.

А не то рвану по следу,
Кто меня вернет?
И на валенках уеду
В сорок пятый год.

В сорок пятом угадаю,
Там, где – Боже мой! –
Будет мама молодая
И отец живой.

* * *

Зубы заговаривал,
А теперь – забыл
Я секреты варева,
Травы ворожбы.

Говорю: дорога
Лучше к январю,
Что глазами трогал,
То и повторю.

То, что губ касалось,
Тронула рука, –
Это не казалось,
А наверняка.

Говорю: во плоти
Вижу существо, –
А во мне колотит
Жизни волшебство.

Зубы заговаривать,
Чепуху молоть,
Чтоб дорожкой гаревой
Убегала плоть.

Чтобы возле рынка,
В сборище людском,
Плавать невидимкой
В небе городском.

1973

* * *

Спаси меня, Катя Васильева, –
О жалкие эти слова.
А ты молодая, красивая,
Пускай мне конец – ты жива.

Не плачу. Не то разучилось,
Не то разучили меня,
Но вот под конец получилось –
Одна у меня ты родня.

Твою фотокарточку мятую
Из рыночного ларька
Которые сутки не прятаю –
Заслуга не велика.

Но пусто на сердце и сухо,
Прости меня, Катя, привет.
Уж лучше была бы ты сукою,
Но ты, к сожалению, – нет.

* * *

Обожал я снегопад,
Разговоры невпопад,
Тары-бары, растабары
И знакомства наугад.

Вот хороший человек,
Я не знаю имя рек,
Но у рек же нет названья –
Их придумал человек.

Нет названья у воды,
Нет названья у беды,
У мостов обвороженных,
Где на лавочках следы.

1973

* * *

О, когда-нибудь, когда?
Сяду и себя забуду,
Не надолго – навсегда,
Повсеместно и повсюду.

Все забуду, разучусь,
И разуюсь и разденусь,
Сам с собою разлучусь,
От себя куда-то денусь.

1973

А многим из них – по плечу –
среди моря расшвирипевшего
принести себя в жертву световому лучу...
Оторопь берет меня, пешего, –

чуть стану глядеть сквозь стекло
на это их ремесло.
Из теплой кухни – наружу,
в прострачиваемую птицами стужу,
разутыми, плохо одетыми,
самоотверженнейшими одеттами!

Да здравствуют эти птицы –
швей-мотористки, швей-ручницы!

* * *

Поезд пошел так абстрактно,
при полной конкретике мира,
что бабушка след наш оплакала,
прощаясь сбоку и мимо.

Аферисты

Чайки умирают в такси.
Задыхаются без свежего морского ветра.
Садятся, проверяют – плотно ли захлопнута дверца,
говорят: Улица Дебюсси! –
и падают замертво набок;
щечкой – к щеке шофера.
Шофер решает: ничё се афера!
Только бы не отстегивать бабок!
Другие имеют навык:
едут на улицу Дебюсси,
высаживают мертвую чайку,
сажают живую Райку
либо Люси
и умирают сами,
чтобы припасть щекой к молодой даме.

Продолжение рода

Ветер, в стихи залети!
Взьерошь окончания строк!
Женских с мужскими сплети,
детских принеси в срок!

* * *

Десятки встреч. И каждая похожа на разрыв.
От каждой сердце разрывается на части.
Нет, ничего разэтакого, к счастью.
Прохожие... Трамваи... Грунт разрыт...
Я вышел из дому. А называйте – рухнул.
В пучину. В бездну. В лестничный пролет.
На много ль выходов таких рассчитан дух мой?
А по-иному путь мой не пролег.
А по-иному и нужды-то нету
ходить по свету.

С природы

Воздух весь утыкан
рыбинками сна.
Синяя мотыга,
девица красна –

все повисло в этом
воздухе святом,
звездами согретом,
дышащими ртом.

* * *

Неосторожным колесом
задел за осень, огибая
старинный вальс «Осенний сон»,
ямщик, уныло напевая.

Львиный зев

– Что там у вас за цветы?
– Это у нас собаки.
– Что там у вас за собаки?
– Это у нас цветы.

Из потока сообщений

На приеме присутствовали:
пулемет, строчивший без усталости,
расстреливаемая им птица
и другие официальные лица.

Дмитрий Авалиани

* * *

Одуванчик, ты уж сед,
А вчера еще был желтый,
Так зачем на этот свет
Так ненадолго пришел ты?

1970

* * *

В траве на дне травы
На самом дне травы
Я спал отдавшись лону
Когда подобно башенному звону
По скорлупе огромной головы
Ударил дождь и в бок меня и в спину
И понял я какой я страшно длинный –
На мне зрачки как бабочки открылись
И удивились – о, как удивились!

* * *

Птица в воздухе и в клетке
одинаково свободна
сбил ее охотник меткий
и зажарил труп холодный

Чтобы стало все теплее
мы едим друг друга ложкой
ты во мне, потом в тебе я
как пейзаж внутри окошка

Как мороженого летом
просит смерти – жизнью сытый
прочь сережки, эполеты
здравствуй, сумрак под ракистой

Но скелет стуча костями
как рояль желает звука
над застольем, над гостями
в уши нам гудит как жук он

* * *

И в жизни сей хреновой
случается денек
когда как лист кленовый
шикарно одинок
летишь себе в пространстве
забыв про то да сё
японец икебанский
какой-нибудь Басё
И кто тебя поймает
пусть исповедь поймет
А осень полыхает
а птицам в перелет

* * *

Холодный птичий взгляд
расплата за летучесть
за кривизну крыла
секущего эфир
собачий мой зрачок
чего ты просишь мучась
Хвостом виляет лес
лопух ползет из дыр

* * *

Что надо, чтоб летать?
Все лишнее убрать,
как пуля в воздухе скользя
Но взмыть желая ровным быть нельзя

Как шершень будь взъерошен и шершав,
широким парусом дубрав
вздохмаченным всевидящим орлом
ловящим ветер вздыбленным крылом

И вы стрижи чьи линии ясны
и ласточки достойные всех призов –
не обойтись вам без карнизов
и не взлететь без помощи стены

речных откосов, дырчатою брынзой
над рябью нависающих волны

* * *

Та женщина, что только не дает
и больше ничего не совершает
такую тягу в небо создает
что кажется орган невидимый играет

Та женщина, которая дает
и этим никуда не возвышает
такую муку в душах утишает
что в ножны нож обратно зло кладет

* * *

Я ящерка
ютящейся
эпохи,
щемящий
шелест
чувственных
цикад,
хлопушка
фокусов
убогих,
тревожный
свист,
рывок
поверх
оград.
Наитие,
минута
ликованья,
келейника
исповедальня.
Земная
жизнь
еще
дарит,
горя,
высокое
блаженство
алтаря.

Анаграммы

* * *

Совпадения наши –
исповедная ниша.

* * *

Аз есмь строка, живу я мерой остр.
За семь морей ростка я вижу рост.
Я в мире – сирота.
Я в Риме – Ариост.

* * *

ива, лиана
Авалиани

* * *

Я ласточку
вдали видал.
Я отскучал.

* * *

Слепо топчут –
после почтут.

* * *

Великан присел –
сперли валенки!

* * *

ограниченность
неорганичность

* * *

несносны нонсенсы

* * *

Чем я водим? Чем я двоим?
То набожен, то обнажен.
Треском скворешен, жуками,
крестом мужика воскрешен.

* * *

Округли приятно старину, огни.
Настроуи горилку, ноги протяни.
Дорасти до облака,
до бокала радости,
до красот без остря,
до костра без ярости.

* * *

Героичное забыто.
Огорчение, заботы.
Ты подвластен,
ты подставлен
оборотам обормота.

* * *

Грызня. Материал тосклив.
Грязны листков маратели.
Отвержены
тревожные
мечтатели
читателем.

* * *

Художества
дух освежат!

* * *

Мир в агонии
и в гармонии.

* * *

Мир и гавно
в гармонии.

* * *

Меланхолия...
Не хамло ли я?

* * *

Идиот – мерка демократии.

* * *

Особняки сверкали,
но босяки все крали.

* * *

симметрия – имя смерти

Палиндромы

* * *

Дорого небо, да надобен огород.

* * *

Зов ангелов: о Русь! Сурово лег навоз.

* * *

Ах, у печали мерило, но лире мила чепуха...

* * *

Я сличил то и то – вот и отличился!

* * *

Венер хотят, охренев...

* * *

Меж я лилиями ног – и гоним я или ляжем?

* * *

Лег, нахал, а как скакал! Ах, ангел!

* * *

Я ем, закусывая и пия, а вы – сука-змея.

* * *

Мы дунем, а звуку в замену – дым...

* * *

Я или суетен, или не те усилия?

* * *

Я сущ? – Тщуся.

* * *

У тени или мафии фамилии нету.

* * *

Мир, о вдовы, водворим.

* * *

Муза! Ранясь шилом опыта, ты помолишься на разум.

* * *

Тише, разум. Муза решит.

* * *

Да, небо дано, но надобен ад.

* * *

Ад я лишил яда.

* * *

А дебилов томит – им от воли беда.

* * *

Унял горд ум – и мудро гляну.

* * *

Тут чудаки цикаду чтут.

* * *

Жуем, лохань трем... Смерть на холме уж.

* * *

Нече выть, ты вечен.

* * *

Игле небес в себе не лги.

* * *

Мы велики левым.

* * *

Я и ты – база бытия,
ты – быт,
я омыт,
 ты – моя,
я и ты – базара зло,
 балабол – зараза бытия,
я и ты – берег ал,
 влага, канал,
 плана кагал
 в лагере бытия,
я и ты – бичи,
 лук зол,
 у кос
 в соку лоз
 куличи бытия,
я и ты будем вечны,
 наша чаша нынче
 в меду бытия.

* * *

Море могуче, в тон ему шумен, ответчу Гомером:
море, веру буди – ярк, скор, я иду буревером...

* * *

– Алчу!
– Учла!

* * *

– Юного день, лети!
– Чую, учитель, не догоню...

* * *

Режу фигурки –
конус и рыбка,
как бы рисунок –
и круг и фужер.

* * *

Учло мя небо.
До поры,
дыроподобен,
я молчу.

* * *

Тут чтут
сан –
вот те раз!
А Назарет-то – в нас!

* * *

Я – Митек-сатир –
отвопил, отчудя.
Сяду, что ли.
Повторит аскет имя...

Панторифмы

* * *

Не бомжи вы,
небом живы.

* * *

На мне дом, узы –
нам не до музы.

* * *

Поле сухо, жук устал.
По лесу хожу, куст ал.

* * *

В орнаменте –
вор на менте.

* * *

Или бар да клуб янки,
или бардак Лубянки...

* * *

По этапу тьмой
поэта путь мой...

* * *

Луч шепотом:
лучше – потом...

* * *

Сплющен ком...
Сплю щенком.

* * *

Истиной мыслились –
и с тиной мы слились.

* * *

Пойду, шаман, долиною –
пой, душа, мандолиною!

Вагрич Бахчанян

Советское пространство

«Спутник» летит.
Время бежит.
Суд идет.
Стража стоит.
Буковский сидит.
Ленин лежит.

Москва, 1973

* * *

ОТМЕРЬ
ОТМЕРЬ
ОТМЕРЬ
ОТМЕРЬ
ОТМЕРЬ
ОТМЕРЬ
ОТМЕРЬ
ОТРЕЖЬ

* * *

предпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпоследний день помпеи
предпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпоследний день помпеи
предпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпоследний день помпеи
предпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпоследний день помпеи
предпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпоследний день помпеи
предпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпоследний день помпеи
предпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпредпоследний день помпеи
предпредпредпредпоследний день помпеи
предпредпредпоследний день помпеи
предпоследний день помпеи
последний день помпеи

Коллаж из Маяковского

Я волком бы выгрыз
Только за то,
Что им разговаривал Ленин

Приказы

Приказ № 1

Стереть с лица земли
 молоток для выделки желобов,
 резное и лепное украшение,
 гофрированную нижнюю юбку,
 крючок для прикрепления кортика,
 скамеечку для ног,
 указательный палец,
 попутный ветер,
 ничего не значащий припев в старинных песнях,
 искусственные волосы и зубы,
 четырёхугольник.

Приказ № 2

Переименовать
 слово *копчушка* на слово *горн*
 слово *аншлаг* на слово *фурункул*
 слово *трус* на слово *аромат*
 слово *отпуск* на слово *молочница*
 слово *фольга* на слово *корм*
 слово *ложь* на слово *талон*
 слово *фуражка* на слово *ярость*
 слово *побег* на слово *эмульсия*
 слово *колосник* на слово *женщина*
 слово *вексель* на слово *повидло*
 слово *виски* на слово *шомпол*
 слово *слово* на слово *помои*
 слово *кровля* на слово *отец*
 слово *опухоль* на слово *булочка*
 слово *лицо* на слово *редиска*
 слово *лекция* на слово *клетка*
 слово *подарок* на слово *война*
 слово *карлик* на слово *газета*.

Приказ № 3

Накидку переименовать в пальто.

Приказ № 4

Разрешается поднимать целину.

Приказ № 5

Запретить

смотреть в будущее,
варить стекло,
пребывать в полном составе,
рождаться,
попадать под категорию,
случайно встречаться,
набрасываться на еду,
бежать быстрее лани,
рассказывать всему свету,
отбивать такт ногой,
давать сигнал,
разгадывать загадки,
уходить в отставку,
освежаться после работы,
брать обратно слова,
потягиваться после сна,
издавать резкий скрежещущий звук,
переезжать с места на место.

Приказ № 6

Премировать

тов. Залогова световым сигналом имени мюзик-холла,
тов. Человекова товарами, закупаемыми заблаговременно и оплачиваемыми
при доставке,
тов. Слюпень неполным дверным окладом,
тов. Мехового урной для праха,
тов. Флигельмана веселым ликующим настроением,
тов. Эффектова девочкой, похожей на мальчика,
тов. Унынина отдыхом в свободное от работы время,
тов. Впускного тремя годами тюремного заключения,
тов. Передник мраморной доской с золотой надписью «Чтоб тебе пусто было»,
тов. Вдыхайлова книжкой новых стихов поэта Виктора Мускулистова
«Поскольку вы больны, я пойду один»,
тов. Серповидного хорошей ясной погодой.

Приказ № 7

Художники должны поправлять свои картины и покрывать их лаком.

Владимир Высоцкий

* * *

За меня невеста отрыдает честно,
За меня ребята отдадут долги,
За меня другие отпоют все песни,
И, быть может, выпьют за меня враги.

Не дают мне больше интересных книжек,
И моя гитара – без струны.
И нельзя мне выше, и нельзя мне ниже,
И нельзя мне солнца, и нельзя луны.

Мне нельзя на волю – не имею права, –
Можно лишь от двери до стены,
Мне нельзя налево, мне нельзя направо,
Можно только неба кусок, можно только сны.

Сны про то, как выйду, как замок мой снимут,
Как мою гитару отдадут,
Как меня там встретят, как меня обнимут
И какие песни мне споют.

1963

* * *

Сегодня я с большой охотой
Распоряжусь своей субботой,
И если Нинка не капризная,
Распоряжусь своею жизнью я.

– Постой, чужак! Она ж наводчица!
Зачем? – Да так! Уж очень хочется!
– Постой, чужак! У нас компания,
Пойдем в кабак, зальем желание.

– Сегодня вы меня не пачкайте,
Сегодня пьянка мне до лампочки,
Сегодня Нинка соглашается,
Сегодня жизнь моя решается.

– Ну, и дела же с этой Нинкою,
Она жила со всей Ордынкою,

И с нею спать – ну кто захочет сам?
– А мне плевать, мне очень хочется.

Сказала – любит. Все, заметано.
– Отвечу рупь за сто, что врет она,
Она ж того, ко всем ведь просится...
– А мне чего, мне очень хочется.

– Она ж хрипит, она же грязная,
И глаз подбит, и ноги разные,
Всегда одета, как уборщица...
– Плевать на это – очень хочется.

Все говорят, что не красавица,
А мне такие больше нравятся.
Ну что ж такого, что наводчица?
А мне еще сильнее хочется.

1963

Моя цыганская

В сон мне – желтые огни,
И хриплю во сне я:
«Повремени, повремени,
Утро мудренее!»
Но и утром все не так,
Нет того веселья:
Или куришь натошак,
Или пьешь с похмелья.

В кабаках – зеленый штоф,
Белые салфетки.
Рай для нищих и шутов,
Мне ж – как птице в клетке!
В церкви смрад и полумрак,
Дьяки курят ладан...
Нет, и в церкви все не так,
Все не так, как надо.

Я – на гору впопыхах,
Чтоб чего не вышло.
А на горе стоит ольха,
А под горою вишня.
Хоть бы склон увить плющом,
Мне б и то отрада,
Хоть бы что-нибудь еще...
Все не так, как надо!

Я тогда по полю, вдоль реки.
Света – тьма, нет бога!
А в чистом поле васильки,
Дальняя дорога.
Вдоль дороги – лес густой
С бабами-ягами,
А в конце дороги той –
Плаха с топорами.

Где-то кони пляшут в такт,
Нехотя и плавно.
Вдоль дороги все не так,
А в конце – подавно.
И ни церковь, ни кабак –
Ничего не свято!
Нет, ребята, все не так,
Все не так, ребята!

1968

Милицейский протокол

Считай по-нашему, мы выпили не много, –
Не вру, ей-бога, – скажи, Серега!
И если б водку гнать не из опилок,
То чё б нам было с пяти бутылок!

...Вторую пили близ прилавку в закуточке, –
Но это были еще цветочки, –
Потом – в скверу, где детские грибочки,
Потом – не помню, – дошел до точки.

Еще б – я пил из горлышка, с устатку и не евши,
Но я как стекло был – то есть, остекленевший.
А уж когда коляска подкатила,
Тогда в нас было – семьсот на рыло!

Мы, правда, третьего насильно затащили, –
Ну, тут промашка – переборщили.
А что очки товарищу разбили –
Так то портвейном усугубили.

Товарищ первый нам сказал, что – вы уймьтесь,
Что – не буяньте, что – разойдитесь.
На «разойтись» я, кстати, сразу согласился –
И как разошелся! То есть, расходился...

Но если я кого ругал – карайте строго!
Но это вряд ли, – скажи, Серега!
А что упал – так то от помутнения,
Орал не с горя – от отупенья.

...Теперь дозвольте пару слов без протокола.
Чему нас учит семья и школа?
Что жизнь сама таких накажет строго.
Тут мы согласны, – скажи, Серега!

Вот он проснется утром и, конечно, скажет:
Пусть жизнь осудит нас, пусть жизнь накажет!
Так отпустите – вам же легче будет:
Чего возиться, раз жизнь осудит!

Вы не глядите, что Сережа все кивает, –
Он соображает, все понимает!
А что молчит – так это от волнения,
От осознания, так сказать, и просветленья.

Не запирайте, люди, – плачут дома детки, –
Ему же – в Химки, а мне – в Медведки!..
Да все равно: автобусы не ходят,
Метро закрыто, в такси не содят.

Приятно все-таки, что нас здесь уважают:
Гляди – подвозят, гляди – сажают!
Разбудит утром не петух, прокукарекав, –
Сержант подымет – как человек!

Нас чуть не с музыкой проводят, как проспимся.
Я рупь заначил – слышь, Сергей? – опохмелимся!
И все же, брат, трудна у нас дорога!
Эх, бедолага! Ну спи, Серега!

1971

Кони привередливые

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, – погоняю, –
Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю,
Чую с гибельным восторгом – пропадаю, пропадаю!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить не успел, мне допеть не успеть!

Я коней напою,
Я куплет допою, –
Хоть немного еще постою на краю!..

Сгину я, меня пушинкой ураган сметет с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром.
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони!
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!

Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть.
Но что-то кони мне попались привередливые,
И дожить не успел, мне допеть не успеть.

Я коней напою,
Я куплет допою, –
Хоть немного еще постою на краю!..

Мы успели – в гости к богу не бывает опозданий.
Так что ж там ангелы поют такими злыми голосами?
Или это колокольчик весь зашелся от рыданий,
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?

Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые,
Коль дожить не успел, так хотя бы допеть!

Я коней напою,
Я куплет допою, –
Хоть мгновенье еще постою на краю!..

1972

Купола

Михаилу Шемякину

Как засмотрится мне нынче, как задышится?
Воздух крут перед грозой, крут да вязок.
Что споется мне сегодня, что услышится?
Птицы вещие поют – да все из сказок.

Птица Сириин мне радостно скалится –
Веселит, зазывает из гнезд,
А напротив – тоскует-печалится,
Травит душу чудной Алконост.

То разуюсь, то обуюсь,
На себя в воде люблюсь, –
брагу кушаю.

И пока я наслаждался,
Пал туман и оказался
в гиблом месте я, –
И огромная старуха
Хохотнула прямо в ухо,
злая bestия.

Я кричу, – не слышу крика,
Не вяжу от страха лыка,
вижу плохо я,
На ветру меня качает...
«Кто здесь?» Слышу – отвечает:
«Я, Нелегкая!

Брось креститься, причитая, –
Не спасет тебя святая
Богородица:
Кто рули и веслы бросит,
Тех Нелегкая заносит –
так уж водится!»

И с одышкой, ожиреньем
Ломит, тварь, по пням, кореньям
тяжкой поступью,
Я впотьмах ищу дорогу,
Но уж брагу понемногу –
только по сту пью.

Вдруг навстречу мне – живая
Колченогая Кривая –
морда хитрая.
«Не горюй, – кричит, – болезный,
Горемыка мой нетрезвый, –
слезы вытру я!»

Взвыл я, ворот разрывая:
«Вывози меня, Кривая, –
я на привязи!
Мне плевать, что кривобока,
Криворука, кривоока, –
только вывези!»

Влез на горб к ней с перепугу, –
Но Кривая шла по кругу –
ноги разные.

Евгений Головин

Аккордеон

Аккордеон себе я купил,
Аккордеон себе я купил,
Аккордеон себе я купил,
И под кровать его положил.

Отец получку всю пропил,
Отец получку всю пропил,
Отец получку всю пропил,
А дома сказал, что на работе забыл.

Аккордеон себе я купил,
Аккордеон себе я купил,
Аккордеон себе я купил,
И грузовик меня задавил.

Эльдорадо

Вот перед нами лежит голубой Эльдорадо!
И всего только надо опустить паруса.
Здесь наконец мы в блаженной истоме утонем,
Подставляя ладони золотому дождю.

Здесь можно петь и смеяться, и пальцы купать в жемчугах,
Можно гулять по бульварам и сетью лукавых улыбок
Можно в девичьих глазах наловить перламутровых рыбок
И на базаре потом их по рублю продавать.

Черной жемчужиной солнце розовеет в лазурной воде,
Наши надежды сверкают роскошью этого Юга.
В этой безумной любви мы, конечно, утопим друг друга,
И будем вместе лежать, как две морские звезды...

Семён Гринберг

* * *

Собравши Ларину бутылку молока,
Сырок и булочку в пластмассовом пакете,
Я так замешкался, что не слышал звонка, –
Явился Савченко в малиновом берете

И вне себя, и сетовал – пока
Я занят хлебом, молоком и прочим вздором,
Нас Ларин ждёт на стройке за забором,
Где можно обойтись и без сырка!

Мы вышли. Темнота висела, как цветок,
И стройка плавала, как лебедь в зоопарке,
Селены колебался ноготок,
И профиль на стене электросварки.

Сонет

Другое время будет, расскажу,
Про что они сидели, говорили,
Как пили, кушали, вели себя в постели
И прочее, понятное ежу.
Теперь, когда я все еще служу
И навожу порядок в вестибюле,
Где большей частью сижу на стуле,
А дамы ходят по второму этажу,
Я сам приноровился отличать
Откуда каждая, с Москвы или Украины,
Посколь на них особая печать,
Хоть нынче все подряд усреднены,
И многие для сохранения тайны
Используют джинсовые штаны.

Владимир Казаков

Этап

идти босым – сама погибель.
ах, если б, если б сапоги были!
и ноги мертвые грязь месят,
хрипит груди сырой колодец...

ступнями окровавленными месяц –
по колючей проволоке канатоходец.
раскаленная песня ржавых шипов,
вдаль натянута запекшаяся босая тропа...

за спинами лютует холод штыков,
карликовые деревья, как ветров черепа.
а за серым туманом проволочных пут
небо задумывает жуткий побег.
живые падают, мертвые еще идут:
человек человек человек человек

1966

Вечерние сумерки

входите! видите, как тесно.
мы у окна поставим кресла,
ни людям не видны, ни крышам,
спокойно сядем и подышим.
но где же вы? исчез, негодный!
стена с тоскою новогодней.
глядь, пальцы камня оживают,
за горло сумерки хватают,
те, хрипло выпучив глаза,
о снежный корчатся базар.
ночь в треуголке и очках.
как лед, за пазухою страх –
отнимут, стукнув побирушку,
ее фонарную игрушку.
но что ж, один? плечам сутуло
мерцает лампа. спинка стула
затылок трогает, стуча,
как пальцы мертвого врача

1967

* * *

осенний дождь полуослепший.
в лесу стоит промокший леший,
он безучастно дождик пьет,
кругом сосна ему вздыхает.
пчела в дупле, где воск и мед.
медведь не чует и не знает.
он от дождя бежит в берлогу,
его трава кусает в ногу.
жена, медведица, подруга,
о, жизнь дождливая! как туго!
достать картишки,
поиграть.
играют мишки,
дождь слышать

1967

* * *

вы помните ли вы
как я как был как молод
и в кузне головы
стучал раздумья молот
теперь же все иначе же –
я пойман как когда ловил чижей

1968

Зимняя ночь

пишись пишись моя поэма!
ходи бездумное перо!
сiju таинственно и немо
про что писать не зная про

толпятся странные виденья
толпятся странные виде
брожу один средь привидений
крестясь при виде привиде

то вдруг в стекло стучится воздух
то вдруг в стекло стучится воз
открыть окно впуская звезды
впуская воздух и мороз!

то вдруг свеча то вдруг ресницы
то вдруг свеча то вдруг ресни
опять божественное снится
с стихами дивными проснись!

1968

Набережная 4

я вас люблю я вас поверьте
моей любви тяжёл чугун
она молчит перчатку вертит
глядит с печалью... я не лгу!

я не не не не не не не не!
я не не не не не не не не!
а по воде скрежещут тени
и мы недвижимые над ней

хотите каменно останусь
накрытый тяжкою спиной...
она молчит склонясь над сталью
реки изогнуто-стальной

1968

Смерть князя Потемкина

я Дмитриева вспоминал

«...О, коль ужасную картину
Печальный гений мне открыл!
Безмолвну вижу я долину;
Не слышу помаванья крыл
Ни здесь, ни там любимца Флоры –
Всё тёмно, что ни встретят взоры!
Поникнул знак, ручей молчит;
И тот, кого весь Юг страшится,
Увы! простерт на холме зрится –
Простерт, главу склоня на щит!..»

идя вдоль набережной

1969

* * *

был бал графини и маркизы
в свои блистали веера
и я стоял бросая вызов
сегодня завтра и вчера

ко мне подходит герцогиня
и древним родом шелестя
и взором рыцарским окинув
шпаго-надменного меня

сказала: вот не ожидала
месье от вас такого вас!
со всех сторон слепого зала
на нас смотрели сотни глаз

а я час от часу смелее
а я час от часу сильнее
смеялся мысленно над нею
в то время как смеялся с ней

1969

Дитя

старик исчез. темно. стена и дверь наощупь.
усталый звук шагов и скрип из темноты.
и лампа, как дитя. за нею сумрак тощий.
и женщина из тьмы спросила: «это ты? –

ее рука легла на узкие перила –
пожалуйста, молчи и лампу не буди.
ты знаешь, здесь стена во тьму глаза вперила,
и даль над головой над фабрикой гудит»

старик опять исчез, хоть и не появлялся.
я вижу темноту: она худа, бледна.
и пальцы, побелев от скомканного пляса,
сжимают боль свою, как камушки со дна.

а даль над головой, над фабрикой усталой
хотела разбудить уснувшее дитя.
и лампа, закричав, в постели биться стала
и ножками сучить, болезненно света.

1969

Ночное вязание

пока огарок свет колышет,
пока все медленнее запад,
ее шаги, себя не слыша,
вперед задумались? назад ли?

быть каждый миг – ей слишком больно.
то краткой паузой, то вечной
она, задумавшись, невольно
свои укутывает плечи.

для этих дней – она устала,
для тех – она еще дитя.
лишь ночь, скрестясь с лучом из стали,
вязанье трогает, летя

Интермеццо

это стихотворение – интермеццо – пре-
лестно уже тем, что оно безрифменное.
но хотелось бы, чтобы оно было еще
чем-нибудь прелестно.
но чем же?
может быть, своей краткостью?
но как же краткостью, когда оно уже
весьма и весьма растянуто.
тогда, быть может, своей растянутостью?
но оно еще не настолько растянулось,
чтобы это стало невыносимо прелестным.
так что же делать – продолжать его или
закругляться?
читатель, что скажешь ты?

* * *

вечер – это не время, а слово:
оттого оно так и светло.
воздух будущей полночью сломан,
словно звонким лучистым углом.

и в воздушно-прозрачном увечьи
загорается небо-окно:
время – это не слово, а вечер,
оттого оно так и темно

Юрий Карабчиевский

* * *

Обрываются в море скалы,
вниз уходят сплошной стеной.
Попадают в море скаты,
чуть не в скатерть величиной.
Я плыву в полутемном гроте,
я гляжу в голубой уют.
Серебристые рыбы бродят,
крабы боком у стен снуют.
Дышат водоросли в молчаньи.
Простираются пустыри.
И пронизано все лучами,
исходящими изнутри...
Но потом, от удущья синий,
я мучительно всплыть хочу,
и лечу, и теряю силы,
и не чувствую, что лечу.
Воздух! Что тебя в мире лучше!
Я дышу, я плыву, я живу...
Вот сейчас я вдохну поглубже
и опять уйду в синеву.

1962

Чужое окно

Володе Лифсону

А там, в чужом окне, – уют и полусвет.
Взгляни – и угадаешь без ошибки
граненую кровать, незыблемый буфет,
неспешные движенья и улыбки.

Хозяева сидят, беседуя, вдвоем.
Расставлены тарелки. И мужская
тяжелая рука витает над столом,
в солонку хлеб размеренно макая.

Как мебель, по углам накоплено тепло.
Отхлынет, заколышется и снова
туманной пеленой ложится на стекло
дыхание пространства потайного.

И как ты ни устал, а веришь и не прочь
додумать продолжение обмана:
как нехотя на зов подыметесь их дочь
с податливого старого дивана.

Не выпалась. Дрожит. Очнется лишь к утру.
Почудилось лицо в оконной раме...
И, тапок не найдя, все шарит по ковру
капроновыми длинными ногами.

1968

Идущие мимо

Что ни башка, то образина.
Несут, урча и лопоча,
кто – два плеча из абразива,
кто – два зажатых кирпича.

Они зачаты от испуга
и рождены из тьмы во тьму.
И так опасны друг для друга,
что ходят врозь, по одному.

Нельзя коснуться, не поранясь.
По бровке – как по краю рва.
И странно вдруг, что, иностранец,
ты понимаешь их слова...

1984

Владимир Ковенацкий

Человек с головой коня

Дождь и ветер скреблись в окно,
Было страшно мне и темно,

В эту ночь посетил меня
Человек с головой коня.

Он пришел разогнать тоску
И принес бутылку коньяку.

Стало нам веселей вдвоем.
Он сказал мне: давай споем!

И запели мы Ермака,
Задушевно, не в лад слегка,

И пронзительный ветровой
Был аккомпанементом вой.

На заре ушел от меня
Человек с головой коня.

Если б он не пришел помочь,
Я б повесился в эту ночь.

Очередь

Духотища, пыль и зной,
Прямо пекло сущее.
У палаточки пивной
Очередь длиннючая.

Кружок блеск,
На мордах глянец...
Из проулка не спеша
Вышел пьяный оборванец
С автоматом ППШ.

Эх, и дал он очередь!
Уложил всю очередь...

1963 (?)

Марсиане

Марсиане прилетели с Марса,
И в ларьке потребовали морса.

Продавщица, важная как пава,
Марсианам предложила пива.

Синими плащами покрываясь,
Выпили они и – покривились,

Закачались, словно в пантомиме...
А корабль был виден за домами.

Люк закрылся в розовом металле,
Звук полета был как свист метели.

След остался – странная вещица,
Что на шее носит продавщица.

Марсианин

Ночной фонарь сошел с ума,
И подворотня окосела.
Воров устраивала тьма,
И по рублю ценилось тело,

И шел брезгливо через грязь
Кот масти невообразимой,
И некто, к тумбе привалясь,
Дремал с разбитой образиной,

И тем, кто грезил о заре,
Был каждый миг тяжел и странен...
В ту ночь в загаженном дворе
Был арестован марсианин.

Он иступленно верещал,
Предчувствуя дознанья муку,
Глазами круглыми вращал
И прокусил сержанту руку.

И было мокро во дворе,
И точкой пурпурного света
Сияла в облачной дыре
Его родимая планета.

Король Сатурна

Я личность очень незаметная,
Хоть и устроился недурно.
Есть у меня мечта заветная –
Стать императором Сатурна.

Сижу, входящих лица путаю,
Обед невкусный ем в столовой,
И все мне кажется, как будто я
Красавец в мантии лиловой.

Я бал в честь короля Меркурия
Устроил на кольце планеты.
В сосудах ароматы курятся,
Сверкают гости, разодеты.

Кусочки звезд в оправы вставлены,
Как отшлифованные камни,
Ох, размечтался, крыса старая.
На партсобрание пора мне.

* * *

Путь во мраке, путь во мраке –
Безнадежный страшный путь.
Не горят созвездий знаки,
Тишина, туман и жуть.

Этой полночью недоброй
Стиснут разум, как в тисках,
И холодной скользкой коброй
Под ногами вьется страх.

Но, как нежный призрак рая,
На плечо мое, легка,
Опустилась, ободряя,
Чья-то синяя рука.

Про дядю Кешу

У старика, у дяди Кеши,
Что любит забивать козла,
Среди седин, на желтой плеши,
Однажды вишня проросла.

По всем ботаники законам
Пустила корни, цвет дала,
Шумит фонтанчиком зеленым,
Жильцы дивятся – вот дела!

Нет счету ягодам багряным,
Крупны и сладки, что твой мед.
На рынке Коптевском стаканом
Их дядя Кеша продает.

И ходит пьяный всю-то осень,
Купил бобровое пальто.
Хоть он старик и хворый очень –
На плечи дерево зато.

Песня упыря

Надо мной цветет природа.
Тесен гроб и вглубь и вширь.
Я не дам тебе развода,
Потому что я упырь.

Не спеши с любовью новой
Шпроты есть и пить вино.
Тенью смутной и лиловой
Я скользну в твое окно.

Облик сгнившего местами
Будет страшен на виду.
Я кровавыми устами
К нежной шейке припаду.

Насосавшись до восхода,
Улечу, как нетопырь.
Я не дам тебе развода,
Потому что я упырь.

В театре

В партере лысины блестели.
Махал руками дирижер.
Гремели трубы. Скрипки пели.
Пылала сцена, как костер.

Молил князь Игорь о свободе.
Кончак в ответ басил: «Не дам!»

Вдруг – женский крик, удара вроде,
Удара в трензель: «В ложе! Там!»

И весь театр единым духом,
Вздохнул, на ложу глянув: «Ах!»
Там монстр сидел. С огромным брюхом.
Горбатый. О шести руках!

В одной руке держал программу,
Двумя – настраивал бинокль,
Тремя – накрашенную даму
Он обнимал, как осьминог!

* * *

Я увидел между делом
Аккуратные куски –
На базаре женским телом
Торговали мясники.

Улучив момент потише,
Во дворе средь бела дня
Старый возчик дядя Миша
Изнасиловал коня.

Детвора кругом стояла –
Кто с санями, кто и без,
И свисало одеяло
Снега мокрого с небес.

* * *

Это было никем не замечено –
Появилась вдруг человечина
На блестящей витрине продмага.

Люди тешились нежностью вечера,
Льнули девушки к парням доверчиво,
Только я побелел, как бумага.

* * *

Мой дядюшка намедни спятил:
Провозгласил в квартире вдруг,
Что не чиновник он, а дятел,
И в стену носом тук да тук.

Забрали дядю санитары,
А комната осталась мне.
Обои порваны и стары,
Портрет Барбюса на стене.

Обрел я – дядюшке спасибо –
Диван, два стула и комод.
Сюда я девку пригласил бы,
Но больно мерзкий я урод.

* * *

Дядя Миша на гармонии,
На гармонии заиграл,
Заиграл в запретной зоне –
Застрелили наповал.

Дядя Яша Осташов

Во дворе стоит дядя Яша.
В животе – перловая каша.

Воробьи чирикают – птички.
Вдалеке гудят электрички.

Кот на лавке – усатый, черный.
Дверь открыта в женской уборной.

Дядя Яша стоит в галошах,
В довоенных штанах хороших.

* * *

Я ненавижу слово «мы».
Я слышу в нем мычанье стада,
Безмолвье жуткое тюрьмы
И гром военного парада.

* * *

Видел я немало лошадей –
Верховых, рабочих и рысистых,
Беспородных и по крови чистых –
Повидал я в жизни лошадей.

Видел я немало и людей –
Пьяных, трезвых, мрачных и веселых,
В орденах, при кортике и голых –
Повидал я множество людей.

Сделать вывод я могу такой:
Я заметил, странствуя по свету –
Лошадей плохих на свете нету,
Человек бывает и плохой.

Сонет о чугунном шаре

В углу горит оплывшая свеча.
В подвале сырость, мрак и паутина.
Чугунное подобие мяча
Туда-сюда катают два кретина.

По плитам пола, гулко грохоча,
Стремится шар. Ложатся тени длинно,
И безобразно тупо и невинно
Их образины просят кирпича.

Идут века. Сменяются цари.
Бурьяном зарастают алтари.
Сквозь канонаду слышен рокот струнный.

Огни созвездий гаснут на заре,
И два кретина в каменной норе
Туда-сюда катают шар чугунный.

* * *

Как золотые липы хороши
Меж зданьями Покровского бульвара!
Ко мне – я слышу запах перегара –
Подходят молодые алкаши.

Папаша, где ближайший гастроном?
В их тоне слыша нотки уваженья,
Я объясняю местоположенье,
И вот они уходят за вином.

Стою, гляжу на липы, на закат.
Вот я уже для юношей «папаша».
Как все же быстро жизнь проходит наша,
И не поймешь, кто в этом виноват.

* * *

Вот весна пришла опять,
Расцвела природа.
Снова некого обнять
В это время года.

Скоро стану все равно
Лысым как коленка.
Жизнь похожа на кино
Студии Довженко.

О творчестве

Все это, конечно, очень странно,
Все это, конечно, очень дико,
Если вдруг из незажившей раны
Вырастает красная гвоздика,

Если человек гвоздику эту
Бережно сорвет и ставит в воду,
Чтоб она была поближе к свету
И видна досужему народу.

* * *

Тлеет небо, лужи, сырость,
Облетает старый вяз.
Я по улице, где вырос,
Прохожу в последний раз.

В подворотне тьма густая,
Дворник шаркает метлой,
Павших листьев подметая
Золотисто-красный слой.

* * *

Чирикают птички, и утро такое,
Что хочется ласки, любви и покоя.
Но жизни условия жёстки, как жёсть,
А утро и птички – пожалуйста, есть.

Александр Козлов

* * *

Средь высоких хлебов затерялся Петров.
Напугал его лаптем Васильев.
А товарищ Петрова Семен Иванов
На пожар побежал с керосином.

Он плеснул керосин – затрещала изба,
Разлетелась искра на полсвета.
Сильный ветер подул, занялись хлеба.
Ой, Петров! Ваша песенка спета.

1971

* * *

Татарин сожрал килограмм маргарина,
А дочка татарина Тата и Рина,
И мать, и отец, и другие татары
Сожрали рояль и четыре гитары.

Ветер

Был гроб мой без крышки, могила без дна.
У гроба сидела девчонка одна.
И северный ветер платок ей листал.
И к ветру затылком из гроба я встал.
Она отвернулась, свежая щекой,
Разглаженной ветра упорной рукой.
Пронизанный ветром, я рядом стоял,
Без слова и вздоха, недвижим и вял,
Свою бездыханность, как вечность, храня.
Лишь раз равнодушно взглянув на меня,
Она без улыбки на темный восток
Смотрела, поглубже надвинув платок.
Смотрела, как быстро темнеет река,
Как ветер швыряет и рвет облака,
Как черные он обдувает холмы
И к самой земле пригибает дымы.

1978

Полковники

Утром полковники бреются дома,
И по совету врачей
Лично снимают с дежурного стрема
Возле ворот стукачей.

После заутрени, сбросивши рясы
Вместе с мочалом бород,
Вяжут при обысках рубщиков мяса
Крупных рогатых пород.

Ночью полковники серы, как кошки,
Но, если месяц взойдет,
Прочь разбегаются с лунной дорожки
С криками «Стой! Кто идет?»

Ночью полковники серы, как крысы,
И коготками сапог
Дружно скребут, под папахами лысы,
Мой генеральский порог.

1978

Печенег

Я к печенегам затесался в конный строй
На общих правилах, с бритой головой,
И жил, как все они, набегом и муштрой,
Скрывая ненависть и гнев скрывая свой.

Так с сердцем стиснутым, украдкой крестясь,
Я кровью русскою кропил ковыль и грязь.
А в стольном городе, на скиптр облокотясь,
Ждал тайных сведений и планов светлый князь.

Но не дождался, так как осенью в четверг
Все разом кончилось, и белый свет померк,
Когда мне, спящему в излучине трех рек,
Отрезал голову какой-то печенег.

1978

Таракан

Шагну в избу через порожек,
Зажгу лучину, вытру пыль.
Сосущий кровь сороконожек
За печкой свистнет нетопырь.

И хрусткий, точно хворостина,
Упавший на спину в стакан,
Мне голенищами хитина
Отсалютует таракан.

Он будет иероглифичен,
Или на клинопись похож,
Когда, моноклем увеличен,
Просеменит ко мне под нож.

Я иссеку сегменты брюха
Анатомическим ножом,
Оскал от уха и до уха
Затампонирую пыжом,

Надкрылий кожистые фалды
Ошпарю острым кипятком.
Его глаза, как две кувалды,
Застынут мерзлым чугуном.

Стальным пинцетом вырву глотку,
Трахеи дыхалец, глаза...
Обжарю, съем, рыгну и кротко
Перекрещусь на образа.

А мелочь губ, чешуйки пяток
И шелестящих челюстей –
Четвертый сорт, сухой остаток –
Заправлю маслом для гостей.

1986

Александр Лайко

Станция «Пески»

Как холодно на перекрестках!
В подъезде дуют сквозняки,
в пролеты сыплется известка,
в пролеты жизни и реки
Москвы
у станции «Пески».

Там липы ходят с барабаном,
тревожат пионерский сон.
Над геральдическим бараном
кумач на мачту вознесен.

В прохладной церковке – обеды,
послевоенные супы
и дети тихие Победы,
перловой едоки крупы.
От металлической тарелки
дрожит на своде слабый блик,
где, проступая сквозь побелки,
апостольский склонился лик.

Что мне рассказывал апостол
среди акаций и оград?
Сейчас припомнить все непросто –
про жизнь и смерть, и Сталинград.
Он словно бы сходил со свода,
в побелке, а скорей в пыли,
ждал терпеливо и поодаль
держал в культяшках костыли.

И очень медленно, достойно
ел принесенный мною хлеб,
и на реку глядел покойно,
как на течение судеб.

1970

Людмила Петрушевская

* * *

Рая
мы пришли к ней за молоком
рассказывает

про женщину Катю

Катя как-то говорит
ой
иду по деревне
мне встречается
какая-то баба

как я

одета как я
ну прям я
идет навстречу
вон там
у Грунькина дома

через три дня
Катя умерла

видно ей повстречалась
ее смерть

оделась как она
обулась в калоши

покрылась платком
как Катя

бедно одетая
смерть

больная убогая

своя

* * *

старики пашут
с недоумением взирая
на своих стариков
детей

что-то здесь

не то

наши дети
были не такие старые
фокус игра
времени

качать в колыбели
старого алкоголика
и его незнакомую
старуху

На базаре

(трио)

– Ты не знаешь я чья
я соседка Нинкина

– ДА

– котора
тебя обворовала

– ДА Я ТЕБЯ ПРИЗНАЛА

– ой что там деется
она

она Витьку выгнала он ей окна побил в окно залез из
тюрьмы
пришел ночевать негде переночевал у ей
все унес
украл
ее избил

– ДА

– он же закодированный
(3-я бабка)

– он лопает
как лопал так и лопает

– кто закодировался нельзя пить умирает

– не умер

живет
лопает

– ДА

– а какой у ней муж был какой муж не пил она пила жила он
на кровати она на диване с другим его спрашивают что же ты
ты муж а он а что я поделаю

– и умер

– и умер

инфаркт

инсульт

– сердце не выдержало

– А ОНИ ЖИВУТ

– они живут а Витька ее избил

у нее рот зашит

глаз один зашит

живот зашит

инвалидность через него получила

– инвалидность это

пенсию платить будут

хорошо

– дом пустой окна выбиты всё вынес продал

пропил

а она

ворует капусту по огородам

придет

ой какой пододеяльник я люблю в цветочек только постирали

вывесили

она раз

унесла

– У МЕНЯ УКРАЛА ДА

– ну вот

я ей соседка

– А Я ТЕБЯ ПРИЗНАЛА

Владимир Попов

Глубокая осень

Ветра дикие набеги.
Холод утренний в снях.
Туда едешь на телеге,
а оттуда на снях.

Собираются метели
недалёко от земли:
засвистели вдруг свистели
в ледяные свистули.

Звук течет – передается, –
тонкой ниткой оборвется.
И застынет, как во сне,
добежав до середины...

Капли редкие рябины
кровью капают на снег.

Стихи о травме

Хирург завязывает рану.
О чем-то громко говорит.

Звезда как лампочка горит
на клюве башенного крана.

В окно стучат стеклянные кусты.
Я спать хочу. Я больше не могу!
Совсем недалеко от губ
прохладные ладони медсестры.

По лужам хрупал тонкий лед,
когда меня несли к медпункту.
А рядом шла собака Думка.
И пролетел тяжелый вертолет.
Смотрели люди из окна.
И на крыльце крестилась бабка.
«Ты покури», – сказал Иван.
А Лешка мне поправил шапку.

* * *

Шум ледохода нас разбудит,
и краткий сон сгорит дотла.
На берегу собьются люди:
река пошла.
Пошла. Пошла!

И жутко сердце замирает,
когда проходит мощный вал.
Уже прибрежные сараи
срезают льдины наповал.

Мостки разносят на куски.
И длинно бороздят следы,
как будто чудища морские
ползут на берег
из воды.

И на далекой середине
реки, грохочущей и страшной,
облезлый волк
плывет на льдине
и воеет горько и протяжно.

* * *

В пяти верстах от леспромхоза
стоит старинный магазин,
где хлеб, вино, олифа, гвозди,
конфеты, книги, керосин.

Где топится дровами печка –
горит в печи живой огонь.
И рядом с платьем подвенечным
ружьё, капканы и гармонь.

И продавец для всех приветлив
и стар, как этот ясный день.
Он знает лучше всех на свете
характеры простых людей.

Сюда приходят все дороги.
И бывший конюх круглый год
сидит угрюмо на пороге
и песню дикую поет.

* * *

Он сидит, как государь,
на крыльце сосновом.
– Здравствуй, дедушка Глухарь!
Он кричит:
– Здоровый!

Лето катится к венцу
в благодатной выси.
Дед похлопал по крыльцу
и кричит:
– Садися!

Вот сидим теперь рядком
мы в деревне маленькой:
я зачем-то босиком,
дед зачем-то в валенках.

Смотрим мы на небеса,
как перед полетом.
Курим дедов самосад,
мешанный с пометом.

Слезы льются из очей
от такой нелепости...
Я кричу ему:
– Зачем?
Он кричит:
– Для крепости!

* * *

Ночь осенняя. Избушка.
Месяц молодой.
Листья падают в кадуюшку
с дождевой водой.

Ветер кроны беспокоит...
Словно человек,
шорох тонкою рукою
шарит по траве.

Ветки тянутся к губам
и толпятся следом.
Пахнет медленный туман
молоком и хлебом.

Валерий Рубин

* * *

Ваше дело – голова,
наше дело – кабала...
Хоть бы раз меня спросили –
как дела?

Как бы я вам улыбнулся,
как бы я
постарался, развернулся,
как баян.

Светлан Семененко

Между черемухой и сиренью

Маше Володиной

Между черемухой и сиренью
два или три божьих денька.
Может быть, счастье продлится с неделю,
кто его знает, жизнь коротка.

Жизнь коротка, и только дорога
ох и долга, ох далека...
Смерть – она рядом, вон, у порога.
А жизнь дорога, ох дорога!

1990

Весенняя элегия

Ах, нет ничего лучше этих весенних окраин,
где бастионом стоит краснокирпичная мануфактура,
а вокруг просто живут люди и кошки
и всегда тебя понимают.

Вот рыжему скажешь коту: мыра! мыра!
А он вежливо скажет в ответ: мяу!
и дальше пойдет по своим делам. А куда ты пойдешь,
куда пойдешь, кому скажешь,

как хорошо живут тут люди,
всяк при своем уме и всяк при своем почете,
при своем доме и при своей благодати?

Вот и стоишь, как пень, посередь посада,
где так тихо, так хорошо, а город
где-то там, далеко, дурацким своим привеском,
с грубой своей суетой и нищим великолепьем.

А здесь уже наступила весна, здесь тихо
и так хорошо, как, наверно, в могиле.
Синицы звенят, и синь в облаках играет,
и люди проходят мимо,
устраивая свое житье кой-как, помаленьку,
в отличие от тебя, обормота.

Михаил Соковнин

Сти-шки

*

У-
ли-
зну-
ли.

*

За-
ли-
за-
ли.

*

Фар-
фор.

*

Ком-
ком.

*

Ши-
ши.

*

Гос-
гор-
технадзор.

*

Цер-
бер.

*

По опы-
ту по-
топа

*

Лю-
блю...

*

Двоеточие
и многоточие

Жаба

Жила-была
Же-А-Бе-А.

* * *

Май мнуц, маняц и зеленяй.

* * *

Небо серое-серое.
Небо северное.
Мало перьев на сосне,
и сквозящая макушка
в небо просится.

Отчего она, кукушка,
по весне?
Отчего она не по осени?

* * *

Самовар.
Сеновал.
Лето презимовал.
Осень – ветер,
осень – дождь...
Так и смерть переживешь.

О погоде

О погоде погадай,
о погоде.
О погоде и природе,
о природе.
О природе и приросте,
о приросте.
О приросте и приплоде,
о приплоде и погоде;
о погосте.

Электричка

Это – небо? Или крышка
придавила землю, что ли?
Прогудела электричка –
светлячок в огромном поле.

И – догадка – не догадка –
так подумалось про это,
что мои друзья куда-то
в этом поезде проедут:

всех, кого я знал и помнил,
окна поезда покажут,
и кто после взял и помер,
даже те в окно – помашут,

и кого не помнил ясно,
и кого не помнил вовсе,
с кем поссорился напрасно,
и кому писать забросил.

Кинолента убежала –
не увижусь больше с ними!
Все это пока мигала
мимо окнами большими.

1964

Огонек

Как одинок он, огонек,
едва отмечен оком,
он все бежит, не отстает,
не отстает – от окон.

Но черный лес – наперерез!
Да огонек напорист,
он – через лес, он – через лес,
и догоняет поезд,

подмигивает: я – сейчас!
И как он не устанет? –
он спотыкается, сейчас
о сучья и кустарник.

Гудок. Как видно поворот.
Обидно: не догонит.
Он – отстает. Он – вон! Он – вот!..

Разносят чай в вагоне.

1964

Обсерватория

Проплываем по тихой Волге,
след моторки полог, не крут.
Я бросаю гребти Володьке.
Пересел. И гляжу вокруг:

приближается берег левый
(но не хочется приставать),
над линючей водой лиловой
темной линией острова.

И река, и весло – все немо.
Опрокинься, лежи – смотри.
Видишь небо. Какое небо! –
точно шар земной изнутри:

наверху движет льдины полюс,
океан ледовит и синь,
ниже – леса зеленый пояс
и зари полоса пустынь,

и, возможно, что это люди
бродят звездами в небесах.
Карта буден и Карта судеб. –
Ты их, Господи, написах!..

1966

Москва–Пермь–Москва

Поэма набросков

...Проплыли только полканала,
уж светит солнце вполнакала.

...Берег померк.
Берег померк.
Свет уходит поверх,
свет уходит поверх.

Неплохой
теплоход

В пристань белый теплоход
выпустил свистков обойму.
Отошел. И вот – плывет.
Медленно плывет.
Достойно.

...Пошлепываем тихо-мирно:
Ново-Окатово и Кимры,
ту-ту! – приветствуем гудками
расположившийся Тутаев,
и от Тутаева – ту-ту! –
отваливаем в темноту.

...Поднявшийся со дна покойник –
Калязинская колокольня...

...Церкóвки, будто я расставил
и так оставил, – Ярославль...

Конечно,
Кинешма:

Вот это Волга!
Вон как! Вот как!
С обрыва лодка –
точка
только,
и даже самый теплоход
отсюда точно
поплавок.

...Эх-ма,
Балахна!
Кабы не такая тьма...

...Переплываем за луной.
Еще придется пароходу
стучать колесами, работать
остаток ночи остальной.

Луна отдельно от небес
висит, глядит неуголимо,
по черным волнам гуталина
плывет ее тяжелый блеск.

...Как ты жив-здоров, старый город Нов,
город Горький – Нижний Новгород?

...Погрузка.
Смесь татарской, русской,
свист!.. И опять черно-мокро
с огоньками Васильсурска,
слипшимися за кормой.

...Косою от прямого блеска –
луна. И час на всю Казань.
Немного мало, так сказать.
До света далеко не близко.

...В Дагестане было три имама...
...А теперь в Казани три Кабана...
...Первый был – один имам...
...Три Кабана... Царь Иван...

Кама

А вот и утро. Сколько зим!
Повей еще, еще подуй!
Скользим по Каме, как по льду,
плывем по Каме, как скользим.

И снегом из-под колеса
плывет вода, плывет. Водой
затоплены, стоят... Постой:
леса затоплены, леса.

И холод за руку берет.
Табачный лист! И – черный лист!
Сквозь воздух – он немного мглист –
белеют косточки берез.

Леса стоят как на позор,
о снисхождении моля.

Водохранилища! Моря!
А в корне – похороны, мор.

А за кормой – разрыхлый след,
как от саней, как от саней.
Синей, еще синей. Синей.
О, сколько зим! Каких уж лет...

...Воткинск.
Скользкий ужас шлюза –
высыхающая лужа.
– Всё, что есть на берегу! –
Поздно. Крикнуть не могу.
В эту темную коробку
на веревках
долго, ровно,
долго, ровно,
долго, ровно –
опустили пароход.

Что же – после похорон?

...Елабуга,
Тихие горы,
кладбище.
Разговоры:

– Леса-то сплыли? – Лесосплав.
– Все правильно: Росстрой, Госстрах...

...Мель с разводами ветчины.
Ветер. Набережные Челны.

...Гуляем: Галима и я.
Пустырь как свежая могила.
Вдруг – рынок. Семечки. Калина.
Рыбёш-Дербёш-галиматя!

Товаров на копеек тридцать.
Наверное, для интуристов...

...Высыпали крыш осколки
на зеленый косогор.
С добрым солнышком, Соколки!
Вы, Соколки, – высоко...

ПРИЕХАЛИ. СИДИМ В ПЕРМИ.
ВСЕ ТО, ЧТО СЗАДИ, – ВПЕРЕДИ.

...Матушка-Пермь-матушка!..

*Разговоры
по дороге:*

- А на озере Светлом Яре...
- Ну а в городе Ярославле?
- По горам да по валунам...
- И на острове Валаам.
- Быстро, выгодно, все удобства!
- И до само-Сольвычегодска?
- В Соловецком монастыре...
- А советские показали?
- А Москва стоит на Москве-реке.
- И Казань стоит на Казани...

Казань

Так рано. Даже воробьям.
А я иду. Все знаю. Странно.
Вот, в стороны от Татарстана, –
Тукаевская. Нур-Баян,

Булак: бульвар-канал, за ним –
Проломная, по ней налево –
большой собор Богоявления
трезубец в темноту вонзил,

а дальше – улочек разброд:
Казань – Москва, Москвы изнанка,
река Москва, река Казанка,
Москва – Казань. Наоборот.

Светает. Вспыхнул гастроном.
Через – по мостику трамваи
прошли. И, точно при Иване,
по небу пролетел дракон –

ну, просто утро. Тем годам – !
И, розовея в синем небе,
возникла башня Сююмбеки.
Но тихо озеро Кабан.

...Где там Москва ваша?! –
Набережные Моркваши...
Пустые Моркваши...

ШЛИССЕЛЬБУРГ И СВЯЖСК –
ассоциативная связь.

И я тоже за туристами
тропинкой ползу от пристани
всё в гору. Кусты, жара.
Живые: больные, при смерти,
могильщики и сторожа.

Пустые, в лесах, соборы,
и лесом стоит крапива.
Но нету здесь ни столовой,
в которой – ни кружки пива.
Все-таки так красиво!..

*По дороге
разговоры:*

– Пятипролетный, через Волгу
и, вместе, конструктивен, прост,
не правда ли? – Конечно, ловко:
здоровый мост.

– Луна в озере.
Озеро Неро...
– Унавозили,
и – зазеленело...

– Вы что посадили – саженцы?
– Посажены под Казанью.
– Скажите, а вы не скажете?
– Знаете, я не знаю.

...А на стекле поет комар,
что за стеклом плывет канал.

...Чух-чух. Чух-чух. И – та-та-та! –
Над головой колесами.
Лиловые, бегут туда
короткими полосками.
А солнце мост
и все размочет.
Вот прежний пост
проходит поезд.

...По каналу плывем в Москву,
и колеса – и в такт и в лад:
вот-так-так,
вот-так-так,
вот-так-так...

Мост.
И – никого на мосту.

Солнце село. Спустили флаг.

1966

Разлив Оки

Н. С. Г.

Разлив холодныя Оки,
одно шоссе – остаток суши,
и всю дорогу бьющий в уши
державинский разбег строки:

разлив холодныя Оки.

Вода как смерть над берегами,
повсюду – пустота воды,
предчувствием такой беды,
которая не за горами.

Разлив холодныя Оки,
пустых вагонов бег обратный.
Бог! День! Хоть чем-нибудь обрадуй,
хотя находкою строки:

разлив холодныя Оки.

1970

* * *

Мы рыбы. Нас из моря смерти
На сушу жизни бросил вал
А может быть нас взяли сети
И воздух рот нам оковал

И мы лежим себя не знаем
Не смея стронуться с песка
Пока из глуби вод за нами
Не хлынет мощная рука

26 июня 1975

Алексей Тимаховский

Осоед

Ос, что семечки лузгает,
только крылышки плюет.
«Стрелы – жальные» глотает.
Любит птица с ядом мед.
Мед, украденный у пчелок.
У мохнатого шмеля.
В его домике крученом –
разоренная семья.
Осы в мед чужой летали:
Осоед следил куда...
Аппетит ему нагнали,
Выдрал всех из-под куста.
Только соты, как подсолнух –
Ошелушенный кусок.
Жалко шмеля. Жалко пчелок.
Осоед к ворам жесток.
Ну а пчелки трудолюбые,
Что ж наделал осоед.
Не оставил мне на губы
Меда дикого в обед.

* * *

Цвета способны двигать таракана.
И бабочек ночных включает в жизнь:
и движет свет небес.
И как бы ни казалась мысль моя кому-то странной,
но я решил и подаю идею, с коею возможно
разрешить проблему вечности, войдя в контакт
с небесными АЭС.

Олег Чухонцев

* * *

Этот город деревянный на реке –
словно палец безымянный на руке;
пусть в поречье каждый взгорок мне знаком
как пять пальцев – а колечко на одном!

Эко чудо – пахнет лесом тротуар,
пахнет тесом палисадник и амбар;
на болотах, где не выстоит гранит,
деревянное отечество стоит.

И представишь: так же сложится судьба,
как из бревен деревянная изба;
год по году – не пером, так топором –
вот и стены, вот и ставни, вот и дом.

Стой-постой, да слушай стужу из окон,
да поленья знай подбрасывай в огонь;
ну а окна запотеют от тепла –
слава Богу! Лишь бы крыша не текла!

1965

* * *

Мера такая: два на три аршина.
Время такое: на горло берет.
Ночью за окнами станет машина,
дверцею хлоп – и душа упадет...

1968

* * *

во сне я мимо школы проходил
и выдержать не в силах разрыдался

* * *

Так много потеряно, что и не жаль ничего!..

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

1971

Послевоенная баллада

– Привезли листовое железо.
– Кто привез? – Да какой-то мужик.
– Кто такой? – А спроси живореза.
– Сколько хочет? – Да бабу на штык.
– И хорош? – Хром на оба протеза.
А язык пулемет. Фронтовик.
– Да пошел!..

– Привезли рубероид.
Изразцы привезли и горбыль.
– А не много? – Да щели прикроет.
Ты вдова, говорит, я бобыль.
А глазами так и буровит.
– Ну-ка, дьявол, держись за костыль,
а не то...

– Привезли черепицу.
– Убирайся! – Задаром отдам.
Разреши, говорит, притулиться
инвалиду ко вдовым ногам.
Я не евнух, и ты не девица,
ан поладим с грехом пополам.
.....
Дом стоит. Черепица на крыше.
В доме печь: изразец к изразцу.
Кот на ходиках: слушайте, мыши.
Сел малыш на колени к отцу.
А дымок над трубою все выше,
выше, выше – и сказка к концу.

Ах, не ты ли – какими судьбами –
счастье русское? Как бы не так!
Сапоги оторвало с ногами.
Одиночество свищет в кулак.
И тоска моя рыщет ночами,
как собака, и воет во мрак.

1979

* * *

Стоит село
невесело,
петух поет,
а народ не встает.

Ели, пили,
прибрать забыли,
а легли спать –
некому встать.
Кричит петух,
а народ-то глух,
хоть кричи, хоть вой –
ни души живой.

Черная корова
всех запорола.

Стоит дом,
ни души в нем.
Хаты, хаты.
Где вы тут, ребята?
Молчат хлопцы,
спит звезда в колодце,
а ударит ветер –
прохрипит как петел,
и на тыщу лет
ни эха в ответ.

Черная корова
всех поколола.

Где ты, Степан,
Микола, Иван,
Ганка, Степанида?
Поля все светлей,
кличет Див с ветвей,

Дева ли Обида,
а тут панихида.

Который уж год
тёрн без вас цветет,
черешня да вишня,
а мовы не слышно.
Лишь звенит полынь
в червонную синь:
динь-динь.

Черная корова
весь мир поборола.

Аминь!

1986

* * *

Без хозяина сад заглох,
кутал розу – стоит крапива,
в вику выродился горох,
и гуляет чертополох
там, где вишня росла и слива.

А за свалкою у леска
из возгонок перегорелых
наркоты и змеевика
граммофончик звенит вьюнка
в inferнальных уже пределах.

Страшно мал, но велик зело,
ибо в царстве теней пригрелся,
пожирающий знак зеро.

Вот и думай, мутант прогресса,
что же будет после всего,
после сняти, болота, леса...

После лирики. После эпоса.

Игорь Шкляревский

* * *

И лошади лицо и морда человека
мне в зимний день запомнились, когда
в развалинах лежали города.

Махнул рукой с обочины калека...
И лошадь вроде шаг попридержала.
Но щелкнул кнут в пустых санях,

и розовый от холода и сала
ездок промчался в сторону вокзала.
И шевельнулся незнакомый страх...

* * *

Огни поселка за холмом!
Мечта уже ночует в нем.
А тело все еще бредет...
Ручей одолевает вброд.
Над лесом серый небосвод.
И что-то булькает в груди.
Огни поселка – впереди...
Там хлеб и чайник на столе.
С тоскою давней о тепле –
постой! Помедли! Подожди!
Осталось телу – три версты
сквозь непролазные кусты.
И по спине – холодный зуд.
В кустах миллионы капель ждут.
Миллионы капель ледяных.

И с криком я пошел на них...

Об авторах 1-го тома | комментарии

В кратких биографических сведениях возможны неточности и неопределенности.

В библиографических сведениях мы даем основные публикации и источники стихотворений, вошедших в данную антологию.

Указаны названия циклов и крупных вещей, части которых вошли в антологию.

Мы комментируем также некоторые малоизвестные реалии, факты и фамилии.

Список сокращений:

АГЛ – Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны», тт. 1–5Б. Newtonville: Oriental Research Partners, 1980–1986. Сост. К. Кузьминский и Г. Ковалёв.

НЛО – Новое литературное обозрение (журнал и изд-во).

Самиздат века – Самиздат века. Минск-М.: Полифакт, 1997. Составитель поэтического раздела Г. Сапгир; редакторы И. Ахметьев и В. Кулаков.

НП – сетевая Антология неофициальной поэзии (<http://rvb.ru/np>), основанная на поэтическом разделе «Самиздата века». Куратор И. Ахметьев.

БП, б.с. (м.с.) – Библиотека поэта, большая (малая) серия.

НБП – Новая библиотека поэта.

АРПКиРП – Антология русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии. М.: Гелиос-АРВ, 2002. Составление и комментарии Г. Лукомникова и С.Федина. Консультант Д. Авалиани.

СП – Союз писателей СССР.

При подготовке справок использовались материалы НП, АГЛ, сайтов «Вавилон» (<http://vavilon.ru>) и «Литкарта» (<http://www.litkarta.ru>), справочных изданий – таких, как «Самиздат Ленинграда» (М.: НЛО, 2003), «Новая Россия: мир литературы» С. Чуприна (М.: 2002; СПб, 2003), Википедия (<http://ru.wikipedia.org>) и множество других, самых разнообразных источников информации.

Абдуллина Лира Султановна

(26.01.1936, Кушнаренково, Башкирия – 15.06.1987, Старый Оскол, Белгородская обл.)
Поэт, журналист. Жена В. В. Нешумова. Окончила Литинститут. Жила в Норильске, Красноярской обл., Старом Осколе, работала редактором на местных телеканалах, в газетах.

Высоки снега. Красноярск, 1972; *Стихотворения.* Красноярск, 1990; *Живое слово* [коллективный сборник]. М., 1991.

Все, что звали мы любовью... – из цикла «И не стало брата у меня».

Авалиани Дмитрий Евгеньевич

(6.08.1938, Москва – 19.12.2003, там же)
Поэт, палиндромист. Родился в семье книжного графика Евгения Авалиани. Окончил географический ф-т МГУ. Стихи писал с юности. Был близок к кругу Е. Сабурова и Л. Иоффе, познакомился с Л. Аронзоном и первый привез его стихи в Москву. В 1980-х увлекся комбинаторной поэзией, писал палиндромы, анаграммы и т.п. С 1992 активно занимался амбиграммными – двоякочитаемыми поэтическими надписями. Первые заметные публикации появились в начале 1990-х. Был сбит машиной.

Пламя в пурге. М.: АРГО-РИСК, 1995; *Улитка на склоне.* М.: Эпифания, 1997; *Иной реестр.* М.: А и Б, 1997; *Лазурные кувшины.* СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000; *АРПКУРП*; рукописи из архива Г. Г. Лукомникова.

Агеев Леонид Мартемьянович

(21.11.1935, Ленинград – 16.02.1991, там же)
Поэт, прозаик. Окончил геологоразведочный ф-т Ленинградского горного ин-та, работал по специальности. В 1950-е годы – участник лито Горного ин-та под руководством Г. Семёнова. Первая книга вышла в 1962 году (редактор Б. Слуцкий). *Геология жизни: Избранные стихотворения.* – СПб.: Журнал «Нева», 2002.

Адамович Георгий Викторович

[7(19).04.1892, Москва – 21.02.1972, Ницца]
Поэт, критик, переводчик, эссеист. В 1910-х был близок к акмеистам, один из руководителей второго «Цеха поэтов». В 1923 эмигрировал из СССР, жил в Берлине, затем во Франции. Один из ведущих критиков русской эмиграции, основатель и лидер поэзии «парижской ноты». *Единство.* Нью-Йорк, 1967; *Полн. собр. стихотворений.* СПб.; М.: Академический Проект, Эльм, 2005.

Ночью он плакал. О чем, все равно... Н. Р. – Николай (Наум) Георгиевич Рейзини (1905–1979?) – в начале 1930-х годов завсегда́тай русско-го литературного Монпарнаса, вдохновитель журнала «Числа», после войны – американский миллионер (в 1960-х разорился).

Окно, рассвет... Едва видны, как тени... – из цикла «Пять восьмистиший».

Айги Геннадий Николаевич (*Лисин*; 21.08.1934, Шаймурзино, Чувашия – 21.02.2006, Москва)

Поэт, переводчик. В 1953–1958 учился в Литинституте (исключен «за написание враждебной книги стихов, подрывающей основы метода социалистического реализма»). В 1961–1971 работал в музее Маяковского. С 1960 пишет стихи только на русском языке. В СССР его русские стихи не печатались до 1987. Лауреат премии Андрея Белого (1987).

Стихи 1954–1971. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1975; *Поля двойники.* Чебоксары, 1987; *Здесь.* М.: Современник, 1991; *Собр. соч. в 7 т.* М.: Гилея, 2009.

Айхенвальд Юрий Александрович

(16.11.1928, Москва – 28.06.1993, там же)
Поэт, переводчик, театровед, историк русской культуры. В 1944 в лито при издательстве «Молодая гвардия» познакомился с А. Вольпиным и Н. Коржавиным. В 1947 поступил на литературный ф-т Московского педагогического ин-та. Осенью 1949 арестован и выслан в Казахстан. С 1952 по 1955 находился в Ленинградской тюремной психиатрической больнице. После реабилитации окончил педагогический институт и преподавал литературу в школе, пока не был уволен за участие в правозащитном движении. *По грани острой. Книга стихов и прозы.* Мюнхен:

Эхо, 1972; *Стихи и поэмы разных лет.* М.: Мемориал, 1993, 1994.

Стихотворение на чужой строке

«Когда я сидел в ожидании приговора Особого Совещания при МГБ СССР в 113 камере Бутырской тюрьмы, меня неотвязно преследовала строчка: «Потом начнется новая война», заключающая совершенно позабытое мною стихотворение, которое я слышал в 1946 г. на вечере молодых поэтов-фронтовиков в Московском ун-те. Чтобы избавиться от наваждения, я попытался написать это стихотворение заново, воспроизведя его настроение и ход». (прим. автора)
По всей Караганде разбросаны... – «Качкой» наша хозяйка из раскулаченных называла колыбель (прим. автора).

Аксёнов Василий Павлович

(20.08.1932 Казань – 6.07.2009 Москва)

Прозаик, переводчик. Родители (партийные работники) были репрессированы в 1930-е. Воспитывался в детском доме, некоторое время жил в Магадане, где находилась на поселении его мать, Е. Гинзбург. В 1956 окончил Ленинградский медицинский ин-т, работал врачом. Печататься начал в 1959. В некоторые прозаические произведения включал стихи собственного сочинения. Один из организаторов альманаха «МетрОполь». В 1980 выехал по приглашению в США, после чего был лишен советского гражданства. Жил в США, преподавал в различных университетах. В 2004 перебрался в Европу, жил попеременно в Биаррице (Франция) и Москве.

Край недоступных Фудзиям (стихи с объяснениями). М.: Вагриус, 2007.

Приведенное стихотворение – из книги «Поиски жанра» (1972).

Алексеев Геннадий Иванович

(18.06.1932, Ленинград – 9.03.1987, там же)

Поэт, прозаик, художник. В 1956 окончил инженерно-строительный ин-т, в 1963 аспирантуру. Преподавал историю искусства в том же институте. Писал стихи с 1953, с начала 1960-х публиковался как в самиздате, так и официально.

На мосту. Л., 1976; *Избранные стихотворения*.

СПб.: Геликон Плюс, 2006; *Ангел загадочный*.

М.: Арго-риск, 2007; АГЛ-2Б; НЛО № 14, 1995;

«Полилог» (<http://pavelnastin.googlepages.com/Polylogue0012008.pdf>).

Отошел – из цикла, в АГЛ озаглавленного «Дурацкие миниатюры», в «Полилоге» – «Иронические миниатюры».

Алексеева Лидия Алексеевна

(урожд. Девель, по мужу Иванникова;

7.03.1909, Двинск – 27.10.1989, Нью-Йорк)

Поэт, переводчик. В 1920 вместе с родителями эвакуировалась в Константинополь. Печататься начала в 1930-е в Югославии. Участвовала в кружке «Новый Арзамас». С 1949 жила в Нью-Йорке. *Поэтессы русского зарубежья: Алексеева, Анстей, Синкевич*. М.: Советский спорт, 1998. *Горькое счастье*. М.: Водолей Publishers, 2007;

Алешковский Юз

(Иосиф Ефимович; род. 21.09.1929, Красноярск)

Прозаик, поэт, автор песен. В 1950 во время прохождения службы в армии был осужден на 4 года за нарушение военной дисциплины. После освобождения работал шофером. В Москве – с 1955.

Писал для детей, сценарии для кино и телевидения. Огромную популярность приобрели его песни лагерного цикла (правда, мало кто знал их истинного автора). С 1970 пишет прозу.

С 1979 живет в США, в университетском центре штата Коннектикут.

Собр. соч. в 3 т. М., 1996.

Андреева Галина Петровна

(род. 5.07.1933, Москва)

Поэт, переводчик. Окончила Московский ин-т иностранных языков (1957) и факультет журналистики МГУ (1967). Работала стюардессой-переводчицей по маршрутам Москва–Хабаровск, Москва–Новосибирск (в заграничные рейсы не вылетала как «неблагонадежная»). С середины 1950-х – участница «группы Черткова». В ее «мансарде с окнами на запад» на Б. Бронной они и собирались. Живет в Москве.

Стихи. М.: ВНИРО, 2006.

Андреев Даниил Леонидович

(20.10.(2.11.)1906, Берлин – 30.03.1959, Москва)

Поэт, прозаик, философ-визионер. Сын писателя Леонида Андреева. Воспитывался в семье тети по матери. Окончил Высшие литературные курсы, работал художником-шрифтовиком. В 1942 мобилизован в качестве нестроевого. После войны жил в Москве. В 1947 арестован по обвинению в создании антисоветской группы и подготовке покушения на Сталина. Был осужден на 25 лет тюремного заключения. В апреле 1957, будучи уже тяжело больным, освобожден. Главным произведением считается трактат «Роза Мира», официально опубликованный в России лишь в 1991. *Собр. соч. в 4 т.* М.: Урания, 1996.

Андреевская Мария Ивановна

(19.12.1936, Ленинград – 25.06.1985, Москва)

Поэт, прозаик, филолог. Дочь богослова И.М. Андреевского, племянница М.М. Шкапской. Перенесла ленинградскую блокаду; спаслась вместе с матерью благодаря хлопотам М. Юдиной и С. Маршака. В 1961 окончила с отличием филфак МГУ. Работала в музее Пушкина, в философской редакции издательства «Советская энциклопедия», в НИИ культуры. Последние годы жизни страдала тяжелой неизлечимой болезнью. При жизни почти не печаталась.

Стихотворения и поэма. М., 1992; www.poesis.ru/poeti-poezia/andreevskaja/biograph.htm

Антокольский, Павел Григорьевич [19.06 (1.07).1896, Петербург – 9.10.1978, Москва]

Поэт, переводчик, критик, эссеист; художник, актер, режиссер. Родился в семье адвоката. С 1904 жил в Москве. В 1914 окончил гимназию, поступил на юридический ф-т Московского ун-та (курса не окончил). С 1915 работал в драматической студии Е. Б. Вахтангова (в первой половине 1930-х – режиссер в Театре им. Евг. Вахтангова). Как поэт дебютировал в 1920. Лауреат Сталинской премии (1946).
Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. пис., 1982 (БП, б.с.).

Анчаров Михаил Леонидович

(28.03.1923, Москва – 11.07.1990, там же)
Поэт, прозаик, сценарист, художник. Один из родоначальников жанра авторской песни. В 1941 по направлению райвоенкомата поступил в Военный ин-т иностранных языков. Участвовал в боевых действиях в Маньчжурии. После войны закончил ф-т живописи Московского государственного художественного ин-та им. Сурикова. В 1955–1958 учился на курсах киносценаристов, с 1962 писал сценарии к фильмам. Первые песни на собственные стихи написал во время войны. Первая пластинка вышла за год до смерти, до этого песни в авторском исполнении распространялись исключительно в магнитозаписи.
Ни о чем судьбу не молю. М.: Вагант-Москва, 1999; *Сочинения*. М.: Локид-Пресс, 2001.

Аронов Александр Яковлевич

(30.08.1934, Москва – 20.10.2001, там же)
Поэт, журналист. Закончил Московский педагогический ин-т и аспирантуру Ин-та художественного воспитания при АПН РСФСР. Работал школьным учителем в Подмосковье и в Москве, занимался математической лингвистикой в ЦЭМИ АН СССР. Более 30 лет был обозревателем газеты «Московский комсомолец», вел постоянную колонку, в которой нередко публиковал свои стихи, однако первую книгу выпустил только в «перестройку».
Островок безопасности. М.: Сов. пис., 1987;
Тексты. М.: Книжная палата, 1989; *Первая жизнь*. М.: Правда, 1989.

Асеев Николай Николаевич (28.06. (10.07.)1889, Львов Курской губ. – 16.07.1963, Москва)

Поэт, переводчик. В 1910-х входил в полусимволистский литературный кружок «Лирика», затем в футуристические группы «Центрифуга» (Москва) и «Творчество» (Владивосток). Один из создателей группы «Левый фронт» (ЛЕФ). Начиная с 1930-х популярный и официально признанный

советский поэт. Лауреат Сталинской премии (1940).

Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. пис., 1981.

(БП, м.с.); *Избранное*. М.: Худ. лит., 1990.

«*Я не могу без тебя жить!*»... – из цикла «Простые строки».

Ахмадулина Белла (Изабелла) Ахатовна

(род. 10.04.1937, Москва)

Поэт, переводчик, прозаик, эссеист. Печатается с 1955. Училась в Литинституте. В 1959 была исключена за отказ участвовать в травле Пастернака, затем восстановлена. В 1960 окончила институт. В советское время печаталась не только в официальных изданиях, но и в самиздате и на Западе, в т. ч. в «Синтаксисе» (1960). Лауреат Гос. премии СССР (1989), Гос. премии России (2005).
Струна. М.: Сов. пис., 1962; *Озноб*. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1968; *Избранное*. М.: Сов. пис., 1988; *Сочинения в 3 т.* М.: ПАН, 1997.

Ахматова Анна Андреевна (Горенко;

11(23).06.1889, пос. Большой Фонтан под Одессой – 5.03.1966, Домодедово Московской обл., похоронена в Комарово)

Поэт, переводчик. Юность провела в Царском Селе под Петербургом. Первая книга стихов вышла в 1912. Входила в «Цех поэтов», положивший начало акмеизму. При советской власти книги стихов выходили с большими перерывами, после постановления ЦК ВКП (б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (1946) был рассыпан набор готовых к выпуску книг. Многие стихи на родине при жизни так и не были опубликованы или публиковались с цензурными изъятиями. В 1960-е поддерживала молодых поэтов, особенно Д. Бобышева, И. Бродского, А. Наймана и Е. Рейна (т.н. «ахматовские сироты»).

Бег времени. М., Л.: Сов. пис., 1965; *Стихотворения и поэмы*. Л.: Сов. пис., 1976 (БП, б.с.);

Собр. соч. в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998–2002.

И в памяти черной пошарив, найдешь...

– второе из «Трех стихотворений» о Блоке.

Всем обещающим вопреки... – вторая часть диптиха «Из Черных песен».

В Зазеркалье – перевод эпитафии: О богиня, которая владычествует над счастливым Кипром и Мемфисом. Гораций (лат.)

Баркова Анна Александровна (16(29).07.1901, Иваново-Вознесенск – 29.04.1976, Москва)

Поэт, прозаик, эссеист. Около года была секретарем А. В. Луначарского. В 1922 вышла первая книга стихов «Женщина» с его предисловием.

В 1934–1939, 1947–1956, 1957–1965 отбывала заключение по политическим обвинениям.
...Вечно не та. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2002.
Что всего ужасней между всеми... – из цикла «Моментальные снимки (Опыт камерной лирики)» (1954).

Барский Вилен Исаакович

(род. 27.10.1930, Киев)
Художник, поэт, переводчик. Окончил Киевский государственный художественный ин-т (1957). С 1967 член СХ СССР, исключен после подачи заявления на выезд. В 1981 эмигрировал в ФРГ. Во 2-й половине 1970-х активно занимался визуальными стихами. Живет в Дортмунде.
АГЛ-3Б; СЛОВА являются мыслят звучат. Зиген, 1983.

Барто Агния Львовна (урожд. Волова;

4(17).02.1906, Москва – 1.01.1981, там же)
Поэт, прозаик, киносценарист. Родилась в семье врача-ветеринара. Стихи писала с детства, в 1920-х начала писать для детей, быстро достигнув популярности. Лауреат Сталинской (1950) и Ленинской (1972) премий.
Собр. соч. в 3 т. М.: Дет. лит., 1969.

Бартольд Лидия Фёдоровна

(в замужестве Пляшкевич; 10.05.1904, Ярославль – 1974, Троицк Московской обл.)
Поэт. Раннее детство провела во Франции, куда семья эмигрировала после событий 1905 года, затем жила в Финляндии. После отделения Финляндии возвращается в Россию. В 1930-е годы большинство членов семьи было репрессировано. С 1946 жила в Троицке. Стихи до недавнего времени не публиковались.
Ищите истину в себе. М.: Книга, 1995 (<http://lib.ru/ZHURNAL/plashkewich.txt>)

Баух Ефрем Исаакович

(род. 13.01.1934, Бендеры, Бессарабия)
Поэт, прозаик, переводчик. Закончил геологический ф-т Кишиневского ун-та. Публиковаться начал в 1950-е годы, до эмиграции выпустил несколько сборников стихотворений. С 1977 живет в Израиле.
Руах. Иерусалим: Чериковер, 1978; *Тень и слово.* Тель-Авив, 1999.

Бахнов Владлен Ефимович

(20.06.1924, Харьков – 26.11.1994, Москва)
Поэт, журналист, драматург. В 12 лет попал под трамвай, лишился ноги. В 1943 поступил в Лит-

институт, учился вместе с Н. Коржавиным, С. Гудзенко. С 1946 ответственный секретарь «Московского комсомольца». Тогда же начал печататься в ж. «Крокодил», «Литературной газете» и других изданиях. Писал интермедии для эстрады и цирка, соавтор сценариев нескольких фильмов Л. Гайдая.

Антология сатиры и юмора России XX века. Том 37. Владлен Бахнов. М.: Эксмо, 2005.

Бахтерев Игорь Владимирович

[27.08(09.09).1908, Петербург – 20.02.1996, там же]

Поэт, прозаик, драматург. В 1930 окончил театральное отделение Высших курсов искусствоведения при Ин-те истории искусств. Входил в литературную группу «Левый фланг». В середине 1920-х сблизился с А. Введенским и Д. Хармсом; был одним из основателей и активных участников ряда литературных и театральных групп, в т.ч. ОБЭРИУ. В 1931 арестован по ст. 58-10, в 1932 освобожден. После освобождения сотрудничал в ленинградских детских журналах и газетах, писал пьесы (в соавторстве). В 1978 состоялась первая публикация стихов за границей. С 1980 регулярно печатается в самиздатском ж. «Транспонанс». Впервые официально опубликовался в СССР в 1987 (ж. «Родник»).

Лу. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2006;
Вилки и стихи. Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2001.

Бахчанян Вагрич Акопович

(23.07.1938, Харьков – 12.11.2009, Нью-Йорк)
Поэт, прозаик, художник. Окончил художественную школу, был близок к поэтам харьковского андеграунда. Переехал в Москву в середине 1960-х. Стоял у истоков соц-арта. В 1967–1974 работал в отделе юмора «Литературной газеты». Эмигрировал в США в 1974. Жил в Нью-Йорке.
Синьяк под глазом: пуантель-авивская поэма.

Парижск: Синтаксис, 1986; *Мух уйма: Художества.* Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

Белаш Юрий Семёнович (1920–1988)

Поэт, критик. Участник Великой Отечественной войны. После войны окончил Литинститут как критик. В 1967 начал писать стихи, подавляющее большинство которых связано с военными воспоминаниями.

Оглохшая пехота. М., 1981; *Окопная земля.* М., 1985; *Окопные стихи.* М.: Сов. пис., 1990.
Все миниатюры – из цикла «Солдатские строки».

Берестов Валентин Дмитриевич (1.04.1928, Мещовск Калужской обл. – 15.04.1998, Москва) Поэт, прозаик, литературовед, переводчик; археолог. Родился в семье учителя. Окончил исторический ф-т МГУ (1951) и аспирантуру Ин-та этнографии АН СССР (1955). Участвовал в Новгородской и Хорезмской археологических экспедициях (более 20 лет). Стихи писал с детства. В 1942–1944 был в эвакуации в Ташкенте, где познакомился с А.А. Ахматовой, Н.Я. Мандельштам, К.И. Чуковским. Стихи впервые опубликовал в 1946. В 1957 у него вышли две первые книги – книга лирических стихотворений и книга стихов для детей.

Отплытие. М., 1957; *Про машину*. М., 1957; *Избранные произведения в 2 томах*. М., 1998; *Избранные стихотворения*. СПб.: Вита Нова, 2003.

Бернштейн Симон Абрамович

(1925, Новгород-Волынский – 21.01.1973, Москва) Поэт. Закончил философский ф-т МГУ. Учился в аспирантуре. Руководил лит. студией в ДК Строителей в Москве, затем в администрации Сокольнического парка.

Авторской машинописный (частично рукописный) сборник; <http://ipso.ioso.ru/lito/Bernschtain.htm>.

Благов Юрий Николаевич

[19.11(02.12).1913, Петербург – лето 2003, Москва] Прозаик, поэт-юморист. Окончил Всес. студию эстрадного искусства (1941). Жил в Москве.

Печатался в ж. «Крокодил».

Своими словами. М., 1954; *Вытекающие последствия*. М.: Современник, 1986.

Мы – за смех... – отклик на заявление Г.М. Маленкова «Нам нужны советские Гоголи и Щедрины». В «Крокодиле» №12 за 1953 год была изменена первая строка («Я – за смех...») и дано заглавие «Осторожный критик».

Блаженный Вениамин (*Айзенштадт*

Вениамин Михайлович; 15.10.1921, Копьсь, Витебской губернии – 31.07.1999, Минск)

Поэт. Окончил один курс учительского ин-та, работал учителем истории, чертежником, переплетчиком, фотографом-лаборантом в инвалидной артели. Стихи писал с юности, первое известное стихотворение датировано 1943. Состоял в переписке с Б. Пастернаком, В. Шкловским, Арс. Тарковским. Печататься начал в 1982 под псевдонимом «Блаженных».

Вениамин Блаженных. Возвращение к душе.

М., 1990; *Стихотворения*. М.: РИК Русанова,

1998; *Моиими очами: Стихи последних лет*. М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna publications, 2004; *Сораспятыє*. М.: Время, 2009.

Бобышев Дмитрий Васильевич

(род. 11.04.1936, Мариуполь)

Поэт, переводчик, критик. С детства жил в Ленинграде, перенес блокаду. Окончил Ленинградский технологический ин-т, работал инженером по химическому оборудованию и редактором учебной программы Ленинградского телевидения. Входил в круг молодых ленинградских поэтов, выделенных А. Ахматовой (Бродский, Найман, Рейн), автор выражения «ахматовские сироты». В СССР почти не печатался. Эмигрировал в 1979, с 1983 – гражданин США. Преподает русскую литературу в ун-те штата Иллинойс. *Зияния*. Париж: ИМКА-Пресс, 1979; *Знакомства слов*. М.: НЛО, 2003.

Бокштейн Илья Вениаминович

(11.03.1937, Москва – 18.10.1999, Тель-Авив)

Поэт. Учился в ин-те культуры. В начале 1960-х несколько раз публично выступал на площади Маяковского с антисоветскими речами. Был арестован по политическому обвинению и осужден на пять лет лагерей (1961–1966). Стихи начал писать в лагере в 1965. В 1972 эмигрировал в Израиль.

Блики волны. Израиль: Мория, 1986; *Избранные публикации для новых читателей, в 3-х книгах*. Иерусалим: Скопус, 2001–2003.

Болтовский Лев

Сведения об авторе отсутствуют. Возможно, это Лев Дмитриевич Мордухай-Болтовский.

Поэзия узников ГУЛАГа. – М.: Материк, 2005.

Британишский Владимир Львович

(род. 16.07.1933, Ленинград)

Поэт, переводчик. Печатается с 1946. Окончил Ленинградский горный ин-т, где посещал лито под руководством Г. Семёнова. Работал как геофизик в Западной Сибири и на Полярном Урале. С 1960 живет в Москве.

Поиски. Л.: Сов. пис., 1958; *Петербург – Ленинград*. СПб.: Алетейя, 2003.

Бунин Иван Алексеевич

(10(22).10.1870, Воронеж – 8.11.1953, Париж)

Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Родился в обедневшей дворянской семье. Стихи писал с юности, в 1887 дебютировал в печати, к началу XX века обрел настоящую литературную извест-

ность. В 1909 был избран почетным академиком Императорской АН. В 1920 эмигрировал, жил во Франции. Лауреат Нобелевской премии (1933). *Собр. соч. в 6 т. М., 1987–1988.*

Бурич Владимир Петрович (6.08.1932, Александровск-Грушевский, Луганская обл. – 26.08.1994, Струга, Македония; похоронен в Москве)

Поэт, переводчик, литературовед. Вырос в Харькове. В 1941–1944 был в эвакуации в Челябинске. Закончил ф-т журналистики МГУ в 1955. Жил в Москве. Работал редактором в издательстве «Художественная литература», затем в «Молодой гвардии». Умер во время Стружского поэтического фестиваля. В советское время его стихи переводились на разные языки, но почти не печатались по-русски. Подборка стихотворений была опубликована в самиздатском журнале «Синтаксис» № 1, 1959.

Тексты. М.: Сов. пис., 1989; Тексты: Книга вторая. М., 1995.

Буркин Иван Афанасьевич

(род. 5.02.1919, Пенза)

Поэт, переводчик (в т.ч. с русского на английский), критик. Первые публикации появились в 1938 в Саранске. В 1940 окончил Педагогический ин-т (ф-т русского языка и литературы), работал школьным учителем. Был призван в армию. Осенью 1941 попал в плен, после войны остался в Германии, в 1950 переехал в США. Окончил аспирантуру Колумбийского ун-та, преподавал русский язык и литературу в американских университетах. Занимался живописью и скульптурой. Живет в Сан-Франциско.

13-й подвиг. Филадельфия: Перекрестки, 1978; Луна над Сан-Франциско. СПб., 1992; Возмутительные пейзажи, лабиринт и так далее... СПб., 1996.

Ваншенкин Константин Яковлевич

(род. 17.12.1925, Москва)

Поэт, прозаик. Десятиклассником был призван в армию (воздушно-десантные войска). После войны год отучился в Московском геологоразведочном ин-те, затем поступил в Литинститут (окончил в 1953). Публикуется с 1948. Лауреат Гос. премий СССР (1985) и России (2001). Живет в Москве.

Песня о часовых. М., 1951; Избр. стихотворения в 2 т. М.: Худ. лит., 1975; Волнистое стекло. М.: Современный писатель, 2000.

Спят по скворечникам скворцы... – из цикла «Миры».

Василенко Виктор Михайлович [1905,

Влоцлавск Варшавской губ. (ныне Влоцлавек, Польша) – 1991, Москва].

Поэт. Детство провел в Петербурге, с 1921 жил в Москве. Окончил исторический ф-т МГУ (1930), занимался изучением народного искусства. В 1947 был арестован по делу Даниила Андреева, приговорен к 25 годам лагерей. Девять лет провел в лагерях Инта-Печора и Абезь-Воркута. После реабилитации продолжал преподавать в МГУ. Доктор наук, профессор. Стихи начал писать в детстве, печатался как поэт с 1960-х.

Облака. М.: Сов. пис., 1983; Северные строки. М.: Сов. пис., 1991.

Вертинский Александр Николаевич

(9(21).03.1889, Киев – 21.05.1957, Ленинград)

Поэт, композитор, певец, актер, мемуарист. Стихи писал с юности. В 1914 ушел добровольцем на войну, служил в санитарном поезде, был ранен. В 1915 вернулся в Москву и в том же году начал выступать с исполнением собственных песен на свои стихи и стихи поэтов-современников, быстро достигнув популярности. В 1920 эмигрировал, жил в Польше, во Франции, гастролировал в Европе и США. В 1935 переехал в Шанхай, а в 1943 вернулся на родину. Жил в Москве, продолжая давать концерты и сниматься в кино. Умер во время гастролей в Ленинграде, похоронен в Москве. Единственная прижизненная книга, «Песни и стихи», вышла в Париже в 1938.

Дорогой длиною... М., 1990; За кулисами. М., 1991; <http://geocities.com/aerondo/vv-ru.html>

Визбор Юрий Иосифович

(20.06.1934, Москва – 17.09.1984, там же)

Поэт, прозаик, сценарист, журналист, актер. Отец был репрессирован. Окончил филфак Московского государственного педагогического ин-та (1955). Работал преподавателем средней школы в Архангельской обл. Один из инициаторов создания радиостанции «Юность» и звукового журнала «Кругозор». Снимался в художественных фильмах «Июльский дождь», «Ты и я» и др. Автор ок. 300 песен, которые начал сочинять в студенческие годы.

Соч. в 3 т. М.: Локид-Пресс, 2001.

Вильямс Николай Николаевич

(28.11.1926, Москва – 29.10.2006, там же)

Поэт, прозаик. Внук академика Василия Вильямса, муж правозащитницы Людмилы Алексеевой. В 1946 по обвинению в антисоветской деятельно-

сти получил 7 лет лагерей. В 1954 вернулся в Москву, в 1960 закончил мехмат МГУ. Работал в школе учителем физики, затем преподавал математику в Ин-те тонкой химической технологии, откуда был уволен в 1968 за правозащитную деятельность. В 1977 был лишен гражданства и эмигрировал в США. В 1993 вернулся в Россию. **Незнакомец** – из повести-антиутопии «Остров ГНИИПИ» (<http://nikolaywilliams.narod.ru/>). **Коммунисты поймали парнишку** <http://a-pesni.golosa.info/dvor/kommprojmali.htm>
Из трубы, трубы высокой... – сообщено И. Иословицем.

Виноградов Леонид Аркадьевич

(27.06.1936, Москва – 1.04.2004, там же)

Поэт, прозаик, драматург. С детства жил в Ленинграде. Окончил юридический ф-т ЛГУ. Входил в «филологическую школу». Автор нескольких пьес, в т.ч. для детей, и детских книжек (то и другое иногда в соавторстве с М. Ереминым). С конца 1970-х жил в Москве. Первая большая публикация стихов в *Самиздате века*.

Чистые стихи. М., 1999; *Стихи с пятнышком*.

М., 1999; *Холодные стихи*. М., 1999 (все – Фирма «Граффити»); *Горизонтальные стихи*. М.: Фирма «Граффити», Тверь: Kolonna publications; 2001; *Потешные стихи*. М.: ОГИ, 2003.

Винокуров Евгений Михайлович

(22.10.1925, Брянск – 23.01.1993, Москва)

Поэт, переводчик, прозаик, эссеист. Участник Великой Отечественной войны. Печатался с 1948, в 1951 окончил Литинститут. Лауреат Гос. премии СССР (1987).

Стихи о долге. М., 1951; *Самая суть*. М.: Сов. пис., 1987.

Вознесенский Андрей Андреевич

(род. 12.05.1933, Москва)

Поэт, прозаик, эссеист, переводчик. Окончил Московский архитектурный ин-т в 1957. Стихи писал с детства. В отрочестве познакомился с Б. Пастернаком, оказавшим на него сильное влияние. Печатается с 1958. Лауреат Гос. премии СССР (1978).

Мозаика. Владимир, 1960; *Парабола*. М., 1960; *40 лирических отступлений из поэмы «Треугольная груша»*. М., 1962; *Собр. соч.* М.: Вагриус, 2000–2005 [вышло 7 томов].

Песенка травести из спектакля «Антимирь» – спектакль «Антимирь» по стихам А. Вознесенского был поставлен в Театре на Таганке.

Володин Александр Моисеевич (Лифшиц;

10.02.1919, Москва – 17.12.2001, Петербург)

Драматург, киносценарист, прозаик, поэт. Преподавал русский язык в сельской школе. В 1939 был призван в армию, участник Великой Отечественной войны. В 1949 окончил сценарный факультет ВГИКа, работал на студиях «Леннаучфильм» и «Ленфильм». В печати дебютировал в 1953 с рассказами. Стихи писал с детства, но публиковать начал лишь в конце 1980-х.

Монологи. СПб.: Альманах «Петрополь», 1995; *Неуравновешенный век*. СПб., Петербургский писатель, 1999.

Волохонский Анри Гиршевич

(род. 19.03.1936, Ленинград)

Поэт, прозаик, философ, переводчик. Окончил Ленинградский химико-фармацевтический ин-т. Работал по специальности в экспедициях на океанах, морях и озерах. Начал писать стихи в конце 1950-х. Также писал песни, пьесы и басни в соавторстве с А. Хвостенко под общим псевдонимом А.Х.В. В 1973 эмигрировал в Израиль, где работал биохимиком. С 1985 живет в Мюнхене, с 1995 в Тюбингене. Работал переводчиком на радио «Свобода».

Стихотворения. США, 1983; *Тетрадь Игрейны*.

Иерусалим: Малер, 1984; *Стихи о причинах*.

Мюнхен: ВЫМЫСЕЛЬ, 1989; *Тивериадские поэмы*. М.: ОГИ, 2001.

Вольпин Александр (Есенин-Вольпин

Александр Сергеевич; род. 12.05.1924, Ленинград)

Поэт, философ, математик. Сын Сергея Есенина и Надежды Вольпин. В 1946 окончил мехмат МГУ, в 1949 – аспирантуру НИИ математики при МГУ. В том же году был арестован и помещен в Ленинградскую психбольницу тюремного типа, а в 1950 сослан на 5 лет в Казахстан (амнистирован в 1953). Стихи всегда подписывал фамилией матери, в 1961 в Нью-Йорке вышла его книга «Весенний листок». Один из создателей правозащитного движения в СССР. Начиная с 1959, неоднократно надолго помещался в психиатрическую клинику, в 1972 эмигрировал в США. Работал в американских университетах, живет в Бостоне. *Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека: Избранное*. М.: РГГУ, 1999.

Вольпин Надежда Давыдовна

(6.02.1900, Могилев – 9.09.1998, Москва)

Поэт, переводчик, мемуарист. Дочь юриста и переводчика Д. С. Вольпина. В молодости примыкала к имажинистам, была близка с С. Есениным,

родила от него сына, А.С. Есенина-Вольпина. Переводила стихи и прозу, ее оригинальные произведения публиковались крайне редко. Стихотворение печатается по изданию: *А. С. Есенин-Вольпин. Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека: Избранное.* РГГУ, М., 1999. **На взморье.** Гекла – действующий вулкан в Исландии.

Вольф Сергей Евгеньевич (8.08.1935, Ленинград – 15/16.09.2005, Петербург)
Поэт, прозаик, детский писатель. Родился в семье музыкантов Мариинского театра. В молодости писал шуточные стихи и серьезную прозу. По словам С. Довлатова, был «наиболее популярным человеком той эпохи» (1960-е). В конце 1970-х снова обратился к поэзии, существенно изменив творческую манеру. *Маленькие боги.* СПб.: Камера хранения, 1993; *Розовощекий павлин.* М.: Два Мира Прин, 2001.

Высоцкий Владимир Семёнович (25.01.1938, Москва – 25.07.1980, там же)
Поэт, прозаик, актер, автор и исполнитель песен. В 1960 окончил Школу-студию МХАТ, с 1959 снимался в кино, с 1964 – актер Театра на Таганке. С начала 1960-х писал песни, распространявшиеся в магнитофонных записях и быстро ставшие популярными. При жизни стихи как литературные тексты выходили на Западе (в том числе около 300 текстов в четырехтомной парижской антологии 1977–1978 «Песни русских бардов») и в неподцензурном альманахе «МетрОполь» (1979). Основные публикации состоялись посмертно. *Нерв.* М.: Современник, 1981; *Собр. соч. в 4 т.* М.: Время, 2009.
Некоторые тексты даются с учетом вариантов авторского исполнения.

Гаврилов Аркадий Георгиевич (1931, Новгород – 20.02.1990, Москва)
Поэт, переводчик. Рано потеряв отца, воспитывался в интернатах разных городов. В 1949–1954 учился на китайском отделении экономического ф-та МГУ. В 1956–1958 жил в Луге, работал в местной газете. Вернувшись в Москву, стал сотрудником журнала «Центросоюзрвью». Писал стихи с юности, большая часть стихотворений до сих пор не опубликована. В переводе А. Гаврилова в серии «Литературные памятники» в 2007 была издана книга стихотворений Эмили Дикинсон. *Избранное.* М.: Неизвестная Россия, 1993; *Не должен быть оставлен друг.* М.: Неизвестная Россия, 2001.

Гаврильчик Владлен Васильевич (род. 27.11.1929, Термез, Узбекистан)
Поэт, прозаик, художник. В 1951 окончил Ленинградское высшее пограничное военно-морское училище, служил на Тихом океане. В 1955 вышел в отставку в звании капитан-лейтенанта, поселился в Ленинграде, работал инженером в конструкторском бюро. В 1957 начал рисовать, в 1960 – писать стихи. С 1970 занимался преимущественно живописью и поэзией, работая шкипером на барже, кочегаром и т.п. До конца 1980-х публиковался в самиздате и за рубежом. *Изделия духа.* СПб.: А-Я, 1995; *Комедийный анбарь.* СПб.: Красный матрос, 2008.

Галич Александр Аркадьевич (Гинзбург; 20.10.1918, Екатеринослав – 15.12.1977, Париж)
Поэт, драматург, киносценарист, прозаик; автор-исполнитель песен. Учился в Литинституте и Оперно-драматической студии К. С. Станиславского. Работал в различных театрах. После 1945 писал пьесы и киносценарии. В конце 1950-х начал писать песни на собственные стихи. Социально-критический характер этих песен привел к конфликту с советской системой. В 1971–1972 был исключен из СП и Союза кинематографистов. В 1974 эмигрировал. Работал на радио «Свобода». В 1977 погиб в результате несчастного случая. *Генеральная репетиция.* М., 1991; *Стихотворения и поэмы.* СПб.: Академический проект; ДНК, 2006. (НБП, 6 с.)

Городской романс. Целиковская Л. В. (1919–1992) – популярная советская актриса. Павшино – железнодорожная платформа в Подмосковье, где находились поселки с номенклатурными дачами.
Мы не хуже Горация. «Эрика» – пишущая машинка производства ГДР.
Песня-баллада про генеральскую дочь. Эпиграф – начальные строки романса А.С. Даргомьжского на стихи П.И. Вейнберга.

Гаспаров Михаил Леонович (13.04.1935, Москва – 7.11.2005, там же)
Филолог, переводчик, поэт. Окончил филфак МГУ (1957). В 1957–1990 сотрудник сектора античной литературы ИМЛИ. В последние годы – главный научный сотрудник Ин-та русского языка РАН. Лауреат Гос. премии России (1995) и премии Андрея Белого (1999). <http://www.ruthenia.ru/document/536015.html>.

Герф Евгений Иосифович (9.06.1937, Хабаровск – 21.01.2006, Москва)

Поэт. Закончил медицинский ин-т в Москве, работал врачом в поликлинике. После публикации стихов в ж. «Континент» (1984) несколько лет не мог работать по специальности. Как только позволили обстоятельства – вернулся в медицину. Поэтическое наследие практически не опубликовано.

«НЛО» № 82, 2006.

Герцуни Владимир Львович

(18.03.1930, Москва – 17.09.1994, там же)

Поэт, палиндромист, публицист. Воспитанник детского дома. В 1949 был осужден по обвинению в антисоветской агитации, освобожден в 1954. Работал каменщиком, слесарем, монтажником, сторожем, химиком-технологом. Участвовал в правозащитном движении, в 1978–1980 входил в редколлегию самиздатского журнала «Поиски», где публиковал свои стихи и публицистику. В 1969–1974 и 1982–1987 содержался в спецсибирских больницах. В 1976–1982 под псевдонимом В. Львов публиковался в официальной периодике (заметки по этнографии, фольклористике, топонимике...). *АРКПКиР*; рукописи

Кролик и Удав – из цикла «В зоопарке», по «Иерусалимскому журналу», №26, 2008.

Гитович Александр Ильич [1(14).03.1909, Смоленск – 9.08.1966, Комарово Ленинградской обл.]

Поэт, переводчик. Начал печататься в смоленских газетах еще школьником. В 1927 принят в члены Смоленской ассоциации пролетарских писателей. Вскоре уехал в Ленинград. Учился на географическом ф-те ЛГУ. Руководил поэтическим семинаром при СП. Участник войны. Около 20 лет отдал переводам классических и современных поэтов Кореи и Китая.

Избранное. Л.: Лениздат, 1978.

Глазков Николай Иванович (30.01.1919, Лысково Нижегородской губ. – 1.10.1979, Москва)

Поэт, переводчик. С 1923 жил в Москве. Писать стихи начал в 1932. С 1938 учился на филфаке Московского государственного педагогического ин-та. В 1939 вместе с Ю. Долгиным основал литературное течение «небывализм» и выпустил два машинописных альманаха, за что в 1940 был исключен из института. В 1941 по рекомендации Н. Асеева был принят в Литинститут, где учился с перерывами до 1946. До середины 1950-х Глазков не печатался, изготавливал машинописные сборники под маркой «самсебяиздат». Начиная с 1957 у него вышло более 10 официальных сборников, но многие стихи 1930–1950-х в эти сборни-

ки включены не были, распространялись в самиздате. Книги, адекватно представляющие творчество Н. Глазкова, появились лишь в 80–90-х.

Моя эстрада. Калинин, 1957; *Избранное*. М., 1989; *Самые мои стихи*. М., 1995; «Арион» 1996, №2; *Краткостишья*. Астрахань, 1999; *Хихимора*. М.: Время, 2007.

Глинка Глеб Александрович [20.03(2/04).1903, Симбирск – 5.06.1989, Кубот, Вермонт, США]

Поэт, прозаик. Окончил Брюсовский ин-т (1925). Член литературной группы «Перевал» с 1927 до ее закрытия в 1932. Читал лекции в МГУ, был консультантом в издательстве «Советский писатель». До войны выпустил несколько книг. На войну пошел добровольцем, был ранен, оказался в лагере для военнопленных в Польше. По окончании войны перебрался во Францию, затем через Бельгию – в США. На Западе стихи стал публиковать с 1953.

Погаснет жизнь, но я останусь. Томск-М.: Водолей Publishers, 2005.

Гнедов Василиск [Василий Иванович;

6(18).03.1890, Маньково-Берёзово Донской обл. – 20.11.1978, Херсон]

Поэт. Окончил училище в Ростове-на-Дону, получив специальность техника-механика. В 1913 – один из лидеров «Ассоциации эгофутуризма», а уже в 1914 К. Чуковский писал: «Гнедов несколько не эгопоэт, в сущности, переодетый Крученых, тайный кубофутурист, бурлюкист...» В августе 1914 мобилизован, два года воевал на передовой в Буковине и Галиции. После февральской революции назначен начальником караулов арсенала Кремля. До 1921 жил в Москве, в связи с болезнью вынужден был переехать в Днепропетровск, работал инженером. В 1936 арестован, провел в лагерях около 20 лет. После освобождения жил в Киеве, последние годы жизни – в Херсоне.

Собрание стихотворений. Trento: Universita di Trento, 1992.

Голэмба Александр Соломонович

(Рапопорт; 6.11.1922, Харьков – 2.07.1979, Москва)

Поэт, переводчик. Окончил Первый московский медицинский и-т (1946). Стихи писал с начала 1940-х годов, в Литинституте посещал семинар В. Луговского, придумавшего для него псевдоним (Големба – по-польски «голубь»). Переводил стихи и прозу со многих языков. Как оригинальный поэт при жизни практически не печатался. *Я человек эпохи Миннезанга*. М.: Водолей Publishers, 2007.

Головин Евгений Всеволодович

(род. 26.08.1938)

Писатель, переводчик, эссеист. В 1960-е принадлежал к кругу Южинского переулка, где жил Ю. Мамлеев. Считается лидером «московского мистического подполья», авторитетом в области оккультизма и эзотерики. Песни на его стихи исполняли некоторые рок-группы.

Сумрачный каприз. М.: Эннеагон-пресс, 2008.

Аккордеон – приводится по аудиозаписи исполнения.

Гольдернесс Эдуард Робертович

(ок. 1927, Тбилиси – не позднее 1970)

Поэт и переводчик. Инвалид детства. Первое стихотворение опубликовал в 1959. Переводил стихи и прозу со многих европейских языков. Жил в Тбилиси.

Искры. Тбилиси: Мерани, 1971.

Горбаневская Наталья Евгеньевна

(род. 26.05.1936, Москва)

Поэт, переводчик, публицист. Закончила ЛГУ (заочно) в 1964. Работала переводчиком и библиографом. Видный деятель диссидентского движения. 25 августа 1968 приняла участие в демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию. В 1969 – арест, три года тюремной «психушки». В 1975 эмигрировала. С 1976 живет в Париже. Входила в редколлегии журнала «Континент» (до 1991) и газеты «Русская мысль» (до ноября 1995).

Стихи. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969;

Не спи на закате. СПб.: Лики России, 1996;

Русско-русский разговор. М.: ОГИ, 2003.

Горбовский Глеб Яковлевич

(род. 4.10.1931, Ленинград)

Поэт. В послевоенные годы попал в исправительную колонию для несовершеннолетних преступников. Сбежав оттуда, скитался по стране, чудом сумел отыскать репрессированного в 1930-е годы отца. Стихи писать начал в шестнадцать лет.

После армии учился в полиграфическом техникуме, был отчислен. Работал стояром на рояльной фабрике, слесарем, ездил в геофизические экспедиции – на северный Сахалин, на Камчатку, в Якутию. Посещал лито Д. Дара и Г. Семёнова. Первые стихи были опубликованы в середине 1950-х. Живет в Петербурге.

АГЛ-1, АГЛ-5А; Сижу на нарах... СПб.: ЛИО Редактор, 1992; *Собр. соч., т. 1*. СПб.: Историческая иллюстрация, 2003; *Падший ангел*. М.: Эксмо-пресс, 2001.

Гордин Яков Аркадьевич

(род. 23.12.1935, Ленинград)

Прозаик, критик, поэт, драматург. В 1954–1955 был курсантом полковой школы на побережье Татарского пролива в порту Ванино. Затем учился на филфаке ЛГУ (ушел с 4-го курса в 1961), где начал писать стихи. Окончил курсы техников-геофизиков при НИИ геологии Арктики, работал в экспедициях. С середины 1960-х начал выступать как критик. С 1991 соредатор журнала «Звезда». Живет в Петербурге.

Пространство. Л.: Сов. пис., 1972; *Памяти птицы*. СПб.: Пушкинский фонд, 1999.

Городницкий Александр Моисеевич

(род. 20.03.1933, Ленинград)

Поэт. Окончил геофизический ф-т Ленинградского горного ин-та (1957). С 1959 – в НИИ геологии Арктики. С 1961 принимал участие в океанографических экспедициях. В 1972 перевелся в Москву, в Ин-т океанологии. Доктор геолого-минералогических наук, профессор. Стихи начал писать в 1947, впервые опубликовался в 1948, в 1953 начал писать песни. Занимался в лито Горного ин-та под руководством Г. Семёнова.

Атланты. М., 1967; *Стихи и песни. Избранное*.

СПб.: Лимбус Пресс, 1999.

Грачёв Рид (Вите Рид Иосифович; 18.07.1935, Ленинград – 2004, Петербург)

Прозаик, поэт, эссеист, переводчик. Вырос без отца. Мать и бабушка погибли во время блокады. Восемь лет провел в детском доме. В 1953 поступил на отделение журналистики филфака ЛГУ. После окончания год работал в рижской комсомольской газете. Затем вернулся в Ленинград. Его творческая жизнь прекратилась к концу 1960-х по причине душевной болезни. Две книжки прозы вышли в 1967 и 1994.

АГЛ-5А; ж. «Звезда» 1994, № 2.

Гринберг Семён Бенционович

(род. 9.02.1938, Одесса)

Поэт. Жил в Москве, с 1990 живет в Иерусалиме. В 1950–1970-е годы вместе с А. Лайко и Ю. Карабчиевским посещал лито при молодежном клубе «Факел».

Разговоры и сонеты. Иерусалим: Тарбут, 1992;

Стихотворения. М.: Дом еврейской книги, 2003.

Гриценко Олег Федорович

(род. 21.05.1936, Москва)

Поэт. Закончил Ин-т рыбного хозяйства. Несколько лет работал на Сахалине. Доктор биологических наук, работает в НИИ рыбного хозяйства и океанографии. В 1950-е входил в «группу Черткова». Издает малотиражные сборники поэтов этого круга. Живет в Москве.
Шмелиный мед. – М.: ВНИРО, 2006.

Громов Павел Петрович (1914–1982)

Поэт, переводчик, критик, литературовед, историк театра. Окончил литературный ф-т ЛГУ (1937). Печатался как критик с 1938. Публиковал труды о творчестве А.Блока, Ап. Григорьева, А.Фета и др. русских поэтов. Жил в Ленинграде. Стихи при жизни не публиковал и не распространял. ж. «Звезда» (СПб.), 2000, №11.

Губерман Игорь Миронович

(род. 7.07.1936, Харьков)

Поэт, прозаик. В 1958 окончил Московский ин-т инженеров железнодорожного транспорта. Работал по специальности, писал научно-популярные книги. Стихи распространялись в самиздате, в т.ч. под псевдонимами И. Миронов и Абрам Хайям. В 1970-х годах участвовал в еврейском движении, входил в редколлегия машинописного журнала «Евреи в СССР». В 1979 был осужден по сфабрикованному обвинению в скупке краденого, до 1984 находился в лагере и ссылке. В 1987 выехал в Израиль. Живет в Иерусалиме.
Гарика на каждый день. М.: МП «ЭМИА», 1992.

<http://www.voskurimsya.ru/guberman/stihi.htm>

Даниэль Юлий Маркович

(15.11.1925, Москва – 30.12.1988, там же)

Прозаик, поэт, переводчик. Воевал, был ранен. Закончил филфак Моск. обл. педагогического ин-та. С 1958 под псевдонимом Николай Аржак опубликовал несколько повестей и рассказов на Западе. В 1966 осужден за это (вместе с А. Синявским) на 5 лет лагерей. После освобождения в 1970 поселился в Калуге. В СССР публиковались только переводы под псевдонимом Ю. Петров.
Стихи из неволи. Амстердам: Изд-во им. Герцена, 1971; *Говорит Москва.* М.: Московский рабочий, 1991; *Я все сбиваюсь на литературу...* М.: Мемориал, 2000.

«Сердце с домом, сердце с долгом разлучается...» – из повести «Искупление» (1963)

Домбровский Юрий Осипович (29.04.(12.05.)

1909, Москва – 29.05.1978, там же)

Прозаик, поэт. Родился в семье адвоката. В 1926–1932 учился на Высших литературных курсах. В

1932 арестован и сослан в Алма-Ату, где работал научным сотрудником в музее. В 1937 снова арестован, но после нескольких месяцев следствия освобожден. В 1939 арестован и отправлен на Колыму. В 1943 возвращается в Алма-Ату. В 1949–1955 в заключении на Крайнем Севере и в Тайшетге. С конца 1950-х жил в Москве. Вскоре после выхода в тамиздате его главного романа «Факультет ненужных вещей» был зверски избит около ЦДЛ, что было вероятной причиной его смерти. Стихи (кроме одного) в СССР не публиковались до 1988.

Собр. соч. в 6 т. М.: Терра, 1992–1993; *Меня убить хотели эти суки.* М.: Возвращение, 1997.

Доризо Николай Константинович

(род. 22.10.1923, Краснодар)

Поэт; известен гл. образом как автор текстов песен. Первая публикация – в 1938. Со школьной скамьи ушел на фронт. После войны учился на историко-филологическом ф-те Ростовского ун-та. В 1948 выпустил первый сборник стихов «На родных берегах». Живет в Москве.

Собр. соч. в 3 т. М.: Худ. лит., 1983–1985.

Дрофенко Сергей Петрович (1933, Каменка Днепропетровской обл. – сентябрь 1970, Москва)

Поэт. В 1957 окончил ф-т журналистики МГУ. Работал в Сибири на Запсибе, несколько лет заведовал отделом поэзии в журнале «Юность». Умер в результате несчастного случая.

Обращение к маю. М., 1966; *Избранная лирика.* М., 1985.

Евтушенко Евгений Александрович

(род. 18.07.1932, Нижнеудинск Иркутской обл.)

Поэт, прозаик, переводчик, публицист, кинематографист, общественный деятель. Составитель поэтических антологий «Строфы века» и «10 веков русской поэзии». Родился в Сибири, в семье геологов, позже жил в Москве. Учился в Литинституте, как поэт дебютировал в 1949, его первая книга «Разведчики грядущего» вышла в 1952. Автор более 40 поэтических книг. Лауреат Гос. премии СССР (1984). Преподает в университетах и колледжах США. Живет в США и в Москве.
Первое собрание сочинений в 8 томах. М.: АСТ, 1997–2004.

Я грузии грыз... Тарба Иван Константинович (1921–1994) – советский абхазский писатель.

Елагин Иван (Матвеев Иоанн-Зангвильд Венедиктович; 1.12.1918, Владивосток – 8.02.1987, Питтсбург)

Поэт, переводчик. Сын футуриста Венедикта Марта (1896–1937, репрессирован), двоюродный брат Н. Матвеевой. Жил в Харбине, Саратове, Ленинграде и Киеве, учился в Киевском медицинском ин-те. Стихи писал с середины 1930-х, не публиковался. Во время оккупации Украины работал в роддоме. После войны жил в лагере для перемещенных лиц под Мюнхеном, в 1950 поселился в Нью-Йорке. Работал в газете «Новое русское слово». В 1970 перебрался в Питтсбург, преподавал русскую литературу в местном университете. *Собр. соч. в 2 т. М.: Сogласие, 1998.*

Ерёмин Михаил Федорович (род. 1.05.1937, Орджоникидзе, ныне Владикавказ)
Поэт, переводчик, драматург. Учился в ЛГУ. Входил в одну из самых ранних (с 1957) ленинградских групп неподцензурной поэзии, впоследствии получившую название «филологическая школа». Автор нескольких пьес, в т.ч. для детей, и детских книжек (иногда в соавторстве). Лауреат премии Андрея Белого за 1998. Живет в Петербурге.

Стихотворения. Tenaflы: Hermitage, 1986;
Стихотворения. М., 1991; *Стихотворения.* СПб.: Пушкинский фонд, 1998.

Жигулин Анатолий Владимирович (1.01.1930, Подгорное Воронежской обл. – 6.08.2000 Москва)
Поэт, прозаик. В 1949 опубликовал первые стихи. Вскоре был арестован по обвинению в принадлежности к антисталинской подпольной Коммунистической партии молодежи и осужден на 10 лет. Срок отбывал в Сибири, в т.ч. на урановых рудниках. В 1954 освобожден. Окончил Воронежский лесотехнический ин-т (1960). *Огни моего города.* Воронеж, 2000. *Стихотворения.* М.: Прогресс-Плеяда, 2000.

Жилин Владимир Маркович (Шейферман; 11.10.1933, Чернигов – 25.10.2002, Краснодар)
Поэт, переводчик. Во время войны был эвакуирован в Киргизию, с 1944 жил в Краснодаре, где окончил пединститут. Работал сельским учителем, грузчиком, журналистом. Публиковался с середины 1960-х. Переломным моментом жизни считал встречу с Б. Слуцким, который написал напутствие к его стихам в «Дне поэзии-73». *Дерево разговора.* М.: Сов. пис., 1983; *Знатоки заката.* Майкоп: РИПО Адыгея, 1994; <http://krassr.p.narod.ru/jilin.htm>

Заболоцкий Николай Алексеевич [24.04. (7.05.)1903, под Казанью – 14.10.1958, Москва]

Поэт, переводчик. В 1925 окончил отделение языка и литературы Пединститута им. Герцена (Ленинград). В 1927 участвовал в создании литературной группы ОБЭРИУ, в 1929–1937 у него вышли два сборника стихотворений и поэма «Торжество земледелия». В 1938 был арестован и по обвинению в антисоветской пропаганде осужден на 5 лет лагерей. После освобождения жил в ссылке, с 1946 в Москве.

Полное собрание стихотворений и поэм. СПб.:

Академический проект, 2002. (НБП, б.с.)
Под дождем – из цикла «Осенние пейзажи»;
Можжевельный куст – из цикла «Последняя любовь».

Казбек. Хевсуры – этнографическая группа грузин-горцев.

Зальцман Павел Яковлевич (2.01.1912, Кишинёв – 20.12.1985, Алма-Ата)
Художник, прозаик, поэт. Представитель аналитического искусства, ученик П. Филонова. В Ленинград вместе с семьей переехал в 1925. Учился на декоративном отделении Первой государственной художественной студии, работал иллюстратором, позже – художником-постановщиком на Ленфильме. Был проектировщиком маскировочных работ на обороне Ленинграда. Эвакуировался с «Ленфильмом» в Алма-Ату, где и остался после войны. Работал на Казахфильме. Писать стихи и прозу начал в 1930-х годах под влиянием обериутов, печататься не пытался. *Мадам Ф. М.:* Лира, 2003.

Заходёр Борис Владимирович (9.09.1918, Кагул, Бессарабия – 7.11.2000, Москва)
Поэт, прозаик, драматург, переводчик. Детство провел в Москве. Учился Московскому авиационному ин-те, на биологических факультетах Московского и Казанского ун-тов, в 1938 поступил в Литинститут. Участник советско-финской и Великой Отечественной войн, после демобилизации окончил Литинститут (1947). Публиковал стихи в армейских газетах, первое детское стихотворение опубликовал в 1947, первую книгу («На задней парте») в 1955. Славу Заходеру принесли переводы классиков детской литературы: А. А. Милна, Л. Кэрролла, П. Трэверс и др. Лауреат Гос. премии России (1999). *Почти посмертное.* М., 1995; *Листики.* М., 1996 (обе – Государственный культурный центр-музей В.С. Высоцкого); *Заходерзости.* М.: Век 2, 1997.

Краткое содержание – входит в состав «поэмы в стихотворениях» «Листики».

Омофон. Омофоны – слова или выражения, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному и имеют разное значение.

Зенкевич Михаил Александрович

[9(21).05.1886, Николаевский Городок Саратовской губ. – 14.09.1973, Москва]

Поэт, прозаик, переводчик. В 1910-х входил в группу акмеистов. В советское время был в основном известен как переводчик. Многие из написанного была опубликована только в 1990-х. *Сказочная эра.* М.: Школа-Пресс, 1994.

Зимина Алла (Олсуфьева Ольга Григорьевна; 1903, Рязанская губ. – 12.01.1986, Москва)

Поэт, актриса. В 1936 получила 3 года «за подготовку террористического акта», отбывала срок в Воркутлаг. Освободившись, жила в Воркуте и Игарке. Стихи писала всю жизнь, в 1940–1950-е годы стала сочинять к ним музыку, исполняла песни под собственный аккомпанемент на гитаре. С 1956 жила в Москве.
<http://www.jefremov.net/alla/>

Злобин Владимир Ананьевич

(07.1894, Петербург – 9.12.1967, Париж)

Поэт, критик. Из купеческой семьи. Учился в Петербургском ун-те, но не окончил его. В 1916 познакомился с Мережковскими, стал их секретарем и в конечном итоге хранителем архива. Эмигрировал в 1919, с 1921 жил в Париже. Печатааться начал в 1910-е, но первую книгу стихов выпустил лишь в 1951 («После ее смерти»). *Тяжелая душа.* М.: Интелвак, 2004.
Дом с балконом... – V часть цикла «Из черновой тетради».

Зугман Яков Наумович

(5.12.1931, Одесса – 5.10.1977, Москва)

Поэт, переводчик. Некоторое время жил в Средней Азии. Серьезно занимался спортом (мастер спорта по штанге). В Москве работал врачом-рентгенологом. Посещал лито Э. Иодковского. Умер от инфаркта.

<http://www.antho.net/jr/16.2003/17.php>; *Свет двуединый. Евреи и Россия в современной поэзии. (антология)* М.: Х.Г.С., 1996.

Иван Игнатов – поэтический псевдоним литературоведа Дмитрия Евгеньевича Максимова
[15.(28).12.1904, Царское Село – 13.03.1987, Ленинград]

Окончил филфак ЛГУ, затем работал в ленинградском издательстве Академии наук, препода-

дал в педагогических вузах и в ЛГУ. С 1954 на протяжении нескольких десятилетий вел в ЛГУ «блоковский семинар», ставший первым в СССР центром по изучению литературы начала XX в. Стихи публиковались в тамиздате под псевдонимом Игнатий Карамов.
Стихи. СПб., 1994.

Иванов Георгий Владимирович

[29.10.(10.11.)1894, имение Пуки Ковенской губ. (ныне Литва) – 26.08.1958, Йер-ле-Пальме, Франция]

Поэт, прозаик, критик, переводчик. В 1910-х входил в группу петербургских эгофутуристов, затем примкнул к акмеистам. Один из создателей и руководителей второго «Цеха поэтов» (1916–1917). В 1922 эмигрировал, жил в Берлине, затем во Франции. Один из ведущих поэтов и критиков русской эмиграции. После Второй мировой войны нуждался, с февраля 1955 жил в доме для престарелых.
Собр. соч. в 3 т. М.: Согласие, 1994.

На полянке поутру... Вертебральная колонна – позвоночный столб.

Полтона рябины и малины... Владимир

Федорович Марков (р. 1920) – поэт и филолог, эмигрант второй волны.

Эвлега. – «Это имя из раннего стихотворения Пушкина того же названия, у Иванова приобретающее почти заумный характер» (В.Ф. Марков).
Свободен путь под Фермопилами...

Они ныряют над могилами, – в Крыму осенью 1920 происходили массовые расстрелы пленных белых офицеров.

Игнатов Иван – см. Иван Игнатов.

Ильинский Олег Павлович (19.05.1932, Москва – 9.09.2003, Ричмонд-Хилл, США)

Поэт, эссеист. С 1944 жил в Германии, учился в Мюнхенском ун-те. Публиковался с 1950. В 1956 переселился в США. Доктор филологии.

Стихи. Frankf./М., 1960; *Стихи. Книга пятая.* NY, 1981; *Стихи.* 1981–1996. Philadelphia, 1996.

Иослович Илья Вениаминович

(род. 23.08.1937, Москва)

Поэт, мемуарист. Окончил мехмат МГУ в 1960. Работал в различных НИИ. В 1957–1958 участвовал в лито МГУ. Стихи были включены в самиздатский «Синтаксис» № 4, который не вышел из-за ареста составителя А. Гинзбурга. В 1991 переехал в Израиль.

Избранное. М.: Биологические Науки, 1997;
«Волга» 2009, № 11–12.

Искандер Фазиль Абдулович

(род. 6.03.1929, Сухуми)

Прозаик, поэт. Воспитывался в семье родственников матери, т.к. отца, перса по национальности, в 1938 выслали из СССР. Учился в Московском Библиотечном ин-те, в 1951 перевелся в Литинститут, окончив его в 1954. В 1954–1956 работал журналистом в Брянске и Курске. В 1956 переехал в Сухуми, где выпустил первый сборник стихов (1957). Гос. премия СССР (1989) и Гос. премия России (1994). Живет в Москве.

Стихотворения. М.: Московский рабочий, 1993.

Казаков Владимир Васильевич

(29.08.1938, Москва – 23.06.1988, там же)

Поэт, прозаик, драматург. Учился в военном училище, был исключен. В 1959–1962 работал на Колыме. Начал писать в 1965. В 1966 познакомился с А. Крученых, оказавшим на него сильное влияние. С 1971 публиковался в тамиздате. Жил под Москвой.

Случайный воин. Мюнхен, 1978; *Стихотворения.* М.: Гилея, 1995.

Казанцев Василий Иванович

(род. 5.11.1935, Таскино Томской обл.)

Поэт. Окончил историко-филологический ф-т Томского ун-та (1957) и Высшие литературные курсы. Печатается с 1958. В 1960-е вел лито при Томском политехническом ин-те. Живет в Реутово Московской обл.

В глазах моих небо. Томск: 1962; *Прикосновение.* Новосибирск, 1966; *Стихотворения.* М.:

Молодая Гвардия, 1990.

Казмичев Михаил Матвеевич (*Казмичёв (?)*, фамилия отца – Казмичев; 21.11.1897 Каменская Ростовской обл. – 24.09.1960, Москва)

Поэт, переводчик. В 1910–1920-е годы жил в Ростове-на-Дону и Новочеркасске. Стихи писал с раннего детства. Учился в Ростовском ун-те, но ушел с последнего курса (1921). В Ленинград перебрался в 1927. Важнейшим событием считал знакомство с М. Волошиным (1930). После войны жил в Москве, занимался переводами. Завещал похоронить себя под Коктебелем.

Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. 2003–2004. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.

Капелько Владимир Феофанович

(19.06.1937, Красноярск – 28.09.2000, Абакан)

Поэт, художник. Окончил Красноярское художественное училище (1963). Занимался живописью, прикладным искусством, оформлением выставок, участвовал в археологических экспедициях. Стихи начал публиковать в 1990-х.

Лошадь ржала в железную дудку. Стихи и я.

Красноярск. 1998.

Олея мне жалко немножко... Борис Николаевич Молчанов (1937–1993) – таймырский художник. Хиус – не сильный, но резкий зимний ветер.

Карабчиевский Юрий Аркадьевич

(14.10.1938, Москва – 30.07.1992, там же)

Поэт, прозаик, литературовед, эссеист. Окончил Московский энергетический ин-т. Работал в биологических и медицинских лабораториях, а с 1974 по 1989 – рабочим по ремонту электронных приборов. Дебютировал как поэт в 1955 в газете «Московский комсомолец». Затем печатался в основном на Западе. В последние годы жизни пробовал жить в Израиле; вернулся в Москву. Покончил с собой.

Прощание с друзьями. М.: Литературно-художественное агентство «ТОЗА», 1992.

Кашин Юрий Владимирович (1930, Бийск Алтайского края – 15.07.2005, Петербург)

Поэт, художник, фотограф. С 1939 жил в Ленинграде. Работал электромехаником на заводе «Севкабель». В пожилом возрасте заболел, болезнь привела к слепоте; тогда же начал писать стихи. Стихи публиковались благодаря усилиям друзей, в т.ч. З. Эзрохи. Умер через 17 дней после попытки самоубийства.

Без излишнего оптимизма. СПб., 2002; *Законный праздник.* СПб.: Стикс, 2005.

Квятковский Александр Павлович

[22.04. (4.05.)1888, Верейки Могилёвской губ. – 7.06.1968, Москва]

Литературовед, теоретик стиха, поэт, примыкал к группе конструктивистов. С 1920-х разрабатывал «тактометрическую» теорию стиха. В 1930-е был репрессирован. После отбытия срока с 1937 жил в Можайске. Автор «Поэтического словаря» (первое издание – 1966).

Ритмология. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.

Ким Юлий Черсанович (род. 23.12.1936, Москва)

Поэт, драматург, автор-исполнитель песен. Родился в семье переводчика Ким Чер Сана, расстрелянного в 1938. Жил в Калужской обл. и в Туркмении, в 1954 вернулся в Москву. Окончил историко-филологический ф-т Московского пе-

дагогического ин-та (1959), работал учителем на Камчатке, затем в Москве. В 1965–1973 принимал активное участие в правозащитном движении, в 1968 был вынужден уволиться из школы. С 1956 писал песни на свои стихи, с 1968 жил литературным трудом. До 1986 подписывался псевдонимом Ю. Михайлов, потом собственным именем. С 1998 живет в Иерусалиме и Москве. *Летучий ковер*. М.: ВТПО Киноцентр, 1990.

Кирсанов Семён Исаакович

(5.18).09.1906, Одесса – 10.12.1972, Москва)
Поэт, переводчик. Учился на филфаке Одесского ин-та народного образования. В 1921 основал Южную Ассоциацию Футуристов, входил в редакцию журнала «Юго-ЛЕФ» (1924). В 1925 переехал в Москву, примыкал к группам ЛЕФ и РЕФ. Первую книгу («Прицел») выпустил в 1926. В дальнейшем, при любых условиях, пытался сохранить верность футуристическим традициям. Лауреат Сталинской премии (1951). *Стихотворения и поэмы*. СПб.: Академический проект, 2006 (НБП, б.с.).
Дождь... – из цикла «Под одним небом».

Кленовский Дмитрий Иосифович

[Крачковский; 24.09(6.10).1893, Петербург – 26.12.1976, Траунштейн, Германия]
Поэт, журналист. Учился в Царскосельской гимназии, изучал юриспруденцию и филологию в Петербургском ун-те. Начал печататься с 1914, первый сборник «Палитра» вышел в Петрограде в 1917 под настоящей фамилией. В 1922 уезжает в Харьков, где работал переводчиком. В 1942, во время оккупации Украины, вместе с женой, немкой по происхождению, перебрался в Австрию, а затем в Германию. С 1947 вновь начинает публиковать стихи (под псевдонимом).
Стихи. München: Inter-Language Literary Associates, 1967.

Клеценко Анатолий Дмитриевич (14.03.1921,

Поройки, ныне Ярославская обл. – 9.12.1974, Ключи, Камчатка; похоронен в Комарово)
Поэт, прозаик. Начал печататься в 1937. Жил в Ленинграде. В 1941 арестован по доносу. По 1956 находился в лагерях на Северном Урале, потом в Красноярском крае. В 1956 вернулся в Ленинград. Последние годы жизни провел на Камчатке, где работал охотоведом.
Гуси летят на север. Л.: 1957; *Ожидание*. Л.: Сов. пис., 1979; <http://www.memorial.krsk.ru/Public/90/900900.htm>

Климьчев Борис Николаевич

(род. 1.06.1930, Томск)
Поэт, прозаик, журналист. Окончил курсы бу-ровых мастеров (1949) и вечерний ф-т Туркмен-госуниверситета (1956). Начиная с 1950-х работал в редакциях региональной прессы (в Туркме-нистане и Томске). Живет в Томске.
Красные тюльпаны. Ашхабад, 1958; *Двенадцать дорог*. [коллективный сборник] М., 1983; *Томские праздники*. Томск, 1990.

Ковенацкий Владимир Абрамович

(30.03.1938, Харьков – 25.05.1986, Москва)
Художник, поэт, прозаик. После войны (прове-денной в эвакуации на Урале) переехал вместе с родителями в Москву. В возрасте 10 лет был принят в художественную школу при ин-те им. Сурикова. Стихи начал писать в старших клас-сах школы. Окончил оформительское отделение Московского Полиграфического ин-та (1962). Оформил более 40 книг в различных издатель-ствах, много работал для журналов, на студии «Диафильм». Умер в результате многолетней тяжелой болезни.
Бредоград. М.: ТОЗА, 1992; *Альбом стихов, рисун-ков и гравюр*. М.: Культурная революция, 2007.

Козлов Александр Николаевич

(1938–2005, Москва)
Поэт, художник. Окончил Московский физико-технический ин-т, работал в Ин-те атомной энергии им. И.В. Курчатова. Был близок к кругу писателей и художников т. н. «салона на Южин-ском». Стихи публиковались в альманахе «Муле-та»: в 1989 под псевдонимом «Александр Нико-лаев», в начале 1990-х под собственным именем.
Выразительно глядела лошадь. М.: Синергия, 2006.

Козловский Яков Абрамович.

(29.07.1921, Истра Московской обл. – 07.2001)
Поэт, переводчик. Участник Великой Отечествен-ной войны. Стихи публиковал с 1941. Окончил в 1949 Литинститут. Был известен в первую оче-редь как переводчик стихов Расула Гамзатова.
Офицер связи. М., 1961; *Пожарная лошадь*. М., 1989.

Козовой Вадим Маркович

(28.08.1937, Харьков – 22.03.1999, Париж)
Поэт, прозаик, драматург, эссеист, переводчик. Писал по-русски и по-французски. С 1954 учился на историческом ф-те МГУ, в 1957 был арестован и осужден за участие в подпольном марксистском

кружке. Срок отбывал в Мордовии, где занимался самообразованием. После освобождения переводил французскую поэзию. Оригинальные произведения публиковались на Западе. В 1981 эмигрировал во Францию. Работал в парижском Национальном центре научных исследований. *Грозовая отсрочка. Стихи.* Lausanne: L'Age d'Homme; *Из трех книг: Грозовая отсрочка. Прочь от холма. Поименное.* М.: Прогресс, 1993.

Кондратов Александр Михайлович (3.10.1937, Смоленск – 16.04.1993, Петербург)

Прозаик, поэт, ученый, журналист. В 1953 переехал в Ленинград, окончил Ин-т физкультуры им. Лесгафта. Автор нескольких работ по математической лингвистике, а также многочисленных научно-популярных книг и статей. Входил в «филологическую школу». Публиковался за рубежом с 1980.

Стихи тех лет. СПб.: Изд-во Буковского, 2001; *Скирли.* СПб.: Геликон Плюс, 2002; *Александр Третий.* СПб.: Геликон Плюс, 2002.

Копылов Герцен Исаевич (1925, Днепродзержинск – 25.08.1976, Дубна Московской обл.)

Поэт и публицист самиздата. В 1949 окончил физический ф-т МГУ. С 1955 и до смерти работал в Объединенном ин-те ядерных исследований в Дубне. Физик-теоретик, доктор наук (1967). Литературным творчеством занимался с 1949. Стихи подписывал иногда псевдонимом Оскар Виттель. www.poesis.ru/poeti-poezia/kopylov/biograph.htm;

Четырехмерная поэма. М.: УРСС, 1999.

Коржавин Наум Моисеевич

(Мандель; род. 14.10.1925, Киев)

Поэт, драматург. Стихи писал с детства. В 1945 поступил в Литинститут. В 1947 был арестован и выслан в Новосибирскую обл., затем в Караганду. В 1954, освобожденный по амнистии, вернулся в Москву, в 1959 окончил Литинститут. Публикуется с 1941, до эмиграции вышла книга «Годы» (1963). Стихи распространялись также и в самиздате. Эмигрировал в 1973, живет в Бостоне.

Времена. Frankfurt/M., 1976; *Время дано.* М.: Худ. лит., 1992.

Корнилов Владимир Николаевич

(29.06.1928, Днепрпетровск – 8.01.2002, Москва)

Поэт и прозаик. В 1950 окончил Литинститут. Начал публиковаться в 1953. Участвовал в правозащитном движении, ряд произведений опубликовал на Западе. В 1977 исключен из СП

(восстановлен в 1988). Во время перестройки вновь начал публиковаться в СССР.

Избранное. М.: Сов. пис., 1991; «Новый мир», 1999, №10.

Крандиевская Наталья Васильевна

(21.01(02.02).1888, Москва – 17.09.1963, Ленинград)

Поэт. Начала печататься в 15 лет, первую книгу выпустила в 1913. С 1914 жена А. Н. Толстого. После Октябрьского переворота вместе с мужем эмигрировала, в 1923 вернулась в СССР. По возвращении писать стихи перестала, полностью посвятив себя семье. После расставания с Толстым в 1935 вернулась к поэзии. Поздние стихи были опубликованы лишь в 1970-х.

Грозный венок. СПб.: Лицей, 1992.

Красильников Михаил Михайлович

(9.12.1933, Орша Витебской обл. – 7.12.1996, Рига)

Поэт. С 1948 жил в Риге, где окончил школу. В 1951 поступил на филфак ЛГУ. Исключен в 1952 после статьи в «Комсомольской правде», описывающей перформанс с участием Красильникова, Э. Кондратова и Ю. Михайлова, произошедший 1 декабря того же года. Восстановился в ун-те после смерти Сталина. 7 ноября 1956 арестован за выкрикивание антисоветских лозунгов во время демонстрации. Осужден по ст. 58-10 на 4 года. В 1957–1960 находился в Дубровлаге в Мордовии, где вместе с Л. Чертковым и другими составил рукописные альманахи «Троя» и «Пятиречье». По выходе на свободу сумел восстановиться в ун-те и получить диплом. Жил в Риге, работал в бюро путешествий.

«Филологическая школа». М.: Летний сад, 2003.

Старик – публиковалось в «Филологической школе» в подборке Ю. Михайлова. Атрибутировано М. Красильникову на основании сообщения Л. Лосева (<http://www.stosvet.net/2/Losev/>); это и следующее стихотворение написаны в середине 1950-х, до ареста.

Красовицкий Станислав Яковлевич

(род. 1.12.1935, Москва)

Поэт, переводчик, религиозный публицист. Окончил Ин-т иностранных языков. С середины 1950-х участник группы Черткова. В начале 1960-х отказался от поэзии, пытался уничтожить все написанные к тому времени стихи, которые, однако, сохранились во многих списках и публиковались в тамиздате. Ныне о. Стефан (Красовицкий) – священник русской православной церкви (зарубежной); живет в Подмосковье. С 1990 появились публикации его новых стихов.

Все стихотворения нашей подборки относятся к первому периоду творчества Красовицкого.

Кропивницкий Евгений Леонидович

[13.(25).07.1893, Москва – 19.01.1979, там же]
Поэт, художник, композитор. Окончил Императорское Строгановское художественное училище в 1911 со званием «ученый-рисовальщик». В 1912–1920 жил в Москве, учился в ун-те Шаняевского на ф-те истории. В 1920–1923 жил и работал в различных городах Севера, Урала и Сибири. С 1923 поселился с семьей под Москвой. Стихи писал с 1909. Основная часть дошедших стихов написана начиная со второй половины 1930-х. Учитель И. Холина и Г. Сапгира. В 1950-х дом Кропивницких в подмосковной деревне Виноградово (рядом с Долгопрудным) становится одним из центров зарождавшегося московского неофициального искусства. В 1963 с подачи КГБ был исключен из МОСХА

Печально улыбнуться... Париж: Третья волна, 1977; *Земной уют. Избранные стихи.* М.: Прометей, 1989; *Избранное: 736 стихотворений + другие материалы.* М.: изд-во В. Орлова (Культурный слой), 2004.

Крупп Арон Яковлевич

(30.01.1937, Даугавпилс – 25.03.1971, Восточные Саяны; похоронен в Минске)
Поэт, автор-исполнитель песен. В войну жил в эвакуации в Алма-Ате, потом – в Лиепаве (Латвия). Окончил Ленинградский ин-т киноинженеров (1964), по распределению уехал в Минск, работал инженером-оптиком на заводе. Песни начал писать с 1959 на свои стихи. Увлекался горным туризмом и альпинизмом, участвовал в сложных походах. Во время одного из таких походов погиб под лавиной.
<http://bards.ru/Krupp/part74.htm>

Кручёных Алексей Елисеевич [9(21).02.1886, Оливский Херсонской губ. – 17.06.1968, Москва]
Поэт, драматург, теоретик и практик русского футуризма. Родился в крестьянской семье, в 1906 окончил Одесское художественное училище, с 1907 жил в Москве (в 1914–1921 на Кавказе и в Закавказье). После 1930 не мог публиковаться, занимался библиографией. Поздние сочинения до сих пор не собраны и не изданы полностью. *Встречи с прошлым.* Вып. 7. М., 1990. Сб. материалов ЦГАЛИ СССР.

Разлука. Танахара – персонаж стихотворений Кручёных 1940–1950-х, в обзоре А.К. Пушкина в указанном сборнике сказано, что ««прототи-

пом» Танахары была подруга поэта – Татьяна Захарова».

Кузин Борис Сергеевич (11.05.1903, Москва – 1975, Борок Ярославской обл.)

Биолог-теоретик, поэт. В 1920 поступил в Московский ун-т, после окончания курса работал на кафедре зоологии. Дружил О. Мандельштамом. В 1935 был осужден на 3 года, заключение отбывал в казахстанском лагере, затем почти 16 лет провел в ссылке в тех же местах. С 1950-х жил в городе Борок, работал в Ин-те биологии внутренних вод. Стихи при жизни не публиковались. *Воспоминания. Произведения. Переписка.* СПб.: Инапресс, 1999.

Кулле Сергей Леонидович

(29.02.1936, Ленинград – 28.10.1984, там же)
Поэт. Окончил филфак ЛГУ. При жизни было официально опубликовано 4 стихотворения. Участвовал в самиздатском «Синтаксисе» (1960). До конца жизни работал в многотиражке «Кадры приборостроению». *«Филологическая школа».* М.: Летний сад, 2003; Авторская машинопись.

Кустов Павел Петрович

[27.07.(9.08.)1906, Завальное Тамбовской губ. (ныне Липецкая обл.) – 1970, Москва]
Поэт. Из крестьян. Начал писать стихи еще во время гражданской войны. С 1927 по 1930 учился на ф-те литературы и искусств Московского ун-та. По окончании работал в газетах и на радио. С 1934 жил в Череповце, с середины 1950-х – в Ленинграде, с 1968 – в Москве. Первая книга стихов вышла в 1930. *Родники.* М.: Худ. лит., 1965; <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/kustov/frmvers.htm>

Кушнер Александр Семёнович

(род. 14.09.1936, Ленинград)
Поэт, переводчик, эссеист. Окончил филфак Ленинградского педагогического ин-та, преподавал в школе русский язык и литературу. Печатается с 1956. Живет в Петербурге. Лауреат Гос. премии России (1996). *Первое впечатление.* М.-Л.: Сов. пис., 1962; *Стихотворения.* Л.: Худ. лит., 1986; *Избранное.* СПб.: Худ. лит., 1997.

Ладыгин Николай Иванович (24.04.1903, Рославль Смоленской губ. – 23.05.1975, Тамбов)
Поэт, палиндромист, художник. Учился в Петроградском художественном училище, затем рабо-

тал в Рославле столяром, разнорабочим, художником-оформителем. С начала 1950-х жил в Тамбове, как художник участвовал в городских выставках. Первый русский поэт, последовательно разрабатывавшим жанр палиндрома. Большинство публикаций состоялось посмертно. *Золото лоз.* Тамбов, 1993; *И лад, и дали.* М., 2002.

Лайко Александр Васильевич

(род. 21.02.1938, Москва)

Поэт. Учился в библиотечном ин-те. В СССР печатал детские стихи и переводы. Посещал литературный клуб «Факел». С 1978 печатался на Западе. В 1990 эмигрировал в Германию. Живет в Берлине.

Анапские строфы. [Берлин]: Попугай, 1993;

Стихотворения. М.: Водолей Publishers, 2007.

Левин Константин Львович (1924–1984, Москва)

Поэт. Летом 1941 поступил в медицинский ин-т, после первого семестра был взят в противотанковое училище. Тяжело ранен на фронте – потерял ногу. Учился в Литинституте. В 1949 был исключен по идеологическим мотивам; через год восстановился с помощью А. А. Суркова. Работал в литературной консультации при СП, печататься не пытался. Все публикации состоялись посмертно.

Признание. М.: Сов. пис., 1988.

Памяти Фадеева – публикуется по книге К. Ваншенкина «Писательский Клуб» (М.: Вагриус, 1998).

Был я хмур и зашел в ресторан «Кама»...

Ресторан «Кама» находился на Таганке, рядом с театром.

Левитанский Юрий Давыдович (21.01.1922,

Козелец Черниговской обл. – 25.01.1996 Москва)

Поэт, переводчик. Еще школьником начал публиковаться в донбасских газетах. С 1939 учился в ИФЛИ, в 1941 ушел добровольцем на фронт. Демобилизовался в 1947; жил в Иркутске, с 1955 в Москве. Лауреат Гос. премии России (1995).

Солдатская дорога. Иркутск, 1948; *Кинематограф.* Москва, 1970; *Белые стихи.* М.: Сов. пис., 1991; «...год две тысячи». – М.: Время, 2000.

Леонович Владимир Николаевич

(род. 2.06.1933, Кострома)

Поэт, прозаик, переводчик. Детство провел в Москве. Учился в Одесском мореходном училище, Военном ин-те иностранных языков, на филфаке МГУ, но не окончил их. Работал учителем русского языка и литературы, лит. сотруд-

ником в газетах и журналах, разнорабочим в Сибири, Грузии, Костромской обл., Карелии. Печатается с 1962. Живет в Костроме.

Во имя. М., 1971; *Нижняя Дебря.* М.: Сов. пис.,

1983; *Хозяин и гость.* М.: Научный мир, 2000.

Белоруково. Панешь – от «панить олон. харлять, горлопанить» (Даль).

Липкин Семён Израилевич [6(19).09.1911,

Одесса – 31.03.2003, Переделкино Московской обл.]

Поэт, переводчик, прозаик. С 1929 жил в Москве, окончил Московский инженерно-экономический ин-т (1937). Во время войны был фронтовым корреспондентом. Первую книгу оригинальных стихов выпустил только в 1967 в Элисте. В 1979 участвовал (вместе с женой Инной Лиснянской) в альманахе «МетрОполь»; в знак протеста против преследования младших участников альманаха вышел из СП и до конца 1980-х публиковался за рубежом.

Письмена. М.: Худ. лит., 1991; *Воля.* М.: ОГИ, 2003.

Жил в Москве, в полуподвале... Имеется в виду Андрей Белый.

Лиснянская Инна Львовна

(род. 24.06.1928, Баку)

Поэт, переводчик. Публикуется с 1948. Участвовала в неподцензурном альманахе «МетрОполь» (1979). Лауреат Гос. премии России (1998). Живет в Переделкино.

Это было со мною. Баку, 1957; *Дожди и зеркала.*

Париж: Имка-пресс, 1983; *Одинокий дар.* М.: ОГИ, 2003.

Лифшиц Владимир Александрович

(5.11.1913, Харьков – 9.10.1978, Москва)

Поэт, переводчик, драматург. Отец Л. Лосева. Окончил Ленинградский финансово-экономический ин-т, работал экономистом. Впервые опубликовался в 1934, входил в группу поэтов, близких к А. Гитовичу. Первая книга («Долина») вышла в 1936. В 1941 ушел добровольцем на фронт. После войны переехал в Москву. Был известен как детский поэт, пародист, сатирик, автор песенных текстов.

Избранные стихи. М.: Сов. пис., 1974.

Лосев Лев Владимирович (Лифшиц; 15.06.1937,

Ленинград – 6.05.2009, Дартмут, США)

Поэт, литературовед, эссеист. Сын В. Лифшица. Закончил филфак ЛГУ. Недолго поработал в газете на Сахалине, с 1962 по 1975 был редактором в журнале «Костер». Под псевдонимом Лев Лосев писал пьесы для кукольного театра, стихи

для детей. После эмиграции в США в 1976 сделал псевдоним своим паспортным именем. Закончил аспирантуру Мичиганского ун-та, с 1979 преподавал русскую литературу в Дартмутском колледже. С середины 1950-х дружил с поэтами «филологической школы». Стихи начал писать в студенческие годы, потом был большой перерыв. Начал писать снова в 1974, с 1979 печатался, сначала в эмигрантских изданиях, а с 1988 года и на родине. Автор литературной биографии И. Бродского, вышедшей в серии ЖЗЛ. *Чудесный десант*. Tenaflv, N.J.: Эрмитаж, 1985; *Стихотворения из четырех книг*. СПб.: Пушкинский фонд, 1999; *Собранное: Стихи. Проза*. Екатеринбург: У-Фактория, 2000.

Львов Владимир Юльевич

(26.01.1926, Москва, – 2.01.1961, там же)

Поэт, переводчик. В 17 лет добровольцем ушел на фронт. После войны окончил заочное отделение Литинститута. Был утоплен сектантами в бассейне «Москва».

С начала жизни до конца. М.: Сов. пис., 1963.

Львовский Михаил Григорьевич

(22.07.1919, Ростов-на-Дону – 30.10.1994, Москва)

Драматург, сценарист, поэт. Перед войной учился в Литинституте (семинар Сельвинского), был близок к поэтам ИФЛИ. Участник войны. Литинститут окончил в 1952. В 1960–1970-х в газетных статьях выступал в защиту авторской песни.

Вагончик тронется, перрон останется. М.: Вагант, 1994.

Люкин Александр Иванович

(29.03.1919, Шковерка (Шишковердь)

Горьковской обл. – 11.02.1968, Горький)

Поэт. Участник Великой отечественной войны. Работал на заводе в Горьком. Первый сборник стихов вышел в 1958. В СП СССР с 1961. Погиб в результате ночного нападения при невыясненных обстоятельствах.

Мои знакомые. М.: Современник, 1977; *Век мой*. Н. Новгород: Бегемот, 1999.

Маковский Анатолий Владимирович

(30.05.1933, Болшево Московской обл. – 1995 [?])

Поэт. В детстве жил в Киеве. Во время войны вместе с матерью оказался в Германии. В конце войны – перемещенное лицо. После войны – детский дом под Иркутском. Параллельно со средним образованием закончил военное музыкальное училище. В 1952 направлен в военное радиотехническое училище, которое закончил с

отличием. В 1958–1963 учился на мехмате МГУ. Не закончив аспирантуру, в 1966 уехал в Новосибирск. Работал инженером-программистом. В 1978 ушел из НИИ Систем и с тех пор занимался неквалифицированным трудом. В 1995 пропал без вести в Киеве, где жил с 1992. В московский период входил в круг Иоффе–Сабурова. В Новосибирске дружил с И. Овчинниковым, А. Денисенко и другими неофициальными поэтами. *Заблуждения*. Новосибирск: Детская литература, Мангазая; 1992; *Исторические сцены*. М.: АРГО-РИСК, 1998; *Чемодан (Стихи из утраченного чемодана)*. М.: Культурный слой [Издатель В.И.Орлов], 2006; авторская машинпись, аудиозапись авторского исполнения.

Максимов Д. Е. – см. Иван Игнатов

Мандель Ефим Лазаревич

(род. 1937, Волоциск Хмельницкой обл.)

Поэт. Работал матросом на доке в Одессе. Окончил мехмат Одесского ун-та, работал учителем математики. С 1963 живет в Нижнем Новгороде. Работал в различных научных институтах. Ведет лито СРЕДА ПОЭТА.

Калейдоскоп. Н. Новгород: ИПФ РАН, 1994; *...И жизнь на языке*. Н. Новгород, 1995; *Век двадцатый на закате*. Н. Новгород, 1999.

Мандельштам Рюль Чарльзович

(16.09.1932, Ленинград – 28.02.1961, там же)

Поэт. Сын приехавшего в СССР американский коммуниста, позже репрессированного и жившего в ссылке в Средней Азии. В начале 1950-х недолго учился в Ленинградском политехническом ин-те и на матмехе ЛГУ, но был вынужден бросить учебу из-за болезни. Страдал костным туберкулезом и астмой. Занимался самообразованием. Близко общался с группой неофициальных художников (А. Арефьев, Р. Васми, В. Шагин и др.), вел богемный образ жизни. Стихи распространялись в самиздате.

Избранное. Иерусалим, 1982; *Алый трамвай*.

СПб.: Борей-Арт, 1994; *Собрание стихотворений*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006.

Мариенгоф Анатолий Борисович

[24.04(6.05)1897, Н. Новгород – 24.04.1962, Ленинград)

Поэт, прозаик, драматург. С 1918 жил в Москве, в 1919 вместе с С. Есениным и В. Шершеневичем основал литературно-художественную группу «Орден имажинистов». С начала 1930-х большинство произведений А. Мариенгофа не печатались

по идеологическим мотивам. Жил в Ленинграде, писал скетчи и эстрадные миниатюры. *Стихотворения и поэмы*. СПб.: Академический проект, 2002. (НБП, м.с.)

Марков Андрей Андреевич (младший) [9.(22).09.1903, Петербург – 11.10.1979, Москва] Математик, поэт. Сын математика А. А. Маркова (старшего). В 1924 окончил отделение физики физико-математического ф-та Ленинградского ун-та. С 1955 жил в Москве, с 1959 и до конца жизни заведовал кафедрой математической логики мехмата МГУ. Член-корреспондент АН СССР (1953). Стихи при жизни не публиковались. <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/markov-a/firmvers.htm>

Марков Сергей Николаевич [30.08.(12.09.)1906, посад Парфентьев Костромской губ. – 4.04.1979, Москва]

Поэт, прозаик, историк. В юности жил в Северном Казахстане. Много ездил по СССР в качестве корреспондента. Жил в Новосибирске, с 1931 – в Москве. В 1932 арестован по одному делу с Л. Мартыновым и сослан в Архангельскую обл. В 1937–1941 жил в Можайске. Участник Великой Отечественной войны. Действительный член Географического общества. Стихи публиковались с 1924, первая книга – «Радуга-река» (М., 1946). *Стихотворения*. Новосибирск, 1965; Топаз. М.: Худ. лит., 1966; *Светильник*. М.: Советская Россия, 1986.

Маркова Вера Николаевна

(4.03.1907, Минск – 8/9.03.1995, Москва) Поэт, переводчик. Родилась в семье железнодорожного инженера. В 1931 окончила восточный ф-т ЛГУ. Переводила в основном японскую классическую литературу. Открыла для читателя поэзию в жанрах трехстиший и пятистиший, повлиявшую на развитие русского свободного стиха. Оригинальные стихи до 1987 не печатались. *Луна восходит дважды*. М., Современник, 1992.

Мартынов Леонид Николаевич

[9.(22.)05.1905, Омск – 21.06.1980, Москва] Поэт, прозаик, переводчик, журналист. В 1920 вошел в омскую группу футуристов, в 1921 начал публиковать заметки в местных газетах. Печатался в сибирских изданиях. В 1932 был арестован по обвинению в контрреволюционной пропаганде и сослан на три года в Северный край, отбывал ссылку в Вологде. В 1935 вернулся в Омск. С 1946 жил в Москве. В 1946 попал в опалу, до

1955 не публиковался. Лауреат Гос. премии СССР (1974).

Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. пис., 1986 (БП, б.с.).

Маршак Самуил Яковлевич [В большинстве публикаций авторство указано: «С. Маршак»; 22.10.(3.11.)1887, Воронеж – 4.07.1964, Москва] Поэт, драматург, прозаик, переводчик. Родился в семье заводского техника, стихи писал с детства. В 1907 начал публиковаться как поэт. В 1911 совершил поездку в Палестину, в 1912–1914 слушал лекции в Лондонском ун-те. С 1917 жил в Екатеринодаре, где участвовал в создании театра для детей и тогда же начал писать детские пьесы и стихи. С 1923 жил в Петрограде, в 1924–1934 возглавлял Детский отдел Госиздата; в 1937 переехал в Москву. Четырежды лауреат Сталинской премии (1942, 1946, 1949, 1951), лауреат Ленинской премии (1963).

Собр. соч. в 8 т. М.: Худ. лит., 1968–1972.

Люди пишут, а время стирает... – посвящено памяти писательницы Тамары Григорьевны Габбе (1903–1960), сотрудницы и близкого друга С.М.

Матвеева Новелла Николаевна (род. 7.10.1934, Детское (Царское) Село Ленинградской обл.)

Поэт, прозаик, драматург, автор-исполнитель песен. Родилась в семье историка-краеведа и географа Н. Н. Матвеева-Бодрого, происходившего из известной дальневосточной семьи Матвеевых. Двоюродная сестра И. Елагина. Стихи писала с детства, первая публикация состоялась в 1958. С конца 1950-х пишет песни на свои стихи. В 1962 заочно окончила Высшие литературные курсы при Литинституте. Лауреат Гос. премии России (2002). Живет в Москве.

Лирика. М., 1961; *Кораблик*. М., 1963; *Душа вещей*. М., 1966; *Мяч, оставшийся в небе*. М.: Молодая гвардия, 2006.

Матусовский Михаил Львович

[10(23).07.1915, Луганск – 16.07.1990, Москва] Поэт. Окончив строительный техникум, работал на местном заводе. Начал печататься в 1934 в областных газетах и журналах. В 1939 окончил Литинститут. Во время войны был фронтовым корреспондентом. Лауреат Гос. премии СССР (1977). *Избранные произведения: в 2 томах*. – М., 1982.

Целую ночь соловей нам насвистывал... – вариация на тему романа «Белой акации гроздь душистые», написана для песни в телефильме «Дни Турбиных» (1976).

Межиров Александр Петрович (26.09.1923, Москва – 22.05.2009, Портленд, США)

Поэт, переводчик. Родился в семье юриста. Участник Великой Отечественной войны. Первые стихи опубликовал в 1945, в 1948 окончил Литинститут. Первая книга вышла в 1947. Лауреат Гос. премии СССР (1986). В 1994 эмигрировал в США.

Коммунисты, вперед! М., 1950; *Избранное*. М., 1989; ж. «Слово/Word», 2005, №48/49.

Короткие гудки. Евгений Львович Храмов (1932–2001) – поэт.

Мегс Арво Антонович

(1937, Таллин – 1997, Москва)

Поэт, переводчик. Окончил Ленинградский библиотечный ин-т и Литинститут. В 1975–1991 работал в отделе поэзии журнала «Новый мир». Руководил литературным клубом «На Таганке». *В осенних лесах*. М., 2006.

Михайлов Юрий Леонидович

(8.06.1933 – 5.09.1990, Ленинград)

Поэт, журналист. В 1951 поступил на отделение журналистики филфака ЛГУ. В 1952 вместе с М. Красильниковым и Э. Кондратовым был исключен за участие в «хэппенинге». После смерти Сталина восстановился в ун-те и закончил его. Работал в журнале «Костер» и в многотиражке «Кадры приборостроения». Стихи писал в 1950-х (в т. ч. в соавторстве с М. Красильниковым). Стоял у истоков т. н. «филологической школы». Стихи при жизни публиковались только в АГЛ-4А под псевдонимом Коврижных (фамилия жены Ю. Михайлова).

Юрий Михайлов, Михаил Красильников: Старшие авторы филологической школы. Творения.

СПб.: Изд-во Буковского, 2001; «Филологическая школа». *Тексты. Воспоминания. Библиография.* – М.: Летний сад, 2003.

Моран Рувим Давидович [Мочан; 8(21).09.1908, Березовка, Одесская обл. – 1986, Москва]

Поэт, прозаик, журналист, переводчик. Стихи начал писать в детстве, посещал одесский кружок «Потомки Октября», пользовался поддержкой Э. Багрицкого, тогда же начал печататься. Позже жил в Николаеве, потом в Москве. С 1935 был корреспондентом «Красной Звезды», с 1941 – фронтовым корреспондентом. После войны работал в «Известиях», в 1948 был арестован и осужден по политической статье. После отбывания пятилетнего срока и реабилитации жил в Москве, занимался поэтическими переводами, был известен как популяризатор татарской поэзии.

Выбор. Казань, 1968; В поздний час. М.: Сов. пис., 1990.

Морев Александр Сергеевич (Пономарев; 3.01.1934, Ленинград – 8.07.1979, там же)

Поэт, прозаик, художник. Учился в средней художественной школе в Ленинграде, но был исключен за «формализм». Работал сторожем, художником в клубе, маляром. Печатался в самиздате (в официальных изданиях вышло 6 стихотворений). Участвовал в выставках неофициальных художников. В июле 1979 покончил с собой – бросился в строительную шахту метро.

Листы с пепелища. Л.: ЛКК «Редактор», 1990; *Рыбий глаз*. Л., 1994; АКТ №14 (2004).

Мориц Юнна Петровна (род. 2.06.1937, Киев)

Поэт, прозаик, художник. Училась на филфаке Киевского ун-та. В 1955 поступила в Литинститут, в 1957 была исключена за «нездоровые настроения в творчестве», позже восстановлена; окончила институт в 1961. Первые стихи опубликовала в 1954, первую книгу – в 1957.

Мыс Желания. М.: Сов. пис., 1961; *Избранное*.

М.: Сов. пис., 1982; *В логове голоса*. М.: Московский рабочий, 1990; *Лицо*. М.: Русская книга, 2000.

Большой секрет для маленькой компании.

В мультфильме «Большой секрет для маленькой компании» по сценарию Ю. Мориц использована песня С. Никитина, написанная на другой вариант этого стихотворения.

Морозов Михаил Михайлович

(18.02.1897, Москва, – 9.05.1952, там же)

Литературовед, театровед, переводчик, поэт. Родился в семье известных предпринимателей и меценатов. Учился на филфаке МГУ. Автор фундаментальных шекспироведческих работ. всю жизнь писал стихи, впервые опубликованные в 1980-х.

Стихи разных лет. М.: Сов. пис., 1983.

Моршен Николай

[Марченко Николай Николаевич; 8.11.1917,

Бирзула Херсонской губ. (ныне Котовск Одесской обл.) – 31.07.2001, Монтерей, США]

Поэт, переводчик. Сын писателя Н. Нарокова. Жил в Одессе, затем в Киеве. В 1941 окончил физический ф-т Киевского ун-та. В 1944 оказался в Германии, в 1950 перебрался в США. Жил в Монтерее (Калифорния), преподавал русский язык. Начал печататься в 1948, первая книга («Тюлень») вышла в 1959.

Пуще неволи. М.: Советский спорт, 2000.

С вечерней смены, сверстник мой... Эпиграф – из стихотворения Н. Гумилева «Фра Беато Анджелико».

Муравьев Владимир Брониславович

(род. 15.06.1928, Москва)

Поэт, прозаик, историк, литературовед. Будучи студентом педагогического ин-та, был арестован в 1949 и находился в заключении в Вятлаге до 1953. Окончил институт в 1956. Автор историко-биографических и краеведческих книг. Председатель общества «Старая Москва». Составитель сборника стихов узников ГУЛАГа «Средь других имен» (Моск. рабочий, 1990) – из него взято публикуемое стихотворение.

Набоков Владимир Владимирович [10. (22.)04.1899, Петербург – 2.07.1977, Монтрё, Швейцария]

Прозаик, поэт, переводчик, литературовед. Стихи писал с юности, первая книга вышла в 1916. После октябрьского переворота вместе с семьей вынужденно переехал в Крым, а в 1919 эмигрировал. Учился в Кембриджском ун-те. С 1922 жил в Берлине, печатался в русскоязычных газетах и издательствах. После прихода к власти нацистов эмигрировал и из Германии – сначала в Париж, а после начала второй мировой – в США. С 1940 по 1958 зарабатывал на жизнь чтением лекций по русской и мировой литературе в университетах. В 1960 возвратился в Европу, до конца жизни жил в гостинице швейцарского курорта Монтрё.

Стихи. Анн-Арбор: Ардис, 1979; *Стихотворения и поэмы.* М.: Современник, 1991; *Стихотворения.* СПб.: Академический проект, 2002 (НБП, б.с.).

«Вечер дымчат и долог...», Сон, «Зимы ли серые смыли...» – из цикла «Семь стихотворений».

Какое сделал я дурное дело... – имеется в виду роман «Лолита», принесший Н. мировую славу и финансовое благосостояние; начало перекликается со стихотворением Б. Пастернака «Нобелевская премия».

С серого севера. Дом с колоннами был в усадьбе Рождествено дяди В. Набокова; Батово – усадьба его бабушки; вместе с Вырой, имением его матери, располагались неподалеку друг от друга у реки Оредежь.

Как любил я стихи Гумилева!.. – ср. в стихотворении Н. Гумилева «Я и вы»: «И умру я не на постели, / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще».

Найман Анатолий Генрихович

(род. 23.04.1936, Ленинград)

Поэт, переводчик, эссеист, прозаик. Окончил Ленинградский технологический ин-т в 1958 и Высшие сценарные курсы в Москве. В 1959 познакомился с Ахматовой; с конца 1962 был ее соавтором по переводам Леопарди и лит. секретарем. Оригинальные стихи до 1989 почти не публиковались. С конца 1970-х живет в Москве.

Стихотворения. Тенафлай: Эрмитаж, 1989;

Облака в конце века. Тенафлай: Эрмитаж, 1993; *Ритм руки.* М.: Вагриус, 2000.

На смерть Юрия Галанскова. Юрий Тимофеевич Галансков (1939–1972) – поэт и правозащитник, умерший в мордовском лагере.

Нарциссов Борис Анатольевич

[14. (27.)02.1906, Наскафтым Саратовской губ. – 27.11.1982, Бурке, Вирджиния, США].

Поэт, прозаик. В 1919 семья ушла с армией Юденича и поселилась в Эстонии. В 1936 получил степень магистра химии в Тартуском ун-те. После присоединения Эстонии к СССР стал лектором военно-пехотного училища. В 1942 отправлен на фронт. В 1943 добровольно сдался в плен, работал на заводе в Эстонии, в 1944 вместе с заводом эвакуировался в Германию. В 1950 эмигрировал в Австралию, с 1953 жил в США. Стихи писал со школьных лет, публиковаться начал в Эстонии. *Звездная птица.* Вашингтон: 1978; *Письмо самому себе.* М.: Водолей, 2009.

Ведогонь – живущий в человеке дух, элемент южнославянской мифологии.

Некипелов Виктор Александрович

(29.09.1928, Харбин – 1.07.1989, Париж)

Поэт, переводчик, публицист. В 1937 вместе с матерью приехал в СССР. В 1939 она была арестована и погибла в ГУЛАГе. Окончил Омское военно-медицинское училище, в 1960 Харьковский медицинский ин-т. Работал в Ужгороде фармацевтом, заведующим аптекой. В 1965–1970 жил в Умани, затем в Москве и Владимирской обл. Заочно учился в Литинституте – окончил в 1970. В 1973 был арестован и осужден на 2 года за хранение и распространение самиздата. В 1977 вступил в Московскую Хельсинкскую группу, участвовал в создании Группы по защите прав инвалидов в СССР. В 1979 был вновь осужден. Освобожден в 1987 в ходе горбачевской кампании по помилованию. На свободу вышел тяжелобольным; эмигрировал во Францию. *Между Марсом и Венерой.* – Ужгород, 1964;

Стихи: Избранное. Бостон: Мемориал, 1992.

Некрасов Всеволод Николаевич

(24.03.1934, Москва – 15.05.2009, там же)

Поэт, эссеист, литературовед, художественный критик. В 1955–1960 учился на филфаке Московского педагогического ин-та. В конце 1950-х познакомился с поэтами и художниками лианозовского круга. Участник самиздатского журнала «Синтаксис» (1959). С середины 1960-х публикуется на Западе. В 1970–1980-х один из ведущих авторов и теоретиков московского концептуализма. Создатель индивидуальной системы стихосложения. Премия Андрея Белого за особые заслуги в развитии русской литературы (2007).

Стихи из журнала. М.: Прометей, 1989; *Справка*. М.: Постскрипtum, 1991; *Пакет*. М.: Меридиан, 1996 (вместе с А.И. Журавлевой); *Живу вижу*. М.: Крокин галерея, 2002; <http://Levin.rinet.ru/FRIENDS/NEKRASOV/>.

Тут и ель... – посвящено Е. Л. Кропивницкому и О.А. Потаповой (художник, жена Е.Л.)

Я уж чувствую... – Э.В. Булатов (р. 1933) – художник.

Ян Палах... – Ян Палах (1948–1969) – пражский студент, 16 января 1969 совершивший самоосуждения в знак протеста против советской оккупации Чехословакии.

Некрасова Ксения Александровна (1912, Ирбитские Вершины Екатеринбургской губ. – 17.02.1958, Москва)

Поэт. В автобиографии писала: «Взята была из приюта семей учителя на воспитание». Училась в педагогическом техникуме. В 1935 по путевке комсомола направлена в Москву на учебу в Литинститут. В 1937 вышла подборка стихов с предисловием Н. Асеева. Во время войны попала в Ташкент, была знакома с А. Ахматовой. После войны жила в Москве и Подмосковье, скитаясь по квартирам знакомых и мало-знакомых людей.

Ночь на баштане. М.: Сов. пис., 1955; *Стихотворения*. М.: Слово, 1995; *В деревянной сказке*. М.: Худ. лит., 1999.

Нестеров Евгений Александрович

(12.08.1933, Москва – 5.03.2008, там же)

Поэт, журналист. Родился в семье театрального режиссера. Окончил Московский ин-т инженеров водного хозяйства. Работал главным редактором журнала по гидротехнике и мелиорации, автор книг и статей по этой тематике. Со школьной скамьи дружил с Ю. Смирновым. В 1950–1960-х посещал лито «Магистраль».

Мост в безвестные края – жизнь моя. М., 2008;

Радуя друзей. М., 2008.

Николев Андрей [Егунов Андрей Николаевич; 14.(26.)12.1895, Ашхабад – 3.10.1968, Ленинград]

Поэт, прозаик, филолог-классик, переводчик. Из дворян. С 1903 семья жила в Кронштадте. Окончил классическое отделение Петроградского ун-та (1918). Переводил античных авторов. Дружил с Вагиновым и Кузминым. В 1933 сослан в Томскую обл. В 1942 депортирован в Германию из оккупированного Новгорода. В 1946 арестован в Берлине и осужден на 10 лет. После реабилитации работал в Пушкинском доме.

Советская потаенная муза. (сборник) Мюнхен, 1961; *Собрание произведений*. Вена, 1993;

Елисейские радости. М.: ОГИ, 2001.

Нилин Михаил Павлович (род. 1934)

Поэт, прозаик, сценарист. Сын писателя Павла Нилина. Окончил философский ф-т МГУ по отделению психологии. Практикующий психоаналитик. В 1968 в самиздате появился роман М. Нилина «Духовное завещание», вышедший позже на Западе. Сотрудничал с киностудиями в качестве сценариста. Живет в Москве.

Акцидентный набор. М., 1992; 1993–1997. М., 1997; *Стихи 1998 года*. М., 1999; *Стихи 1999 года*. Тверь, 1999; *Приложение к 1993–1997*. М., 2002.

Оболдуйев Георгий Николаевич [7.(19.)05.1898, Москва – 27.08.1954, Голицыно Московской обл.]

Поэт, переводчик. Родился в дворянской семье. Окончил гимназию и музыкальное училище. В 1916 поступил на историко-филологический ф-т Московского ун-та. В 1919 призван в Красную армию. В 1924 закончил Высший литературно-художественный ин-т им. Брюсова. В конце 1933 арестован, затем отправлен в ссылку на Беломорканал до 1939. В 1943 мобилизован и отправлен на фронт. При жизни было напечатано лишь одно стихотворение («Новый мир», 1929). *Устойчивое неравновесие: Стихи 1923–1949*.

Мюнхен, 1979; *Устойчивое неравновесие:*

Стихи. М.: Сов. пис., 1991; *Стихотворения*.

Поэма. М.: Виртуальная галерея, 2005.

Одарченко Юрий Павлович

(1903 – 25.08.1960, Париж)

Поэт, прозаик, художник. Родился в состоятельной семье, детство провел на Украине. В начале 1920-х эмигрировал во Францию. Жил в Париже, занимался оформлением интерьеров и роспися-

ми по ткани. Стихи начал писать в 1930-х, дебютировал в 1947 в альманахе «Орион», соредактором которого он был. В 1949 выпустил книгу «Денек». Страдал душевным заболеванием, покончил с собой.

Стихи и проза. Paris: La Presse Libre, 1983;
Сочинения. М.-СПб.: Летний сад, 2001.

Одоевцева Ирина Владимировна [Гейнике Ираида Густавовна, Одоевцева – фамилия матери; 27.07.1895 (по другим сведениям – 1901), Рига – 14.10.1990, Ленинград]

Поэт, прозаик, мемуарист. Родилась в семье адвоката, с 1914 жила в Петрограде. Стихи писала с детства, впервые напечаталась в 1918. Входила во второй «Цех поэтов» и поэтическую группу «Звучащая раковина». Ученица Н. Гумилева, жена Г. Иванова. В 1922 эмигрировала вместе с мужем, жила в Берлине, затем в Париже. В 1987 вернулась в СССР, жила в Ленинграде.

Избранное. М., 1998.

Озеров Лев Адольфович [Гольдберг; 10. (23.)08.1914, Киев – 18.03.1996, Москва]

Поэт, переводчик, литературовед. Начиная печататься в Киеве и Харькове под настоящей фамилией и различными псевдонимами, с 1935 – как Озеров. Первая книга, «Приднепровье», вышла в 1940, в Киеве. В 1939 окончил МИФЛИ, в 1941 – аспирантуру МИФЛИ. Участник Великой Отечественной войны, военный журналист. С 1943 до последних дней преподавал в Литинституте.

Лирика. 1931–1966. М., 1966; *Избранные стихотворения.* М., 1974.

Окуджава Булат Шалвович (9.05.1924, Москва – 12.06.1997, Париж; похоронен в Москве)

Поэт, прозаик, автор-исполнитель песен, сценарист. В 1934 семья переехала в Н. Тагил. В 1937 родители арестованы: отец расстрелян, мать сослана в карагандинский лагерь. До 1940 воспитывался у бабушки в Москве, затем переехал к родственникам в Тбилиси. В 1942 добровольцем ушел на войну. Был минометчиком, радистом тяжелой артиллерии, получил ранение. После демобилизации закончил филфак Тбилисского ун-та (1950). Работал учителем в Калужской обл. и Калуге. В Калуге вышла первая книга «Лирика». В 1956 возвратился в Москву. Участвовал в работе лито «Магистраль». Работал редактором в издательстве «Молодая гвардия», заведующим отделом поэзии в «Литературной газете». С 1961 жил только на литературные заработки.

Чаепитие на Арбате. М.: ПАН, 1996; *Избранное.* Ростов-на-Дону: Феникс, 2000; *Стихотворения.* СПб.: Академический проект, 2001. (НБП, б.с.).

Островский Яков Исаакович

(род. 1932, Днепропетровск)

Поэт, журналист. По утверждению знавшего его художника М. Петренко, был «культуртрегером и духовным отцом многих поэтов» Днепропетровска. Рано уйдя во «внутреннюю эмиграцию», с конца 1950-х попыток печататься в СССР не предпринимал – ни в официальной печати, ни в самиздате. Эмигрировал в Германию, живет в Ганновере.

<http://www.ostrovnyak.com/>

Охрименко Алексей Петрович

(16.01.1923, Москва – 17.06.1993, там же)

Поэт, журналист. Воевал, был несколько раз ранен. Автор и исполнитель песен, многие из которых стали фольклорными.

www.bards.ru/; www.bard.ru (текст уточнен по записям авторского исполнения)

Оцуп Николай Авдеевич (23.10(4.11).1894, Царское Село – 28.12.1958, Париж)

Поэт, прозаик, переводчик. С 1918 работал в издательстве «Всемирная литература», вместе с Н. Гумилевым воссоздал «Цех поэтов». В 1922 эмигрировал; жил в Берлине, затем в Париже. В 1930 участвовал в создании журнала «Числа», был его соредактором. Во время Второй мировой войны служил добровольцем во французской армии, попал в плен, дважды бежал, с 1943 участвовал в итальянском Сопротивлении. После войны работал профессором парижской «Эколь Нормаль», защитил докторскую диссертацию, посвященную творчеству Н. Гумилева. *Жизнь и смерть.* В 2-х томах. Париж, 1961;

Океан времени. СПб.: Logos Дюссельдорф:

Голубой всадник, 1993.

Неизбежное сигнал дает...

Из цикла «Предсмертные стихи», в который вошли стихотворения, написанные Н. Оцупом в последние дни жизни, 16–27 декабря 1958.

Панкратов Юрий Иванович

(род. 12.09.1935, Семипалатинск)

Поэт, переводчик. Окончил строительный техникум в Алма-Ате, работал в Средней Азии. В 1955 переехал в Москву. Окончил Литинститут (1960). Участник самиздатского «Синтаксиса».

В 1970-х и позже работал в издательстве «Современник».

Синтаксис, № 1, 1959 (Детское); *Месяц: Первая книга стихов*. М.: Молодая гвардия, 1962.

Панов Михаил Викторович

(21.09.1920, Москва – 3.11.2001, там же)

Поэт, филолог, литературовед. В 1941 окончил Московский педагогический ин-т и ушел добровольцем на фронт. После войны работал учителем в школе, с 1958 – в Ин-те русского языка АН СССР. В 1968 получил степень доктора наук. В 1971 выступил в защиту инакомыслящих коллег, был исключен из партии и вынужден был уйти из института. Работал в НИИ национальных школ, эпизодически читая лекции в МГУ. Стихи писал всю жизнь, но до 1998 не печатался.

Тишина. Снег. М.: Carte Blanche, 1998; *Олены навстречу*. М.: Carte Blanche, 2001.

Все хорошо в природе... – вольная цитата из «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова.

И простой дождь... – разбитая на три стихотворных строки цитата из неоконченной статьи Н.Г. Чернышевского «Возвышенное и комическое» (1855).

Пастернак Борис Леонидович [29.01.(10.02.)1890, Москва – 30.05.1960, Переделкино Московской обл.]

Поэт, прозаик, переводчик. Учился на философском отделении историко-филологического ф-та Московского ун-та. В 1912 продолжил учебу в Марбурге (Германия), где начал писать стихи. По возвращении вместе с Н. Асеевым и С. Бобровым организует группу футуристов «Центрифуга». В 1914 выпустил первую книгу стихов. В 1920-е годы примыкал к ЛЕФу. Лауреат Нобелевской премии (1958), от получения которой под давлением советских властей вынужден был отказаться.

Собр. соч. в 5 т. М.: Худ. лит., 1989–1992. *Полн. собр. соч. в 11 т.* М.: Слово/Slovo, 2005.

Передрев Анатолий Константинович

[18.12.1932 (по др. данным родился в 1934), Новый Сокур Саратовской обл. – 18.11.1987, Москва]

Поэт. Из крестьян. Вскоре после его рождения семья вынуждена была перебраться в Грозный. В 1952 – 53 учился в Грозненском нефтяном ин-те, позднее – на филфаке Саратовского ун-та. Работал на химзаводе, на строительстве Братской ГЭС. В 1960 поступил в Литинститут. С начала 1970-х жил в Москве. С 1981 – редактор альманаха «День поэзии».

Судьба. М., 1964; *Любовь на окраине*. М.: Советская Россия, 1988; *Лебедь у дороги*. М.: Современник, 1990.

Петров Сергей Владимирович

[7(20).04.1911, Казань – 31.10.1988, Ленинград]

Поэт, прозаик, переводчик. Родился в семье врача, с 1927 жил в Ленинграде. После окончания историко-филологического ф-та ЛГУ (1931) преподавал и занимался поэтическими переводами. В 1933 был арестован, более двадцати лет пробыл в заключении и ссылке. Освободившись в 1954, поселился в Новгороде. В 1976 вернулся в Ленинград. Оригинальные стихотворения впервые появились в печати в 1983.

Собрание стихотворений в 2-х кн. М.: Водолей Publishers, 2008.

Присели кроткие церквушки... – Из цикла «Новгород зимой».

Петровых Мария Сергеевна

[13.(26.)03.1908, Норский посад Ярославской губ. – 1.06.1979, Москва]

Поэт и переводчик. С 15 лет посещала собрания Союза поэтов в Ярославле. Окончила Высшие литературные курсы в Москве (1930). Училась в МГУ, работала в московских издательствах. Оригинальные стихи М. Петровых печатались редко, единственная прижизненная книга «Дальнее дерево» вышла в Ереване в 1968.

Предназначение. М., 1983; *Избранное*. М., 1991; *Мгновенье воздуха*. М., 1998

Петрушевская Людмила Стефановна

(род. 26.05.1938, Москва)

Прозаик, драматург, поэт; занимается музыкой и живописью. Окончила ф-т журналистики МГУ. Работала корреспондентом московских газет, сотрудницей издательств, с 1972 – редактором на Центральной студии телевидения. Пьесы ставились преимущественно в полуофициальных студиях и самодеятельных театрах. Широкое признание к Л. Петрушевской пришло в середине 1980-х. В 1990-х начала публиковать стихи. Лауреат Гос. премии России (2002).

Карамзин: Деревенский дневник. СПб.: Пушкинский фонд, 2000; *Парадоксы. Строчки разной длины*. СПб.: Амфора, 2008.

Плисецкий Герман Борисович (17.05.1931,

Москва – 2.12.1992, Химки Московской обл.)

Поэт, переводчик. Окончил филфак МГУ, с 1960 учился в аспирантуре в ЛГИТМиК. С 1965 жил в Химках. Переводил восточных поэтов. До конца

1980-х оригинальные стихи публиковались в основном на Западе.

Пригород. М.: Правда, 1990; *От Омара Хайама до Экклезиаста*. М.: Фортуна Лимитед, 2001.

Попов Владимир Николаевич

(род. 31.07.1938, Борисоглебск Воронежской обл.)

Поэт, фотограф. В 1939 семья переехала в Подмосковье – в Томилино. Стихи пробовал писать с детства. После службы в армии работал на Архангельском траловом флоте, затем долгое время в Архангельском леспромхозе. Публикуется с 1960-х. Работает библиотекарем в Томилино. *Луч солнца на бревенчатой стене*. М.: Сов. пис., 1985.

Португалов Валентин Валентинович

(1.07.1913, Кунцево Московской губ. – 7.03.1969, Москва)

Поэт, переводчик. Оставшись сиротой, беспризорничал, жил по детдомам. В 1930-х – актер Московского реалистического театра. В 1935 поступил на вечернее отделение Литинститута. В 1937 репрессирован, более 15 лет провел в лагерях. После освобождения работал в Доме народного творчества на Кольме. В 1964 вернулся в Москву, руководил кафедрой на Высших литературных курсах. Вел большую работу по сбору и публикации наследия поэтов 1920—1930-х годов, в т.ч. репрессированных.

Северо-Восток. Магадан, 1960; *Мы, «крещеные» в тридцать седьмом году*. М.: Антикава, 2006.

Прасолов Алексей Тимофеевич (13.10.1930, Ивановка Воронежской обл. – 2.02.1972, Воронеж)

Поэт, прозаик. Окончил Россошанское педучилище, работал учителем, корреспондентом районных газет. В 1961–1964 – в местах заключения, откуда был освобожден досрочно по ходатайству А. Твардовского. После освобождения снова работал журналистом. Покончил с собой. *Лирика*. М.: Молодая гвардия, 1966; *И душу я несусь сквозь годы...* Воронеж, 2000.

Пресняков Юзеф Васильевич

(1935 – 9.05.2005, Москва)

Поэт, переводчик. Дружил с Г. Айги и Я. Сатуновским. Стихи публикуются по файлу, полученному от наследников автора.

Присманова Анна Семёновна

[*Присман, в замужестве Гингер*; 25.08(6.09).1892, Либава (Лиепая) – 4.11.1960, Париж]

Поэт. Начала печататься в 1910-е. Входила в Петроградский Союз поэтов. В 1922 эмигрировала в Германию, позже переехала в Париж. Первый поэтический сборник вышел в 1937. В послевоенные годы пыталась утвердить новое поэтическое направление – «формизм».

Собрание сочинений. Гаара: Leuxenhoff Publishing, 1990; *Присманова А., Гингер А. Туманное звено*. Томск: Водолей, 1999.

Теленок... – из лирической повести «Вера» (о В.Н. Фигнер).

Прокофьев Олег Сергеевич (14.12.1928, Париж – 20.08.1998, Гернси, Великобритания)

Поэт, художник (ученик Р. Фалька). Сын композитора Сергея Прокофьева. До 1936 жил в Париже, потом вместе с отцом вернулся в Москву. В 1959 стихи были опубликованы в самиздатском журнале «Синтаксис». В 1971 уехал на Запад. *Свеченье слов*. Париж-Лондон, 1991; *Ягодки догадок*. Лондон, 1997; <http://www.wikilivres.info/wiki/OlegProkofiev>.

Прокофьева Софья Леонидовна

(род. 14.05.1928, Москва)

Детская писательница, поэт. Дочь Л. Фейнберга. Была женой О.С. Прокофьева. Закончила Московский художественный ин-т им. Сурикова. Работала художником-иллюстратором. Стихи пишет с юности.

Античный цикл и другие стихотворения. М.: ИД Русанова, 2000.

Прохожий Арсений

(Чанышев Арсений Николаевич; 18.04.1926, Новочеркасск Ростовской обл. – 3.08.2005, Москва)

Поэт, публицист, философ. Сын священника Т. Н. Никитина, впоследствии – архиепископа Смоленского и Вяземского, расстрелянного в 1937. Окончил философский ф-т МГУ (1952) и аспирантуру по кафедре истории зарубежной философии (1955), где и проработал всю жизнь. В середине 1960-х подружился с поэтами СМО-Га. Стихи под псевдонимом Артемий Михайлов были опубликованы в «Гранях» в 1966 и 1969. Стихи, ходившие в самиздате, подписывал псевдонимами Арсений Прохожий и Арсений Никитин. <http://ipso.iiso.ru/chanyshev/>; <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/chanyshev/verses.htm>

Радимов Павел Александрович

[28.08(9.09).1887, Ходяйново, Рязанской губ. – 12.02.1967, Хотьково, Московской обл.]

Поэт, переводчик, художник. Окончил духовную семинарию и историко-филологический ф-т Казанского ун-та, одновременно брал уроки рисования. В 1914 по рекомендации Поленова и Репина вступил в Товарищество художников-передвижников. Преподавал историю искусства в Казанской художественной школе. Первая книга стихов вышла в Казани в 1912. После 1917 вел культурно-агитационную работу сначала в Казани (возглавлял отдел искусств Наркомпроса Татарии), потом в Москве. С 1930-х жил в собственном доме в Хотьково.

Избранные стихи. М.: Худ. лит., 1988

Рейн Евгений Борисович

(род. 29.12.1935, Ленинград)

Поэт, переводчик. Закончил Ленинградский технологический ин-т холодильной пром-ти и Высшие сценарные курсы. Стихи ходили в самиздате, в т.ч. были опубликованы в «Синтаксисе». С 1973 живет в Москве. Автор сценариев свыше 20 документальных фильмов (в т.ч. «Чукоккала»). Преподает в Литинституте. Лауреат Гос. премии России 1997.

Против часовой стрелки. Ann Arbor: Ardis, 1979; *Имена мостов.* М.: Сов. пис., 1984; *Избранное.* М.-Paris-NY.: Третья волна, 1993; *Избранные стихотворения и поэмы.* М.–СПб.: Летний сад, 2001; АГЛ-2Б

Решетов Алексей Леонидович (3.04.1937, Хабаровск – 29.09.2002, Березники Пермской обл.)

Поэт, прозаик. С 1945 жил на Урале, куда после ареста отца в 1937 была выслана мать. Стихи писал с 1953. В 1956 окончил Березниковский горно-химический техникум. Работал в рудоуправлении калийного комбината. В 1982 переехал в Пермь, затем в Екатеринбург. Незадолго до смерти вернулся в Березники.

Нежность. – Пермь: Книжное изд-во, 1960; *Станция Жизнь.* – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1990; *Собр. соч. в 3 т.* – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004.

Рождественский Роберт Иванович (20.06.1932, Косиха, Алтайский край – 19.08.1994, Москва)

Поэт. Фамилия и отчество от отца. В девять лет оказался в детском доме – мать призвали на фронт как медсестру, отец С.Н. Петкевич был с ней в разводе (погиб в феврале 1945 в боях за Латвию). После окончания школы поступил в Петрозаводский ун-т, где начал писать стихи (первые напечатаны в 1950). Через год оставя-

ет университет ради Литинститута (окончил в 1956). Во время учебы выпустил в свет первый сборник стихов «Флаги весны» (1955). Лауреат Гос. премии СССР 1979.

Бессонница. М.: Правда, 1991; *Последние стихи Роберта Рождественского.* М.: Р.Р., 1994.

Рубин Валерий Абрамович (1938–1991)

Поэт. Жил в Лыткарино. По образованию инженер. После публикации в «Континенте» (1981) был уволен, работал сторожем, периодически для заработков вербовался на север.

Обыск. М., 1994.

Рубцов Николай Михайлович (3.01.1936, Емецк Архангельской обл. – 19.01.1971, Вологда)

Поэт. Воспитывался в детском доме, в 1950–1955 учился в лесотехническом и горно-химическом техникумах, работал на различных работах. В 1955–1959 служил на Северном флоте. После демобилизации жил в Ленинграде, работал на Кировском заводе. Сблизился с ленинградскими неофициальными поэтами, печатался в самиздате. В 1962 поступил в Литинститут (окончил в 1969), в 1965 выпустил первую книгу. С 1969 жил в Вологде, был убит гражданской женой во время семейного скандала.

Лирика. Архангельск, 1965; *Звезда полей.* М.: Сов. пис., 1967; *Избранное.* М.: Худ. лит., 1982; *Звезда полей.* М.: Воскресенье, 1999.

Некоторые ранние стихотворения публикуются по машинописному сборнику «Волны и скалы», воспроизведенному на сайте, посвященном творчеству Н. Рубцова: <http://rubtsov.id.ru/>. **Встретил нас Налдеев, встретил нас Шува-лов...** Налдеев – см. Д. Хармса «Халдеев, Налдеев и Пепермалдеев...».

Роза Усмановна Хуснутдинова (р. 1940) – драматург и прозаик.

Вадим Николаевич Куропаткин – прозаик, соученик Н. Рубцова по Литинституту.

Михаил Анатольевич Шаповалов (р. 1942) – поэт, соученик Н. Рубцова по Литинституту.

Рутман

Возможно, Роман Рутман. Сведения об авторе отсутствуют. Стихотворение было известно уже в 1960-е, в т.ч. по книге Анатолия Марченко «Мои показания», датировавшего его 1967 годом. Здесь публикуется по изданию: А. Марченко «Мои показания» (М.: Московский рабочий, 1991).

Самойлов Давид (*Кауфман Давид Самуилович*; 1.06.1920, Москва – 23.02.1990, Таллин)

Поэт, прозаик, переводчик. Родился в семье врача. Учился в ИФЛИ. С юности писал стихи, печататься начал с 1941. Участник войны. Первый сборник стихов «Ближние страны» (1958). Написал «Книгу о русской рифме» (1973, 1982, 2005). С 1976 жил в Пярну. Гос. премия СССР (1988). *Стихотворения*. СПб.: Академический проект, 2006 (НБП, б.с.).

И жалко всех и вся... – из цикла «Пярнуские элегии».

Сапгир Генрих Вениаминович (20.11.1928, Бийск, Алтайский край – 7.10.1999, Москва)

Поэт, прозаик, сценарист, переводчик. Родился в семье сапожника. С 1930-х жил в Москве. Занимался в литературной студии у Е.Л. Кропивницкого. После возвращения из армии познакомился с И. Холиным. Один из основных участников лианозовской группы. Писал стихи для детей, сценарии мультфильмов. С середины 1960-х публикуется на Западе. «Взрослые» стихи не печатались до перестройки. Составитель поэтического раздела антологии «Самиздат века» (1997).

Московские мифы. М.: Прометей, 1989; *Собр. соч.* М.–Париж–Нью-Йорк: Третья волна, 1999 (вышли два тома); *Стихотворения и поэмы*. СПб.: Академический проект, 2004. (НБП, м.с.); *Складень*. М.: Время, 2008.

Сатуновский Ян [*Сатуновский Яков Абрамович*; 10.(23.)02.1913, Екатеринослав (Днепропетровск) – 12.08.1982, Москва]

Поэт, литературовед, переводчик. С конца 1920-х учился в Москве, в техникуме. Вероятно, в эти годы познакомился с Г. Оболдуевым. В 1938 закончил Днепропетровский ун-т по специальности физическая химия. С 1939 – в армии. Прошел всю войну, был ранен. После демобилизации поселился в городе Электросталь Московской обл. Работал инженером-химиком. В 1961 знакомится с лианозовцами. В СССР публиковались его стихи для детей и некоторые статьи (числился как литературовед в секции критики профкома литераторов при издательстве «Советский писатель»). С 1977 публиковался в тамиздате.

Хочу ли я посмертной славы... М.: Библиотека альманаха «Весь», 1992; *Рубленая проза*. Мюнхен/М.-Минск: Otto Sagner, 1994; *Среди бела дня*. М.: ОГИ, 2001.

Светлов Михаил Аркадьевич [4.(17.)06.1903, Екатеринослав – 28.09.1964, Москва]

Поэт, драматург. В 1919 вступил в комсомол, был стрелком пехотного полка, заведомом пе-

чати Екатеринославского губкома комсомола. В 1922 переехал в Москву, учился на рабфаке, потом на литературном ф-те 1-го Московского ун-та, в Брюсовском ин-те. Первое стихотворение опубликовал в 1917. В Москве стал членом литературной группы «Молодая гвардия», в 1924–1925 входил также и в литературную группу «Перевал». В войну – корреспондент различных газет. *Стихи последних лет*. М.: Советская Россия, 1966; <http://tareeva.livejournal.com/4789.html> (воспоминания Э. Б. Тареевой о Светлове)

Сельвинский Илья Львович

[12(24).10.1899, Симферополь – 2.03.1968, Москва]

Поэт, драматург, прозаик, переводчик. Во время учебы в гимназии зарабатывал на жизнь натурщиком, репортером, актером бродячего мюзикхолла. В годы Гражданской войны стал красногвардейцем, был ранен под Перекопом. Учился в Таврическом ун-те. В 1920 перевелся в МГУ на ф-т общественных наук. В 1926 выпустил первый поэтический сборник. С 1924 по 1932 – один из лидеров Литературного Центра Конструктивистов. В качестве корреспондента «Правды» в 1930-е посетил многие европейские страны. В годы войны был военным корреспондентом. После войны вел семинар в Литинституте. *Собр. соч. в 6 т.* М.: Худ. лит., 1971; *Pro doma sua*. М.: Правда, 1990.

Femme de quarante ans – «сорокалетняя женщина» (фр.), отсылка к роману Бальзака «La femme de trente ans» («Женщина тридцати лет»).

Ц. А. В. – Цецилия Александровна Воскресенская, приемная дочь поэта.

Семененко Светлан Андреевич

(26.11.1938, Ленинград – 18.05.2007, Таллин)

Поэт, переводчик. Окончил филфак Тартуского ун-та (1967). Работал в русскоязычных эстонских газетах и журналах.

Свет в декабре. Таллин: Ээсти раамат, 1985;

Со всеми, кем любим, кого люблю. Таллинн: Александра, 2008.

Семёнов Глеб Борисович (18.04.1918,

Петроград – 23.01.1982, Ленинград)

Поэт, переводчик. Окончил химический ф-т ЛГУ (1941). Началом литературной деятельности считал 1940. С 1939 до конца жизни руководил различными лито, через которые прошли многие известные ныне поэты. Многие стихи были опубликованы только после смерти.

Отпуск в сентябре. М.-Л.: Сов. пис., 1964; *Стихотворения и поэмы*. СПб.: Академический проект, 2004 (НБП, м.с.).

Сергеев Андрей Яковлевич

(3.06.1933, Москва – 27.11.1998, там же)

Прозаик, поэт, переводчик. В 1950–1952 учился на режиссерском ф-те ВГИКа, затем в ин-те иностранных языков (закончил в 1958). Входил в «группу Черткова». Как переводчик печатался с 1959, оригинальные стихи впервые опубликовал только в 1990. Был сбит насмерть машиной. «Новый мир» 1994, № 4; *Изгнание бесов*. М.: НЛО, 2000.

Сеф Роман (Роальд Семёнович; 6.10.1931, Москва – 20.02.2009, там же)

Поэт, переводчик, драматург. Родители были репрессированы в 1930-е. Стихи писал с детства. После школы работал шофером. В 1951–1956 тоже был репрессирован, срок отбывал в Казахстане. Учился на ф-те журналистики МГУ. Многие годы руководил семинаром детской и юношеской литературы в Литинституте. *Песочные часы*. М.: Вагриус, 2004; <http://www.kyumber.ru/stories.php?story=1233>.

Сидур Вадим Абрамович (28.06.1924, Днепропетровск – 26.06.1986, Москва)

Скульптор, художник, поэт, прозаик. Был тяжело ранен во время войны. Демобилизовавшись по инвалидности, поступил в Высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское), окончил его в 1953. С тех пор жил в Москве. Стихи писал в последние годы жизни. С 1988 в Москве существует Музей Вадима Сидура. *Самая счастливая осень*. М.: Отдел культуры Перовского райсовета, 1990.

Слепакова Нонна Менделевна (31.10.1936, Ленинград – 12.08.1998, Петербург)

Поэт, переводчик, прозаик. Окончила Ленинградский библиотечный ин-т (1958), работала в типографии, с начала 1960-х занималась исключительно литературной деятельностью. Стихи писала с детства, первая публикация – в 1961. *Первый день*. М.-Л.: Сов. пис., 1967; *Избранное в 2-х томах*. СПб.: Геликон+, 2006.

Слущкий Борис Абрамович (7.05.1919,

Славянск Донецкой губ. – 22.02.1986, Тула)

Поэт, переводчик. До войны учился в Московском юридическом ин-те и Литинституте. На фронте был тяжело ранен. Долго боролся с по-

следствиями ранения (головные боли). Первая публикация состоялась в 1941, следующая – лишь в 1954. Несмотря на официальное признание и популярность, значительная часть его стихотворений не была опубликована при жизни, некоторые из них попадали в самиздат и тамиздат. После смерти жены в 1977 находился в тяжелой депрессии, стихи писать перестал.

Память. М.: Сов. пис., 1957; *Стихи разных лет: Из неизданного*. М.: Сов. пис., 1988; *Собр. соч. в 3 т.* М.: Худ. лит., 1991.

Смеляков Ярослав Васильевич

[26.12.1912 (8.01.1913), Луцк – 27.11.1972, Москва]

Поэт. Окончил полиграфическое ФЗУ. Стихи писал с детства, посещал лито при журнале «Огонек». Работал наборщиком, первую книгу (1932) набирал в типографии сам. В 1934 репрессирован, после освобождения в 1937 работал в редакциях газет. В первые месяцы войны попал в финский плен, где находился до 1944. В 1950-е вновь репрессирован, на свободу вышел в 1956. Лауреат Гос. премии СССР (1968).

Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. пис., 1979. (БП)

Смирнов Юрий Васильевич

(27.08.1933, Архангельск – 22.11.1978, Москва)

Поэт. Учился в Ленинградском высшем инженерно-техническом училище. Служил на Северном флоте. В 1969 окончил Московский ин-т гражданского строительства, работал инженером-строителем. Многие стихи опубликованы только после смерти.

Обруч. М.: Сов. пис., 1969; *Знаки*. М.: Сов. пис., 1980; *Слова на бумаге*. М.: Культурный слой, 2004.

Смоленский Владимир Алексеевич [24.07

(6.08).1901, под Луганском – 8.11.1961, Париж]

Поэт. Из дворян. Воевал в Добровольческой армии, в 1920 вместе с ней эвакуировался из Крыма. Жил в Тунисе, где и начал писать стихи. В 1922 перебрался во Францию, работал на заводах. После окончания Коммерческой академии служил бухгалтером. Начал публиковаться в 1929, первая книга вышла в 1931 («Закат»). Был председателем Союза молодых поэтов в Париже.

О гибели страны единственной... М.: Русский Путь, 2001.

Соболь Марк Андреевич

(4.01.1918, Москва – 28.02.1999, там же)

Поэт, прозаик. Сын писателя Андрея Соболя. В 1933 поступил на режиссерский факультет

ГИТИСа. В декабре 1934 был арестован, осужден по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. После освобождения из лагеря в 1936 работал в провинции. Участник Великой Отечественной войны. Стихи начал публиковать во фронтовой печати в 1943, первую книгу выпустил в 1946. Некоторые произведения до конца 1980-х не публиковались.

Избранное. Стихи и проза. М., 1989; <http://www.marksobol.narod.ru/poetry.htm>.

Соковнин Михаил Евгеньевич

(22.07.1938, Москва – 13.07.1975, там же)

Поэт, прозаик, переводчик. Отец был режиссером музыкального театра им. Кирова (Мариинского), мать – балериной Большого театра. Окончил филфак Московского педагогического ин-та. Работал лектором и экскурсоводом. Переводил А. Теннисона. Со студенческих лет дружил с Вс. Некрасовым. При жизни был опубликован только один его рассказ. Умер от болезни сердца.

Рассыпанный набор. М.: Фирма «Граффити», 1995; «Знамя», № 6, 1996; «Новый мир», № 9, 1996 (Москва–Пермь–Москва).

Май мнуш, маняц и зеленайяй – по устному сообщению А.П. Малькова.

Соколов Валентин Петрович (*Валентин З/К; 24.08.1927, Лихославль (ныне Тверская обл.) – 7.11.1982, Новошахтинск Ростовской обл.*)

Поэт. Учился в Московском ин-те стали. Во время службы в армии, в канун 1948, получил первый срок (за стихи). Второй срок получил в 1958, отбывал в Дубровлаге. После освобождения поселился в Новошахтинске, работал на шахте. Вскоре снова был осужден: сначала на год, потом еще на 5 лет. По отбытии отказался от советского паспорта и потребовал выезда из страны. В ответ его поместили в спецпсихбольницу Черняховска, затем Новошахтинска, где он умер от инфаркта. *Тени на закате.* М.: Лира, 1999.

Соколов Владимир Николаевич

(18.04.1928, Лихославль (ныне Тверская обл.) – 24.01.1997, Москва)

Поэт, переводчик. Стихи писал с детства. С 8 лет жил в Москве. Посещал литературный кружок Е. Благиной, по ее рекомендации поступил в Литинститут (окончил в 1952). Публиковался с 1948. Лауреат Гос. премии СССР (1983).

Избранное в 2 томах. М.: Худ. лит., 1981; «Это вечное стихотворенье...» Книга лирики. М.: «Литературная газета», 2007.

Сопин Михаил Николаевич (12.08.1931, Ломное Курской обл. – 11.05.2004, Вологда)

Поэт. Ребенком пережил оккупацию, оказывал посильную помощь выходящим из немецкого окружения. После войны окончил ремесленное училище, но на работе не удержался, бродяжничал. В 1949 был арестован за хранение оружия, отбывал срок на строительстве Цимлянской ГЭС. Вторично арестован в 1955 по указу от 4.06.47 («хищение имущества»), срок 15 лет отбывал в северных лагерях. В это время начал писать стихи. По отбытии срока поселился в Перми, работал сантехником. По рекомендации В. Кожина переехал в Вологду, где ему помогли выпустить первую книгу.

Предвестный свет. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1985; *Пока живешь, душа – люби!..* Вологда: Свеча, 2007.

Бой глуше. Дальше. Стороной... – посвящение Вадиму Кожину и его жене.

Соснора Виктор Александрович

(род. 28.04.1936, Алупка)

Поэт, прозаик. Родился в семье циркового акробата-эквилибриста, ставшего профессиональным военным. Школу окончил во Львове, учился во Львовском ин-те прикладных искусств, поступил на философский ф-т ЛГУ, но ушел за год до диплома. Работал слесарем-электромонтажником. В 1962 выпустил первую книгу стихов. Печатался как в официальных изданиях, так и в самиздате и на Западе. Лауреат премии Андрея Белого за особые заслуги в развитии литературы (2004).

Январский ливень. Л.: Сов. пис., 1962; Всадники. Л.: Лениздат, 1969; Стихотворения. СПб.: Амфора, 2006.

Певница – из цикла «Мотивы К.И. Галчинского».

Старинин Игорь Всеволодович (16.12.1937, Москва – пропал без вести в Москве в конце 1998)

Поэт. Закончил один курс Ин-та восточных языков и четыре курса Литинститута. Был рабочим в экспедициях (Средняя Азия), корректором при ВИНТИ, полотором. После смерти родителей пил, в конце 1980-х остался без жилья, периодами жил у друзей и у родственников.

Журнал «Континент», № 134, 2007;

<http://kassian.livejournal.com/54036.html>

Стефанович Николай Владимирович

(6.01.1912, Москва – 14.04.1979, там же)

Поэт, переводчик, актер. Учился на Высших литературных курсах в Москве, после их закрытия

поступил в Щукинское театральное училище, в течение восьми лет работал в Вахтанговском театре. В 1937 свидетельствовал по делу Н. Ануфриевой и Д. Жуковского, арестованных органами НКВД. В 1941 был тяжело ранен осколком бомбы, попавшей в театр, и стал на всю жизнь инвалидом. После войны по рекомендации Б. Слуцкого поступил в секцию переводчиков при Госиздате. Дружил с Б. Пастернаком, ценившим его стихи. Оригинальное творчество Стефановича при жизни практически опубликовано не было.

<http://nstef.narod.ru/>; *Ко второму пришествию*. М.: Форум, 2000.

Часть стихотворений – из архива Стефановича, хранящегося у Т.Н. Бедняковой (Воробьёвой).

Стюарт Елизавета Константиновна

(28.09.1906, Томск – 3.02.1984, Новосибирск)

Поэт, переводчик. Начинала как детская писательница. В 1932 переехала в Новосибирск, была машинисткой. В военные годы работала в сибирском отделении ТАСС. Первая «взрослая» книга стихов – «Города будущего» (1943).

Польнь и солнце. М.: Сов. пис., 1979; <http://sds.sinor.ru/lib/zema/stu/1/index.php?in=/www/home/sds98/publichtml/php/index&t=1>.

Сухарев Дмитрий (Сахаров Дмитрий Антонович; род. 1.11.1930, Ташкент)

Поэт, прозаик, драматург, эссеист, переводчик. Окончил МГУ (1953). Доктор биологических наук, действительный член Российской академии естественных наук. Стоял у истоков жанра авторской песни, сотрудничал с В. Берковским, С. Никитиным и др. Стихи и стихотворные переводы публикует с середины 1950-х (с 1957 – под псевдонимом). Составил «Антологию авторской песни» (2002). Живет в Москве.

Общезитие. [коллективный сборник]. М.: Молодая гвардия, 1961; *Дань*. М.: Сов. пис., 1963; *При вечернем и утреннем свете*. М.: Сов. пис., 1989; *Много чего*. М.: Время, 2008.

Тарковский Арсений Александрович

[12(25).06.1907, Елисаветград – 27.05.1989, Москва]

Поэт, переводчик. Отец кинорежиссера Андрея Тарковского. Во время гражданской войны скитался по Украине и Крыму, был учеником сапожника, работал в рыболовецкой артели. В 1923 переехал в Москву, в 1925 поступил на Высшие литературные курсы, работал в газете «Гудок», потом консультантом на радио. В 1933 Г. Шенгели привлек его к переводам поэзии

народов СССР. В войну – корреспондент армейской газеты. В результате тяжелого ранения потерял ногу. Первая книга вышла только в 1962. Лауреат Гос. премии СССР 1989 (посмертно).

Перед снегом. М.: Сов. пис., 1962; *Собр. соч. в 3 т.* М.: Худ. лит., 1991.

Тарутин Олег Аркадьевич

(1.06.1935, Ленинград – 09.2000, Петербург)

Поэт, прозаик. Окончил геологоразведочный ф-т Ленинградского горного ин-та (1958). Работал на Крайнем Севере, на Дальнем Востоке, в Иране. Участник трех антарктических экспедиций. Воспитанник лито Горного ин-та (руководитель Г. Семёнов). Печататься начал в 1956 в ж. «Молодая гвардия».

Идти и видеть. М.-Л.: Сов. пис., 1965; *Синий кит*. Л.: Сов. пис., 1990; *АГЛ-1*

Гражданин по кличке Фуга... – из цикла «Позвонки».

Твардовский Александр Трифонович [8(21).

06.1910, Загорье Смоленской губ. – 18.12.1971, Пахра Московской обл.; похоронен в Москве]

Поэт, прозаик, критик, общественный деятель. Родился в крестьянской семье, стихи писал с детства. Учился в Смоленском педагогическом ин-те и МИФЛИ (окончил в 1939). Первую поэму опубликовал в 1931. Настоящую славу принесла поэма «Василий Теркин» (1939–1945). В 1950–1954, 1958–1970 был главным редактором журнала «Новый мир». Ортодоксальный коммунист, Твардовский в 1960-х пришел к последовательному антисталинизму, сделал «Новый мир» органом советского либерализма. Под давлением властей в 1970 был вынужден уйти с поста главного редактора. Третье лауреат Сталинской премии (1941, 1946, 1947), лауреат Ленинской премии (1961), лауреат Гос. премии СССР (1971).

Избранные сочинения. – М., 1981; *Стихотворения и поэмы*. – Л., 1986; *Рабочие тетради 60-х годов // «Знамя»*, 2000 – 2005.

Терентьева Мария Кузьминична

(1906–1996, Москва)

Поэт, прозаик. В 1920-х училась в Высшем литературно-художественном ин-те. Жена писателя Ивана Катаева. В 1938, после ареста мужа также была арестована и осуждена как ЧСИР (член семьи изменника родины). Срок отбывала в Мордовии. После освобождения в 1946 жила в Магнитогорске, с 1953 в Москве.

Испытания. М., 1965; *Броды-переходы*. М.: Сов. пис., 1989.

Тимаховский Алексей Яковлевич

(род. 2.04.1938, Смоленск)

Поэт, журналист, публицист. В начале 1990-х издавал в Смоленске журнал «Месяц чести», где, помимо своих стихов и поэм, публиковал разнообразные исторические и публицистические статьи. Ж. «Месяц чести» (июль–сентябрь 1994).

Цвета способны двигать таракана... – опубликовано в журнале в разделе, озаглавленном «Главы из поэмы “Религия. Философия. Культура”».

Тимофеевский Александр Павлович

(род. 13.11.1933, Москва)

Поэт, кино- и теледраматург. Окончил сценарный факультет ВГИКа в 1959, писал сценарии мультфильмов. Со стихами дебютировал в самиздатском альманахе «Синтаксис» в 1960, после чего до второй половины 1980-х публиковал только детские стихи. Живет в Москве.

Зимующим птицам. М.: Гуманитарный фонд, 1992; *Песня скорбных душой.* М.: Книжный сад, 1998; *Опоздавший стрелок.* М.: НЛО, 2003.

Токмакова Ирина Петровна

(род. 3.03.1929, Москва)

Поэт, переводчик. Стихи пишет с детства. Окончила филфак МГУ (1953). Начала публиковаться в 1958 как переводчик детской литературы. Первая книга оригинальных детских стихов вышла в 1962. Лауреат Гос. премии России (2003). Живет в Москве.

Избранное. М.: Астрель; АСТ, 2004.

Тоом Леон Валентинович

(1921, Московская обл. – 4.06.1969, Москва)

Поэт, переводчик (главным образом с эстонского). Заочно окончил Литинститут. Жил в Москве. Погиб при невыясненных обстоятельствах (выпал из окна); возможно, покончил с собой.

Избранное. Таллин, 1976; *Встреча с миром.* М.: Грааль, 2002; *День поэзии 1971.* М.: Сов. пис., 1971; «Арион» 2002, № 2.

Топчий Леонид Иванович

(23.02.1913, Харьков – 22.09.1974, Казань)

Поэт. Начал печататься на Украине, где опубликовал два сборника. Во время войны остался на оккупированной территории, не желая оставлять умирающего отца. За это получил 10 лет лагерей. После освобождения поселился в Казани. Был сбит насмерть машиной.

Стихи. Казань, 1959; *Воскрешение.* Казань: Kazan-Kazan, 2003.

Тряпкин Николай Иванович (19.12.1918,

Саблино, Тверская губ. – 20.02.1999, Москва)

Поэт. Родился в крестьянской семье. В 1939 поступил в Московский историко-архивный ин-т. Во время войны был в эвакуации под Сольвычегодском, где работал счетоводом. Стихи начал писать в юности, в 1953 выпустил первую книгу. Лауреат Гос. премии России (1992).

Первая борозда. М., 1953; *Разговор по душам.* М., 1989; *Подражание Экклезиасту.* М., 1989; *Уж, видно, тот нам выпал жребий...* М.: Русская книга, 2000.

Бабочка белая! Бабочка белая!.. Эпиграф – первые строки стихотворения В.А. Жуковского «Песня».

Туроверов Николай Николаевич

[18(30).03. 1899, ст. Старочеркасская

Области Войска Донского – 23.09.1972, Париж]

Поэт. Окончил реальное училище. С 1916 участвовал в I мировой войне, с 1918 – в гражданской. Эмигрировал в 1920. Жил в Сербии, потом переехал в Париж, работал грузчиком. Первая книга вышла в 1928. Во время второй мировой в составе Иностранного легиона воевал с немцами в Африке. Вернувшись в Париж, работал в банке. *Двадцатый год – прощай, Россия!* М.: Российский фонд культуры, 1999.

Тымнетувге Владимир Мартынович

(26.06.1935, Энурмино Чукотского АО – 14.06.1965, там же)

Поэт. Воспитанник В. Португалова. Писал на чукотском и русском языках. Работал школьным учителем.

Всё, что я вижу – дарю вам. М.: РуПаб+, 2008.

Успенский Эдуард Николаевич

(род. 22.12.1937, Егорьевск Московской обл.)

Прозаик, поэт, сценарист. Окончил Московский авиационный ин-т (1961). Печататься начал с 1960 (как юморист). Получил широкую известность как автор детских книг о Чебурашке и Крокодиле Гене и многих других, по которым были сняты популярные мультфильмы. Учредитель детского издательства «Самовар». Живет в Москве.

Уфлянд Владимир Иосифович

(22.01.1937, Ленинград – 14.04.2007, Петербург)

Поэт. Учился в одном классе с М. Ерёминым и Л. Виноградовым. По окончании школы работал фрезеровщиком, разнорабочим. После службы в армии учился на историческом ф-те ЛГУ; был отчислен за непосещение семинаров

по марксизму и занятий на военной кафедре. Некоторое время был рабочим-оформителем и такелажником в Эрмитаже. Подрабатывал сочинением текстов для детских телепередач, музыкальных куплетов для кино и прочей литературной поденщиной. Со школьных лет писал стихи. В 1954–1956 посещал лито филфака ЛГУ, принадлежал к т. н. «филологической школе». В 1960 подборка стихов была включена в «Синтаксис» (№ 3), в дальнейшем до конца 1980-х публиковался в основном в самиздате и за рубежом. В 1985 вступил в Клуб-81.

АГЛ-1; Тексты 1955–1977. Анн-Арбор: Ардис, 1978;
Рифмованные упорядоченные тексты. СПб.: Блиц, 1997

Ушаков Николай Николаевич (6.06.1899, Ростов Ярославской губ. – 17.11.1973, Киев)
Поэт, переводчик. Окончил юридический ф-т Ин-та народного хозяйства в Киеве (1924). Первая публикация – в 1923. С конца 1920-х годов вел лито в Киевском Доме печати. Входил в группу молодых поэтов «Майна», впоследствии заявил о своей приверженности конструктивизму.
Избранное. М.: Худ. лит., 1990.

Фатьянов Алексей Иванович (5.03.1919, Малое Петрино Владимирской губ. – 13.09.1959, Москва)
Поэт-песенник. Родился в зажиточной крестьянской семье. В 1929 Фатьяновы переехали в пос. Лосиноостровский Московской обл., ныне в черте Москвы. Учился в театральной школе театра Красной Армии, затем служил в этом театре актером. С 1940 – в ансамбле Орловского военного округа. Был ранен во время боев в Венгрии.
Поэт гармонь. Владимир, 1955; *Избранное.* М.: Худ. лит., 1983.

Фейнберг Леонид Евгеньевич (18.02.1896, Москва – 1980, там же)
Художник-график, поэт. В 1910-х учился в студиях С. Жуковского и Ф. Рерберга в Москве. Участвовал в выставках «Союза русских художников». Занимался монументальным искусством и книжным оформлением. Друг Максимилиана Волошина. Был женат на В. Марковой.
Три лета в гостях у Волошина: Мемуары. Эссе. Стихи. М.: Аграф, 2006.

Феоктистов Евгений Иванович (11.11.1937, Ленинград – 1997, Петербург)
Поэт. Учился на филфаке ЛГУ, дружил с Е. Шварц и В. Кривулиным. Посещал лито Д. Дара и Г. Семёнова. Окончил топографический техникум.

Работал грузчиком, разнорабочим, сторожем. В середине 1970-х уничтожил большинство своих стихотворений. По словам Кривулина, «любовь к одиночным маршрутам и странствиям по местам, не изгаженным человеческим присутствием, победила филологию». Жил отшельником.
Внезапное лицо. СПб.: Борей-арт, 1994.

Филин Виктор Ильич (род. 7.02.1936, Кременчуг Полтавской обл.)
Поэт. Живет в городе Сухиничи Калужской обл. «Арион» 1998, № 1; *Нестолычная литература. Поэзия и проза регионов России.* М.: НЛО, 2001.

Флешин Александр Ефимович (16.11.1928, Москва – 2.09.2005, Ветлуга Нижегородской обл.)
Поэт, переводчик. Окончил Ин-т культуры. С 1966 стихи иногда публиковались в периодике. Дружил с неофициальными поэтами и художниками. С 1967 член Комитета литераторов при издательстве «Советский писатель» в секции стихотворного перевода; с 1971 и до ареста – ее председатель. В 1974 арестован и осужден по двум статьям – «антисоветская пропаганда и агитация» и «спекуляция» (имелся в виду тамиздат). До 1978 в заключении. С 1979 жил по полгода в деревне Погорелка на реке Ветлуге и в Москве.
Полет Икара. М.: НЛО, 2010.

Халиф Лев Яковлевич (род. 29.11.1930, Ташкент)
Поэт, прозаик. Впервые опубликовался в 1956 в «Литературной газете» (со вступительным словом Назыма Хикмета). Наиболее известна его книга прозы «ЦДЛ» о нравах литературной элиты СССР. В 1977 эмигрировал в США.
Мета. М.: Сов. пис., 1964; <http://lib.ru/POEZIQ/KHALIF/sbornik.txt>.

Публикуемое четверостишие полностью процитировано (с указанием авторства) в рассказе Ю. Трифонова «Беседа с герпетологами» (1959).

Холин Игорь Сергеевич (11.01.1920 – 15.06.1999, Москва)
Поэт, прозаик. Воспитывался в детском доме, беспризорничал, скитался. Учился в Новороссийском военном училище, был воспитанником армейской музыкальной команды. С 1940 по 1946 служил в армии, воевал, был дважды ранен. После войны был осужден за драку, срок отбывал в лагере в Подмосковье, где начал писать стихи. Будучи расконвоированным, мог выходить за территорию зоны, случайно познакомился с Е. Л. Кропивницким и стал его учеником, войдя, таким образом, в «Лианозовскую группу». Стихи

распространялись в самиздате, с середины 1960-х – публиковались на Западе. До конца 1980-х в СССР выходили только детские стихи Холина. *Стихотворения с посвящениями*. Париж, 1989; *Жители барака*. М., 1989; *Избранное*. М.: НЛО, 1999.

Рыба. Икра. Вина... Юрий Васильевич Васильев (МОН) (1925–1990) – художник, ученик Е.Л. Кропивницкого.

Пили. Ели. Курили... Лев Евгеньевич Кропивницкий (1922–1994) – художник и поэт, сын Е.Л. Кропивницкого.

Раз в подводном царстве... Ира (Арина Игоревна) Холина – дочь поэта.

Хромов Валентин Константинович

(род. 2.12.1933, Москва)

Поэт. Закончил ин-т иностранных языков. В 1950-е входил в т.н. «группу Черткова». Одним из первых среди поэтов нового поколения обратился к жанру палиндрома. Автор нескольких стиховедческих работ, а также мемуарных эссе. Живет в Москве.

Пирушка с Хромовым. М.: 2005 (2-е исправленное издание).

Я увидел тебя... – сообщено З. Плавинской.

Цетлин Моисей Наумович (28.07.1905,

Елисаветград – 04.1995, Москва)

Поэт, переводчик. Учился в реальном училище и в вечернем техникуме (Харьков), закончил исторический ф-т МГУ. Преподавал латынь в московских вузах, последние два десятилетия – в МГУ. Ранние стихотворения датированы годами гражданской войны.

Линии ливня. М.: Сов. пис., 1985; *Высокое косноязычье*. – СПб.–М.: Лимбус Пресс, 2006.

Цыбулевский Александр Семёнович

(1928, Ростов-на-Дону – 1975, Тбилиси)

Поэт, прозаик, литературовед. В 1930 семья переехала в Тбилиси. В 1947 поступил на филфак Тбилисского ун-та. В 1948 был приговорен к десяти годам заключения в лагерях за «недонесение» на студенческую подпольную организацию «Молодая Грузия». В 1956 освобожден, в 1959 окончил Тбилисский ун-т. В 1961–1975 заведовал фотограмметрической лабораторией Ин-та востоковедения АН Грузии. Публиковаться начал в 1960-е. Увлекался фотоискусством – в Тбилиси состоялись две выставки его фоторабот.

Что сторожат ночные сторожа. Тбилиси: Мера-ни, 1967; *Ночные сторожа*. М.: Сов. пис., 1989.

В автобусе за струйками воды... – Из цикла «Стихи об Армении».

Электрик был недолго болен... – Из цикла «Среднеазиатское».

Джейнав (Джейнау) – населенный пункт в Узбекистане

Чаньшев Арсений – см. *Прохожий Арсений*

Черняк Вадим Григорьевич

(31.12.1934, Харьков – 18.04.2008, Москва)

Поэт, журналист. В юности серьезно занимался футболом, в пятидесятые играл в команде «Строитель». Посещал лито «Магистраль», где сблизился с Ю. Смирновым и А. Ароновым. В 1957 окончил строительный техникум, работал на строительстве, затем в московских газетах и журналах. Печататься начал с 1961, однако первую книгу выпустил только в возрасте 55 лет.

Большая осень. М.: Сов. пис., 1989; *Последний поезд*. М.: Московский рабочий, 1990; <http://vadim-cherniak.narod.ru/Cherniak-stihi.htm>.

Чертков Леонид Натанович (14.12.1933, Москва – 28.06.2000, Кёльн, Германия)

Поэт, прозаик, литературовед. Учился в Московском библиотечном ин-те. В середине 1950-х лидер одного из первых неофициальных литературных объединений, за которым закрепилось название «группа Черткова». В 1957 осужден за «антисоветскую пропаганду» на пять лет. После освобождения учился в Тартуском ун-те, закончил Ленинградский педагогический ин-т. В 1974 эмигрировал во Францию. С 1980 жил в Кёльне. В 1987 и 1997 выпустил там сборники своих стихов «Огнепарк» и «Смальта» – фактически самиздат. *Стихотворения*. М.: ОГИ, 2004.

Чиннов Игорь Владимирович [12.(25.)05.1909, Тукумс под Ригой – 21.05.1996, Дайтона-Бич, Флорида, США]

Поэт. Окончил юридический ф-т Рижского ун-та, работал правоведом в частных компаниях. Первые публикации стихов – в парижском журнале «Числа» (1933). В 1944 перебрался из Латвии в Германию, некоторое время жил в Париже, где сблизился с поэтами «Парижской ноты». С 1962 жил в США, преподавал в различных университетах. Выйдя на пенсию, поселился во Флориде. После 1991 посещал Россию, печатался в отечественной периодике.

Собр. соч. в 2 т. М.: Согласие, 2000–2002.

Чичибабин Борис Алексеевич (*Полушин*;

9.01.1923, Кременчуг – 15.12.1994, Харьков)

Поэт. В 1942–1945 проходил воинскую службу в Закавказском военном округе. В 1945 демобилизовался и поступил на филфак Харьковского ун-та. В июне 1946 был арестован и осужден. После освобождения в 1951 окончил бухгалтерские курсы и до 1962 работал бухгалтером. С 1958 печатался, в 1963–1968 выпустил в Москве и Харькове 4 книги стихов. В 1964 руководил литературной студией, закрытой в 1966 по идеологическим мотивам. С 1966 по 1989 работал в Харьковском трамвайно-троллейбусном управлении экономистом-товароведом. В 1973, после публикаций в самиздате и на Западе, был исключен из СП. В конце 1980-х вновь начал печататься в СССР. Лауреат Гос. премии СССР (1990).

Молодость. – М.: Сов. пис., 1963; *Колокол*. – М.:

Известия, 1989; *И все-таки я был поэтом...* – Харьков: Фолио/СП Каравелла, 1998.

Вечером с полочки – из цикла «Сонеты к картинкам».

Чудаков Сергей Иванович

(род. 31.05.1937, Москва)

Поэт, критик, эссеист. (О. Михайлов писал, что Чудаков родился в Магадане в семье начальника лагеря и прожил там 8 лет). Учился на ф-те журналистики МГУ (исключен с 3 курса). В середине 1970-х обвинялся по уголовной статье, но был признан невменяемым и помещен в спецпсихбольницу; вернувшись из заключения, жил в Москве. В конце 1990-х исчез. По предположению О. Михайлова, Чудакову помогли отправиться на тот свет претенденты на его московскую жилплощадь. Стихи Чудакова были впервые опубликованы в самиздатском журнале «Синтаксис» (1959, № 1).

Колёр локаль. М.: Культурная революция, 2008.

Изд. 2-е, испр. и доп.; <http://community.livejournal.com/sergeychudakov/>.

Чуковская Лидия Корнеевна [24.03.(7.04.)

1907, Петербург – 7.02.1996, Москва]

Поэт, прозаик, критик. Дочь К. Чуковского. В 1924–1925 слушала лекции на литературоведческом отделении ленинградского Ин-та искусств. В 1928 окончила филфак ЛГУ, работала редактором детской литературы в Госиздате под руководством С. Маршака. Стихи писала на протяжении всей жизни. Дружила с А. Ахматовой. За неоднократные выступления в защиту прав человека (в частности, в поддержку А. Солженицына и А. Сахарова) в 1974 была исключена из СП.

Стихотворения. М.: Горизонт, 1992.

Чуковский Корней Иванович

[19.(31.)03.1882, Петербург – 28.10.1969, Москва]

Поэт, прозаик, переводчик, критик, литературовед. Отец писателей Н.К. Чуковского и Л.К. Чуковской. Детство и юность провел в Одессе. Учился в гимназии, но был исключен в 5 классе из-за «низкого» происхождения. В 1901 дебютировал в журналистике, а в 1903 переехал в Петербург. Приобрел известность как критик и переводчик. В 1917 начал писать стихи для детей и впоследствии был широко известен как детский писатель. Писал мемуары. Жил в Москве. Лауреат Ленинской премии (1962).

Стихи и сказки. От двух до пяти. М.: Планета детства, 1999; *Стихотворения*. СПб.: Академический проект, 2002 (НБП, б.с.).

Радость. Стихотворение составлено автором из фрагментов его сказки 1942 года «Одолеем Бармадея» (ч. 9).

Чухно Олег Иванович (12.02.1937, Ростов-на-Дону – 10.2009, Северская Краснодарского края)

Поэт, переводчик. Рано потерял родителей. Окончил Суворовское училище (1955). В 1959–1964 учился на филфаке МГУ. По окончании преподавал в школах на Кубани. В 1966–1967 работал паркетчиком, в 1967–1969 был учителем в Московской области. С 1969, оставив регулярную работу, занимался литературной поденщиной. Стихи начал писать в детстве. Первая публикация – в «Юном натуралисте» (1966). Печатался редко, в случайных изданиях. Последние годы жизни находился в психоневрологическом диспансере. *Стволы и листья*. М.: Вече, 2002; *На шаг от эшафота*. Варна, 2003 (билингва).

Два последних – из поэмы «К высшей кривизне».

Чухонцев Олег Григорьевич (род. 8.03.1938, Павловский Посад Московской обл.)

В 1962 окончил филфак Московского областного педагогического ин-та. Работал в отделах поэзии журналов «Юность» и «Новый мир». Первая поэтическая публикация состоялась в 1958. Долгие годы вынужден был заниматься переводами. Первая книга вышла только в 1976. Лауреат Гос. премии России (1993).

Из трех тетрадей. М.: Сов. пис., 1976; *Стихотворения*. М.: Худ. лит., 1989; *Из сих пределов*. М.: ОГИ, 2005.

Шаламов Варлам Тихонович

[5(18).06.1907, Вологда – 17.01.1982, Москва]

Поэт, прозаик. Родился в семье священника. В 1926–1929 учился на факультете советского права МГУ, посещал литературный семинар О. Брика. Был арестован за участие в троцкистской группе МГУ и осужден на три года лагерей. По возвращении в Москву работал в ведомственных журналах, публиковал статьи, очерки, фельетоны, рассказы. В 1937 был приговорен к 5 годам лагерей, а в 1943 – еще к 10. С 1951, после освобождения из лагеря, жил на Кольме и в Калининской обл. В 1956 был реабилитирован и вернулся в Москву. В 1957 были впервые опубликованы его стихи, а в 1961 вышла первая книга, «Огниво». Проза В. Шаламова публиковалась на Западе и распространялась в самиздате. Последние три года жизни он провел в Доме инвалидов и престарелых Литфонда. Свободная публикация сочинений Шаламова в СССР началась в 1988. *Стихотворения*. М.: Сов. пис., 1988; *Кольмские тетради*. М.: Версты, 1994; *Собр. соч. в 4 т.* М.: Худ. лит.; Вагриус, 1998; *Кольмские рассказы*. *Стихотворения*. М.: Слово/Slovo, 2004. **Тост за речку Аян-Урях.** Аян-Урях (правильно Аян-Юрях) – река в Магаданской обл., левый исток Кольмы.

Шатров Николай Владимирович

(17.01.1929, Москва – 30.03.1977, там же)
Поэт, переводчик. В 1941 эвакуировался вместе с матерью в Семипалатинск, где поступил в Педагогический ин-т (1945). Работал литсотрудником в областной газете. В 1950 вернулся в Москву и был принят вне конкурса в Литинститут на отделение поэзии, но из-за болезни вынужден был оставить учебу. Учился заочно в МГУ, но курса не кончил. Был сотрудником Музея им. Скрябина и Третьяковской галереи, зарабатывал переводами поэзии народов СССР. Стихи писал с детства. Был близок к т.н. «группе Черткова». При жизни практически не публиковался. *Стихи*. Нью-Йорк: Аркада-Arch, 1995; *Неведомая лира*. Томск-М.: Водолей Publishers, 2003.

Шенгели Георгий Аркадьевич [20.04(2.05).1894, Темрюк Кубанской обл. – 15.11.1956, Москва]

Поэт, прозаик, переводчик, критик, стиховед. Родился в семье провинциального адвоката, жил в Керчи. В 1912 начал писать стихи. Первое стихотворение опубликовал в 1913 в одной из керченских газет, первая книга (уничтоженная автором) вышла в 1914. Окончил юридический ф-т Харьковского ун-та. Участвовал в концертных выступлениях И. Северянина. С 1922 жил в основном в Москве. Был известен в первую оче-

редь как переводчик и филолог. Многие оригинальные произведения Шенгели при его жизни опубликованы не были.

Иноходец. М.: Совпадение, 1997.

Шефнер Вадим Сергеевич [31.12.1914 (13.01.1915), Петроград – 5.01.2002, Петербург].

Поэт, прозаик, переводчик. Родился в семье офицера (дед – капитан-лейтенант А.К. Шефнер, основатель порта Владивосток). После школы окончил ФЗУ, был рабочим различных ленинградских заводов. Участник Великой Отечественной войны, с 1942 – фронтовой корреспондент. Стихи писал с детства, в 1933 опубликовал первое стихотворение, с 1938 занимался в семинаре под руководством Александра Гитовича. В 1940 выпустил первую книгу, в том же году дебютировал как прозаик, в 1960-х начал писать фантастику; нередко вставлял в прозу свои стихи.

Избранное в 2-х томах. Л., Худ. лит., 1982; *Стихотворения*. СПб.: Академический проект, 2005. (НБП, б.с.).

Шкляревский Игорь Иванович

(род. 25.06.1938, Бельнички Могилёвской обл.)

Поэт, переводчик, прозаик, эссеист. Учился в Могилёвском педагогическом ин-те. Работал на литейном заводе, землемером на целине, матросом торгового флота. В 1965 окончил Литинститут. Перевел «Слово о полку Игореве», составил несколько поэтических антологий. Лауреат Гос. премии СССР (1987). Живет в Москве.

Я иду. Минск, 1962; *Избранное*. М.: Худ. лит., 1984; *Стихотворения*. М.: РИК Русанова, 1997.

Шпаликов Геннадий Фёдорович (6.09.1937, Сегежа Карельской АССР – 1.11.1974, Переделкино Московской обл.; похоронен в Москве)

Поэт, прозаик, сценарист, кинорежиссер. Детство провел в Москве и в эвакуации в Средней Азии. Окончил Киевское суворовское училище в 1955. Поступил в Московское военное училище, но был комиссован по состоянию здоровья. Печатался с 1955. В 1959–1964 учился на сценарном ф-те ВГИКа. Написал сценарии нескольких фильмов, вошедших в «золотой фонд» советского кинематографа. Исполнял свои стихи под гитару. Покончил с собой.

Избранное. М.: Искусство, 1979; *Я жил как жил*.

М.: Подкова, 2000; *Прощай, Садовое кольцо...*

М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

Наталья Борисовна Рязанцева – киносценарист, первая жена Г. Шпаликова.

Екатерина Сергеевна Васильева – актриса.

Штейнберг Аркадий Акимович

[29.11. (11.12.) 1907, Одесса – 7.08.1984, Юминское Калининской обл.]

Поэт, переводчик, художник. Родился в Одессе в семье врача, среднюю школу закончил в Москве. В 1925 поступил во ВХУТЕМАС. Стихи писал с 16 лет, печататься начал в 1928, с начала 1930-х мог публиковать только переводы. В 1937 был арестован, но вскоре освобожден. Участник Великой Отечественной войны, второй раз был арестован и осужден в 1944. Освобожден в 1953. Жил в Тарусе, затем в Калининской области. Входил в редколлекцию альманаха «Тарусские страницы» (1961), где впервые после долгого перерыва были опубликованы его оригинальные стихи. Перевел эпическую поэму Джона Мильтона «Потерянный рай». Значительная часть написанного А. Штейнбергом при его жизни опубликована не была.

К верховьям. М.: Совпадение, 1997; *Вторая дорога.* М.-Торонто: Русский импульс; The University of Toronto, 2008.

Щадрин Владимир Евгеньевич (19.06.1937, Пушкин Хорезмской обл. Узбекской ССР – 2004, Москва)

Поэт. Окончил физический ф-т МГУ (1965). Работал старшим лаборантом в Ин-те проблем передачи информации АН СССР, там же младшим научным сотрудником. С 1990 был чтецом и певчим в храме Петра и Павла в Лефортове. Стихи публиковал с 1985.

«Новый Мир» 1995, № 2; 1997, № 5; «Арион» 2000, № 3; 2001, № 4; 2003, № 1; «Знамя» 2000, № 7; <http://www.poesis.ru/poeti-poezia/schadrin/frmvers.htm>; <http://www.friends-partners.org/newfriends/culture/literature/alexey/shchadrin.htm>.

Эренбург Илья Григорьевич [14(26).01.1891, Киев – 31.08.1967, Москва].

Поэт, прозаик, переводчик, публицист, общественный деятель. Учился в гимназии, с юных лет участвовал в революционной деятельности, эмигрировал в Париж в 1908. Дебютировал как поэт (сборник «Стихи», Париж, 1910), в начале 1920-х перестал писать стихи, вернувшись к ним во время Гражданской войны в Испании. В 1920–1950-е был своего рода представителем советской культуры за рубежом, жил попеременно в Европе и СССР. Во время Великой Отечественной войны корреспондент газеты «Красная звезда». С 1942 член Еврейского антифашистского комитета. Дважды лауреат Сталинской премии (1942, 1948).

Собр. соч. в 8 т. М.: Худ. лит., 1990; *Стихотворения и поэмы.* СПб.: Академический проект, 2000 (НБП, б.с.).

Ярыгин Валентин Акимович (1920, Сердобский уезд Тамбовской губ. – 1970, Саратов)

Поэт. В 1938–1940 учился в Саратовском юридическом ин-те. Участник советско-финской войны и Великой Отечественной войны. Тяжело ранен, после госпиталя служил на Дальнем Востоке. Демобилизовавшись, окончил институт и служил в органах юстиции в 1950-е. Позже бросил государственную службу, работал слесарем, был в заключении, помещался в психиатрические больницы. Писал с 1930-х. Серьезных прижизненных публикаций не было. Стихи распространялись в самиздате.

«Волга»: 1995. № 5-6; 1999. № 3; 2000. № 413; 2009. № 1-2; 2009. № 11-12.

«Б.Я.Я. – моему современнику» – фрагмент большой поэмы без названия (1960-е).

Б.Я.Я. – Борис Яковлевич Ямпольский (1921–2000), саратовский писатель.

Яшин Александр Яковлевич [Попов; 14(27).03.1913, Блудново Вологодской губ. – 11.07.1968, Москва]

Поэт, прозаик. В 1931 окончил педагогический техникум в Никольске, был учителем в деревне. Печатался с 1928, первый сборник выпущен в Архангельске в 1934. В 1941 окончил Литинститут. Участник Великой Отечественной войны. Лауреат Сталинской премии (1950).

День творенья. М.: Сов. пис., 1968; *Лирика.*

М.: Сов. Россия, 1979; *Собр. соч. в 3 т.* М.: Худ. лит., 1984–1986.

Содержание

Предисловие 3

Иван Бунин 4

Ночь

Корней Чуковский 5

Радость

Михаил Зенкевич 6

В доме каком-нибудь многоэтажном... |
Перед судом

Алексей Кручёных 7

Разлука | Пиджачкам-грухлячкам

С. Маршак 9

Что горит? | Воробьи по проводам... | Люди
пишут, а время стирает...

Павел Радимов 10

Август | Кукушка | Осенний флаг | Песня
без слов

Александр Квятковский 12

Колечко

Наталья Крандиевская 13

Вещи есть совсем обычные... | Я во сне
отца спросила... | И вот опять безмолвный
чёлн... | Позабуду я не скоро... | Там, в двух
шагах от сердца моего... | Из бесформенной
хляби доносится вдруг...

Николай Асеев 16

Я не могу без тебя жить!..# | Сон

Анна Ахматова 17

Другая песенка | Приморский сонет | Эпи-
грамма | Летний сад | И в памяти черной
пошарив, найдешь...# | Всем обещаньям
вопреки...# | Петербург в 1913 году | Так не
зря мы вместе бедовали... | Бег времени |
И было сердцу ничего не надо... | О своем
я уже не заплачу... | Защитники Сталина |
В Зазеркалье | Я не сойду с ума и даже не
умру | Музыка

Александр Вертинский 22

Я всегда был за тех, кому горше и хуже... |
Сквозь чашу пошлости, дрожа от отвра-
щенья...

Василиск Гнедов 23

Но где же вещие идеи... | Хотел бы я после
смерти вернуться домой... | Берложным
медведем иду по снегу...

Борис Пастернак 24

Хмель | Август | Во всем мне хочется дой-
ти... | Заморозки | В больнице | Снег идет
| Следы на снегу | Единственные дни

Илья Эренбург 31

Да разве могут дети юга...

Георгий Адамович 32

Ночью он плакал. О чем, все равно... |
Остров был дальше, чем нам показалось...
| Был вечер на пятой неделе... | Окно, рас-
свет... Едва видны, как тени..#

Анна Присманова 34

Вода | Простота | Теленок#

Дмитрий Кленовский 36

Я много молчал и ждал...

Евгений Кропивницкий 37

Женщина с коровой | На дворе тепло и ти-
хо... | В пруду | Серебряные птицы | В изо-
студии | Чертова кукла | Девочка | Если хо-
чет оно жить... | Осень. Ветер завывает... |
Длинные стихи... | Вся жизнь во мне... |
Девушка с лицом суровым... | Приехал тол-
стый гражданин... | Лимонов | Приходил
художник Замараев... | Твое тело плотью
пахло... | Пропажа Бальмонта | Кекс про-
тивный, кекс невкусный...

Владимир Злобин 44

Дом с балконом# | Зевают львы, гуляют
дачники...

Георгий Иванов 45

На полянке поутру... | Торжественно кон-
чается весна... | Полутона рябины и мали-

ны... | Я твердо решился и тут же забыл... | Солнце село, и краски погасли... | Иду – и думаю о разном... | Листья падали, падали, падали... | Свободен путь под Фермопилами... | Голубая речка... | Жизнь пришла в порядок... | Волны шумели: «Скорее, скорее!»... | О нет, не обращаюсь к миру я... | То, что было, и то, чего не было... | За столько лет такого маянья... | А что такое вдохновение?.. | Вечер. Может быть, последний...

Николай Оцуп 51

Против воли, через силу... | Неизбежное сигнал дает...

Георгий Шенгели 52

Это, видно, смерть приходила... | Сон | Педагогика

Андрей Николев 54

Озеро на прогалине... | Как много в мире есть простого... | Шорохи в ветвях древесных... | По тем ступеням, по которым...

Ирина Одоевцева 56

Далеко за арктическим кругом... | Лепестками вечности... | Но была ли на самом деле...

Павел Антокольский 58

Вы встретитесь | Гадалка | Двойники

Леонид Фейнберг 60

Кипарис

Михаил Казмичев 61

Они молчат, затоптаны, замучены...

Анатолий Мариенгоф 62

Поэту в славе | Я в городе. А как в лесу... | Когда уж поздно молодеть... | Вот эти горькие слова...

Михаил Морозов 63

Пусть тревожней, пусть бездомней...

Георгий Оболдуев 64

Не зря

Владимир Набоков 65

Минуты есть: «Не может быть, – бормочешь... | Вечер дымчат и долог...# | Сон# | Зимы ли серые смыли...# | Какое сделал я дурное дело | С серого севера | Как любил я стихи Гумилёва!.. | В ничтожнейшем гиппопотаме...

Илья Сельвинский 68

Цыганская | Лесная бэль | Молитва | Femme de quarante ans | Два цензора | Океанское побережье

Николай Туроверов 71

Мороз крепчал. Стоял такой мороз... | Баллада

Николай Ушаков 72

Обратная сторона пластинки | Резиденты и шпионы...

Надежда Вольпин 74

На взморье

Анна Баркова 75

Старуха | Юродивая | Что всего ужасней между всеми...# | Я | Днем они все подобны пороху... | Загон для человеческой скотины... | Опять казарменное платье... | Восемь лет, как один годочек... | О, если б за мои грехи... | Российская тоска | Шутка

Владимир Смоленский 80

Стансы

Глеб Глинка 81

Зависть | Стихия

Николай Заболоцкий 82

Прощание с друзьями | Сон | Под дождем# | Над морем | Где-то в поле возле Магадана | Казбек | Можжевельовый куст# | Городок

Алла Зими́на 88

Веретено | Иван, не помнящий родства | Леший | Прохожий

Борис Кузин 91

К 19-му съезду партии | Отзвонил, – и долой с колокольни... | Под низким потолком все снится ложь да ложь... | В черной грязи, в белой пыли... | «О, Мери, Мери, не Мериме ли... | Я круг своих запросов сузил...

Николай Ладыгин 93

Осенний сон | Марево | Начало зимы

Андрей Марков 95

Вечный пламень | Гиппомонада

Юрий Одарченко 96

Поздравляю всех молящихся... | В аптеке продается вата... | На самом дне в зеленом жбане... | Идут поэт и попрошайка... | Как нежно ветер над полем стелется... | Стоят в аптеке два шара... | Желтый Ангел пролетел по небу... | Песнь о северном судачке | Сидят надменные вельможи... | Меня не любят соловьи... | Я болен страшною болезнью...

Михаил Светлов 101

Никому не причиняя зла... | Кирсанов мог один насцать... | У теннисистки...

Лидия Бартольд 102

Был автобус битком...

Иван Игнатов 103

Он уходил со всех сторон... | Птицы пели на опушке... | Сика-Лиса | Как в астрономии бесчеловечно. | Поэт на Лиговке | Щипцы нацелив, пустота... | Ветвей сосредоточенность... | Порхают чертики и ангелочки... | Тень друга | Память

Лев Болтовский 107

На смерть Сталина

Виктор Василенко 108

Я пишу плохие стихи... | Я вычерпываю ложкой... | Сибирский экспресс

Леонид Мартынов 111

Ночью по Замоскворечью | Будто / Впрямь по чью-то душу... | Дрема луговая | Наме-ренья... | Завет Верлена | Галилей/Ослеп

от старости... | Поздний час | «Грибы ми-грируют, – сказал мне жук с рогами...

Моисей Цетлин 115

Глушь | Увертюра

Даниил Андреев 117

Шабаш

Агния Барто 119

Какие адреса бывают | Но поймите и меня

Семён Кирсанов 121

Осенний рисунок | Дождь# | Циклоп | Русская песня | Строки в скобках | Сон во сне | Никударики

Павел Кустов 127

В пушном павильоне | Одуванчик

Сергей Марков 129

Зуб великана | Оставила тонкое жало... | Раньше я знал такие преграды... | Подобно синей колыбели... | Змея

Борис Нарциссов 131

Не могу | Заглянул к себе в подвал... | Южас | Ведогонь | Ночью в сарае темно... | Размахай | Кот | Усышкин

Елизавета Стюарт 135

Гонят стадо утром ранним... | Черный ворон

Мария Терентьева 136

Музыка

Вера Маркова 137

Ногтем на полях беседы... | Я ненависть нянчила на руках... | А так ли трудно расчеловечиться... | Жили-были... | Охалка осенних листьев... | Небо неторопливо... | Заклинание огнем и бурей | Я по дорогам памяти сквозной...

Арсений Тарковский 140

Тянет железом, картофельной гнилью... | Юродивый в 1918 году | Румпельштильцхен | Иванова ива | Греческая кофейня | Малютка-жизнь | Серебряные Руки | У лесника |

Первые свидания | Полевой госпиталь | Я в детстве заболел... | Жизнь, жизнь | Третьи сутки дождь идет...

Лидия Чуковская 149

Как на ладони, как на блюде... | Маленькая, немощная лира... | Сверкнет, начищенный до блеска...

Варлам Шаламов 150

Луна, точно снежная сойка... | Я жаловался дереву... | Память скрыла столько зла... | Не откроем песне двери... | Засыпай же, край мой горный... | Он сменил без людей, без книг... | Лиловый мед | Говорят, мы мелко пашем... | Зимний день | Велики ручья утраты... | Все молчит: зверье, и птицы... | Ястреб | Тост за речку Аян-Урях | Сосен светлые колонны... | Я хочу, чтоб средь метели...

Аркадий Штейнберг 156

Мы лишь бродяги на земле... | Я не был никому врагом... | Фронтовики, наденьте ордена!.. | Если погашена лампа и вновь зажжена... | Стихи, сочиненные во сне ночью на 13 марта 1981 г.

Игорь Бахтерев 158

Лу

Рувим Моран 170

Задумайся, задумайся... | Давно не слышал я гудков...

Мария Петровых 172

Дальнее дерево | Пылает отсвет красноватый... | – Черный ворон, черный вран... | Пусть будет близким не в упрек... | Судьба за мной присматривала в оба... | О сердце человеечье, ты все в кровоподтеках... | Идешь и думаешь так громко... | Озираясь, в дверь пролез...

Лидия Алексеева 176

В Брайант-парке | На стволах студеный зимний глянец...

Александр Гитович 177

Перед циклоном

Юрий Домбровский 178

Меня убить хотели эти суки... | Чекист

Игорь Чиннов 180

Был веселый, живой соловей... | Я проживаю в мире инфузорий... | Как надоели римские гробницы!.. | Ну, а ночью – пандемониум... | Существа из далеких галактик... | Надо ли было сказать в крематории... | К человечеству с прощальным словом... | Больше не с кем говорить...

Александр Твардовский 184

В краю, куда их вывезли гуртом... | Я сам дознаюсь, доищусь... | Я знаю, никакой моей вины... | Старуха готовила немцам закуски... | Что делать нам с тобой, моя присяга... | В случае главной утопии... | Когда выйдешь за порог...

Семён Липкин 187

Вильнюсское подворье | Моисей | Зола | Взгляд | Доболеть, одолеть странный страх,... | Короткие рассказы | Военная песня | Жил в Москве, в полуподвале...

Сергей Петров 191

Элегия | Из дома, как из черепной коробки... | Присели кроткие церквушки...# | Алкоголь | Я стал теперь такая скука... | Тело | Я не сею, и не жну... | Приходит гость из Гатчины... | Под шапками каштанов старых... | Второй плес | Госпоже душе | На Московском ходит Вася... | Сегодня о тебе подумал в первый раз... | Шла коляда из Новагорода... | Собор Смольного монастыря

Павел Зальцман 199

Авлида (Вертунет) | Она возвращается с педсовета на край города | Мы любим Бёклина, мы солидарны с тем...

Ксения Некрасова 201

Не пропускай, читатель... | Под вечер солнце соками земными... | Дневное кино в будни | О себе | Изба | Платье | На сосновом

табурете... | Утро | А земля наша прекрасна... | В толпе, весною осененный... | Я сижу перед белой бумагой... | Стоят медведи глиняные... | О себе в будущем

Николай Стефанович 206

Очнешься вдруг на крайнем рубеже... | Валерьяны снотворные капли... | Ночь | «В каких-то травах невысоких... | Все звезды сад к себе привлек... | До чего ж характер... | Если в мир возвратятся усопшие... | Старик сидеть у склада... | Был зов трубы, зловещий звон металла... | Март сменяет февральскую вьюгу... | Смерть кольцом окружает единым... | Ужаснее, чем сказочные черти... | Как в начале бытия... | Перед ней, пред гордою... | – Точу ножи-ножницы, правлю бритвы!.. | Мы не люди давно, мы – товарищи... | Раскрытое окно в вечернем храме... | Жизнь беспомощно пятится...

Юрий Благов 212

Мы за смех. Но нам нужны...

Владимир Лифшиц 213

Австрияк

Валентин Португалов 214

Осень... Ветер сильный... | Радио | Дядя Вася

Ян Сатуновский 217

Мне говорят: какая бедность словаря!.. | Я хорошо, я плохо жил... | Осень-то, ёхсина мать... | До чего мне нравятся озорные девки... | Чужая, чужая, чужая... | Перед глазами стена... | Ни на русого, ни на чернявого... | Все реже пью, и все меньше... | Далеко от Днепропетровска... | Я Мойша з Бердычева... | Я теперь стал регулярно бриться... | На носу декабрь. На дворе снежок... | Было, и осталось... | Помню ЛЦК – литературный центр конструктивистов... | Ха и Вэ... | Коробка скоростей... | Хочу ли я посмертной славы?.. | Жил в Ростове человек – мальчик Юрочка... | Она не хотела пилить дрова... | Двухцилиндровый двигатель спаренного механизма... | Бабка подымается бодрая, с давлением... | Знаю, что люди – звери... | Похожа на Лёльку Шувалову... | Я маленький чело-

век... | Нет, Марцинковский не тот человек... | Поэзия – не пророчество, а предчувствие... | «Завернувши в карту мира жена мужа хоронила»... | Христианин | Художник Володя Яковлев | Мужественно: утром пить водку натошак... | Бурные, долгие годы не смолкающие аплодисменты | А покамест работа мысли... | И та же чертовня из-за забора... | Савва, помню, Голованевский... | Лунная ночь глубока... | Главное иметь нахальство знать, что это стихи | Фонари, светящие среди бела дня... | Дома-не-дома... | В апреле прилетают жаворонки... | Отвоевался, отвоевал... | Пошел в магазин... | Да, главное слово – последнее слово...

Ярослав Смеляков 229

Жидовка | Слепец | Старший санитар

Леонид Топчий 232

Банкет

Александр Яшин 233

Сухое вино | Ясный день | Ночная уха

Павел Громов 236

Про реформу правописания... | В детстве было все, чего не снести... | Рыбье сердце | Детская забава | Мертвенный покой свой возмущая... | Я опять к поэтам моим пришел... | Про нее

Лев Озеров 239

Вместо речи | Саратов. Пристань. Понедельник...

Вадим Шефнер 240

Коврик | Грешники | Электронная сказка | Фантастика | У ангела ангина... | Хрестоматийный мальчик

Михаил Матусовский 244

Подмосковные вечера | Ты надела свой плащ... | Целую ночь соловей нам насвистывал...

Николай Моршен 246

Он прожил мало: только сорок лет... | С глазами-бусинками примитивной твари...

| На Первомайской жду трамвая... | С вечерней смены, сверстник мой... | По тропинке по лесной... | Сад и лес | Ледники и морены...

Александр Галич 250

Облака | Городской романс (Тонечка) | Мы не хуже Горация | Песня-баллада про генеральскую дочь | Счастье было так возможно | Из беседы с туристами из Западной Германии[#]

Иван Елагин 256

Сколачивали тучи в складчину... | На скамейке без подстилки... | Амнистия | Идет замедленный человек... | Женщина в блеске свечей... | Залезаю в коробку железную... | Счетчики на стоянках... | Каменоломня старая в цвету... | Веку убийства... | Где-то вверху, за холмы уходя...

Борис Заходер 262

Селезень | Гносеология | Стихи | Две любви | Краткое содержание | Омофон | Совет современнику | Рассуждай о химерах...

Глеб Семёнов 264

Не пытайтесь, не уснете... | Ополчение | Баллада о силе духа | Уходит жизнь моя в песок...

Марк Соболев 266

Старинная песенка

Николай Тряпкин 267

Бабочка белая! Бабочка белая!.. | Комарики-мухи... | Цены повышаются... | Речитатив | Ах, речка моя! Ах, лодка моя!..

Иван Буркин 271

Русская зима | Злоумышленник | На всякий случай

Александр Володин 272

А что природа делает без нас?.. | Правда почему-то потом торжествует... | Из дневника | Как бел был снег, как реки чисты... | Элегия | Солнечным сиянием пронизан... | Простите, простите, простите меня!.. | Незрелой юности мучения...

Николай Глазков 275

Примитив | Иван-да-Марья | А вы бы могли бы... | Про чертей | Дождь | Пусть другой, беспутный и распутный... | Давно хотел сложить стихи про то... | Тает снег, лежащий на крыше... | Не знаю сам, к чему все клонится... | Стихи лишь те войдут в века... | Поглядеть велит сам бог нам... | О литературных влияниях | Рассчитывая на успех... | Цветущие деревья | Всеми фибрами своих колес... | И неприятности любви... | Все, которые на крыше... | На пир в ауле... | Давным-давно... | Луна на дереве висела...

Михаил Львовский 282

На Тихорецкую состав отправится...

Александр Люкин 283

Лошадь | Горе | С прилавка упала картошина... | Мишка

Борис Слуцкий 285

Голос друга | Бухарест | Говорит Фома | Мои товарищи по школе... | Проба | Всем лозунгам я верил до конца... | Завяжи меня узелком на платке... | Созреваю или старею... | Покуда над стихами плачут... | Ремонт пути | Случай | Проверка | Заповедь самому себе | Запах лжи, почти неуследимый... | Когда ухудшились мои дела...

Алексей Фатьянов 294

За Рогожской заставой

Юрий Белаш 295

Пехота | Он | Фронтовой этюд | Солнце с неба мутного стекло... | Лейтенант | Перекур | У Лизки Тимофеевой | Ночью в атаке «ура» не кричат...[#] | Они штыки вогнали в грудь друг...[#] | По улице – пулеметный огонь...[#] | Поля...[#]

Михаил Панов 299

Чулибрюга (к вопросу о правде) | Все хорошо в природе... | Ива у вод... | В честь А. Е. Крученых | Макушка | И простой дождь... | Я – винтик?.. | Атака | Н. М. Кучича... | Спешите! | Зов | Оборвано | Лягушками, бусами

Давид Самойлов 308

Из детства | Я вышел ночью на Ордынку...
| Сороковые | Музыка, закрученная туго...
| Названья зим | И всех, кого любил... |
Выезд | Полночь под Иван-Купала... | И
жалко всех и вся. И жалко...[#] | Рученьки
мои устали...

Игорь Холин 313

Кто-то выбросил рогожу... | «Мороз сегодня
крепкий»... | Дамба. Клумба. Облезлая ли-
па... | Я в милиции конной служу... | На
кухне две соседки... | Мы все отчасти про-
ститутки... | Лицо – икона. Сулук... | Умерла
в бараке 47 лет... | Пили. Ели. Курили... |
Рыба. Икра. Вина... | Пейзаж прост... | За
окном видна луна... | Познакомились у Та-
ганского метро... | Умер / Всемирно извест-
ный поэт... | На днях у Сокола... | Иванов
круши... | Камера / Инженера Крамера... |
Пилот / Готовился в космический полет...
| Я не люблю... | По Африке гуляет... | Жен-
щины / Вы покупаете детям... | Привет то-
варищ Рыбников... | Химический цех... | Я
к женщине в лесу... | Магазин грампласти-
нок... | Если на войне тишина... | Командир
батареи... | Ни звезды... | Вы не знаете Хо-
лина... | У Холина... | Где это запропастил-
ся... | Не кажется ли вам... | Раз в подводном
царстве...

Валентин Ярыгин 323

И когда, о, когда уходить мне придется на-
веки... | Брезгливая злая гримаса... | Б.Я.Я.
– моему современнику

Вениамин Блаженный 324

Это жалкое ложе, где мы совершали... |
Сны | Так явственно со мною говорят... | Я
мертвых за разлуку не корю... | Меня из-
матывают постепенно... | По праву стари-
ка, а стало быть по праву... | Отяжелели
веки у отца... | Последний волк на терри-
тории цивилизованного государства... | А
он одной ногой стоял в гробу... | Был гор-
бун и суров и потешен... | Как это дивно
было – сразу... | Вечный мальчик | Про-
ститутка ведет за собою утят... | ...И жен-
щина эта с лицом из железа... | Я не совсем

уверен... | Я помню все подробности этой
несостоявшейся встречи... | Если бы меня
полюбила самая лучшая женщина...

Анатолий Клещенко 331

Четвертый день

Яков Козловский 332

Такса | Лесной дорогой | Беглое ударение

Леон Тоом 333

Освобождают, милуют, прощают... | От
любви неразделенной... | Я помню – было,
было, было...

Александр Големба 335

Вдоль заплеванных аллей и осенних жел-
тых змиев... | Восковые свечи в Божьем... |
В городах, где живут люди Запада... | Па-
мять | Птица катится капелькой ртутной...

Юрий Левитанский 337

Воспоминанье о красном снеге | Диалог
у новогодней елки | Сплю я. Но сон мой
странен... | Лотерейный билет

Михаил Анчаров 340

Кап-кап | Песенка про психа... | Белый ту-
ман

Николай Доризо 343

Огней так много золотых

Александр Межиров 344

Мы под Колпином скопом стоим... | Всё
хорошо, всё хорошо... | Что ж ты плачешь,
старая развалина... | Возле трех вокзалов
продавали... | Строим, строим города... |
Короткие гудки

Алексей Охрименко 347

Батальонный разведчик | Сосудик

Борис Чичибабин 350

Уже картошка выкопана... | Вечером с по-
лучки[#] | Меня одолевает острое...

Владлен Бахнов 352

Ах, что за славная земля...

Александр Вольпин 353

О сограждане, коровы и быки!

Константин Левин 354

Нас хоронила артиллерия... | Памяти Фадеева | Был я хмур и зашел в ресторан «Кама»... | Когда я стану плохим старикашкой... | Проходит пять, и семь, и девять... | Конь | Кто, как Лидия Степановна... | Остается одно – привыкнуть... | Хорошо сидел солдатский ватник...

Булат Окуджава 360

Настоящих людей так немного!.. | Не клонись-ка ты, головушка... | До свидания, мальчики | Куда вы подевали моего щегла?.. | Эта женщина! Увижу и немею... | Глаза, словно неба осеннего свод... | Горит пламя, не чадит... | Дежурный по апрелю | Песенка о моей жизни | Всю ночь кричали петухи... | Грузинская песня | Ваше благородие, госпожа разлука... | Песенка о Моцарте | Разве лев – царь зверей?.. | Батальное полотно | Старинная солдатская песня | Я пишу исторический роман | Пожелание друзьям | После дождичка небеса просторны... | На странную музыку сумрак горазд...

Вадим Сидур 370

Часто соседи... | Дмитрий Абрамыч... | Маленькая девочка... | Много спермы с тех пор утекло... | Я – цветок осенний / Всю жизнь на мне гадали... | До моего рождения...

Симон Бернштейн 373

Со ступеньки на ступеньку... | Кого-то еще трогают... | Атлантика | Я нашу холмистую улицу... | Мне нравятся девчонки эти... | Каждый мужчина хочет... | Всю страну облетело фото... | Никому не скажешь? | Заплетала косу... | В цирке (Акро-стих) | Идет, играет бедрами... | Моментальный портрет | Вступающему в брак | Портрет | Романс | Размышление на берегу моря | Что такое горе... | Бандурист

Константин Ваншенкин 377

Спят по скворечникам скворцы..# | Осень

Евгений Винокуров 379

Там валуны, шершавые на ошупь... | В полях за Вислой сонной... | Незабудки | Серебряный бор | Вот стою я на Тверском бульваре...

Юлий Даниэль 382

Сердце с домом, сердце с долгом разлучается... | На библейские темы

Герцен Копылов 384

Я снизу вылез... | Философствую о времени

Наум Коржавин 386

Вариации из Некрасова | Ты летишь, и мне летится... | Памяти Герцена. Баллада об историческом недосыпе | Ах ты жизнь моя – морок и месиво...

Николай Вильямс 389

Незнакомец | Коммунисты поймали парнишку | Из трубы, трубы высокой номер пять...

Владимир Львов 391

В комнату вошел застенчивый, робкий... | Девка крепкая одна...

Арсений Прохожий 392

Жизнь прекрасна... | Ворона серотелая... | Жил-был зайчик, ел морковку... | Арсений Прохожий...

Эдуард Гольдернесс 393

Она ушла. Ушла и не вернется...

Валентин Соколов (З/К) 394

Я план курил, пил водку, резал вены... | Выпьешь водки – потеплеет... | Домишки серые, канавы... | Начальство ругалось, краснело... | Мотыль | Противно невероятно... | Я у времени привратник... | Я раб прораба... | Стало мое личико...

Юрий Айхенвальд 397

Стихотворение на чужой строке | По всей Караганде разбросаны... | Тутаевское чудо

Валентин Берестов 399

Весенняя сказка | Заяц-барабанщик | Фантики | Скамья над рекой | На чужой стороне | Искалочка | Талант | Ранняя слава | О чем поют воробушки... | Все жду, когда на улицу отпустят... | Гололедица | Вот двое влюбленных на лоне природы... | Милитарист | Расширение кругозора | Кошмар | Впервые в России за столько веков...

Владимир Корнилов 403

Будь мужчиной и молчи... | Жена Достоевского | Екатеринбургский канал | Натюрморт

Инна Лиснянская 406

Дни | Все, что мной пережито, – рассказано...

Владимир Муравьев 407

Весенние стихи

Виктор Некипелов 408

Алабушево | Первая камера

Олег Прокофьев 410

по одной горе на человека... | совершенство твоего устройства... | перед тем как двигаться дальше...

Софья Прокофьева 411

Хочет вещь...

Генрих Сапгир 412

Радиобред | Разговоры на улице | Голоса | Ночью | Боров | Киносеанс | Ночь | – Да? / – Нет... | Обнимаю / Держу... | Чулки / Кресло... | – Что / Ты?.. | Это ты дорогая?.. | Из Катулла | Жрица культа | Петя | Гусеница | Бутерброд | Ли-мон

Владимир Соколов 422

Сумерки | Все прозрачно в мире – это свойство... | Спасибо, музыка, за то... | Муравей | Все чернила вышли, вся бумага... | Венок | Пластинка должна быть хрипящей... | Белые гнёзда снега... | Ты говоришь, что все дела... | На остановке автобусной... | Я устал от двадцатого века...

Александр Флешин 428

Невзначай (тема с преувеличением) | Я день-деньской на мир-мирской... | Ем я листья и коренья... | В декабре печаль бела... | Ты мне в душу не влазь...

Александр Цыбулевский 430

Мы скоро, только до того угла!.. | В автобусе за струйками воды...# | Лежит собака на газете... | Электрик был недолго болен...# | Кораблик в море и в кафе серьга... | Просто | Вид из окна

Юз Алешковский 432

Песня о Сталине | Окурочек

Владлен Гаврильчик 435

Шкандыбаю мимо окон... | Человек, томим талантом... | Славен город Замудонск... | То был народное гулянье.... | Колбасники, едритвою... | Молодые организмы... | Японский Бог, благославляя землю... | 9-го февраля тысяча 900 шестьдесят 8-мова года | Секретарь парткома грянул... | Я прибыл к тебе на предмет поцелуя... | Мальчик рылом роет книжку... | Матросики дерутся... | В праздник наш революционный... | Мы смотрели кино про агента... | Прихрюя с работы счастливый, усталый...

Фазиль Искандер 442

Орлы в зоопарке | Послеатомный сон

Ирина Токмакова 443

Где спит рыбка | Плим

Николай Шатров 444

Березка, русская березка... | Безразличный сонет | Кого я люблю | Последняя просьба | Кибернет | Переименуйте «Правду» в «Истину»... | Этим утром гул пчелиный... | Посмотри-ка: вот жучок!..

Рутман 448

Песня о часовых поясах

Вилен Барский 449

ночь... | уединение... | ИСПРАВЛЕННОМУ ВЕРИТЬ | ОДИНОКАЯ ПТИЦА | ЛЕС / поле

| упражнение для заикания | песня летней птицы | С В Е Т / Т Е Н Ь | Строка из Библии

Владимир Гершуни 452

Микрозорким... | Я нем – меня... | Я аж орала, рожая! | Аве Ева... | Мы доломались. Сила – молодым... | Джо-вождь | – Нагло бог оболган!.. | Я, дядя... | Гол, а налог... | Наган... | Умыло Колыму... | Ропот древ. Тверд топор... | Солоп зебр без полос | Ошибка смерти | Мир озарим и разорим! | Язуз я... | Меня истина манит сиянием | Вид у лешака шелудив | Мир берестой отсеребрим... | Кролик и Удав | Мы вошли когда-то в Прагу, а... | Счастливое диссидентство

Анатолий Жигулин 456

Утиные Дворики | Соловецкая чайка... | Памяти друзей

Юрий Кашин 460

Литфонда пляж – зверинца клетка... | Утро. Очень рано... | Мой утолив любовный пыл... | Любимая моя проста... | Брак паучий упрощен... | Туман в глазах зеленеет. Это... | Исходят пухом тополя... | Я ближних слышу каждый вздох... | Пью жизни скисшее вино... | У метро под дождем старый нищий...

Борис Климычев 462

Венера | Сосед ступает с трешки на пятерку...

Алексей Прасолов 463

Сказка | Я услышал: корявое дерево пело... | Лес расступится – и дрогнет... | В этом доме опустелом... | Нет, лучше б ни теперь, ни впредь...

Дмитрий Сухарев 466

Север | Пристань | Не карамель | Поедем в Бухару | Черными горами | Самолетик | Две женщины

Лев Халиф 471

– Из чего твой панцирь, черепаха?..

Аркадий Гаврилов 472

Скрипит до утра... | Что легче – умереть, не зная, что за гробом... | Ворона | Мне не

надо ни терема... | Натюрморт | Весь мир во мне | Тайно стихи пишу... | Мы жили в первом этаже...

Глеб Горбовский 475

Фонарики | Юность | Ни хороший я, ни плохой... | На танцах | А землю трогает снежок... | Все, что я хотел на свете... | Каково? | Я сижу за оконной рамой... | В саду цветы полузавяли... | Мы сидели чинно в парке... | Конкретно я любил Любашу... | В ресторане | Песенка про постового | Песенка про шофера | Лежу на дне коньячной речки... | В подвальчике | На перроне ходят люди... | На колымском тракте – трактир... | Поединок | В час есенинский и синий... | На лихой тачанке... | Выцветшие мелочи...

Яков Зугман 485

Несчастье поселивший...

Герман Плисецкий 486

Я жил в Ленинграде, на Малой Морской... | Василий Алексеич | Автоэпитафия

Роман Сеф 488

Слава мамам и папам... | Кошка пролезла в калитку... | Саня | Моя соседка шьет пальто... | Вагоны – это стулья... | Кибернетические стихи

Михаил Сопин 491

Дым над осенью... | Бой глуше. Дальше. Стороной... | К исходу день...

Василий Аксёнов 493

Я разобью театр без рампы и кулис...

Геннадий Алексеев 494

Какой-то парень | Сфинксы | Безумцы | Моя комната | Отошел | Не найдут | о эта девочка с собакой!.. | Знакомство | Реальный случай | Последняя надежда | Богомазу удалась икона Богоматери... | Глухонемые хулиганы | Лошадь на Невском | На платформе | Накатило | Когда сосны... | Разрушенный мир

Владимир Бурич 503

Я люблю все естественное... | Заповеди города | Чего я жду от завтрашнего дня?... | Теорема тоски | Мир наполняют послевоенные люди... | Чистая случайность | Дуешь в волосы своего ребенка... | Книги не заменят отца и мать... | Путь гражданина | Самолет прошел в темноте... | Чертят «классы»... | Ночь | Я иду за водой... | Я заглянул к себе ночью в окно... | Середина жизни... | Германия–1984 | Я в городской психиатрической больнице... | Деадаптация | Вот и лицо привыкло к бритью... | Профессии разворачиваются... | Проходят годы...

Евгений Евтушенко 508

Свадьбы | Я груши грыз, шатался, вольничал... | Частушечное | Со мною вот что происходит... | А снег повалится, повалится...

Олег Ильинский 514

Курдюк | Вспять поверни

Роальд Мандельштам 515

Новая Голландия | Диалог | Качания фонарей | Ночь листопада | Тряпичник

Яков Островский 517

Матрешка | Полстолетия тому назад

Роберт Рождественский 518

Мелочь | Возвратившись из небытия... | Позавчера | Тихо летят паутинные нити... | Такая жизненная полоса...

Галина Андреева 520

Дорога тянется вдоль сумрачных окраин...

Владимир Британишский 521

В нашем вновь обретенном ленинградском доме...

Андрей Вознесенский 522

Осенний воскресник | Гойя | Лешенька | Я – семья... | Ночь | Песенка травести из спектакля «Антимиры» | Тишины! | Живу в сторожке одинокой... | В толпе меж рынком и кинотеатром... | – Мама, кто там вверху, голенаственный... | Стихи не пишутся –

случаются... | Сон | Тетку в шубке знал весь городок...

Александр Городницкий 528

Кладбище на Таймыре | Перекаты | С детства идолопоклонник...

Сергей Дрофенко 530

Песенка о дождях | Замоскворечье

Владимир Жилин 531

Листва тополей | Дерево разговора | Стоит меж нами некая стена... | О Газырь...[#] | Грушевый дог | Они называют меня стариком...

Михаил Красильников 534

Лесник | «Я не знаком с гносеологией»... | Били человека неизвестно за что... | С утра крутился снег намокший... | Латыш, играющий на коклес... | Звения от каждого толчка...

Владимир Леонович 537

Ветреной ночью платан шелестит... | Век бы жил на этой просеке... | Чужая | В Калязине душном шиповник цветет... | Белоруково

Анатолий Маковский 540

Голубь | Из «Колхозного цикла» (Нынче еду я на машине... | Деревня – это три холма...) | Я пять лет общался с народом... | Отец был пьяница... | Подвел меня один меценат... | Кавказ | Знаю я, что есть Бог на небе... | Капуста | Треугольник электровоза... | Прогулка | Ленин и шаман | Старичок, а, старичок... | Курский вокзал | Хлеб | Композитор Шерстнёв

Юрий Михайлов 550

Пора, пора, гудок гудит... | О зачем, зачем, о боги... | Неправда, все идут вперед... | Нубийская пустыня

Евгений Нестеров 552

Не надо биться об лед решений... | В старом парке, возле гаража...

Андрей Сергеев 553

На мотив Баядерки | На даче | Песня на улице

Юрий Смирнов 556

В полынье ночного неба... | Однажды загорелась... | Я изучаю микромир... | По утрам в поликлиники... | В анфиладах комнат... | Когда венецианский дож... | Ну какая от поэта прибыль... | Что выделывают голуби... | Благословен правитель слабый... | Выси бледные светлы... | Крещенские морозы... | И я уйду, когда приспеет время... | Я видел сон... | Белый южный городок... | Завелто сидлобоки... | Этот сон зеленый неужели... | Вышел в мокрые деревья... | Когда душа от тела отлетает... | Дирижабль | Прелесть пустынного парка...

Александр Тимофеевский 565

Взад-вперед, взад-вперед... | Песенка крокодила Гены | Шла женщина однажды по дороге... | На проспектах твоих запыленных... | Он ищет читателя, ищет...

Валентин Хромов 567

В тот вечер, возвращаясь с пьянки... | Лебедь и блядь – два волшебные слова... | Пастернак писал на эсперанто... | Эва, дева... | День вылетел в трубу с трудом... | Я увидел тебя...

Леонид Чертков 569

Шемякин суд | Я на вокзале был задержан за рукав... | Бесценный аромат прижизненных изданий... | Еще одна басня | Я сам себя не выражал... | Действительно, мы жили как князья... | По Ленинграду как по льду...

Геннадий Айги 571

Облака | Сон: очередь за керосином | Запись: Arorhatic | Лес: встреча-юноша | Без названия | Теперь всегда снега | Голод–1947 | Стихотворение-название... | Нет мыши | Спокойствие гласного | Вечер

Александр Аронов 577

Что ж это ты, печальная... | 1956-й | Пророк | Песенка о собаке | Веселенькая история | Остановиться, оглянуться...

Ефрем Баух 582

Гулкий короб зимы...

Евгений Бачурин 583

Посвящение Беранже | Как хорошо | Чашушки

Юрий Визбор 585

Вставайте, граф! Рассвет уже полощется... | Рассказ технолога Петухова...

Новелла Матвеева 587

Песенка о бедном придворном | Дворник листья неохотно ворошит... | Какой большой ветер! | Дома без крыш | Испанская песня | Пожарный | Я мечтала о морях и кораллах... | Девушка из харчевни

Александр Морев 593

Гойя | Если начнется дождь...

Всеволод Некрасов 594

И я про космическое | Серый серый ветер... | Молчу / молчи... | Тут и ель... | Идут тучи... | Утро / Утро есть утро... | Крыши крыши... | Весна весна весна весна... | Это там... | слово соловей... | Свобода есть... | Первое мая... | Из Пушкина (Товарищ верь...) | Ну / море волнуется | холодно / откроем окно... | Луна / А... | Месяц месяц... | Погоди / Я посмотрю... | я уж чувствую... | Малаховка... | И опять так захотелось сказать... | увидеть Волгу... | когда мы ездили на юг... | речь ночью... | к п р с т ф... | Всё всё хорошо... | Я помню чудное мгновенье... | Пушкин-то... | Из Пушкина (Луна Луна Луна Луна...) | Ян Палах... | это не должно повториться... | Возможно / Это и не совсем то... | Вот / Дети видите...

Михаил Нилин 606

Разговор | Из Достоевского | Коля, с алко-голем не шути... | Оргии – парторгу... | Обком. Кубометр... | Простодушная женщина... | Мы вас разбронировуем... | За процветание стран народной демократии... | Еле-елешная жизнь... | У меня всё, Сева... | Хорошо и актуально... | Ступайте, ваше степенство... | Товарищ, закругляйтесь... | ...есть и девки мужское надевают | В Афганистане не победили... | Ее все трахают, а помочь никто не хочет | ...поэт Евтушенко... | Олдовая...

| Пардон, в парадном... | – Выпьешь?.. |
Единый политдень | Подозрителен, наряду
с Фетом... | Шестая часть суши, старичок, под
русскими | Город Николаев... | [«НОВЫЙ
МИР»] | В победу-то [пролетариата]... | –
Скажите, кто вас звал?.. | Ничего. А свояче-
ница... | Дяде Игнату... | Жалобно белели
розы... | ветхозаветного партхозактива | Я
обратно очень за тебя рада | Скотчем, чем.

Анатолий Передреев 612

В переулке | Кондуктор пригородного

Вадим Черняк 613

Мальчишка | Вот поредевший ельник... |
Там, почти в первобытной тиши... | Третий
день кружится снег...

Леонид Агеев 616

Март 1953-го | Юность фэзэушная | Ты ро-
ди мне сына Ваню...

Сергей Вольф 618

Ракетная игрушка... | Сяду я на саночки...
| Шел по улице зверек... | Моя жена печет
блины... | Мне на плечо сегодня села стреко-
за... | Взлет пузатого жука на дорожке даль-
ней сада... | Влюбиться в бармена!.. | Вот
тупая река... | Разбитая бутылка на столе...
| Гусеница в палатке всю ночь проходила по
стенке... | Когда из преднебесья, из пустот...
| И в этом маленьком лесу... | Оловянные
желоба... | Трубку мерзкую курить...

Михаил Гаспаров 624

Калигула

Яков Гордин 625

Холодная кровь | Воспоминания о Татар-
ском проливе | Не отречение на огне... |
Кого мне вспомнить в эту ночь?..

Рид Грачёв 628

Контролеру | Среди растений | Собака

Василий Казанцев 632

Когда я бежал за последним вагоном... |
Доски | Между сосен тонких, рыжих... |

Сидели два детины... | Этот хочет убедить...
| К утру окреп тончайший лед...

Станислав Красовицкий 635

Мы в длинном как Ладога доме... | Натюр-
морт | Любовница палача | Машинистка |
Элегия | Кто не хочет блеснуть... | А вдоль
дороги – желтая вода... | И кончено барсу-
чье лето... | Белоснежный сад | Шведский
тупик

Юрий Панкратов 641

Крыли крышу... | Кошара | Тергеш | Дет-
ское | Небо стало очень... | Весенняя пе-
сенка | Синий день

Юзеф Пресняков 646

Пройти сквозь толпу, никого не задеть лок-
тями... | Что там, за последним вздохом...
| Опять соловьи?.. | На фоне блёклого са-
тина... | У меня жена такая... | Она мне го-
ворит... | Мне кажется, я жил чужою, вялой
кровью...

Евгений Рейн 648

Сосед Котов | Под северным небом яснее
всего... | Темный дождик в переулке... |
Монастырь | Про ворона | Таруса | Памяти
Аркадия Штейнберга | Дом Мурузи

Олег Тарутин 653

Финал | Медичи | Гражданин по кличке
Фуга...[#]

Владимир Тымнетувге 656

Был я невнимательный...

Лира Абдуллина 657

Это море мне... | Все, что звали мы лю-
бовью...[#]

Мария Андреевская 658

Ельник, пальцы растопылив... | Ночью
с открытым балконом | Снегурочка

Дмитрий Бобышев 659

Со мною девочка идет, Наталья... | Жизнь
достигает порой... | Крылатый лев сидит с
крылатым львом... | Коготь | Все четверо

Леонид Виноградов 663

Мы – фанатики. Мы – фонетики... | Марусь! Ты любишь Русь? | Я смело вышел на арену... | Небо наклонилось... | Из-под арки ветер дует... | Десять дней спустя... | Я с фотопортрета... | Кто-то пашет землю... | На мой медный грошик... | Когда туда войдешь, то там легко... | Самое святое... | Мутно небо... | У березки... | Мойры, Майя, Мойры, Майя... | Вербует верба воробьев... | Вороны как хлопья... | Тропинкаприлиплаботинку | Качнулась ветка... | Вдыхает жук... | Что там за атмосферой?... | У кого ключи от рая?... | Знает город, знает весь... | На небесной книжной полке... | Красит краской одной хлорофилл... | Что за гробом?... | Эй, невидимый и белый... | Я – паучок. Я паутинку тку... | Я – червячок... | Человек не из фанеры... | И громко закричала Муза... | Я не пытал, не убивал... | Рассказать тебе сказку про белого бычка?... | Как посмотришь на Россию... | Трава и ветер... | Тяжело коню... | Ося Б., Ося Б.... | Читает телка... | Выдает себя желе за... | Несу с базара сельдерей... | Будущее не наступает... | Стоит Крест... | Дыр бул щир... | Меня как будто кто-то удит... | После салюта... | Говорить-то не с кем...

Анри Волохонский 671

Марсий | Монумент | Рай | Галилея | Летею | Собаки лают лают лают лаяли | Почему она танцует?..

Наталья Горбаневская 675

Хоронили управдома... | Любовь, любовь! Какая дичь... | На пороге октября... | Шел год недобрых предсказаний... | Там, где Кривокардинальский переулочек... | Душенька блуждающая, нежная... | В ожидании конца...

Олег Гриценко 679

Ни жены, ни детей... | – Мой папа – механик... | Весна, весна, душа томится...

Игорь Губерман 681

Мой небосвод хрустально ясен... | По ветвям! К бананам! Где успех!.. | Бывает – проснешь-

ся, как птица... | Давно пора, ебена мать... | Когда мила родная сторона... | Не стесняйся, пьяница, носа своего... | Ты кукуешь о праве и вольности... | Свежестью весны благоуханна... | Как давит стариковская перина... | Отца родного не жалея... | Летят года, остатки сладки... | Я Россию часто вспоминаю...

Юлий Ким 683

Рыба-кит | Губы окаянные | Бомбардиры | Ходят кони | Волчье детство | Куда ты скачешь, мальчик? | Давайте простимся | Подколесин

Сергей Кулле 688

Когда у меня появятся первые сыновья... | Степан Парамонов | Нам надо много денег на дорогу... | Мы – товарищи по несчастью... | Где первые ручьи?... | Где горка для зимы?... | Автопортрет | Да еще бы увидеть Москву... | Не хочется... | Что говорит... | Как холодно... | Из Эпитафий (Может быть, можно...) | К Ангелам (Или, если можно...) | Кувыркаться... | Из Эпитафий (Сколько было детей на Крестовском...) | Из Эпитафий (Давайте я умру...) | Идет такой эксперимент...

Александр Кушнер 694

Выручает звездный тамбур... | Танцует тот, кто не танцует... | Ваза | Но и в самом легком дне... | Еще чего, гитара!.. | Среди знакомых ни одна... | Вижу, вижу спозаранку... | Конверт какой-то странный, странный... | Расположение вещей... | Большой неизлечимо... | Как хорошо, история крутая... | Сентябрь выметает широкой метлой...

Анатолий Найман 700

Словно ветер дунул наконец-то... | На смерть Юрия Галанскова | В лучшей части души, то есть в части, пустой... | Подожди-те, я здесь занял очередь...

Николай Рубцов 703

Разлад | В океане | Зимняя песня | В горнице | Цветы | Букет | В полях сверкало. Близилась гроза... | Зимним вечером |

Встретил нас Налдеев, встретил нас Шувалов... | Про зайца | Из восьмистиший

Нонна Слепакова 710

Зал ожидания детей... | Воскресенье | Мечта | Последний раз в ЦПКО

Виктор Соснора 713

Рогнеда | Скоморохи | Догорай, моя лучина, догорай!.. | Новороссийская ночь | Такая жизнь | Певица* | Не спрашивай, кто я, – не знаю я... | Вот и ушли, отстрелялись, солдаты, цыгане...

Виктор Филин 718

Очарование бабьего лета | Снегопад | Восход солнца над кирпичным заводом | Опавшая кудрявая береза | Два белых облачка летят в обнимку | Листопад | Дождливо, холодно и ветрено

Белла Ахмадулина 719

Я думала, что ты мой враг... | По улице моей который год... | В тот месяц май, в тот месяц мой... | Деревни Бёхово крестьянин... | Смерть совы

Илья Бокштейн 724

Поэма любви | Тишина | В одном ученом дневнике... | я хочу ничего не хотеть...

Евгений Герф 725

Со всеми теми я расстался... | Свет холодный, восковой... | Вьюга! К югу аккуратнo... | Теплота и тишина... | Гляжу на два пропуска, выставленные в окне кабины автобуса | Вечер. Вышли жители... | Серпами черными стрижи... | Нельзя свободу рамкою оправить!.. | Снег на улице Герцена | Куда продлеваются длины?.. | Ты пела или говорила?.. | Просим вас сообщать машинисту... | День ледяной... | «Цвирк! цвирк!» – расцвиркался ртутный... | Призывы октября | Квадратик голубой косынки... | Цвет осени, конечно, – об одном... | Начинается колдовство... | Стало золото цветом – гончарное... | Это – мне. Вся эта морось... | Мокрой листвы царственная...

Михаил Ерёмин 731

Сшивает портниха на швейной машинке... | Переплавил не в золото – в никель... | У дынь, как у донных рыб... | По-за кряквой ходит селезень... | Будет куплена новая мебель | Почему крабы выпучены... | Сохатый крест рогов как идола... | Ткань иволги, деленная на клетки птицелова... | Лань изорвала пальчиковыми копытами... | Пути (Происхождение забыто...

Илья Иослович 735

В деревне Малые Мазаи... | Господь нас встретит у ворот... | Был слышен скрип тугой резьбы... | Уже никогда мы не будем вместе... | Зима, кончается бассейн...

Владимир Капелько 738

Оленя мне жалко немножко... | Дремучие длинные дыни... | На Бийском базаре...

Вадим Козовой 740

Песня | Домашнее

Александр Кондратов 743

...А жить-то надо! Надо жить... | Говорят, мы с пользой... | Задавили на улице гадину... | Надпись на стене казармы | Поединок роковой | Дискбол | Путь | Каток | Чужак | Быт | Полумолитва | Де профундис | На негодяев

Арон Крупн 746

Сигарета

Лев Лосев 747

Слон | Кантата «Vagina Dentata» | В полосе отчуждения | Пушкинские места | И наконец остановка «Кладбище»... | Сон | Песня | Нет | «Земля же... | Подражание | Воскресенье. Тепло. Кисея занавески полна... | С грехом пополам

Ефим Мандель 753

один пижон... | сентябрь / последняя пора маслят... | два старика весну встречали... | камбала оригинальна... | для бумажек дураков... | идет священная война... | пошлю все к черту... | в Болдино цветут пруды... | как ложится с ней в кровать... | ну нет леченья...

| расщепляя атом... | в кафе сидела девушка... | в кузнечихинской пивнушке...

Арво Метс 756

Трудиться. Порой улыбаться... | Моторы, собранные нами... | Бездомная собака... | Далеко, как в опрокинутом бинокле... | Вешая пеленки... | Внимательно смотреть... | Время и пространство...

Юнна Мориц 758

Резиновый ежик | В серебряном столбе... | Положи этот камень на место... | Большой секрет для маленькой компании | После войны | Одна звезда – фонариком зеленым... | Весело было нам на моих поминках...

Алексей Решетов 762

Фантастический флигелек... | Я с природы осенней... | Вальдшнеп | Журавли собирают пожитки... | От кирпичного завода... | Поздняя осень. Дожливо. Темно... | Любимая, стой, не клянись, все равно... | Темные, как по ночам облака... | Невеселое вино... | Дерево возле пивного ларька... | Мы с тобой – огонь и лед... | Если бы читатели сказали... | Друг работал в кочегарке... | Что смерти и сильнее и страшней?..

Игорь Старинин 766

Камень подвернулся под косу... | Оглянусь на юность...

Эдуард Успенский 767

Пластилиновая ворона

Владимир Уфлянд 769

Я искал в пиджаке монету... | А чем ты думаешь заняться... | Ореолом решимости окружена... | Что делать, если ты художник слабый?.. | Сиденье дома в дни торжеств... | Исповедальная поэзия зоны | Крестьянин крепок костями... | Вы – буржуа. Мы – пролетарии... | Уже давным-давно замечено... | Свет зажгли синевато-зеленый... | Рассказ женщины | Набрав воды для умывания...

Евгений Феокистов 776

Оставив за спиной прощальный крик...

Сергей Чудаков 777

Пушкина играли на рояле... | В министерстве осенних финансов... | Ипполит, в твоём имени камень и конь... | С милицеских мотоциклов... | Ничего не выходит наружу... | Сон в стиле Блейка | Этот бред называемый миром... | Поднимаешь бокал и еще пошалишь... | Все четвертьтона и полумеры... | Нет, нас воткнули неспроста... | Лунная полька | Жизнь щекочущая скупа... | кристалл замерзшего вина... | В пальто с какого-то покойника... | Как новый де Грие, но без Манон Леско... | Чем питается ссыльный. Чем Бог пошлет... | Не стреляйте я военнопленный... | Легкой походкой послетюремной... | Но я еще найду единственный размер...

Олег Чухно 786

Тоска | Бабочка присела у огня... | Что нужно?! – Высохла трава...# | Застыли почки на челе...#

Геннадий Шпаликов 787

Лают бешено собаки... | Долги | В Ленинграде | На меня надвигается... | Ах, утону я в Западной Двине... | Батум | Я шагаю по Москве, Как шагают по доске... | Бывают крылья у художников... | Тебе со мною скучно... | То ли страсти поутихли... | Людей теряют только раз... | Понедельник, понедельник... | По несчастью или к счастью... | Зубы заговаривал... | Спаси меня, Катя Васильева... | Обожал я снегопад... | О, когда-нибудь, когда?..

Владимир Щадрин 795

На посту | Как ни посмотришь в окошко... | Поезд пошел так абстрактно... | Аферисты | Продолжение рода | Десятки встреч. И каждая похожа на разрыв... | С природы | Неосторожным колесом... | Львиный зев | Из потока сообщений

Дмитрий Авалиани 798

Одуванчик, ты уж сед... | В траве на дне травы... | Птица в воздухе и в клетке... | И в жизни сей хреновой... | Холодный птичий взгляд... | Что надо, чтоб летать?... | Та жен-

щина, что только не дает... | Я ящерка... |
Анаграммы: Совпадения наши... | Аз есмь
строка... | ива, лиана... | Я ласточку... |
Слепо топчут... | Великан присел... | огра-
ниченность... | несносны нонсенсы | Чем я
водим? Чем я двоим?... | Округли приятно
старину, огни... | Героичное забыто... |
Грызня. Материал тосклив... | Художества...
| Мир в агонии... | Мир и гавно... | Мелан-
холия... | Идиот – мерка демократии |
Особняки сверкали... | симметрия – имя
смерти | *Палиндромы*: Дорого небо, да на-
добен огород | Зов ангелов: о Русь! Сурово
лег навоз | Ах, у печали мерило, но лире
мила чепуха... | Я сличил то и то – вот и от-
личился! | Венер хотят, охренив... | Меж я
лилиями ног... | Лег, нахал, а как скакал!..
| Я ем, закусывая и пия... | Мы дунем, а зву-
ку в замену – дым... | Я или суетен, или не те
усилия? | Я сущ? – Тщуся | У тени или мафии
фамилии нету | Мир, о вдовы, водворим |
Муза! Раняшь шилом опыта... | Тише, разум.
Муза решит | Да, небо дано, но надобен ад
| Ад я лишил яда | А дебилов томит – им от
воли беда | Унял горд ум... | Тут чудачи цы-
каду чтут | Жуем, лохань трем... | Нече выть,
ты вечен | Игле небес в себе не лги | Мы вели-
ки левым | Я и ты – база бытия... | Море
могуче, в тон ему шумен, ответчу Гомером...
| – Алчу!.. | – Юного день, лети!.. | Режу фи-
гурки... | Учло мя небо... | Тут чтут... | Я –
Митек-сатир... | *Панторифмы*: Не бомжи
вы... | На мне дом, узы... | Поле сухо, жук
устал... | В орнаменте... | Или бар да клуб
янки... | По этапу тьмой... | Луч шепотом...
| Сплющен ком... | Истиной мыслились... |
Пойду, шаман, долиною...

Вагрич Бахчанян 809

Советское пространство | ОТМЕРЬ... | по-
следний день помпеи... | Коллаж из Маяков-
ского | Приказы

Владимир Высоцкий 812

За меня невеста отгрыдает честно... | Сего-
дня я с большой охотой... | Моя цыганская
| Милицейский протокол | Кони приверед-
ливые | Купола | Две судьбы

Евгений Головин 820

Аккордеон | Эльдorado

Семён Гринберг 821

Собравши Ларину бутылку молока... |
Сонет

Владимир Казаков 822

Этап | Вечерние сумерки | осенний дождь
полуослепший... | вы помните ли вы... | Зим-
няя ночь | Набережная 4 | Смерть князя
Потемкина | был бал графини и маркизы...
| Дитя | Ночное вязание | Интермеццо |
вечер – это не время, а слово...

Юрий Карабчиевский 827

Обрываются в море скалы... | Чужое окно
| Идущие мимо

Владимир Ковенацкий 829

Человек с головой коня | Очередь | Марси-
ане | Марсианин | Король Сатурна | Путь
во мраке, путь во мраке... | Про дядю Кешу
| Песня упыря | В театре | Я увидел между
делом... | Это было никем не замечено... |
Мой дядюшка намедни спятил... | Дядя Миша
на гармонии... | Дядя Яша Остахов | Я нена-
вижу слово «мы»... | Видел я немало лоша-
дей... | Сонет о чугунном шаре | Как золо-
тые липы хороши... | Вот весна пришла
опять... | О творчестве | Тлеет небо, лужи,
сырость... | Чирикают птички, и утро такое...

Александр Козлов 837

Средь высоких хлебов затерялся Петров...
| Татарин сожрал килограмм маргарина...
| Ветер | Полковники | Печенег | Таракан

Александр Лайко 840

Станция «Пески»

Людмила Петрушевская 841

Рая / мы пришли к ней за молоком... | ста-
рики пашут... | На базаре (трио)

Владимир Попов 844

Глубокая осень | Стихи о травме | Шум ле-
дохода нас разбудит... | В пяти верстах от

леспромхоза... | Он сидит, как государь... |
Ночь осенняя. Избушка...

Валерий Рубин 847

Ваше дело – голова...

Светлан Семеновна 848

Между черемухой и сиренью | Весенняя
элегия

Михаил Соковнин 849

У- ли- зну- ли | За- ли- за- ли | Фар- фор |
Ком- ком | Ши- ши | Гос- гор- технадзор |
Цер- бер | По опы- ту по- топа | Лю- блю...
| Двоеточие... | Жаба | Май мнуц, маняц
и зеленыяй | Небо серое-серое... | Самовар.
Сеновал... | О погоде | Электричка | Огонек
| Обсерватория | Москва–Пермь–Москва.
Поэма набросков | Разлив Оки | Мы рыбы.
Нас из моря смерти...

Алексей Тимаховский 859

Осоед | Цвета способны двигать таракана...

Олег Чухонцев 860

Этот город деревянный на реке... | Мера
такая: два на три аршина... | во сне я мимо
школы проходил... | Так много потеряно,
что и не жаль ничего!.. | Послевоенная бал-
лада | Стоит село... | Без хозяина сад заглох...

Игорь Шкляревский 864

И лошади лицо и морда человека... | Огни
поселка за холмом!..

Об авторах 1-го тома | комментарии 865

**Русские стихи
1950–2000 годов**

Антология
(первое приближение)

В двух томах

Том 1

дизайн и вёрстка И. Бернштейн

Подписано в печать 12.04.2010.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура CharterC.
Печ. л. 57,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Летний сад»
121069, Москва, ОПС 69, а/я 46.
сайт <http://letsad.info>
e-mail letsad@letsad.info

Отпечатано
в ОАО «Типография «Новости»»
105005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

Замеченные опечатки

том 1

3

В антологии представлено 575 авторов.

5

снять дату

(да и само произведение)

60

рубчатым

69

Вороны да Серый

- ударение

80

<1946>

88-90

Алла Зимина, даты:

Веретено 1956

Иван, не помнящий родства 1964-1978

Леший 1965

Прохожий 1969

91

Кузин (1903-1973)

103

Сика-Лиса - заголовок

107

Лев Болтовский (1928-1996)

значит, д.б. после Берестова, с.403

179

Чекист / дата < 1950

181

ласково

206, 207, 211 (Стефанович)

Очнешься вдруг на крайнем рубеже... 1943

Валерьяны снотворные капли... 1943

«В каких-то травах невысоких... 1940

Жизнь беспомощно пятится... 1942

214

Ссылный, сосланный — за что? про что?

— Никому не известно.

А ему не только в тюрьме тошно,

Ему и на воле — тесно.

(ударения поставлены неправильно, надо на 2-е о в "тошно")

216

цитаты из Князева д.б. сдвинуты вправо
немного и одинаково в посл. и предпол.
строфе

246-8

С глазами-бусинками примитивной твари...

1940

тротуарных

С вечерней смены, сверстник мой... 1949

264

Глеб Сергеевич

281 (Глазков)

Все, которые на крыше... 1948

Давным-давно... 1942

Луна на дереве висела... 1942

314

Сорокин лез целоваться к Юле

331

Накрытый

Вонючий труп с еще живыми рядом

377

Осенью

393

Эдуард Робертович Гольдернесс (1927-1967)

410

и может быть даже еще удивительнее

413

Она мне говорит

А я в ответ
Она не отстаёт (- вставить)
Я — нет и нет

422

1953

444

Березка, русская березка...
- это, оказывается, первая строфа из 16-
строчного ст-я:

Вариация березы

Березка! Русская березка -
Ты, если сравнивать цветистей,
Не девушка, а папироска,
Окутанная дымом листьев.

Бог раскурил тебя и бросил.

Вниз осыпается твой пепел,

А дух, он ввысь плывет без вёсел -

Такого запаха лес не пил...

Слюной Творца блестит на срубе
Прозрачный сок и каплет наземь.

Так погубили, чуть пригубя:

Что делать с этим безобразьем?

Он - Бог... его не оштрафуешь

За нарушение гигиены...

И ты годишься на строфу лишь,

Прообраз девы убиенной.

31.01.58

448

Роман Шмулович Рутман (род. 1934)

д.б. на с.613 перед Черняком

506

"Германия-1984". Слово "очитков" должно быть
втянуто

567

Хромов, дата:

Пастернак писал на эсперанто 1960

581

Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться.

Ботинком по снегу скребя,
Остановиться, оглянуться,
Увидеть день, дома, себя
И тихо-тихо улыбнуться...

Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть,
Остановиться, оглянуться
- 3 зпт минус, 2 зпт плюс, вам в 4 строке

591

"Я мечтала о морях и кораллах..." не Н.
Матвеева а Роберт Рождественский

593

Морев, стихографика д.б. такой:

Если начнется дождь,
 все равно буду стоять у букиниста.
Если начнется война,
 все равно буду стоять у букиниста.
И если меня не будет,
 все равно буду стоять у букиниста —
 незримый, как ветер,
 шевелить листы пожелтевших книг.

604

это / не должно повториться

606

1945

656

В. Тымнетувге не писал приведенное четверостишие,
так что со с.897 справку о нем можно убрать
со с.915 содержания также можно убрать
и в Т.2 из индекса на с.875 также можно
убрать

734

В паутине зеркала различимы слезки-гвоздики,
Зяблости не кончиться ни вечером, ни днем,
- зпт 2 р.

773

Свет зажгли синевато-зеленый.
Взрыв какой-то раздался. И звон.

728

«День ледяной...»:
Вместо «взволнованный» следует читать
«взволнованный»

856

Тукаевская, Нур-Баян

869

Барто Агния Львовна (урожд. Волова; 4 (17)
02.1906 (по др. свед. 1907), Москва -
1.04.1981, там же)

872

Вольпин:
книга "Весенний лист"

873

Гаврилов 12.07. 1931

875

Гольдернесс Эдуард Робертович (1927,
Новороссийск (?) - 7.10. 1967, Москва)

876

Громов 15 (28).12. 1914
Дрофенко Сергей Петрович
Избранная лирика. - М., 1972.

878

Алла Зимина [26.08 (8.09). 1903 Козлово
Зарайского уезда Рязанская губ.

881

В справке о Красильникове: Лесник

882

Кузин - 26.04. 1973
жил в поселке Борок
Кустов - 14.06. 1970

883

Леонович
Панешь - упадешь.

884

Мандель 15.05. 1937
В справке о Роальде Мандельштаме - "сын
американского коммуниста".

886

Метс 29.04. 1937

888

Некрасова 18.01. 1912 Пермской губ.
Нилин 17.08. 1945

889

Одоевцева (собственно Ираида Густавовна
Гейнике; 23.07 (4.08). 1895)
Островский (род. 24. 01. 1932)

890

Пастернак - справка

Португалов 18.06. (1.07). 1913

891

Пресняков Юзеф Васильевич

(9.12. 1935, местечко Красное, Тывровский р-н Винницкой обл. - 13.05. 2005, Москва)

Прохожий

в «Гранях» в № 59 (1965)

892

Евгений Рейн:

Против часовой стрелки. Эрмитаж, 1991

893

Семёнов Глеб Сергеевич

894

Юрий Смирнов

В 1959 окончил Московский ин-т инженеров городского строительства

896

Стюарт 15(28).09. 1906

<http://sds.sinor.ru/lib/zema/stu/1/index.php>

Тарутин - 2.09. 2000

Терентьева

(9.02. 1906, Вилькомир Ковенской губ. (ныне Укмерге, Литва) - 25.08. 1996, Москва)

897

Тоом

(13.1. 1921, Московская губ. - 3.06. 1969, Москва)

898

Ушаков Николай Николаевич

[25.05. (6.06). 1899

899

Чиннов

12(25).09. 1909

900

Чуковская

11 (24).03. 1907

902

В справке о В. Ярыгине: «был в заключении» —
неточность

904

вычеркнуть Стансы Смоленского

906

вычеркнуть Чекист Домбровского

907

вычеркнуть:

Очнешься вдруг на крайнем рубеже...

Валерьяны снотворные капли...

«В каких-то травах невысоких...

Смерть кольцом окружает единым...

Жизнь беспомощно пятится...

907-8

вычеркнуть:

С глазами-бусинками примитивной твари...

С вечерней смены, сверстник мой...

910

Ваншенкин

Осенью

Ли́ра Абдулли́на 657 | Дми́трий Авалиани 798 | Леони́д Агеев 616 | Гео́ргий Адамови́ч 32
176 | Ю́з Але́шковский 432 | Дани́ил Андре́ев 117 | Га́лина Андре́ева 520 | Ма́рия Андре́
Ахмаду́лина 719 | А́нна Ахма́това 17 | А́нна Ба́ркова 75 | Ви́лен Ба́рский 449 | А́гния Ба́р
Евге́ний Ба́чури́н 583 | Ю́рий Бе́лаш 295 | Ва́лентин Бе́рестов 399 | Си́мон Бе́рнштей́н 37
107 | Влади́мир Бри́танишский 521 | Ива́н Бу́нин 4 | Влади́мир Бу́рич 503 | Ива́н Бу́ркин 2
Ви́льямс 389 | Леони́д Виногра́дов 663 | Евге́ний Виноку́ров 379 | Андре́й Вознесе́нский
Во́льф 618 | Влади́мир Высо́цкий 812 | А́ркадий Га́врилов 472 | Влади́н Га́врилчи́к 435
177 | Никола́й Гла́зков 275 | Гле́б Гли́нка 81 | Васи́лиск Гне́дов 23 | А́лександр Го́лемба
Го́рди́н 625 | А́лександр Го́родни́цкий 528 | Ри́д Гра́чёв 628 | Се́мён Гринбе́рг 821 | Оле́г
Дори́зо 343 | Серге́й Дро́фенко 530 | Евге́ний Евту́шенко 508 | Ива́н Ела́гин 256 | Миха́й
Бори́с Захо́дер 262 | Миха́йл Зе́нкевич 6 | А́лла Зи́мина 88 | Влади́мир Зло́бин 44 | Я́ков З
442 | Влади́мир Каза́ков 822 | Васи́лий Каза́нцев 632 | Миха́йл Ка́змичев 62 | Влади́мир К
Ки́рсанов 121 | Дми́трий Кле́новский 36 | Анато́лий Кле́щенко 331 | Бори́с Кли́мычев 46
Кондра́тов 743 | Ге́рцен Ко́пылов 384 | Нау́м Коржа́вин 386 | Влади́мир Корни́лов 403 |
| А́рон Кру́пп 746 | Алексе́й Кру́чёных 7 | Бори́с Ку́зин 91 | Серге́й Ку́лле 688 | Па́вел Ку
Левита́нский 337 | Влади́мир Лео́нович 537 | Се́мён Липки́н 187 | Инна́ Лисня́нская 406
Анато́лий Ма́ковский 540 | Ефи́м Ма́ндель 753 | Роа́льд Ма́ндельшта́м 515 | Анато́лий Ма
Новелла́ Матве́ева 587 | Миха́йл Мату́совский 244 | А́лександр Ме́жиров 344 | А́рво Ме́тс
Никола́й Мо́ршен 246 | Влади́мир Му́равьёв 407 | Влади́мир На́боков 65 | Анато́лий Най́м
Несте́ров 552 | Андре́й Нико́лев 54 | Миха́йл Ни́лин 606 | Гео́ргий Обо́лдуев 64 | Ю́рий
Охри́менко 347 | Никола́й О́цуп 51 | Ю́рий Па́нкратов 641 | Миха́йл Па́нов 299 | Бори́с П
| Ге́рман Плисе́цкий 486 | Влади́мир По́пов 844 | Ва́лентин По́ртугалов 214 | Алексе́й Пр
Прохо́жий 392 | Па́вел Ра́димов 10 | Евге́ний Ре́йн 648 | Алексе́й Ре́шетов 762 | Роберт Ро
412 | Я́н Сату́новский 217 | Миха́йл Све́тлов 101 | И́лья Сельви́нский 68 | Све́тлан Се́мен
Бори́с Слу́цкий 285 | Я́рослав Сме́ляков 229 | Ю́рий Сми́рнов 556 | Влади́мир Смо́ленский
Со́пин 491 | Ви́ктор Со́снора 713 | И́горь Ста́рини́н 766 | Никола́й Сте́фанови́ч 206 | Ели́за
184 | Ма́рия Тере́нтьева 136 | Алексе́й Тима́ховский 859 | А́лександр Тимофе́евский 565
Влади́мир Ты́мне́тувге 656 | Эдуа́рд Успе́нский 767 | Влади́мир Уфля́нд 769 | Никола́й Уш
Фле́шин 428 | Лев Ха́лиф 471 | И́горь Хо́лин 313 | Ва́лентин Хро́мов 567 | Моисе́й Це́тлин 1
350 | Серге́й Чу́даков 777 | Ли́дия Чу́ковская 149 | Корне́й Чу́ковский 5 | Оле́г Чу́хно 786
И́горь Шкля́ревский 864 | Ге́ннади́й Шпа́ликов 787 | А́ркадий Ште́йнбе́рг 156 | Влади́ми